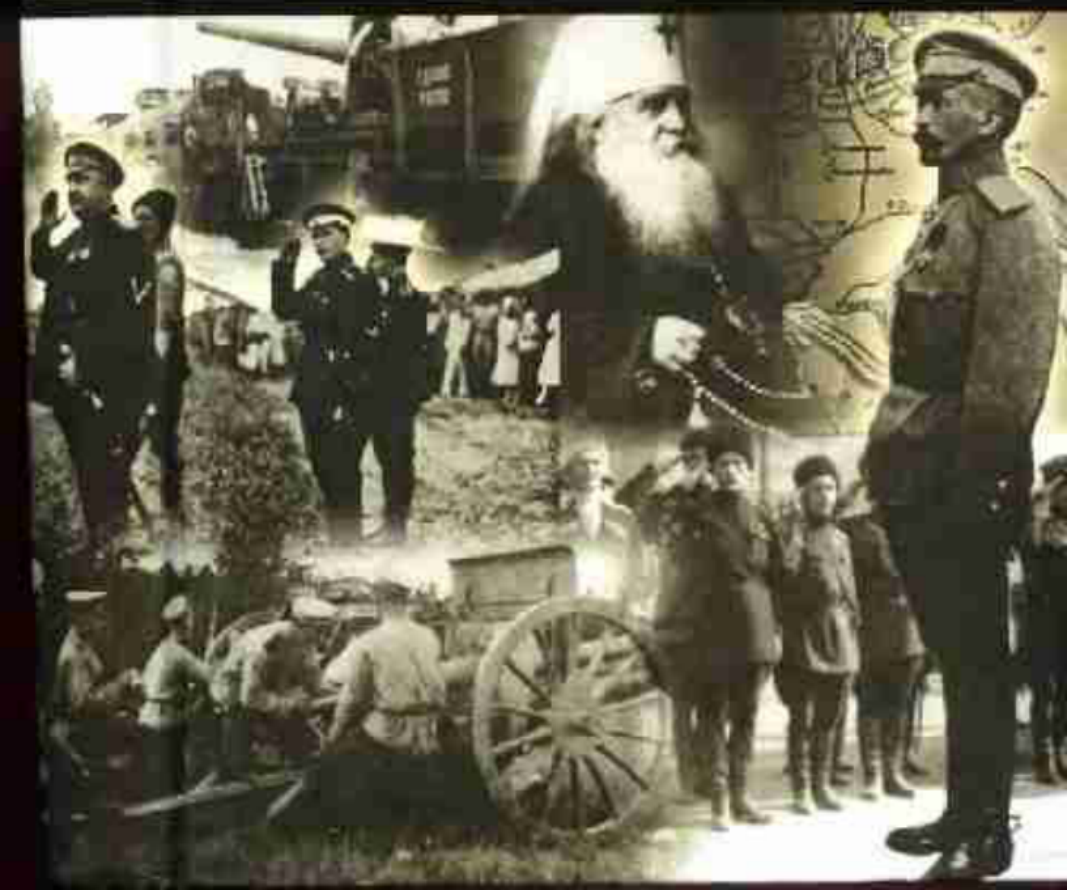
Белое движение

Белое движение

Исторические портреты



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге, составленной ведущими специалистами по истории Белого движения, собраны биографические очерки о наиболее известных руководителях антибольшевистской борьбы на Юге России: Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева, А.М. Каледина, А.И. Деникина, П.Н. Краснова, М.Г. Дроздовского, А.Г. Шкуро, К.К. Мамантова, А.П. Кутепова, П.Н. Врангеля, Я.А. Слащова-Крымского. На основе новейших исследований авторы предлагают объективно взглянуть на жизнь и деятельность этих генералов.

Книга рассчитана на всех, интересующихся историей России XX века.

- «ГЕНЕРАЛ ХАРЬКОВ»
- ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ
  - ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ Л. Г. КОРНИЛОВ.
  - ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ М. В. АЛЕКСЕЕВ
  - ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ А. М. КАЛЕДИН
  - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. И. ДЕНИКИН
  - ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ П. Н. КРАСНОВ
  - ГЕНЕРАЛ-МАЙОР М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ
  - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. Г. ШКУРО
  - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ К. К. МАМАНТОВ
  - ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ А. П. КУТЕПОВ
  - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БАРОН П. Н. ВРАНГЕЛЬ
  - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Я. А. СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

«ГЕНЕРАЛ ХАРЬКОВ» (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Рассказывали, будто в 1919 году, в британском парламенте и чуть ли не самим премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, была произнесена историческая фраза о помощи «русским генералам Колчаку, Деникину и Харькову». Она вошла в поговорку, стала предметом многочисленных злорадных цитирований — например, английская дама из «Университетской поэмы» Набокова, очевидно, вслед за главою кабинета,

> ... полагала, между прочим,
> что Харьков - русский генерал, —

и превратилась в символ очередной европейской безграмотности, своего рода «развесистую клюкву» XX века.

Но вправе ли мы потешаться над нею?

Британского политика, в общем, можно понять: когда же это Европа, в роли союзницы или противницы, входила в дела своей великой соседки настолько глубоко, чтобы не путать имена и названия, не говоря уж о понимании смысла происходивших в России событий? И не более ли жалкими выглядим мы сами, в течение долгих десятилетий лишенные знания о своей собственной истории — о самых ее драматических, переломных моментах? И если нас хватает на то, чтобы посмеяться над анекдотическим «генералом Харьковом», - не возмещается ли это легкостью и готовностью, с которой заглатывается любая «развесистая клюква» из скороспелых сочинений, изготовляемых на потребу читающей публики чуткими к переменам авторами?

Да и насколько велики перемены?

Нет спору, еще пятнадцать лет назад трудно было представить себе саму возможность издания в России массовыми тиражами мемуаров участников Белого движения и литературы о нем (исключая, конечно, непременные «крах...» и «агонию...»). За эти годы отошел в прошлое заговор молчания вокруг многих имен, событий, проблем отечественной истории. Но до чего симптоматично, что первые же шаги в этом направлении сопровождались рефреном многоголосого хора: «Не надо... не надо... не надо менять плюсы на минусы!»

Разумеется, приспособленчество и хамелеонство всегда отвратительны и редко приводят к научным и литературным

удачам, и вряд ли может вызывать уважение человек, сегодня восхваляющий Колчака, а два десятилетия до этого не просто бывший «продуктом», членом «советского общества» (какими были и многие из нас), но занимавший видное место и приложивший руку к *воспитанию* и других «советских людей» своими сочинениями о «красных героях» - победителях «белогвардейщины». Но речь сейчас не о таких. Речь о том, что осуждению нередко продолжают подвергаться попытки как раз непредвзятого взгляда на события Гражданской войны, попытки показать, что изучение ее необходимо начинать с новой, чистой страницы, ибо *истории Гражданской войны у нас сейчас нет.*

Практически все, что писали советские авторы, обладает принципиальным пороком: идеологизированность новейшей истории жестко определяла выводы и заключения, к которым они *обязаны* были придти, в то время как подлинные выводы могут и должны рождаться лишь «сами собой», из разработки, осмысления и анализа громадного объема фактического материала (если угодно, «переходом количества в качество»). В советской же исторической науке факты становились лишь иллюстрацией к заведомо известной схеме, а в результате изучение истории оказывалось настолько не в чести, что выдержавшая два издания энциклопедия «Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР» (что за дикое название! - СССР был образован в декабре 1922 года, а в качестве границ Гражданской войны советская историография устанавливает «1918-1920») не дает исчерпывающей картины даже структуры и состава Красной Армии, не говоря уже о «лагере контрреволюции». И все издания советских мемуаров, сборники документов, так же как и более или менее удачные, но почти всегда избегающие конкретики исторические сочинения, - суть только *материалы* для той Истории Гражданской войны, которую еще предстоит написать.

Кстати, в этом отношении (и не только в этом!) гораздо более чуткими и совестливыми были авторы «противоположной стороны» - Белой эмиграции: не случайно ряд работ по истории Белого движения скромно помечен «материалы к...», а их авторы определяют себя всего лишь как «составители» в противоположность не только «бывшим» советским, но и многим сегодняшним историкам, заботливо и горделиво снабжающим свои сочинения подзаголовком «монография».

На самом деле, история Русской Смуты XX столетия действительно полна темами и эпизодами, достойными монографических исследований. Беда лишь в том, что, быть может, по «официально-исторической» инерции, боясь обвинения

в «мелкотемье», ныне многие стремятся к обзорным и обобщающим темам, в то время как обобщения в большинстве случаев преждевременны, коль скоро не разработана еще источниковая база и постыдно невостребованным остается громадный архивный материал - не «за горами, за долами, за широкими морями», во Франции или Америке, а здесь, в России. И все без исключения сегодняшние работы, на наш взгляд, - лишь первые шаги на длинном и трудном пути.

Но и их подчас нельзя сделать без того, чтобы не услышать окрика со стороны. Делая обзор современной историографии Белого движения, его авторы скептически цитируют свидетельство биографа одного из Белых генералов (неважно, чье и о ком): «Изучая историческую литературу, мемуары, советские и зарубежные архивы, я, сталкиваясь постоянно с лавиной позитивной информации об этом человеке, пытался найти какие-либо свидетельствующие против него лично сведения, - дабы избежать расхожего обвинения в идеализации. Но тщетно! Таких сведений, по всей очевидности, просто нет». И «надсмотрщики»-историографы готовы, кажется, проигнорировать первую часть цитаты - о серьезной и кропотливой работе как единственном источнике любых возможных оценок - во имя, вольного или невольного, установления нового тоталитаризма в исторической литературе: раньше следовало клеймить Белых воинов как «аристократов», «эксплуататоров» и «врагов рабочих и крестьян», а теперь, когда миф понемногу развеивается, - наверное, как каких-нибудь «врагов демократии» и снова чьих-нибудь «притеснителей». А если исследователь не находит об этом «притеснительстве» фактических материалов? Тем хуже для исследователя вкупе с материалами - ему грозит немедленное обвинение (по эмоциональной шкале - от надменного высокомерия до личной неприязни) в упомянутой «идеализации» или в том, что он. исследователь, «буквально "раздавлен" своим героем». Не милосерднее оказываются и представители консервативно-монархического направления современной историографии и исторической публицистики: сами не просто гонимые, а решительно «запрещенные» в советские времена, они сегодня, кажется, не прочь соединиться со своими вчерашними гонителями и запретителями в нападках на Белое движение, которое для них выглядит, наоборот, чересчур «либеральным», «демократическим», а то и, не мудрствуя лукаво, - «масонским». «В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно - Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг», - эти горькие слова из черновиков булгаковской «Белой гвардии» актуальны и поныне: белогвардеец Турбин продолжает

подвергаться ударам и «справа»,и «слева».

Будем надеяться, что большинство этих ударов и нападок проистекает из-за отсутствия информации о предмете спора. Вырванная из контекста цитата, непроанализированное свидетельство, неверно прочитанный документ, забвение принципов критики исторического источника позволяют недобросовестному или «добросовестно заблуждающемуся» из-за своей ангажированности, не идущему дальше первых шагов автору проиллюстрировать едва ли не все что угодно. Как ни парадоксально, но материал для этого нередко давали… сами Белые мемуаристы, в силу своей честности и совестливости не скрывая темных сторон всероссийского кровопролития и преступлений представителей своего собственного лагеря, а нередко и акцентируя на них внимание. Это давало возможность советским «историкам» (здесь заключим это слово в кавычки) торжествующе цитировать: «даже белогвардеец (имярек) признавал, что…», причем цитирующего уместно уподобить разбойнику-душегубу, который, глядя на схимника, повторяющего Иисусову молитву (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго), - причитает: «Посмотрите только на этого грешника!»

Значит ли это, что все так уж плохо? Хочется думать, что нет; что история Отечества не станет в очередной раз игралищем темных страстей; что времена, когда можно написать книгу о генерале Деникине, не удосужившись ознакомиться с его фундаментальными «Очерками Русской Смуты» (или ничем не проявив этого знакомства), все-таки минуют; что, когда отхлынут мутные волны конъюнктурной «словесности», останутся те, кто ставит своею задачей кропотливую научную работу; что интерес читателей к одной из самых трагических страниц прошлого России не насытится скороспелыми поделками и подделками… Но если это и не так и надежды эти ложны, - все равно задача восстановления правды останется насущной и неотменяемой. Тогда нам останется хотя бы «хоронить своих мертвецов».

Одним из шагов на пути изучения Русской Смуты стало и составление настоящего сборника биографий видных военачальников Белого движения. Выбор персоналий определялся, впрочем, не только их личной ролью и значимостью для дела, которому они служили, но и нашим стремлением отразить с возможной полнотой различные события, периоды, этапы движения в целом. Разумеется, создание всеобъемлющей «Истории Белого движения в жизнеописаниях» представляет собою работу, превышающую нашу нынешнюю задачу, и всегда можно найти имя или событие, не нашедшее места на этих

страницах; но общий ход боевых действий, принципы государственного строительства, наиболее значимые конфликты, как личные, так и более крупного масштаба, - мы постарались здесь отразить.

История Белого движения все еще полна «белых пятен», и многое уже никогда, быть может, не станет известным (отметим, что мы не разделяем популярных сегодня упований на некие таинственные «чекистские архивы», в которых «все-все есть», но которые никому не доступны); отсюда, не желая выдавать догадку за реальность, предположение - за достоверность, реконструкцию событий - за их документированное изложение и особенно опасаясь вступать в область домысливания душевных движений наших героев (область, где все версии наиболее зыбки), мы предпочитаем в ряде случаев оговаривать предположительность избранных нами версий. Поэтому пусть читателя не смущают многочисленные «быть может», «кажется», «возможно», «есть основания полагать» и проч. - хуже было бы, если бы на их месте стояли мнимо-незыблемые утверждения.

Стремясь уменьшить долю собственных предположений и реконструкций, неизбежных в любой историографии, мы чаще, чем это было принято у советских авторов, прибегаем к цитированию источников. Нередко считалось, и эта «традиция» далеко еще не преодолена, что вместо «прямой речи» лучше пересказать источник, хотя тем самым не только создаются условия для ошибок, подтасовок, неверных прочтений, но и утрачивается дух эпохи, яркость свидетельств, живость полемики, которую продолжают вести на страницах книг и листах архивных документов давно ушедшие в мир иной участники «великих потрясений» России. Именно поэтому мы и постарались предоставить слово им самим - Деникину и Краснову, Алексееву и Унгерну, Балаховичу и Гайде и многим другим - тем, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас - и для Истории.

Тем же вызвано и употребление терминов, оборотов, форм, которые, будучи свойственными описываемой эпохе, должны сохраняться в относящихся к ней текстах, даже если сегодня на первый взгляд и могут показаться непривычными: «Белое Дело» и «Белая борьба», «Великая война» (о Первой мировой, которую тогда называли и Второй Отечественной), «Генерального Штаба полковник» и «Лейб-Гвардии в Преображенском полку» (именно в такой последовательности), «Ахтырцы» или «Дроздовцы» (с заглавной буквы - о чинах соответствующего полка), «болышевицкий» (как производное от «большевик», а не «болышевист» - ср. «дурацкий», «мужицкий»), «советская

дивизия», «обеспечить фланг» или «участок» и проч.[1] Избегали мы и нарочитого осовременивания речи, не следуя сегодняшней моде, принуждающей услужливо вписывать «рэкеты», «рейтинги», «паханов» в повествования о Гражданской войне (не анекдот, а реальные факты). В наши дни, когда нас поистине яростно, исступленно и... небезуспешно стремятся лишить русского языка, приучая к отвратительному полууголовному жаргону, наши принципы, даже если и покажутся несколько старомодными, конечно, не смогут оттолкнуть вдумчивого читателя.

Читателя не остановит и то, что при подготовке книги мы сознательно отказались от «унифицирования» текстов, «нивелирования» авторских позиций. Предлагаемый сборник - не «коллективная монография»: каждый из авторов имеет свой собственный, индивидуальный взгляд на события и на своих и чужих персонажей, не всегда совпадающий со взглядами, изложенными в других очерках. Безусловно объединяющим остается - и мы не собираемся скрывать этого - лишь пиетет по отношению к нашим героям.

«Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому браться за перо -вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», - писал Михаил Булгаков, и заповедь эта вполне приложима не только к художественной литературе. Открыто исповедуя свою веру, мы не идем по пути советской историографии, в повествованиях о Гражданской войне ханжески рядившейся в тогу «объективности» и «академизма», а на деле политически ангажированной и исполненной злобы. Не хотим мы уподобляться и тем сегодняшним авторам, кто, по непонятным для нас причинам взявшись за «белогвардейскую» тематику, не может скрыть высокомерного презрения или упоенности собственным мнимым превосходством над «объектами» своих литераторских упражнений. Разумеется, все это не означает, что какие-либо эпизоды жизни наших героев или аспекты их деятельности остаются «неприкасаемыми», «запретными» (хотя одно безусловно: мы стремились не лезть в их частную жизнь в столь привычной сейчас развязно-любопытствующей манере), не подлежащими критике или рассмотрению. В человеческих душах очень часто живут рядом злое и доброе, высокое и низменное, - тем более это касается столь ярких, незаурядных личностей, оказавшихся в столь экстремальных условиях, о каких идет речь в настоящем сборнике, - и все, как светлые, так и темные страницы должны быть прочитаны.

Ограниченные объемом и издательскими соображениями, стремясь не перегружать текст и не затруднять восприятия неподготовленному читателю, мы вынуждены были отказаться от

помещения справочного аппарата (ссылок) и сейчас можем лишь выразить благодарность сотрудникам тех архивов и книгохранилищ, с материалами которых мы работали: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Для предупреждения же возможной недобросовестной критики сразу хотим подчеркнуть: *каждое* утверждение, приведенный факт, версия основаны на архивных и печатных источниках, документах, мемуарах, исторических трудах. Еще раз признавая, что работа по написанию истории Гражданской войны только начинается и полемика, размышления, альтернативные версии происходившего не только возможны, неизбежны, но и необходимы, - мы тем не менее заверяем в обоснованности и документированности своих версий, часто опирающихся в буквальном смысле слова на тысячи листов архивных документов, до нас никем не востребованных.

И в заключение, еще раз задумываясь о прихотливом ходе Истории, неожиданно позволяющей пробиться к читателю давно замолчанным фактам и оболганным именам, -спросим себя, не пророческими ли были строки белогвардейского поэта, подъесаула Николая Туроверова, в далеком 1936 году напечатанные в «деникинской» парижской газете «Доброволец»:

Пока нам дорог хмель сражений,
Походов вьюги и дожди,
Еще не знают поражений
Непобедившие вожди.

Не «генерал Харьков», а подлинные вожди; русские вожди; вожди Белого Дела. И неужели же нам все-таки придется лишь «хоронить своих мертвецов»?

А. С. Кручинин

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ Л. Г. КОРНИЛОВ.
Е. А. Комаровский

Что есть человеческая жизнь в многовековой череде событий истории?.. Что значит для истории один человек, скованный рамками условностей, принципов, постулатов и социальных установок, зачастую вынужденный подчиняться помимо своей воли и желания бешеному водовороту событий, войн, встреч, праздников, буден, радостей и горя?.. Иному временем уготованы титулы почетные и праведные, иному - клеймо палача и тирана. Иному - место властителя человеческих дум, иному -гласа совести народной... Один под напором орущей и беснующейся толпы отрекается от своих идеалов, другой идет за них на смерть. Одного восхваляют на всех углах, но имя его забудет неумолимая История. Другой же, оклеветанный и непонятый современниками, останется в ней навсегда, как маленькая яркая звездочка на небосклоне...

Корнилов... Весь «советский» период истории России имя это ассоциировалось с черным клеймом «злейшего врага трудового народа», «белогвардейского отребья»... Но стоит только почитать воспоминания о нем современников, попытаться понять важность его географических исследований, осмыслить вехи начатого им Белого Дела, и ярким светом засияют грани судьбы этого замечательного человека и воина. Блестящий офицер, храбрейший полководец, талантливый исследователь-первопроходец и этнограф, наконец, незыблемый символ антибольшевицкого сопротивления. Все это - Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

* * *

18 августа 1870 года, в день Святых Флора и Лавра, в Западной Сибири в семье мелкого чиновника, выслужившегося из нижних чинов отставного хорунжего станицы Каракалинской Сибирского казачьего войска, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой станицы Кокпектинской, и кроме Лавра в семье было еще двое детей - сын Петр и дочь Анна.

Кочевая служба отца приучает мальчика с детства переносить суровый сибирский климат, вырабатывает настойчивость, силу воли, наблюдательность. Его отец сам ведет все свое небольшое

хозяйство - сеет, ходит за сохой, косит. С девяти лет маленький Лавр начинает свое образование в приходской школе. Вскоре семья переезжает через Прииртышскую степь в Зайсан. Ненасытный в любознательности Лавр, готовясь к поступлению в кадетский корпус, читает книги даже при свете костра, когда в ночном стережет лошадей. В 1883 году он едет в Омск и становится кадетом, впервые надев погоны.

Кадет Лавр Корнилов в 1889 году первым заканчивает 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Настойчивый и независимый, он в числе лучших учеников. Однокашники его любят, преподаватели видят в нем задатки прекрасного офицера. Начальник училища генерал Чернявский помогает Лавру Корнилову закончить училище, встав на его защиту, когда юнкеру грозит увольнение за независимый нрав и острый язык. Юнкер Лавр Корнилов - первый из михайловцев в выпуске 1892 года. Имея преимущество выбора вакансии в полк, он не ищет престижной службы в гвардии или «хорошей» стоянки в больших городах. Получив офицерский чин, Лавр Георгиевич просит зачислить его... в Туркестанскую артиллерийскую бригаду и уезжает в Среднюю Азию. Подпоручик Корнилов честно служит и усердно занимается для поступления в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и нравы. Любим солдатами и уважаем местными жителями. Чтобы помогать старому отцу, дает частные уроки. В 1895 году молодой офицер первым выдерживает экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба. Спустя три года поручик Лавр Георгиевич Корнилов заканчивает ее с малой серебряной медалью.

Тяга к знаниям у молодого обер-офицера столь велика, что еще будучи юнкером военного училища, чтобы платить за дополнительные уроки иностранного языка, Л. Г. Корнилов берет платные заказы на чертежи. Впоследствии он изучает, помимо европейских, еще и ряд восточных языков.

Отказавшись от службы в Генеральном Штабе, он, вдохновляемый опасностями и загадками Туркестана, вновь отправляется на Восток. В том же 1898 году Корнилов прибывает в город Термез на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала М. Е. Ионова.

Генерала сильно беспокоила построенная с помощью англичан афганская крепость Дейдади, что в ущелье Гинду-куша, в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально - их

сажали на кол. Лавр Георгиевич просит у генерала три дня отпуска и, никому ничего не говоря, переодетый скачет с тремя туркменами к крепости. Побрив голову, надев туркменский халат (пригодились унаследованные от матери восточные черты лица), с револьвером в кармане, он говорит спутникам, что живым в плен не попадет: «Последняя пуля - себе». Они переплывают на бурдюках бурную Аму-Дарью. Прекрасно владея местным наречием, Л. Г. Корнилов успокаивает подозрительность часового почтительным поклоном и уверенным ответом: «Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу». — «Да будет благословенно имя Абдурахмана», - говорит воин-афганец, не подозревающий, что богато одетый всадник и его сопровождающие - русские разведчики.

...К концу третьего дня капитан Л. Г. Корнилов, проскакав сотни верст, вручает генералу Ионову фотографии, план крепости и дорог. «Но ведь Вас могли посадить на кол», - восклицает генерал. «Я это знал», - слышит он в ответ. Генерал представляет храбреца к ордену Святого Владимира IV-й степени с мечами (боевая награда в мирное время!), но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст за три дня сразу выдвигают молодого офицера Генерального Штаба, и ему отныне дают серьезные и ответственные поручения.

Как географ и этнограф в 1899 году Л. Г. Корнилов обследует район Кушки в направлении на Герат и Мейман. Затем полтора года, невзирая на невообразимые лишения, изучает Кашгарию. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он проходит вдоль и поперек выжженную солнцем страну, нанося на карту извилины дорог, русла рек, колодцы и т. д. Возвратившись из полной опасностей и лишений экспедиции, Корнилов пишет и издает книгу «Кашгария или Восточный Туркестан», равную по научной Ценности трудам знаменитого путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Позже на протяжении месяцев занимается исследованием и описанием областей Восточной Персии - Хоростана и Сеистана, куда до него не проникал еще ни один европеец. В 1901 году Л. Г. Корнилов отправляется в новое опасное путешествие и проходит неисследованную до него и остававшуюся белым пятном на карте Персии «Степь Отчаяния» - Дашти-Наумед, Ни один путешественник до той поры не вернулся оттуда. В течение 7 месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами, исходив «Степь», наносит на карту дороги, караванные пути, развалины древних городов, изучает нравы

местных кочующих племен.

В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной и везет молодую жену в свадебное путешествие... в пустыню - в очередную служебную поездку! По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Л. Г. Корнилов поворачивает караван обратно и после долгих поисков, пройдя много верст, находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! (Оказалось, на последней остановке при умывании кольцо соскользнуло с пальца жены.)

С 1902 года подполковнику Л. Г. Корнилову поручается редактирование секретного издания Штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций.

Заглянем в послужной список Лавра Георгиевича: в течение года он командует ротой. С 11 августа 1899 года - помощник старшего адъютанта Штаба Туркестанского военного округа; с 19 октября 1901-го - штаб-офицер для поручений при Штабе Туркестанского военного округа; с 13 июня 1904 года - столоначальник Главного штаба. В 1903 году Л. Г. Корнилов отправляется в Индию для изучения местных языков, нравов и обычаев. Русско-Японская война застает его в Белуджистане. После долгих хлопот, 30 сентября 1904 года Корнилов получает разрешение перейти в Действующую Армию, в штаб 1-й стрелковой бригады, с которой и участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином.

Ученый и этнограф, Л. Г. Корнилов блестяще выдерживает и офицерский экзамен на прочность, устроенный ему судьбой в боях с японцами. При отходе от Мукдена его ослабленная потерями бригада остается в арьергарде, обеспечивая отход 2-й Маньчжурской армии. У деревни Вазые бригада попадает в окружение. Ночью Корнилов воодушевляет подчиненных и ведет их в штыковую атаку, внезапным ударом обращая японцев в бегство. Плотное кольцо врага разорвано, и считавшаяся уже погибшей бригада присоединяется к армии. Наградой Лавру Георгиевичу был орден Святого Георгия IV-й степени. Высочайший приказ так описывает его подвиг:

«...25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1, 2 и 3 стрелковые полки, понесшие в предшествовавшие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазые, около 3 часов пополудни занял здесь позицию и в течение 4-х часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим

артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя 2 командующих полками, а во 2-м стрелковом полку остались лишь 3 офицера.

Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север вдоль железной дороги. Им было принято под охрану знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своей позиции. Деревня Вазые была в это время почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставила японцев раздвинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север вдоль железной дороги».

Генерал Л.Г. Корнилов

За боевые отличия в 1905 году Л. Г. Корнилов был произведен в полковники, а после заключения мира - 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. По служебным делам он выезжает на Кавказ, в Туркестан и в Западную Европу. С 1 апреля 1907 года Корнилов - военный агент (атташе) в Китае. Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне с тремя ординарцами-казаками проезжает он весь путь от Иркутска до Пекина (в Штабе Иркутского военного округа вплоть до 1920 года хранилось седло Л. Г. Корнилова).

Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, Лавр Георгиевич собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто бывает у него дома. Последний посвящает офицера в тонкости китайского языка. Китайцы дружелюбно относятся к русскому атташе, но не открывают ему своих военных секретов.

Об одной блестяще проведенной Корниловым разведывательной операции сохранился рассказ, звучащий, как легенда. Русскому командованию стало известно, что китайцы в строжайшем секрете готовят в отдаленном городке особый отряд войск, обучаемый европейским приемам боя. Корнилов, переодевшись в пышный наряд китайского мандарина, едет туда. Его принимают как посланника самого «сына неба» - Богдыхана. Лавру Георгиевичу оказываются всяческие почести, ему подробно докладывают об успехах, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада Корнилов произносит по-китайски речь, благодарит за оказанный прием и благополучно возвращается в посольство, завершив свою миссию.

В 1907 году Л. Г. Корнилов награжден за боевые отличия Золотым Оружием. 24 февраля 1911 года его назначают на должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой, но уже 3 июня Корнилов получает должность начальника 2-го Заамурского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи, в состав которого входят два пехотных и три конных полка. В том же году Л. Г. Корнилов произведен в генерал-майоры.

В 1912 году по приказу начальника округа генерал Корнилов производит дознание о злоупотреблениях интендантства и о снабжении войск недоброкачественными продуктами, после чего дело передается военному следователю. По постановлению прокурорского надзора к следствию привлекаются в качестве обвиняемых некоторые начальствующие лица. Министр финансов Коковцов, в ведении которого находились пограничные войска, всячески пытался скрыть недостатки в своем ведомстве и добился высочайшего повеления о прекращении следствия. Начальник округа генерал Мартынов подал прошение об отставке, генерал Корнилов по личному ходатайству 4 июля 1913 года был переведен на должность командира расквартированной во Владивостоке 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

* * *

19 июля 1914 года Россию всколыхнула весть об объявлении Германией войны. В этот же день генерал Л. Г. Корнилов, следуя мобилизационному предписанию, убывает на Западный фронт. Проехав от Тихого океана до Карпат, он временно принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию, в составе которой — полки, носящие прославленные «суворовские» имена — 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

Уже 27 августа судьба испытывает генерала на прочность. XXIV-й армейский корпус, правым флангом выдвинувшийся вперед, был охвачен австрийцами, атаки которых следовали одна за другой, угрожая прорвать фронт на участке 48-й пехотной дивизии. Когда под натиском врага дрогнула одна из частей, потерявшая всех офицеров, Л. Г. Корнилов лично ведет в контратаку последний резерв - усиленный пулеметами саперный батальон. Под ним убита лошадь, но он опять впереди. На короткое время противник остановлен, но вновь обойденные русские полки вынуждены отступить, потеряв около тридцати орудий, немало солдат и офицеров.

Командовавший тогда соседней 4-й стрелковой бригадой генерал А. И. Деникин объяснял неудачу тем, что «дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью». Не раз впоследствии Антон Иванович, искренне восхищаясь, подчеркивал командирские качества Корнилова: «умение воспитывать войска, личная его храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец, высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников — свойство, против которого часто грешили многие начальники». С 11 сентября 1914 года Л. Г. Корнилов командует 1-й бригадой 49-й пехотной дивизии, а 30 декабря принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию.

Наступая, дивизия Корнилова пробилась через Карпаты. Однако соседним соединениям не удалось развить успех, и передовой русский отряд вынужден был отступать под натиском опомнившихся врагов. Единственная свободная крутая горная дорога была занесена снегом, а у местечка Сины ее перекрыли австрийские части. Чтобы вывести артиллерию, генерал собрал около батальона пехоты и предпринял контратаку. Дивизия не только вырвалась из окружения, не потеряв ни одного орудия, но и опрокинула два вражеских полка, захватив более 1200 пленных с генералом. Во время операции в Карпатах в боях 15-16 января 1915 года дивизия Л. Г. Корнилова овладела перевалом Черемша,

взяв до 3 ООО пленных. За геройские действия 15 февраля 1915 года Корнилов был произведен в генерал-лейтенанты, а его дивизия стяжала громкое наименование «Стальная».

Л. Г. Корнилов всегда на передовой. Он всегда хочет сам видеть и знать, что делает враг и готовы ли его части к решительным действиям. В одном из боев генерал вдруг спрашивает у своего начальника Штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» - «Связь потеряна, провод перебит», - отвечает тот. «Послать подкрепление, австрийцы обходят наш левый фланг». Помощь приходит вовремя. В Штабе недоумевают, как генерал узнал об обходе. Оказывается, в бинокль он видел, как несколько наших солдат вдруг резко поменяли направление стрельбы - значит, обход!..

Дивизии поставлена задача перейти на противоположный берег реки Сан. В этих боях она попадает в окружение. Мало патронов, солдаты устали от беспрерывных боев. Вновь русские войска вынуждены пробиваться, причем два последних резервных батальона ведет в штыковую сам начальник дивизии. Кольцо вновь разорвано, и дивизия с честью выходит из тяжелой ситуации. Существуют, впрочем, и негативные оценки действий Лавра Георгиевича: как писал генерал А. А. Брусилов, во время действий на карпатском театре военных действий Корнилов «не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием... был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв всю артиллерию и часть обоза».

В марте того же 1915 года Л. Г. Корнилов отличился при прорыве позиций 3-го австро-венгерского корпуса и в бою у высоты 650, господствовавшей над всеми окрестными дорогами. Многократные попытки овладеть ею не приводят к успеху. Корнилов мрачен. Каждый подступ к горе известен и нанесен на карту, известно количество войск противника и их вооружение, но вершина недоступна. Генерал лично допрашивает пленных, внимательно вслушиваясь в каждое их слово. Вскоре лицо его веселеет, и предпринятая по плану Корнилова новая атака приносит желаемый успех - высота взята, захвачены пленные и вооружение.

Но завершается боевая деятельность генерала Корнилова в Галиции трагично. В конце апреля 1915 года его 48-я дивизия занимает позиции на левом фланге укрепленного участка в 30 верст, к юго-западу от Дуклы. После разгрома III-й армии русских на Дунайце противник ведет мощное наступление на Львов и Перемышль и выходит во фланг и тыл XXIV-го корпуса, вынудив наши войска оставить позиции на линии Тарнов - Горлице. 48-я

дивизия отходит на 25-30 верст и занимает новые, неукрепленные позиции. Вскоре Л. Г. Корнилов получает распоряжение отступить еще на 15-20 верст. Не имея информации от соседей, он ждет приказаний о переходе в контратаку во фланг оттесняющему наши части врагу и теряет время для вывода своей дивизии из окружения. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, обозы отступающих русских войск окружены врагами. Генерал Корнилов не был бы самим собой, если бы не попытался прорваться из кольца. Ведомая своим командиром, дивизия идет на прорыв, но счастье улыбается только 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. Они и выносят все знамена дивизии. Дерущийся в арьергарде батальон 192-го пехотного Рымникского полка гибнет почти полностью. С рассветом 25 апреля противник обрушивается на остатки русских частей.

«У Боржимова». Рисунок Н. Самокиша

Раненный в голову и руку Корнилов, не желая сдаваться, с горсткой солдат уходит в горы, пытаясь пробиться к своим. Через пять дней, 29 апреля, «Орлиное гнездо» взято австрийцами, и его обессилевшие защитники попадают в плен. Их только семеро - генерал Корнилов, пять солдат и санитар...

В ходе боев дивизия Корнилова потеряла около 5000 человек из 7000 и 34 орудия, однако действия самого генерала и его

полков были высоко оценены командующим Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. 28 апреля Государь наградил начальника дивизии орденом Святого Георгия IV-й степени, офицерам были пожалованы боевые ордена, а нижним чинам - Георгиевские Кресты. С 12 мая генерал Л. Г. Корнилов как находящийся в плену был отчислен от должности.

Несмотря на прекрасный уход в австрийском военном госпитале, раны заживали медленно, и остаток своей жизни Лавр Георгиевич прихрамывал, а левая рука его не действовала. Эрцгерцог Иосиф, главнокомандующий одной из австро-венгерских армий, и другие высокие чины навещали русского генерала и считали за высокую честь познакомиться с ним.

В плену генерал Корнилов встречает солдат своей дивизии, в большинстве раненых и полуголодных, и обращается к ним для ободрения духа с приветственным словом. На его глазах выступают слезы. Солдаты бросаются к своему командиру, целуют его руки, полы одежды и плачут, как дети, - зрелище, потрясшее даже австрийских конвоиров.

Помещенный первоначально в замок Нейгенбах под Веной, Корнилов был затем переведен в замок Эстергази в венгерском селении Лека. В плену генерал продолжает изучать местные языки, быт и нравы австрийской армии. Он неоднократно пытается бежать. Первый план — при помощи русского авиатора Васильева захватить австрийский аэроплан - был раскрыт, и Корнилова перевели в другой, более строго охраняемый лагерь, откуда бежать было сложно.

Специально перестав есть и всячески изнуряя себя, Л. Г. Корнилов попадает в госпиталь в местечке Кессиге. Здесь он посвящает в подробности плана своего побега русского врача Гудковского, а через вестового Д. Цесарского договаривается с фельдшером, чехом Ф. Мрняком, о помощи в побеге. Фельдшер добывает для генерала австрийскую военную форму ландштурмиста, деньги на дорогу и поддельные документы. 29 июня 1916 года среди бела дня Мрняк вывел загримированного русского генерала из госпиталя, и они оба по железной дороге направились к румынской границе.

Доктор Гудковский, больные и вестовой генерала скрывали побег. Однако отсутствие Л. Г. Корнилова на панихиде по умершему русскому офицеру вызвало подозрение у австрийцев. К тому же было найдено неотправленное письмо Мрняка родственникам, где он писал о готовящемся побеге. Начались усиленные поиски беглецов, к тому времени уже достигших конечной станции железной дороги. Избегая патрулей и застав на дорогах, питаясь кореньями трав и ягодами, переодетые теперь в

гражданскую одежду, Корнилов и Мрняк направились через горы в сторону румынской границы. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, чтобы поесть и приобрести продукты. Он был опознан и схвачен жандармами, позже был предан суду и приговорен к смертной казни, однако наказание было заменено на 25 лет тюрьмы.

Не будучи в состоянии помочь товарищу, Корнилов продолжает дальнейший путь один. Проблуждав около месяца по лесу, генерал находит приют в шалаше у пастуха-славянина, который и выводит его наконец к Дунаю и указывает безопасное место для перехода на противоположный берег. Ночью 18 августа 1916 года Лавр Георгиевич пересекает румынскую границу.

Когда ранним утром 28 августа 1916 года на запыленной площади румынского городка Турну-Северян к русскому офицеру обратился, подавляя кашель, изможденный и заросший щетиной человек: «Я - генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют...» - изумлению не было предела. Через несколько дней бывший пленник уже в Бухаресте, откуда выезжает в Ставку Верховного Главнокомандующего и из рук Государя лично получает ранее пожалованную награду.

Отметим, что на сентябрь 1916 года по сведениям Ставки в плену числились 60 русских генералов. Бежал же один лишь Л. Г. Корнилов, что сразу сделало его знаменитым. Практически все газеты и журналы помещают портреты смельчака. В Михайловском артиллерийском училище в Петрограде в честь героя-выпускника выстраивается весь личный состав в парадной форме... Казаки станицы Каракалинской из далекой Сибири присылают своему земляку золотой нательный крест и 100 рублей денег... Побег Корнилова из плена вызывает взрыв патриотических чувств, в нем видят героя, смелого и решительного.

Генерал Л.Г. Корнилов по возвращении из плена, Гатчина, 1916 год 13 сентября 1916 года генерал Л. Г. Корнилов получает в командование XXV-й армейский корпус, однако уже через несколько месяцев для него, да и для всей России, начинаются новые страшные испытания.

* * *

С отречением Императора Николая II военный и морской министр А. И. Гучков и глава Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко пожелали видеть на посту командующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдат боевого генерала и Георгиевского кавалера Л. Г. Корнилова. И начать свою деятельность на этом посту первому «революционному» командующему пришлось с ареста Императрицы Александры Федоровны 7 марта 1917 года. Сам генерал позже не любил вспоминать об этом факте своей биографии, тем более что многие ставили ему этот арест в вину.

Появление Корнилова в Петрограде, впрочем, имело свою предысторию. Дежурный генерал Главного Штаба, генерал А. П. Архангельский, свидетельствовал, что, когда начался хаос в столице, руководство Главного и Морского Штабов на совещании о путях восстановления снабжения Армии всеми видами довольствия, которое было приостановлено беспорядками, грозившими фронту неминуемой катастрофой, остановило свой выбор на генерале Корнилове. Выбор был утвержден сообственноручной резолюцией Государя -«Исполнить» - 2 марта,

за несколько часов до отречения. Таким образом, Лавр Георгиевич исполнял последнюю волю своего Императора.

Голословными остаются и обвинения Корнилова в неподобающем поведении при аресте Императрицы. С максимальной корректностью генерал сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, затем попросил всех выйти и остался с Императрицей наедине. Речь в это время могла идти о возможном переезде Августейшей Семьи в Англию. Когда генерал Корнилов выходил, Государыня поблагодарила его, а оставшись одна, заплакала... Исполнив этот тяжелый акт, генерал оградил Царскую Семью от многих неприятностей в эти тяжелые дни Их жизни. И все, кто видел тогда генерала, свидетельствуют о его сильном моральном потрясении...

Вообще же политические взгляды Л. Г. Корнилова один из деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов характеризовал так: «В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и "народу" вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

На своем высоком посту Корнилов, однако, не может принимать самостоятельных решений, хотя за все несет ответственность. Петроградский военный округ погряз в митингах и пьянстве, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать и слова без риска быть поднятыми на штыки. Страна по сути потеряла Армию и неизбежно катилась в пропасть хаоса и беспорядков. Временное Правительство и Совдеп путались в собственных распоряжениях, да их никто и не думал исполнять.

23 апреля 1917 года Лавр Георгиевич написал рапорт с просьбой вновь направить его на фронт, и военный министр счел возможным назначить его командующим Северным фронтом. Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев возражал против такого решения, ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова и говоря, что неудобно «обходить старших начальников - более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров». Следствием этого стало

назначение 29 апреля генерала Корнилова на пост командующего VIII-й армией (Юго-Западный фронт).

Тогда же рядом с генералом появляется в качестве ординарца доброволец В. Завойко. Именно ему, неплохо владевшему пером, поручал Лавр Георгиевич составление тех документов, где нельзя было обойтись без литературной обработки и корректуры. Завойко стал буквально правой рукой генерала и немало сделал для роста авторитета командующего, составляя его речи и воззвания. Он же вспоминал о начале «знакомства» командующего армией с вверенными ему войсками. Резервные части устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления отвечали отказом, всячески попрекая власти за продолжение «буржуазной» войны; на позициях же дело обстояло еще хуже.

«Когда генерал Л. Г. Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, - рассказывал Завойко, - *здесь ему представилась картина, которую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи... Появление генерала Л. Г. Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: "Я был бы бесконечно счастлив -быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание".*

На участке соседнего полка командующий был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши "браталъщики"-солдаты. Генерал со словами "Это измена!" повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать "браталъщикам" обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на "притеснения контрреволюционными начальниками их свободы".

Через несколько дней после вступления в должность Л. Г. Корнилов получает рапорт капитана М. О. Неженцова с рядом соображений о мерах оздоровления Армии. Этому молодому офицеру генерал и поручает формирование ударного отряда, вскоре развернутого в полк, получивший название Корниловского. Он должен был стать сплоченной и

организованной частью, способной своим примером внести перелом в настроениях на фронте. Такую же роль играл и Текинский конный полк.

Почти ежедневно приходится Корнилову бывать в частях с разъяснениями о необходимости соблюдать дисциплину. В отношении солдатских комитетов генерал занимает жесткую позицию, всячески стараясь вводить их в рамки законности и внушая, что главнейшая их задача — не вмешательство в вопросы перемещения командного состава, а подъем наступательного духа войск.

18 июня 1917 года Юго-Западный фронт начал наступление. XI-я и VII-я армии продвинулись вглубь обороны противника на два километра и стали топтаться на месте. Солдаты замитинговали. Действовавшая по замыслу командования на второстепенном направлении VIII-я армия перешла в наступление три дня спустя. В шестидневных боях она под командованием Л. Г. Корнилова продвинулась на 18-20 километров, потеряв около 15 ООО человек и взяв значительные трофеи: 800 офицеров и 36 ООО солдат пленными, 127 орудий и минометов, 403 пулемета. Но и на фоне такого впечатляющего успеха Юго-Западный фронт в целом продолжал разваливаться буквально на глазах. Части самовольно уходили с позиций, о власти и повиновении не было и речи. Толпы дезертиров тянулись на сотни верст в тыл... Нужен был новый руководитель, и выбор пал именно на генерала Корнилова, потому что в последние недели только он проявил способность управлять войсками.

27 июня 1917 года Л. Г. Корнилов был произведен в генералы-от-инфантерии, а 10 июля - назначен Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, фактически исполняя эту должность уже с 7 июля.

Видя картины панического отступления частей, превосходящих врага по численности, Лавр Георгиевич принимает единственно верное, на его взгляд, решение - приказом от 8 июля он требует решительных действий, вплоть до расстрела дезертиров. Генерал уверен, что его поймут уставшие от беспорядков и анархии офицеры; тогда же он отправляет Верховному Главнокомандующему, военному министру и министру-председателю телеграмму, в которой обосновывает свои действия и предупреждает: «Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия». С одобрения высшего командования Корнилов формирует особые отряды для борьбы с мародерами и дезертирами, запрещает митинги как незаконные сборища, подлежащие разгону силой

оружия, а главное - требует восстановления смертной казни, отмененной 12 марта 1917 года Временным Правительством: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилии, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов...»

Криком души патриота звучат слова Лавра Георгиевича: «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего». В тот же день, не получив еще ответа от Правительства, он приказывает в случае самовольного ухода войск с позиций, не колеблясь, применять «огонь пулеметов и артиллерии».

9 июля министр-председатель А. Ф. Керенский одобрил все проводимые мероприятия, а 12 июля был получен его ответ о принципиальном принятии закона о смертной казни, что тотчас произвело отрезвляющее впечатление в армейской среде. Однако в тот же день, ввиду полной безнадежности положения фронта, был отдан приказ об отводе войск из Буковины и Галиции: к 21 августа войска Юго-Западного фронта вернулись на государственную границу России.

Но сам Корнилов по предложению Керенского к этому времени уже принимает пост Верховного Главнокомандующего. В своей телеграмме Временному Правительству генерал обуславливает свое согласие на принятие поста «ответственностью перед совестью и всем народом» и получает подтверждение права на проведение жесткой линии на фронте и в тылу и заверения в полном невмешательстве в его оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава. Предложенная Л. Г. Корниловым программа стабилизации положения в России предполагала создание «армии в окопах,

армии в тылу и армии железнодорожников»; по свидетельству генерала А. И. Деникина, Лавр Георгиевич «уже тогда видел в диктатуре единственный выход из положения».

С назначением Л. Г. Корнилова на пост Верховного, в Ставку, располагавшуюся в Могилеве, началось буквально паломничество представителей различных патриотических организаций - Союза офицеров армии и флота, Союза казачьих войск, Союза Георгиевских кавалеров... Красноречивую телеграмму направил М. В. Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии... В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

На посту Верхового Главнокомандующего Корнилов был нужен Керенскому как популярная и сильная личность, способная пресечь деятельность лево-экстремистских движений в стране и стабилизировать политическую ситуацию. Но и Керенский нужен был Корнилову как государственный гарант, «легализующий» действия Верховного по наведению порядка и установлению твердой власти. Безусловно, каждый имел и свои собственные интересы в таком альянсе.

3 августа они встречаются в Зимнем дворце, и генерал передает министру-председателю доклад с изложением необходимых, на его взгляд, первоочередных законодательных преобразований. Корнилов считает обязательным признание Временным Правительством вины в оскорблении, унижении и сознательном лишении прав и значимости российского офицерства. Он полагает, что функции военного законотворчества должны быть переданы в руки Верховного Главнокомандующего, видит необходимым «изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов», отменить Декларацию прав солдата, убрать комиссаров и распустить войсковые комитеты. Не найдя взаимопонимания и почувствовав враждебность обстановки, Корнилов возвращается в Ставку, однако мысли его, став известными газетчикам, вызвали антикорниловскую шумиху в той части прессы, которая опасалась надвигающейся угрозы левым силам и наведения порядка в стране.

14 августа легендарный генерал приезжает в Москву на проходящее там Государственное Совещание. На вокзале он был встречен почетным караулом и оркестром от Александровского военного училища, депутациями военно-патриотических организаций, членами Государственной Думы и целым рядом генералов и высокопоставленных лиц. После краткого митинга

поднятый на руки офицерами, и под восторженные крики пронесенный до своего автомобиля, генерал Л. Г. Корнилов приветствует москвичей. Машина его была завалена цветами. Приказав их убрать, Лавр Георгиевич замечает: «Я не тенор, и цветов мне не нужно; если же вы хотите украсить автомобиль, то украшайте Георгиевским флагом, на что я имею право как Главнокомандующий».

На другой день ему как «первому солдату революции» предоставили слово на Государственном Совещании. Как вспоминал позже лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, «низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: "Хамы! Встаньте". Оттуда неслось презрительное: "Холопы!" Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Л. Г. Корнилов говорит о развале Армии и восстановлении дисциплины на фронте и порядка в тылу...

«Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут приняты безотлаятелъно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

...Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

* * *

Генерал-от-инфантерии Л.Г. Корнилов, 1917 год.

После Государственного Совещания, показавшего слабость Правительства, в ближайшем окружении Корнилова возникают мысли о военном перевороте. Во главе страны предполагается поставить так называемый Совет народной обороны (председатель - Л. Г. Корнилов, заместитель председателя - А. Ф. Керенский). Подавление экстремистских революционных сил планировалось на 27 августа, день «полугодовщины» революции, для чего в столицу следовало ввести III-й конный корпус и Туземную дивизию, которые впоследствии должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. Свои намерения Корнилов объясняет Временному Правительству необходимостью немедленной

«расчистки» столицы от запасных частей, совершенно разложившихся под влиянием демократической вседозволенности и болыпевицкой пропаганды. Керенский согласился с этими намерениями, тем более что 21 августа дезорганизованные русские войска сдали Ригу. Развал армии продолжался.

23 августа в Ставку прибыл управляющий военным министерством Б. В. Савинков, завериший генерала Корнилова в одобрении Временным Правительством его проекта. Вечером следующего дня Корнилов назначает генерала А. М. Крымова командующим Отдельной армией в Петрограде, генерала П. Н. Краснова - командующим III-м конным корпусом, отдает приказ о снятии с фронта преданных ему войск и концентрации их в районе Луги. 26 августа Верховный телеграфирует Савинкову: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа». Однако В. Н. Львов, бывший «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода и будущий член «Союза воинствующих безбожников», выступавший в те дни посредником между Корниловым и Временным Правительством, доложил А. Ф. Керенскому требования генерала в искаженном виде: «Первое - генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. Второе - передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. Третье — уходят в отставку все министры, не исключая и министра-председателя, временное управление министерствами передается товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим». А опубликованные воспоминания В. Н. Львова пролили свет на некоторые неизвестные обстоятельства так называемого «мятежа Корнилова».

«Керенский дал мне категорическое поручение представить ему из Ставки и от общественных организаций требования о реконструкции власти в смысле ее усиления, - рассказывал «посредник». - *Для исполнения этого поручения я и поехал в Ставку. В Могилеве я говорил с Корниловым, указав на данное мне поручение. Мы беседовали с ним о реконструкции власти. Детали ее уже не помню, потому что измучен перенесенными волнениями.*

Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была просто беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и предъявить не мог, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мной бумагу, как он, Керенский, вырвал у меня и положил в карман».

Уже утром 27 августа в экстренных выпусках некоторых газет была поднята истерическая шумиха: Л. Г. Корнилова именовали не иначе как государственным изменником. Керенский по телеграфу приказывает Лавру Георгиевичу сложить с себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Генерал отказывается это сделать, и 28 августа Временное Правительство устами министра путей сообщения Н. В. Некрасова объявляет генерала мятежником. Ответ Корнилова следует незамедлительно:

«Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли Ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не Вашей ли могучей доблестью, не Вашими ли подвигами, жертвами и геройством была сильна Великая Россия. Вы - вольные, свободные сыны Тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные могучие орлы Уральских, Оренбургских, Астраханских, Семиреченских и Сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы Ваших знамен, и Русская земля полна сказаниями о подвигах Ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда Вы должны придти на помощь Родине. Я обвиняю Временное Правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло двенадцать тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов Правительства в прямом предательстве Родины, и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного Правительства в Зимнем Дворце 3 августа, Министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое Правительство ведет страну к гибели, что такому Правительству верить нельзя и вместе с ним не может быть спасения несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное Правительство, в угоду врагов, потребовало от меня оставления должности Верховного Главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани -позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской. Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина — накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям Временного Правительства, и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим Вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайтесь

же *и исполняйте мои приказания. Идите же за мной.*

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

На следующий день, 29 августа, было опубликовано его «Обращение к народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов, пред лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть отстранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь.

В эти, поистине ужасающие, минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное Правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контр-революции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшего на беззаветное служение Ему, стоять на страже великих свобод, великого будущего своего Народа!

Но ныне будущее это в слабых, безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина! Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному Правительству и говорю: "Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы Народ Русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа".

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

Не менее впечатляюще и пророчески звучат и слова еще одного из воззваний генерала:

«Русские Люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, идите в храмы, молите Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения родимой земли!

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага - германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, которому Керенским было приказано вступить в должность Верховного, также отказался исполнить это распоряжение, телеграфировав министру-председателю: «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

29 августа указом Временного Правительства Л. Г. Корнилов был отстранен от должности Верховного Главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». Воззвания генерала не дошли ни до армии, ни до широких слоев населения России - телеграф был в руках Правительства. Керенский обратился к большевикам с

просьбой встать на защиту революции, и те тотчас откликнулись, стремясь, естественно, к достижению своих целей. Навстречу войскам генерала Крымова были высланы агитаторы. Пришло известие об аресте в Бердичеве Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина и его ближайших сотрудников, выразивших Корнилову свою полную поддержку. Был смещен Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Н. Клембовский. Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балуев и помощник Главнокомандующего Румынским фронтом[2] генерал Д. Г. Щербачев поддержали Временное Правительство. 31 августа на своей петроградской квартире застрелился генерал Крымов, явившийся к Керенскому с объяснениями. Существует, однако, и версия об убийстве Крымова...

Оставшийся в одночасье почти в одиночестве, генерал Корнилов стоял на грани самоубийства, но внял увещеваниям жены в том, что он не имеет права бросать тысячи поверивших ему офицеров и должен продолжить борьбу.

«Дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно, - сказал Верховный Лукомскому после получения известий о предстоящем прибытии в Ставку генерала М. В. Алексеева. - Пойдите на телеграф, заявите, что я и Вы подчинимся генералу Алексееву, и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности...» и 2 сентября приехавший в Могилев Алексеев объявил об аресте Корнилова и его сподвижников. После первых допросов Лавру Георгиевичу о предложено письменно изложить свои показания, а уже 5 сентября доклад по «делу Корнилова» был готов.

«Постановлением Временного правительства от 29 августа генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных законах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду.

Согласно постановлению Временного правительства об учреждении военно-полевых судов от 12 июля сего года, генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в явном восстании.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать

неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле официальных документов видно, что 3-й конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы взяты также с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании...

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности, — статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статьи Положения о полевом управлении войск в военное время, верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений — в смысле воинском — между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием "Верховный Главнокомандующий".

...Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о

генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании на правлению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия».

Генерал Л.Г. Корнилов с Б.С. Савинковым, лето 1917 год.

Пребывание арестованных в Могилеве стало тревожить Временное Правительство, так как в городе находился Корниловский ударный полк. Он был отправлен на Юго-Западный фронт, а пленников перевели в Быхов и поместили в здание женской гимназии под охрану Текинского конного полка и караула Георгиевского батальона в количестве 50 человек. Фактически к заключенным допускались все желающие, потому они были в курсе всего, что творилось на фронте и в Ставке.

В Быхове по «делу Корнилова» находились под арестом, кроме самого Лавра Георгиевича, генералы: А. С. Лукомский, начальник Штаба Верховного; А. И. Деникин, Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта; С. Л. Марков, начальник Штаба Юго-Западного фронта; И. Г. Эрдели, командующий Особой армией; Г. М. Ванновский, командующий 1-й армией; И. П. Романовский, 1-й генерал-квартирмейстер Штаба Верховного; Е. Ф. Эльснер, начальник снабжения Юго-Западного фронта; Кисляков, товарищ министра путей сообщения; М. И. Орлов, генерал-квартирмейстер Штаба Юго-Западного фронта; подполковники Новосильцев и Пронин, капитаны Ряснянский, Роженко и Брагин, есаул Родионов, штабс-капитан Чунихин,

поручик Чешских войск Клецанда, прапорщики Никитин и Иванов, военный чиновник Будилович, сотрудник газеты «Новое Время» Никаноров и бывший член 1-й Государственной Думы А. Ф. Аладьин.

* * *

25 октября Временное Правительство было свергнуто большевиками. После бегства А. Ф. Керенского, формально являвшегося Верховным Главнокомандующим, на этом посту остался начальник Штаба Верховного, генерал Н. Н. Духонин. Именно к нему обращается с письмом Корнилов: «Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны и армии направление, главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии. По тем неполным отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно может стать таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть».

Духонин выполнил лишь одно из прозвучавших в письме условий: признать большевиков отказался, но воспрепятствовать захвату и разгрому ими Ставки не сумел. Однако перед зарождающимся Белым движением у него есть и неоценимая по своим последствиям заслуга: 19 ноября 1917 года по приказу генерала Духонина были освобождены и тем самым спасены от грозившего им самосуда генерал Корнилов и его соратники, а в ночь на 20-е Текинский конный полк во главе с Лавром Георгиевичем походным порядком выступил на Дон. Буквально на следующий день явившейся в Могилев революционной толпой во главе с новым «Главковерхом», бывшим прапорщиком Н. В. Крыленко, Николай Николаевич Духонин был схвачен и зверски растерзан. Обеспокоенный «бегством корниловцев» Крыленко потребовал от всех телеграфных станций примыкавшего к Быхову района сообщать в Ставку о движении конницы во главе с Л. Г. Корниловым.

По оплошности командира полка всадники-текинцы не имели ни теплой одежды, ни рукавиц, ни карт, ни врача, ни перевязочных средств. Обоз, состоявший из «революционизированных» солдат, дезертировал. Полк остался

без провизии, патронов и снаряжения. Идя лесами и болотами, окруженный враждебно настроенным населением, он был заведен изменником-проводником в засаду и понес потери. У станции Унеча полк был обстрелян болышевицкими бронепоездами, под генералом Корниловым была убита лошадь, текинцы потеряли более половины состава. Полк буквально таял, люди и лошади страдали от холода и голода. Полагая, что одним текинцам продолжать путь будет безопаснее, 30 ноября в деревне Нагара генерал отпустил своих боевых соратников, сняв с них клятву верности. Затем, переодевшись в крестьянскую одежду, с поддельным паспортом он вынужден был продолжать путь инкогнито. 6 декабря генерал Л. Г. Корнилов поездом прибыл в Новочеркасск.

Остатки Текинского полка продолжали двигаться на юг, и в начале января на Дон прибыли сорок всадников, а позже семеро офицеров полка. Корнилов поблагодарил их за службу и отпустил домой. Только шестеро текинцев, один киргиз и четверо офицеров вступили в Добровольческую Армию и были в конвое генерала до самой его смерти. После Кубанского похода в Ростов прибыло еще около шестидесяти текинцев, освобожденных из большевицких тюрем немцами. Отдохнув, все они вернулись домой.

По прибытии на Дон Л. Г. Корнилов возглавляет начатые там генералом М. В. Алексеевым первые белые вооруженные формирования, хотя можно представить себе всю сложность взаимоотношений этих людей после стольких событий и взаимных предубеждений... Сам Корнилов в мыслях стремится за Урал. «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают *в* Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время», - говорит генерал.

Почти по всей стране были разосланы письма, командированы делегаты в Сибирь, Нижний Новгород, Самару, Астрахань, Царицын с целью организовать антибольшевицкие выступления для восстановления порядка. Важным основополагающим моментом для всего Белого Дела стало проходившее в конце декабря совещание представителей «Московского Центра», образованного осенью 1917 года торговопромышленниками, представителями либерально-буржуазных кругов (в первую очередь - кадетской партии), «совета общественных организаций» и части генералитета. Принципиальным был вопрос о существовании, обеспечении и

управлении «Алексеевской организации», сохранении единства рядов и определении ролей ее лидеров -М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Именно по настоянию «Московского Центра» Корнилов отказался от мысли перенести работу в Сибирь, два генерала продолжили свое сотрудничество, несмотря на сохранившиеся разногласия и личную неприязнь. Оба они и Донской Атаман генерал А. М. Каледин должны были действовать согласованно и лишь тогда могли рассчитывать на поддержку. На этих же условиях обещали денежную помощь представители союзных держав - Англии и Франции. В результате Алексеев принял на себя заведывание финансами и решение вопросов внутренней и внешней политики, а Корнилов - руководство войсками.

После Рождества «Алексеевская организация» приняла название Добровольческой Армии, а 27 декабря генерал Л. Г. Корнилов возглавил ее. Генерал А. П. Богаевский вспоминал позже, что «командующий в тот день был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный. Криво повязанный галстук, потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Ничто не напоминало в нем героя двух войн, кавалера двух степеней ордена Святого Георгия, человека исключительной храбрости и силы воли. Маленький, тощий, с лицом монгола, плохо одетый, он не представлял собой ничего величественного и воинственного. Вместе с тем Лавр Георгиевич с надеждою смотрел в будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в формировании Добровольческой армии».

Однако становление и формирование Армии шло медленно. В основном записывались офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты и студенты. Оклады были крайне низки, что обуславливалось скудной казной. К концу января вся Армия, включая небоевой состав, не превышала 5000 человек, хотя ее Главнокомандующий планировал в ближайшем будущем удвоить это число. Армия состояла из прибывшего с фронта Корниловского ударного полка, остатков переведенного из Киева Георгиевского полка, юнкерского и нескольких офицерских батальонов, четырех артиллерийских батарей, инженерной и даже морской роты.

Уже в начале января 1918 года красные повели наступление на Ростов и Новочеркасск, и практически все кадры белых были двинуты на фронт. Донские казаки отказались воевать, и по просьбе А. М. Каледина на Новочеркасское направление был переброшен 2-й Офицерский батальон.

Штаб Армии и большинство ее частей перебазировались в Ростов-на-Дону. По словам А. И. Деникина, Корнилов считал

харьковско-ростовское направление стратегически важным и взял его под контроль, поскольку оно оказалось брошенным Донцами. Кроме того, переезд позволял отмежеваться от Донского Правительства и собравшихся в Новочеркасске политических деятелей, которые раздражали Лавра Георгиевича. Наконец, в Ростовском и Таганрогском округах казачество не составляло абсолютного большинства, что облегчало взаимоотношения командования Добровольцев с местными властями.

Буквально каждый день пребывания в Ростове был расписан у Корнилова по часам. К нему стремятся многочисленные посетители. Как вспоминал офицер-Доброволец, «что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым -это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намека на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось Его Превосходительства, генерала-от-инфантерии. Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление. В Корнилове было "героическое". Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду». Среди достоинств генерала современники выделяли еще и «отсутствие в нем корыстолюбия. Чрезвычайно умеренный в своих привычках, равнодушный не только к роскоши, но даже к простому комфорту, он не чувствовал потребности в деньгах и посреди той вакханалии остался безупречным до конца». Тогда же, в январе, был составлен проект так называемой «Политической программы генерала Корнилова», подписанный самим Лавром Георгиевичем и содержащий следующие «общие основания»:

«1. Восстановление прав гражданства: все граждане равны перед законом без различия пола и национальности, уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и проч.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, т. е. с правом на самоопределение порабощенных

народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без всякого давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген[ерала] Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

Первый командир Корниловского ударного полка полковник М.О. Неженцов

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тягчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы

рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны, быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов».

Уже в январе 1918 года все железнодорожные пути, ведущие на Дон, оказались в руках красных, что резко сократило приток добровольцев, пробиравшихся буквально со всех концов страны. Корнилов рассчитывал на помощь горцев, посылая на Кавказ своих эмиссаров с соответствующими поручениями, но переговоры шли крайне тяжело - требовались большие суммы денег для выплаты наемникам. А тем временем красные овладели Батайском и Таганрогом, беря Ростов в клещи. Появилась советская конница и со стороны Донецкого бассейна. В этих условиях дальнейшее пребывание Добровольческой Армии на Дону становилось крайне опасным, и генерал Корнилов принял Решение уходить на Кубань. Он надеялся, что в тамошних станицах все же будет услышан его призыв и казаки поддержат Добровольческую Армию.

Л. Г. Корнилов распоряжается взять ценности Ростовского отделения Государственного банка, но, прислушавшись к мнению генералов М. В. Алексеева, А. И. Деникина и И. П. Романовского, решает не бросать тень на доброе имя Добровольческой Армии и считает более разумным передать деньги Донскому Правительству (которое, впрочем, не сумеет распорядиться ими, и все достанется большевикам).

В снежное морозное утро, в 4 часа 15 минут 9 февраля 1918 года Л. Г. Корнилов - теперь он в генеральской форме, - опираясь на палку, в сопровождении штабной роты покидает Штаб Добровольческой Армии, находившийся в доме купца Н. Е. Парамонова на Пушкинской улице Ростова. Весь первый этап пути до станицы Аксайской Корнилов проходит пешком. По дороге к нему присоединяются снимающиеся по очереди с фронта воинские части. Начинается 80-дневный поход в неизвестность, позже названный «Ледяным». До гибели Лавра Георгиевича оставалось менее двух месяцев...

* * *

Первая остановка - станица Аксайская, вторая - Ольгинская, где Армия получила несколько дней передышки и была переформирована. Пехота сводилась в три полка: Корниловский ударный под командованием полковника М. О. Неженцова (около 1000 штыков), в который были включены остатки Георгиевцев и партизанский отряд полковника Симановского; Партизанский - генерала А. П. Богаевского (около 1000 штыков), сведенный из донских партизанских отрядов; Офицерский — генерала С. Л. Маркова (750 штыков), включавший три офицерских батальона, Кавказский кавалерийский дивизион полковника Ширяева и Морскую роту. Кроме того, отдельными оставались Юнкерский батальон, объединенный с Ростовским студенческим полком генерала А. А. Боровского под его командой, и Чехословацкий батальон под командованием капитана Неметчика. Конница объединялась в три дивизиона, насчитывавшие немногим более 800 шашек: полковника П. В. фон Глазенапа, полковника В. С. Гершельмана и подполковника Корнилова. Артиллерию составил дивизион из четырех двухорудийных батарей под командованием полковника Икишева. Из 3700 бойцов, находившихся в строю Добровольческой Армии, 2350 были офицерами. Среди них - 36 генералов, 242 штаб-офицера (20 из которых числились по Генеральному Штабу), 1848 обер-офицеров (штабс-капитанов - 251, поручиков - 394, подпоручиков - 535, прапорщиков, в том числе произведенных из юнкеров, - 668). В Армии было 165 женщин; три четверти из них составляли сестры милосердия, но были и женщины-добровольцы, многие из которых погибли смертью храбрых.

Немудрено, что проводимые реорганизации частей вызывали непонимание у смещенных начальников и неудовольствие в частях. Фактически командиры батальонов перешли на положение ротных начальников. Спешно укомплектовывались обозы, лошадей Добровольцы вынуждены были покупать у населения с большим трудом и за баснословную цену. Крестьяне уклонялись от продажи фуража, хлеба, скота, лошадей и провианта и предпочитали натуральный обмен на товары, которых у Добровольцев, конечно, не было. Мало было и денег в казне - 6 000 000 рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Думающий о будущем генерал Корнилов старался сохранить среди простых людей порядочное имя своей крохотной Армии и запретил реквизиции.

В Ольгинской адъютант генерала корнет Резак Бек Хаджиев по поручению Лавра Георгиевича купил в лавке по три аршина белой, синей и красной материи. Владелица лавки сшила из них трехцветный национальный флаг, под которым Добровольческая

Армия и совершила свой легендарный Кубанский поход.

13 февраля на совещании командного состава Добровольческой Армии и покинувших Новочеркасск донских партизан генерала П. Х. Попова обсуждался план дальнейших действий. Добровольцы склонялись к продвижению на Екатеринодар. Во-первых, там также имелись добровольческие формирования, во-вторых, за счет Кубанского Казачьего Войска Армия могла пополнить ряды и усилить свое положение, чтобы продолжить оттуда борьбу с большевиками.

Сомнение выразил генерал Лукомский: «...При походе на Екатеринодар нужно будет 2 раза переходить железную дорогу - около станций Кагальницкой и Сосыка. Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, преградят там путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение. Заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно». Походный Атаман Донского Войска Попов предлагал перейти в Задонье, в район зимовников и здесь, в удалении от железных дорог, прикрываясь с севера рекой Доном, пополнить обоз, отдохнуть и поменять конский состав.

Но удобный для действий небольших партизанских групп степной район представлял трудности для единой Добровольческой Армии: удаленные друг от друга зимовники не обладали ни достаточным жильем, ни топливом и были пригодными лишь для отдельных отрядов. При отсутствии технических средств связи управление ими было бы затруднено. Степной район ничего, кроме немолотого зерна, сена и скота, для удовлетворения нужд армии дать не мог. Кроме того, не приходилось рассчитывать на то, что красные оставят Добровольческую Армию в покое и не попытаются уничтожить белых по частям. И несмотря на то, что партизаны Попова все-таки уходят в Задонье в так называемый «Степной поход», генерал Корнилов в итоге принимает непоколебимое решение о походе на Екатеринодар.

88 верст от Ольгинской до Егорлыцкой белые идут шесть дней. В походе генерал Корнилов занимается прежде всего сплочением войсковых соединений. А. И. Деникин в своих мемуарах описал общую обстановку и настроения в Добровольческих частях в это непростое для белых время: «...У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его

обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговеют».

В станице Егорлыцкой Добровольцев встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, снабдили войска продовольствием. На станичном сборе выступили М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов, разъяснив положение в России и цели Добровольческой Армии. Егорлыцкая была последней станицей Донской области. Войска приближались к пределам Ставропольской губернии, занятой частями ушедшей с фронта и болыпевизированной 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было Советской власти, но были местные Советы, анархия и ненависть к «кадетам», как называли противники всех белых. Генерал Корнилов требует ускорить движение, по возможности избегая боев.

С вступлением на территорию Кубанского Казачьего Войска Добровольческая Армия встречает во многих станицах весьма радушный прием. В ее ряды вливаются казачьи пополнения, - так, станица Незамаевская выставила 150 шашек, - а станичные сходы выражают преданность Корнилову... Однако так было не всегда и не везде. При подходе к станице Березанской авангард был встречен градом пуль. Огонь Добровольческой артиллерии и наступление пехотных цепей быстро охладили пыл станичников и заставили их разойтись.

Прошедшая уже почти 250 верст Добровольческая Армия старалась не сталкиваться с превосходящими силами красных. Кубанский Военно-революционный комитет располагал значительными силами под командованием бывшего хорунжего А. И. Автономова, и теперь Добровольцам предстояло вступать в более серьезные бои, одной из целей которых было пополнение боезапаса на складах, расположенных у железнодорожной магистрали Тихорецкая - Екатеринодар.

Как и предполагал Л. Г. Корнилов, бои оказываются крайне тяжелыми. Их участники вспоминают типичную картину: «Все, кроме командующего, ложатся и пытаются убедить его сделать то же самое. Тщетно...» Наступление вот-вот захлебнется. Откатывается назад под ударами превосходящих сил противника Корниловский полк... Патроны и снаряды на исходе; Верховный приказывает выдать последние. Увидев своего шефа стоящим под огнем в полный рост, Корниловцы невольно приостанавливаются и поворачиваются в контратаку...

Ценой неимоверных усилий и огромных потерь Добровольцам удается наконец захватить значительное количество боеприпасов. К ним присоединяется отряд в три сотни казаков из станицы Брюховецкой. И вдруг - известие о том, что в

ночь на 1 марта отряд, сформированный Кубанским Правительством под командованием генерала В. Л. Покровского, вместе с Атаманом, Правительством и Законодательной Радой («кубанским парламентом») покинули Екатеринодар и ушли в Закубанье. Теперь терялся весь смысл операции.

«Если бы Екатеринодар держался, - говорит на совещании руководящего состава Добровольческой Армии Л. Г. Корнилов, - тогда не было бы других решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств».

В ночь на 5 марта Добровольческая Армия скрытно двинулась на Усть-Лабинскую переправу. Отдых предполагался в станице Раздольной, однако с рассветом значительные силы красных под командованием бывшего подъесаула И. Л. Сорокина, занявшие после ухода арьергарда станицу Кореновскую, стали теснить Партизан А. П. Богаевского. Обоз обстреливался вражеской артиллерией, подошедший бронепоезд осыпал белых шрапнелью... Однако Партизанский полк сумел ворваться на станцию и в станицу, сбил красных с их позиций, овладел мостом и перешел реку Кубань. Так с боями были пройдены еще 40 верст пути до станицы Некрасовской, которую большевики оставили без боя.

Тем временем значительные силы красных сосредоточились в Майкопе. Генерал Корнилов предпринял обманный маневр, дабы ввести противника в заблуждение. Перейдя реку Белую, Добровольческая Армия круто повернула на запад. По мнению Лавра Георгиевича, этот маневр позволял снизить активность врага, выводил Армию к черкесским аулам, создавал возможность соединиться с отошедшим на Горячий Ключ «Кубанским Правительственным Отрядом». Но и в дальнейшем Добровольческая Армия продолжала встречать ожесточенное сопротивление и нести страшные потери в кровопролитных боях. Один из таких крупных боев произошел 10 марта во время переправы через реку Белую. На беспрерывный артиллерийский огонь красных белые отвечали редкими выстрелами - экономили боеприпасы. К вечеру установилось шаткое равновесие, которое чутко уловил Корнилов, использовав этот момент для решительного наступления. По его приказу главные силы Добровольческой Армии перешли в контратаку на западном направлении, оттеснив красных. Добровольцы вышли из окружения и через трое суток были уже в ауле Шенджий, где встали на постой. А буквально на следующий день в сопровождении конвоя из кубанских казаков и кавказских

всадников в аул прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Покровский, отряд которого представлял значительную силу.

Командующим предстояло решить один главный вопрос - об объединении сил для совместных действий. Генерал Л. Г. Корнилов предложил кубанцам влиться в состав Добровольческой Армии, В. Л. Покровский же высказался за сохранение самостоятельности своего отряда, поскольку согласно «конституции» края кубанские власти хотели иметь свою армию. Он соглашался войти лишь в оперативное подчинение Корнилову. Как бы то ни было, медлить далее было нельзя, а потому 15 марта обозы кубанцев и Добровольцев были объединены в станице Калужской под небольшим прикрытием, основные же силы белых должны были в тот же день совместными усилиями захватить станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупной группировкой большевиков.

Путь к Ново-Дмитриевской оказался крайне тяжелым. Всю ночь лил дождь, к полудню пошел снег, подул северный ветер. На подходе к станице авангард был обстрелян боевым охранением красных. Поднявшаяся вода унесла мост. Едва нашли узкий брод глубиной в метр и под непрерывным огнем противника начали переправу. К вечеру опять подморозило, и люди и лошади стали покрываться ледяной коркой... Станица была взята, а славный переход и увенчавший его бой были впоследствии названы «Ледяным походом», и это имя перейдет на весь «анабазис» Добровольческой Армии.

Через день было собрано совещание с представителями Кубанского Правительства. Приехали Войсковой Атаман полковник А. П. Филимонов, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. С. Рябовол, глава Правительства Л. Л. Быч. В длинных переговорах с кубанцами Л. Г. Корнилов пытался объяснять элементарные основы военной организации, те же ссылались на «конституцию суверенной Кубани», говорили о необходимости «автономной» армии как опоры Правительства. Но Лавр Георгиевич категорически отказался командовать разрозненными воинскими формированиями, а потому Правительство Кубани вынуждено было согласиться на объединение сил.

В результате Добровольческая Армия получила солидное пополнение, увеличившее ее численность до 6 ООО бойцов. Проведя реорганизацию, генерал Л. Г. Корнилов разбил армию на три бригады. 1-ю бригаду возглавил генерал С. Л. Марков (Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я артиллерийские батареи). Во главе 2-й стал

генерал А. П. Богаевский (Корниловский ударный и Партизанский полки, Пластунский батальон, 2-я, 3-я и 5-я батареи). Конную бригаду возглавил генерал И. Г. Эрдели (1-й Конный - из дивизионов Глазенапа и Гершельмана - и Кубанский конный полки, конная артиллерийская батарея). Эти силы, которым противостоит 60-тысячная екатеринодарская группировка красных с артиллерией и бронепоездами, и планирует бросить на штурм города генерал Корнилов. До его смерти остается немногим более десяти дней...

По замыслам Лавра Георгиевича, для обеспечения возможности переправы и пополнения боеприпасов за счет трофеев, необходимо было разбить отряды красных, расположенные южнее Екатеринодара. После этого внезапным ударом захватить станицу Елизаветинскую, где была паромная переправа и где белых менее всего могли ожидать. Затем перейти реку Кубань и атаковать Екатеринодар не позднее 28 марта.

Уже на подступах к городу, 30 марта генерал Корнилов созывает военный совет, на котором старается убедить соратников в необходимости решительного штурма Екатеринодара. На совете присутствовали генералы М. В. Алексеев, И. П. Романовский, С. Л. Марков, А. П. Богаевский, А. И. Деникин, полковник А. П. Филимонов. Добровольческая Армия к этому времени понесла серьезные потери. Катастрофический некомплект ее частей, недостаток боеприпасов, физическая утомленность людей ставили под угрозу реализацию корниловского плана. Боевой дух подрывали казаки, часть которых отказывалась воевать и возвращалась домой в станицы.

Тем не менее генерал Корнилов, надеясь на поддержку своих соратников, заявляет, что, несмотря на тяжелое положение Добровольческой Армии, не видит другого выхода из создавшегося положения, как на рассвете атаковать Екатеринодар. Сомнение выразил генерал М. В. Алексеев, предложив отложить штурм на сутки, чтобы произвести перегруппировку армии и дать войскам отдохнуть, а может быть, и дождаться пополнения от станичников, на подход которого сохранялась надежда. Лавр Георгиевич соглашается, понимая, что это только отдалит решающий час и ослабит накаленную до предела обстановку. До гибели Верховного остается лишь несколько часов...

Штурм Екатеринодара был назначен на 31 марта. Красное командование, несмотря на десятикратное численное превосходство, начало эвакуацию. Добровольцы подошли к окраинам. Генерал Б. И. Казанович во главе части Партизанского полка дошел даже до центра города, но, никем не поддержанный,

отошел, захватив обоз и боеприпасы. Конница генерала Эрдели не смогла войти с тыла в город, и результат боя у Екатеринодарских садов оказался нерешительным, а станица Пашковская не выставила, вопреки данным ранее обещаниям, добровольцев-казаков. 30 марта в атаке был убит любимец Верховного, командир Корниловцев полковник М. О. Неженцов. Лавр Георгиевич был потрясен, угнетен и мрачен.

31 марта 1918 года... Это утро надолго останется в памяти у всех, кто находился тогда в рядах Добровольческой Армии. По воспоминаниям А. И. Деникина, «...генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел: силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило о печку... Когда затем Казанович и Долинский (один из адъютантов Лавра Георгиевича. - *Е. К.)* вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра... Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению... Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение...»

Воспоминания Деникина, однако, неточны. Единственный свидетель гибели Верховного, его адъютант корнет Хаджиев, много лет спустя, уже в эмиграции, скрупулезно восстановил в памяти и опубликовал воспоминания о последних минутах жизни своего генерала. Нам они кажутся наиболее достоверным документальным свидетельством, а потому приводим их, исправляя ошибки генерала Деникина.

* * *

«31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцева, привезенным ночью. Верховный и я прошли в рощу, где под молодой елкой на зеленой траве, покрытый полковым знаменем, лежал полковник Неженцев. Его длинное тело не все было покрыто знаменем, а только часть с головы до колен. Ноги его в мягких высоких сапогах, левый простреленный еще в боях под Кореневской, оставались

снаружи. У тела стоял часовой-Корниловец. Верховный, крупным шагом подойдя к Неженцеву, откинул угол знамени, закрывавший лицо, глянул на него и сказал: "Царство Небесное тебе, без страха и упрека честный патриот Митрофан Осипович". Глаза Верховного в это время заблестели, впившись в лицо Неженцева. Лицо его было сперва бледное, а потом сразу приняло бронзовый цвет. После этого Верховный, круто повернувшись, приказал часовому: "Прикройте лицо", и опять крупным шагом, опустив голову вниз и заложив обе руки назад, с суровым выражением лица направился в штаб.

В это время обстрел рощи участился. Снаряды беспрерывно рвались над ней. Линия их разрывов стала подходить к дому Верховного все ближе и ближе. Вот один из них, разорвавшись, убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. Одного из казаков с раздробленной ногой Верховный приказал внести в домик, где рядом с комнатой Верховного находилась перевязочная комната, и приказал вызвать доктора, чтобы он помог раненому. "Ваше Высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба, так как большевики хорошо пристрелялись к роще. Вы видите их работу", - указал я Верховному на умиравших в конвульсиях казаков. "А..." - произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем. Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой. Потом глубоко вздохнул. Вздох его был такой сильный и продолжительный, что мне казалось, воздуха Вселенной для него недостаточно.

Зайдя в свою комнату, я застал корнета Силаба Сердарова, текинца из конвоя, и генерала Деникина. Сердаров сидел на полу и ел откуда-то добытый белый хлеб, половину из которого он уступил мне. Разговорились мы по-текински полушепотом и старались не мешать генералу Деникину, который в это время лежал на кровати на голых досках, положив под голову свою серую барашковую шапку. Он хмуро и сосредоточенно глядел в потолок и о чем-то думал. "Ну что, хан, обстрел ослабевает?" - спросил он меня, не отрываясь от той точки потолка, куда он глядел. "Куда там, Ваше Превосходительство. У меня предчувствие, что сейчас снаряд ударит в наш дом", - ответил я спокойно. "Тьфу, типун Вам на язык", - проговорил он быстро и, вскочив с кровати, направился к выходу. "Вот спасибо тебе, хан, за услугу. Теперь я отдохну, а то вот четвертую ночь не сплю", - сказал Сердаров, удобно устроившись на оставленной генералом Деникиным кровати.

Большевицкий плакат.

Верховный не пошел на фронт, потому что ему доложили, что от Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжения генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в этой несчастной комнате в этот день 3 обстоятельства - прощание с телом Неженцева, донесение от Эрдели и самое главное — Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кисмет![3]

Я вошел к Верховному. Он, приподняв голову, взглянул на меня и сказал: "Хан, дорогой, дайте мне пожалуйста чаю. У меня что-то в горле сохнет". Я пошел за чаем, которого, кстати, Верховный еще не пил с утра. Обождав, пока Фока вскипятит чай и взяв кружку чая, я пошел к Верховному. Он сидел за столом уже одетый в полушубок и папаху, собираясь, очевидно, после чая на позиции. Между ногами находилась его неизменная палка (в начале февраля неизвестный полковник Рымникского полка от имени нескольких офицеров и солдат полка поднес генералу Корнилову суковатую палку с вырезанными на ней словами: «29 апреля 1915 года. Орлиное гнездо». - Е. К.). На столе, на карте, лежала какая-то бумага, на которой он писал резолюцию. Левая рука его лежала на карте. Он сидел спиной к печке, приблизительно на пол-аршина от нее. Я видел его профиль. По мере движения правой руки, двигалась и левая, блестя кольцами на безымянном пальце, что приковало мое внимание. Держа в одной руке кружку чая, а в другой кусок

белого хлеба, данный мне Силаб Сердаровым, я собирался перешагнуть порог, как вдруг ударил тот снаряд, о котором мое предчувствие полчаса тому назад меня предупредило. Раздался сильный шум и треск. Верховного швырнуло в сидячем положении к печке, и он, очевидно, ударившись о нее головой, рухнулся на пол. На него обрушился потолок.

Я пришел в себя перед дверью команды связи, которая находилась напротив комнаты Верховного. Открыв глаза, я увидел бегущих и прыгающих через меня людей. Это были чины из комнаты команды связи, первые бросившиеся в комнату Верховного. Вспомнив только что произошедшее, я вскочил и бросился в комнату Верховного, которая была наполнена газом и черным едким дымом, смешанным с пылью, что не давало мне возможности различать лица находившихся там в это время. Но все же я хорошо запомнил полковника Ратманова, Силаба Сердарова и одного поручика из команды связи, которые помогли мне вытащить Верховного за ноги из-под обломков. Когда уже Верховный был поднят и был в наших руках, тогда вбежал в комнату генерал Романовский и, увидя меня, удивленно спросил: "Вы живы, хан?" Очевидно, ему успели сообщить о моей смерти. За Романовским подошел генерал Казанович. Они помогли вынести Верховного перед входом в штабное помещение. По моим часам было ровно 8 часов, когда мы с телом Верховного спускались по наружным ступенькам дома, направляясь по указанию генерала Романовского на берег Кубани, отстоящей на 200-300 шагов от дома. Когда мы совсем спустились с крыльца, тогда начали собираться со всех сторон с рыданиями люди, в том числе с белой повязкой через плечо генерал Казанович[4]*, у которого рука была раздроблена пулей под Екатеринодаром и который все же оставался в строю. По мере того, как мы двигались по направлению к Кубани, рыдающая толпа увеличивалась. Когда мы несли Верховного в наших руках, то он бессознательно открывал и закрывал свои глаза и сильно хрипел. Все лицо и одежда были покрыты известью, а из левой руки сочилась кровь. Наконец, мы дошли до обрыва, где сидел генерал Деникин. Мы, 4 человека, осторожно положили Верховного на землю. Голова его находилась на моем колене, потому что я держал его плечи. Никаких носилок не было. Раньше, чем прибыл доктор Марковского (Офицерского. -* Е. К.*) полка, Верховный открыл на мгновение глаза и тотчас закрыл, издал тяжелый вздох, захрипел и скончался. Было 8 часов 15 минут. Доктор открыл левый глаз Верховного и ответил генералу Деникину, задавшему вопрос: "Есть ли надежда, доктор?" - отрицательно покачав головой.*

Вот это мое точное описание как очевидца последних минут

жизни Великого Бояра. Не прошло и минуты после осмотра доктора, как корнет Сердаров, Мистулов, полковник Григорьев, Ратманов и я понесли тело Верховного на руках до первой попавшейся линейки. Устроив его на соломе и покрыв его же пробитой снарядом буркой, я отправился в комнату Верховного. Отыскав среди мусора его кожаный бумажник, карту с пятнами крови и отобрав у людей кое-какие вещи Верховного, я возвратился к моим людям конвоя, которые запрягали лошадей в линейку и ждали меня. Пока я вручал генералу Романовскому окровавленную карту Верховного, приказал привести Булана (конь Корнилова. - Е. К.) *и принял кое-какие меры. Было уже 9 часов утра, а в 9.30 печальное шествие вышло на дорогу. Погода была ясная и солнечная, и весь конвой от фермы до Елизаветинской станицы шел пешком. За линейкой Дронов, конюх Верховного, вел мрачного Булана, который, как бы почуяв потерю своего великого седока, опустив голову вниз, шагал печально и медленно. Каждый из встреченных офицеров или солдат, увидя Булана, не спрашивая у нас ни слова, подходил к линейке и рыдал. На полпути к Елизаветинской мы встретили генерала Алексеева, по вызову генерала Деникина ехавшего на ферму. Он, поравнявшись с нами, слез с лошади и, подойдя к линейке, приоткрыл лицо Верховного, снял шапку, перекрестился, поклонился телу и, обратившись к находящемуся здесь же полковнику Григорьеву, тихим голосом приказал: "Возьмите на себя, полковник, заботу о теле"».*

* * *

По армии был оглашен приказ генерала Алексеева:

«Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч[асов] 30 м[инут] 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Эскиз неосуществленного памятника воинам Белой армии, 1919 год.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею - известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову - нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!»

Чтобы «оживить» образ Л. Г. Корнилова, вновь дадим слово его адъютанту, корнету Резак Бек Хаджиеву, чьи воспоминания в виде ответов на вопросы о своем командире увидели свет уже в эмиграции, много лет спустя после смерти Корнилова. Они дополняют портрет генерала, делая образ Верховного более близким и человечным. Таким он остался в памяти своих боевых соратников и подчиненных.

«Звание Верховный закрепилось за ним по моему настоянию, несмотря на то, что многие просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им главнокомандования генералу Алексееву... Текинцы звали его "Сердар" - Глава. С тех пор и доныне генерал Корнилов остается для нас "Верховным". С той минуты, как он сдал свой пост Алексееву, сочувствующие его идее полковники и генералы в Ставке величали его "Ваше Превосходительство", а ниже полковника - "Ваше Высокопревосходительство". Один только генерал Деникин называл его по имени и отчеству. Чины Корниловского и Офицерского полков за глаза называли его "Батька"...»

«9 февраля 1918 года Верховный вышел в поход в кителе с генеральскими погонами, на нем были брюки темно-синего цвета с красными широкими лампасами, на ногах - высокие сапоги без шпор. Носил он солдатскую шинель, переделанную в полушубок, с генеральскими погонами на плечах, на голове - простую солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов или других украшений он не носил, за исключением венчального кольца и другого - с китайскими иероглифами на нем. Это кольцо служило как бы печатью, которую он накладывал на конверты в весьма экстренных случаях или если письмо было секретно и исходило от него. Большой шейный крест 3-й степени на георгиевской ленте, офицерский Георгиевский крест 4-й степени, орден Почетного легиона — офицерский, украшенный лавровыми листьями, на темно-зеленой с красными полосками ленточке[5]*, — в Быхове все эти награды он снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором кроме этих орденов он носил еще некоторые документы, личные записки, список имен разных лиц, фото семьи, количество оставшихся снарядов и т. п....»*

«Однажды в 1-м Кубанском походе генерал Корнилов услышал песню Корниловского полка и попросил, чтобы ему записали слова. Листок с этой песней, пробитый осколком, нашли в кармане на груди погибшего генерала. Это так поразило Корниловцев, что с той поры песня Кривошеева стала официальным маршем Корниловцев...» (Слова «Гимна Корниловцев»:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, -
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев:

Вперед, на бой,

Вперед, на бой,
На бой, открытый бой.

Мы былого не жалеем,
Царь нам - не кумир[6], -
Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а - верный друг.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду,
И в огонь идут.)

«Вместо полагавшегося ему жалонерного значка Главнокомандующего генерал Корнилов приказал сшить обычный трехцветный флаг. Во всех боях флаг этот неизменно оставался возле него воткнутым в землю, иногда его держал в руках находившийся рядом текинец. Как только генерал Корнилов занимал позицию на передовой линии со своим штабом и наблюдательным пунктом, красные начинали бешено палить по флагу. Флаг гордо, красиво и высоко развевался над головой Пророка, а его верующие ученики с гордостью шли на смерть за флаг и вождя...»

«При себе генерал Корнилов носил заряженный маленький маузер, но никогда не стрелял. Всегда его пистолет, часы черного цвета без верхней крышки марки "Павел Бурэ", коробка спичек, свеча, записная книжка и карандаш лежали на стуле около его головы, когда он ложился спать, а днем на столе, за которым он сидел...»

«Генерал Корнилов не курил, любил в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом, но не всегда имел такое удовольствие. Кушал медленно и был нетребователен к еде...»

«У генерала Корнилова была особая бурка, которую в день

соединения Добровольческой армии с Кубанским отрядом в ауле Шенджий мне поднес ротмистр Султан Гирей, ая - Верховному. Этой буркой он укрывался, как одеялом. Иногда клал на солому как тюфяк. В день его смерти бурка лежала на кровати, и часть ее свисала до пола. Граната, пробившая стену, прошла через бурку, чтобы убить Верховного...»

«После смерти генерала Корнилова, когда тело его обмыли от сочившейся из ран крови, пришел батюшка и отслужил панихиду. Весть о смерти генерала Корнилова мгновенно разнеслась по станице, и раненые, кто только мог, приходили поклониться телу любимого Вождя. Офицеры рыдали. Его бурка, брюки, полушубок и папаха, оставленные для просушки, были разрезаны пришедшими на кусочки и разобраны на память...»

«Все его личные вещи, бумажник, окровавленные кольца и маленький золотой крестик на тоненькой цепочке я вручил Наталье Лавровне (дочери генерала. -Е.К.) в Новочеркасске...»

Дабы скрыть могилы генерала Л. Г. Корнилова и погибшего ранее полковника М. О. Неженцова, захоронение проводилось ночью на пустыре за немецкой колонией в 50 верстах от Екатеринодара. Не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Точное место знали лишь три человека. Однако утром занявшие колонию большевики сумели найти могилу Корнилова, надругались над его останками, отвезли их в Екатеринодар, а затем сожгли. Пепел был развеян за городом...

Так закончил свой жизненный путь Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, который остался верен своим идеалам, по праву став одним из основателей Белого движения, навсегда вошедшего в историю России. «Великое значение Белой идеи, которая по существу своему является христианской, не оценена еще до сих пор, - писал в 1949 году Митрополит Русской Православной Церкви Заграницей Анастасий. - Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед судом Истории, если бы оно не породило героев Белого движения, которое будет нашим оправданием перед лицом будущей свободной России».

ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ М. В. АЛЕКСЕЕВ
А. С. Кручинин

Про генерала Алексеева рассказывали такой анекдот:

«В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил:

— Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком...» «Так и карьеру, и путь к бессмертию в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком», - писал по этому поводу

белогвардейский публицист Виктор Севский (В. А. Краснушкин). - «Не блистал, не блестел, так и в истории - в тужурке защитного цвета». И действительно, при взгляде на пройденный Алексеевым путь, от «нижнего чина» до «полного генерала», прежде всего бросается в глаза, что достигал он всего упорным, настойчивым, будничным... и слишком часто незаметным со стороны, кропотливым трудом. Но именно его, скромного до застенчивости и совсем не «картинного», призовет самое героическое время, обычно вызывающее на авансцену истории как раз «блестящих и блистающих»; и так же скромно и незаметно, в разоренной и охваченной смутой России старый генерал будет свершать, как он сам говорил, свое «последнее дело на земле» - создание Добровольческой Армии.

* * *

Биография М. В. Алексеева заслуживает самостоятельного и подробного исследования, и не случайно жизнеописание генерала, составленное в эмиграции его дочерью Верой Михайловной Алексеевой-Борель и увидевшее свет лишь в наши дни в России, превышает 45 печатных листов. Но и беглого взгляда, краткого очерка, достаточно, чтобы и на ранних ступенях служебной лестницы разглядеть в нем те черты, которые ярко проявятся в 1915-1918 годах, когда генерал выдвинется на высшие посты в Российской Императорской, а затем - Белой Армии.

Родился Михаил Васильевич 3 ноября 1857 года в небогатой семье армейского штабс-капитана, выслужившегося из сверхсрочных унтер-офицеров. Свою военную службу он начинает в ноябре 1873 года, не завершив обучения в Тверской классической гимназии и зачислившись вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, а оттуда поступив в Московское пехотное юнкерское училище. Успешно окончив его, Алексеев был выпущен подпрапорщиком в 64-й пехотный Казанский полк, где в свое время служил его отец. В рядах полка Михаил, уже будучи произведенным в прапорщики, получает боевое крещение на Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов. Там он получает первые боевые ордена и легкое ранение (о котором прапорщик, впрочем, никому не сказал, считая его царапиной), а по возвращении из похода более десяти лет тянет лямку строевого офицера в провинциальном гарнизоне, последние два года командуя ротой; одним этим фактом наглядно опровергаются раздававшиеся впоследствии упреки в адрес

Алексеева как «штабного» или даже «канцелярского» генерала, «никогда ничем не командовавшего»: лучше всех знал солдата, ближе всех общался с ним и нес за его подготовку и бытовую устроенность наибольшую ответственность как раз командир роты.

Не имевший семьи 29-летний Алексеев (к моменту командования ротой он уже штабс-капитан) не только служебное, но и свободное время отдает своим подчиненным, наряду с боевой учебой организуя и общеобразовательные беседы, значительно расширявшие кругозор солдат; внимателен и заботлив он и к младшим офицерам, один из которых много позже будет вспоминать об «отеческом» отношении Михаила Васильевича. Однако не следует и идеализировать характер Алексеева. Тот же сослуживец писал, что подчас он, когда солдаты бывали невнимательны «и ученье шло не так, как надо», - «выйдя из себя, кричал, топал ногами, дисциплинарные взыскания сыпал одно за другим, и всем казалось, что наступит что-то невероятное; голос звучал громче, визгливее, и тогда рота понимала, что ротный извелся, и напрягала все свое внимание и старание, и учение понемногу становилось лучше и лучше» (штабс-капитан, впрочем, отличался и отходчивостью). Но это единственное в своем роде свидетельство настолько не вяжется со всеми другими воспоминаниями о Михаиле Васильевиче, что тем самым уже приоткрывает, какую силу воли должен был он впоследствии проявлять, обуздывая свой темперамент, в самых тяжелых ситуациях сохраняя спокойствие и хладнокровие и, за редчайшими исключениями, позволяя себе резкие вспышки эмоций только в частной переписке.

Помимо своих служебных обязанностей Алексеев уделяет внимание и подготовке к поступлению в Академию Генерального Штаба. Из ее стен он вынесет вскоре убеждение, что «область... нашей науки "стратегии" не поддается каким-либо положительным правилам... Могут быть принципы, но и с теми не все согласны...», явственно противоречащее мнению о нем как о кабинетном схоласте. Окончание в 1890 году Академии по первому разряду и причисление к Генеральному Штабу позволили Алексееву, в надеждах на дальнейшее продвижение по службе, подумать и об устройстве личной жизни: он женится на Анне Николаевне Пироцкой, дочери его старшего сослуживца, до конца жизни остававшейся верной и любимой спутницей Михаила Васильевича. Но устройство своего дома и стесненность в средствах для обеспечения семьи (в 1891-1899 годах родилось трое детей) потребовали от Михаила Васильевича еще более напряженной работы - в частности, совмещения службы в Штабе

1-го армейского корпуса с преподаванием в двух военных училищах.

Серьезным работником показал себя Михаил Васильевич и в Академии Генерального Штаба, где с 1898 года состоял профессором (этому предшествовали пять лет службы в канцелярии Военно-ученого комитета Главного Штаба). Его курс истории русского военного искусства нельзя отнести к числу удачных, но основательностью он бесспорно отличался, и заслуги Алексеева были оценены его коллегами: в 1904 году он становится заслуженным профессором Академии, а три с половиной года спустя избирается почетным членом ее Конференции (высшего органа, своего рода «ученого совета»).

Но перед этим была еще Русско-Японская война. С 1900 года профессор Алексеев совмещает преподавание со службой в Главном Штабе, а с середины 1904-го даже оставляет ради нее Академию. В это время он уже генерал-майор, а к трем боевым наградам прибавляются четыре ордена мирного времени. Не желая оставаться в Петербурге, Михаил Васильевич добивается назначения в Действующую Армию и в начале ноября 1904 года отправляется в Штаб III-й Маньчжурской Армии на должность генерал-квартирмейстера.

Звучащие в письмах Михаила Васильевича тех месяцев рассуждения о свойствах истинного военачальника очень важны для понимания его личности. «Полководцу нужны: талант, счастье, решимость, - пишет он. - Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. ...На войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать». Как это непохоже на «столоначальника», каким обычно представляют Алексеева! В отличие от своих младших соратников по Белому движению - Корнилова, Деникина, Маркова, - он действительно не был человеком порыва, ему не были присущи лихость, отчаянность, азарт, -однако у Михаила Васильевича не отнять и понимания необходимости дерзать, учета морального фактора, вкуса к военному творчеству. Покажет он себя и подлинно боевым генералом, получив за Мукденское сражение Золотое Оружие. Но ценнее любых орденов должен был стать тот боевой опыт, который Алексеев приобрел в условиях современной войны, уже предвосхищавших многое из того, с чем вскоре придется столкнуться на Первой мировой.

* * *

По возвращении в Петербург генерал-майор Алексеев

получает назначение на должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где и служит в течение двух лет. В конце августа 1908 года он назначается начальником Штаба Киевского военного округа (а вскоре и производится в генерал-лейтенанты), но уезжает к новому месту службы, должно быть, не с легким сердцем: «военный ренессанс», когда на основании опыта прошедшей войны пересматривались многие положения боевой подготовки, тактики и оперативного искусства, активным участником чего был Алексеев, проходил в отнюдь не простой обстановке. Борьба новаторских и консервативных тенденций внутри самого военного ведомства осложнялась настойчивыми попытками вмешательства в армейские и флотские дела «общественных деятелей», пытавшихся, противопоставляя себя чиновной бюрократии, играть роль единственных «радетелей о России и русском народе». Напущенный в те годы туман не рассеялся и по сей день, лучшим примером чего могут служить непрекращающиеся обвинения генерала Алексеева в принадлежности к масонству.

Само по себе членство в тайном обществе, тем более - категорически осуждаемом Православной Церковью, действительно было не просто предосудительным, но прямо недопустимым для офицера Российской Императорской Армии; беда лишь в том, что никто из громогласных обвинителей за многие десятилетия не только не привел никаких доказательств, но даже не определил, о чем же, собственно, идет речь. В одну кучу валятся иронически прозванный «младотурками» кружок молодых генштабистов (к которому Алексеев заведомо не относился); армейские деятели, склонные к сотрудничеству с лево-либеральной «общественностью» и Думой (яркий представитель этих кругов - помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, которого Михаил Васильевич в письмах называл «дельцом интриги» и никак не мог быть его сотрудником и единомышленником); некая мифическая «Военная Ложа», ни состава, ни характера реальной деятельности которой, однако, не способен аргументированно осветить никто из козыряющих этим страшным термином... Поэтому оставим бездоказательные, если не вообще недоказуемые измышления (равно как и утверждения о якобы исповедуемых Анной Николаевной Алексеевой «левых взглядах») и в дальнейшем будем делать выводы о воззрениях генерала лишь на основании конкретных его поступков.

Четырехлетняя служба в Киевском военном округе дала Алексееву хорошую подготовку к будущей войне, начинать которую ему доведется именно на этом театре; даже критически относящийся к нему историк вынужден признать его «мозгом и

душою всей русской стратегии», в алексеевском варианте проникнутой решительностью и наступательным духом. Наступательные операции первых дней мировой войны, однако, далеко не всегда будут успешными - достаточно вспомнить катастрофу II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии, где, в частности, погиб в окружении XIII-й армейский корпус, которым два предвоенных года командовал генерал-лейтенант Алексеев («Как больно за мой 13-й корпус...» - обронит он в разговоре с сыном Николаем, также ставшим к тому времени офицером).

А сам Алексеев находился в это время далеко от своих недавних сослуживцев - на Юго-Западном фронте, в соответствии с мобилизационным планом приняв пост начальника Штаба Главнокомандующего армиями фронта генерала Н. И. Иванова. Здесь им предстояло в первые месяцы войны разыграть крупную операцию, в определенной мере компенсировавшую моральный удар, нанесенный России в Восточной Пруссии, и вошедшую в историю под именем Галицийской битвы.

* * *

Позднее укрепилось мнение, будто Императорско-Королевская Австро-Венгерская Армия не являлась серьезным врагом и вообще не была ни на что способна без мощной поддержки своего германского союзника. Следует, однако, считать такую точку зрения весьма далекой от истины, по крайней мере в первый период войны, когда австрийцы развили опасное наступление. Переломить ход событий, создавая австрийской армии репутацию «вечно битой», предстояло русским войскам Юго-Западного фронта.

И задача эта была достигнута. Пять русских армий в кровопролитных боях вырвали у противника стратегическую инициативу и погнали его, перейдя границу и заняв Львов. Уже в этот первый период войны заставили говорить о себе - сначала в Армии, а затем и в более широких кругах русского общества - многие из тех генералов, которые вскоре окажутся на видных ролях в Белом движении: А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин... Впрочем, тогда же выдвигается на первый план и генерал, чьи заслуги представляются несправедливо преувеличенными, — Н. В. Рузский.

Погнавшийся за дешевыми лаврами «покорителя Львова» и во главе своей III-й армии слишком долго не выполнявший распоряжений командования фронтом, Рузский за эту кампанию

был награжден сразу IV-й и III-й степенями ордена Святого Георгия и назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта (генерал Иванов, заслуживший IV-ю степень на Японской войне, был удостоен Георгия III-й степени, а Алексеев - IV-й; вскоре Михаил Васильевич был произведен в генералы-от-инфантерии). В связи с действиями III-й армии Алексееву иногда ставилось в вину неумение «власть употребить», разговаривать с подчиненными категорическим тоном и приводить их к повиновению, - но критиками забывается, что при живом командующем его начальник штаба и не должен брать этого на себя. То, чего требовали от Алексеева, следовало требовать от генерала Иванова, а само переадресование претензий говорит, пожалуй, о ложном положении Михаила Васильевича, на которого неизменно перекладывали моральную ответственность за действия тех, кто по своему служебному положению не только мог, но и обязан был принимать волевые решения. Казалось, правда, что следующее назначение даст такую возможность и ему самому...

13 марта 1915 года генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта на место Рузского. «С молитвою к Богу и с верою в Его Святую волю вступлю [в] исполнение той высокой обязанности, которую Ваше Императорское Высочество соизволили возложить на меня.

Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев перед зданием Ставки в Могилеве, 1917 год.

Все силы воли [и] ума приложу, чтобы оказаться достойным Вашего доверия, высокой милости, быть действительно полезным Великому Государю и родине», - телеграфировал Алексеев Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу, и в его устах это не было пустыми «придворными» фразами.

Михаилу Васильевичу досталось далеко не лучшее наследство. «Позади - ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект, - писал он сыну. — ...Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая ложится теперь исключительно на одного меня». С ответственностью, правда, приходила и большая свобода решений, однако грозные события вскоре лишат Алексеева этой свободы в самом важном стратегическом вопросе, оставляя ему лишь полноту ответственности.

19 апреля Юго-Западный фронт был потрясен прорывом у местечка Горлицы. «Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли насмарку», - волнуется, пытаясь из своего штаба разглядеть причины разыгравшейся в Галиции трагедии, генерал Алексеев, в частных письмах уже называющий противника не иначе как «эти мерзавцы». Кровопролитные бои привели к потере всех

галицийских территориальных приобретений первого года войны и вывели немцев во фланг войскам Северо-Западного фронта. Привислинские губернии (Царство Польское) образовывали теперь стратегический выступ, «срезать» который мощным наступлением с юга - из Галиции и с севера - из Восточной Пруссии намеревалось германское командование, приступившее к реализации этого плана в июне.

В создавшейся ситуации, все более осложнявшейся в течение июля — августа, генерал Алексеев принимает единственно верное стратегическое решение -отводить вверенные ему армии, не считаясь с оставлением значительных территорий и имея главной целью сохранение живой силы, необходимой для продолжения войны. Но свобода его мысли и решений вновь оказывалась стесненной, ибо оставлялась не просто территория, а все Царство Польское, что было вопросом политическим и выходило за пределы, в которых Главнокомандующий армиями фронта смеет действовать самостоятельно. А Ставка Верховного Главнокомандующего колебалась и лишь к началу августа санкционировала отход, названный позднее «Великим Отступлением».

И все же даже в эти тяжелые дни Алексеев сохранял веру в русского солдата, русского офицера, - в Русскую Армию. Но в это же время в глубоком тылу царили совсем другие настроения, последствия которых отразились в ближайшие недели и на судьбе Михаила Васильевича.

* * *

Паника обычно рождается в тылу быстрее, чем на фронте, и Великая война не была исключением из этого правила: в общественно-политических кругах царили растерянность и страх, приобретавшие уже истерический характер. Справедливость требует признать, что «избранникам народа» (самим присвоившим себе этот титул, группировавшимся в основном вокруг Государственной Думы и либеральной прессы) ничуть не уступали в этих настроениях избранники Царя - действовавший кабинет министров. Охваченные паническим настроением государственные мужи огульно винили во всем происходящем Ставку Верховного, поднимая вопрос о созыве «чрезвычайного военного совета» под Высочайшим председательством. Однако когда Император Николай Александрович 6 августа заявил о намерении лично возглавить Действующую Армию, последовала буря протестов со стороны людей, своей предыдущей

деятельностью фактически наталкивавших Императора на такую мысль. Теперь же министры были искренне напуганы нарисованной ими самими картиной, страшась, что продолжение неудач на фронте роковым образом скажется на отношении народа к «несчастливому» Царю, и рекомендовали возложить обязанности Верховного Главнокомандующего на «козла отпущения за ошибки прошлого», которым мог стать генерал, избранный на должность начальника Штаба Верховного. Уже известно было со слов самого Государя, что генералом этим будет Михаил Васильевич Алексеев.

Алексеев узнал о предстоящем назначении лишь вечером 11 августа. На размышления о выборе сотрудников ему оставалось меньше трех суток (Государь собирался вступить в командование 14-го), а в это время готовилось еще и запланированное заранее разделение Северо-Западного фронта на два. Таким образом, реорганизации подвергались сразу несколько штабов, и столь крупные изменения не могли не показаться рискованными человеку, стоявшему близко к войскам, нуждам и заботам продолжавшего Великое Отступление фронта.

Михаил Васильевич должен был находиться в это время отнюдь не в лучшем состоянии духа: тяжелые события подавляли и его, и незадолго до получения известий о неожиданном назначении он писал начальнику Штаба Верховного (чье место ему теперь предстояло занять): **«Придя [к] глубокому убеждению, что командование мое приносит армиям неудачи, родине [—] горе, прошу представить Верховному Главнокомандующему мою всепреданнейшую просьбу отчислить меня от занимаемой должности и уволить [в] отставку»**[7]. Казалось бы, новые известия, особенно перспектива одновременных многочисленных реорганизаций, должны были бы окончательно добить его, однако этого не произошло. Овладев собою, он просит лишь об отсрочке вступления Императора в должность Верховного Главнокомандующего.

«Переживаемый кризис не окончится к 14 августа, - настаивает Алексеев, - *и к этому числу не определится даже в окончательной форме его разрешение.*

Вывести армии из этого положения, по моему убеждению, обязаны те начальники, которые ныне так или иначе ведут дело и являются всецело ответственными перед Государем и Россией за обстановку данной минуты. Переменить начальников до окончания операции и трудно, и опасно…

Высшие интересы требуют, чтобы Его Императорское Величество соизволил вступить в верховное командование войсками только тогда, когда будет пережит настоящий кризис,

когда армии, хотя ослабленные, будут поставлены в более благоприятное положение.

В этот промежуток времени состоится разделение на Северный и Западный фронты (ночь с 17 на 18 августа), и вступление в исполнение своих обязанностей моего заместителя произойдет для него при более легких и менее ответственных условиях».

Первая просимая отсрочка была Алексееву дана: в сжатые, но не настолько, как предполагалось первоначально, сроки он сумел подготовить необходимые перестановки, и через неделю, 18 августа 1915 года, был издан Высочайший приказ о его назначении начальником Штаба Верховного. Однако недолгий срок отделил эту дату и от кардинальной, самой важной для России перемены, - и 23 августа страна услышала голос нового Верховного Главнокомандующего:

«Сего числа Я принял на Себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай»

Как видим, с первым (и менее принципиальным) ходатайством Алексеева Государь согласился; со вторым же - дать действующим начальникам самим вывести армию из переживаемого кризиса - нет.

* * *

Это было связано с высоким осознанием Государем Своей миссии Помазанника Божьего, несущего единоличную ответственность перед Всевышним за возглавляемое государство, а в случае войны - в первую очередь за армию. Именно в годину тяжелейших испытаний, перед лицом страдающих войск, колеблющегося общества, обеспокоенных союзников, Русский Царь явственно демонстрировал Свое единство с народом, готовность разделить с ним его крестный путь и в полной мере принять на Себя все, что будет ниспослано России свыше. Глубоко религиозный человек, Император Николай II исповедовал взгляд о сакральном характере Православного самодержавия, и решение о вступлении в Верховное Главнокомандование тоже было для него по сути своей актом религиозным.

Бог благословил этот шаг: к осени Великое Отступление было

остановлено (сказались и предшествовавшие труды генерала Алексеева). Дух армии и народа не был еще надломлен, и не был надломлен дух тех, кто возглавлял войска. Однако ошибкой было бы, как это нередко делалось в эмиграции и порою делается в наши дни, рисовать идиллическую картину управления вооруженной силой Российской Империи.

Большинство современников, сходясь в чрезвычайно лестной оценке личных качеств Михаила Васильевича, в то же время оставляют без внимания ненормальность ситуации, когда «фактически управлять» всем обречен человек, не наделенный правом решающего голоса и полнотою ответственности за предпринимаемые действия. Поэтому трудно согласиться с мнением А. И. Деникина, что, «когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что эта стратегия - исключительно личная Мих[аила] Вас[ильевича] Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи». Номинальный или фактический, пассивный или действующий, - историческую ответственность за стратегию воюющей державы несет ее Верховный Главнокомандующий, подлинная же роль на этом посту Императора Николая II еще ждет своего исследователя.

Расхожие обвинения Государя в равнодушии или весьма поверхностном интересе к нуждам армии и ходу боевых действий, в подверженности чужому влиянию или, напротив, в неразумном и немотивированном упрямстве, в недостатке военного образования и знаний - по существу слишком голословны и чересчур эмоционально окрашены, чтобы спокойно принимать их на веру; с другой стороны, и почитатели Царя-Мученика не дают ответа на вопрос о Его личном вкладе в руководство войсками, обыкновенно сводя дело к искренней любви Государя к русским солдатам и офицерам или к внимательному отношению Его к представляемым докладам (кстати, именно здесь Он нашел полностью соответствовавшего Ему сотрудника в лице Алексеева, чьи доклады всегда отличались дотошностью, казавшейся многим чрезмерной; одна из причин этого заключалась в стремлении генерала не давать повода Государю подумать, будто от Него что-либо скрывают).

Впрочем, известны и случаи волевого вмешательства Вождя Армии, когда пошатнувшаяся воля Михаила Васильевича, изнемогавшего под грузом небывалой ответственности, находила поддержку в спокойной решимости Императора (хотя, заметим, конкретные решения не могли быть приняты Им иначе, как по докладу того же Алексеева). Несколько отвлекаясь от этой темы,

рискнем предположить, что это было возможно лишь при условии глубокого духовного сродства Верховного и Его начальника Штаба - чутко ощущая набожность других, Государь должен был особенно доверять Своему ближайшему сотруднику, о котором очевидец писал: «Алексеев глубоко религиозен... Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине. Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость; он готов в каждом видеть хорошее... Вообще, он укрепляет себя молитвой и молится истово, совершенно не замечая ничего окружающего; он всегда сожалеет, что вечерня такая коротенькая». Это свидетельство тем ценнее, что исходит оно от человека, по «прогрессивности» своего мышления скептически относящегося к религиозным чувствам генерала, который сказал ему как-то: «А я вот счастлив, что верю, и глубоко верю, в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную судьбу».

Вернемся, однако, к вопросу об участии Императора в управлении войсками. Похоже, что сам Михаил Васильевич не был склонен переоценивать роли Государя и позже вспоминал: «Вести войну и принимать ответственные решения может только о_д_и_н ч_е_л_о_в_е_к[8]. Дурно ли, хорошо ли, но это будет решение ясное, определенное, в зависимости от характера решающего». Но если так - то нам снова приходится признать, что вытягивавший тяжелейший воз подготовительной работы Алексеев был фактически лишен права на логическое ее завершение, а «исключительно личная» его стратегия, вопреки мнению Деникина, предстает странным сочетанием штабного творчества (здесь он, очевидно, был полностью свободен), принятия решений, обставляемых как рекомендации (и с неизбежной оглядкой на то, что всякий риск поставит под угрозу репутацию не генерала Алексеева, а Императора Всероссийского), и... крайней ограниченности в возможностях принудить подчиненных к точному выполнению этих решений. При этом жалобы Михаила Васильевича -«я... никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания» - звучат уже отражением не его личного «безволия» или неспособности к жесткой требовательности, а того несчастного положения, в котором генерал неизменно оказывался на протяжении всей войны. Поэтому и наиболее распространенные упреки в том, что Ставка не сумела весной 1916 года поддержать успешное наступление Юго-Западного фронта активными действиями других фронтов, а летом и осенью - предотвратить многотысячные потери на Ковельском и Владимир-Волынском направлениях, — должны быть в значительной степени переадресованы: требовать от

подчиненных повиновения, а в случае необходимости и «власть употребить» - повторим снова и снова - следовало в первую очередь не начальнику Штаба, а самому Верховному Главнокомандующему.

Чуткий и уязвимый Алексеев должен был глубоко переживать такое положение дел, однако внешне это не проявлялось, и окружающие видели только постоянно занятого, скромного и по большей части нахмуренного генерала - вечного труженика. Михаил Васильевич был полностью захвачен многочисленными делами, в которых он, по мнению современника, не умел различать более и менее важных, с одинаковой скрупулезностью подходя и к тем, и к другим. «...Опыт указывал, - запишет он позже, - что сколько бы ни было "помощников", они не облегчат [работы] начальника штаба, ибо и помощники, и начальник должны будут проделывать одну и ту же работу, если только все они хотят знать ход дела в армиях». Это убеждение на практике приводило к тому, что сотрудниками Алексеева могли быть только люди не творческого склада ума и души, канцеляристы, и недаром генерал-квартирмейстера Ставки, генерала М. С. Пустовойтенко, злые языки называли «Пустоместенко».

Еще более одиноким должен был чувствовать себя Алексеев среди светских, придворных офицеров, появившихся в Ставке с Императором. Еще в августе 1915 года Михаил Васильевич специально подчеркивал, что «придворным быть он не сумеет», и те же мысли звучат в его переписке тех дней: «Свое будущее я принимаю как тяжелое для себя, ибо как человек я совершенно не подготовлен к той обстановке, в которой мне придется работать, это меня тяготит, озабочивает, но над всем нашим царит Высшая воля». Пришлось ему столкнуться и с любопытством высокопоставленных бездельников, проявлявших неуместный интерес к оперативным вопросам, - но после решительного пресечения одной такой попытки со стороны генерала В. Н. Воейкова, дворцового коменданта и «Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», Алексееву удалось укрепить свои позиции в этом отношении. «Михаил Васильевич чуть не прищемил мне сегодня носа», - жаловался Воейков, дверь перед которым была захлопнута со всей решительностью, - и стоит ли удивляться, что его воспоминания, написанные уже в эмиграции, проникнуты резкой и нескрываемой неприязнью к Алексееву?

«Не подхожу я, не подхожу!» - сокрушенно говорил Михаил Васильевич и после того, как Государь поздравил его с зачислением в Свиту, лично принеся в кабинет начальника Штаба генерал-адъютантский аксельбант и погоны с вензелями.

Впрочем, и этого жеста признания высоких заслуг генерала пришлось ожидать около полугода с момента возглавления Императором Армии. Человек, быть может, наиболее близкий Николаю II по душевному складу, Алексеев отнюдь не пользовался явными знаками Высочайшего внимания и расположения - этому мешали хмурая озабоченность одного и нецарственная застенчивость другого - и среди многолюдья Царской Ставки генерал оставался один.

По крайней мере, не приходится говорить о какой бы то ни было «алексеевской партии», и совсем уж пустыми домыслами выглядят рассуждения современника, будто «около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят *каждое*[9] его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце», - домыслами, расцветавшими на почве слухов о готовящемся «заговоре» и «дворцовом перевороте»...

* * *

Были ли эти слухи столь уж беспочвенными?

Затяжная война, которая далеко не всегда велась оптимальным образом, с ее невиданными прежде размерами - в Действующей Армии и чересчур раздутых тыловых частях насчитывалось до 12 миллионов человек, - накапливала усталость в народных массах, приводила к перенапряжению промышленности, волновала образованное общество (в первую очередь - политических деятелей) и возбуждала, особенно в последних, желание перемен. Народ мог сколько угодно ворчать, верить распускаемым сплетням или охотно сам создавать новые, - но в масштабах государственных он все еще безмолвствовал. Зато громче, чем нужно, выплескивали свою энергию в думских речах, газетных намеках и кулуарных обличениях те, в чьей среде и вправду уже вызревали заговоры.

Наиболее видным представителем этих кругов был член Государственного Совета А. И. Гучков. При этом сколько-нибудь ясной программы у него и его единомышленников, в сущности, не было - речь шла лишь о назначении министров по согласованию, а фактически - по желанию «общественности» (так называемое «ответственное министерство»), и вряд ли неправы были те, кто считал главной движущей силой Гучкова «его авантюристическую натуру, непомерное честолюбие... ненависть к современному режиму и к Государю Императору Николаю II и т. п.», то есть черты, ничего общего с заботой о России не имевшие. Сам он впоследствии признавал подготовку дворцового переворота,

рассказывая о своих намерениях перехватить Императорский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом и принудить Государя к отречению в пользу Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Что за этим должно было последовать и почему такая перемена должна была явиться благотворной - не обсуждалось и даже, кажется, не обдумывалось.

Произвести переворот предполагалось при участии офицеров запасных частей Гвардии, однако сколько-нибудь широкой вербовки заговорщиков фактически не проводилось. Не представляются заслуживающими доверия и многочисленные рассказы о вовлечении в заговор чуть ли не всего высшего командного состава армии и флота.

Одним из первых в этом ряду называют имя генерала Алексеева, но конкретных фактов, подтверждавших бы эту версию, не приводится, запись в опубликованном дневнике современника о «зреющей конспирации» выглядит позднейшей вставкой, да и сам Гучков не считал Михаила Васильевича «своим человеком», рассказывая полтора десятилетия спустя о своих письмах начальнику Штаба Верховного: «не ожидаю ответов и не получаю их».

Сам факт получения этих посланий тоже впоследствии инкриминировался Алексееву, не доложившему о них Императору и якобы нарушившему этим присягу. Таким образом, подразумевается столь угрожающий для Престола характер писем, что сокрытие их уже представляло собою преступление. Версию эту, однако, развеивает обращение к тексту документов.

Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев в Штабе Юго-Западного фронта, Холм, 1915 год.

Нельзя не признать, что письма составлены Гучковым довольно хитро. Основной их объем посвящен частным вопросам (заказу полевых биноклей на Обуховском заводе и винтовок — в Англии, качеству союзных поставок, «премиальной системе» на заводах артиллерийского ведомства), которые могли быть небезынтересны начальнику Штаба, но отнюдь не требовали доклада Верховному Главнокомандующему: если Гучков справедливо возмущался вынесением вопроса о биноклях на заседание Совета Министров - «Вы подумайте: правительство и бинокли. И когда меня будут спрашивать, как водится, что же делает правительство, я буду знать, что отвечать: оно заказывает (или, вернее, не заказывает) бинокли», — то тем менее он должен был относиться к заботам Императора Всероссийского.

Гораздо важнее были другие фразы из писем - о неразумных действиях правительства, которые «как будто диктовались из Берлина», «жалкой, дрянной, слякотной власти», «возмущенном настроении народных, особенно рабочих масс», якобы чреватом пожаром, «размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализировать». Но эти реплики и туманные намеки на то, что «Вы одни можете, если вообще кто-нибудь может», что-либо сделать (вновь не указывая, что именно), были слишком

«проходными», волнение автора писем казалось искренним и сам он просил извинения за свою «горячность» , да, наконец, что вообще должен был доложить начальник Штаба Верховного Главнокомандующего своему Государю? Что член Государственного Совета Гучков дерзит в частной переписке, да к тому же односторонней (безответной)? Но оба, и Николай II, и Алексеев, были взрослыми, разумными и слишком обремененными настоящими заботами людьми для столь анекдотического доклада.

В том-то и заключался смысл писем, получение которых не должно было подтолкнуть генерала к отмежеванию от их автора, но создавало для стороннего наблюдателя (копии были пущены по рукам) иллюзию причастности Михаила Васильевича к чему-то оппозиционному. «Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником», - скажет потом Гучков, бросая, однако, на Алексеева незаслуженную тень: осведомленность генерала не только о целях заговора, но и о самом его существовании была мнимой.

В то же время Алексеева должны были волновать как бы невольно срывавшиеся с пера Гучкова грозные предупреждения о народном недовольстве. Мог ли он оставить без внимания точку зрения высокопоставленного общественного деятеля, близко общавшегося с представителями как промышленников, так и рабочих, - тем более что неоднократно сменявшиеся за годы войны министры и вправду были чрезвычайно далеки от совершенства, отнюдь не представляя собою той опоры Престолу, на которую вправе был рассчитывать назначавший их Государь? Скептически относился Михаил Васильевич и к ближайшему окружению Императора, вскоре действительно доказавшему свою никчемность, а слухи о влиянии Г. Е. Распутина на важные государственные назначения вкупе с потоками грязи, изливавшимися досужими клеветниками на «нашего Друга», как называла его Императрица Александра Феодоровна, - не могли не беспокоить Алексеева. (К чести генерала следует отметить, что он не побоялся высказать свое мнение лично Государыне, на Ее предложение о посещении Ставки Распутиным решительно ответив, «что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба»). Возможно, Алексеев пребывал в заблуждении относительно состояния страны, внутренняя жизнь которой ему, погруженному во фронтовые заботы, была известна недостаточно хорошо, - однако свои взгляды он, как это и подобает военному человеку, выражал не в докладах о «крамольной» переписке (доносительство вообще никогда не было в чести у русского офицерства), а от своего собственного

имени, - «по долгу верноподданного, по данному мною обещанию говорить и докладывать Вашему Императорскому Величеству правду, как бы ни была она тяжела».

Впрочем, мнения современников и историков о взглядах генерала на необходимые перемены в управлении страной расходятся коренным образом: если одни представляют его сторонником «ответственного министерства» (лозунга и фетиша либеральной общественности), то другие апеллируют к поданному Михаилом Васильевичем докладу о желательности учреждения «диктатуры тыла» - особого поста «верховного министра государственной обороны», которое могло привести к значительному ограничению думской и общественной деятельности на время войны. Военному человеку, наверное, больше должна была импонировать идея милитаризации промышленности и путей сообщения, жесткая дисциплина и единоначалие - словом, «диктатура тыла»; но и «ответственное министерство» могло казаться вполне приемлемым, коль скоро облеченные «народным доверием» думские лидеры так уверенно гарантировали его умиротворяющее и стабилизирующее воздействие на фактически безначальный и оттого колеблющийся тыл. По-видимому, для генерала Алексеева главным было спокойствие за спиной сражающейся армии и возможность победоносно окончить войну, а какими путями это достигалось бы - оставалось вопросом второстепенным.

Особо отметим, что и надежды на «ответственное министерство», якобы высказываемые Алексеевым, и его доклад об учреждении поста «верховного министра» никак не соотносятся по времени с письмами Гучкова, предшествуя им и, таким образом, будучи независимыми от посторонних влияний. Преувеличивается и роль гучковских посланий в якобы наступившем охлаждении Государя к Михаилу Васильевичу, поскольку сплетники относили это охлаждение к концу 1916 года, когда действительно ухудшилось, и резко ухудшилось, не отношение Императора, а состояние здоровья Алексеева.

Уже давно подрывавший свои силы непомерными трудами, он окончательно надорвался к октябрю. «Сердце оказалось гипертрофированным, пульс 40 ударов в минуту, напряженный, кровяное давление 190 мм по R. R.», - отмечали врачи. Пытавшийся работать несмотря на обострение болезни и начинавшееся воспаление почек, генерал скоро довел себя до крайне опасного состояния: навестивший больного 7 ноября Протопресвитер Армии и Флота отец Георгий Шавельский счел его уже умирающим. Михаил Васильевич выразил желание причаститься на следующий день, в свои именины (Собор

Архангела Михаила), и отец Георгий навсегда запомнил слова, сказанные им перед Святым Причастием:

«Я смерти не боюсь. Судит Бог умереть, - умру спокойно: в жизни я не искал своего, все свои силы и весь свой разум я отдавал Родине. Спасет меня Господь, - снова отдам Родине все свои силы, всю жизнь свою».

После причащения состояние больного сразу улучшилось. Предстательством Архистратига (военачальника) Небесных Сил Бесплотных, Господь сохранил раба Своего Михаила, казалось, уже на пороге смерти. Бог миловал его уже не впервые: еще командиром роты Алексеев едва не был убит на стрельбище случайным выстрелом, а в 1911 году попал в автомобильную катастрофу, оба раза чудом оставшись в живых. Теперь же для дальнейшего лечения генерал был по настоянию Государя 20 ноября отправлен в Севастополь, рекомендовав на свое место генерала-от-кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, и в этом выборе сказалась широта взглядов Алексеева: один из талантливейших русских генералов, Гурко уступал многим другим по старшинству в чинах и должности. В то же время, не желая совсем терять связи с войсками, в чем его поддержал и Император, - Алексеев продолжал по прямому проводу постоянно получать информацию о происходившем.

Туда же, в Севастополь, к генералу приехали, как писал впоследствии с его слов А. И. Деникин, «представители некоторых думских и общественных кругов», уже открыто заявившие о назревающем перевороте, - просившие, впрочем, не содействия, а лишь консультации - как отнесется к этому Армия. Алексеев «в самой категорической форме» просил не делать рокового для Армии и России шага и получил заверения, что готовящиеся события будут предотвращены. Однако...

«Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, - рассказывает Деникин, - но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Небезынтересно, впрочем, что Брусилов, в свою очередь, вспоминал о «доходивших до него сведениях» о перевороте и о том, что «главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну» (ожидать такого от Алексеева было совершенно невозможно, и Брусилов поэтому «не верил этим слухам»); Рузский же в дни Февральского мятежа скажет Императору, «что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки». Очень похоже, что каждому из

трех информированных генералов заговорщики говорили про согласие по меньшей мере одного из двух оставшихся, и сомнения здесь может вызывать лишь фигура Рузского: Алексеев был слишком консервативным и честным, а «Главколис» Брусилов - слишком расчетливым и хитрым, чтобы примкнуть к этой, становившейся уже явной, «конспирации». Однако то, что произошло вскоре, оказалось неожиданностью не только для фронтовых генералов, но и для тех тыловых деятелей, которые намеревались дирижировать «назревающими событиями».

В Ставке Верховного главнокомандующего, 1916 год. Император Николай II, генералы М.С. Пустовойтенко и М.В. Алексеев (слева направо)

* * *

Не вполне еще оправившимся от болезни вернулся Алексеев в Ставку 17 февраля 1917 года. Для принятия дел от своего временного заместителя и фактического вступления в должность ему только и должно было хватить тех последних десяти дней относительно спокойного существования Ставки, за которыми наступил период, когда, по словам Михаила Васильевича, «оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне-политическая[10] сторона...»

23 февраля, когда Император Николай II прибыл в Ставку из

Царского Села, в оставленном Им Петрограде уже начинались волнения, и в следующие дни положение только ухудшалось. Перебои с доставкой хлеба вывели на улицы толпы протестующих, вызванные войска сами колебались и вряд ли могли явиться опорой порядка в столице, а вскоре стали явно присоединяться к митингующим. Начались убийства офицеров. Это еще не было революцией, но бунт уже был налицо.

Толпы можно было смирить кнутом и пряником, немедленной виселицей для зачинщиков и агитаторов и безусловным прощением тем, кто оказался вовлеченным в волнения и теперь чувствовал себя скованным круговою порукой. Однако не было сделано ни того, ни другого: Правительство и командование Петроградского военного округа не знали, что предпринять, а деятели Государственной Думы, к тому времени распущенной Высочайшим указом, решили, что сложившаяся обстановка, отменяя планы готовящегося дворцового переворота, позволит им получить власть быстрее и решительнее. Председатель Думы и глава ее самочинно сформировавшегося «Временного Комитета» М. В. Родзянко бросился к прямому проводу, забрасывая Ставку сообщениями, в которых фанфаронство мешалось с паникой, искреннее непонимание ситуации - со злонамеренным искажением фактов.

Столичный военный округ не входил в сферу деятельности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, дисциплинарные и административные права которого при живом Верховном были, как уже говорилось, весьма ограниченными. Не слушая отчаянных просьб Алексеева, опустившегося перед Государем на колени, Император 27 февраля принял решение немедленно покинуть Ставку и направиться в Царское Село, где находилась Его Семья. Армия же при этом фактически оставалась обезглавленной.

Пока Император еще находился в Ставке, удалось, однако, принять несколько важных решений. «Теперь, — говорил Алексеев, - остается только одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград...» Авангардом должен был двинуться из Ставки батальон, укомплектованный Георгиевскими кавалерами, во главе с полковником Н. С. Тимановским, будущим героем Добровольческой Армии. Главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями был назначен Государем генерал Н. И. Иванов, который должен был выехать вместе с Георгиевцами. «...В его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве

15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки, — требовал Алексеев. - Нужно назначить прочных генералов... в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников». Такие же силы должен был выделить Западный фронт - второй по близости к столице. В согласии с Монаршей волей, генерал Алексеев делал все, чтобы подавить мятеж вооруженной рукой.

Покинув Ставку, Государь оказался отрезанным от Своего Штаба и Армии. Его поезд был остановлен на пути к Царскому Селу, причем окружавшая Императора высокопоставленная придворная челядь проявила преступное бездействие, не приложив никаких усилий, чтобы «протолкнуть» состав по назначению, и на все грядущие роковые дни избрав для себя благоразумную тактику - плыть по течению. Завернутый с полдороги Императорский поезд 1 марта направился во Псков, в Штаб Северного фронта, Главнокомандующий которым генерал Рузский с первых же слов заявил о необходимости сдаться «на милость победителя», почитая таковым петроградские мятежные толпы и Временный Комитет Государственной Думы, устами Родзянко уже требовавший отречения. А в это время в Ставке больной, едва державшийся на ногах Алексеев - медицински засвидетельствовано, что его болезнь обострялась под влиянием волнения, - переживал, быть может, самые страшные часы своей жизни. Родзянко из Петрограда то успокаивал, будто ситуация взята под контроль (это было ложью), то паниковал, взывая, что отречение в пользу Цесаревича Алексея Николаевича остается единственным способом спасти Россию. На плечи Алексеева ложилась тяжелейшая ответственность... и вновь становилось неясно, кем же он, собственно, в этот момент был!

Когда говорят, что «генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию... У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее прогрессивный блок - не решились бы ослушаться директив Ставки», - с этим можно согласиться только в одном случае: если бы Алексеев твердо считал Императора лишенным свободы действий.

Начальник Штаба без распоряжения «сверху» вступает в исполнение должности Главнокомандующего только в случае неожиданного, так сказать, катастрофического выбытия последнего из строя. Ситуации «междувластия» военными законами отнюдь не было предусмотрено, так же как и «междуцарствия» - законами государственными. Но были ли

основания у начальника Штаба Верховного предполагать это? Из Пскова приходили телеграммы за подписью Государя, Рузский передавал Ему телеграммы из Ставки, и считать Николая II пленником Алексеев вряд ли мог. А лишь при этом условии, повторим, имел он и моральное, и юридическое право действовать самостоятельно - да и тогда вопрос о полномочиях фронтового начальства в тыловых округах оставался открытым. Фактически взять на себя ответственность решительного вмешательства в происходившее - для Михаила Васильевича значило *самому стать бунтовщиком*...

Ну, а уж к этому он безусловно не был готов. Отнюдь не авантюрист по натуре, к тому же придавленный многомесячным несчастным опытом «главнокомандующего без власти» и «исполнителя без ответственности», вполне способным в решительный час парализовать волю, к тому же тяжело больной, - Михаил Васильевич Алексеев был смят страшными событиями так же, как был ими смят Император Всероссийский Николай Александрович.

Родзянко уже кричит, что в столице все рушится. За спиною Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки, генерал А. С. Лукомский (сменивший при Гурко генерала Пустовойтенко) телеграфирует во Псков: «...По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться», - подсказывая в качестве инструмента давления на Государя угрозу безопасности горячо любимой Им Семьи, остающейся в Царском Селе. Рузский в ответ также настаивает на отречении и просит узнать мнение остальных Главнокомандующих фронтами. И сломленный Алексеев поручает составить такой запрос... тому же генералу Лукомскому.

Теперь ничего уже не изменить. «...Династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича... Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству...» - подсказывает адресатам желательное решение Лукомский... и Алексеев подписывает.

Конечно, поставив свою подпись, генерал перед Богом и людьми принял на себя ответственность за каждое слово

злополучной телеграммы; но будем справедливы - в критические минуты, оказавшись ложно информированным из Петрограда и Пскова и, быть может, недостаточно отдавая себе отчет в значении Императорской власти для России, - не вызывает ли генерал Алексеев при всем этом и уважения тем, что не находит для себя возможным уклониться от подачи своему Государю совета, пусть горького и, как покажет ближайшее будущее, ошибочного? Обличители, вспоминающие о верности присяге, могли бы подумать и о том, что нарушить присягу можно как действием, так и бездействием (что предпочли столичные власти или наполнявшие Царский поезд приближенные Его Величества). Снова, как и ранее, *«по долгу верноподданного, по данному обещанию* говорить правду, как бы ни была она тяжела», генерал Алексеев высказывает то, что он думает или с чем он согласен. Он ошибся, как ошиблась вся мятущаяся Россия, с легкостью принявшая отречение - страшную жертву Благоверного Императора; но одним из первых Михаил Васильевич и прозрел свою ошибку, уже на следующий день из очередных телеграмм Родзянко убедившись, что доверять его честности и компетентности нельзя, и горько посетовав: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола». И один из тех, кто невольно приближал русскую трагедию, - он теперь будет делать все, чтобы остановить ее.

Но это будет 3 марта. А 2-го Главнокомандующие поддержат идею отречения, и специальным актом Государь Император Николай II передаст Престол Своему брату, Великому Князю Михаилу, в свою очередь отложившему принятие Верховной Власти до решения Учредительного Собрания. Вместо власти в России осталось самозванное «Временное Правительство», чья относительная легитимность определялась лишь назначением его главы - князя Г. Е. Львова, которое успели провести Высочайшим распоряжением...

Вечером 3 марта отрекшийся Император возвратился в Ставку. Алексеев, по словам одного из его сотрудников, «решил обставить встречу Государя так, чтобы хотя бы здесь, в бывшем своем штабе, не почувствовал он ослиного копыта». По-прежнему утром 4-го он прибыл для своего обычного доклада, хотя Государь уже не являлся Верховным Главнокомандующим (на эту должность Им вновь был назначен Великий Князь Николай Николаевич, приезд которого ожидался в ближайшие дни). Доклады повторялись, вызывая резкое недовольство Алексеевым со стороны новой власти; а утром 9-го, в день отъезда Николая II

в Царское Село (где Он уже должен был находиться под стражей), и тоже вопреки желаниям петроградских «правителей», Михаилом Васильевичем были собраны все, кто хотел бы попрощаться со своим Государем.

...Никто не знает и не узнает никогда, что было на душе у Императора Николая Александровича в те дни, когда Он принимал столь значимое для России решение. «Сердце Царево в руце Божией», и Государь, человек глубоко религиозный, именно так смотревший на Свое призвание и расценивавший долг правителя как тяжкий крест, возложенный на Него Творцом, должен был пережить глубочайшую внутреннюю драму - екатеринбургской Голгофе предшествовала псковская Гефсимания. Открывалась ли Помазаннику Божьему трагическая судьба Его страны? Вымолил ли Он покров Божией Матери над Россией, свидетельством чего стало в дни отречения чудесное явление иконы Богородицы «Державная», на которой Заступница предстает восседающей на троне, со скипетром и державою в руках? Это ли была единственная смена на том посту, где часовыми столетия стояли Русские Цари?

На всех надвигается что-то страшное, и теперь знание об этом Государя передается окружающим Его. «Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек», -напишет потом очевидец, но вскоре эта тишина нарушится и, разлетевшись на куски, как прозрачная стеклянная стена, исчезнет, когда Государь начнет обход выстроившихся чинов Ставки, Конвоя и Георгиевского батальона.

Зала оглашается рыданиями. Плачут, бьются в истерике боевые офицеры. Падают в обморок здоровяки-конвойцы. Государь пытается улыбаться, но вместо улыбки выходит «какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и искажавшая лицо»; не окончив обхода, Он направляется к выходу, всхлипывания и истерические вскрики не прекращаются, и среди них теряются растерянные и взволнованные слова генерала Алексеева - «А теперь, Ваше Величество, позвольте мне пожелать Вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни»...

Это уже стадо, потерявшее Пастыря; но, наверное, и в эти минуты никто еще не понимал со всею отчетливостью, что именно сейчас Россия начинает свой путь к Гражданской войне.

* * *

Генерал Алексеев занял по отношению ко Временному Правительству абсолютно лояльную позицию. Так, он не передал в столицу телеграмму Государя, в которой, во изменение акта 2 марта, изъявлялось согласие на вступление на Престол Цесаревича Алексея; более того, именно начальнику Штаба Верховного выпало объявить Николаю II распоряжение из Петрограда о взятии Его под стражу. Организовав рассылку по войсковым соединениям, до командиров корпусов, прощального приказа бывшего Верховного Главнокомандующего, Михаил Васильевич не смог и воспротивиться остановке его дальнейшего распространения новым военным министром Гучковым, очевидно обеспокоенным обаянием Царственного Страстотерпца, которое пронизывало документ, призывавший Действующую Армию к продолжению борьбы с внешним врагом во имя Веры и Отечества... Нет оснований, однако, считать эти действия следствием какого-либо глубокого исповедания Алексеевым республиканских убеждений или программы новой власти, тем более что последней фактически еще не было сформулировано; речь шла скорее о внутреннем ощущении, что произошедшее с Россией уже необратимо и теперь следует думать о том, как жить в новых условиях и можно ли овладеть выходящей из-под контроля ситуацией. Пожелания же «благополучного путешествия и счастливой жизни» отрекшемуся Монарху в устах генерала были следствием доверия к телеграмме главы Временного Правительства КНЯЗЯ Львова, обещавшей Николаю II беспрепятственный проезд на Мурман, как предполагалось - для дальнейшего следования в Англию, где жизнь Его и Его Семьи была бы в безопасности. Лишь со временем стало известно, что предательская позиция Короля Георга V по отношению к своему родственнику и раболепие Временного Правительства перед радикально настроенными левыми элементами исключили эту возможность спасения Государя.

Алексеев и ранее смотрел в будущее без особого оптимизма, даже в случае победоносной войны волнуясь о проведении массовой демобилизации Действующей Армии. «Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не остановит», - говорил он; а теперь военачальнику, опасавшемуся эксцессов радостной толпы и подозревавшему, что их может не выдержать выстоявшая в войне Империя, предстояло увидеть воочию, сколь страшна толпа озлобленная, развращаемая и поощряемая к самым чудовищным буйствам одними политическими силами при безвольной пассивности или робком потакании других.

Еще накануне отречения Государя самочинно собравшаяся в

Петрограде группа леворадикально настроенных интеллигентов, присвоившая себе наименование «Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», опубликовала печально известный «Приказ № 1», натравливавший нижних чинов на офицеров и разжигавший рознь в армейских рядах. Не лучше повели себя и некоторые представители генералитета, быстро пошедшие на поводу у слепой разъяренной стихии и в угоду ей приступившие к разработке «Декларации прав солдата», внесшей в войска смертельный яд - разрешение членства в любых политических партиях и организациях и абсолютную свободу их агитации, чем Армия буквально раздиралась на куски. Возглавлявший комиссию по реорганизации вооруженных сил генерал Поливанов, в очередной раз приспособившийся к обстановке, даже приезжал к Алексееву с убеждениями отменить приказ о предании военно-полевому суду действовавших в войсках агитаторов-пораженцев, а когда ему в этом было отказано, сверху были просто... отменены сами военно-полевые суды... Солдатский комитет, в основном из писарей и прислуги, появился и в Ставке, однажды своей наглостью выведя из равновесия даже сдержанного Алексеева, порывавшегося «взять взвод полевых жандармов и перестрелять этих ...».

Предупреждения, что Правительством и Совдепом взят неверный, гибельный для страны курс, не достигали цели. «Пути у нас могут быть различны, но цель одна - кончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной, - взывал Михаил Васильевич 4 мая на совещании Главнокомандующих фронтами с министрами и советскими деятелями. - ...Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа... Об интересах родины и ее будущем забывается... Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину... Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал». Но генерал ошибался в главном: для его собеседников, даже тех, кто искренне желал победы в войне и какого-то не вполне определенного «счастья» для России, эти вопросы стояли глубоко на заднем плане, уступая первые места неприкосновенности партийных догм («демократизация», «народовластие», «гражданские свободы»), во имя которых они готовы были полностью игнорировать и реальные условия, и правила ведения войны, и будущее державы. Для военной же власти, пытавшейся спасти разрушаемое, оказались потерянными первые, самые, быть может, драгоценные недели «медового месяца революции».

Немало резких критических слов было сказано впоследствии

в адрес генерала Алексеева, «безвольного», «растерявшегося», «выпустившего из рук управление армией». Но, признавая за ними определенную правоту, — даже глубоко уважавший Алексеева Деникин считал, что «грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить "демократизации" армии и оказать соответственное давление на весь ход последовавших событий», - мы вынуждены вновь обратить внимание на злополучную судьбу Михаила Васильевича, как бы задавшуюся целью все время делать его положение неопределенным и неустойчивым.

Великий Князь Николай Николаевич, еще не успев приехать в Ставку и вступить в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего, был остановлен письмом князя Львова, утверждавшего, будто «народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности». Идя навстречу «народному мнению» (как выяснилось позже, фальсифицированному), Великий Князь 11 марта сложил с себя звание Верховного. Российская Армия вновь оказалась без вождя.

Ставка, апрель 1917 года (слева направо): А.И. Деникин, М.В. Алексеев, адъютант Алексеева полковник Драхте, секретарь Алексеева военный чиновник Голембиевский, личный врач Алексеева Н.Н. Кельин (племянник Алексеева), адъютант Деникина.

Теперь по всем законам начальник Штаба должен был заместить отсутствующего Верховного; однако нельзя сбрасывать со счетов как тяжелый опыт предыдущих лет войны, отнюдь не располагающий Алексеева к проявлению инициативы, и подавляющую все душевные силы обстановку сегодняшнюю, так и непрочное положение, в котором оказывался генерал. Его

кандидатура на высший военный пост в стране многим представителям новой власти (в первую очередь — Родзянко) казалась весьма спорной, и решение вопроса было вольно или невольно затянуто на три недели в период, когда каждый день был на счету, грозя необратимыми переменами. Лишь 2 апреля состоялось назначение генерала-от-инфантерии Алексеева Верховным Главнокомандующим, а чуть больше месяца спустя он уже явно стал неугоден Временному Правительству.

Помимо упомянутого выше выступления на совещании 4 мая, немалую роль в этом сыграла и речь Михаила Васильевича на открытии 7 мая в Ставке офицерского съезда, 300 делегатов которого, представлявшие в основном фронтовой командный состав, напряженно ждали от вождя Армии оценки положения и идей, вокруг которых можно было бы сплотиться.

«Россия погибает, - с болью говорил старый военачальник. - *Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...*

...Где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?..

Где любовь к родине, где патриотизм?

Написали на нашем знамени великое слово "братство", но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии -офицерами и солдатами...

В настоящее время — это общая болезнь - хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки...

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Речь, в сущности, не содержала никаких конкретных политических призывов; но резкое неприятие партийности, искренний патриотизм и обаяние говорившего делали ее опасной в глазах Правительства и Совдепа, а организация на съезде Союза офицеров с местопребыванием его Главного Комитета в Ставке — вызывали прямые подозрения в подготовке «контрреволюционного заговора». И телеграммой от 21 мая Алексеев был назначен «в распоряжение Временного Правительства» и вызван в Петроград. Генерал подал в отставку и 24-го прошел медицинское освидетельствование, диагностировавшее пиелонефрит и подтвердившее, что больной «продолжать дальнейшую военную службу безусловно не может и нуждается в постоянном врачебном уходе за собой». Такую

настойчивость, помимо объективных причин, можно объяснить и оскорбительной формой, в которую было облечено отрешение Алексеева от должности («Пошляки! Рассчитали, как прислугу...» - сказал он со слезами горькой обиды на глазах).

Подчас не без тайного злорадства это подается как своеобразная расплата Алексеева за его поведение во время Февральского переворота. «Сделавший свое дело» генерал был якобы отброшен за ненадобностью теми, кто воспользовался его содействием в дни отречения. При этом игнорируется лишь реальное состояние государственной власти весной 1917 года, все ухудшавшееся и в дальнейшем.

«Власть, собственно, все время находилась ни в чьих руках... - подводил итоги первого полугода «свободной России» один из министров-социалистов Временного Правительства. - Говорят, идет борьба за власть. Но власть представляет сейчас такую вещь, от которой все стараются отойти, откреститься, и нет ни одной группы общественной, которая стремилась бы захватить власть». Генералитет и офицерство сохраняли лояльность к Временному Правительству (в лице лучших своих представителей - во имя борьбы с внешним врагом и во исполнение прощального приказа Государя); Правительство действовало с постоянной оглядкой на Совдеп, предпочитая потакать развалу страны и Армии, лишь бы не подвергнуться его нападкам, в большинстве случаев чисто демагогическим; Совдеп же сознательно отталкивал от себя власть, дабы не принять вместе с нею и ответственность за будущее России, и играл роль стороннего, но от этого не менее резкого и агрессивного критика практически всех начинаний Правительства. Слабые и растерянные члены последнего, в сущности, не были способны «отбросить» кого бы то ни было, ибо сами один за другим уходили под натиском того, что они определяли как «стихию» - стихию анархии, демагогии и безответственности. А тем временем на политической арене все большую и большую силу начинали забирать те группы, которые проповедовали еще более радикальную ломку всей жизни страны и уже примеривались к захвату власти. Этот враг мог спасовать только перед силой оружия, и генерал Алексеев, после отрешения от должности уехавший в Смоленск к семье, пристально наблюдал за развитием событий и людьми, от которых можно было бы ожидать активных действий.

А дело определенно шло к открытой борьбе. На смену безалаберности и хаосу, охватившим русское общество весной 1917-го, приходила постепенная поляризация сил - откровенно анархических, разрушительных - с одной стороны, и консервативно-охранительных, государственнических - с другой.

Сменивший Алексеева генерал Брусилов, потакавший революционной толпе и шедший на поводу у Временного Правительства, недолго продержался на посту Верховного Главнокомандующего; зато пришедший на его место Л. Г. Корнилов выглядел тем человеком, вокруг которого смогут объединиться все здоровые силы страны.

«Думаю, что назначение Корнилова будет приветствуемо и штабом, и оставшимися честными и верными войсками, - записывает в дневнике Михаил Васильевич. - ...Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование...» Интересно, что собственно полководческие способности Лавра Георгиевича Алексеев оценивал весьма скептически: энергия и порыв Корнилова, подчас безрассудно-дерзкие, настораживали Михаила Васильевича, но сейчас он приветствовал назначение его Верховным, ибо сама эта должность в тех условиях становилась не только военной, но и политической.

А объединение и концентрацию всех сил Алексеев, похоже, считал в те дни задачей первоочередной. Еще в мае он писал: «Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования». В конечном итоге именно по этому пути и пошло Главное Командование, поощряя выделение боеспособных элементов в специальные «штурмовые батальоны» и «ударные части». Впрочем, не только практика, но и сами принципы их использования разочаровывали Алексеева, находившегося к тому времени уже не у дел: «...Бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив у_д_а_р_н_ы_е[11] бат[альо]ны вперед; за ними никто не пошел. Ударные бат[альо]ны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть». Сохранение этих отборных кадров русского воинства могло стать козырною картой и в политической игре, очередной партией которой стало Московское Государственное Совещание.

В своем выступлении 15 августа Михаил Васильевич, обрисовав язвы, разъедающие армейский организм (Приказ № 1, Декларация прав солдата, комитеты и проч.) и подчеркнув нарастающую угрозу со стороны тех, «кто выполнял веления немецкого генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки», предостерегал: «Полумеры будут только расширять и углублять тот развал, которым полна наша армия. Истинная воинская дисциплина для всех, носящих военный мундир, должна поглотить собою дисциплину партий и групп». Слова бывшего Верховного Главнокомандующего звучали

в унисон с выступлением нынешнего - генерала Корнилова, и в унисон звучали, должно быть, и многие их мысли, что можно заключить из состоявшегося в те же дни диалога между генералами, в котором, по рассказу А. И. Деникина, прозвучали и такие многозначительные реплики:

Корнилов: «Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз - дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше».

Алексеев: «Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче».

Эта цитата - явно отрывок большого разговора, состоявшегося в первые же часы по приезде Корнилова на Государственное Совещание, — становится понятной на общем фоне событий, определявших тогдашнюю внутриполитическую ситуацию и расстановку сил. Вооруженные демонстрации большевицки настроенных солдат и матросов 3—4 июля в Петрограде наглядно показали агрессивность намерений крайнего крыла социал-демократии, - а нерешительность Временного Правительства, не осмелившегося применить к ее вожакам адекватные меры, убеждала в том, что остановить сползание России в пучину анархии смогут лишь сами военные, уже без всяких надежд на содействие со стороны государственной власти.

Генерал-лейтенант С.Л. Марков, 1917 год.

Но воспользоваться оказавшимися в его распоряжении силами генералу Корнилову не удалось. В результате провокации главы Временного Правительства, Верховный Главнокомандующий был объявлен мятежником, а в самом Правительстве разразился очередной кризис. Для консультаций

был спешно приглашен М. В. Алексеев...

Даже среди приближенных А. Ф. Керенского нашлись люди, считавшие кандидатуру старого генерала единственной, подходящей на роль главы преобразованного кабинета, фактически - диктатора. Но такая перспектива, конечно, отнюдь не могла удовлетворить самовлюбленного министра-председателя, присвоившего себе самому диктаторские полномочия вплоть до смехотворной для адвоката должности Верховного Главнокомандующего, а Михаилу Васильевичу предложившего пост... своего начальника Штаба. Важно подчеркнуть, что в «корниловские дни» явным стал бутафорский характер «объединения здоровых государственных сил», мгновенно попрятавшихся и не пожелавших противодействовать политике Керенского, который в борьбе против «генеральской контрреволюции» все теснее блокировался с Совдепом. Алексеев оказался в одиночестве, без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны государственных или общественно-политических деятелей или течений.

«Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном - Керенском... - со слезами говорил он офицеру-единомышленнику. - Если не соглашусь, будет назначен Черемисов (генерал, зарекомендовавший себя активным сторонником «революционной демократии». — *А. К.)*... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать?»

Двенадцать дней - с 30 августа по 10 сентября 1917 года - когда генералот-инфантерии Алексеев был начальником штаба у присяжного поверенного Керенского, в глазах многих стали днями позора и бесчестья для старого генерала. Именно так оценил их и Корнилов — отказавшийся от мысли продолжать вооруженную борьбу, сдавший пост Михаилу Васильевичу, а затем и безропотно подчинившийся постановлению о своем аресте, но бросивший при этом своему преемнику резкие слова: «Вам трудно будет выйти с честью из положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому - толкнет Вас на бесчестный поступок...» Отношения между двумя генералами отныне и навсегда были безнадежно испорчены.

«Как мог Алексеев, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддержать Керенского, пойти к нему в Начальники Штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова? » - вспоминал современник

негодование бывшего Верховного Главнокомандующего. При этом Лавр Георгиевич забывал о том, что Союз офицеров, как мы знаем, был уже передан ему Алексеевым, бывшим лишь духовным, но отнюдь не фактическим главою этой организации, - а также о том, что основным мотивом поступка Михаила Васильевича было стремление спасти жизнь Корнилову и его соратникам. Остановив же продвижение к Ставке науськанных Керенским отрядов красногвардейцев и разъяренной солдатни и организовав охрану арестованных «корниловцев» благожелательно настроенным к ним Текинским конным полком, генерал Алексеев покинул столь тягостный для него в сложившейся ситуации пост начальника Штаба Верховного. А тем временем Керенским под шумок был произведен и самый настоящий государственный переворот: 1 сентября 1917 года Россия, не дожидаясь не только решения, но даже и созыва Учредительного Собрания, была объявлена республикой...

Михаилу Васильевичу довелось принять участие и в последнем акте трагедии 1917 года, на фоне готовящегося вооруженного выступления большевиков стремительно вырождавшейся в фарс. От Союза офицеров он был делегирован во «Временный Совет Российской Республики», заседавший с 7 октября, - так называемый «предпарламент», вскоре получивший ироническое прозвище «бредпарламента» и, очевидно, по заслугам: даже известный революционер, один из создателей российской социал-демократии А. Н. Потресов констатировал той осенью: «Бедлам, а не единство представляет собой демократия, собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения» . И все большее и большее внимание Алексеев, находившийся в Петрограде с 16 октября, уделяет созданию новой офицерской и юнкерской организации, теперь уже тайной, для предстоящей борьбы с большевизмом и анархией.

Бессилие Временного Правительства и никчемность Временного Совета наглядно проявились 24-25 октября. Найдя Мариинский дворец, где заседал предпарламент, уже оцепленным большевицкими караулами, генерал еще успел поругаться с часовым, однако был вовремя спроважен офицером старой охраны и избежал ареста и расправы. К нему еще приходили представители юнкеров, с которыми Алексеев обсуждал возможность деблокирования обложенного Зимнего дворца, однако реализовать ее уже не удалось: последний оплот Временного Правительства был вскоре захвачен. До 30 октября Михаилу Васильевичу пришлось скрываться, а затем усилиями нескольких преданных ему членов организации удалось сесть на

скорый поезд Петроград -Ростов-на-Дону.

«Тяжело и странно было смотреть на ген[ерала] А[лексеева] в столь несвойственной ему штатской одежде», - вспоминал адъютант Михаила Васильевича. Лишенный привычного воинского облика, старый военачальник, как и все русские люди, для которых слово «Россия» не было пустым звуком, был лишен в те дни и большего - своего Отечества, казалось, уже невозвратно уходящего в историю.

Теперь его предстояло завоевывать заново - и генерал Алексеев был готов к этому.

* * *

2 ноября Михаил Васильевич добрался до Области Войска Донского, где усилиями Атамана Каледина еще поддерживался относительный порядок, -впрочем, не более чем относительный. Попытки двух генералов организовать наступление на север столкнулись с сильной оппозицией в правительственных кругах Дона, а ближайшие недели показали и беспочвенность надежд на финансовую помощь обеспеченных кругов, еще имевших в этот период хаоса и анархии возможность распоряжаться своими средствами. Российская буржуазия, казалось бы, кровно заинтересованная в победе зарождающегося Белого движения, на деле отказывала ему в помощи. Так, миллионер Оловянишников в ответ на просьбу эмиссаров с Дона о материальной поддержке прямо заявил: «Передайте Алексееву, что денег мы ему не дадим, пусть берет где угодно - в Англии, Америке, Франции...» Но надеяться на союзников тоже не приходилось — ведь еще весной 1916 года, отлично понимая их политику, Михаил Васильевич говорил: «Союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош?..» И это недоверие полностью оправдалось в Гражданскую войну, когда страны Антанты в лучшем случае отделывались подачками и в целом больше вредили белым, чем помогали им...

Такое отношение российской буржуазии объяснялось не только ее политической близорукостью — деньги, которые она пожалела для Алексеева, вскоре достанутся большевикам, - но и независимой позицией, сразу занятой Белыми вождями. Будучи просто честными солдатами (отнюдь не политиками!), многие - Алексеев, Корнилов, Деникин - выходцами из простонародья, они в своей борьбе за поруганную честь России не собирались становиться защитниками какого-либо одного класса, партии,

общественной группировки. Они служили не каким-нибудь оловянишниковым, а России, и когда представители донской «демократической общественности» посмели спросить Алексеева, дает ли он какие-либо обязательства, получая пожертвования на нужды Армии, - в ответ они услышали гордые слова:

«Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую Армию купить нельзя!»

Через год после смерти Михаила Васильевича Виктор Севский с восхищением и горечью напишет о нем:

«Что было у генерала Алексеева на Дону в ноябре?

Плакат, призывающий в ряды Добровольческой Армии, 1919 год.

Чистый блокнот, в который он заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то Мининым наших дней, тряхнувшим мошной на все четыреста», - и не достойно ли и в самом деле восхищения, что неустанными, неправдоподобными трудами этого престарелого и больного человека создастся впоследствии настоящая армия — с пехотой, кавалерией, артиллерией, с броневиками, танками и аэропланами... Но пока до этого еще очень далеко. Пока бывший Верховный Главнокомандующий, еще недавно имевший в своем подчинении многомиллионные людские массы, собирает в батальоны приходивших к нему поодиночке офицеров, юнкеров и кадет.

Немного было и соратников. Небольшая и неразветвленная структура «Организации кадров по воссозданию Русской Армии»

(это громоздкое название вскоре в просторечии, а затем и в исторической литературе прочно заменится более простым и понятным: *«Алексеевская организация»)* вполне соответствовала немногочисленности боевых частей - Алексееву удалось избежать соблазна раздутых штабов без подчиненных, которые в тот период нередко становились подлинным бичом всякого военного строительства. Десятка ближайших сотрудников вполне хватало для «вооруженных сил», исчислявшихся несколькими сотнями. Но в ряды их становились самые верные, самые доблестные, те, кто яснее всех почувствовал, что когда гибнет Россия, то нужно спасать ее хотя бы ценой собственной жизни, и поверил, что идея спасения Родины воплотилась сейчас в скромном старом генерале. Вместе с армией рождалась и идеология ее, получившая вскоре название Белой Идеи, хотя точнее было бы назвать ее Белой Мечтой.

Она была прежде всего идеологией оскорбленного национально-государственного и религиозного чувства. Поругание святынь, падение великой Державы не могли не возбудить в честных русских воинах ненависти к виновникам этого и желания им противостоять. Большевики однозначно воспринимались как пособники немцев: ведь один из развалиших Российскую Армию революционных лозунгов - «немедленный мир без аннексий и контрибуций» -оказывался фальшивкой, - германскому командованию нужны были именно аннексии и контрибуции, территориальные приобретения и выкачивание из разоренной России денег и сырья для продолжения борьбы на Западном фронте. И желания немцев были вскоре удовлетворены в результате позорного для России Брестского мира...

Целью генерала Алексеева и его соратников было - сделать Дон и Кубань той областью, откуда возобновится борьба с Германией и начнется собирание Русских земель. Каким должно было быть новое Государство Российское и конкретно будет развиваться борьба, Белые вожди, в сущности, сами ясно не представляли себе, и о неопределенности программы Алексеева в этот период хорошо свидетельствует его письмо одному из старых сослуживцев, занимающему ответственный пост в Ставке. В нем Михаил Васильевич говорит о необходимости «здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд[арственного]» и «приступить... к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруж[енной] для будущей акт[ивной] политики». Таким образом, речь как будто идет о создании самодостаточного в экономическом отношении вооруженного лагеря - базы для предстоящей борьбы. Но вскоре

из письма выясняется, что генерал рассчитывает на «размытость» границ между областями погрузившейся в хаос России (в том числе между «красными» и «белыми»), на то, что Ставка Верховного Главнокомандующего сможет продолжать свое существование и под властью большевиков и даже исполнять тайные функции представительства «Алексеевской организации», и проч. Несмотря на весь печальный опыт 1917 года и вообще свойственную Алексееву прозорливость, он фактически еще не отдает себе отчета в агрессивности внутренней политики большевиков (быть может, пока считая их просто «ухудшенным изданием» Керенского) и надеется на относительно длительную передышку - «междувластие» или даже «двоевластие». А этой передышки история России не дала.

На «калединский Дон» вскоре будут двинуты отряды Красной Гвардии и болыпевизированных солдат и матросов; не пройдет и двух недель со дня написания цитированного письма, как Ставка Верховного Главнокомандующего будет разгромлена озверелой толпой; уже в конце ноября новосформированным батальонам «Алексеевской организации» придется принять участие в первых боевых операциях на территории Донской Области... И в то же время даже в условиях разгорающегося пожара Михаилом Васильевичем закладываются принципы чистоты методов, соответствующей чистоте идеалов. Война не ведется в белых перчатках, но и принципа «цель оправдывает средства» принять тоже было нельзя. Так, на предложение организовать террористические акты против руководителей Совета Народных Комиссаров Михаил Васильевич отвечал решительным отказом, боясь вызвать этим большевицкий террор против неповинного населения столицы (а в это время большевики под руководством германской разведки готовили покушения на самого Алексеева и Каледина, к счастью, не состоявшиеся). Резко отверг Михаил Васильевич и предложение одного из молодых офицеров пополнить бюджет печатанием фальшивых денег, «сказав, что у нас святая цель и он никогда не пойдет ни на какой подлог, он верит в русский народ и убежден, что имущие классы пойдут к нему на помощь и средства будут, а офицерство исполнит свой тяжелый долг». И даже офицерский караул, самовольно явившийся охранять генерала ввиду слухов о готовящемся покушении, - он, не желая никого обременять беспокойством о собственной персоне, «пожурил и приказал впредь не выставлять к нему никаких караулов, и пригласил всех к себе пить чай».

Однако не для всех авторитет Алексеева был непререкаем, и особенно ясно это стало после появления на Дону бежавшего из-под стражи Корнилова. Рознь между двумя генералами грозила

расколом и без того крохотных сил -по оценке Деникина, при уходе Алексеева еще не сформировавшаяся армия «раскололась» бы, при уходе Корнилова - «развалилась». В результате нервных и тяжелых переговоров Алексеев сдал командование, оставляя за собою только организационную работу и финансы. «Генерал в тужурке защитного цвета» вскоре потеряется в сиянии славы Корнилова, и не случайно полушутя-полусерьезно сказал однажды Михаил Васильевич: «Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии...» Но старый полководец умел поступаться собственным самолюбием для пользы дела, отлично понимая, что героическая личность и обаяние имени Корнилова очень нужны зарождающейся Армии. Мы уже знаем, насколько характерно было для Алексеева в течение всей его жизни спокойное самоотречение, и сейчас перед нами еще один пример этого.

Перспективы были отнюдь не радужными. «Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью», - писал Михаил Васильевич. И батальоны, на Рождество 1917 года получившие наименование Добровольческой Армии, в самом деле несли тяжелые потери в боях с численно превосходящим противником. Основные массы Донского казачества и скопившегося в Ростове и Новочеркасске офицерства не принимали участия в борьбе, и, провожая в последний путь убитых кадет, генерал Алексеев воскликнул: «Орлята погибли, защищая родное гнездо... Где же были орлы?!»

Убедившись в отсутствии поддержки на Дону, командование Добровольческой Армии 9 февраля 1918 года приняло решение двигаться на Кубань, где рассчитывали получить передышку и оттуда возобновить дело строительства России. Одним из главных инициаторов этого был именно Алексеев, ставивший перед Армией цели общегосударственные и в этом отношении не считавший себя привязанным к какому-либо одному региону или отдельной оперативной задаче. Трудности предстоящего похода были очевидны, и Михаил Васильевич в письме, написанном перед его началом, дал одно из лучших определений смысла не только этого похода, но и всего Белого Дела:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Возле станицы Аксайской части Добровольческой Армии по льду переправились через Дон. Историк Марковского Офицерского полка писал: «Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон».

Весь Первый Кубанский поход - знаменитый Ледяной поход -

М. В. Алексеев проделает на тачанке, взяв на себя финансово-административные заботы Армии. Полки поведут в бой другие - отчаянный Марков и осторожный Богаевский, пылкий Неженцов и хладнокровный Кутепов; будет руководить работой Штаба генерал Романовский и воодушевлять войска, на глазах становясь легендой, вождь Армии Лавр Георгиевич Корнилов... Но первым на зыбкий лед Гражданской войны ступил все же генерал Алексеев.

Чего стоил ему этот поход? Чего стоила ежедневная тряска на бричке, грубая пища, ночлеги в случайных хатах, неровная погода южной весны старику, уже в течение года вынужденному по нескольку раз в день подвергаться катетеризации мочевого пузыря, больному человеку, чье состояние, по заключению квалифицированных врачей, имело «наклонность к частому обострению под влиянием охлаждения тела и психических моментов», и уже более полугода назад признанному «безусловно не могущим» продолжать военную службу даже в высоких штабах? И что давало ему сил для перенесения этих лишений?

«...На душе было тяжело, - вспоминает один из эпизодов Кубанского похода его участник. — Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил мне на мои мысли: "Господь не оставит нас Своею милостью". Для Алексеева в этом было все». И вряд ли будет большою ошибкой сказать, что если Корнилов воодушевлял Армию, если строевые командиры вели ее, то Алексеев не только заботился о ней, но и *молился за нее.*

Возможно, именно тем же чувством руководствовался генерал и на военном совете 30 марта, накануне штурма Екатеринодара - заветной и, как показали события, недосягаемой цели Первого Кубанского похода. Предложение Алексеева отложить штурм - по мнению Деникина, «половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание» - выглядит совсем по-другому, если вспомнить о глубокой вере старого военачальника. Считая намерение Корнилова рваться напролом роковым для Армии («Тяжелый до самовлюбленности, самонадеянности не по уму и талантливости, завистливый до болезненности, К[орнилов] сошел со сцены в критическую минуту, которая и для него, быть может, явилась милостью Господней, — напишет он вскоре. - Продолжение его деятельности грозило на следующий день гибелью всего сохранившегося, гибелью всего дела»), - Михаил Васильевич, в сущности, своим «половинчатым решением» вверял Добровольческую Армию исключительно Божьему Промыслу.

Судьбу Белого Дела решил взрыв большевицкого снаряда утром 31 марта. Господь призвал к Себе воина Лавра, и вскоре

генерал Алексеев перед повозкой с телом убитого «сошел с коляски, отдал земной поклон праху, поцеловал в лоб, долго, долго смотрел в спокойное уже, бесстрастное лицо»... Вражда, если и не была изжита до конца, - становилась теперь достоянием истории.

«Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине», -воздавал должное Корнилову Алексеев в приказе Добровольческой Армии, следующим параграфом которого предписывалось вступить в командование генералу Деникину. Новый Командующий вспоминал позднее о возникших при этом сомнениях:

«...От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

- Подпишите "генерал-от-инфантерии"... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

* * *

От Екатеринодара Добровольческая Армия повернула на север, снова вступая в пределы Донской Области, уже испытавшей за два с лишним месяца тяжесть большевицкого владычества и запылавшей казачьими восстаниями. 23 апреля Командующим Армией было с ведома М. В. Алексеева опубликовано «первое политическое обращение к русским людям», декларирующее неизменность целей и путей их достижения:

«Борьба за целость разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти».

М.В. Алексеев. Рисунок Л. Кудина, 1918 год.

Однако слово «народоправство» и упоминание в тексте обращения «Всероссийского Учредительного Собрания» вызвали ропот недовольства среди офицеров-Добровольцев, большинство из которых в той или иной форме исповедовало монархические убеждения и связывало подобную фразеологию с прошлогодними страницами позора России. «Атмосфера в армии сгущалась», - признавал Деникин, в начале мая «кратко и резко» объявивший офицерам: «...Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию».

Эти слова вполне точно отражали основной смысл и пафос Белого движения на всех фронтах, во всех регионах России, от его зарождения до тех скорбных дней, когда последним бойцам пришлось оставить родную землю. Но внутри этой общей, доминирующей идеи, принимая ее, подчиняясь и руководствуясь ею, безусловно существовали и не смешивавшиеся между собою течения. Так, сам Деникин впоследствии различал свое собственное «непредрешение» будущего государственного и политического устройства России и «умолчание» генерала Алексеева, который также «не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя», но... делал это, «веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно».

В то же время Михаил Васильевич считал возможным и предпринимать, пусть пока негласные, шаги для подготовки народных настроений. Сюда можно отнести приглашение возглавить борьбу, направленное проживавшему в Крыму Великому Князю Николаю Николаевичу как едва ли не самому популярному в народе представителю Дома Романовых (бывший Верховный Главнокомандующий отказался), или такие мысли, изложенные на основании разговора с Алексеевым членом одной из монархических организаций:

«Как на Кубани, так и на Дону и в Ставропольской губернии в низах ждут, скоро ли будет царь, но это - затаенное мечтание... Безусловно, в смысле проявления общего желания необходимо много работать. ...Жители станиц и хуторов питаются слухами. Эту привычку больше верить слухам, чем газетам, отлично можно использовать в наших целях. Нищие и странники - отличные агитаторы... Конечно, эти люди должны быть заранее подготовлены.

Вот почему Генерал А[лексеев] не считает своевременным провозглашение монархического лозунга»[12].

Более того, монархические взгляды Михаила Васильевича в конечном счете разделялись и его ближайшими соратниками, и,

конечно, не о себе одном говорил Алексеев, излагая позицию ее Командования: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица... Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа».

Генерал-от-кавалерии И.Г. Эрдели.

«Как Командный состав, так и большинство офицеров в армии — монархисты конституционалисты, - отмечал в секретной ориентировке для представителей Армии на местах и ее начальник Штаба, генерал И. П. Романовский, сам облыжно ославленный врагами «социалистом» и даже «масоном», - но армия не может носить никакой партийной окраски и потому под единый развевающийся над ней трехцветный флаг принимаются все любящие свою Родину и желающие ей служить, независимо от их политической платформы...» Однако не только «страха ради иудейска», дабы не дразнить демократических гусей, руководители Добровольческой Армии неоднократно в той или иной форме упоминали о «народном волеизъявлении». Что же в действительности скрывалось за этими словами?

Прежде всего, не могло быть и речи об Учредительном Собрании созыва 1917 года: слишком уж фарсовым и явно предпочитающим партийные программы - интересам России оказалось оно, чтобы вновь доверить ему судьбы Отечества. «В общем процессе революции идея Учредительного Собрания мало-помалу отходит назад, — писал Алексеев одному из своих подчиненных 5 июля 1918 года, - и устроение государственного порядка произойдет, по-видимому, какими-то иными путями...

Необходимо считаться с существующим положением вещей, и поэтому лозунг "Учредительное Собрание" надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы...» Как же в таком случае быть с «волеизъявлением»?

Ответ можно увидеть в отчете делегации «Союза бывших солдат города Таганрога», в начале июня отправленной в Добровольческую Армию «для выяснения вопроса об отношении вождей Армии к форме будущего государственного устройства России». **«Сначала нужно собрать Россию воедино, а затем говорить о формах государственного устройства**[13], - докладывали они своим товарищам. - При этом было высказано, что *народ в лице Армии, которая соберет Россию и восстановит в ней порядок*[14]*,* - скажет свое слово и об образе правления».

«В такой форме наверное не было сказано», — напишет некоторое время спустя на полях отчета генерал А. М. Драгомиров, один из ближайших сотрудников Алексеева и Деникина; однако в те дни, когда таганрогские «ходоки» выслушивали и запоминали высказывания Добровольческих вождей, -Драгомирова вообще не было в рядах Армии и свидетельство его потому не имеет большой силы. Что же касается сути столь обеспокоившей его формулировки, то она как раз представляется вполне правдоподобной: тяжело больная страна должна была пройти длительный период восстановления сил и в первую очередь — духовного здоровья, а до тех пор единственным гарантом стабильности обстановки могла мыслиться лишь сохранившая это здоровье, всесословная Добровольческая Армия - сама представлявшая собою, как в капле воды, отражение русского народа, всех его классов и социальных групп, и в этом качестве действительно способная выступать его представительницей («народ в лице Армии»). Поэтому приходится считать, что на переходный период генералами, явно или неявно, планировалась военная диктатура, которая должна была подготовить путь к восстановлению монархии[15].

Однако все это оставалось в частных беседах или секретной переписке, для всеобщего же сведения объявлялось о «народоправстве» и «Учредительном Собрании». И естественно, что такие лозунги не могли не вызывать во многих кругах беспокойства, выразителем которого стал один из лучших военачальников мировой войны, генерал граф Ф. А. Келлер.

«Объединение России великое дело, - писал он 20 июля Алексееву, - но такой лозунг слишком неопределенен, и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так [как] каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или

лицу, Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный Государь, умалчиваете...

Я верю, что если Вы это объявите, то не может быть сомнения в твердости и непоколебимости такого Вашего решения, и верю в то, что Алексеев мог заблуждаться, но на обман не пойдет».

Обсуждение роли Алексеева в отречении Императора Николая II, что явно имел в виду Келлер, должно было больно ранить Михаила Васильевича, тем более что аргументация необходимости провозглашения монархического лозунга - Государь как оплот единства Державы - полностью соответствовала его собственным взглядам. Два генерала расходились между собою, в сущности, лишь в методах — в сроках открытого исповедания своей веры[16], — и здесь Келлеру не удалось переубедить создателя Добровольческой Армии. В то же время «торопливость» графа («время не ждет») была следствием не только его принципиального и поистине рыцарственного монархизма, но и соображений сугубо прагматических, сиюминутных - опасений разыгрывания монархической карты... противниками России по Великой войне.

Оккупация германо-австрийскими войсками громадных территорий Прибалтики, Белоруссии, Малороссии и Новороссии стала закономерным результатом революционного развала русской армии и подрывной антигосударственной работы левых элементов, которых в 1917 году не смогли остановить ни Алексеев, ни Корнилов. Продолжая политику «разделяй и властвуй», немцы теперь подкармливали марионеточные и оттого не страшные им партии и «армии», провокационно использующие монархические лозунги самого крайнего толка, - и это, а также сохраняющийся германо-большевицкий альянс и традиционная поддержка Центральными Державами любых сепаратистов - расчленит елей России, не в меньшей степени, чем слово, данное Государем Императором союзникам по Антанте, заставляли Добровольческую Армию - наследницу Армии Императорской - считать мировую войну не оконченной, а Германию, Австрию и Турцию - не просто политическими врагами, но и противниками на поле брани.

К счастью для Добровольцев, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, изможденных, ведущих непрерывную борьбу против красных войск и не имеющих правильного снабжения, - они, неизбежно проигрывавшие в сравнении с относительно свежими, отвлекавшимися лишь на карательные операции оккупантами, были «отгорожены» от последних Областью Войска Донского, возглавлявший которое Атаман П. Н. Краснов, как и глава «Украинской Державы» Гетман П. П. Скоропадский, вел

политику сосуществования и даже сотрудничества с немцами. Впрочем, камнем преткновения для различных «ориентации» («союзнической» или «германской») в русском антибольшевицком лагере становилась не сама вынужденная необходимость сосуществования, а ее формы, в дипломатических мероприятиях Краснова и Скоропадского переходившие все границы и слишком тесно привязывавшие Дон и Украину к боевой колеснице Германии.

«— Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством, - говорил генерал Алексеев руководителям Кубанского Казачьего Войска. - *За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..*

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись:

- Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется... Поймет, что было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...

Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:

- И я, если буду жив, и я вам этого не забуду».

И неудивительно поэтому, что на вопрос: «А если ваша армия соприкоснется с германскими войсками, что вы будете делать? » - старый генерал ответил: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя». Упомянутое же выше неравенство сил заставляло уже в конце июля обсуждать возможность *партизанских действий* против оккупантов.

«Весь край (в первую очередь имелась в виду «Украинская Держава», уже покрытая сетью полуконспиративных «Центров Добровольческой Армии». *-А. К.)* делится на районы. Районы - на отделы... Партизаны должны быть подвижными, строго дисциплинированными... Вся работа партизан должна идти по строгой системе и проводиться умело. Иначе край только зальется кровью... Работа партизан должна быть направлена как на уничтожение живой силы противника, так и на уничтожение его складов, на затруднение его передвижений. Отвлечение сил противника от Западного фронта - вот основная задача партизан», - излагал собеседник Алексеева содержание разговора с ним. Подобные инструкции неоднократно повторялись и впоследствии; так, 7 сентября генерал писал своему представителю в Таганрог: «До меня доходят сведения об усилении в населении неприязненного отношения к немцам... Следует обратить самое серьезное внимание на использование этого настроения в смысле

подготовки партизанской войны к тому времени, когда начало ее будет мною признано полезным. В случае неполучения от меня указаний, сигналом для начала партизанской войны будет открытие немцами военных действий против Добровольческой] Армии или Волжского фронта». И мысль о том, что Добровольческая Армия не должна отделять себя от стихийных народных выступлений, вообще, кажется, была распространена в окружении Алексеева. Один из его сотрудников в поданном 13 сентября докладе специально отмечал: «…Добр[овольческой] Армии необходимо взять в свои руки нарождающееся народное движение на Украине и в Советской России. *В этом смысле уже посланы общие инструкции по центрам*[17]*».*

Сделать этого не удалось, но важны сами тенденции, пути, на которых искали Белые вожди ответа на вопросы, поставленные России историей. Идея же широкого фронта имела для них смысл не только социальный (объединение всех слоев населения на основе «пробуждающегося национального сознания»), но и географический: целью становилось восстановление Восточного фронта мировой войны, направленного против как немцев, так и их союзников большевиков. Алексеев не раз обращает взоры к северу, считая необходимым перенос операций с Кубани на Царицынское направление уже к концу лета. Упорное сопротивление «Красной Армии Северного Кавказа», возглавляемой талантливым тактиком-самородком, бывшим офицером И. Л. Сорокиным, затянуло боевые действия на этом театре, но и в начале осени генерал по-прежнему пишет: «Операции на Кубани надлежит считать частной задачей, главная же — скорейший выход к северу и объединение всех элементов борьбы (в том же документе в качестве таковых им назывались «[фронты] Чехо-Словацкий, Западно-Сибирский и Фронт Учр[едительного] Собрания». — *А. К.)* в одну Армию».

И.П. Романовский. Рисунок В. Полити, 1918 год.

Летом 1918 года М. В. Алексеев даже принял предложение союзных миссий «взять на себя командование Волжским фронтом», подчеркивая при этом, что «самостоятельность должна быть поставлена основным требованием будущей организации управления, и без ясно и определенно выработанных условий, прибытие [на Волгу] не только мое, но и всякого другого лица, будет **бесполезным**[18]»; очевидно, и здесь нашли отражение представления генерала о необходимости диктатуры в той или иной форме. Надо сказать, однако, что, по нашему мнению, стремление Михаила Васильевича на Волгу было вызвано соображениями не только стратегическими, но и личными — связанными с тем положением, которое он занимал на Юге России в последние полгода своей жизни.

* * *

«Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я — верховное управление армией и командование, — рассказывает генерал Деникин. — За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами н_е б_ы_л_о н_и р_а_з_у р_а_з_г_о_в_о_р_а о п_р_е_д_е_л_а_х к_о_м_п_е_т_е_н_ц_и_и н_а_ш_е_й в_л_а_с_т_и[19]. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный

д_у_а_л_и_з_м». Однако не все было так радужно: на практике создавался не столько «дуализм», сколько «двоевластие», а поскольку Алексеев, разумеется, не мог и не желал допускать двоевластия в управление войсками - его собственные прерогативы должны были сокращаться даже вопреки высокому положению генерала и его непререкаемому авторитету. Даже титул, присвоенный Михаилу Васильевичу - «Верховный Руководитель Добровольческой Армии», - был придуман несколькими молодыми офицерами из его окружения, не пользовавшимися большим весом. Всем этим и могли стимулироваться интерес Алексеева к «переговорам о создании общерусской власти за Волгой» и стремление туда.

Подразделение белых войск Черноморского побережья, 1919 год.

На Востоке России и в самом деле шли активные переговоры о созыве нового Государственного Совещания, которое смогло бы, представляя все ан-тибольшевицкие силы страны, сконструировать всероссийскую власть. Но «Уфимское Совещание», начавшее работу 26 августа, оказалось еще одной социалистической попыткой перехватить власть; Добровольческой же Армии было просто отказано в представительстве на нем... После этого состоявшееся 10 сентября избрание генерала-от-инфантерии М. В. Алексеева в состав утвержденной Уфимским Совещанием «Директории» в качестве... «персонального заместителя» руководившего борьбой на Волжском фронте генерала В. Г. Болдырева, чьи заслуги и авторитет были несравнимы с алексеевскими, тоже выглядело по

меньшей мере бестактностью, сам же Михаил Васильевич, очевидно, никогда не принял бы такого поста, ибо новообразованная «Всероссийская Верховная Власть» объявлялась подчиненной Учредительному Собранию образца 1917 года, отношение к которому Верховного Руководителя Добровольческой Армии нам хорошо знакомо. Впрочем, известия об этом уже не застали генерала в живых, лишь оставив у его соратников впечатление чего-то «несколько нескромного и обидного в отношении его памяти». Однако, не зная о готовящемся в Уфе, Михаил Васильевич в последние два месяца своей жизни собирался отправиться туда, «как только явится возможность сколько-нибудь верного способа сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие».

Незадолго до этого, в августе, было разработано и утверждено Алексеевым «Положение об Особом Совещании при Верховном Руководителе Добровольческой Армии» - законосовещательном органе, часто трактуемом как «правительство», «высший орган государственного управления» и проч. Однако этой точке зрения противоречит положение, при котором решения Совещания были вообще «не обязательны для Верховного Руководителя или для Командующего Армией, кои могут принять и самостоятельное решение и дать ему силу закона». Через месяц в порядке доработки Положения было составлено «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», вручавшее «всю полноту государственной власти в областях, занимаемых Д[обровольческой] А[рмией]... В[ерховному] Р[уководителю] Д[обровольческой] А[рмии] (Главнокомандующему Д[обровольческой] А[рмией])» и фактически определявшее его права - по нормам Российской Империи - как промежуточные между Верховным Главнокомандующим (в военное время) и Самодержцем, закрепляя тем самым принцип диктатуры.

В то же время следует отметить, что «Временное положение» по-прежнему не только не конкретизировало и не предрешало грядущего государственного устройства, но и не упоминало механизма создания общероссийской государственности: будучи «Временным» по наименованию, оно не указывало путей перехода к «постоянному», ни разу не говоря об «Учредительном», «Национальном Собрании» или чем-либо подобном — очевидно, оставляемом лишь для речей и деклараций, - равно как и о подотчетности Верховного Руководителя чему-либо или кому-либо теперь или в будущем. Такое «красноречивое умолчание» может служить косвенным свидетельством в пользу существования планов сохранения военной «национальной

диктатуры» на переходный период, пока обстановка в освобожденной от большевиков России не стабилизируется.

По-прежнему основополагающим и самым определенным оставался лишь принцип территориальной целостности Державы. И, наверное, не случайно и знаменательно, что последнее в жизни генерала Алексеева «участие в государственной работе» (выражение Деникина) было по-прежнему связано с противодействием германской экспансии и защитой единства России.

12-13 сентября в Екатеринодаре под председательством Михаила Васильевича прошли переговоры с представителями «самоопределившейся» под германским протекторатом Грузинской Республики. Генерал «словами резкими, не облеченными в дипломатические формы… нарисовал картину тяжелого и унизительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами, [части] Черноморской губернии»… По воспоминаниям одного из его сотрудников, взволнованный, негодующий, разгоряченный Алексеев вышел в соседнюю комнату, выпил стакан холодной воды… и на следующий день свалился с воспалением легких, которого его старый организм уже не перенес.

25 сентября 1918 года генерал Деникин в приказе Добровольческой Армии писал:

«Сегодня окончил свою — полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне…

И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный путь до конца - пусть будет дорогим венком на свежую могилу сбирателя Русской Земли».

Знак 1-го Конного генерала Алексеева полка.

Праху Михаила Васильевича недолго доведется почивать в усыпальнице екатеринодарского собора. Пройдет чуть более года, и отступающие Белые воины, спасая не только живых, но и мертвых, перенесут его останки в Сербию, где на белградском кладбище под Православным крестом с одним только словом «Михаил» и поныне покоится создатель Добровольческой Армии. А тогда, в 1918 году, отец Георгий Шавельский, напоминая, что в день смерти генерала Православная Церковь чтит память Преподобного Сергия Радонежского, говорил, что «спасший русский народ от страшной татарщины преподобный Сергий своим небесным светом будет освещать и уяснять великий земной подвиг Михаила Васильевича, положившего начало спасению России от большевистской бесовщины. И в этом первый памятник и великая награда для его глубоко веровавшего бессмертного духа».

* * *

Осенью 1920 года, в дни эвакуации Крыма, Россию покинула чудотворная икона Знамения Божией Матери «Курская-Коренная», с конца XII века осенявшая Русь. Отныне Заступница избирала Себе новый удел — «Одигитрии Русского Зарубежья», Путеводительницы лишенных земного Отечества русских людей, которым оставалось теперь только Отечество Небесное. Икона отплывала к «чужим берегам» на флагмане русского Белого Флота - громадном дредноуте, как бы нарочно выбранном для Святой ноши.

Этот корабль назывался «Генерал Алексеев».

ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ А. М. КАЛЕДИН
А. С. Кручинин

В большинстве случаев изо всей истории Первой мировой войны (или Великой, как называли ее тогда) вспоминают лишь два эпизода, две операции Российской Императорской Армии - катастрофическое поражение и блестящую победу. Но если

разгром II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года по праву связывается прежде всего с именем ее неудачливого командующего, то «соавторами» сокрушительного прорыва австро-венгерских позиций, разыгравшегося на полях Галиции в мае-июне 1916-го, стала целая плеяда выдающихся русских военачальников, оказавшихся вычеркнутыми из памяти потомков. «Брусиловский прорыв» удержал в своем названии лишь имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в то время как роль, сыгранная его подчиненными, была не меньшей, а может быть и большей, чем его собственная.

Столь печальное положение дел связано прежде всего с тем, что «забытые» всего лишь через год заняли непримиримую позицию по отношению к революции, разрушавшей Державу, которую они защищали, и Армию, славные полки которой водили в бои. И славнейшего и достойнейшего из этих людей, также выдвинувшегося вскоре в первые ряды зарождающегося Белого движения, чаще всего не знают даже по фамилии.

Здесь нет преувеличения, ибо фамилия генерала Алексея Максимовича Каледина обычно произносится неправильно - с ударением на среднем, а не на последнем слоге, как следовало бы. Наверное, мелочь, но и она в годы Смуты принимала «знаковый» характер, и о врагах генерала современник писал, подчеркивая произношение, что они стремились «покончить одним ударом с "гидрой контр-революции" и в первую очередь избавиться от Каледина (Каледина — как неправильно называли его фамилию не-казаки)». Впрочем, отнюдь не только донцы - земляки генерала - верно ставили ударение; расположение его хорошо видно по белогвардейским стихам и песням, посвященным Алексею Максимовичу, причем диктовалось оно отнюдь не соображениями размера и рифмы. Да рифмы были и небогаты - чаще всего, быть может подсознательно для авторов, фамилию героя сопровождало одно и то же: «Каледин - один»...

Вольно или невольно, но даже в этой непритязательной рифмовке проявился глубокий внутренний смысл. Слишком часто остававшийся одиноким в жизни и оказавшийся одиноким в борьбе, самовольно ушедший на Божий суд под гнетом страшного морального груза, он - суровый и беззащитный, сказавший о себе: «Я пришел на Дон с честным именем, а уйду, быть может, с проклятием», до сих пор стоит особняком в той истории, которая пишется безжалостными победителями. Светлый Атаман.

* * *

Алексей Максимович родился 12 октября 1861 года в станице Усть-Хоперской, на хуторе войскового старшины Максима Васильевича Каледина. «По заслугам отца его, Сотника Василия Прохорова Каледина», признанный в свое время дворянином Войска Донского, Максим Васильевич позаботился и о подтверждении дворянского звания своих детей: 11 мая 1870 года Войсковое депутатское собрание постановило «их, Василия, Алексея, Елену и Александру Максимовых Калединых... сопричислить к дворянскому роду деда их, Сотника Василия Прохорова Каледина». Надо сказать, что четверть века спустя подполковник Алексей Каледин, похоже, проявил равнодушие к разосланной дворянам Хоперского округа просьбе местного предводителя дворянства «озаботиться вписать себя и членов своих семейств в дворянскую родословную книгу Области [Войска Донского]»: в бумагах его после смерти, еще через двадцать с лишним лет, остался незаполненный анкетный бланк, прилагавшийся к письму предводителя.

Столь же равнодушен, по-видимому, был А. М. Каледин и к материальному достатку: скончавшийся в 1898 году Максим Васильевич завещал своим детям 400 десятин «удобной земли» в Хоперском округе, «при речке Бузулуке», однако наследство оставалось неразделенным вплоть до 1909 года, когда братья Каледины выделили, наконец, своей замужней сестре причитающуюся ей долю, собственные паи оставив по-прежнему в общем владении. «У него, я знаю, - говорил впоследствии об Алексее Максимовиче один из его ближайших сотрудников, - было 70 дес[ятин] (по завещанию - 90. *-А. К.)* отцовской земли, да и теми он не пользовался, отдавая их нуждавшейся сестре» (возможно, здесь имеется в виду не сестра, а вдова младшего из трех братьев Калединых, Мелетия, скоропостижно скончавшегося в 1908 году в чине штаб-ротмистра). Потом рассказывали, что Мелетий Максимович покончил с собой, ища в этом «семейное предрасположение» и разгадку самоубийства Атамана А. М. Каледина[20]...

Но говорить о финале жизненного пути Атамана еще рано: слишком многое должно произойти, чтобы привести его к трагическому концу. Начало же этого пути, наверное, протекало достаточно безмятежно. Замкнутый и немногословный Каледин мало рассказывал о себе, и едва ли не единственный раз, уже в роковом для России 1917 году, во время поездки по северным округам Войска Донского, при виде родных мест у него сорвется при постороннем (мемуарист отметит, что Атаман «как бы думал вслух»): «Эти места все мне хорошо известны; каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас, переправившись через Дон,

въедем в мою родную Усть-Хоперскую станицу. Вот здесь под Обрывом еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались...»

На смену детским играм в войну пришла подготовка к настоящей военной службе: все трое братьев Калединых избрали эту стезю. Алексей окончил Михайловскую военную гимназию в Воронеже (бывший кадетский корпус), запомнившись однокашникам как хороший ученик и надежный товарищ. По своему характеру, скорее флегматичному, он не был расположен к большинству мальчишеских шалостей, но из чувства товарищества обычно принимал в них участие в роли «часового», следя за приближением воспитателя и предупреждая друзей о грозящей опасности. И еще одно мемуарное свидетельство побуждает задуматься о душевных свойствах Алексея: при создании оркестра, вместо инструментов, пользовавшихся среди воспитанников понятной популярностью (барабаны, тарелки, геликон-бас), он выбрал для себя нежную и негромкую флейту...

Военную гимназию сменило 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, куда Каледин поступил «юнкером рядового звания» неполных восемнадцати лет от роду. Странный для казака выбор пехотного училища - артиллерийским оно станет значительно позже — мог, по словам соученика Алексея, объясняться желанием «по окончании его определить] свою дальнейшую деятельность». Решение было принято после того, как Каледин прошел полный курс училища (второй год - фельдфебелем), но вместо производства в офицеры перевелся на старший курс Михайловского артиллерийского, обучение в котором продолжалось три года. В офицеры он был произведен 7 августа 1882 года, выйдя в конную артиллерию Забайкальского Казачьего Войска. И этот выбор имел вполне прозаическое объяснение: «чтобы при устройстве на службу с первых же шагов не обременять родителей расходами на это благоустройство, что представлялось возможным ввиду того, что при отправлении на места в Сибирь по старым законам полагалось получение двойных прогонных денег, как бы на подъем», - свидетельствовал один из друзей Алексея Максимовича.

Казаки форсируют реку в Восточной Пруссии, 1914 год.

Впрочем, в Забайкалье молодой офицер пробыл недолго: по истечении обязательного срока службы в строю, в 1886 году сотник Каледин поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и оканчивает ее в 1889-м, по первому разряду и с производством «за отличные успехи в науках» в подъесаулы. Будучи причислен к Генеральному Штабу, а через семь месяцев и переведен в него, Каледин шесть лет служит в приграничном Варшавском военном округе, среди других вопросов занимаясь организацией укрепленных районов на случай будущей войны. Современник рассказывал о памятном брелоке, подаренном Алексею Максимовичу сослуживцами - «на синей эмали, окаймленной золотым ободком, маленькие золотые звездочки»: «синее поле - укрепленный район, звездочки - крепости».

В Варшаве капитан Каледин встретил женщину, которая стала его женой, любовь которой, верная и преданная, доходящая до преклонения, озаряла его жизнь до самых последних дней, - Марию-Луизу Оллендорф, урожденную Ионер (она происходила из одного из франкоговорящих кантонов Швейцарии). Свадебным же путешествием для Алексея Максимовича и Марии Петровны (так будут называть ее, хотя в Православие она не перешла) станет дорога в Новочеркасск, куда Каледина переводят в 1895 году на заурядную тыловую должность в Войсковой Штаб Донского Казачьего Войска.

Служба там продолжается пять лет, после чего произведенный в подполковники, а затем и в полковники - «за отличие» - Каледин состоит «при управлении 64[-й] пехотной резервной бригады», в 1903—1906 годах возглавляет Новочеркасское казачье юнкерское училище и вновь возвращается

в Войсковой Штаб, теперь на должность помощника его начальника. Но о Каледине помнят не только как об администраторе или военном педагоге: в 1910 году он - к этому времени уже генерал-майор, и тоже «за отличие по службе», — ни дня не командовавший полком (одно из редких исключений!), принимает бригаду 11-й кавалерийской дивизии, а 12 декабря 1912 года (всюду дюжина - не счастливое ли это предзнаменование?) назначается начальником кавдивизии - и тоже 12-й. С ней он выйдет на Великую войну, за три месяца до начала грозных европейских событий будучи произведен в генерал-лейтенанты, и эти полки прославят его имя - или это он своим руководством даст дивизии немеркнущую славу одной из лучших в Императорской Армии?

* * *

Первые недели войны стали для русской конницы весьма ответственными: она должна была, выдвигаясь вперед, скрыть от противника мобилизационное разворачивание основных сил, - и с этой задачей справилась блестяще. Эмигрантский историк отмечал, что для австро-венгерского командования «прошло вообще необнаруженным» сосредоточение всей VIII-й армии, которой суждено будет стяжать едва ли не самую громкую известность на Юго-Западном фронте и во всех вооруженных силах Империи.

«12-й кавалерийской дивизии - умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» -гласил, как рассказывали, приказ командующего VIII-й армией генерала А. А. Брусилова, отданный Каледину в августовский день 1914 года, когда дивизия своим самопожертвованием выручила остальные силы, и приказ этот многое говорит как о войсках, так и об их начальнике. За те бои Алексей Максимович был удостоен ордена Святого Георгия IV-й степени, а вскоре получил и Георгиевское Оружие — за участие в операции по взятию Львова, куда первыми вошли драгуны 12-й дивизии.

«Успех за успехом дал имя и дивизии, и ее начальнику, — писал впоследствии боевой товарищ Каледина генерал А. И. Деникин. - В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников, — только двух — конница в эту войну перестала быть "царицей поля сражения", - графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру, один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и

упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это — вовсе не рисуясь, - это выходило само собой, - эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой [-] просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоими шли».

«Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый», -таковы были первые впечатления многих об Алексее Максимовиче, и они вполне соответствовали действительности. Лишь изредка прорывался в нем глубоко скрытый темперамент - и тогда генерал мог приказать «пиками загонять» в бой дрогнувших казаков или, в исступлении схватившись за шашку, броситься на обозника, загромоздившего своей повозкой дорогу. Обычно же Каледин казался сухим и педантичным, порою даже мелочным, с излишней дотошностью углубляясь в компетенцию нижестоящих войсковых начальников и стесняя их самостоятельность (но как пригодится ему эта привычка делать чужую работу впоследствии, когда у него - Донского Атамана - не окажется достойных помощников!). И еще одна черта оставалась для большинства скрытой за внешней суровостью. Корреспондент, посетивший генерала в киевском лазарете - тот был ранен 16 февраля 1915 года, - записывает беседу с ним:

«"...И расскажу вам один интересный эпизод, как однажды мои ахтырцы..."

Но тут произошло что-то неожиданное и непонятное... Генерал, говоривший до сих пор обо всем совершенно спокойно, вдруг заволновался, заворочался в кровати, и я увидел, как серые глаза его стали сразу влажны и оттуда — увы - скатились две слезы... Смущенный и растерянный, молча сидел я, не зная, что делать... Но генерал быстро оправился и сказал:

— Рана, нервы, - вот и слабость. Как только вспомню своих ахтырцев, тотчас же встают передо мною все три брата Панаевы[21]*... Три рыцаря без страха и упрека. И вот...»*

В истории остался еще один подобный случай, о котором Алексей Максимович писал жене: «Пойми мое состояние, когда я почувствовал, что разревусь...» Это было в конце 1915 года, на офицерском празднике, среди шума, тостов и чествований, неожиданно заставивших Каледина обратиться к боевым товарищам со словами горького предсказания.

«Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается, - вспоминал очевидец. - *Говорил про то, что главная тягота ее еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжелые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесенные, и многих из тех, кто сейчас сидит в этой халупе, не станет.*

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает, заслужит ли победу Россия, заслужит ли ее армия. Больше: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа, и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное».

Генерал предстал тогда перед офицерами «не бойцом, а учителем и почти что пророком», а незадолго до этого в его судьбе произошло еще одно событие, в котором можно усмотреть если и не пророчество, то бесспорно Промысел Божий: именно А. М. Каледин возглавил Георгиевскую Думу Юго-Западного фронта, 21 октября 1915 года присудившую орден Святого Георгия IV-й степени Императору Николаю II. Смысл этого удостоения остался непонятен многим как тогда, так и по сей день, несмотря даже на то, что Государь, лично возглавивший Свою Армию в ее тяжелую годину, через несколько лет мученическою кончиной уподобился римскому военачальнику, бывшему не только Победоносцем, но и Великомучеником. Конечно, Алексей Максимович не мог такого предвидеть, но от этого не менее символичной остается именно такая связь Августейшего Верховного Главнокомандующего и Его полководца.

Генерал-от-инфантерии А.А. Брусилов.

А служба генерала тем временем шла своим чередом. Из госпиталя он вернулся уже не на дивизию, а на корпус - буквально две с половиной недели Алексей Максимович

возглавляет XLI-й, а с 5 июля 1915 года - XII-й армейский корпус, на этом посту заслужив орден Святого Георгия III-й степени. С легкой руки генерала Брусилова, ревнивого и пристрастного к своим подчиненным, укрепилось мнение, что Каледин во главе корпуса, а затем и VIII-й армии, командующим которой он был назначен 20 марта 1916 года на место возглавившего фронт Брусилова, значительно уступал по своим полководческим качествам Каледину - начальнику дивизии, боевому кавалерийскому генералу. Ему будут приписывать инертность и нерешительность, но лучшим возражением на это, наверное, станет роль Алексея Максимовича в наступлении, получившем в истории имя его начальника...

Главная заслуга Брусилова в «Брусиловском прорыве» имела небольшое отношение к собственно военным вопросам. Он, вообще не отличавшийся гражданским мужеством и принципиальностью, сумел проявить силу духа на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего, настояв на переходе в наступление вопреки неуверенной позиции других Главнокомандующих армиями фронтов. Однако достоинства самого наступательного плана на поверку оказываются весьма сомнительными: одновременное начало атак на нескольких участках (дабы противник не установил, какой является главным) имело стратегический смысл лишь в том случае, если бы русский полководец сумел скоординировать действия подчиненных ему армий, а при обозначившемся успехе - немедленно определить его место, организовать переброску туда резервов и развить победоносное наступление. Ничего этого у Брусилова не получилось, и из всего «Брусиловского наступления» самой яркой и славной страницей останутся лишь его первые дни (22—25 мая 1916 года) — сокрушительный прорыв вражеских позиций под Луцком. Луцкий же прорыв был всецело делом рук генерала Каледина.

Больше суток продолжалась артиллерийская подготовка на участке VIII-й армии, после чего поднялись в атаку ее корпуса. Оборона противника была смята, а войска - деморализованы и обращены в бегство. К вечеру 25 мая русские стрелки ворвались в Луцк. Более 44 ООО пленных, 66 орудий, 150 пулеметов стали трофеями VIII-й армии за эти легендарные три дня. Однако генерал Брусилов не смог распорядиться успехом, приостановив наступление Каледина и предпочтя «выравнивать фронт». А две недели спустя, когда противник частично оправился и значительно усилил свою оборону на новых рубежах, директива Брусилова о возобновлении наступления развела силы VIII-й армии по расходящимся направлениям: после громкой победы в

мае Главнокомандующий армиями фронта, очевидно, уверился в универсальности «удара растопыренной пятерней»...

Лето оказалось тяжелым и кровопролитным. Вновь и вновь гонит Брусилов, поддерживаемый Ставкой Верховного, русские корпуса в бессмысленные атаки на берегах реки Стохода. Меняются направления - на Владимир-Волынский, на Ковель и вновь на Владимир. Войска изнемогают, захлебываются кровью, теряют веру в успех. И все, что в этих условиях может сделать генерал Каледин - это вынести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты (неслыханный для командующего армией случай!), дабы быть вместе со своими солдатами в огне. Он уже «полный генерал» - генерал-от-кавалерии, за Луцкий прорыв, но это не окрыляет и не прибавляет сил. Может быть, что-то подобное смутно виделось ему в начале года, когда он писал домой: «Болит душа моя», «я по-прежнему не нахожу покоя душе...»

«Отступление немецкой армии на русском фронте». Рисунок А. Девальда.

Но вот порыв противоборствующих армий иссякает, войска вновь закапываются в землю, душевная боль становится глуше, и лишь, в одиночестве гуляя по небольшому дворику у штаба армии (офицерской молодежью прозванному «тюремным»), повторял, должно быть, генерал Каледин фразу из старого своего письма:

«Наше положение военных, как положение почтовой лошади - умирать в оглоблях...»

Российская Императорская Армия «умирала в оглоблях». Напрягались последние силы, чтобы укрепить фронт, улучшить

снабжение, подготовить войска к будущему весеннему наступлению, которое смогло бы, наконец, сломить сопротивление противника и победоносно завершить войну.

А весной наступила революция.

* * *

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, - говорил летом 1917 года генерал Деникин. -Это не верно. Армию развалили другие, а большевики - лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...»

Диагноз был поставлен точно. Русскую Армию разложил не Октябрь, а Февраль; не анархическое движение «снизу», а директивы, пришедшие «сверху», - в первую очередь «Приказ № 1» самозванного (никем не избранного) Петроградского Совета и «Декларация прав солдата», объявленная Временным Правительством - не менее самозванным и неоспоримо разделяющим с Совдепом ответственность за конечное крушение фронта. Приказ, проникнутый недоверием к командному составу Армии, ставил офицерство под пристальный и практически всегда враждебный контроль со стороны солдатских комитетов; декларация, подрывая основы воинской дисциплины; этики и правил поведения отменой чинопочитания, отдания чести и т. д., провозглашала допустимость в рядах войск «политических, национальных, религиозных, экономических или профессиональных организаций, обществ или союзов», тем самым разрушая монолит воюющей Армии. И горше всего было то, что не только среди офицерства, в том числе и кадрового, но и генералитета нашлось немало людей, из карьерных соображений или же в угаре «революционной романтики» присоединившихся к силам, на их глазах разрушавшим Русское Воинство.

В этих условиях одни предпочитали плыть по течению, другие, оставаясь на своем посту, пытались сделать хоть что-нибудь в тщетных надеждах спасти разваливающуюся Армию; третьи — из тех, кто мог сломаться, но не согнуться, — просто уходили. Ушел и генерал Каледин.

Фактическому удалению Алексея Максимовича из Армии (формально -зачисление в Военный Совет, с 29 апреля)

предшествовал конфликт не только с комитетами («Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест...» - вспоминал А. И. Деникин), но и с Главнокомандующим армиями фронта: несколько месяцев спустя Каледин кратко упомянет, что «ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур о[т]пустил поводья армии», Брусилов же в середине апреля заявил Верховному Главнокомандующему: «Каледин... не понимает духа времени. Его необходимо убрать».

Приехав ненадолго в столицу, генерал поневоле оказался в гуще политических слухов и сплетен, среди которых были и затрагивающие непосредственно его как возможного кандидата в Донские Атаманы. Очевидец так описывает мимолетный разговор перед отъездом Каледина на Дон:

«— Известно ли вашему высокопревосходительству, — обращается к Алексею Максимовичу присутствующий в этой же комнате молодой полковник[22]*, — что донские общественные деятели выдвигают вас на пост войскового атамана?..*

- Знаю, слышал, писали.

И, нервно подергивая согнутой в локте рукой, генерал быстро начинает шагать по комнате. В полумраке двигаются два светлых пятна.

- Могут ли донцы надеяться, что вы согласитесь?..

- Никогда!..

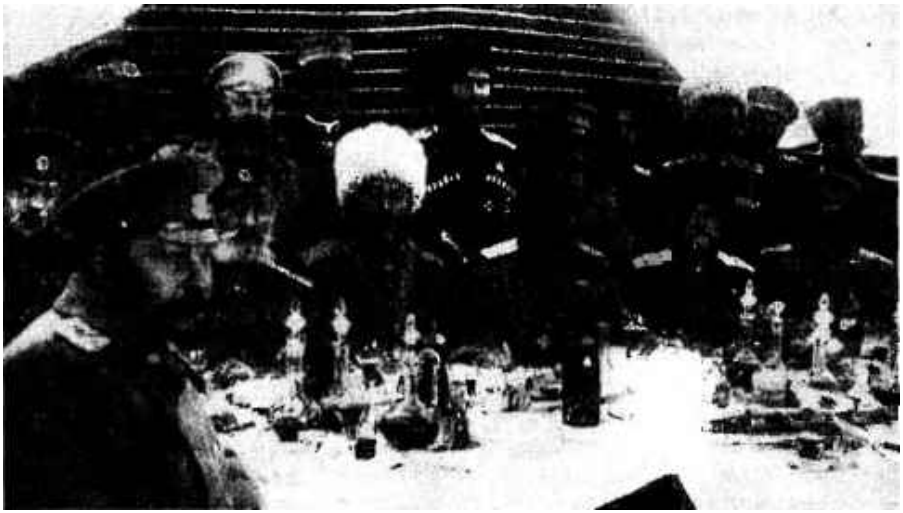
И еще быстрей в темной комнате мелькают георгиевские кресты.

- Но, *ваше высокопревосходительство, не мне вам это говорить, вы должны отдать себя казакам, ибо кто, как не вы, в такое трагическое время поведет донской народ?..*

- Народ!? Вы говорите, народ?! И генерал останавливается.

- Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет - это будет не народ; будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я — никогда!..»

Каледин прекрасно отдавал себе отчет, что могло ожидать нового Войскового Атамана: наступившие времена грозили не только возложить на него величайшую, небывалую прежде ответственность, но и одновременно отнять все возможности для реального выполнения долга.



Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов (в белой папахе), великий князь Борис Владимирович (справа) - Походный атаман всех казачьих войск, начальник штаба Походного атамана А.П. Богаевский (слева, на переднем плане). Персидский фронт, 1916 год.

Поддержку в своем нежелании участвовать в политической жизни нашел Алексей Максимович и у своей супруги, - правда, соображения Марии Петровны были несколько иными. Боготворившая мужа, она протестовала против выставления его кандидатуры, по свидетельству современника, «очевидно, недоумевая, как может генерал Каледин быть всего только... донским атаманом».

И, может быть, она и была права, «считая Дон недостойным иметь своим атаманом А. М. Каледина»...

* * *

Каледин вообще не собирался задерживаться на Дону надолго. Он хотел проследовать в Кисловодск на отдых и лечение, но бурная жизнь казачьей столицы - Новочеркасска - если и не захватила его, то по крайней мере заставила остановиться и повнимательнее приглядеться к происходящему.

Как и вся Россия, Дон остался без единой, настоящей власти. Все началось поздним вечером 2 марта, когда под влиянием смутных известий из Петрограда был создан «Донской Исполнительный Комитет», а уже около часа ночи на его заседание ворвался взъерошенный есаул Голубов, крича о стремлении офицеров Новочеркасского гарнизона «присоединиться к революционному движению» и сразу же внеся

в разворачивающиеся события тот дух неразберихи, скандала и бунта, который в течение всего следующего года будет повсюду сопровождать этого странного человека.

Николай Матвеевич Голубов был фигурой далеко не заурядной. Боевой офицер, прославившийся своей лихостью и отвагой еще на Русско-Японской войне, он тогда же заработал и репутацию скандалиста и бунтаря. Покинув после одного из скандалов службу, Голубов вернулся в ряды армии с началом мировой войны, действительно геройски сражаясь с германцами. После Февраля он сразу развернулся, став глашатаем и вожаком крайнего революционного течения. «Умственно ограниченный, неспособный связно говорить, с психологией ватажника, "сарынь на кичку" времен Стеньки Разина, храбрый до наглости - он, захлебываясь злобными криками, подлаживался под настроение черни - захватывал толпу...» — в этой характеристике, данной Голубову современником и очевидцем событий, явно чувствуется личная ненависть, однако здесь немало и правды. Напрасно было бы искать в поведении Голубова в эти дни какой-либо логики, последовательно выбранной линии поведения: единственным, пожалуй, неизменным, что владело помыслами и чувствами «ватажника», была страстная мечта - стать Донским Атаманом[23].

Но в Атаманы Голубов не попал. Был ли он недостаточно «интеллигентен» или чересчур напорист, только власть явно ускользала из его рук, и это решительно отбросило Голубова в оппозиционный лагерь, обратив бурную энергию вихрастого есаула во вред родному Дону (который он, наверное, по-своему все-таки любил) и возглавляющим Войско лицам, кем бы эти лица ни являлись.

В этот период казачество внешне еще представляло собою единую массу, хотя единство это и оказалось недолговечным. Что касается взглядов на роль и личность будущего Войскового Атамана, то здесь определенности, кажется, было немного: по-настоящему переживала, волновалась и вкладывала в возрождение традиции особый смысл, - пожалуй, лишь сравнительно небольшая группа романтически влюбленной в казачью старину войсковой интеллигенции, самым ярким представителем которой был «Донской Златоуст», директор Каменской общественной гимназии, 35-летний историк М. П. Богаевский. Он и председательствовал на Большом Войсковом Круге, заседания которого открылись 26 мая 1917 года. Круг должен был рассмотреть ряд важных вопросов землепользования, управления и самоуправления в Области, несения казаками военной службы и др., но одной из ключевых проблем оставались выборы Атамана, - а единства по этому вопросу отнюдь не было.

Более двадцати кандидатур, ни одна из которых не могла собрать подавляющего перевеса голосов, заставляли опасаться борьбы неудовлетворенных самолюбий и различных «ориентаций». Понятно поэтому, в чем была причина радости Богаевского, одно из заседаний президиума Круга открывшего словами: «Извините, господа, за опоздание... знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, около которого объединятся Донцы».

Круг действительно встретил генерала, выступившего с кратким приветствием, бурными овациями. Сам же Каледин, продолжая по-прежнему расценивать себя на Круге как «гостя», по свидетельству Богаевского, «абсолютно никакого участия в делах не принимал», и сломить его сопротивление руководству «парламента» оказалось едва ли не труднее, чем переубедить некоторых депутатов, волновавшихся, «как бы он нас не вернул к старому строю». 16 июня председатели всех окружных совещаний обратились к Алексею Максимовичу с просьбой баллотироваться, утверждая: «Долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо на нем - и ни на ком другом - может объединиться весь Дон». Убежденный, наконец, этими настояниями и поверив в возможность реальной и плодотворной работы на благо родного Дона и России, Алексей Максимович выразил согласие и на следующий день был избран подавляющим большинством голосов (свыше шестисот из семисот двадцати).

«Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человек, - писал впоследствии М. П. Богаевский, сам избранный Товарищем (заместителем) Атамана. — Его программа, конечно, не могла иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военного - служилого». Однако краткая речь генерала, произнесенная после вступления в должность, не содержала в себе ничего специфически «казачьего» или «военного». Склонив голову, тихим голосом новый Атаман сказал:

«В течение последнего месяца, беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно, а не только на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь.

Не опускайте рук перед насильниками».

А некоторое время спустя, во время принесения поздравлений, седобородый казак, подойдя к Алексею

Максимовичу, дал ему более важный, чем все другие, «наказ»: «Смотри, не измени, Атаман...»

«Себе не изменю, станичник», - отвечал генерал, и в словах этих не было ни капли позерства. Каледин теперь не отделял себя от своего поста, от долга перед Отечеством и избравшими его казаками, от Тихого Дона, которому с этой минуты были отданы все его помыслы, все его чувства, вся его жизнь. Отныне Атаман Каледин был и перед внешним миром неразрывен с Доном, становясь единственным выразителем позиций, чаяний и устремлений Донского казачества.

Да, пожалуй, и не только его.

* * *

Быть может, генерал Каледин и хотел бы в своей деятельности замкнуться исключительно на делах и заботах своего Войска. Однако в силу как положения Дона - «старшего брата» среди других войск, так и личных качеств его Атамана, фигура Каледина начинает быстро перерастать донские рамки, и он теперь просто вынужден пристально вглядываться в происходящее «углубление революции», уже вылившееся в попытку большевицкого переворота 3-4 июля в Петрограде. «Большевизм страшно опасен, - говорил после ее подавления Алексей Максимович. — ...Казак слишком общественно-развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина; но все же против большевизма и на Дону следует немедленно принять меры: слишком он притягателен для масс, и кто знает, как пойдут события дальше и у нас на Дону». В той ситуации, которая складывалась в России, явственно назревала необходимость в звучном и сильном слове всего казачества - быть может, одной из последних надежд гибнущей Державы. И неудивительно, что трибуном его и глашатаем стал самый известный и самый авторитетный из казачьих Атаманов - генерал Каледин.

Это произошло на так называемом «Государственном Совещании», состоявшемся в Москве 12-15 августа 1917 года. Там Атаман, по его собственным словам, надеялся «ознакомиться с политическими и общественными слоями, с которыми я раньше не сталкивался, работая в узкой сфере военных интересов». На «предварительном совещании» он убедился, что в общественно-политических кругах есть и группа лиц, которых он мог бы считать своими единомышленниками, - имевших «одну цель - спасение родины», и еще большее единодушие нашел среди казачьих делегатов. В течение суток была выработана и

единогласно принята «декларация казачьих войск», оглашение которой было, также единогласно, решено поручить Каледину. Но оглашению ее предшествовало совещание с Верховным Главнокомандующим, генералом Л. Г. Корниловым.

Корнилов прибыл в Москву из Ставки 13 августа, и в тот же день состоялось импровизированное совещание, на котором, в частности, были согласованы будущие выступления Корнилова и Каледина. После этого разговора в уже составленный текст «казачьей декларации» Атаманом была внесена единственная поправка: требование «полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства», что грозило ему всплеском ненависти со стороны «революционной демократии». На вопрос о причинах исправления Каледин отвечал, «что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проект своей речи на Государственном совещании, - в пункте о комитетах ген[ерал] Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить Верховного Главнокомандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген[ерала] Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми».

Таким образом, Каледин сознательно пошел на увеличение одиозности своей фигуры в глазах левых кругов... а декларация, должно быть, уже могла почитаться исходящей не только от двенадцати Казачьих Войск, но и наиболее здоровой части Армии - ее офицерского корпуса и Главного Командования. Большевики впоследствии прямо утверждали, будто на Каледина «штабом Корнилова была возложена обязанность договорить то, что неудобно было сказать самому кандидату в диктаторы», хотя такая формулировка скорее всего и является тенденциозным преувеличением.

О впечатлении, произведенном речью Атамана на заседании 14 августа, свидетельствовал П. Н. Милюков, в своей академически-сдержанной «Истории второй русской революции» вдруг сбивающийся на неожиданно-лирический тон:

«Вдумчивая, медленная, сдержанно-страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемненных густыми темными бровями, серьезностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он "никогда не смеется", с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной, благородной фигурой

оратора...»

Впрочем, вряд ли многие в зале в эти минуты любовались «благородством фигуры» Каледина или оценивали его голос с точки зрения меломана. Слишком горьки были слова генерала, и слишком взрывоопасными, по обстановке революционного времени, оказывались мысли декларации:

«...Казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения и отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели...

Расчет 122-мм гаубицы, начало 1917 год.

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и Армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрывая себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством...

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и

имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний -казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью, отмечая общее расстройство народного организма, расстройства в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри, на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясения финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства.

Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве.

Для спасения Родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1) Армия должна быть вне политики: полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2) Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков.

3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5) Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6) Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7) Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

8) В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страны, страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными, групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9) Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11) В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца; б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности; в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей; г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; д) принять самые строгие действительные меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных отношениях…

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, Временное правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения, и чтобы самый свой состав Временное правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша Родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества. Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины!»

Генерал говорил со «спокойной сосредоточенной деловитостью», однако, несмотря на это внешнее спокойствие, - по воспоминаниям очевидца, «последние слова декларации… А. М. Каледин произнес звенящим голосом».

Конечный эффект речи оказался таким, какого опасались

казачьи депутаты. Не имея реальной силы, она привлекла к Каледину повышенное внимание, оттенки которого варьировались от явной ненависти («революционная демократия») до подозрительности и настороженности со стороны Правительства. А после того, как левые выпустили на трибуну есаула А. Нагаева, от имени «революционного казачества» выступившего с прямыми нападками на Донского Атамана, - по оценке наблюдателя, стало ясным, «что раскол в казачестве уже образовался. И неизвестно, до каких пределов дойдет этот раскол и куда пойдет большинство казачества...»

* * *

Практически сразу же по возвращении в Новочеркасск Алексей Максимович начал готовиться к новой поездке, на сей раз - по северным округам Донской Области. Причинами ее были поступавшие с Верхнего Дона «сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения»; планировал Атаман использовать посещение северных округов и для обсуждения с казаками вопроса о предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Поездка началась 24 августа, а уже 29-го на полдороге Каледину передали срочную телеграмму из Новочеркасска, от М. П. Богаевского, сообщавшую о трагических событиях, разыгрывавшихся в Петрограде и Ставке Верховного Главнокомандующего и грозивших перекинуться на Дон, - начавшихся «Корниловских днях».

Даже если считать, что Каледин был знаком с окружавшими Корнилова слухами о «заговоре» и знал о готовности Верховного в случае выступления антигосударственных элементов подавить его вооруженной рукой, - говорить о реальной причастности Алексея Максимовича к каким бы то ни было «конспирациям» совершенно невозможно. В противном случае и поездка Атамана, фактически лишавшая его возможности управления Войском, не могла бы состояться в столь «жаркие» дни. Но теперь в полученной телеграмме говорилось об объявлении Корнилова вне закона, о необходимости присутствия Атамана в Новочеркасске и, очевидно, об угрозе, сгущавшейся над самим Алексеем Максимовичем. На него в это время уже была начата настоящая охота: утром 29-го из Петрограда на всю страну объявили, будто «от атамана казачьих войск[24] Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с

югом...»

В ближайших к Дону областях «в инициативном порядке» выносились резолюции о задержании «мятежника Каледина» (напомним, что в тех условиях любое «задержание» было чревато немедленным и зачастую зверским самосудом!). В Царицыне и Ростове собирались отряды, чтобы перехватить Атамана по дороге. В Ростове бушует Голубов («Русский народ возведет на эшафот офицерство, и это будет по заслугам!»), и вскоре он тоже бросится на поиски генерала, получив от Царицынского Совдепа «приказ» о своем назначении «атаманом вместо Каледина». Все преследователи, однако, вернулись ни с чем: Каледин благополучно добрался до Новочеркасска, хотя по дороге, по его собственным словам, он пережил самые «страшные и тревожные минуты».

«...Когда я увидел красногвардейцев, - рассказывал Алексей Максимович, - то, признаюсь, не отнимал руки от револьвера. Нельзя сказать, чтобы я их трусил, но у меня было такое состояние, что за рубашкой, по спине, по груди и по всему телу ползли какие-то скользкие, холодные, отвратительные черви. Так мерзко было на душе, что вот эта гадость должна сцапать меня и удушить своими грязными щупальцами».

Вернувшись, наконец, в свою маленькую столицу, Алексей Максимович нашел там растерянное Войсковое Правительство и... телеграмму Керенского от 31 августа, объявлявшую Донского Атамана мятежником, отрешающую его от должности, предписывающую предать генерала суду и препроводить в Могилев: в ближайшие дни там начала работу Чрезвычайная следственная комиссия, которая, разумеется, должна была обратить особое внимание на выяснение обстоятельств «сговора» «мятежных генералов» Каледина и Корнилова и, возможно, была немало удивлена тем, что никаких свидетельств взаимодействия так и не было обнаружено.

Однако правительственная истерика продолжалась, а Керенский даже попытался запретить внеочередную сессию Большого Круга (созываемую М. П. Богаевским), отступив лишь после заявления, что «Каледина казачество не выдаст не только Временному Правительству, но и никому в мире»: воскресала старая казачья заповедь - «с Дона выдачи нет!». На тот же Круг был вызван и Голубов — оправдываться за свои выступления против Каледина.

Временному Правительству пришлось смириться: «суд» над Калединым превратился в триумф «подсудимого». Отвергнув обвинения в «заговоре» и отделении Дона от России (Каледин заявил себя противником даже федеративного государственного

устройства), он в то же время мужественно заявил о сходстве своих взглядов со взглядами Корнилова, подчеркнув, как вспоминал современник, «что хотя он никакого участия в выступлении ген[ерала] Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно, и готов нести полную ответственность как идейный соучастник». 10 сентября была принята резолюция, по отношению к Временному Правительству выдержанная в весьма резком тоне:

«Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно, однако, не представило никаких доказательств своих обвинений...

Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже — провокация или плод расстроенного воображения».

Не менее важным вопросом для Круга стало осуждение Голубова. Нужно отдать бунтарю должное: он все-таки был казаком, «умел воровать, умел и ответ держать» и не побоялся явиться перед враждебным ему собранием. Как вспоминал современник, «Николай Голубов... обвинял Атамана Каледина в неправильной и опасной политике. Нельзя Дон противопоставлять революционной демократии... Он подчеркивал, что он казак и во имя интересов казачества он осуждает Каледина, который толкает казачество на тот путь, где казакам придется нести кровавые жертвы». Как станет вскоре ясно, незадачливый кандидат в Атаманы неплохо знал психологию казачества, особенно фронтового, и угадал ту аргументацию, которая оказывалась для него наиболее действенной.

От репрессий Голубова спас М. П. Богаевский, напомнивший Кругу, что нельзя карать за убеждения. Тем не менее осуждение «царицынского атамана» было столь же явным, как и триумф Атамана законного: общие выводы Войскового Круга оказались вполне определенными.

Каледин, в сущности, стал «корниловцем» уже после «корниловщины». Помимо гласного исповедания своей веры на Круге, он поддерживал и личную связь с «мятежными генералами», ведя с заключенным в Быхове Корниловым оживленную переписку. Переживая начавшееся в августе глубокое

разочарование в широких слоях казачества, Алексей Максимович тем не менее лично был готов на любую помощь. А. И. Деникин вспоминал, что «письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий», - и все же два генерала уже тогда в действительности, а не в кошмарах Керенского, встали рядом, готовясь противостоять той беде, которая приближалась с неизбежностью.

Последующий период стал крайне тяжелым для Алексея Максимовича, переживавшего период сомнений и разочарования почти что во всем. Ему действительно было очень трудно - решительному на поле брани, но совершенно не приемлющему переноса военных методов на почву гражданского строительства. Быть может, несколько преувеличивая эту черту, один из эмигрантских авторов позднее характеризовал Каледина как «смелого защитника и убежденного носителя гуманных начал и демократических идей», «непримиримого врага фанатизма и грубой, необузданной силы», - но, в сущности, не так уж важно, был или не был Атаман «убежденным носителем демократических идей». Он был кристально честным и предельно совестливым человеком, и именно это определяло характер его взаимоотношений с Кругом и Войсковым Правительством. Всегда памятуя о своей выборности и о том, что он призван к власти казачьим населением Области, Каледин считал себя просто обязанным принимать во внимание позицию выдвинутых казачеством Правительства и Круга, несмотря на то, что они в «эпоху Каледина» (это название возникнет спустя всего несколько месяцев) были подвержены колебаниям и не раз сковывали действия Атамана.

При первых же достоверных известиях об октябрьских событиях в Петрограде, «обсудивши положение, созданное произведенным большевиками государственным переворотом, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство вынесли постановление о непризнании власти большевиков, находя, что власть эта, возникнув путем насильственного переворота, не выражает воли страны, а осуществляет диктатуру одного рабочего класса (скоро станет ясно, что рабочий класс тут тоже ни при чем. — А *К.),* а по поставленным себе задачам является гибельной как для России в целом, так и для казачества в особенности»; вскоре Донская Область была провозглашена «независимой впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти». Однако в те же дни проявилась и непоследовательность Правительства по отношению к приехавшему на Дон генералу М. В. Алексееву.

Скованный колебаниями и сомнениями своих сотрудников,

Атаман, «познакомившись с планами Алексеева (о собирании сил для активного противодействия большевикам и австро-германцам. - *А. К.)* и выслушав просьбу "дать приют русскому офицерству", ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области...» Сыграли свою роль местные политики и при первой же попытке выдвинуть казачество и самого Каледина для решения общегосударственных задач.

В Атаманском дворце состоялось заседание, на котором «Атаман Каледин... высказал необходимость подачи помощи Москве» и заявил, «что находит поход на Москву необходимым». Однако этот план встретил бурю возражений сторонников временной самоизоляции казачьих территорий и собирания там «здоровых элементов» и сил, в том числе и военных. Каледин с Алексеевым остались в явном меньшинстве и уступили: должно быть, оба, каждый по-своему, надеялись на то, что казачьи области менее, чем остальные части летящей в пропасть России, окажутся подверженными разложению. Выборный Атаман Каледин и чужак, незваный и не больно-то желанный гость на Дону Алексеев - решили попытаться использовать те возможности, которые у них оставались, не усугубляя внутренних разногласий планами, не встречавшими ничьей поддержки.

Позднее Каледина обвиняли - и подчас в весьма резкой форме - в нерешительности и неуверенности проводимой им политики. Но, кроме чьего бы то ни было влияния, она может быть объяснена другим, неизмеримо важнейшим обстоятельством, которое хорошо понимал сам Атаман: для борьбы необходимы были силы.

Сил же не было никаких.

* * *

Правда, уже в октябре начинается полустихийное, но еще сохраняющее относительный порядок и воинскую организацию движение казачьих полков с фронта по домам; но уместен вопрос, в каком состоянии они возвращаются? «Перевозка шла трудно, - пишет современник, - по взбудораженной разваливающейся стране, по плохо работающим железным дорогам, с томительными пререканиями между полками и местными революционными комитетами на каждой узловой станции, с требованиями сдавать оружие», - и это не могло не оказывать

деморализующего влияния на казаков. И не случайна сорвавшаяся у очевидца фраза: «казачьи полки были больны»...

В своих многодневных, иногда многонедельных путешествиях с фронта по домам казаки успевали хорошо прочувствовать страшную угрозу бесформенной и безликой, но почти всегда в ту пору разъяренной толпы, так что самым проницательным в оценках настроений своих земляков оказался никто иной, как «ватажник» Голубов с его тезисом о недопустимости «противопоставления Дона революционной демократии». «Со всей Расеей нам бороться нельзя», — переводили это на более понятный язык простые станичники. И печально обронит современник: «Казачество умерло. Шаровары были на колоссе, у которого глиняные ноги, а голова угрожаемая по большевизму».

В силу всех этих причин Донское командование, состоявшее в тот момент фактически из одного Атамана, не имея сил, принуждено было вести заведомо проигрышную игру, переходя к обороне: оставалось огораживать Область цепью застав и пропускных пунктов и... ждать выздоровления казачества. А между тем в самом сердце «калединского Дона» - Ростове и Новочеркасске -были расквартированы запасные пехотные полки, давно уже превратившиеся в рассадник агитации и угроз. Дезорганизованные и буйные солдатские массы могли в любой момент выступить с оружием в руках, и сдерживало их пока лишь отсутствие единого руководящего центра и некоторая боязливая настороженность, все еще сохранявшаяся по отношению к казакам. К 20 ноября чаша терпения Войсковых властей, наконец, переполняется: Атаман Каледин принимает твердое решение разоружить запасных, но... не находит для этой цели никого, кроме конвойной сотни и юнкеров Новочеркасского военного училища. Нужно было обращаться за помощью к генералу Алексееву.

Супруги Каледины уже оказывали в частном порядке материальную помощь прибывавшим на Дон алексеевским добровольцам; в обход своего осторожного Правительства выдавал Атаман им и оружие, включая бронеавтомобили. Все это позволяло ему практически с первых дней существования «Алексеевской организации» рассчитывать на нее как на самостоятельную союзную, если не прямо подчиненную боевую силу. «Организация» решительно выступила для разоружения запасных - генерал Деникин писал: «Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд», -тем более что отобранные у солдат «винтовки и патроны, - свидетельствовал участник событий, - доставлялись в организацию подводами и автомобилями, каждый раз в мере, далеко превышавшей

потребность наличного состава». Оставался, однако, не менее опасный Ростов.

Назначенный командующим войсками Ростовского района генерал Д. Н. Потоцкий сумел лишь арестовать Голубова, отправив его в Новочеркасск (там «ватажник» был посажен на гауптвахту). Четыре запасных пехотных полка на глазах становились из просто дезорганизованных - откровенно большевицкими, и генерал уже был вынужден в частных беседах признавать, что «при создавшемся положении ничего не сделаешь»...

Около трех часов пополудни 23 ноября к Ростову подошли вызванные на помощь местным Ревкомом черноморские корабли с десантными отрядами. Большевики определенно шли на развязывание вооруженной борьбы, в то время как Атаман и Правительство медлили с решительными мерами. Политика Новочеркасска в этот период вообще выглядит довольно уязвимой, хотя и считать ее совсем не имеющей оснований тоже не стоит. Хорошо осведомленный не только о событиях, но и об их подоплеке сотрудник Атамана так излагал впоследствии эти соображения:

«1) Находящиеся под рукой войска были в таком состоянии, что на них трудно было рассчитывать, других же частей вблизи не было, отдаленные же фронты обнажать было нельзя.

2) Инициатива выступления атамана без всякого повода со стороны большевиков могла усугубить недоброжелательство казачьих частей к походу, ибо подтвердила бы распускаемые большевиками слухи о беспричинных со стороны атамана репрессиях по отношению к большевикам.

3) Незначительный запас боевых припасов и оружия.

4) Многочисленный большевистски-настроенный ростовский гарнизон, численность которого с подозрительными элементами достигала до 20 тысяч.

5) Малочисленный состав добровольческой армии[25].

6) Угроза Викжеля[26] *объявить забастовку в случае гражданской войны, что несомненно отразилось бы на экономическом состоянии страны.*

Вот главнейшие причины, с которыми атаман считался как глава правительства. Неудача под Ростовом могла бы повлечь к другим неудачам и кончиться катастрофой, т. е. вторжением большевиков в Донскую область, а. этого больше всего опасался атаман...

Но была еще одна причина, почему атаман не поднял первый меч, и эта причина опять-таки наиболее ярко характеризует его как человека.

— Хотя бы и против большевиков, но я первый не подниму руки — пусть они первые начнут, тогда я имею нравственное право сказать, что я защищался».

Позднее, на заседании Большого Круга, Каледин признается: «Нужно сказать, что к моменту начала военных действий отношения чрезвычайно обострились, но мы всеми силами старались оттягивать этот момент. Было страшно пролить первую кровь»...

25 ноября генерал Потоцкий объявил, «что Ростов с 22-го находится в состоянии гражданской войны». *Слово* было произнесено вслух, и с утра 26-го по всему городу уже вовсю шла стрельба. Подмоги из Новочеркасска, однако, не было в течение всего дня 26 ноября, что как будто говорило о растерянности Войсковых властей; пишущие об этом обычно и рисуют, вольно или невольно, неутешительную картину растерянного, бессильного и выпустившего из рук управление Атамана, потерявшего едва ли не целый день и в конце концов явившегося за спасением к Алексееву. По более авторитетному свидетельству, однако, все было совсем не так.

Начальник Полевого Штаба вспоминал год спустя, что первые известия о ростовском столкновении были получены в Новочеркасске той же ночью[27], и разбуженный Каледин немедленно распорядился созывать своих ближайших сотрудников.

«К 5 час[ам] утра в приемной собрались М. П. Богаевский, начальник войскового штаба полковн[ик] Араканцев, начальник полевого штаба полк[овник] Лисовой (автор воспоминаний. - *А. К.),* начальник гарнизона генер[ал] Корнеев, начальник новочерк[асского] казачьего военного училища ге-нер[ал] Попов и др., которым атаманом и были прочитаны поступившие донесения, а затем, обращаясь к полковнику Л[исовому], [атаман] сказал -"Вот теперь давайте все, что у вас есть - немедленно грузиться на Ростов", -и затем добавил: - "и попросите Мих[аила] Васил[ьевича], чтобы он возможно раньше зашел ко мне".

В 8 час[ов] утра генерал Алексеев сидел уже в кабинете - были потребованы карты... и после часовой беседы генерал (неясно, который; по контексту похоже, что Алексеев: Каледин всюду именуется Атаманом. - *А. К.)* подтвердил, чтобы выступали все до единого человека!»

Таким образом, из рассказа начальника калединского Штаба следует, что Атаман был готов к открытию боевых действий, скорее всего ожидал именно такого развития событий и более того — должен был заранее принимать в расчет «Алексеевскую

организацию», руководителя которой он немедленно приглашает к себе для составления диспозиции («были потребованы карты»), согласованной и утвержденной в течение часа, то есть, возможно, с учетом предыдущих совещаний: вместо расслабленного и неуверенного начальника перед нами (несмотря на «сумрачность», в общем обычную для Алексея Максимовича) предстает человек энергичный, деятельный, знающий, чего он хочет, и готовый решительно претворять свои планы в жизнь.

В ночь на 27 ноября из Новочеркасска на Ростов выступил первый отряд алексеевцев, однако в разыгравшемся на следующий день бою успеха он не добился ввиду численного превосходства противника, тем более значимого, что из трехсот белогвардейских штыков значительную часть составляли необстрелянные юноши - юнкера и кадеты. Неладно было и в самом Ростове, где генерал Потоцкий продержался чуть более двух суток, но утром 28 ноября был выдан ревкомовцам остававшимися с ним казаками.

А тем временем Донской Атаман всеми силами старался мобилизовать Войско на борьбу. «...Наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей, - рассказывал он впоследствии. - ...Во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка». Генерал тщательно собирает силы и изготавливается к решительному наступлению, сам неоднократно выезжая на позиции, — и 1 декабря он уже может сказать явившимся к нему на переговоры представителям ростовских общественных организаций: «Безусловная сдача, или завтра в 2 часа мои казаки будут в Ростове. Стратегическое окружение закончено».

Генерал сдержал слово. Наступление началось ранним утром 2 декабря, и его участник впоследствии не без иронии писал: «Товарищи[28], увидев, что под Ростовом не фарс, а почти война, и зная, что на завтра назначен штурм, рассыпались в течение этой последней ночи... Красногвардейцы спешили обратиться в мирных хулиганов, а вожаки попрятались и разбежались». Несмотря на отдельные очаги сопротивления, несколько колонн калединских войск почти одновременно вступили в Ростов, встречаясь друг с другом на улицах, уже запруженных толпами радостных обывателей.

«Мне не нужно устраивать оваций... Я не герой, - и мой приход - не праздник, - говорил приветствовавшей его толпе Атаман. - Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита кровь, и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданской долг...»

Начавшаяся открытая междоусобица глубоко ранила душу

Каледина, и недаром, должно быть, перед отъездом на фронт, когда жена передавала ему пистолет, он отверг запасные обоймы:

«Сколько раз я тебе говорил, что для меня 14 патронов много, зачем мне две обоймы, для меня достаточно одного патрона...»

* * *

Урок из ростовских событий извлекли обе стороны. Открывшийся в Новочеркасске 2 декабря, под грохот орудий ростовского фронта, Большой Круг был поставлен Калединым перед необходимостью решительной реорганизации власти. «Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления, - говорил генерал. - ...Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказания слышать: "не желаем", "подумаем". Власть должна быть властью». Формально Круг предоставил Войсковому Атаману диктаторские полномочия; в помощь ему по военным вопросам была учреждена должность Походного Атамана, которую занял герой недавних боев генерал А. М. Назаров; в то же время, с целью «демократизации» управления Областью, было решено составить так называемое «паритетное» Правительство, куда вошли бы представители как от казаков, так и неказачьего населения.

Упорядочивались взаимоотношения с «Алексеевской организацией». После приезда на Дон бежавшего из заключения генерала Л. Г. Корнилова (6 декабря) и его ссоры с генералом Алексеевым для нормализации обстановки в Белом лагере по инициативе Деникина была принята «конституция», разграничивающая сферы деятельности наиболее значимых вождей зарождающегося движения:

«1. Генералу Алексееву - гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову — власть военная.

3. Генералу Каледину (симптоматично, что не «Атаману»! - А. К.) - *управление Донской областью.*

4. Верховная власть - триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается».

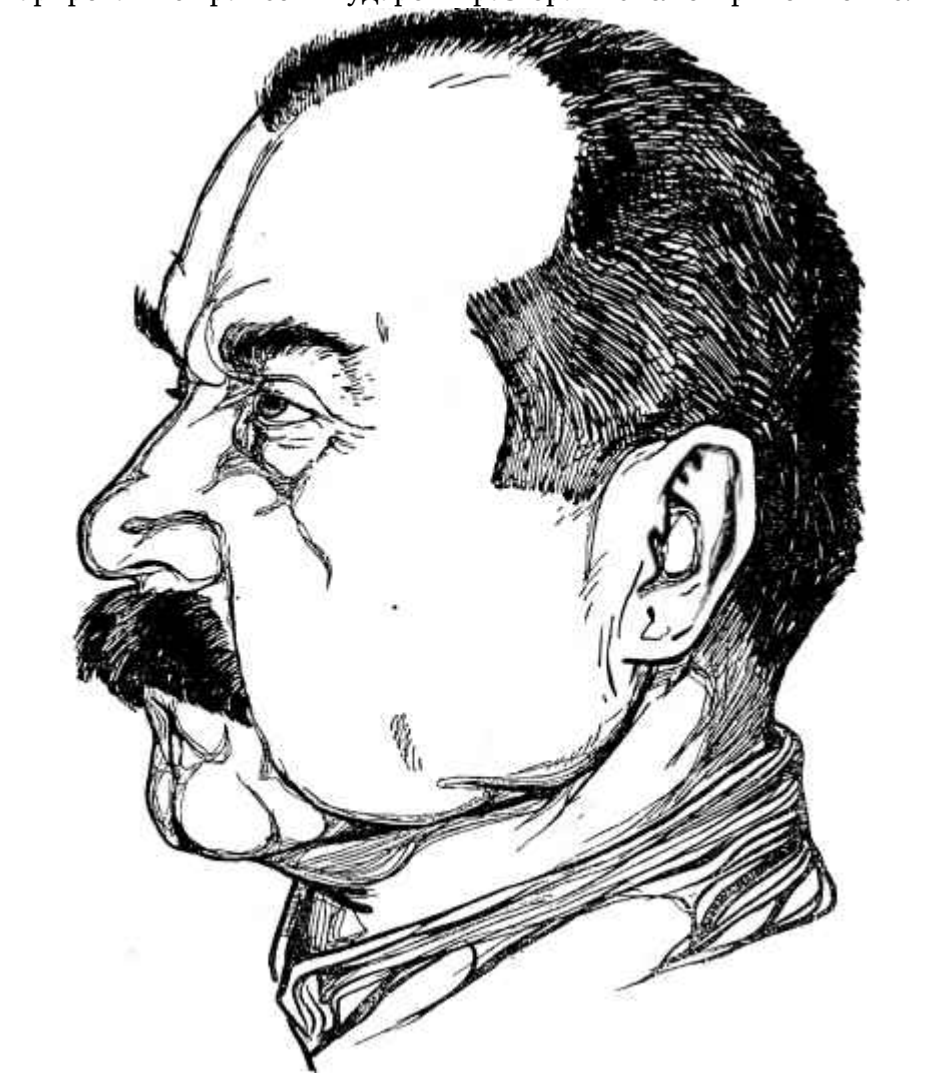
«Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, ~ писал Деникин, - то триумвират представлял из себя в скрытом виде *первое обще-*

русское противо-большевистское правительство[29]». А поскольку роль «буфера» между двумя враждующими триумвирами была бы слишком унизительной, чтобы предлагать ее такому человеку, как Каледин, — правдоподобным становится предположение, что в «наброске проекта "конституции"» его автором вольно или невольно было заложено *верховенство* генерала Каледина. Это соответствовало и реальному положению дел («...В то время как между генералами Алексеевым и Корниловым ход работ внешне был резко разграничен, на плечах генер[ала] Каледина по-прежнему оставались все тяготы и военного, и политического, и финансового, и пр. характеров», - отмечал современник), и масштабу личности Алексея Максимовича, который, по нашему мнению, был крупнейшей фигурой на российской политической сцене 1917 года и в любом случае перерастал отведенные ему казачеством довольно узкие рамки. Пост Донского Атамана, осознавал это сам Каледин или нет, был для него мал, а в случае фактического осуществления деникинской идеи триумвирата генерал оказался бы в значительной степени освобожденным от влияния своего Войскового Правительства и теряющего сердце казачества. Но планам не суждено было осуществиться - слишком мало времени отвела история «эпохе Атамана Каледина».

Для большевицкой власти ростовские события тоже стали грозным предупреждением, и на «мятежный Дон» двинулись войска Совета Народных Комиссаров. Через Воронеж и Донецкий каменноугольный бассейн под общим руководством «Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией» В. А. Антонова-Овсеенко вели свои «колонны» бывшие прапорщики Г. К. Петров, Ю. В. Саблин и Р. Ф. Сиверс. С юга, на станции Тихорецкой, пытался организовать «революционную армию» хорунжий А. И. Автономов — член Большого Круга, выступавший против Каледина и переходящий теперь от парламентской оппозиции к вооруженной борьбе. А из Петрограда пристально следил за развитием событий на Юге и «сам» Ленин...

Однако говорить о стратегическом плане большевицких военачальников, пожалуй, не приходится: его выработке и реализации мешал сам характер их формирований, - рыхлых, недисциплинированных, а зачастую и просто буйных. Стратегическую идею заменяло указание цели - «калединского Новочеркасска», куда науськивали свои толпы их вожаки, — и лишь география железных дорог, по которым продвигались красные эшелоны, создавала картину «наступления по сходящимся операционным направлениям». Но наличия своей стратегической идеи мы вправе ожидать от генерала Каледина, уже хорошо известного нам как полководец крупного масштаба,

умеющий и привыкший распоряжаться значительными войсковыми соединениями и вряд ли склонный к безвольному парированию вражеских ударов в разгоравшейся открытой войне.



А.М. Каледин. Рисунок Л. Кудина. 1918 год.

В начале 1918 года на территории Области уже находилось семь Донских казачьих дивизий и Гвардейская бригада, и ожидался подход еще двух дивизий с фронта. Не все они были равноценными, часть казаков при несомненно высоких боевых качествах не отличалась стойкостью духа, надеясь на близкое и всеобщее «замирение», — но все же по численности, вооружению и присутствию на своих местах офицеров эти дивизии казались грозной силой, на которую можно было рассчитывать... хотя бы поначалу.

«...Мечтали о том, чтоб сделать эту армию солидной, в

смысле тех организационных понятий, к которым привыкли до 1917 года... Создали для походного атамана и громоздкий штаб, рассчитанный на армию, во всяком случае, не эфемерную», — писал впоследствии участник событий. Параллелизм работы Войскового Штаба и Штаба Походного Атамана генерала А. М. Назарова отмечался и другими современниками, причем порой в весьма язвительных тонах: «...Значительная часть дорогого времени терялась на то, чтобы разобраться -какого штаба касается затронутый вопрос... Ни один из штабов не желал брать исполнения целиком на себя, предпочитая вместо этого отписываться и изощряться в виртуозности канцелярского языка», - хотя в действительности, как следует из анализа служебных телеграмм Атамана Каледина, оба Штаба работали скорее «наперебой»: привыкший, как мы помним, еще с Великой войны лично вникать во все подробности, Алексей Максимович и тут не видел большой разницы между двумя управляющими структурами, то и дело отдавая распоряжения через начальника Штаба Походного, полковника В. И. Сидорина, помимо самого Походного Атамана. Идея же организации нового штаба начинает выглядеть более обоснованной, если учесть, что в своих расчетах Каледин отнюдь не ограничивался территорией Донской Области и ее ресурсами.

О том фронте, который он надеялся организовать против большевиков, достаточно красноречиво говорит телеграмма полковника Сидорина, направленная вечером 21 декабря 1917 года следующим адресатам: «Екатеринодар Начальнику Штаба Кубанского Войска, Владикавказ Начальнику Штаба Терского Войска, Астрахань Начальнику Штаба Астраханского Войска, Оренбург Начальнику Штаба Оренбургского Войска, Уральск Начальнику Штаба Уральского Войска, Киев Военный Секретариат Украины». «Крайне желательно взаимное осведомление о сосредоточении [и] передвижения[х], вообще группировке войсковых частей вблизи ваших границ или на вашей территории, не подчиненных вашему правительству, особенно же враждебно настроенных», - писал начальник Штаба Походного Атамана, и похоже, что взаимное оповещение, по крайней мере в пределах Северного Кавказа, действительно было налажено. Так, например, десять дней спустя Штаб Походного получил информацию о передвижении красных бронепоездов по Владикавказской железной дороге и принимал меры к недопущению их на территорию Области; в свою очередь, на Кубань, Терек и нижнюю Волгу передавались сводки событий на Дону. Были попытки наладить взаимодействие со Штабом Кавказского фронта, откуда надеялись получить

высвобождающееся военное имущество. Обращал внимание Донской Атаман и на моральный фактор, связанный со взаимной поддержкой нескольких Казачьих Войск: Донцы не должны были чувствовать себя «покинутыми», «защищающими своею грудью чью-то спокойную жизнь». И, подчеркивая, что «судьба Кубани решается на Северном Дону», Атаман в конце декабря 1917 года отправил в Екатеринодар своего эмиссара, прося передать:

«Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами... Необходимо получить для Ростова хотя бы два только пластунских батальона.

...Если хотят существовать, пусть направляют все здоровое в Ростов; пусть не жалеют для Дона артиллерийских снарядов... Нужно смотреть за всех».

Орлом, «который размахом крыльев своих желает прикрыть все казачество от гибели и разложения», показался в эти минуты генерал собеседнику; однако казаки не спешили собираться под распростертые крылья. 30 декабря, правда, «было обещано из Екатеринодара два батальона», но новогодний подарок так и остался пустым обещанием. И если тыл все же пребывал пока в относительном спокойствии, тому были другие причины - на Тереке начиналась внутренняя резня казаков с горцами, Тихорецкая группировка красных, очевидно, чувствуя неуверенность, оставалась пассивной, а боевой участок кубанско-большевицкого фронта - новороссийский - был слишком удаленным, чтобы оказывать прямое воздействие на положение Дона.

Хуже обстояли дела с другим участником общего сопротивления — Украиной. Малороссийские губернии, в которых пыталась осуществлять свою власть находившаяся в Киеве Центральная Рада, сами подверглись ударам большевиков. Правда, продвижение красных на харьковском направлении, выводя их во фланг охватываемой полукольцом Донской Области и разъединяя союзников, в то же время угрожало вклинившимся «колоннам» ударом с двух сторон, если бы удалось согласовать действия Донцов и Добровольцев с войсками Центральной Рады. Должно быть, это и побуждало Войсковое Правительство стремиться к «скорейшему соглашению» с Радой, однако наиболее решительный и настроенный на борьбу из ее членов - Генеральный Секретарь по военным делам С.В. Петлюра - оказался в одиночестве и уже в конце 1917 года был вынужден покинуть свой пост, став жертвой политических интриг. Вооруженных сил «Украинской Республики» так, по сути, и не было создано, и координация действий разрушилась, не сложившись, хотя Каледин для содействия общей борьбе готов

был пойти даже на задержку в Херсонской и Екатеринославской губерниях частей 3-й Донской дивизии, возвращавшейся с фронта. Но удержать рвущихся домой казаков уже вряд ли было возможно...

Менее реальной выглядела мысль о взаимодействии с Оренбургскими казаками, которых старался поднять Войсковой Атаман полковник А. И. Дутов: слишком удаленным от Дона было это третье по численности, после Донского и Кубанского, Войско. Тем не менее, помимо упоминавшейся организации оповещения, Атаман Каледин еще в начале декабря стремился к более тесному сотрудничеству. Он ожидал наступления Дутова на Волгу; для отправки в Оренбург был подготовлен и «радиотелеграфный аппарат... такой силы, чтобы установить связь Оренбурга с Доном» (неподалеку от северной границы Донской Области, близ станции Филоново, застряла в эшелонах 2-я Оренбургская казачья дивизия - один из обязательных адресатов рассылки многих оперативных документов, касающихся обороны Дона, - которая и могла в данном случае сыграть роль связующего звена).

Таким образом, стратегический план сопротивления большевизму, складывавшийся у генерала Каледина в течение декабря 1917 года, представляется следующим: основной фронт с опорными центрами в Киеве, Харькове (там предполагалось разместить объединенное правительство) и Новочеркасске, с Кубанью и Тереком в качестве тылового района, и очаг борьбы в Оренбурге с опорой на относительно спокойную Уральскую Область и назначением двигаться к Волге; картина, которую удалось, и то на краткий срок, реализовать лишь летом 1919 года, ценою многих жертв и дорого обошедшегося народу разочарования в большевицких обещаниях.

Полковник В.М. Чернецов.

Пока же этого разочарования еще не наступило, широкомасштабные проекты военного строительства оставались обреченными на неудачу. Злой и пророческой иронией звучал образец отчетных документов, разосланный полковником Сидориным старшим войсковым начальникам: «Такой-то полк офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то сотня офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то батарея офицеров 00, шашек 00, орудий 00, снарядов 00, гранат 00. Всего офицеров 00 и т. д.»... Действительно, если еще и не всюду были нули, то дело, кажется, определенно шло к тому.

Удержать казаков под ружьем оказывалось практически невозможно — они стремились по домам, обещая по первому призыву вернуться в строй и, наверное, сами в эти минуты веря своим обещаниям. «Смотрите, станичники, - не меня обманете - себя погубите», - говорил им прозорливый Каледин, но слова его не убеждали и не заставляли задуматься. Нужно было искать новые пути организации вооруженной силы, и рождается идея формирования партизанских сотен.

Обычно при этих словах вспоминают отряд есаула В. М. Чернецова и несколько подобных ему, в которых собирались «необязанные службой» добровольцы (в основном учащаяся молодежь) и не состоявшие на должностях офицеры; однако на самом деле в идею «партизанства» Калединым вкладывалось совсем другое содержание. «Войскатаман приказал, - оповещал 16 декабря Сидорин, - по возможности сформировать в каждом полку по одной партизанской сотне в составе не более ста коней каждая. Сотни должны формироваться из охотников всего полка,

должны быть снаряжены так, чтобы свободно могли отделяться от полков для выполнения боевых задач». Таким образом, подлинный смысл распоряжения заключался фактически в переносе на донскую почву методов развернувшегося в 1917 году «ударного движения» - в частности, формирования при войсковых частях и соединениях так называемых «штурмовых» подразделений и частей или «частей Смерти», среди всеобщего развала сохранявших дисциплину и готовых выполнять свой долг.

Но декабрь не был июнем, и выделить под наименованием «партизанских сотен» казаков-ударников уже не удавалось; боеспособными оставались только добровольцы из отрядов, подобных чернецовскому, обладавшие одним наиважнейшим в те дни качеством: они безусловно желали драться, невзирая даже на неравенство сил, неблагоприятную обстановку, несмотря на все обстоятельства, которые, казалось, заведомо обрекали их на поражение.

«Когда убьют меня, то я, по крайней мере, буду знать - за что; а вот вам это будет неизвестно, когда вас будут расстреливать товарищи!» - сказал Чернецов тем офицерам, которые не спешили в бой, предпочитая отсиживаться в тыловом Новочеркасске. Конечно, он не хотел умирать, но не накликал ли сам свою смерть этими пророческими словами?

* * *

«...Сила хрупкая, точно шпага против дубины», - писал участник событий о партизанах-чернецовцах. Но в тех условиях, когда воодушевленность и готовность умереть могли играть решающую роль, подавляя волю противника, в значительной степени сохранившего психологию труса-дезертира, - удары этой «шпаги» оказывались весьма опасными. Наиболее угрожаемым участком признается Донецкий бассейн, и именно на это направление бросают на последней неделе 1917 года Чернецова. Партизаны бьют передовые отряды красных у станций Штерово, Щетово, а в ночь на 28 декабря при содействии железнодорожников, которые скрыли от большевиков, что идет воинский эшелон, - ударили на Дебальцево, далеко выскочив за пределы Донской Области и создав угрозу флангу наиболее боеспособной колонны Сиверса. «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе», - признавал Антонов-Овсеенко, но опасения советского Главнокомандующего,

начавшего перегруппировку почти всех сил в каменноугольный бассейн, оказались совершенно излишними: вечером того же 28 декабря генерал Назаров передает Чернецову приказание «вернуться вновь [на] станцию Щетово, действуя оттуда набегами [в] том или другом направлении», да и сам есаул к этому времени, вывозя трофеи, уже отступает. Делается это, разумеется, не от хорошей жизни: казачьи полки, взаимодействие с которыми могло привести к столь тяжелым для красных последствиям, не хотят воевать и не представляют собою серьезной боевой силы.

Последняя ставка делается на то, что, может быть, казаки все-таки согласятся защищать свой родной Дон. «Наступательные действия за пределами области прекратить, ограничиваясь самыми решительными действиями в пределах области», — приказывает Войсковой Атаман 1 января, но изменить ничего уже не удается. В те же дни приходится запрашивать, «желают ли части генерала Тимашева выполнить возлагаемую задачу» (каким бредом должно было казаться все это Каледину!), и даже в требованиях вынужденно звучат нотки увещевания: «Передайте казакам, что в эти тяжелые переживаемые Доном дни я требую от них полного порядка и подчинения распоряжениям командного состава. Предупреждаю ослушников, что они понесут за это30[30] ответственность по закону и перед Войсковым Кругом. Меня глубоко огорчит поведение 22[-го] полка, до сих пор отлично несшего службу. Если это результат агитации, требую немедленного удаления агитаторов из полка и донесения мне».

Сторонник решительных военных действий, Каледин в то же время отнюдь не считал их синонимом жестокой репрессивной политики и террора. «Войск[овой] Атаман приказал отрядам пленными не обременять ни себя, ни правительство...» - зловеще начиналось одно из его распоряжений, однако продолжение может вызвать у современного читателя, который знает, как развернутся события, какого накала достигнет противоборство и ожесточения - человеческая душа, — едва ли не улыбку: «...захваченных разоружать, опрашивать, разъяснять им их заблуждение относительно внутреннего быта и политики Дона и отпускать с предупреждением, что вторичная поимка не будет прощена»...

Походный атаман генерал П.Х. Попов.

Но те, кто еще не перешел в разряд пленных, продолжали представлять собою угрозу. Наряду с вторжением военным, первые попытки которого парировал Чернецов, оставался еще центр «идеологического» вторжения и разрушительной пропаганды — Царицын, названный одним из современников «такой же занозой в больном теле казачества, как в свое время Ростов». Другим центром большевики хотели сделать Воронеж, предполагая созвать там «съезд рабочих, солдатских и казачьих

депутатов», и 4 января Атаман Каледин вынужден был запретить участие в нем казаков. Подействовал ли запрет, или казачество в своем разложении еще не успело дойти до логического конца, только один из руководителей воронежского съезда, С. И. Сырцов, признавал впоследствии, что съезд «собрал довольно много представителей рабочих, но от казаков там было всего несколько человек». А в конце первой недели января 6-я Донская дивизия, согласно планам Новочеркасска, должна была двинуться на Царицын, дабы «вырвать занозу».

Но операция сорвалась. Как вспоминал офицер, командированный поторопить дивизию, «во всех полках шли митинги, и во всех полках казаки отказывались наступать. Наиболее воинственным оказался расположенный в Чирской станице запасный полк, по номеру, кажется, 4-й; он соглашался дать в наступление по 30 человек с сотни, но - под условием, чтоб операция была прежде того начата с другого направления и другими войсками». Это стало известно 9 января, а 10-го калединский Дон получил новый сильнейший удар.

Не сумев организовать «революционного казачества» в Воронеже, Сырцов решил использовать для этой цели собирающийся в станице Каменской «съезд фронтовиков» и выехал туда с коллегами по партии и «достаточно обработанными», по его собственному циничному признанию, казаками. Не боявшиеся германских пушек и удушливых газов фронтовики были буквально смяты угрозами: «За Советскую власть стоят много миллионов рабочих и крестьян, и, конечно, не кучке казаков справиться с народом... Борьба будет не в пользу казачества, она его разорит...» Гвардейский подхорунжий Ф. Г. Подтелков, который вскоре осчастливит захваченный Новочеркасск афоризмом «при советской власти приказано и жида считать человеком», по рассказу современника, будет носить золотой браслет и перстни, а в ростовском банке потребует «миллион» («дайте мне царскими пятисотками»), — выдвинутый Каменским съездом на пост председателя Донского Ревкома, пока еще смущался, трусил, убеждал «партийных товарищей», «что он никогда без согласия стариков ничего не делал», и на первом митинге, созванном после предательского ареста расположенного неподалеку Штаба 5-й Донской дивизии, «крестясь на все четыре стороны», лепетал: «Отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросясь вашего благословения, совершили революцию». Решительности казакам-мятежникам придавал... тоже страх: съезд был объявлен незаконным, им грозила кара.

Большевизированные казаки не ограничились арестами старших начальников. В ближайшие часы ими был занят

важнейший стратегический железнодорожный узел Области - станция Лихая, где скрещивались царицынская и воронежская линии. От Каменской до Новочеркасска было менее ста пятидесяти верст вдоль линии железной дороги...

Удар оказался очень сильным и с политической точки зрения. Всего лишь две недели назад усилиями А. М. Каледина и М. П. Богаевского было достигнуто зыбкое равновесие - власть приняло «Паритетное Правительство». Теперь же трещина проходила еще глубже, уже по толще самого казачества, до сих пор несмотря на все уродливые явления казавшейся монолитной. Каледин принимает решение сыграть с новым противником по его правилам, в ходе диалога показав Дону, насколько демагогической и чреватой страшными последствиями является позиция Донревкома, и соглашается провести переговоры «на высшем уровне», гарантировав безопасность прибывающим в Новочеркасск Подтелкову и его приближенным. Конечно, ни Сырцова, ни коголибо из подобных ему закулисных руководителей там не было: они пока предпочитали делать свое дело казачьими руками, и исполнители у них нашлись вполне соответствующие этой задаче.

Вначале Атаман еще считал, что с мятежниками следовало говорить «как-нибудь мягче». Но 15 января, когда в Новочеркасск приехала ревкомовская делегация, быстро стало ясным, что мягкость нахрапистые «собеседники» немедленно примут за капитуляцию. И все же члены Войскового Правительства пытались взывать к их казачьим чувствам, убеждать не превращаться в проводников чуждого большевицкого влияния на родном Дону. Изо всех сил пытаясь создать иллюзию своей независимости от центральной Советской власти, представители Донревкома выдвинули ультиматум: Каледину — сдать им власть, Войсковому Кругу - распуститься, партизан и Добровольцев - разоружить, а «не живших на Дону» выслать «из пределов Донской области в места их жительства», причем сдача оружия должна была бы производиться «комиссару военно-революционного комитета», и он же выписывал бы пропуска на выезд, полностью распоряжаясь таким образом жизнью и смертью последних защитников Дона. На такое предательство своих соратников генерал Каледин пойти, конечно, не мог.

Трудно сказать, чего хотел он добиться своими вопросами членам Ревкома: вряд ли у Атамана оставались иллюзии относительно того, с кем он имеет дело. Но в ходе переговоров он шаг за шагом заставлял Подтелкова признаваться в намерениях установить диктатуру, не считаться с народным волеизъявлением (Правительство предлагало дождаться созыва нового Войскового

Круга, не имевшего для мятежников никакого значения) и проч. Оглашены были перехваченные телеграммы Антонова-Овсеенко, обещавшие Смольному, что «голова Каледина... не останется на плечах у владельца ее», и уличавшие Донревком в сношениях через Антонова с большевицкой верхушкой. И пророчески прозвучали заключительные слова ответной речи Алексея Максимовича:

«На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем права сдать... Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться от воли народа... И если бы было можно, я с величайшею охотою сдал бы власть. Я пришел сюда с честным именем, а уйду отсюда, может быть... с проклятием...»

Сказать, что Каледин волновался, когда заканчивал свою речь, - значит ничего не сказать. Пророча себе проклятие, он с трудом справлялся с звенящим от напряжения голосом. Напряжение передавалось и окружающим, и даже советский автор признает, что у красных делегатов «настроение создалось отнюдь не боевое». Смущения их, впрочем, хватило ненадолго.

После перерыва Войсковой Атаман огласил и официальный ответ. Упомянув о предстоящем созыве Круга - единственного органа, правомочного решать судьбы Дона, - и прикрыв Добровольческую Армию утверждением, что она находится «под контролем», он потребовал от воинских частей «вернуться к своей нормальной работе по защите донского края», освободить арестованных и распустить Донревком. Правительство обличало большевиков как зачинщиков гражданской войны, а Ревком - как марионетку Совета Народных Комиссаров. И в качестве последнего удара Атаман Каледин объявил о перехвате еще одной телеграммы — на этот раз Антонову-Овсеенко от Подтелкова, в которой последний просил «хотя бы два-три миллиона» на содержание мятежных частей. Припертый к стене, вожак «трудового казачества» вынужден был признать, что телеграмма подлинная...

С отвлеченной точки зрения, результат переговоров можно было бы считать победой Каледина, но далась она чрезмерно дорогою ценой. Слишком очевидным стало, насколько глубоко проникла болезнь в организм казачества. Печать глубокой удрученности, которая лежала на облике Атамана после завершения переговоров, запечатлел один из очевидцев:

«Своей тяжелой походкой он направился в соседнюю с залом заседаний комнату - кабинет секретаря областного правления, и там среди наваленных на подоконниках груд верхнего платья стал отыскивать свое пальто. Найдя, наконец, его, он принялся

одеваться, с усилием натягивая рукава. И только когда пальто было одето, один из курьеров догадался подбежать и помочь атаману.

А он, одевшись, пошел к выходу.

Из кармана свисал засунутый туда башлык и волочился по земле. Казалось, атаман никого не видит, ни о чем не думает...» Но скорее всего, было наоборот: Атаман видел все и уже понимал слишком многое из того, что оставалось пока сокрытым от других.

* * *

Появление на сцене Донского Ревкома стало грозным признаком, однако возглавить борьбу его деятели по-настоящему не были способны. Им следовало организовать желающих «замирения» казаков в боеспособные части, вновь готовые проливать свою и чужую кровь, и в сущности для этого нужно было немного: рыхлый материал принимал соответствующую форму в руках командира, обладавшего двумя необходимыми качествами - непреклонной волей и твердым пониманием, чего он хочет. У белых, кстати, тоже не нашлось таких начальников - Алексеев, Корнилов, Деникин замкнулись на заботах Добровольческой Армии, Каледин и Назаров, сидя в штабах, были слишком далеки от казачьей массы, а Чернецов - партизан по натуре - звал к себе «всех вольных, всех смелых», вместо того, чтобы железной рукой привести к повиновению малодушных и пассивных. Попытаться сделать это предстояло другому бунтарю.

«Свершилась моя мечта - у власти все население Дона, - взывал посаженный на гауптвахту войсковой старшина Голубов. - Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги — мои враги». Его письмо дошло до М. П. Богаевского, а тот настоял перед Атаманом на освобождении мятежного офицера: метаний Голубова предсказать не мог, кажется, никто, включая его самого, и он, наверное, и в самом деле искренно приветствовал идею «Паритетного Правительства». Недавний «царицынский атаман» оказался на свободе в дни, когда в Новочеркасске гремело имя есаула Чернецова, и, по рассказу современника, «заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие бывают партизаны. Он в станице Луганской навербует себе удальцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске...» С этим обещанием он и исчез из Донской столицы.

Вынырнул Голубов 22 января под станцией Глубокой. На него

и его обещанный отряд, похоже, возлагались определенные надежды - Чернецов даже получил указания «связаться с Голубовым», но то ли не смог этого сделать, то ли не захотел (тоже был ревнив), и несколько блестящих боев в направлении на Лихую - Каменскую - Глубокую разыграл в одиночку. «Он вел свою молодежь прямо в поездах, высаживаясь чуть ли не в момент атаки, и сразу же бил по всему, что встречалось на его пути, - восторженно рассказывал об этой партизанской тактике штабной офицер. - ...Никто и нигде не мог выдержать этого бурного натиска людей, уверовавших в то, что противостоять им нельзя». И недаром по представлению Войскового Правительства генерал Каледин произвел есаула Чернецова за боевые подвиги сразу в полковники, минуя чин войскового старшины.

Бронепоезд «Единая Россия» ,1919 год.

Конец легендарного рейда наступил под Глубокой, где Чернецов, опрометчиво выдвинувшись вперед с частью своего отряда, неожиданно увидел обходящих его казаков. Не желая проливать кровь «своих», он послал парламентеров передать это, но в ответ в партизанские цепи ударила шрапнель... Гвардейская 6-я Донская батарея в упор расстреливала последнюю надежду Дона.

Дело было не только в неравенстве сил: в схватке с красногвардейцами прославленный партизан, наверное, не поколебался бы погибнуть вместе со всеми своими бойцами, - но сейчас перед ним продолжала брезжить смутная надежда спасти доверившихся ему мальчишек, и Чернецов, легендарный бесстрашный Чернецов, приказал положить оружие. Тут-то он и узнал, что в плен его взял войсковой старшина Голубов.

Неизвестно, каким ветром 16 января «ватажника» занесло в Каменскую, где он практически сразу же был избран казаками, знавшими его по Великой войне, командиром 27-го Донского полка. Происходившее кружило ему голову, вновь возрождались мечты об атаманстве, и Голубов охотно стал во главе самых

боеспособных частей Донревкома, поведя их в бой решительно и целеустремленно - это был не Подтелков...

«Не Подтелков» он был и еще в одном отношении. Войсковой старшина не питал неприязни к сдавшимся. Раненому в ногу Чернецову дали лошадь, они ехали рядом и, должно быть, о чем-то договаривались, потому что пленник по просьбе Голубова пишет командующему этим участком фронта генералу Усачеву записку с просьбой остановить наступление, о себе и своих партизанах сообщая: «От самосуда мы гарантированы словом всего отряда (красного. — *А. К.)* и войскового старшины Голубова». Расписался на этом же листке бумаги и Голубов, подтверждая вышесказанное и, наверное, в самом деле веря в силу своего слова.

Генерал Усачев тоже был казаком, и в ответ на послание Чернецова он пишет казакам-голубовцам письмо, проникнутое надеждой на достижение договоренности:

«Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой... Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. Ввиду появления казаков на станции Глубокой я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами...»

Но письмо опоздало. Голубов рвался вперед, его манил близкий Новочеркасск, - и Чернецов с тридцатью попавшими вместе с ним в плен партизанами был передан Подтелкову, для которого ни слово Голубова, ни гарантии, данные его казаками, ничего не значили: бывший подхорунжий оказался способным учеником своих новых начальников...

Подтелков хватался за шашку, угрожал, глумился, поливал партизан грязной руганью. Его подручные гнали раздетых до белья, босых мальчишек по январской степи. Такое отношение донских казаков к своей же донской молодежи объяснялось просто: Чернецов и чернецовцы воспринимались как... провокаторы, своими активными действиями развязывавшие гражданскую войну; не будь их, рассуждали станичники, большевики и не пошли бы на Дон. Того, что на самом деле было уготовано Дону и всей России, никто еще и не мог себе представить, а потому можно было куражиться над юными добровольцами, упиваясь своей призрачной силой и думая таким образом приблизить заветное всеобщее «замирение».

Впереди в сумерках замаячили конные фигуры. Потом оказалось, что это возвращалась красная разведка, но в первый момент вздрагивавший от каждого шороха Подтелков заволновался, и Чернецов, используя это минутное замешательство, сделал последнюю попытку выручить своих партизан. С криком «Наши идут, ура!» — он ударом кулака выбил ехавшего рядом Подтелкова из седла. Пленные бросились врассыпную. Вслед им затрещали выстрелы...

Жертва полковника Чернецова не была напрасной: части партизан удалось спастись (красные не решились далеко преследовать их в темноте), и они принесли в Донскую столицу самые противоречивые сведения о своем командире. «В Новочеркасске же долго не хотели поверить в смерть партизана, - вспоминал современник, - и только повторные рассказы тех, кто бежал из плена, заставили уверовать». Калединский Дон лишился своего лучшего и, быть может, последнего защитника...

Позднее рассказывали, что гибель полковника Чернецова и измена войскового старшины Голубова буквально подкосили Атамана. Наверное, это и в самом деле было для него тяжелейшим ударом, но не последним и даже не самым сильным. Новый удар, фактически поставивший крест на борьбе генерала Каледина, последовал... со стороны командования Добровольческой Армии.

Нельзя сказать, чтобы Каледин не отдавал себе отчета в том, что Добровольцы не связывали себя с Доном намертво: перед ними лежала вся страна, - по словам генерала Деникина, Алексеев и Корнилов «могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь, - всюду, где можно было найти отклик на их призыв». Возникли и разногласия по вопросу о стратегии борьбы. Добровольческое командование стягивало все силы к Ростову и уже готовило поезда для переброски войск на Тихорецкую и далее - на Кубань; Каледин, напротив, после провала планов наступления на Царицын полагал, что все войска, включая и подчиненные Корнилову, следовало собрать в Новочеркасске. 26 января он попытался еще раз убедить в этом начальника Штаба Добровольческой Армии, генерала А. С. Лукомского, но тот уклонился от каких-либо конкретных заявлений.

«Обращаясь к Лукомскому, - рассказывает о Каледине свидетель переговоров, - он предостерегал Добровольческую Армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась... Добровольческая Армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища. Что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска».

Последний проект вызывал у Добровольцев резкое неприятие: действительно, он грозил потерей оголяемого Ростова и тем, «что Добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет».

С военной точки зрения замысел Атамана в самом деле был весьма уязвимым — неизбежное в этом случае концентрическое наступление колонн Сиверса, Саблина, а может быть, и Автономова, ставило на карту буквально все. С другой стороны, рыхлым большевицким массам противостояли бы не разбросанные по многочисленным и почти изолированным друг от друга направлениям добровольческие и партизанские отряды, а собранный вместе, сокративший фронт, лишенный пути отступления и обреченный драться насмерть железный кулак всего боеспособного, что могли дать в тот момент Дон и Россия. Кроме того, в непосредственном тылу наступающих оказывались бы казачьи станицы, на пробуждение которых после более близкого знакомства с большевиками Атаман не переставал надеяться. В этом он ошибался, но в сущности на таких же ошибках были основаны и идея Корнилова отступить в Задонье (впоследствии отвергнутая), и замысел Алексеева поднимать Кубанское казачество, раз уж этого не получилось с Донским. Ошибались все, но Каледин, в своем заблуждении не желавший отрываться от еще не разоруженных казачьих районов, имел в этой рискованной игре свои резоны. Более того, обороняя Новочеркасск, белые били бы непосредственно по живой силе противника, как мы знаем, слабо организованной и подверженной деморализации. Победить в таких условиях было, конечно, немыслимо трудно, если не невозможно, но выстоять — можно было попытаться. И 28 января 1918 года Войсковой Атаман генерал Каледин обратился с последним воззванием к предающим его казакам:

«Граждане-казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников[31] *угрожают станице Каменской и ст. ст. "Зверево" и "Лихая". Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полк[овника] Чернецова, направленный против красногвардейцев, и*

частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество... Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

...Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложения других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов...

Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача - довести управление областью до созыва и работы 4-го февраля войскового круга и съезда неказачьего населения, — выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка! И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу пред Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство -только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению [в] необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только пред кругом».

В этом воззвании все: и тяжелое положение, в котором оказался Дон по вине своих сыновей, и еще раз терпеливо повторенные объяснения, почему под Ростовом бьются «чужие» добровольцы и почему берутся за оружие мальчишки, и... отнюдь не утраченное желание и готовность к продолжению борьбы даже в этих трудных условиях.

В самом деле, и позиция, занятая Калединым на вечернем заседании 26 января, и его последний призыв к Донцам 28-го, хотя и были окрашены горечью, однако содержали и уверенность в том, что сопротивление захватчикам возможно и необходимо.

Нет иллюзий, но нет и капитулянтства. Есть сознание опасности во всей ее полноте, но есть и стремление противостоять ей. И есть непоколебимая уверенность, что на атаманском посту нужно оставаться до конца.

Однако развязка наступит гораздо быстрее, чем об этом можно догадываться даже из последнего воззвания Атамана Каледина. Уже на следующий день позиция генерала изменится решительно и окончательно: он узнает, что не сказавший на совещании ни «да», ни «нет» генерал Лукомский, вернувшись в Ростов, 27 января, по собственному его признанию, «доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения»...

И на основании этого Корнилов, очевидно поколебавшись еще около суток, пишет телеграмму Атаману, запомнившуюся М. П. Богаевскому так: «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А я согласиться на это не могу». В Штабе Корнилова уже было решено двигаться на Кубань: Армия отходила на следующую линию обороны, и положение Каледина, никуда уходить не собиравшегося, становилось безвыходным.

А.И. Деникин, 1919 год.

Казаки не поднимаются, «формирования дружин идут очень вяло», поступают панические сообщения, «что последние казачьи

части, защищающие Новочеркасск с востока, ушли с фронта и что через часа два или три войдут большевики», - и, по воспоминаниям одного из офицеров Штаба Походного Атамана, после приказа Корнилова находившемуся под Новочеркасском офицерскому батальону «уходить и присоединиться к армии» - «на "северном фронте" оставалось бойцов ровно столько, сколько карт в колоде -52 человека.

Проигранная игра; а ставкой в ней был Дон».

И перед старым генералом, в эти последние недели уже обронившим: «Круга мы не дождемся, надо кончать дело», необходимость эта - «кончать дело», - встала неотвратимо и насущно.

* * *

Телеграмма Корнилова, по свидетельству Деникина, составленная 28 января, должна была придти в Новочеркасск ночью или рано утром 29-го, и Каледин немедленно собирает срочное заседание Правительства, а явившийся незадолго до этого с обычным докладом или вызванный специально начальник Штаба Походного Атамана выслушивает последние оперативные распоряжения, весьма неожиданные в устах героя Луцка и Ростова:

«Части добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова; перед донскими партизанами, на Сулинском фронте, встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков. Это недопустимо ни при каких условиях («Прикажите партизанам не стрелять. Больше ни одного выстрела», — передает тот же приказ другой автор. - *А. К.).* Объявите мое приказание, что каждый партизан, всякий отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединяться к добровольческой армии; кто хочет - может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергнуть город всем ужасам гражданской войны».

Сдержанный и хладнокровный даже в этих условиях Сидорин отбывает в Штаб Походного Атамана, Каледин же приглашает к себе М. П. Богаевского и излагает своему ближайшему сотруднику схему дальнейших действий, предполагающую, во избежание или, по крайней мере, уменьшение кровопролития при неизбежном теперь захвате Новочеркасска большевиками или войсками казачьего Ревкома, сдачу власти каким-либо

общественным организациям, которые могли бы, не будучи столь одиозными в глазах наступающих, ходатайствовать перед ними за население города.

Сделав затем собравшимся членам Правительства «спокойный и беспристрастный» доклад об окончательно разразившейся катастрофе, Алексей Максимович произнес ключевые слова, свою запись которых М. П. Богаевский назвал «почти буквальной»: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю», — а дальнейшие прения, разгоревшиеся было среди пораженных членов Правительства, оборвал страшной фразой: «Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла». Все остальное уже не затрагивало генерала глубоко. Как будто куда-то спеша, он «открывал ящик за ящиком своего стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги». Распустив Правительство и уничтожив последние предназначенные к тому документы, генерал Каледин выстрелом из пистолета покончил с собой.

В исторической литературе существует много объяснений и интерпретаций последнего поступка Каледина: от проявления слабости, малодушия, отчаяния - до трезвого, хотя и страшного в выборе средства, расчета. Слишком велик был соблазн превратить «калединский выстрел» в «калединский сполох» — сигнал тревоги, гневный и горький упрек казачеству, после которого якобы началось отрезвление и возвращение Дона на путь борьбы с большевизмом. Следует, однако, сказать, что последнее вовсе не соответствует истине -вступивший в исполнение обязанностей Войскового Атамана генерал Назаров за две недели своего атаманства испил ту же горькую чашу, что и его предшественник, был брошен отказавшимися от борьбы казаками на произвол судьбы, мужественно дождался прихода в Новочеркасск предводимых Голубовым войск Донского Ревкома и был убит по приказанию Подтелкова[32]. Тем не менее какой-то глубинный смысл в самоубийстве Алексея Максимовича, очевидно, все-таки был, раз советские «историки» вскоре пошли на беспрецедентный даже для них шаг, опубликовав фальшивое «предсмертное письмо Каледина».

Фальшивка, впрочем, вышла неудачной. Ее авторам не удалось ни придумать правдоподобных обстоятельств «находки» - «письмо» не могло пролежать «в кабинете Каледина», как они утверждали, две недели, оставшись неизвестным сотрудникам

покойного Атамана (если Богаевский подобрал как реликвию даже пулю, пробившую сердце Алексея Максимовича), - ни имитировать стиль (начиная с совершенно невозможного обращения «многоуважаемый генерал Алексеев»[33]), ни хотя бы сделать содержание сколько-нибудь осмысленным. Неизвестный фальсификатор вообще сначала явно «писал» не Алексееву, а Корнилову («вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело...», «вы отчаянно и мужественно сражались...», намек на казачье происхождение «адресата»), и лишь по окончании работы «адресат» почему-то был заменен. Фальшиво звучит и «просьба» -«отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей (?! — *А. К.),* но дальше не ведите на бойню моих милых казаков», — тем более, что на самом деле Каледин, как мы видели, был как раз сторонником координации действий и широкого фронта борьбы с большевизмом. Автор подделки, приписывая генералу моральную капитуляцию, вольно или невольно стремился прежде всего унизить своего мертвого врага, подменяя его величественный образ - жалкой плаксивой фигуркой. И доказательством того, что подлинное значение личности Каледина и глубина его трагедии остаются до сих пор непонятыми, служит «использование» современными авторами этой фальшивки, кочующей из публикации в публикацию, несмотря на многочисленные и очевидные несообразности.

Но вернемся в день 29 января 1918 года, чтобы вновь обратиться к трагедии «калединского выстрела». Как представляется, Алексей Максимович не мог не сложить с себя атаманства, коль скоро весь Дон отказывался сражаться за свою свободу. В то же время формальная отставка ничего не значила для наступающего врага, в чьих глазах генерал Каледин при любых условиях оставался Атаманом, - и уйти в степи с Добровольческой Армией или донскими партизанами ему тоже было нельзя. Но понимали это немногие - сам Каледин, генерал Назаров, полковник Сидорин, - большинство же тех, кто еще оставался верен идее борьбы, склонялось к мысли об аресте и насильственном увозе генерала; разумеется, всеми силами души сочувствовала этому и М. П. Каледина, последние месяцы жившая в страшном внутреннем напряжении и тревоге за судьбу мужа (она пережила его не более чем на полтора года). И Алексей Максимович не нашел другого выхода, чем выстрел в свое измученное сердце.

Казачество опомнится весной, в ходе «Обще-Донского восстания» изгнав с территории Войска большевиков; тогда же

был схвачен и вместе со своими ближайшими сотрудниками казнен «Председатель Донского Совнаркома» Подтелков. И в условиях подъема Белого движения на Дону имя светлого Атамана становится одним из самых почетных. По нему служатся торжественные панихиды, ему предполагается поставить памятник на Соборной площади Новочеркасска... И хотя последний проект не был реализован, - увековечением имени Алексея Максимовича, бывшего не только государственным деятелем, но и выдающимся кавалерийским начальником, стало формирование в марте 1918 года в 1-м Донском округе «Партизанского отряда имени Атамана Каледина», преобразованного впоследствии в конный полк, которому было присвоено вечное шефство Каледина. «Калединцы» с честью пронесли в многочисленных боях свое черное знамя с мертвой головой - Христианским символом смерти и Воскресения, и современник с полным правом напишет о них: «Каледин умер, но дух его жив и особенно ярко виден он в Калединовском полку». Старые сослуживцы генерала по 12-й кавалерийской дивизии, собравшиеся на Дону и в начале 1919 года сформировавшие Сводный кавалерийский полк, также назвали его именем своего любимого начальника, а на острие наступления Донской Армии сражался легкий бронепоезд «Атаман Каледин»...

И тогда, и впоследствии, уже в эмиграции, о Каледине было написано немало. Однако, обращаясь к существующей литературе, останавливаешься на том, что в ней сложился облик человека высоких нравственных качеств, страдающего при виде трагедии Отечества, но... помимо воли авторов предстающего пассивным, бездеятельным, скорее символом, чем участником борьбы. И, не подвергая сомнению моральных оценок личности Атамана, как мы уже видели, действительно отличавшегося редкой чистотой и благородством и, быть может, именно поэтому пришедшего в конце жизни к такой страшной развязке, — нельзя не отметить, что при внимательном чтении из мемуаров и документов перед нами встает и волевой, твердо идущий к цели, вникающий в мельчайшие детали военных действий боевой генерал, чьи черты органично дополняют уже известное нам и лучшим памятником которому действительно стали не камень или бронза, а лихие рейды конных полков, носивших его славное имя. А одной из лучших эпитафий ему стали слова Протопресвитера Добровольческой Армии отца Георгия Шавельского, сказавшего в годовщину «калединского выстрела», когда еще жива была надежда на спасение России:

«Верится, что трагическая смерть Алексея Максимовича, после его великолепной, полной благородного труда, высоких

порывов и святого подвига жизни заставила очнуться многие обезумевшие казачьи умы, понять глубину народного падения и горя и загореться от огня той любви к Родине, которою жил и дышал почивший Алексей Максимович.

И тогда принесенная Алексеем Максимовичем жертва собственной жизнью, несомненно, послужила одним из камней, на которых начала воссозидаться развалившаяся русская государственная жизнь.

Наш долг - вечно носить в душе образ этого русского героя-мученика, после сверхчеловеческих страданий за Родину пришедшего к роковому концу, и молиться Господу, да спасет и помилует Он его в вечном Царствии Своем».

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. И. ДЕНИКИН
Ю. А. Трамбицкий

В начале августа 1947 года на кладбище Эвергрин в американском штате Мичиган, после отпевания в Успенской церкви Детройта, состоялась траурная церемония. С воинскими

почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии США. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Вряд ли кто-то из них понимал слова молитвы, которую прочитал над покойным Православный священник в непривычном для американского взгляда облачении. Спустя некоторое время останки покойного были перезахоронены на русском кладбище Святого Владимира в городе Джексоне. Так обрел вечный покой русский изгнанник - генерал Антон Иванович Деникин, человек, всю жизнь сражавшийся под знаменами России и до последнего часа сохранивший верность своему Отечеству.

Писать о генерале Деникине, этом удивительном человеке, в свое время приковавшем внимание всей России к своему имени, - трудно, ибо, с одной стороны, его имя знакомо едва ли не каждому, но с другой - догмы, легенды и устоявшиеся суждения о нем существенно затрудняют задачу. И все же обратиться к его историческому портрету необходимо, показав при этом жизненный путь длиною в три четверти века.

Генерал Деникин, впрочем, как и любой другой герой истории, с дальнего расстояния предстает во всей своей противоречивости. Он был сыном своего времени, смутного времени, - эпохи, когда, как он сам писал, «великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души». Имя генерала Деникина ассоциируется с безмерным честолюбием, диктаторской властью, жаждой реставрации прошлого строя, оно рождает в памяти одних «ужасы деникинской контрразведки», грабежи мирного населения, но оно напоминает другим о чести и отваге, рыцарстве человека, бросившего вызов самой жестокой и кровавой диктатуре двадцатого века. В его жизни было все, что позволяет назвать его героем своего времени, отнести его к людям неповторимой, удивительной судьбы. Было время, когда Деникин обладал неограниченной властью на огромной территории, когда он был более чем близок к победе, которая принесла бы ему всю власть над всей страной. Было время взлета, но были и поражения и горечь разлуки с Родиной. Неизменными на протяжении всей жизни оставались удивительная скромность, честность и невероятная любовь к России.

Писать о генерале Деникине трудно еще и потому, что он сам оставил нам свои книги, написанные удивительно талантливо и прочесть которые - большая удача, ибо в них свидетельства и

переживания очевидца сопряжены с литературным дарованием. Но сам Деникин, заканчивая свои знаменитые «Очерки Русской Смуты», предупреждал потомков, читающих свидетельства современников тех событий: «Их мысленный взор застилает еще кровавая пелена; их душевное равновесие нарушено; в их сознании события более близкие, более волнующие невольно заслоняют своими преувеличенными, быть может, контурами факты и явления, отдаленные от фокуса их зрения. Их чувства глубже, страсти сильнее, восприятие элементарнее; они жили настоящим, воплощенным в плоть и кровь, - даже те, кто, став духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостренным зрением за плотную завесу грядущего».

Иван Ефимович Деникин, отец А.И. Деникина.

* * *

25 декабря 1872 года, когда вся Православная Русь праздновала Рождество Христово, настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Вениамин Скворцов крестил в Православную веру младенца Антония.

Находившиеся в храме прихожане не могли не обратить внимания на родительскую пару новокрещенного. Довольно пожилой мужчина с седыми волосами и такими же седыми большими усами, одетый в поношенный мундир отставного майора Русской Армии, держал под руку совсем молодую даму, лет тридцати от роду, одетую скромно и аккуратно. Бросавшаяся в глаза разница в возрасте четы Деникиных позволила многим принять их за отца и дочь. Так, или наверное так, прошло первое событие в жизни Антона Ивановича Деникина.

Польский город Лович, однако, не был его родным городом. Родился он в пригороде Влоцлавска, что за Вислой, за двадцать один день до крещения. Влоцлавск был захолустным уездным городишком, где отец Антона Ивановича проходил военную службу в Пограничной страже и где в 1869 году, незадолго до рождения единственного сына, вышел в отставку.

Иван Ефимович Деникин родился в 1807 году в семье крепостного Саратовской губернии. В 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты, после чего более двадцати лет тянул солдатскую лямку. В 1856 году, в возрасте сорока девяти лет он был произведен из фельдфебелей в первый офицерский чин и назначен на службу в бригаду Пограничной стражи в Польшу. Первый офицерский чин давал право на личное дворянство, но Деникин-старший все равно мог расчитывать лишь на свое скудное офицерское жалованье. Спустя 30 лет он вышел в отставку в чине майора, а через два года женился вторым браком на польке Елизавете Францисковне Вржесинской, происходившей из семьи обедневших мелких землевладельцев. Когда родился Антон, Ивану Деникину было уже шестьдесят пять лет. Скудной пенсии в 36 рублей едва хватало на пропитание. Все заботы о домашнем быте лежали на матери Антона - женщине маленькой, худенькой, но энергичной и умной. Жили Деникины, несмотря на нужду, дружно. Несмотря на различие вероисповеданий родителей, их сын вырос Православным, не просто глубоко религиозным, но и церковным человеком.

Елизавета Федоровна Деникина, мать А.И. Деникина.

В 1882 году, после окончания начальной школы, девятилетний Антон Деникин выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища, а спустя три года умер Иван Ефимович. После смерти отца пенсию сократили до 20 рублей в месяц, и тринадцатилетнему Антону пришлось подрабатывать репетиторством. Ранняя смерть отца, забота о семейном бюджете воспитали в Деникине серьезность характера. В свои юные лета он обладал вполне развитым внутренним духовным миром, сообщавшим ему повышенную сопротивляемость всему наносному, чуждому его русской душе.

С окончанием в 1889 году седьмого класса перед Деникиным стал вопрос выбора своего дальнейшего жизненного пути. Подростком он имел возможность наблюдать военную жизнь (во Влоцлавске квартировали штаб 1-й бригады 5-й кавалерийской дивизии, 5-й уланский Литовский полк и 1-й стрелковый батальон), большой вес имели и рассказы отца из собственной военной биографии. «Я избрал военную карьеру», — скажет потом Антон Иванович.

* * *

Восемнадцатилетний Деникин, поступивший

вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк, осенью 1890 года был зачислен в Киевское юнкерское пехотное училище. За сводчатыми стенами-нишами старинного крепостного здания, где помещалось училище, для молодого Деникина началась новая жизнь.

«Жили мы почти на солдатском положении, - вспоминал свои юнкерские годы Антон Иванович, - ели чрезвычайно скромно... казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества». Но два года в училище пролетели незаметно, и вот 5 августа 1892 года раздался звонкий голос дежурного юнкера:

- Господа *офицеры,* строиться на передней линейке!

Молодой, теперь уже подпоручик, Деникин, окончивший курс с выпускным баллом 10,4 (высший балл - 12), взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в городе Беле Седлецкой губернии, в 160 верстах от Варшавы.

«По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства... к его мнению прислушивались, на него приглашали - приходите сегодня, посидим, поговорим, Деникин будет», - писал эмигрантский биограф Антона Ивановича. Рутина армейского захолустья, естественно, не могла его удовлетворить, и вместе с тремя товарищами он решает готовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба.

7 октября 1895 года, выдержав предварительно испытания при Штабе Варшавского военного округа, поручик Деникин, произведенный в этот чин всего несколько месяцев назад, отправился в Петербург. Сдав благополучно конкурсные экзамены, он становится слушателем Академии, но через год, при переходе в следующий класс, Деникин недобирает необходимый балл по истории военного искусства и откомандировывается в свою часть.

«...Принял наиболее благоразумное решение - начать все сначала», - подытоживал много лет спустя Деникин свои тогдашние переживания. Немногие офицеры, отчисленные из Академии, испытывали судьбу еще раз. Антон Иванович вновь держит экзамен на первый курс, поступает и оканчивает Академию с присвоением чина капитана за отличные успехи. Судьба, впрочем, посылает ему новые испытания.

В связи со сменой начальства Академии, в год выпуска Деникина начались перемены, и одной из них стало изменение системы подсчета баллов для причисления к Генеральному Штабу. Список из пятидесяти фамилий офицеров четыре раза тасовали, как колоду карт. В последнем списке к Генеральному

Штабу не причислялись четверо: 22-й артиллерийской бригады капитан Березин, 27-й артиллерийской бригады штабс-капитан Анисимов, Лейб-Гвардии Московского полка штабс-капитан Посохов и капитан Деникин. Наука наукой, а служба службой. Интересен следующий факт. К началу Первой мировой войны из всех выпускников Академии 1899 года лишь пятеро достигнут чина генерал-майора (в том числе будущие участники Белого движения И. Е. Гулыга и П. Х. Попов), по старшинству же в полковничьем чине А. И. Деникин станет вторым, а его товарищи по несчастью А. Посохов -четвертым, А. Березин - двадцать третьим и лишь Н. Анисимов — сорок девятым. А последним в этом списке окажется однокашник Деникина еще по Киевскому юнкерскому училищу Павел Сытин. У последнего военная карьера не сложится; произведенный в чин генерал-майора лишь в 1917 году, он будет искать счастья в Красной Армии...

Посчитав, вполне справедливо, что нарушены его права, Деникин подает жалобу на военного министра А. Н. Куропаткина, утверждавшего список причисленных к Генеральному Штабу. То же самое он предложил сделать и своим товарищам по несчастью, но те не решились. Прямым начальником военного министра был Император, поэтому и жалоба подавалась на Высочайшее имя. Это был едва ли не единственный в истории Русской Армии случай противоборства никому неизвестного капитана с главой Военного Ведомства. Конференция Академии признала требования Деникина справедливыми, и генерал Куропаткин соглашался удовлетворить ходатайство «непричисленных», но Деникин подавать такое ходатайство отказался: «Я в милости не нуждаюсь и требую законного».

По делу капитана Деникина назначили следствие, которое пришло к выводу о правомерности жалобы. Обстоятельный доклад лег на стол военному министру, а через некоторое время поступил в архив канцелярии министерства с размашистой резолюцией: «Согласен с заключением Главного судного управления, но одобрить действия капитана Деникина не могу, ибо жалоба была не основательная, а для лица, добивающегося службы в Генеральном штабе, неосновательность — недостаток существенный».

Ксения Чиж, будущая жена А.И. Деникина.

Как и предполагалось, министр победил. Оставалось ждать решения Государя. Но на Высочайшем приеме выпускников всех Академий Император удовлетворился пояснением Куропаткина: «Этот офицер, Ваше Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер »...

Неожиданно для самого Деникина в его судьбе принял живейшее участие генерал Пузыревский, возглавлявший Штаб Варшавского округа. Он оставил опального капитана на вакантной должности офицера Генерального Штаба, посылая в Петербург самые лестные аттестации и ходатайствуя о переводе Деникина в Генеральный Штаб. Блестящую аттестацию дал и начальник 10-й пехотной дивизии генерал барон Меллер-Закомельский, где Деникин отбывал сборы. «Обладая отличными нравственными правилами и сильным характером, капитан Деникин был все время весьма тактичен в служебном отношении. Возлагаемые на него как на офицера Генерального штаба обязанности... исполнял не только в высшей степени добросовестно и с полным знанием дела, но и с видным

интересом и любовью к военному делу», - писал Меллер-Закомельский. Но упоминание в аттестации о сильном характере Деникина вконец вывело из равновесия военного министра: Куропаткин воспретил возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине.

Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду, где его встретили с распростертыми объятиями. Деникин был назначен старшим офицером и заведующим хозяйством в 3-ю батарею и состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем Распорядительного комитета бригадного собрания. Тихие, спокойные армейские будни иногда разбавлялись встречами в более тесном кругу сослуживцев-приятелей и в двух-трех интеллигентных городских семьях. Особенно любил бывать молодой капитан в семье местного податного инспектора Василия Ивановича Чижа, у которого была восьмилетняя дочь Ася. Открытость характера, ум, талант рассказчика Деникина сначала увлекут девочку-подростка, постепенно увлечение перерастет в серьезное чувство, и в январе 1918 года, в дни наиболее тяжких испытаний, накануне знаменитого Ледяного похода небольшой Добровольческой Армии, она станет женой генерала Деникина.

Но это будет еще не скоро. А пока на страницах военных журналов «Разведчик» и «Варшавский дневник» стали появляться статьи военно-политического содержания и рассказы из военного быта, подписанные «И. Ночин». Для большинства офицеров, знавших, почему на казенной квартире Деникина ночь напролет горит свет, было ясно, кто скрывается под псевдонимом «Ночин». Надо заметить, что рассказы написаны живо, талантливо, и кто знает, если бы Деникин не выбрал военную карьеру, - может быть, он занял бы место в ряду писателей.

Прошло два года, «воспоминания об академическом эпизоде, - как позднее писал Антон Иванович, - мало-помалу теряли свою остроту...» - и он решил написать частное письмо Куропаткину. Деникин напомнил военному министру о случае в Академии, завершив письмо следующими строками: «И если я теперь беру на себя смелость доложить Вашему Высокопревосходительству обстоятельства этого дела, то только потому, что слишком уж тяжело отразилось оно на моей судьбе, слишком больно расставаться с той дорогой, на которую я выбился с таким трудом, с такими надеждами и с таким искренним желанием работать».

Письмо пришло, когда военного министра не было в Петербурге. Заскрипела бюрократическая машина, и частное письмо пошло по инстанциям различных отделений и столов

Главного Штаба. По возвращении Куропаткина ему на стол в числе множества бумаг положили и письмо Деникина и справку по канцелярии Главного Штаба о событиях в Академии в 1899 году.

Надо отдать должное военному министру. Прочитав письмо Антона Ивановича, он наложил резолюцию: «Ввиду ходатайства Варшавского начальства и чистосердечного раскаяния, признаю возможным ходатайствовать перед Государем о причислении Деникина к Генеральному штабу с назначением в войска Варшавского в[оенного] округа. Нежелательно, чтобы обращение за защитою к Государю, хотя бы и вполне неосновательное, наказывалось без милости к раскаявшемуся. 30 октября 1901 г.»

Так в судьбе Антона Ивановича произошел поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из выдающихся военачальников Первой мировой войны и Русской Смуты. С этого момента будто в каком-то бурном потоке понесет судьба Деникина, и вплоть до эмиграции хотя бы на мгновение остановиться, оглянуться, задуматься не представится ему подходящего случая.

* * *

В ноябре 1901 года в приказах по Генеральному Штабу впервые появилось имя Деникина. После недолгого прикомандирования к Штабу Варшавского военного округа Антон Иванович занимает первую по службе Генерального Штаба должность - старшего адъютанта Штаба 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске. Однако подходило время для цензового командования ротой, и уже через три месяца он отправится снова в Варшаву, в 183-й пехотный Пултусский полк.

До сих пор Деникин так близко не соприкасался с солдатом: служба в артиллерии имела свою специфику и отличалась от жизни в пехотных частях. Солдата Антон Иванович полюбил, сумел своей русской душой понять все его чаяния. При нем, тогда излишне либеральном, рота «вела себя средне, училась плохо и лениво», и позже Деникин сознавался, что после его отъезда старый фельдфебель Сцепура, построив разболтанную роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес: «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?» - Кулак Сцепуры спас положение, рота быстро поправилась.

Отбыв ценз командования ротой, Деникин был назначен старшим адъютантом Штаба II-го кавалерийского корпуса. В большинстве своем офицерские должности службы Генерального

Штаба предполагали больше канцелярской работы, чем управления войсками. Судя по воспоминаниям современников Антона Ивановича, он сугубо штабной работой всегда тяготился и стремился полученные в Академии знания применять в строю. Еще в июле 1900 года капитан Деникин подал рапорт о командировании его на Дальний Восток, где шла «Китайская кампания». Просьбу отклонили. С объявлением манифеста о войне с Японией Деникин тотчас же вновь подал рапорт о командировании его в Действующую Армию. Но лишь с третьей попытки он получил распоряжение о назначении его в Заамурский округ Пограничной стражи. 5 марта 1904 года капитан Деникин прибыл в Харбин.

Явившись в Штаб округа, Деникин получил назначение на должность начальника Штаба 3-й Заамурской пограничной бригады, но, несмотря на то, что это было значительным повышением по службе (как правило, такую должность занимали в чине полковника), Антон Иванович искал любую возможность попасть на фронт: задачи Пограничной стражи были ограничены лишь охраной железных дорог.

28 марта 1904 года Деникин был произведен в подполковники, а в октябре представился и случай принять участие в боевых действиях. Деникину предложили занять место раненого начальника Штаба Забайкальской казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал П. К. фон Ренненкампф, о котором шла солдатская молва как о храбром и боевом военачальнике.

19 ноября в столкновении с японцами у деревни Уйцзыюй генерал Ренненкампф поздравил своего нового начальника Штаба с боевым крещением, а спустя пять дней Деникин возглавит авангард в Цинхеченском бою. Это будет его первый опыт самостоятельного командования отрядом, состоявшим из полутора батальонов, четырех сотен казаков и горной батареи. В течение пяти дней Деникин отбивал атаки японцев, поднимая иногда своих солдат в штыки. В историю Русско-Японской войны впоследствии войдут названия сопок, где особенно ярко проявился русский героизм. Одна из них будет названа Деникинской.

В Мукденском сражении подполковник Деникин принял участие в должности начальника Штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии. Русские войска сражение проиграли, но даже в условиях командной неразберихи сохранили организацию и моральную стойкость.

Поручик А.И. Деникин, 1893 год.

Урало-Забайкальская казачья дивизия входила в состав большого конного отряда генерала П. И. Мищенко, особенно прославившегося в известном набеге в тыл японцев и в деле у Санвайзы 20 и 21 мая. В отряде Мищенко Деникин принял участие и в последнем бою Русско-Японской войны под Санвайзой 1 июля 1905 года, отличившись при штурме опорного пункта неприятельской позиции и разгроме батальона японской пехоты. За боевые отличия в делах с японцами Антон Иванович был награжден орденами Святой Анны III-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава II-й степени с мечами, Святой Анны II-й степени с мечами и, наконец, чином полковника. Высокой похвалой прозвучали и слова генерал-адъютанта Мищенко в приказе по Сводному кавалерийскому корпусу: «По справедливости я должен признать деятельность этого достойного офицера Генерального штаба высоко полезной как в отношении внутреннего быта частей дивизии, так и в особенности боевой службы, которая была очень трудной и ответственной. Все это время боевой жизни и службы с дивизией полковник Деникин проявлял выдающуюся энергию, работоспособность, усердие, правильное понимание и любовь к военному делу. Расставаясь ныне с полковником Деникиным, считаю своим долгом от лица службы искренне поблагодарить его и пожелать ему светлого будущего».

По окончании войны Антон Иванович служил в Штабе II-го кавалерийского корпуса в Варшаве. Это было временным назначением, которое, впрочем, длилось ровно год. Столь длительному ожиданию вакансии было объяснение. В Главном управлении Генерального Штаба, которое ведало назначениями генштабистов, были вынуждены вспомнить опального капитана Деникина в связи с его новым проявлением характера: покидая 3 декабря 1905 года Дальний Восток, он направил начальнику Штаба при Главнокомандующем сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке письмо, где после перечисления сражений, в которых он принял участие, говорилось:

«...Генерал-адъютант Мищенко пять раз входил с представлением о награждении меня, и все представления в высших инстанциях были отклонены -факт сам по себе ничтожный, если бы не имел характера полного и оскорбительного отрицания моей боевой работы. Я далек от мысли приписывать это Главнокомандующему или командующему армией. Исключительно высокое положение этих лиц гарантирует полное их беспристрастие, и, не зная меня лично, они, конечно, не имели повода не доверять оценке генералов Ренненкампфа и Мищенко, под руководством которых я работал. Наконец, щедрость Главнокомандующего в деле награждения, в особенности в последнее время, беспримерна.

Следовательно, переоценка моих заслуг делалась канцеляриями... И если бы я знал, кому я обязан таким исключительным к себе вниманием, я сказал бы этим лицам, что их мнением совершенно не дорожу и побуждения считаю невысокими, что горжусь оценкой двух начальников, на глазах которых прошла моя боевая служба...»

Более года спустя, так и не дождавшись ответа, Деникин 14 февраля 1906 года просит передать решение вопроса (речь шла о награждении орденом Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом) на усмотрение начальника Генерального Штаба. На официальный запрос в Штаб войск на Дальнем Востоке 12 сентября был получен ответ: «...По моему глубокому убеждению, полковник Деникин не имеет ни малейшего основания считать себя обиженным вследствие недостаточного награждения... Я бы настаивал перед Вр[еменно] и[справляющим] д[олжность] начальника штаба на представлении его Вашему Превосходительству с ходатайством о наложении соответствующего взыскания на полковника Деникина, так как дерзкий тон письма, фельетонный его характер... все это свидетельствует, что у полковника Деникина отсутствуют те качества, которые желательны во всяком военном, но необходимы

для офицера генерального штаба, - это дисциплина и служебный такт». Предоставим читателям самим оценить поступок Деникина, учитывая при этом, что традиции, сложившиеся в Русской Армии, позволяли просить ту или иную награду за участие в боевых действиях, и это отнюдь не считалось зазорным. Как бы там ни было, дело едва не закончилось выговором в послужном списке полковника Деникина.

В самом конце 1906 года Антон Иванович напомнил о себе новым рапортом в Управление Генерального Штаба, в не слишком корректной форме запрашивая о новом назначении. Ответ последовал резкий: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка». В запальчивости и раздражении Деникин ответил еще менее корректным рапортом в три слова: «Я не желаю», после чего стал ожидать начальственной грозы. Впрочем, все обошлось. В канун Нового, 1907 года Деникину пришло предложение занять должность штаб-офицера при Управлении 57-й резервной бригады в Саратове. Антону Ивановичу исполнилось 34 года, из них в офицерских чинах он был всего 14 лет, а уже был полковником и занимал довольно высокую для своего возраста должность. При получении чина полковника за боевые отличия Деникин по старшинству в этом чине обошел 148 своих сверстников.

В 1910 году он был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского Великого Князя Владимира Александровича полка, квартировавшего в Житомире. В результате произошедшей служебной перемены решительно изменилось и душевное состояние Деникина, в Саратове тяготившегося характером службы и ее условиями. Теперь он показал себя человеком необыкновенно энергичным и увлеченным. Офицеры вскоре с радостью приняли в полковую семью нового командира, ибо увидели в нем человека не плацпарадных традиций, а обращающего внимание на практические занятия: стрельбы, маневры, ускоренные переходы. Они сразу же отметили, что их тридцативосьмилетний командир заметно отличается от своего предшественника, для которого командование полком было лишь необходимостью отбыть командный ценз в своей карьере офицера Генерального Штаба. Деникин также был назначен на полк для отбытия строевого ценза и поэтому вначале был встречен настороженно. Но лед отношений быстро растаял, и Антона Ивановича полюбили и офицеры, и солдаты-Архангелогородцы.

Полковник А.И. Деникин, командир 17-го пехотного Архангелогордского полка, 1911 год.

Наступил 1914 год. Смутное тревожное будущее придвинулось вплотную. Все чаще и чаще стали говорить в России о грядущей войне.

В том году у Антона Ивановича истекал срок цензового командования полком. 23 марта он был назначен исполнять должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. 21 июня Деникин за отличия по службе был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности. А всего за неделю до этого, 15 июня, в Сараево был убит Наследник Австро-Венгерского Престола Франц-Фердинанд. Выстрел в Сараево перерос в беспрерывную канонаду, четыре года сотрясавшую всю Европу.

* * *

После мобилизации, в ходе которой на плечи Деникина легли заботы по «формированию трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий», он был назначен в Штаб VIII-й армии генерала А. А. Брусилова, заняв пост генерал-квартирмейстера. Начальником Штаба стал генерал П. Н. Ломновский, ровесник Антона Ивановича, отличавшийся угрюмостью и властностью; впрочем, иногда такое же впечатление о себе оставлял и Деникин, что позволило генералу М. В. Алексееву дать ему прозвище «мрачного».

Сразу же по разворачивании армий начались жестокие бои. А 21 августа, узнав об освободившейся должности начальника 4-й стрелковой бригады (прославленных еще с Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов «Железных стрелков»), Деникин обратился к Брусилову с просьбой предоставить ему эту вакансию. «Штабная работа меня не удовлетворяла, - вспоминал Антон Иванович. - Составлению директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями». Генерал Брусилов после некоторых колебаний все же согласился, и 22 августа Деникин отправился в «Железную бригаду».

Вскоре бригада стала для Антона Ивановича вторым домом, а Железные стрелки» полюбили своего командира. За бои на реке Гнилая Липа Деникин был награжден Георгиевским Оружием. На этом посту, в упорных оборонительных боях, произошла и первая встреча Антона Ивановича с генералом Л. Г. Корниловым, командовавшим соседней 48-й пехотной дивизией. Рядом с ними сражался и будущий Донской Атаман генерал А. М. Каледин.

Во время боев на подступах к городу Самбор в связи с большими потерями и для более успешного ведения боя создавались смешанные боевые отряды. 7 октября был образован и отряд генерала Деникина, приданный XXIV-му армейскому корпусу. Помимо стрелков Деникину были подчинены 2,5 батальона пехотного Евпаторийского полка, более батальона пехотного Измаильского полка и эскадрон Белгородских улан. В полночь 8 октября из Штаба корпуса был получен приказ атаковать противника, а утром он конкретизировался: «Требую самых энергичных действий. Они необходимы, так как имеют решающее значение не только для успехов корпуса и армии, но и для исхода всей кампании». После упорного боя Деникин погнал противника, ворвавшись в село, откуда только что успел бежать Штаб Командующего австрийской группировкой Эрцгерцога

Иосифа. За смелый маневр своего отряда Антон Иванович был удостоен второй Георгиевской награды - ордена Святого Георгия IV-й степени. За этим последовали столь же славные для «Железных стрелков» бои в Карпатах, а утром 21 ноября перед строем бригады были зачитаны телеграммы с горячей благодарностью от Верховного Главнокомандующего и командира корпуса. Более многословен был командующий армией генерал Брусилов: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой железной бригады живут в геройских полках и впредь поведут их к победе и славе». 16 декабря бригада была полностью выведена из боевых действий и Рождество и Новый, 1915 год встретила на отдыхе.

В середине января VIII-я армия Брусилова перешла в наступление, но встретила сильное сопротивление австрийцев, усиленных переброшенными на подмогу союзникам германскими частями. Боевые действия на Карпатах получили название «резиновой войны», так как все время приходилось то углубляться в горы, то несколько отходить. «Железная бригада» по-прежнему исполняла роль «пожарной команды» VIII-й армии.

За новые славные дела Антон Иванович был награжден орденом Святого Георгия III-й степени. В Высочайшем приказе об утверждении этой награды его подвиг описывался так: «...находясь в составе 2-го кавалерийского корпуса и лично руководя действиями вверенной ему 4-й стрелковой бригады под сильным и действительным огнем выбил противника, проявившего огромное упорство, из ряда окопов и отбросил его за р[еку] Сан на участке Смольник -Журавин. Овладением важнейшими в тактическом отношении, сильно укрепленными высотами 761-703-710 настолько способствовал победоносному успеху всей Лутовиской операции, что без овладения этими высотами упомянутый успех был бы невозможен...» Три Георгиевские награды за полгода боевой службы - это не только признание выдающихся полководческих способностей Деникина, но и своеобразный рекорд в Русской Армии.

Положение в Карпатах стало легче сразу же после падения австрийской крепости Перемышль. 24 марта на позицию «Железной бригады» прибыл генерал Брусилов, который при встрече с Деникиным сказал: «Благодарю Вас за блестящие действия бригады. В предстоящей важной задаче, данной бригаде, рассчитываю на Вас, как на каменную гору». Тогда же Брусилов предложил Антону Ивановичу возглавить дивизию, но тот

отказался, убедив Брусилова, что с «Железной бригадой» сделает гораздо больше, чем с любой дивизией. Через месяц после взятия Перемышля Галицию посетил Император. 10 апреля он прибыл в Самбор, где размещался Штаб армии Брусилова. Для почетного караула и встречи Царя была вызвана 1-я рота 16-го стрелкового полка, представившаяся в блестящем порядке во главе с командиром полка лихим полковником Н. П. Бирюковым и начальником бригады генералом Деникиным. Николай II был в хорошем настроении и очень любезен со всеми.

Но вскоре наступили тяжелые времена. Вспоминая о днях германского прорыва у Горлице, Антон Иванович писал: «...Вся обстановка и даже тон отдаваемых свыше распоряжений свидетельствовал о катастрофе. И впервые я почувствовал нечто, похожее на отчаяние...» Начиналось Великое Отступление Русской Армии, в котором «Железные стрелки», развернутые из бригады в дивизию, действуют в привычной уже им роли «пожарной команды». Русские войска хотя и отступали, но без панического бегства. Их контратаки заставили австро-германцев приостановить свое наступление.

8 сентября Деникин получил приказ о наступлении на Луцк во взаимодействии с левым крылом XXX-го армейского корпуса. Превосходство сил противника было настолько велико, что, несмотря на все мужество «Железных стрелков», их атаки захлебывались. Генерал Брусилов решил подействовать на их самолюбие и заявил, что если они не смогут взять Луцк, его возьмет XXX-й корпус, - и отдал приказ командиру корпуса генералу А. М. Зайончковскому атаковать Луцк с севера. Брусилов вспоминал: «Зайончковский тотчас же сделал распоряжения, но вместе с тем в приказе по корпусу объявил, что 4-я стрелковая дивизия взять Луцк не может и что эта почетная задача возложена на его доблестные войска. Этот приказ, в свою очередь, уколол Деникина, и он, уже не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк, одним махом взял его, во время боя въехал на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк». «Вслед за сим Зайончковский донес о взятии им Луцка, - вспоминал Деникин, - но на его телеграмме Брусилов сделал шутливую пометку "...и взял там в плен генерала Деникина"». За умелое руководство частями своей дивизии Антон Иванович был представлен к чину генерал-лейтенанта (производство в чин было утверждено Высочайшим приказом 11 мая 1916 года). А к началу октября обе воюющие стороны, истощив свои силы, стали зарываться в землю, перейдя к позиционной войне.

Молодой офицер Генерального Штаба, капитан Б. Н.

Сергеевский, познакомившийся с Деникиным чуть позже, в начале октября, во время Чарторийской операции (в ходе которой «Железная дивизия» захватила в плен около 8500 австро-германцев), впоследствии вспоминал: «Генерал Деникин не имел еще всероссийской известности, но среди офицеров генерального штаба на Юго-Западном фронте его имя было хорошо известно, причем молодые офицеры генерального штаба его обыкновенно называли "наш Антон Иванович". Он отвечал нашим молодым военным идеалам - всегда вперед, всегда маневр и, зачастую, — борьба со своим старшим, очень вялым и пассивным начальством. И в штабах начали весьма побаиваться этого энергичного и сурового, но и строптивого генерала. Должен здесь прибавить, - продолжает Сергеевский, - что и противник наш оценил генерала Деникина еще раньше и выше, чем мы. Так, я допрашивал одного взятого в плен австрийского командира роты, который мне сказал: "Мы знаем этого страшного генерала". Позже австрийский генерал писал *в* своем приказе: "Будьте бдительны - против нас самый активный генерал русской армии, и он может напасть на нас в любое время". И угадал, ибо и самый приказ этот был захвачен железными стрелками».

Между генералом Деникиным - начальником «Железной дивизии», и капитаном Деникиным, когда-то командовавшим ротой Пултусского полка и ставившим в ней опыты либерализма, - «дистанция огромного размера». Приказы генерала Деникина лаконичны и понятны любому командиру, в них нет и тени сомнения в победе, форма, в которую облекались эти приказы, не оставляла у подчиненных даже мысли о возражении. Тот же Сергеевский, прослушав, как в тяжелой ситуации ставил задачи своим командирам полков Антон Иванович, вспоминал: «Я был потрясен и понял, что слушал приказ вождя милостию Божией».

С началом ноября, с первыми заморозками, на Юго-Западном фронте наступило затишье, длившееся до весны 1916 года. Спустя четырнадцать месяцев почти беспрерывных боев, «Железная дивизия» наконец-то получила возможность отдыха. К этому времени она сменила шестнадцать различных корпусов, получив название «дивизии скорой помощи» при обороне и «ударной фаланги VIII-й армии» при наступлении.

«Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном районе. Вместо смелых набегов, кровавых боев - нудная позиционная война с ее неибежными атрибутами для стрелков: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки», - так описывал свою жизнь на позициях в ноябре 1915-го генерал Деникин в письме будущей жене, Ксении Васильевне Чиж. К тому

времени маленькая Ася, которую Антон Иванович знал в Беле, выросла. Она окончила перед войной институт благородных девиц в Варшаве и сейчас училась в Петрограде на курсах профессора С. Ф. Платонова, где готовили преподавательниц русской истории для женских учебных заведений. Она чувствовала себя одинокой: жених - молодой офицер гусарского полка - погиб на фронте, родители развелись, обзаведясь каждый своей новой семьей. Одиноким чувствовал себя и Антон Иванович. В начале января 1916 года тяжело и безнадежно заболела его семидесятитрехлетняя мать (скончалась она в октябре). 4 апреля Антон Иванович просил руки Ксении Васильевны и получил согласие. Венчаться решили по окончании войны.

...На рассвете 22 мая 1916 года залп двух тысяч орудий по всему Юго-Западному фронту от Припяти до Прута возвестил о начале величайшей Галицийской битвы, известной как «Брусиловский прорыв». В 9 часов утра 23 мая «Железные стрелки» в едином порыве бросились в атаку. Уже через двадцать минут первые линии обороны противника были смяты. К 17 часам задача, поставленная дивизии, была полностью выполнена. В плен было взято 180 офицеров, около 5 ООО солдат, захвачено 25 орудий и 32 пулемета. Дивизия потеряла 10 офицеров и 2 357 стрелков. К исходу боя 23 мая командующий VIII-й армией генерал Каледин направил Деникину телеграмму: «Благодарю Вас от всего сердца, равно как и всех героев-стрелков, за их сегодняшний славный штурм и безупречную доблесть». А к 9 часам вечера 25 мая, продолжая наступление, «Железная дивизия» на плечах опрокинутого противника ворвалась в Луцк. За взятие Луцка Антон Иванович получил редкую награду - «Георгиевское Оружие, бриллиантами украшенное», с надписью «За бои с 22 по 31 мая 1916 года».

Военный министр А.Ф. Керенский и главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А.И. Деникин.

И далее «Железные стрелки» были в самом пекле. Однажды на запрос корпусного инженера для донесения начальнику Штаба Юго-Западного фронта, какие применялись средства преодолевания препятствий, начальник дивизии генерал Деникин ответил: «Разгром артиллерией и дух войск». Особенно ярко этот дух проявился в единоборстве со знаменитой германской Брауншвейгской «Стальной» 20-й пехотной дивизией.

Сорок четыре атаки Брауншвейгцев разбились о русское железо. «Никогда, - говорили пленные из «Стальной дивизии», - мы не допускали и мысли, что здесь, на Восточном театре, могут происходить такие кровопролитные бои. У нас, во Франции, было куда спокойнее. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу с начала войны».

6 сентября 1916 года генерал-лейтенант Деникин был назначен командиром VIII-го армейского корпуса. С грустью расставался Антон Иванович со своими стрелками, которыми прокомандовал два военных года. На склоне лет генерал, вспоминая всю свою жизнь, эти два года назовет самыми лучшими.

В истории имя Деникина прежде всего связывают с

Гражданской войной, когда он возглавил, пожалуй, самое мощное сопротивление большевицкому режиму. Деникин — начальник дивизии, корпуса, почти неизвестен. А вот что, к примеру, писал о Деникине генерал П. С. Махров, исполнявший должность генерал-квартирмейстера Штаба VIII-й армии: «Не было ни одной операции, которой он не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого бы он не выиграл. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами...»

Антон Иванович принял корпус 30 августа, в разгар подготовки общего наступления армий Юго-Западного фронта. Времени для раздумий не было, а план наступления приходилось разрабатывать с учетом огромного количества подчиненных частей: всего под командованием генерала оказалось 48 батальонов численностью 27 340 штыков.

Как и прежде, приказы генерала Деникина были кратки до предела и отличались точностью и ясностью. 3 сентября после шестичасовой артподготовки войска перешли в атаку, но были встречены настолько сильным огнем, что залегли перед проволокой противника. За один день потери корпуса составили 82 офицера и 4487 солдат. О чем думал Деникин, получая сводки потерь от своих командиров? Ему и раньше приходилось водить полки «Железной дивизии» в огонь, своими глазами видеть смерть стрелков. Но здесь за один день - такие потери и при нулевом результате. А Штаб Каледина все требовал и требовал выполнения директивы Брусилова о наступлении. Деникин-генерал беспрекословно выполнял приказы, но Деникин-человек, которому всегда было свойственно мыслить широко, не мог не задуматься над тем, что подобная война на измор может явиться и причиной внутренних потрясений, тем более что из глубокого тыла непрестанно нарастал гул недовольства, подогреваемый искусными политиками, рвущимися к власти.

Весь сентябрь и начало октября шли упорнейшие бои. Деникин все-таки выполнил поставленную задачу, командуя в ходе боевых действий не только своими дивизиями, но и рядом временно подчиненных ему соединений, в том числе и «Железными стрелками». 10 октября он покинул фронт по вызову врача, лечившего его мать, но в живых ее уже не застал. На похороны приехала и Ксения Васильевна и немного утешила горе Антона Ивановича. Уезжая обратно на фронт, он писал с дороги своей невесте: «Последние недели имели огромное значение в

моей жизни, положив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. И неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи».

Вернувшись в корпус, Деникин узнал о его переброске в Румынию, где шли тяжелые бои. Лишь к Рождеству фронт застыл в снегах жестокой зимы. В самом конце 1916-го Антон Иванович с оказией отправил длинное письмо невесте, в котором откровенно обрисовал общее положение на фронте и в Румынии: «В общем, узнали-таки страну, где беспорядок государственный и социальный больше нашего».

«Государственный беспорядок» - эти слова оказались пророчеством. Над Россией всходила кровавая звезда 1917 года.

* * *

Фронт продолжал держаться, в то время как политики разных мастей раскачивали государственную лодку России. В марте 1917-го им удалось добиться отречения Николая II, после чего Россия начала свое восшествие на Голгофу, а в ее истории открылась страница революционного позора.

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее вестью об отречении Государя. Уже в первые недели марта выявилась полная несостоятельность новой власти. Говоруны из Временного Правительства умели хорошо критиковать Императорское Правительство, получив же власть из Царских рук, сразу оказались банкротами. Управлять государством оказалось куда труднее, чем произносить речи, и уже очень скоро они вернулись к привычным для них занятиям. Митинги, политические споры, в которых неизменными были обещания о скором благоденствии, - вся эта маниловщина захлестнула страну. Временные перебои с поставкой хлеба в Петроград в конце 1916 года превратились в постоянные, начал катастрофически обесцениваться рубль. Финансовая реформа свелась к обычной замене денежных знаков, да и остальные ограничились заменой внешних атрибутов: полицию переименовали в милицию, губернаторов - в комиссаров, нижних чинов Армии - в солдат. «Создавая» новое, уродливо копировали старое. Символом такого творчества стал новый герб - уродливая птица, лишь отдаленно напоминавшая былого орла.

Новая власть сняла все ограничения в свободах. Из-за границы стали возвращаться революционные радикалы, а их вождь Ленин сразу же по возвращении в Россию провозгласил

курс на новую революцию. В стране образовалось двоевластие: Временное Правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. В своей борьбе за власть и Советы, и новое Правительство не забывали о многомиллионной Армии. И для тех, и для других реальную опасность представлял офицерский корпус, особенно кадровое офицерство, воспитанное на вековых традициях, квинтэссенцию которых составляли понятия: Вера, Царь и Отечество. Новый военный министр А. И. Гучков произвел настоящее «избиение» высшего командного состава. Была отрешена половина корпусных командиров и около трети начальников дивизий. Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Роковую роль в развале Армии сыграл предательский Приказ № 1 петроградского Совдепа, который привел к переходу власти в войсках к солдатским комитетам и нанес смертельный удар офицерскому корпусу.

18 марта генерал Деникин получил приказание немедленно прибыть в Петроград к военному министру и после непродолжительных переговоров с Гучковым и генералом Алексеевым был назначен сначала помощником начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, а вскоре и начальником Штаба.

Чем же было вызвано назначение на столь высокий пост корпусного генерала, ранее не командовавшего ни армией, ни фронтом? Временное Правительство, обеспокоенное, с одной стороны, монархическими настроениями офицерского корпуса, а с другой - все возрастающим влиянием Советов, выдвигало на высшие посты людей либерально-демократических взглядов. Антон Иванович имел именно такую репутацию. Всем, в том числе и Гучкову, были памятны статьи генерала, направленные против косности в Армии, отличавшиеся резкой критикой военной бюрократии. Бралось в расчет и происхождение Деникина, а также его блестящая репутация боевого генерала и популярность среди солдат и офицеров.

25 марта генерал Деникин прибыл в Ставку и, приняв высокую должность, всецело погрузился в сложную и кропотливую работу. Положение осложнялось еще и тем, что Антон Иванович, привыкший к самостоятельным решениям и личной ответственности, не мог смириться с тем, что функции начальника Штаба во многом исполнялись самим Верховным Главнокомандующим М. В. Алексеевым.

С первых дней существования организованного Алексеевым Союза офицеров Деникин стал его активным членом, заранее зная, что выбираемый им путь ведет через бури и лишения. Речь,

с которой Антон Иванович выступил 22 мая на закрытии офицерского съезда, всколыхнула офицерство и нашла живой отклик у всего честного и порядочного, что еще оставалось в России.

«С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря. Вы - бессчетное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы - бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете? Нет!

Слабые - поднимите головы. Сильные - передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла... Проживши с вами три года войны одной жизнью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им: - Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны - как яркий светильник - жажду подвига. Подвига - для счастья Родины. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Речь генерала Деникина быстро распространилась по фронту, вызывая восторг в офицерской среде и ненависть в солдатских комитетах. В то же время Антон Иванович понимал, что одними речами изменить что-либо было невозможно, нужны дела. И он вошел в тайный состав Главного Комитета Союза офицеров. «Комитет, - вспоминал генерал, - поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры - единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну».

Так произошел в судьбе генерала поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из самых выдающихся деятелей контрреволюционного движения.

Активная позиция Деникина по вопросу неприятия демократизации Армии предрешила его дальнейшую военную судьбу. В Петрограде косо посмотрели на его моральную поддержку позиции генерала Алексеева. Видный революционный деятель В. Б. Станкевич, характеризуя деятельность Антона Ивановича, писал: «Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы с провокационно-резкими нападками на новые порядки в армии - именно нападки, а не советы... Разве можно советовать отменить революцию?»

Смещение Деникина с поста начальника Штаба Верховного Главнокомандующего было лишь вопросом времени. Несмотря на неопределенность своего дальнейшего служебного положения, Антон Иванович принял живейшее участие в разработке плана летнего наступления под началом нового Верховного, генерала Брусилова.

Керенский торопил Ставку с подготовкой наступления на фронте, он верил в победу, которая могла бы упрочить его положение. Верил в возможность наступления и генерал Деникин, правда, с немаловажной оговоркой - если удастся вывести войска из окопов. План наступления был разработан до мельчайших подробностей, Армия была хорошо вооружена, одета и сыта, но согласятся ли вкусившие всяких свобод русские солдаты подняться в атаку? Этого не знал никто - ни новый Верховный, ни штабы, ни офицеры, ни сами солдаты.

Ради осуществления плана наступления Керенский готов был до поры потерпеть оппозиционного генерала Деникина в Ставке. Но лишь до поры. Уже в конце мая новым начальником Штаба был назначен генерал Лукомский. Брусилов, вспоминал Деникин, решил поговорить с ним откровенно.

« - Антон Иванович. Они боятся, что, если Вас назначить на фронт, Вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

- Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану».

В те дни он писал невесте: «Ныне отпущаеши... хоть и не совсем. Временное правительство, отнесясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее. Ухожу я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно - я горжусь этим. Считаю, что хорошо. Мало гибкости? Гибкостью у них называется приспособляемость и ползанье на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им

выслушать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».

В начале июня генерал Деникин уехал в Минск, где располагался Штаб Западного фронта, которым ему теперь предстояло командовать. Как всегда, кратко и ясно изложил он всем «свой символ веры»: «Революционизирование армии и внесение в нее демагогии считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников».

Самое тяжелое впечатление осталось от знакомства с разлагающимися войсками. Не только ни одна армия в мире не могла бы воевать в таком положении, но и существование для нее было бы весьма проблематично. Но Русская Армия, смертельно больная, покрытая язвами большевизма и революционной демократии, продолжала самоотверженно выручать своих союзников, оттянув на свой фронт 144 пехотные и 21 конную дивизии врагов - больше, чем когда-либо за всю войну. И все же попытку летнего наступления можно охарактеризовать словами германского полководца Э. Людендорфа: «Это уже не были прежние русские». Наступление очень скоро превратилось в отступление, а местами в бегство. Деникину приходилось вести одновременно две операции - одну против неприятеля, другую против собственных войск, оцепляя верными частями и разоружая мятежные полки и дивизии. «Я возвращался из 10-й армии в Минск с отчаянием в душе и с явным сознанием полнейшего крушения последней тлевшей еще надежды на чудо», - вспоминал он.

В связи с произошедшей катастрофой Керенский решился на созыв совещания в Ставке, куда пригласили Главнокомандующих фронтами. В полуторачасовой речи, отбросив все условности, поставив на карту свою военную карьеру, генерал Деникин мужественно обрисовал картину развала Армии и предложил свои меры вывода ее на истинный путь. Всю вину за развал он возложил на комитеты и комиссаров. «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, - говорил Деникин. - Это не верно. Армию развалили другие, а большевики - лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев...» Предложил Антон Иванович и меры по выходу из создавшегося положения:

«Армия развалилась, необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством,

не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства...

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство...

3) Изъять политику из армии...

4) Отменить «декларацию» (имеется в виду Декларация прав солдата. -Ю. Т.) в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

б) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла, войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления...»

Полковник Д. Н. Тихобразов, стенографировавший доклад, вспоминал вызванное им впечатление: «Неудивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться. У министра иностранных дел М. Терещенко из глаз катились слезы».

Генерал заканчивал свой доклад: «...Судьба страны зависит от армии... Но вы, - продолжал Антон Иванович, глядя на Керенского, - вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними... Если в вас есть совесть!»

Все сидели в оцепенении. Керенский, всегда резкий в движениях, поднялся как-то тяжело, медленно подошел к Деникину и протянул руку: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово».

Но был ли искренен сам Керенский? Впоследствии, давая показания Верховной следственной комиссии по делу генерала Корнилова, он оправдывался и говорил, что его одобрение относилось не к содержанию речи Деникина, а к проявленной решимости генерала. По существу же, продолжал Керенский, «генерал Деникин впервые начертал программу реванша - эту музыку будущей военной реакции».

Прислал по телеграфу свои соображения в Ставку и генерал

Корнилов, отсутствовавший на совещании из-за занятости на фронте. Лавр Георгиевич был солидарен с Деникиным. Оба патриоты, пользующиеся среди знавших их солдат и офицеров уважением и любовью, оба неискушенные в политике, -они выступили по-рыцарски честно, с открытым забралом, против революционной вакханалии. Оба поверили, что и Временное Правительство поддерживает их чаяния и стремления, когда Керенский назначил Корнилова новым Верховным Главнокомандующим. По настоянию Корнилова Антон Иванович был назначен на пост Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В Ставке генералы встретились наедине:

Группа арестованных офицеров Юго-Западного фронта в Быхове. Слева направо: поручик N, генералы Е.Ф. Эльснер, Г.М. Ванновский, А.И.Деникин, И.Г. Эрдели, С.Л. Марков, М.И. Орлов, сентябрь 1917 год.

«Лавр Георгиевич тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее:

- Нужно бороться, иначе страна погибнет... Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на Вашу поддержку?

- В полной мере...»

Генерал Деникин давно уже был готов бороться за спасение Армии и России.

Прибыв в Штаб Юго-Западного фронта, который располагался в Бердичеве, Деникин был встречен революционными учреждениями фронта весьма настороженно. Помимо боевой аттестации, полученной в Штабе, во фронтовом Комитете была получена характеристика на генерала из Комитета Западного фронта. В ней Антон Иванович характеризовался как «враг демократии».

Деникин решительно повел борьбу по ограничению деятельности комитетов. Он не раз пытался прекратить перенос политики в окопы, но всегда встречал противодействие комиссара фронта Иорданского. Отношения портились с каждым днем.

7 августа Корнилов вытребовал с Юго-Западного фронта Кавказскую Туземную дивизию, спустя неделю - III-й конный корпус и Корниловский ударный полк. Тогда Деникин понял, что настало время действий, и всецело стал на сторону своего Верховного Главнокомандующего. Не отступил он и 27 августа, когда во всех штабах фронтов была получена телеграмма Керенского об отрешении от должности генерала Корнилова.

Генерал Деникин, не считая возможным отождествлять себя идейно с Временным Правительством, тотчас же послал в Петроград телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. *Деникин».*

31 августа Керенский назначил себя Верховным Главнокомандующим, 2 сентября генерал Корнилов был арестован, а вместе с ним - и почти все члены Главного Комитета Союза офицеров. За арестами в Ставке последовали аресты в штабах фронтов.

Революционный переворот происходил в те дни и на Юго-Западном фронте, где комиссар Иорданский принял на себя военную власть, произвел ряд арестов среди старших чинов Главного управления снабжений и от своего имени выпустил воззвание к солдатам о том, как генерал Деникин пытался «возвратить старый режим и лишить русский народ земли и воли». В Бердичеве руководство фронтового Комитета обвиняло Деникина в «контрреволюционной попытке свергнуть Временное правительство и восстановить на престоле Николая II». Прокламации, адресованные солдатам, возымели действие, и вскоре толпы солдат на митингах требовали расправы над «генералами-заговорщиками». А 29 августа из окон своего дома Антон Иванович увидел, как огромная толпа вооруженных солдат

с двумя бронеавтомобилями под красными флагами движется в направлении штаба и его дома...

* * *

В середине сентября Военная комиссия петроградского Совета постановила - суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных на Юго-Западном фронте перевести из Бердичева в Быхов, где содержались под стражей Корнилов и его соратники. В конце сентября бердичевские арестанты прибыли в Быхов.

Жизнь продолжалась и в тюрьме, там же продолжалась борьба. Здесь под защитой верного Корнилову Текинского полка рассматривались варианты по обузданию Смуты. На квартире адъютанта Корнилова, корнета Хаджиева организовали «почтовую станцию»: отсюда уходили письма на волю. Главными пунктами связи являлись Могилев (Ставка генерала Н. Н. Духонина), Новочеркасск (Штаб Донского Атамана А. М. Каледина), Петроград (собиравшаяся вокруг генерала М. В. Алексеева организация).

«Быховские узники» были прекрасно осведомлены о положении в стране и на фронте. Они знали, что на смену Керенскому идут большевики. Предполагали, что суда над ними может и не быть, так как в любую минуту мог совершиться самосуд разгневанной революционной толпы солдат Могилевского гарнизона. Уже несколько раз Могилевским Советом делались попытки убрать из Быхова Текинский полк, всадники которого не только надежно охраняли узников, но и сдерживали остальную охрану, разлагавшуюся не по дням, а по часам.

«Вы керенские, мы корниловские, - говорили текинцы, - будэм резат». Солдаты после таких аргументов сразу же замолкали.

Всех узников мучил один и тот же вопрос: куда уходить в случае победы большевиков? Связь с внешним миром все больше убеждала, что уходить надо на Дон, там видели опальные генералы русскую Вандею.

25 октября большевики взяли власть. Свершилось то, что должно было случиться из-за предательства Керенского. Он и только он отдал Россию на растерзание Ленину и его единомышленникам.

С бегством из Петрограда Керенского его функции Верховного Главнокомандующего перешли к начальнику Штаба Ставки генералу Н. Н. Духонину. Военный интеллигент,

высокообразованный генштабист, добросовестный исполнитель-служака, Духонин не был искушен в политике. Он по-прежнему стремился всеми средствами удержать развалившийся фронт и отверг распоряжение Совета Народных Комиссаров начать сепаратные мирные переговоры. И 17 ноября революционные войска под командой большевицкого «Главковерха» прапорщика Н. В. Крыленко двинулись к Могилеву. Духонин решил оставаться на своем посту до конца, пожертвовав собой ради спасения многих, кто мог продолжить борьбу с большевизмом, и в частности распорядился освободить быховских узников. С этим приказанием он послал в Быхов начальника Оперативного отдела Ставки полковника П. А. Кусонского.

Полковник прибыл в Быхов 19 ноября рано утром. Его сразу же провели к Корнилову. Вытянувшись во фронт, Кусонский отрапортовал: «Через 4 часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал Вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Начальник внешней охраны тюрьмы прапорщик Гришин заявил солдатам, что генералы Лукомский, Деникин, Марков и Романовский освобождаются по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии. Все четверо переоделись и, как могли, изменили свой внешний вид. Лукомский превратился в «немецкого колониста», Романовский сменил генеральские погоны на прапорщичьи, а Марков стал солдатом, уволенным и едущим домой. Генерал Деникин преобразился в «польского помещика». Всем были вручены фальшивые документы, полученные в Штабе Польского корпуса, которым командовал «корниловец» генерал И. Р. Довбор-Мусницкий. Посовещавшись, опальные генералы решили разделиться. Первыми уехали Романовский и Марков. К ним присоединился Кусонский. Чуть позже направился в Смоленск генерал Лукомский. Антон Иванович пока оставался в Быхове.

Вслед за Великой Империей погибла и Армия Петра Великого. Все честное, что было в России, устремилось на Дон, чтобы спасти свою поруганную Родину.

Под покровом морозной ночи 19 ноября генерал Деникин в гражданском костюме и с документами на имя помощника заведующего 73-м перевязочным польским отрядом Александра Домбровского добрался до быховской железнодорожной станции и после нескольких часов ожидания сел в поезд, шедший в Ростов-на-Дону.

В пути Деникин увидел на проезжавшихся станциях огромные объявления о бегстве генералов Корнилова, Деникина и других

узников быховской тюрьмы. Военно-революционный комитет призывал к задержанию и аресту контрреволюционных генералов. В поезде, набитом солдатами, шли бесконечные проверки документов красногвардейскими патрулями. Чтобы не вступать в разговоры и не быть случайно обнаруженным, Антон Иванович забрался на верхнюю полку в купе и, повернувшись лицом к стене, делал вид, что спит.

«Мое долгое лежание на верхней полке, - рассказывал Деникин, - показалось подозрительным, и внизу заговорили: — Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский? Поверни-ка ему шею!

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому, сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись, за беспокойство угостили меня чаем...»

На Харьковском вокзале Деникин случайно встретил Романовского и Маркова. Дальнейший путь проделали вместе, соблюдая правила конспирации.

В Новочеркасск все прибывали и прибывали переполненные людьми поезда. Голод и разруха гнали людей из центра России на Дон. В одном из таких поездов 22 ноября в столицу Войска Донского и прибыли генералы Деникин, Марков и Романовский. Их никто не встречал, и вскоре, смешавшись с толпой, они покинули вокзал и направились на Барочную улицу, где в старом здании бывшего госпиталя разместился штаб «Алексеевской организации», формировавшей отряды для борьбы с большевиками и продолжения войны с Германией. Здесь же на стене барака висело написанное от руки объявление, в котором кратко была сформирована задача будущей армии — «Воссоздание Российской государственности путем свержения большевистской власти и защита земли русской».

Прибыв к А. М. Каледину, Деникин попросил того «высказаться совершенно откровенно о возможности... пребывания на Дону», опасаясь, что это создаст для Донского Атамана политические осложнения с революционными учреждениями. Подумав, Алексей Максимович ответил: «На Дону приют Вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы Вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...»

В ожидании Корнилова Деникин, Марков и Романовский решили на время разъехаться. Антон Иванович с Марковым уехали на Кубань, Лукомский — во Владикавказ, а Романовский остался в Новочеркасске, где принял участие в деятельности Алексеевской организации.

Деникин и Марков прожили неделю в станице Славянской,

затем перебрались в Екатеринодар. На Кубани дело обстояло не лучше, чем на Дону. «Внутреннее состояние здесь было еще более сложно и тревожно... - вспоминал Антон Иванович. - И если оно не прорывалось крупными волнениями, то только потому, что внутренний фронт был далеко, и Донская область прикрывала Кубань от непосредственной угрозы воинствующего большевизма».

6 декабря в Новочеркасск прибыл генерал Корнилов. Из Петрограда, Москвы, Киева, с развалившихся фронтов на Дон стекались генералы, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь. Казалось, еще немного, и вырастут полки, целые ополчения, подобные тем, которые триста лет назад возглавили Минин и Пожарский. Всех объединял порыв защитить поруганную Русь.

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, -это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу», -писал в эмиграции генерал Деникин.

Прагматики, наблюдавшие со стороны, как медленно растет Добровольческая Армия, иронически восклицали: «На что они надеются?!»

А действительно, на что надеялись соратники Корнилова? Возможно, они думали, что Православный русский народ одумается, отвергнет обманщиков и, увидев в новой Армии пример организованности и порядка, без боя, без пролития братской крови повернет на путь истинный...

За месяц смогли набрать чуть более трех тысяч человек, в основном офицеров и юнкеров. Но во главе Армии, уступавшей по численности полнокровному полку, оказалось сразу два бывших Верховных Главнокомандующих, к тому же не всегда ладивших между собой. Спор, кому возглавить Армию, разрешил генерал Деникин, вернувшийся с Кубани сразу после прибытия на Дон Корнилова и получивший назначение на должность начальника Добровольческой дивизии. Рассудительный Антон Иванович предложил сосредоточить военную власть в руках Корнилова, а Алексееву поручить гражданское управление, финансы и международные связи. Каледин оставался во главе управления Областью Войска Донского. Скорому разрешению вопроса о командовании способствовали и вести о приближении частей советских войск. Главной же задачей по-прежнему было формирование Армии. Когда Корнилову был представлен один из

списков добровольцев, тот был поражен: «Это все офицеры, а где же солдаты! Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!»

Лавру Георгиевичу было отчего впасть в ярость. Из трех с небольшим тысяч добровольцев — солдат насчитывалось не более полутораста человек. Седые полковники, а иногда и генералы брали в руки винтовки и становились в строй как рядовые. Такого не знала еще ни одна армия в мире.

Пестрым был и состав Армии. Ее основу составил Корниловский ударный полк, вернее его остатки, с трудом пробравшиеся на Дон, во главе с доблестным командиром подполковником М. О. Неженцовым. Кадрами для дальнейшего развертывания в полновесные боевые части стали Георгиевский полк, возглавляемый полковником И. К. Кириенко, 1-й, 2-й и 3-й офицерские батальоны (командиры: полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, впоследствии полковник Симановский). Из юнкеров и кадет старших классов был создан под командованием штабс-капитана Парфенова Юнкерский батальон. Из учащейся молодежи Ростова был сформирован Ростовский добровольческий полк под командой генерал-майора А. А. Боровского. Два кавалерийских дивизиона возглавили полковники Гершельман и Глазенап. Подполковники Ерогин и Миончинский стали во главе двух артиллерийских батарей, созданных преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров-артиллеристов. Были и более мелкие части, именовавшиеся партизанскими отрядами, отдельными ротами, дивизионами, батальонами.

Так со смертью Императорской Армии забилось сердце Армии Добровольческой. «В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи», — писал эмигрантский историк и публицист А. А. Керсновский, справедливо причисляя к праведникам всероссийского Содома офицеров Русской Армии и пошедшую за ними учащуюся молодежь.

В этой обстановке Антон Иванович и Ксения Васильевна решили обвенчаться. Невеста Деникина прибыла на Дон раньше Антона Ивановича, когда он еще находился в Быхове. По окончании Рождественского поста и праздника Рождества Христова 7 января 1918 года Ксения Васильевна Чиж стала женой генерала Деникина.

В середине января Штаб и все Добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов. Однако уже к концу месяца стало ясно, что пребывание в Ростове в любой момент может стать гибельным для небольшой Добровольческой Армии. С

севера, запада и востока двигались советские полчища и революционизированные казачьи части. То и дело вспыхивали восстания в Таганроге и Батайске. Так и не успев развернуть свои кадры, части Добровольческой Армии были двинуты на фронт, противопоставляя многочисленности противника - военное искусство и необычайное воодушевление.

Январь 1918-го выдался на редкость морозным. Добровольческие части, плохо одетые, держали оборону, и их ряды таяли с каждым днем, а замены не было. Пришлось оставить Таганрог. Видя серьезные потери в частях полковника А. П. Кутепова, Деникин отдал ему приказ отойти в район станции Синявской, что находилась в одном переходе от Ростова. Там отряд поступил в распоряжение генерала А. П. Черепова. Из Ростова на передовую уходили последние резервы, в том числе и Корниловский полк.

Первого февраля советские войска Р. Ф. Сиверса, переброшенные по железной дороге, неожиданно ударили на части Добровольческой Армии у Батайска, сбили их и частично окружили. Деникин спешно отдал приказ перекрыть все переправы через Дон Юнкерским батальном. Армия таяла на глазах. В ночь на 9 февраля Сиверс начал штурм оборонительных укреплений у Ростова. Опасаясь полного окружения, Корнилов приказал отходить за Дон, в станицу Ольгинская.

Добровольцы покидали Ростов. Впереди вытянувшейся колонны с винтовками и вещевыми мешками за плечами молча шли генералы Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Алексеев. О чем думали генералы, вглядываясь в бескрайние заснеженные просторы? О том, чем была Русская Армия и чем стала в виде этих жалких нескольких десятков повозок? О том, что их ждет впереди?

«Мы уходим в степи, - писал генерал Алексеев. — Можем вернуться только, если будет милость Божья». Не менее тревожные мысли посещали и Антона Ивановича, решившего оставить молодую жену в Ростове, дабы не подвергать ее опасностям предстоящего похода. Ксения Васильевна, подчинившись воле мужа, поселилась в меблированной комнате в доме, принадлежавшем богатой армянской семье. На ее счастье, в городе никто ее не знал. Жила она под девичьей фамилией, поэтому никому и в голову не пришло, что совсем еще молодая девушка является женой известного генерала.

Итак, маленькая Белая Армия, покидавшая Ростов, шла навстречу неизвестности. Начинался ее первый поход, который получит название Ледяного и принесет России славу новых, рожденных в походе полков.

* * *

Штаб генерала Корнилова, выйдя из Ростова, еще не знал, куда он поведет Добровольческую Армию. Правда, и вариантов было не так уж много: донские зимовники — отдаленные места в степи, куда на зиму отгоняли табуны лошадей, - или Кубань. Корнилов и Лукомский стояли за первый вариант, ибо в зимовники направил свой казачий отряд генерал П. Х. Попов, не пожелавший оставаться в Новочеркасске, занятом большевиками. За Кубань были генералы Алексеев и Деникин. На военном совете их поддержало большинство. Антон Иванович выступал не столько за Кубань, сколько против движения Армии на восток, в район зимовников, полагая, что части в скором времени окажутся зажатыми с одной стороны весенним половодьем Дона, а с другой - железной дорогой Царицын - Торговая - Тихорецкая - Батайск, контролируемой большевиками. В конечном счете доводы Деникина убедили генерала Корнилова.

В большой станице Ольгинской остановилась вся Армия. Вид у Армии был потрясающим, поражала пестрота в одежде: мелькали офицерские шинели и гражданские пальто, гимназические фуражки, папахи и шляпы, обуты были не менее разнообразно - сапоги, валенки, опорки. Антон Иванович, потерявший походный чемодан с мундиром, был в штатском. У многих офицеров на плечах красовались погоны собственноручного изготовления: кусок попавшегося под руку материала, на котором химическим карандашом были нарисованы просветы и звездочки. Издали, как вспоминали участники этого похода, Армия напоминала цыганский табор. И только по четко отдававшимся командам можно было понять, что это была все же армия.

Здесь произошло переформирование. Антона Ивановича генерал Корнилов назначил помощником Командующего Армией. «Функции довольно неопределенные, - вспоминал Деникин, — идея жуткая - преемственность». Станицу Армия покинула спустя два дня и стала медленно продвигаться к станции Егорлыцкой. Была непролазная грязь. В пути присоединялись новые добровольцы - группами, в одиночку, некоторые были больными, ранеными, но все делали вид, что здоровы - лишь бы их не оставили на растерзание большевикам. В переходах старались избегать столкновений с красными, ибо не было необходимых сведений и о противнике, и об обстановке за пределами небольшой колонны, в которую вытянулась Добровольческая Армия. Сказывалось отсутствие должного числа конницы, которое не позволяло производить дальней разведки. Когда выяснилось,

что армия уходит на Кубань, полутора-тысячный отряд Донских казаков генерала Попова отказался присоединиться к Добровольцам. Вспоминая тот день, Антон Иванович писал: «Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие Родины раздваивалось на составные элементы - один более близкий и ощутимый, другой отдаленный, умозрительный».

Корнилов отдал приказ двигаться как можно быстрее в направлении столицы Кубани - Екатеринодара. Добровольцев, двигавшихся по бескрайней степи, более всего занимал вопрос - как встретят? Слухи были разными, одни с оптимизмом говорили, что непременно хлебом-солью, другие с раздражением противились таким фантазиям и возражали: пулями, пулями нас встретят, если не шрапнелью.

В боях со встречавшимися заслонами красных сказывалось явное преимущество Добровольческой Армии в четком и умелом командовании. Не было лишней пальбы, выдерживалась дистанция - все как на учениях. Артиллерия стреляла точнее, в каждом выстреле чувствовалась рука профессионального офицера-артиллериста. Напротив, снаряды большевистских орудий ложились далеко от цели. Русский офицер умел «показать штык» лучше своих солдат, оказавшихся по другую сторону фронта.

У многих Добровольцев, покинувших Ростов и Новочеркасск, остались в этих городах родные и близкие. В пути до Армии доходили рассказы о зверствах, которые учинили большевики, занявшие города. «Город (Ростов. — *Ю. Т.)* наполнился стонами и плачем отцов, матерей, жен, братьев, сестер по убитым, изнасилованным и замученным на их же глазах родственникам, - писал агент контрразведки, гвардейский подпоручик Н. Ф. Сигида, оставшийся на Дону. — Убивали всех, кто так или иначе подвертывался под руку. Особенно кошмарные сцены происходили в первые дни, когда власть как таковая находилась в руках любого вооруженного, взявшего себе право казнить и миловать по своему усмотрению». Неудивительно поэтому, что взятых в плен красногвардейцев расстреливали. Среди пленных были и бывшие офицеры...

«Вот она, новая трагедия русского офицерства! - писал генерал Деникин. -*Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы... Только близость штаба спасает их от расправы.*

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

- Предать полевому суду.

Оправдания обычны: не знал о существовании Добровольческой армии... не вел стрельбы... заставили служить насильно, не выпускали... держали под надзором семью...

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двоякое отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии».

В кубанских станицах Армию встретили приветливо, радушно, находились и желающие пополнить ее ряды. Но 1 марта у Березанской Добровольцев неожиданно встретили огнем красные кубанцы: на станичном сходе верх одержали иногородние и болльевизированные «фронтовики». Бой длился недолго. Развернувшиеся цепи Корниловского и Офицерского полков быстро рассеяли красных. Вечером того же дня казаки-старики учинили расправу над своей молодежью - высекли нагайками.

И снова в путь... Тяжелый бой разыгрался под Выселками. Здесь же узнали неприятную новость, что совсем недавно возле Выселок Кубанские добровольцы генерала В. Л. Покровского потерпели поражение от большевицкого отряда, после чего отступили в сторону Екатеринодара. Поползли зловещие слухи. Но зажатой со всех сторон Добровольческой Армии деваться было некуда, и Корнилов приказал наступать далее...

В новых боях, по свидетельству Антона Ивановича, «кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно - управление, стойкость и даже некоторый подъем...»

«Среди офицеров разговор:

- Ну и дерутся же сегодня большевики!..

- Ничего удивительного - ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...»

Ненависть шла об руку с гордостью за «своих»... русских.

Стало известно, что Екатеринодар занят красными. Генерал Деникин предлагал продолжить выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, «тем более что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собой политическое его падение». Деникина поддержал генерал Романовский. Однако войска были крайне утомлены и физически, и морально. Корнилов решил свернуть к югу, чтобы дать уставшим полкам отдых в закубанских аулах, а затем, отдохнув, продолжать движение на Екатеринодар в расчете

на соединение с войсками Кубанского Правительства.

Покинувший Екатеринодар «Кубанский правительственный отряд» также бродил по черкесским аулам и казачьим станицам к югу от города, питаясь слухами о приближении Корнилова, пока не получил первые достоверные сведения о передвижениях Добровольческой Армии. Соединение Белых войск произошло в ауле Шенджий.

В ночь на 15 марта погода резко изменилась. Подул сильный, колючий ветер, пошел мокрый снег. Армия шла по колено в грязи, перемешанной со снегом. Таявший снег пропитывал шинели насквозь, сапоги разбухли от воды. От мороза люди покрывались ледяной коркой. Армия шла вся белая, сжавшаяся от холода. Дороги размыло, повозки вязли и застревали. Еще сильнее повалил снег, застилая глаза, нос, уши, перехватывая дыхание. Об условиях ночлега Деникин вспоминал:

«Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломились в окна, в двери новые толпы.

- Дайте погреться другим, совести у вас нету»...

В тот же день Антона Ивановича окончательно свалил бронхит, поднялась температура. Он слег, хотя и приказал держать его в курсе происходящих событий.

В станице Ново-Дмитриевской, после форсирования реки смертельно замерзшими, обледеневшими людьми (откуда и пошло название «Ледяной поход»), 17 марта Корнилов переформировал Армию с учетом влившихся в нее Кубанских частей. А 28-го Добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара. Развернулись ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери, но у белых они были невосполнимыми.

«Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слыхал, - говорит раненый полковник. - Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите... Залпами... — Артиллерия ухала тяжелыми, страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало», - вспоминал офицер Добровольческой Армии Р. Б. Гуль, находившийся во время штурма Екатеринодара в обозе среди раненых.

На военном совете 30 марта большинство генералов высказались за отход от Екатеринодара. На это были все основания. Армия понесла тяжелые потери, в особенности в

командном составе. Боеприпасы уже давно добывались лишь в бою, части были перемешаны и утомлены беспрерывным четырехдневным боем. Число раненых перевалило за полторы тысячи.

На совещании лишь Корнилов решительно высказался за очередной штурм. «Мы чувствовали, - писал Деникин, - что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся...» Но Корнилов был непреклонен и, завершая совет, сказал: «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля». После совещания все разошлись сумрачными, остались только Корнилов и Деникин.

«- Лавр Георгиевич, почему Вы так непреклонны в этом вопросе?

- Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

- Этого Вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи отступить нам едва ли удастся.

- Вы выведете...»

Последняя фраза Корнилова оказалась пророческой.

Утром 31 марта разрывом большевицкого снаряда Лавр Георгиевич был убит. По распоряжению Алексеева в командование Добровольческой Армией вступил генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Армия по-разному восприняла это назначение. В Офицерском полку хотели видеть Командующим своего командира - генерала Маркова. Юнкера и Партизаны выражали удивление - почему не сам Алексеев...

Это не означало, что Деникину не верили. Его хорошо знала армия. О нем рассказывали, вспоминая Мировую войну, чудеса... Никто в Добровольческой Армии не имел столько Георгиевских наград. И все же, должно быть, в Антоне Ивановиче не видели вождя в совсем другой войне — войне междоусобной. Суровый взгляд, ровный, спокойный характер, щепетильная рассудительность и даже голос - строгий, резкий, - все это производило на Добровольцев мало впечатления. Зная эти настроения, генерал Марков собрал вокруг себя своих подчиненных и твердо сказал:

«Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!»

В тот же день новый Командующий решил снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести войска из-под ударов большевиков. «План предстоящего

похода, - писал потом Деникин, — заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог».

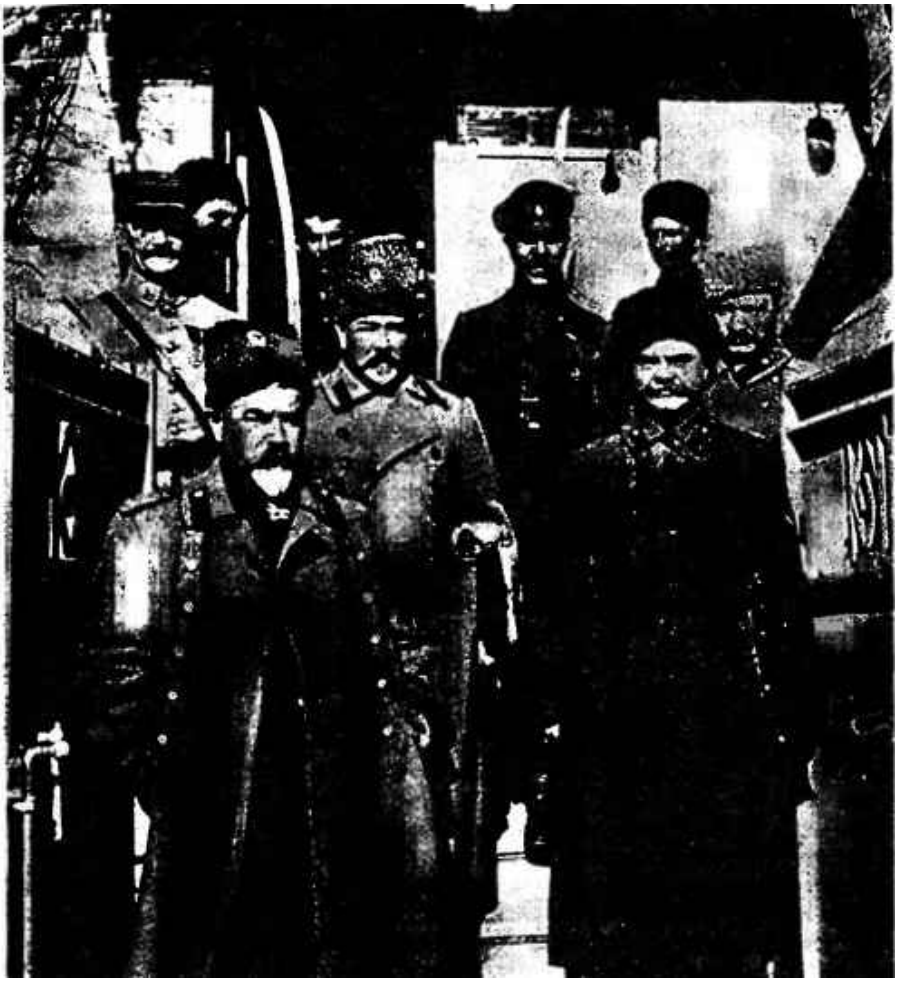
Во многом нового Командующего и его Армию спасли безалаберность и партизанщина, царившие у красных, но еще больше - политика, которую большевики начали проводить на Кубани. Начинался сев, а кто будет хозяином на хлебородных кубанских пашнях - оказалось вопросом непростым. Иногородние требовали выделить себе долю из казачьих земель. Казаки негодовали. Ведь земля была ими полита и слезами, и потом, и кровью. Они защищали эту землю от набегов воинственных соседей, с боями отвоевывали пядь за пядью почти полтораста лет, обжились... Так с какой же стати делить богатство с голью перекатной?! И поскакали кубанские сотни под знамена Деникина.

А в Малороссии и Донбассе заворачивалось еще круче. Туда вторглись немцы, тесня советские части. В Донской Области тоже восстали казаки, и в Новочеркасске Круг Спасения Дона избрал Атаманом генерала П. Н. Краснова...

В этих-то условиях Антон Иванович оказался во главе Добровольческой Армии, что и выдвинуло его в число ведущих фигур всего Белого движения.

* * *

Чтобы вывести и спасти Армию, генерал Деникин решился на суровые меры: сократил до минимума обоз, поместив по шесть человек на телегу, лишние повозки приказал уничтожить, ненужный груз ликвидировать. От артиллерии оставили четыре орудия, остальные бросили, приведя в полную негодность. Тяжелее всего было отдать приказ об оставлении на попечение местных жителей тяжелораненых, которые не могли выдержать трудных переходов. Понимая, что только быстрыми переходами можно замести следы и выйти из окружения, Деникин приказал в сутки делать до 60 верст. На пути с Кубани обратно на Дон было лишь несколько боев на железнодорожных станциях, где всякий раз удавалось захватить военную добычу, так необходимую Армии.



На переднем плане А.И. Деникин, А.С. Лукомский, А.М. Драгомиров, И.П. Романовский (частично скрыт дверцей ворот), позади них французский капитан Фуке и полковник А.Г. Шапрон-дю-Лорре, 1919 год.

Взяты станицы Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая. Все Задонье освобождено от большевиков. Военная фортуна вновь была на стороне Добровольцев. В этих условиях Антон Иванович как Командующий Армией составил свое первое политическое обращение к народу России, но оно вызвало споры среди офицеров. Вкусившее все прелести революционной демократии в 1917 году, большинство из них связывали будущее своей страны лишь с монархией. Монархистами становились даже те, кто исповедовал республиканские идеи. Что же побуждало нового Командующего, который сам был сторонником конституционной монархии, держать знамя монархизма в походном чехле?

Антон Иванович, как профессиональный военный, прекрасно понимал, что основная борьба еще впереди, что армию как

таковую еще предстоит создавать, ибо с пятитысячным войском, даже очень сильным духом, можно проделать поход по тылам большевиков, но нельзя установить власть во всей России. Новая же армия неминуемо будет состоять из различных политических элементов, и проповедовать в ней лишь одну политическую идею — значило бы внести в ряды войск раздор, закрыть двери перед теми, кто желал бы сражаться с большевизмом, но не в рядах монархистов.

Генерал Деникин, приняв командование Армией, осознавал также, что в условиях гражданской войны его роль не ограничится лишь функциями военными. Придется решать и массу других задач: политических, хозяйственных, национальных. Круг этих задач будет только возрастать по мере того, как будет расширяться территория, занятая его войсками. Прекрасно понимал он и все трудности анти-большевицкой борьбы, начатой на окраине России, вдали от ее центров. В руках большевиков оказались подавляющее число военных складов, заводов, фабрик. Они контролировали все запасы военного снаряжения, боеприпасов, продовольствия, созданные в ходе мировой войны. В этих условиях рассчитывать лишь на свои силы было невозможно. Нельзя было снабжать армию лишь трофеями, захваченными в боях. Отсутствие вооружения, боеприпасов, одежды, обуви, продовольствия не позволило бы расширить армию. Нужен был тыл. Помощь же, так необходимую для разворачивания армии, можно было получить только извне: либо от Германии, вторгшейся в пределы России, либо от стран Антанты, бывших союзниками в войне с той же Германией.

Учитывая все эти факторы, генерал Деникин избрал политику непредрешенчества в вопросе будущей формы правления в России и выступил за союз с государствами Согласия, продолжая считать Германию противником России. Новый Командующий считал необходимым дисциплинированное, твердое и неполитизированное руководство. Он отправился в Крестовый поход против большевизма с той же наивной честностью, что и его предшественник Корнилов, поставив себе единственную задачу военной победы, установив, что ни он и никто из политиков не предопределит будущего устройства освобожденной России. До тех же пор власть должна принадлежать временной военной диктатуре, и даже обсуждение реформ должно быть отложено, чтобы уменьшить антагонизм внутри антибольшевицкого лагеря.

«Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать, - говорил Деникин на собрании офицеров в Егорлыцкой. - Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны

и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача - борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо - монархический флаг. Но за этим последует, естественно, требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца - греческого принца. Что же, этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход - вера в своих руководителей. Кто верит нам - пойдет с нами, кто не верит - оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны - в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

«Непредрешенчество», взятое за основу политики Белого движения, было, наверное, донкихотством. Деникин, как и его ближайшее окружение, искренне верил, что народ оценит их честность и жертвенность, воздаст им должное в их борьбе за право народа решать политическое будущее страны. Непредрешенчество в форме правления влекло за собой и непредрешенчество в реформах, в том числе самой насущной — аграрной.

Антон Иванович Деникин — Царский генерал, в то же время был ярким представителем русской интеллигенции, органически не способным на демагогические обещания сделать то, что в настоящее время сделать было невозможно. Он прекрасно понимал, что в условиях разгоревшейся гражданской войны невозможно было решить вопрос с землей одним декретом. Напротив, большевицкое правительство, также не верившее в скорое решение аграрного вопроса, тем не менее избрало тактику пустых обещаний. Не мог придти в голову Белым генералам и такой лозунг, как «Грабь награбленное», выдвинутый большевиками, чтобы удержаться у власти. А огромное крестьянское население России предпочло сладкую ложь -

горькой правде вождей Белых армий...

Исповедуя непредрешенчество, Деникину и его соратникам оставалось надеяться лишь на военную победу. Тогда, в 1918 году, для этого были основания. Красная Армия, хотя и многочисленная, воевать не умела. В ней царила партизанщина, отсутствовала дисциплина, чрезвычайно слаб был командный состав. В Добровольческой Армии, наоборот, основу составляли жесткая дисциплина, единоначалие, сильные офицерские кадры, имевшие опыт командования в мировой войне.

С освобождением Новочеркасска от большевиков туда перебралась из Ростова и жена Антона Ивановича. Вскоре супруги встретились и решили больше не разлучаться ни при каких обстоятельствах. Ксения Васильевна, рассказывая о своей жизни в Ростове при большевиках, поведала уже известные Антону Ивановичу факты красного террора, но видя, как болезненно реагирует на эти рассказы муж, переменила тему.

События, развернувшиеся на Дону, и радовали, и настораживали. Казаки одумались, подняв восстание против Советов и избрав Атаманом генерала Краснова. Однако Краснов, исповедовавший идеи монархии и вернувший на Дону дореволюционные законы, в то же время проводил идею автономии края и заигрывал с немцами.

Антон Иванович добился встречи с Атаманом, которая состоялась 15 мая в станице Манычской. С первых минут совещания выявились противоречия. Генерал Краснов настаивал, чтобы Добровольческая Армия, оставив Кубань, двигалась на северо-восток в направлении к Царицыну. Деникин отстаивал план движения на юг, считая главнейшей задачу освобождения Задонья и Кубани, что обеспечивало возможность контролировать всю южную границу Донской Области и открывало пути к Черному морю: в случае победы союзников по Антанте это давало возможность установить с ними связь через Новороссийск. К тому же, двигаясь на север, Добровольческая Армия оставляла бы в своем тылу советские войска, насчитывавшие более 50 тысяч штыков и сабель.

Напомнил новому Атаману Деникин и о шести миллионах рублей, которые причитались Добровольцам еще по соглашению с генералом Калединым. Краснов на это заявил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». Потеряв терпение, Антон Иванович возразил резко: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы»... Создать единый с Донцами фронт тогда не удалось. В

новый поход Добровольческая Армия выступила в одиночестве.

Накануне нового похода Деникин переформировал Армию. В ее состав стали входить: 1-я (генерал С. Л. Марков; в самом начале Второго Кубанского похода он погиб в бою и на его место стал генерал Б. И. Казанович), 2-я (генерал А. А. Боровский) и 3-я (полковник М. Г. Дроздовский) дивизии, 1-я конная дивизия (генерал И. Г. Эрдели), 1-я Кубанская казачья бригада и Пластунский батальон, — всего около 9 тысяч штыков и сабель, 3 бронеавтомобиля и 24 орудия. «Нас было мало, - вспоминал Антон Иванович. - Но за нами военное искусство... В армии - порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в силе и надежда на будущее».

Целью новой кампании генерал Деникин ставил захват Екатеринодара. Ему принадлежит и разработка оперативного плана: 1. Обеспечить тыл со стороны Царицына и, следовательно, прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Это достигалось путем захвата узловой станции Торговой, а к северо-востоку от нее - станицы Великокняжеской. Передав затем царицынское направление Донцам, Деникин предполагал перейти к следующей задаче. 2. Круто сворачивая на юго-запад, двинуть Добровольческую Армию вдоль железнодорожных линий Царицын - Екатеринодар, Ростов - Владикавказ. 3. По овладении станцией Тихорецкой Армия должна была обеспечить свои фланги для удара на Екатеринодар, правым флангом опираясь на станцию Кущевка, а левым - на станцию Кавказская. 4. Фронтальный удар на Екатеринодар.

Первые удары Добровольцев обрушились на 30-тысячную группу советских войск И. Л. Сорокина, сбив и отбросив ее. Екатеринодар, в котором находились главные органы управления Северного Кавказа, оказался открытым для удара со стороны Тихорецкой. В спешке советское руководство начало стягивать подкрепления к Екатеринодару с Тамани.

После взятия Тихорецкой белое наступление продолжало развиваться. Главные силы направлялись на правый фланг с целью захватить станцию Кущевка и разбить там Сорокина. На левый фланг, в направлении станции Кавказской, была двинута дивизия генерала Боровского. В направлении на Екатеринодар вел свою дивизию Дроздовский.

До Екатеринодара оставалось чуть более 18 верст. Однако в это время к красным стали подходить подкрепления, состоявшие из более стойких и еще не деморализованных частей. Эти части, силою в 7 тысяч штыков и 1600 сабель при 7 орудиях, не только задержали Добровольцев, но и начали теснить их к северу. Одновременно оправившиеся части Сорокина перешли в

контрнаступление. Для Добровольческой Армии создавалось тяжелое положение. Затянулись ожесточенные бои, длившиеся десять дней. Белые, несмотря на то что значительно уступали в численности, показали удивительную стойкость, выдержали первые удары большевиков, после чего сами перешли в атаку. Красные дрогнули, не выдержали хладнокровных атак Добровольцев и покатились назад. 3 августа Добровольческая Армия вступила в Екатеринодар.

Взятие Екатеринодара, впрочем, не разрешало общей стратегической задачи. Антон Иванович это прекрасно понимал. Часть Кубани по-прежнему была под властью большевиков. Для того, чтобы закрепиться на Северном Кавказе, необходимо было выйти на надежные естественные рубежи: Черное и Каспийское моря и Кавказский хребет. Черное море открывало возможность связи с союзниками, Каспийское — давало надежду наладить сообщение с Белым движением в Поволжье и Сибири.

Однако для решения новых стратегических задач сил было явно недостаточно. Проведенная мобилизация, поступление новых добровольцев и включение в состав Армии пленных красноармейцев позволили создать ряд новых частей и соединений. К сентябрю численность Добровольческой Армии возросла до 35-40 тысяч (по разным оценкам) штыков и сабель при 86 орудиях, 8 бронеавтомобилях, 5 бронепоездах и 6 самолетах. Изменились и масштабы и характер деятельности ее Командующего. «...В течение пяти месяцев я имел возможность вести армию лично, непосредственно, имея с ней полное и постоянное общение. Теперь открывалась более широкая стратегическая работа начальника, и вместе с тем суживалась сфера непосредственного моего влияния на войска. Раньше я вел армию, теперь я командовал ею», - писал Деникин.

К середине сентября удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской Области и Ставрополь, занять Новороссийск и утвердиться на побережье Черного моря. Но у красных оставались крупные силы, сведенные в пять колонн, кавалерийский корпус и особую ставропольскую группу, общей численностью до 150 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра.

Советский Главнокомандующий Сорокин считал необходимым овладеть Ставрополем и его районом и тем самым закрепиться в восточной части Северного Кавказа. Ожесточенные и кровопролитные бои под Ставрополем завершились поражением большевиков: в результате осенней кампании 1918 года их главные силы были прижаты к пустынной степи, которой суждено было стать могилой многих тысяч их бойцов. Кубанская

Область была окончательно освобождена от большевиков, началось освобождение Терека.

* * *

Во время Второго Кубанского похода Антон Иванович чутьем талантливого военачальника понял значение сильных кавалерийских групп в условиях гражданской войны, где первостепенное значение приобретал маневр и подвижность войск. Поставив целью создать мощную конницу, генерал Деникин искал человека, которому можно было бы доверить это дело. Задача была сложной, если учесть, что в период мировой войны значение конницы резко упало. К осени 1918 года в Добровольческой Армии из видных кавалерийских начальников был, пожалуй, лишь генерал барон П. Н. Врангель, впервые встретившийся с Деникиным - Командующим Армией - в Екатеринодаре и получивший назначение командующим 1-й конной дивизией, а затем конным корпусом.

Пройдет немного времени, и генерал Врангель станет к Деникину в открытую оппозицию и будет иметь в этой борьбе свои преимущества. На этой войне фигура Главнокомандующего[34] была слишком заметной. Часто первостепенное значение имели не титаническая работа полководца или устроителя освобожденной от большевиков Земли Русской, а популярность в войсках, где подчас играла роль даже внешность человека.

Врангель как никто умел подчеркнуть свои незаурядные качества военачальника, быть всегда на виду, в то время как генералы Деникин и Романовский с увеличением численности армии начинали терять популярность. Колоссальная загруженность работой не позволяла Антону Ивановичу часто показываться на фронте, в войсках. Любые ошибки, неудачи связывались прежде всего с его именем и именем его бессменного начальника Штаба Романовского. Мешали обоим и их излишняя скромность, - так, последний Протопресвитер Русской Армии отец Георгий Шавельский вспоминал: «Сам Деникин летом 1919 года (то есть значительно позже, в период наибольших успехов Белой Армии. - *Ю. Т.)* ходил в теплой черкеске. Когда его спросили, почему он это делает, он ответил - штаны последние изорвались, а летняя рубаха не может прикрыть их»...

Армия же укреплялась. С окончанием Первой мировой войны у бывших союзников России появилась возможность поддержать белых, и, хотя Антанта очень быстро забыла, кому она была

обязана своей победой, ее память относительно денежных долгов России оказалась цепкой. Опасения потерять свои вложения заставили Англию и Францию сделать ставку на Белое движение. Впрочем, часто помощь их оказывалась скорее символической...

В то же время обстановка продолжала оставаться серьезной. Объединение в составе Вооруженных Сил Юга России Добровольческой Армии, Кубанцев и Терцев с Донскими казачьими частями хотя и увеличило силы, все же не позволяло вести боевые операции с неизменным напряжением. За ударом на одном участке фронта следовал перерыв, вызываемый необходимостью произвести перегруппировку для нового удара. Талант военачальника Деникина в том и заключался, что, имея незначительные силы, он умело концентрировал их в нужном месте, создавая кулак и нанося Красной Армии сокрушительные удары. Так произошло в январе - феврале 1919 года, когда были поодиночке разбиты большевицкие группировки на Северном Кавказе. К середине февраля главные силы красного Кавказско-Каспийского фронта перестали существовать как организованное целое. Троцкий признавал, что «разбухшая армия, скорее орда, чем армия, столкнулась с правильно организованными деникинскими войсками и в течение нескольких недель рассыпалась в прах».

А.И. Деникин беседует с генералом А.Л. Богаевским, Ростов-на-Дону, 1919 год.

Одним из первых Троцкий понял и значение преимуществ белых, создавших сильные конные соединения, действия которых

во многом позволили весной 1919 года вырвать инициативу из рук советского командования. В начале марта северный фронт Деникина растянулся более чем на 800 верст. Против 45 тысяч белогвардейцев большевики сосредоточили пять армий общей численностью 140-150 тысяч штыков и сабель. Тройной перевес сил создавал чрезвычайно серьезное положение, и спасла деникинскую армию сильная кавалерия, способствовавшая выполнению быстрых маневров.

Кубанская конница Шкуро совершила рейд в тыл противника и обусловила крушение его фронта в Донецком бассейне. В конце апреля под личным руководством Антона Ивановича была проведена сложная операция на Маныче, где X-я армия красных угрожала тылу и военным сообщениям Добровольцев. Конные части генерала С. Г. Улагая разбили советскую Степную группу и конницу Б. М. Думенко, а генерал Врангель во главе казачьих соединений нанес решительное поражение большевикам в районе станицы Великокняжеской. Все эти успехи базировались на наличии и маневре крупных конных соединений.

В мае 1919 года для Вооруженных Сил Юга России создались условия для перехода в решительное наступление. На очереди были задачи: 1) окончательного вытеснения красных из Донецкого бассейна; 2) освобождения территории Донской Области, оказания помощи повстанцам Верхне-Донских станиц и соединения с ними; 3) овладения Царицыном для обеспечения правого фланга, а в перспективе — установления связи с войсками Верховного Правителя адмирала Колчака. Во второй половине июня эти задачи были выполнены. Учитывая политическую и стратегическую обстановку, Деникин вынес на обсуждение военного совета два варианта плана военных действий:

Деникин с дочерью Мариной перед входом в дом, где они жили в Севре (Франция), 1933 год.

1) Перейдя к обороне у Царицына, взять из состава Кавказской Армии три-четыре конные дивизии и перебросить их на харьковский участок фронта, чтобы силами последнего ударить по кратчайшему направлению на Москву.

2) Напротив, обороняясь на харьковско-московском направлении, развивать операции от Царицына на Саратов с целью занятия этого важного пункта и затем с юго-востока перейти в наступление на Москву.

Неожиданно свой план действий предложил командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, ратовавший за то, чтобы пока отложить наступление до окончательного закрепления тыла, жертвуя при этом даже Харьковом. Барон Врангель высказался за второй вариант наступления. Но в конечном счете был принят первый вариант, сторонником которого был сам Главнокомандующий. 20 июня 1919 года генерал Деникин отдал приказ о походе на Москву.

Менее чем за четыре месяца были освобождены громадные пространства Малороссии и Новороссии, заняты Одесса, Киев,

Курск, Орел. Добровольческая Армия, имея главной ударной силой корпус генерала А. П. Кутепова, рвалась на Москву. Но командование Красной Армии, перегруппировав на этом направлении силы и сформировав крупные конные соединения, поготовило мощный контрудар. После поражения в начале ноября под Орлом и Кромами отступление Вооруженных Сил Юга России развивалось гораздо быстрее, чем их летнее продвижение к своей заветной цели - Москве.

Главнокомандующий делал самые отчаянные попытки остановить большевиков сначала на рубеже Дона, а затем - Кубани, но все его усилия оказались напрасными. К началу 1920 года Красная Армия была в Ростове и Новочеркасске, а уже в середине марта разразилась «новороссийская катастрофа»...

А.И. Деникин (справа) и полковник П.В. Колтышев, Париж, декабрь 1934 год.

А.И. Деникин (в центре) после передачи части своих архивов, Прага, 22 декабря 1934 год.

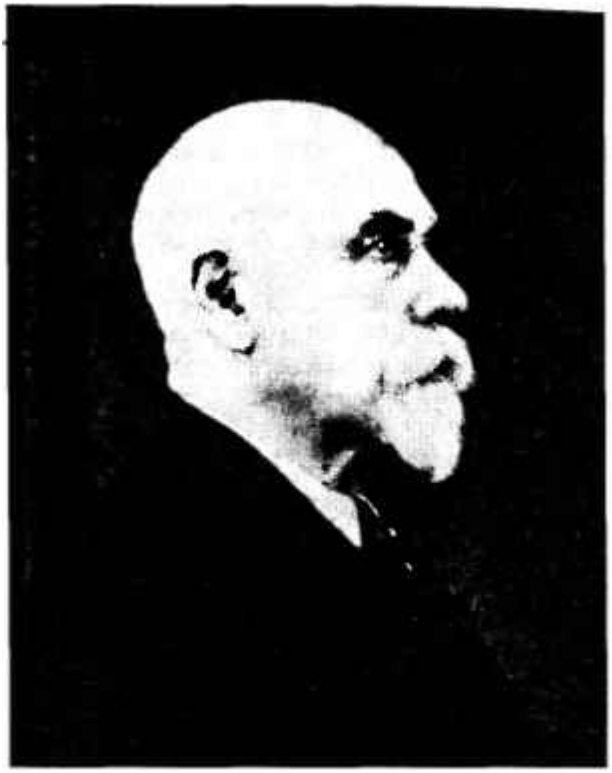


Фото Деникина на паспорт, сделанное перед отъездом в

США, ноябрь 1945 год.

Трагические сцены, разыгравшиеся во время эвакуации Новороссийска, откуда остатки войск перевозились на Крымский полуостров, еще удерживаемый генералом Я. А. Слащовым, потрясли Деникина. «Много звериного чувства, - вспоминал Антон Иванович, -вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым ворогом». Одним из последних Деникин вместе с начальником Штаба Романовским взошел на борт миноносца «Капитан Сакен», взявшего курс на Севастополь. В Крыму, куда удалось переправить около 40 тысяч бойцов, Главнокомандующий отчетливо понял, что Армия ему больше не верит. Боевой генерал, прекрасно знавший психологию солдата, он ясно осознавал, что значит для войск популярность военачальника.

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее...» - писал Антон Иванович генералу А. М. Драгомирову, назначенному им председателем Военного Совета для избрания преемника на посту Главнокомандующего. Вечером 22 марта 1920 года Деникин на борту английского миноносца навсегда покидал Россию. Корабль держал курс на Константинополь, где в русском посольстве Антона Ивановича ждала его семья - жена Ксения и родившаяся в 1919 году дочь Марина.

* * *

Первоначальным местом эмиграции стала Англия, но ненадолго. Уже в августе 1920 года семья Деникиных перебралась в Брюссель, а еще через год - в Венгрию. Началась работа над мемуарами, которые, по собственному признанию их автора, стали «самым важным делом эмигрантского житья». Шесть лет длилась работа над пятью томами «Очерков Русской Смуты», в которых Деникину удалось создать широкое полотно истории революции и Гражданской войны, а самое главное - показать место в них Русской Армии. В 1928 году Антон Иванович издал книгу «Офицеры» - сборник рассказов о судьбах подвижников и мучеников Смуты и войны — и приступил к написанию книги «Старая армия». На страницах парижских газет «Последние

Новости» и «Возрождение» появлялись его статьи, в виде брошюр стали выходить лекции, прочитанные перед эмигрантской аудиторией в Чехословакии и Югославии.

В Париже, куда Деникины переехали весной 1926 года, генерал сразу же оказался в центре эмигрантских политических противоборств. С нарастающей обеспокоенностью следил бывший Главнокомандующий и за развитием событий в Германии, где к власти на волне реваншизма пришел Гитлер.

«Неужели мне придется пережить четвертую войну?» — задавал себе вопрос Антон Иванович. Он, кстати, был одним из немногих, кто достаточно ясно осознавал всю опасность национал-социализма для Европы и России. Уже в 1935 году в лекции «Международные события и русская проблема» бывший генерал предположил, что в грядущей войне снова главным будет Восточный фронт. В одном из своих публичных выступлений Деникин заявил: «Красная армия в какой-то степени является русской национальной силой, и всякое сношение с иностранцами на предмет борьбы против большевиков - есть измена Родине». Многие эмигранты после такого заявления отвернулись от Антона Ивановича, так до конца и не поняв, что имел в виду генерал.

«Четвертая война» действительно разразилась. С оккупацией Парижа немецкими войсками Деникины перебрались на юг Франции в местечко Мимизан близ Бордо. Здесь семидесятилетнему Деникину оккупанты предложили переехать в Берлин, чтобы там продолжить начатую им работу над автобиографической книгой «Моя жизнь». Антон Иванович отказался. Он тяжело переживал поражения Красной Армии и радовался известиям о ее победах. Но когда после Сталинградской битвы у многих эмигрантов возникла мысль, что Россия возвращается к политической структуре, существовавшей до 1917 года, а Красная Армия надела погоны, - Деникин выступил с разоблачениями подобных настроений, указывая на то, что «положение внутри страны не изменилось и что до тех пор, пока важнейшие свободы не будут восстановлены, до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранять верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был». Деникин не изменял своим принципам...

С окончанием войны Антон Иванович вместе с женой возвратился в Париж, но через полгода, опасаясь депортации в Советский Союз, вынужден был переехать в США. В Америке он заключил договор с издательством «Э. Даттон» о публикации книги «Моя жизнь» и новой работы - «Вторая мировая война,

Россия и эмиграция». Но силы покидали старого генерала, усиливались сердечные приступы. Лето 1947 года Деникины решили провести у друзей-эмигрантов, живших на берегу озера Мичиган, неподалеку от границы с Канадой. Там после очередного сердечного приступа Антона Ивановича уговорили лечь в университетскую клинику города Энн-Арбор, где 7 августа 1947 года он скончался.

«Вот не увижу, как Россия спасется!» - это были последние слова генерала Деникина.

Между рождением в Польше и смертью в Америке прошло три четверти века. Была борьба, были Россия, русский народ и Русская Армия - понятия, которые всегда оставались для него святыми.

ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ П. Н. КРАСНОВ
А. В. Марыняк

Биографию Петра Николаевича Краснова никак не назовешь заурядной. Она нетипична не только для донского казака, но и вообще для офицера последних десятилетий существования Императорской России и ее Армии. Не менее ярок был и эмигрантский период жизни бывшего Донского Атамана, драматичны последние годы его жизни во время Второй мировой войны, трагична смерть в советском застенке...

* * *

Петр Николаевич родился 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге, где его отец служил в Главном Управлении иррегулярных (казачьих) войск. Большой род Красновых был тесно связан с историей Донского казачества. Предки будущего Донского Атамана не раз возглавляли казачьи полки в многочисленных войнах России XVIII-XIX веков. Один из них - Иван Косьмич Краснов (или Краснов 1-й), прапрадед Петра Николаевича, начинал свою службу при А. В. Суворове,

участвовал в Русско-Турецкой (1787-1791) и Русско-Польской (1794-1795) войнах, а в 1812 году был смертельно ранен; в начале XX века в составе Российской Императорской Армии существовал 15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк.

Коренные казаки (хутора Каргина[35] Вешенской станицы) Красновы уже давно «закрепились» в Петербурге: дед П. Н. Краснова - Иван Иванович (1800-1871) - служил Лейб-Гвардии в Казачьем Его Величества полку, стоявшем в столице Империи, а затем и командовал им. Кстати, он стал первым из Красновых, всерьез взявшимся за перо: известны его стихотворные и историко-этнографические произведения. Во время Крымской войны 1853-1856 годов И. И. Краснов руководил обороной Азовского побережья.

Его сын, Николай Иванович (1833-1900), закончивший Первый Кадетский корпус в Петербурге, начал службу Лейб-Гвардии в 6-й Донской казачьей Его Величества батарее. Помимо военной службы, он имел склонность и к литературному творчеству: вел отдел критики в газете «Петербургские ведомости», был автором ряда работ по истории казачества. У Николая Ивановича было три сына: старший, Андрей, - крупный ученый, занимавшийся естествознанием и географией, создатель Батумского ботанического сада; средний, Платон, - математик и железнодорожник, занимавшийся также переводами западной лирики, писавший многочисленные критические и историко-литературные статьи; младший - Петр, продолживший семейную военную линию, но не забывавший и перо.

Донской казак Петр Краснов рос и воспитывался в Петербурге, где закончил пять классов 1-й классической гимназии. Можно было пойти по стопам братьев: гимназия, университет или институт и научная деятельность либо гражданская служба, дававшие в конце XIX века больший доход, чем военная карьера, что было немаловажно для небогатой и многочисленной семьи Красновых. Можно было посвятить себя целиком и литературному творчеству. Но «военная жилка» возобладала, и Петр переводится в 5-й класс Александровского кадетского корпуса. «Мы были кадетами - тогда "своекоштного" корпуса - "приходящего", - вспоминал П. Н. Краснов много лет спустя. -Кроме месяца Петергофского лагеря, куда ходила наша строевая рота[36], мы жили дома, у родителей. Мы были избалованы родительской лаской, матерями, тогдашним семейным бытом, с братьями и сестрами, с прислугой, горничными и кухарками, со старой няней, всею этою волею жизни на родительской квартире».

Петр Краснов успешно заканчивает корпус в 1887 году. Еще

была возможность свернуть с военной стези, но, как и большинство его однокашников, он поступает в военное училище. Выбор Петра Николаевича пал на 1-е Военное Павловское, готовившее офицеров пехоты. Отец настаивал на службе Петра в Гвардейских казачьих частях, но, чтобы выглядеть «не хуже других» в Николаевском кавалерийском, требовались дополнительные финансовые затраты, а учеба в Михайловском артиллерийском продолжалась на год дольше. Ничего этого большая и сравнительно небогатая семья Красновых не могла себе позволить. Среди оставшихся училищ «на первом месте» стояло Павловское.

«Отец благословил меня, — вспоминал позднее Петр Николаевич, — идти в пехотное училище, сказав:

— Служба в пехоте есть основание всякой воинской службы. Суровая репутация училища — лучшее, что может быть...»

* * *

Благодаря своему росту П.Н. Краснов попал в первую роту - роту Его Величества, шефом которой был царствующий Император, чьи металлические вензеля рота носила на своих погонах, поверх «общеучилищного» вензеля Императора Павла I. Устав, выправка, строй были священны для юнкеров-«Павлонов». С первых же дней им прививалась скромность: из личных вещей разрешалось иметь лишь штыковые ножны и сапоги. Мундир же должен быть казенным, даже если выданный из училищного цейхгауза был весьма поношен. Добиваясь от своих подопечных идеальной выправки, офицеры на строевых занятиях буквально «священнодействовали», и выпускники училища заслуженно считались лучшими строевиками Императорской Армии.

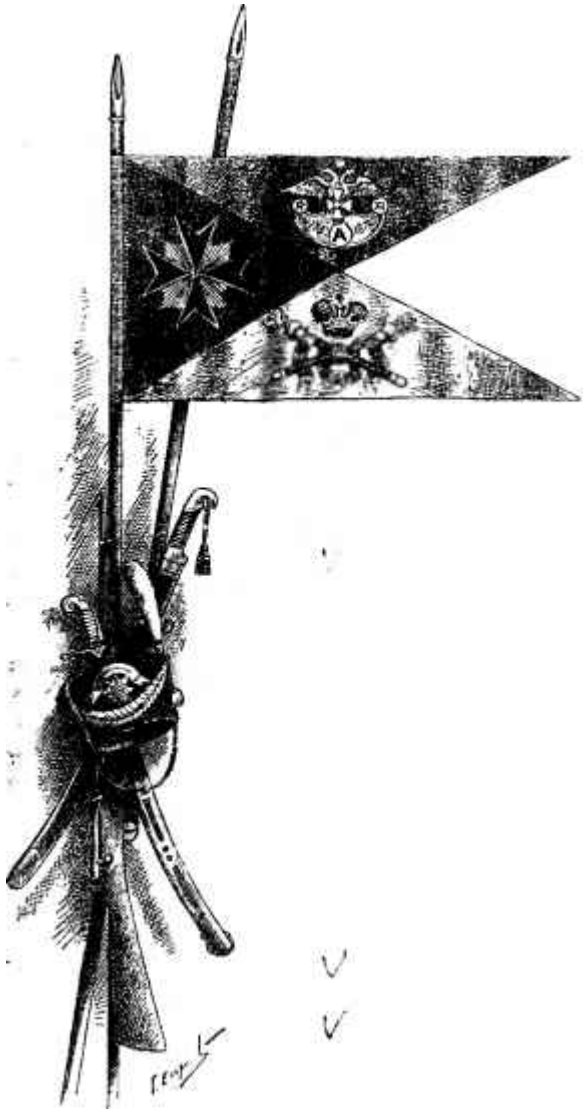
Петр Краснов успешно проходил в училище курс наук и показал себя прекрасным строевиком - на втором году обучения он становится портупей-юнкером, а вскоре и фельдфебелем Государевой роты. Вся ответственность за внутреннюю жизнь роты лежала на нем, и Краснов с честью справлялся с исполнением своих обязанностей. По войсковым правилам он должен был выйти «в комплект Донских казачьих полков» и только после годичной службы мог быть прикомандирован к Гвардейскому полку. Но молодому Петру Краснову судьба благоволила: после успешного Высочайшего смотра поблагодаривший фельдфебеля Император Александр III распорядился сразу прикомандировать его Лейб-Гвардии к Атаманскому Наследника Цесаревича полку.

10 августа 1889 года фельдфебель Павловского училища Петр Краснов был произведен в хорунжие и зачислен в комплект Донских казачьих полков с прикомандированием к Атаманцам. Через год он переводится Лейб-Гвардии в Атаманский полк, а 17 марта 1891 года начинается и «официальная» литературная деятельность П. Н. Краснова: в издании Военного Ведомства - газете «Русский Инвалид» - появляется его первая заметка. Впоследствии Петр Николаевич не ограничится лишь военными изданиями («Военный Сборник», «Разведчик», «Вестник Русской Конницы»), но будет сотрудничать и в гражданских - «Петербургском Листке», «Биржевых Ведомостях», «Ниве» и др. «Я мечтал пятидесяти лет (после пятидесяти — какой же может быть кавалерист!..) выйти в отставку и стать ни больше ни меньше, как Русским Майн-Ридом!» - не без самоиронии напишет он позднее. Пока же, весной 1892 года, будущий «Майн-Рид» решает поступать в Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Краснов не имел твердой цели стать обязательно офицером-генштабистом, но, будучи фанатиком службы и относясь к ней творчески, он хотел расширить свой кругозор, полагая, что знания не могут помешать строевому офицеру. Петру Николаевичу удается с первого раза поступить в Академию, но проучился там он всего год. Молодой офицер вместо скучных лекций продолжает активное литературное творчество, дававшее немалую прибавку к жалованью. Вследствие такой «увлеченности» он проваливается на переводных экзаменах и отчисляется из числа слушателей Академии, без особого сожаления вернувшись в любимый полк. В том же 1893 году выходит его первая книга.

Произведенный в сотники Краснов назначается в 1894 году полковым адъютантом, а вскоре ему поручается и работа над полковой историей. Сотник усердно берется за дело и к 1898 году составляет «Атаманскую Памятку». Выходят в свет его роман «Атаман Платов», сборники рассказов и историческое исследование «Донской казачий полк сто лет тому назад». При постепенно нарастающем негативном отношении общества к Армии Краснов становится одним из немногих, кто может дать талантливый отпор этим разрушающим Империю настроениям.

В 1896 году сотник Краснов женится на дочери действительного статского советника Лидии Федоровне Грюнезейн, для которой этот брак был вторым. Они стали прекрасной парой, прожили вместе более четырех десятилетий, сохранив теплоту отношений.



* * *

Мечта стать «русским Майн-Ридом» не покидает Краснова и после женитьбы. Когда в 1897 году в Абиссинию направляется первая российская дипломатическая миссия, он добивается назначения начальником ее конвоя, составленного из Гвардейских казаков. При дворе Императора Абиссинии Менелика II русским был оказан самый теплый прием, казаки же конвоя удивили Негуса своей джигитовкой. Первым, стоя на двух лошадях, скакал начальник конвоя - сотник Петр Краснов. Посланный затем со срочным донесением в Санкт-Петербург,

Краснов на муле покрывает расстояние в 1000 верст, на которое миссии потребовалось 3 месяца, за 11 дней. Впечатления о путешествии вылились в книги: «Казаки в Абиссинии. Дневник начальника конвоя», «Казаки в Африке» и повесть «Любовь абиссинки».

Служба Краснова в полку идет довольно успешно. Страстный фанатик строевого дела, он на некоторое время покидает адъютантскую должность, возвращается в сотню, увлеченно занимается с ней, обучает и воспитывает казаков. В эти годы Краснов горячо проповедует первенство именно строевого офицерства (непосредственно занимающегося военным делом, обучающего солдат), которое в случае войны и пойдет в бой. Штабные и интендантские офицеры, преподаватели военных училищ и кадетских корпусов, по мнению Петра Николаевича, должны уступать первенство строевикам, тянущим свою тяжелую лямку, медленней всех двигающихся по службе и бедствующих на нищенском жаловании. «...Самое важное для успеха нашего святого военного дела — это любовь к нему, любовь до самозабвения, до самоотречения», - такой вывод делает он. Истый кавалерист и сторонник необходимости занятий спортом для офицера, Краснов — непременный участник конноспортивных праздников и скачек. Многие свои произведения он будет подписывать «Гр. А. Д.» по кличке своего любимого коня - «Град».

Петр Николаевич уверен, что военный человек обязан в мирное время постоянно повышать свой профессиональный уровень, в военное же — место офицера только на поле боя. В 1900 году русские экспедиционные войска направляются в Китай, охваченный беспорядками (так называемое «Боксерское восстание»), и в 1901 году туда же отправляется специальный корреспондент «Русского Инвалида» подъесаул Краснов. Замеченный Государем, внимательно читавшим «Инвалид», Петр Николаевич был командирован в Китай «по Высочайшему повелению» и в течение полугода вместе с супругой изъездил верхом вдоль и поперек Маньчжурию, Уссурийский край, побывал во Владивостоке и Порт-Артуре. Тогда же он посетил Японию, Китай и Индию, публикуя путевые заметки «По Азии».

В 1902 году проходят «Большие Курские маневры», в которых участвуют войска четырех военных округов. Краснов состоит на них в качестве ординарца при командующем «Южной армией» генерале А. Н. Куропаткине - тогдашнем военном министре. В том же году Петр Николаевич командируется, опять в качестве корреспондента, на беспокойную границу с Персией и Турцией, где знакомится с жизнью стоящих там казачьих частей. Все виденное он описывает в статьях и очерках.

Ненадолго подъесаул Краснов вновь принимает должность полкового адъютанта, но начавшаяся в 1904 году война с Японией срывает его с безопасной должности. Не дождавшись рассмотрения своего прошения об откомандировании в Действующую Армию, Краснов едет туда все от того же «Инвалида». Простой корреспондент — это не для него, и, приписанный к Штабу Забайкальской казачьей дивизии, он водит казаков в бои - ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость», Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом, мечи (указание на боевые заслуги) к ранее полученному ордену Святого Станислава III-й степени подтверждают это. Опыт боев и замеченные достоинства и недостатки русских войск находят свое отражение в двухтомнике «Год войны» и многочисленных статьях.

В 1906 же году П. Н. Краснов принимает в командование 3-ю сотню родного Лейб-Гвардии Атаманского полка. Вспоминая позднее о том периоде службы, Петр Николаевич писал:

«Я был очень близок с казаками. В молодые годы, младшим офицером, я жил с казаками одной жизнью, ночевал в полевых поездках и на маневрах в одной хате, в поле, на сеновале, сутками был с ними и много с ними говорил, — говорил откровенно, по душе, не как начальник, а как старший брат с младшим.

Я знал родителей многих казаков, говорил с ними.

Я никогда не слыхал ропота, жалоб на разорение, на тяжесть службы.

Молча, в величайшем сознании своего долга перед Родиной, несли казаки свои тяготы по снаряжению на службу и гордились своим казачьим именем.

В них было прирожденное чувство долга».

* * *

В 1907 году Петр Николаевич откомандировывается в Офицерскую Кавалерийскую Школу. Интересно, что казак Краснов оканчивает кавалерийский, а не считавшийся более легким казачий отдел Школы: досконально ознакомившийся с тонкостями казачьей службы, подъесаул счел своим долгом постичь особенности регулярной кавалерии, дабы иметь возможность сравнения. В том же году он наконец-то производится «за выслугу лет» в чин есаула, со старшинством аж с 10 августа 1901-го.

По окончании курса Школы есаул Петр Краснов зачисляется в ее постоянный состав, вскоре становится сначала исполняющим

должность помощника по строевой части начальника казачьего отдела, а затем - и исполняющим должность начальника отдела. После командировок с проверкой учебных сборов казаков Оренбургского, Донского, Терского и Уральского Войск он утверждается в должности начальника казачьего отдела Школы. В его аттестации записано:

«Службу знает отлично, относясь к ней с увлечением, а потому представляет для подчиненных прекрасный пример, проявляя строгую требовательность, беспристрастие и заботливость. Отлично знает быт офицера и нижнего чина. Подробно изучил самобытный уклад казачьей жизни. Здоровья отличного. Хороший манежный ездок и превосходный, неутомимый, лихой наездник в поле. Очень развитой, способный и в высшей степени любознательный, талантливый штаб-офицер, не только интересующийся военным делом, но и проявляющий к нему исключительную любовь. Много раз бывал за границей… Знает иностранные языки. Следя за военной литературой, принимает в ней видное участие; за свои талантливые статьи давно отмечен крупными авторитетами.

Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, почему всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый, с сильной волей и характером, он пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями.

Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка вне очереди».

В 1910 году Петр Краснов производится в полковники («в исключение из правил») и назначается командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, расквартированного в Средней Азии, у Памира, «у подножья Божьего трона», как образно скажет он потом. Почти три года жизни Петра Николаевича пройдут на китайской границе, а затем, в самом конце 1913 года, он примет 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк, стоявший на границе с Австро-Венгрией.

Новому командиру довольно быстро удалось взять полк в руки. В любое время года еженедельно происходили маневры в поле, не только днем, но и ночью; постоянно стала проводиться офицерская езда и стрельбы, для младших офицеров - гимнастика

и фехтование. Не забывались и тактические занятия. Краснов вставал на сторону офицеров и казаков в мелких, но неизбежных столкновениях с населением еврейского местечка, что грозило немалыми проблемами: начиная с беспорядков 1905 года установилась пагубная «традиция», когда в столкновении с гражданскими лицами виновными оказывались всегда военные. Широко была отмечена вековая годовщина сражения под Краоном, где особенно отличились казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го - родоначальники 9-го и 10-го Донских казачьих полков. У полка появился свой марш, издана историческая памятка. Во главе 10-го полка полковник Краснов начинает и кампанию 1914 года.

«В разведке». Рисунок Н. Самокиша.

* * *

В первые же недели войны П. Н. Краснов отличился, получив Георгиевское Оружие «за то, что в бою 1-го августа 1914 г. у гор[ода] Любича личным примером, под огнем противника, увлекая спешенные сотни своего полка, выбил неприятеля из железнодорожной станции, занял ее, взорвал железнодорожный мост и уничтожил станционные постройки». Начальство не оставляет без внимания успешные и умелые действия полковника: в ноябре 1914-го он производится в генерал-майоры и назначается командиром 1-й бригады (в составе 9-го и родного 10-го полков) 1-й Донской казачьей дивизии.

1915 год принес, помимо невиданных доселе тягот войны, для Краснова активное продвижение по службе: сначала он назначается командиром 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии (более известной, как «Дикая дивизия»). Под командой донского казака находились Черкесский и Татарский[37] полки. Командуя горцами, Петр Николаевич получает орден Святого Георгия IV-й степени «за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в бою 29-го мая 1915 г. у м[естечка] Залещики и с[ела] Жожавы на р[еке] Днестре, где умело предводительствуя [3-й] бригадой Кавказской туземной конной дивизии с приданными к ней ополченческими частями и Конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильным огнем и при сильном натиске австр[о]-германской дивизии Генерала германской службы Кайзера, он, видя потерю нашими войсками части позиции, вызвавшую неизбежность отступления по всему фронту, для выручки своих от грозившей им опасности, лично предводительствуя 3 и 4 Заамурскими конными полками, произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом, причем было изрублено более 500 человек и взято в плен 100 человек». Краснов повел в эту атаку по две сотни от каждого полка Заамурской конной бригады, которой командовал его старый друг и будущий сотрудник в 1918 году, генерал Черячукин. Несмотря на громадные потери: из 12 офицеров 8 ранено, 2 убито, ранено и убито около 200 пограничников (50% атаковавших) - победа была полной: наступление противника остановилось, ему пришлось даже оттянуть свои батареи.

Летом того же года генерал-майор Краснов назначается начальником 3-й Донской казачьей дивизии, но практически сразу переводится на 2-ю Сводную казачью, с которой и пройдет почти два года Великой войны.

Под командой Петра Николаевича оказываются казаки

четырех различных Войск: 1-ю бригаду составляют 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки; 2-ю бригаду — 1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского Казачьего Войска и 1-й Волгский полк Терского Казачьего Войска; артиллерию дивизии - Оренбургские казачьи батареи. Один из первых биографов П. Н. Краснова пишет:

«Во главе дивизии — ряд красочных дел - победа и слава освещают путь донцов и кубанцев, терцев и оренбуржцев... Дивизия становится синонимом удали, лихости. Соревнование кавказцев и донцов, донцов и кавказцев - бесконечное... Пленные, орудия, пулеметы и др. трофеи - боевой сказатель[38] дивных дел сводной дивизии... Боевой успех, искусство начальника - это минимум потерь при успехе. Именно то, чего у многих наших начальников не было, а наоборот, существовала глупейшая и преступнейшая чуть ли не аксиома на фронте: "раз нет потерь - не было и дела". П[етр] Н[иколаевич] презирал эту "аксиому"...»

Краснов принял дивизию в разгар Великого Отступления Русской Армии. Неся тяжелые потери от огня многократно превосходящей германской тяжелой артиллерии, она откатывалась назад, не в силах полноценно противостоять германцам, которые сосредоточили свои главные силы на Восточном фронте с целью вывести Россию из войны. Не раз русской кавалерии приходилось, жертвуя собой, прикрывать отступление пехоты. На долю красновской дивизии выпало прикрытие отхода 3-го армейского корпуса в Седлецкой губернии:

Расчет 90-мм миномета, 1916 год.

«Семь рядов во взводах и 70-75-верстный фронт... Было над чем призадуматься! И дивизия делает великое дело -спасение своей пехоты... Беспрерывные бои, неожиданные для неприятеля броски частей дивизии, и в результате пехота спасена, перегруппировка - факт свершившийся. Короткие сильные удары сотен в конном и пешем строю, появление казаков там, где их меньше всего ожидали немцы, заставляет последних ощупью двигаться, задерживаться там, где они при других обстоятельствах могли бы пройти без усилий для себя... Искусство и опыт заменяют дивизии недостающих бойцов, удаль, историческая удаль казаков, помогает начальнику. Славные дела!!!»

О военном искусстве Краснова говорят следующие цифры: за десять дней жесточайших боев 7-17 сентября 1915 года у Кухоцкой Воли, во время которых казаками были взяты железобетонные укрепления германцев, дивизия потеряла лишь 3 офицеров и 37 казаков убитыми и соответственно 7 и 145 - ранеными. В те месяцы пехотные полки под ударами германцев нередко теряли по несколько сот человек убитыми в один день. Несколько раз Краснов отправлялся со своими частями в набег по

тылам наступавшего противника: «...гордо реет значок смерти Баклановцев[39] среди бегущих толп неприятеля и, как в старину - значок впереди, только теперь уже около П. Н. Краснова и там, где он, нет отступления, там ужас смерти и гимн победы вековых, исторических казачьих знамен». Осенью 1915-го австро-германское наступление выдыхается, не достигнув своей цели. До мая 1916 года 2-я Сводная казачья дивизия пополняется и сидит в окопах - самое нелюбимое казаками занятие на войне.

В конце мая 1916 года дивизия Краснова одна из первых начала Луцкий прорыв армий Юго-Западного фронта, вошедший в историю как «Брусиловское наступление». В приказе по IV-му кавалерийскому корпусу говорилось:

«Славные Донцы, Волжцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26 мая у В. Голузийской - новый ореол славы в истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, оказывали чудеса порыва...

...Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководи- У мая железной волей генерала Краснова».

Последующие месяцы боев покрыли казаков и их командира новой славой. 24 июня Донская бригада атаковала в конном строю окопавшуюся пехоту. О кровопролитных боях на реке Стоход командующий III-й армией генерал Л. В. Леш отмечал в приказе: «Генерал Краснов с казаками и шестью батальонами переправился через р[еку] Стоход у Н. Червище, на остальном фронте противник держится». В этих боях П.Н. Краснов удачно использовал психологический момент, послав в атаку, когда замялась пехота, две сотни Линейцев под командой будущего героя Белого движения, тогда войскового старшины, С. Г. Улагая с пулеметной командой.

«...Серые черкески, за спинами алые башлыки, черные бараньи шапки с красными тумаками, алые бешметы и погоны — ничего "защитного". Развернулись широкою лавою, целый полк прикрыли. Впереди на нарядном сером коне командир сотни, еще дальше впереди на гнедом коне — командир дивизиона. Как на смотру — чисто равнение. Легко по луговой мокрой траве спорою рысью идут горские кони, не колышутся в седлах казаки. Пошумели по кустам и перелескам, прошли сквозь пехотные цепи. Им навстречу немецкие батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котлом кипит огонь винтовок — чистый ад с Любашевского берега... Казаки перешли в намет, скачут через протоки Стохода, алмазными брызгами сверкает вода из-под конских копыт. Все скорее и скорее мчится казачья лава -двести человек на тысячи немцев. Реют алые башлыки... По брюхо в воде бредут кони через главное русло. Стих огонь немцев, в их рядах замешательство, слишком

непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пехота встала и с громовым "ура" бросилась за казаками в воду. Стоходненский плацдарм был занят...»

1916 год не принес победы. Войска готовились к кампании 1917-го, на которую впервые было запланировано единое наступление всех держав, составлявших Антанту. Была общая уверенность: бои весны - лета 1917 года непременно должны привести к долгожданной победе... Но в России грянула революция.

* * *

В первые революционные месяцы 2-я Сводная казачья дивизия стояла под Пинском. Смененная в апреле с позиций, соприкоснувшись с бурлящим и агитирующим тылом, она начала разлагаться. Казаки требовали поделить казенные деньги, выдать новое обмундирование, настаивали, чтобы офицеры, приходя на занятия, здоровались со всеми за руку, перестали чистить и регулярно кормить лошадей, о занятиях не хотели и слышать. Четыре с лишним тысячи молодых людей, от 21 до 30 лет, слонялись без всякого дела, начали пьянствовать и безобразничать: «Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать». 4 мая был один из тяжелейших дней в жизни П. Н. Краснова: на станции Видибор его «на глазах у эшелонов 16-го и 17-го Донских полков арестовали солдаты и повели под конвоем со стрельбою в Видиборский комитет». Петр Николаевич больше не мог командовать своей дивизией и подал в отставку. Но вместо этого ему пришлось принять 1-ю Кубанскую дивизию, куда он прибыл 10 июня. Генералу, казалось, удалось заботой о полках дивизии привлечь к себе казаков и придать им вполне приличный вид. Но Краснов не обольщался:

«Внешне полки были подтянуты, хорошо одеты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было над ними "палки капрала", которой они боялись бы больше, нежели пули неприятеля, и пуля неприятеля приобретала для них особое страшное значение.

Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пятидесяти лет — погибла а_р_м_и_я[40]».

23 августа Краснову было предложено принять в командование III-й конный корпус, в котором он служил до конца апреля 1915 года. 28 августа Петр Николаевич прибыл в Ставку,

где произошел краткий разговор с Верховным Главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым: «- С нами вы, генерал, или против нас?..

- Я старый солдат, ваше высокопревосходительство, - отвечал я, - и всякое ваше приказание исполню в точности и беспрекословно.

- Ну, вот и отлично. Поезжайте сейчас же в Псков и постарайтесь отыскать там Крымова. Если его там нет, оставайтесь в Пскове; нужно, чтобы побольше было генералов в Пскове. Я не знаю, как Клембовский? Во всяком случае явитесь к нему. От него получите указания. Да поможет вам Господь! - Корнилов протянул мне руку, давая понять, что аудиенция кончена».

Однако для наведения порядка и кардинального изменения политической обстановки в стране («Корниловский переворот» на деле таковым не являлся, так как полки были двинуты на Петроград по договоренности с премьер-министром А. Ф. Керенским) были посланы части с совершенно новыми для них начальниками, а Кавказская Туземная дивизия должна была еще и разворачиваться «по пути» в корпус. В результате случилось то, что и должно было: движение на Петроград провалилось, генерал А. М. Крымов застрелился после разговора с Керенским, Корнилов и его единомышленники были арестованы, а по Армии прокатился новый вал избиения офицеров.

Несмотря ни на что, «контрреволюционный» III-й конный корпус остается под Петроградом: теперь уже самому Керенскому нужна защита от большевиков. Новый «Главковерх» не мог удержать в голове даже важнейших назначений, поэтому, не сместив Краснова, он назначает командовать корпусом его двойного тезку, тоже Петра Николаевича, барона Врангеля. На корпусе остался Краснов, будущему же вождю Белого движения стали искать другой корпус.

В течение осени 1-я Донская казачья и Уссурийская конная дивизии, составлявшие корпус, постепенно раздергивались по одной-две сотни с орудиями по всему Северо-Западу России. К моменту «воспетого» большевицкой пропагандой «похода Керенского - Краснова на Петроград» вместо 50 сотен оставалось 18, причем разных полков, а вместо 24 орудий Донской артиллерии - 12, да 1-я Амурская казачья батарея в 4 орудия, не сделавшая до октября 1917-го ни одного выстрела. Истеричный Керенский строил из себя Бонапарта, но совершенно не представлял обстановки. Из-за измены командования Северного фронта у Краснова, назначенного «командующим армией, идущей на Петроград», к моменту подхода к Царскому Селу вечером 27

октября оставалось 480 казаков при 8 пулеметах и 16 конных орудиях, при спешивании же численность отряда уменьшалась до 320 человек. Для сравнения: гарнизон Царского насчитывал 16 тысяч, Петрограда - около 200, не считая Красной Гвардии и «красы и гордости революции» - матросов.

К бою у Пулковских высот 30 октября силы Краснова «заметно увеличились» до 9 сотен (630 казаков, 420 - при спешивании), 18 орудий, бронеавтомобиля и целого блиндированного поезда. Против них - 6 тысяч, пополам - красногвардейцев и матросов. Подходящие огромные солдатские части разбегаются от нескольких шрапнелей, не очень стойки и рабочие, зато матросы, которым терять нечего, не бегут. Казаки же, вполне убедившиеся за последние дни в полном своем одиночестве, несмотря на присутствие Керенского, не горят особым желанием класть головы на алтарь «русской демократии». Десятикратный перевес сказался, и казаки заключили перемирие с большевиками.

Краснов был арестован, но вскоре выпущен и руководил расформированием корпуса: 12 ноября пошла на Дон 1-я Донская, а 6 декабря - на Дальний Восток Уссурийская дивизия. На предложение одного из адъютантов (без ведома Петра Николаевича) к казакам 10-го полка - полка, воспитанного Красновым и водимого им к победам, — взять генерала в свой эшелон - последовал отказ, ибо «это было для них опасно».

Закончив ликвидацию корпуса, Петр Николаевич с последними его чинами и остатками имущества 16 января 1918 года погрузился на пятигорский поезд. После обычных приключений «революционной езды» с обысками, грабежами и прочими «проверками документов», Краснов с женой в конце января оказывается на Дону. В станице Богаевской его настигает страшная весть:

«- А вчера, слышно, Каледин застрелился!..

- Как застрелился? - говорю я.

- Так точно. Сегодня похоронили...

Я не могу больше говорить. Первый раз нервы изменяют мне. Я выхожу на улицу и долго мы ходим вдвоем с женой по узкой тропинке по берегу Дона».

А дальше... Добровольческая Армия ушла в свой легендарный Первый Кубанский поход, не подчинившиеся захватившим Дон большевикам казаки, всего полторы тысячи человек, ушли с генералом П. Х. Поповым в степи. Даже выстрел Атамана А. М. Каледина не смог пробудить совести Донцов: лишь испробовав на своей шкуре прелести большевизма, они поднимутся на борьбу весной 1918 года.

* * *

Восстание началось 21 марта в станице Суворовской. Казаки, до того бросавшие и продававшие свое вооружение вплоть до орудий, вынуждены теперь с вилами, косами и самодельными пиками выбивать красные отряды из родных станиц. Выступления разрознены и до общедонского подъема еще далеко. В апреле идет концентрация сил восставших, возвращается из Степного похода отряд Походного Атамана генерала Попова, возглавившего силы восставших: «степняки» составили «Северную группу» (войсковой старшина Э. Ф. Семилетов), сосредоточившиеся в станице Заплавской повстанцы -«Южную группу» (Генерального Штаба полковник С. В. Денисов), а восставшие казаки задонских станиц - «Задонскую группу».

23 апреля начинаются бои за войсковую столицу - Новочеркасск. На третий день Пасхальной недели 1918 года, 25 апреля, почти выбитые из города восставшие казаки, благодаря подошедшему отряду полковника М. Г. Дроздовского, шедшего походом с Румынского фронта на соединение с Добровольческой Армией, заняли войсковую столицу. Уже 29 апреля в Новочеркасске собирается Круг Спасения Дона. Прозванный «серым» и действительно оказавшийся народным по своему составу, этот Круг, в отличие от подавляющего большинства представительных органов, объединил людей дела. Здесь не было партий и практически не было интеллигенции. Были представители десяти освобожденных от большевиков станиц и депутаты от воинских частей, составлявшие большинство, всего — 130 человек.

Конная атака Лейб-гвардии Казачьего дивизиона под командой полковника Фарафонова 19 февраля 1919 года у хутора Мечетного.

Взаимоотношения между «заплавдами» и «степняками» были довольно натянутые. За первыми был народный подъем и фактическое взятие Новочеркасска, за вторыми - авторитет первых начавших борьбу с большевиками. Подчинение всех сил восставших Походному Атаману давало «степнякам» некоторый перевес, но Временное Донское Правительство во главе с есаулом Г. П. Яновым было образовано в Заплавской. Вероятно, именно тогда командующий Южной группой генерал-майор С. В. Денисов (произведенный в этот чин сразу по взятии Новочеркасска) и решил привлечь своего бывшего начальника по 2-й Сводной казачьей дивизии, где он два года служил в должности начальника Штаба, - генерал-майора П. Н. Краснова.

Последние месяцы генерал Краснов проживал под немецкой фамилией в станице Константиновской, остро переживая произошедшее за минувший год с Доном, Россией, Армией и лично с ним. Петр Николаевич не мог забыть, как столь любимые им казаки его полка спокойно наблюдали, как арестовывают их начальника, как его Донцы под Петроградом едва не «выменяли» у матросов Ленина и Троцкого за Керенского и Краснова. Когда казаки Константиновской станицы собирались «задраться» с большевиками, в поисках вождя они явились к Краснову. Эти казаки комплектовали 9-й Донской казачий полк, «прекрасно» показавший себя в 1917 году, под его же, Краснова, началом. Не в силах забыть этого, генерал доходчиво заявил делегатам: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу».

Но Кругу Спасения Дона для установления на территории Войска власти, которая должна была освободить Донскую Область от большевиков и организовать нормальную жизнь, требовалось «третье лицо», не связанное ни с «заплавцами», ни со «степняками». Дело дошло до того, что рассматривалась возможность подчинения вооруженных сил Дона Командующему Добровольческой Армией генералу А. И. Деникину; однако на этот пост все же требовался казак, а выбор Деникина к тому же неминуемо приводил бы к конфликту с немецкими войсками, которые, развивая наступление на Украине, вступили уже на войсковую территорию. Походный же Атаман, генерал Попов, вряд ли мог принять на себя реальное военное руководство из-за отсутствия боевого опыта: во время Первой мировой войны он был начальником Новочеркасского казачьего училища. Предложение С. В. Денисова оказалось как нельзя кстати: П. Н. Краснов был едва ли не старшим начальником из находившихся

на Дону «казачьих» генералов, был довольно известен среди депутатов Круга и, что немаловажно, был «посторонним»: за ним не стояло реальной силы, ни одна из казачьих группировок не получала открытого преимущества. К тому же «петербургский казак» все-таки оставался «чужаком», и его головой в случае чего вполне можно было пожертвовать.

И Краснов, до самозабвения любивший казачество, особенно родных Донцов, открыто восхищавшийся ими, забыл недавнее прошлое... 2 мая 1918 года он прибыл в Новочеркасск, а на следующий день, по приглашению Круга, выступил перед ним. Два часа говорил Краснов о положении на Дону и в России. Круг слушал при гробовом молчании. Петр Николаевич напомнил о прошлом Дона, временах независимости Донского казачества «от Москвы», призвал «впредь до восстановления России стать самостоятельным Государством». На следующий день Круг единогласно постановил: «Впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и во всяком случае не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга спасения Дона, вся полнота верховной власти в области принадлежит Кругу спасения Дона. На время прекращения работ Круга спасения Дона вся полнота власти по управлению области и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному Войсковому Атаману». На вечернем заседании 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост Донского Атамана был избран генерал-майор П. Н. Краснов.

* * *

Условием своего согласия на занятие этой должности Петр Николаевич поставил принятие Кругом предложенных им Основных Законов Всевеликого Войска Донского. Это был смелый и рискованный поступок: во взбудораженной революцией России, еще полной угара «свобод» Временного Правительства, Атаман предложил на утверждение разработанные лично им, без «гражданских консультантов», законы, во многом копирующие Основные Законы Российской Империи. Предложить что-либо равноценное по резкости статьям 24-26 не решилось ни одно Белое правительство. П. Н. Краснов стал единственным, кто четко декларировал отказ от «демо-большевицкого» наследия:

«24. *Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской Империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.*

25. Все воинские части, как постоянной Армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской Империи до 25 февраля 1917 года.

26. Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся, как Временным Правительством, так и советом народных комиссаров, отменяются».

П. Н. Краснов не только имел смелость ультимативно потребовать этого (к сожалению, ему вскоре пришлось восстановить действие некоторых законов Временного Правительства), но и сумел добиться согласия «донских парламентариев», хотя реальной силы в руках Атамана тогда никакой не было и никак повлиять на решение он не мог. «Вы - хозяева Земли Донской, я - ваш управляющий, - завершил Петр Николаевич свое выступление. - Все дело в доверии. Если вы мне доверяете - вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу». Отвечая на вопрос одного из депутатов о возможных изменениях представленного «варианта», Атаман сказал: «Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне[41]. Вы можете предложить мне другой флаг - кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме интернационала». Ораторский прием сработал: Круг рассмеялся и принял законы.

«Все лежало в войске Донском в обломках и в запустении, - писал впоследствии Краснов о той огромной ноше, которую он взваливал на свои плечи, приняв атаманский пернач. - *Самый Дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены и из 252 станиц войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрельба были слышны кругом Новочеркасска. Бои шли под Батайском и у Александро-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого Округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы подвигались к Новочеркасску и аванпосты баварской конницы стояли в 12-ти верстах к югу от Новочеркасска...*

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом,

которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением…

Перед Атаманом[42] *лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего Атаман поставил главную задачу, данную ему Кругом спасения Дона, - освобождение земли Донской от большевиков.*

Для выполнения ее ему нужно было создать Армию, выяснить отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и Добровольческой Армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков».

5 мая участники Круга Спасения Дона разъехались, и Атаман П. Н. Краснов вступил в управление Войском. Первым делом надлежало узнать планы немцев, фактически уже находившихся на Донской территории. Было понятно, что вооруженный конфликт с ними не имеет ни малейшего смысла и к этому нет ни малейшей возможности. Точка зрения руководителей Добровольческой Армии, считавших продолжение войны с Германией и верность союзникам по Антанте краеугольными камнями своей политики, на Дону не могла работать. Немцы были не «где-то», а «тут», причем пришли едва ли не в качестве союзников: еще до установления Войсковой власти некоторые станицы сами пригласили германские войска и обратились к ним за помощью в ведении войны с большевиками; уже был ряд боев, где германские солдаты сражались плечом к плечу с донскими казаками против советских отрядов. Для продолжения войны с большевизмом требовалась армия, а никакой военной промышленности на Дону не было, и *единственным* вариантом военного снабжения, помимо трофеев, становилось получение вооружения со складов русского Юго-Западного фронта, которые находились под контролем Германии. Надежда на реальную помощь Антанты в обозримом будущем была химерой.

15 мая в станице Мечетинской произошло свидание Донского Атамана с командованием Добровольческой Армии. Генерал Деникин начал резко пенять Атаману, что добровольческий отряд полковника П. В. Глазенапа участвовал по диспозиции в

совместной операции с германскими частями. Однако Батайск, на который наступали немцы на правом фланге, Донцы - в центре, а Добровольцы - на левом, был взят три дня назад, и изменить случившееся было уже нельзя. Взаимопонимания между вождями антибольшевицких сил не наблюдалось. С пребывавшим в обозе Добровольческой Армии Кубанским Атаманом полковником А. П. Филимоновым, не имевшим за собой не только ни одной сотни, но и ни одной пяди освобожденной от большевиков Кубанской земли, А. И. Деникину было, конечно, легче разговаривать. С П. Н. Красновым приходилось считаться, а просто брать под козырек он не собирался. Как вспоминал позднее Краснов, «Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал Атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа, и разговор должен вестись в несколько ином тоне». Слова о «пятимиллионном свободном народе» были, разумеется, некоторым преувеличением, понятным в беседе, которая велась, судя по всему, на повышенных тонах: Петр Николаевич был довольно резким и твердым человеком, Антон Иванович тоже далеко не всегда склонялся к компромиссу, и с самого начала взаимоотношения двух вождей «не сложились». Особого желания «войти в положение» оппонента оба не испытывали. Было слишком много того, чем каждый из двух генералов не считал возможным поступиться, а это перекрывало возможности полноценной совместной деятельности.

Генерал Деникин потребовал подчинения Донских частей Добровольческому командованию, по примеру Кубанцев. Но Добровольческая Армия собиралась идти освобождать Кубань, а Донцам было невозможно бросить Дон. Атаман Краснов предложил перенести военные действия Добровольцев под Царицын и тогда обещал автоматически подчинить Деникину войска прилежащих Донских округов. Взятие Царицына выводило Добровольческую Армию в «русские» губернии, на Волгу, давало возможность в будущем объединиться с Оренбургскими казаками и чехословацким корпусом.

Большевицкий плакат «Казак, ты с кем?»

Уход же на Кубань продолжал удерживать армию Деникина и Алексеева фактически в положении краевой, региональной силы.

Предложение Донского Атамана было отвергнуто, с одной стороны, в силу недоверия: по мнению командования Добровольческой Армии, на ее плечи взваливалась заведомо непосильная задача, грозившая просто безрезультатной гибелью под Царицыном, к тому же пополнение в волжских степях было бы затруднено. С другой стороны, возможность на пути в Поволжье встретить немцев также побуждала отвергнуть этот план: веры Атаману, что иноземные войска не пойдут далее станицы Усть-Белокалитвенской без его разрешения, не было. С точки зрения Добровольческого командования, Краснов коварно старался уничтожить конкурентов, лишив пополнений и поставив между двух огней - немцами и большевиками. Но для отказа от переноса удара на Царицын была и вполне объективная причина: Кубанцы не пошли бы в обратную сторону от родной земли, а они составляли 2/3 Армии. Деникин четко заявил: «Я обязан раньше освободить кубанцев, - это мой долг, и я его исполню». Дело не ограничивалось моральными обязательствами: Кубань начала подниматься против большевиков так же, как и Дон за месяц до этого; на Кубани Добровольческая Армия, пришедшая как освободительница, могла получить пополнения от казаков; туда легче было прорваться желающим драться с красными. Собственно Добровольческий «не-казачий» контингент был пока не в силах, из-за своей малочисленности, проводить самостоятельные боевые операции.

В результате было решено, что Добровольческая Армия отправляется освобождать Кубань, обеспечивая, таким образом, и

южные границы Донской Области. Раненые Добровольцы и вербовочные бюро оставались в Ростове и Новочеркасске, на время боевых действий на Донской территории в подчинение Деникина передавался Донской отряд полковника Быкадорова (около 3500 человек при 8 орудиях, то есть равный трети Добровольческой Армии по состоянию на конец июня 1918 года). Дон обязывался снабдить армию Деникина вооружением и снаряжением (при этом Добровольческое командование предпочитало не акцентировать внимание на том, что оружие может быть получено только с русских складов, находящихся под контролем немцев), также оказать финансовую помощь. Но сначала Армии требовалось не менее месяца на переформирование и приведение себя в порядок.

* * *

Самым трагичным и, возможно, гибельным в истории Белого движения всегда был вопрос межличностных отношений, ярко и контрастно проявившийся, в частности, на Юге в 1918 году. Добровольческое командование сразу стало относиться к П. Н. Краснову с предубеждением. Генерал М. В. Алексеев писал лидеру конституционно-демократической партии П. Н. Милюкову еще 10 мая: «Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах Дона и в наших, нас он просто продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917 года под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры». Правда, кому Петр Николаевич «продал» Керенского - не ясно. Генерал же А. И. Деникин преспокойно причислял Атамана к группе «купленных или одураченных немецких прихвостней». Лишь усугубляло ситуацию то, что именно к этому «прихвостню» вынуждены были обращаться Добровольцы с просьбами о деньгах, вооружении и т. д.

«Вопрос об "ориентации", - отмечал между тем эмигрантский военный историк, - *сводился для Дона к факту оккупации трех западных его округов и возможности получать оружие и огнеприпасы из оккупированной австро-германцами Украины. В мае 1918 года немцы еще побеждали на всех фронтах. В этих условиях борьба Дона с немцами была равносильна прекращению его борьбы с большевиками.*

Вопрос об "измене" или "верности" союзникам практически решался фактическим положением дел на Дону. Установление деловых отношений с немцами для Дона было реальной необходимостью. За первые полтора месяца Дон получил с Украины

через немцев 11 600 винтовок, 88 пулеметов, 46 орудий, 109 тысяч артиллерийских снарядов и 11,5 миллионов ружейных патронов. 35 тысяч артиллерийских снарядов и около 3 миллионов ружейных патронов было при этом Доном уступлено Добровольческой Армии. В масштабах того времени это было серьезной поддержкой...

Вернувшись из [1-го] Кубанского Похода в Задонье, Добровольческая Армия располагала не более чем 750 тысячами — 1 миллионом ружейных патронов».

«Деловые отношения» с немцами, занимающими часть донской территории, удалось установить. С ними, естественно, приходилось считаться, но полной зависимости от них или необходимости плясать под их дудку удалось избежать. Заметим, что немцы действительно реально участвовали в боях с большевиками, а благодаря германской оккупации Украины (где, в отличие от Дона, Гетман П. П. Скоропадский фактически целиком зависел от германцев) Донская Армия могла не держать ни одного казака на фронте более 500 верст по западной границе Войска. Для «торговых сношений» были установлены «продовольственные» расценки на вооружение (трехлинейная винтовка с 30 патронами - пуд ржи или пшеницы, что было очень дешево), заказаны орудия, снаряды и аэропланы.

Проблемы «верности» или «измены» союзникам для любой антибольшевицкой силы на Юге России, в том числе и для Добровольческой Армии, фактически не существовало. Несмотря на более поздние указания М. В. Алексеева Центрам Добровольческой Армии о подготовке партизанской войны с немцами (!), вопрос решался крайне просто и даже грубо. Это показал Донской Атаман еще во время своего избрания. Осведомитель Добровольческой Армии докладывал своему командованию:

«На кругу после доклада генерала Богаевского о Добровольческой армии и ее жизни в последнее время, вызвавшего бурные овации, Краснов задал генералу Богаевскому вопрос об отношении Добровольческой армии к немцам. Видя старание Богаевского уклониться от прямого ответа, он поставил вопрос следующим образом: "Может ли Добровольческая армия вести войну с немцами?" На этот вопрос Богаевский сказал, что он ответить не может, не зная даже численности здесь немецких войск. На категоричное заявление о том, что немцев здесь три корпуса, генерал Богаевский ответил, что, по его мнению, Добровольческая армия при этих условиях вести войны с немцами не может».

В этом и заключалась «мораль всей басни»: несмотря на широко декларируемую верность союзникам по Антанте и

критику «изменников общему делу», фактически Добровольцы были не в состоянии не только восстановить Восточный фронт, но и оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление германским войскам, как бы ни раздражали их немецкие каски на ростовских улицах.

В августе на Большом Войсковом Круге Краснову были брошены упреки в сношениях с немцами, причем естественным антиподом указывалась Добровольческая Армия, сохранившая неизменную верность союзникам и «чистоту риз». В ответ Петр Николаевич мог только воскликнуть:

«Да, да, господа! Добровольческая Армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской Атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой Армии! - Весь позор этого дела лежит на мне!»

И это была чистая правда: вплоть до конца 1918 года единственным, кроме Дона, «источником снабжения» Добровольческой Армии была... Армия Красная, но за боевые трофеи приходилось платить кровью.

Поворот Добровольческой Армии к Царицыну, как то предлагал Краснов на совещании 15 мая в Манычской, мог бы сильно повлиять на ход Гражданской войны. По мнению Добровольческого командования, Донской Атаман сознательно пытался бросить «конкурентов» на заранее проигрышное предприятие, чтобы избавиться от них и чуть ли не выслужиться перед немцами. Что же давало овладение Царицыном? Одна из точек зрения такова: «Удар по Царицыну, резавший все тылы северо-кавказской группы красных, предрешал ее дальнейшую судьбу. Уйти ей было некуда и держаться на северном Кавказе, без снабжения, стиснутой между Доном и Добровольческой Армией с севера и оккупированным германцами, турками и англичанами Закавказьем, она долго все равно не могла бы. Освобождение Кубани, при этом, достигалось само собою, как "побочный продукт" основной операции, удара по тылам северо-кавказской группы красных».

Но ничего этого не произошло. Благодаря повороту на Кубань (повторим: возможно, и оправданному в тот момент из-за преобладания в составе армии «кубанского» элемента), Добровольческая Армия вплоть до конца 1918 года оставалась *региональной* силой с *общегосударственными* задачами. Выхода в неказачьи области не получилось, соединение с появившимся на Волге новым антибольшевицким фронтом стало фактически нереальным.

* * *

Что касается «внутренней политики», то Петру Николаевичу удалось наладить нормальную мирную жизнь на территории Войска. Донская земля стала едва ли не самой «старорежимной» территорией бывшей Империи. Многие прибывавшие туда не только из Совдепии, но и с гетманской Украины отмечали порядок, царивший на донских станциях и в городах. Даже либеральная интеллигенция, вовсю трудившаяся для краха Империи, не могла удержаться от умиления жандармом в полной форме, с красным аксельбантом, стоявшим, как и прежде, на железнодорожной станции. Бывший «сатрап» и «фараон» стал теперь символом спокойной и безопасной жизни.

Писатель, «петербургский казак» Петр Краснов, безусловно, идеализировал казачество, его прошлое и роль в исторических судьбах России, но, может быть, именно такой человек и нужен был в это время на Дону? Трибун, но не пустобрех-оратор, а человек с яркими, зримыми свидетельствами личного героизма, с определенным авторитетом («царский, боевой генерал, георгиевский кавалер»), который мог напомнить казакам о прошлом, вложить им в головы мысль об их избранности. Из его уст казаки могли принять слова: «честь обязывает, казачья слава повелевает». Краснов пытался заново привить казакам понятие об их исключительной роли для России, определяющем значении в ее истории:

«Россия ждет своих казаков, - говорил Донской Атаман. - Близится великий час. Наступает славное время... Помните дедов своих под Москвой и Великий Земский Собор в 1613 году. Кто вслед за Галицким дворянином подошел к столу, где сидел князь Пожарский, и положил записку [в пользу избрания на царство Михаила Федоровича Романова]? То был Донской Атаман».

Вместе с этим П. Н. Краснов определенно высказывался за автономию (но не отделение от России!) Дона. Он призывал казаков стать в авангарде тех, кто пойдет освобождать Москву от новых изменников, утверждая, что в этом их историческая миссия. Но после этого, согласно красновской политике, казаки должны отойти в сторону и не вмешиваться во внутренние дела «Русского государства», предоставляя ему самому решать вопросы о форме власти и т. д. Предполагалось возвращение к ситуации XVI-XVII веков: «Здравствуй, Царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону».

«Отсутствие общеимперской власти, свергнутой революцией, - мотивировалась позднее необходимость обращения к «седой старине», - ощущалось окраинами гораздо сильнее, чем это

представлялось многим в контрреволюционном лагере в 1918 году. Идея свободного волеизъявления русского народа гораздо слабее выражала единство окраин и центра, чем исторические символы, отражавшие единство Руси, возродившейся из великой смуты XVII века.

Резко порывая с революцией, ген[ерал] Краснов этим совершенно не рвал с Россией, но избранный им путь вел от освободившихся окраин к центру. Воссоздание же окраин требовало для их собственного укрепления их местного патриотизма. Замена его общеимперским патриотизмом требовала общепризнанного авторитета, а в разрухе 1918 года он был потерян. Его нужно было найти».

Усилия Петра Николаевича и его сотрудников не пропали даром. В Донском Войске начался сильный всплеск местного патриотизма, что всегда бывает в молодых государственных образованиях. Местный патриотизм пробудил казачество, подвиг его к государственному строительству и активной работе. Для офицера же Добровольческой Армии все это было странно и непонятно: для него была Донская Область, были казаки - четвертые полки кавалерийских дивизий и штабная конница... и все. Добровольческий офицер не мог, хотя бы в силу своего образования, всерьез воспринимать разговоры о «пятимиллионном народе», Донской гимн был для него просто хорошей казачьей песней, а Донской флаг символизировал «отпадение» от России, - «Великой, Единой и Неделимой», за которую умирали Добровольцы с бело-сине-красными ленточками на рукавах. Для культурных слоев русского общества были непонятны донские заигрывания, в то время как, воспользовавшись пробуждением «местного», в данном случае донского, патриотизма, можно было вести борьбу с большевизмом. «Великая, Единая и Неделимая Россия» же не говорила народным массам ничего. Общегосударственный патриотизм развит не был. Можно было *добровольно* драться против большевицких грабежей и разбоев в *своем* селе, *своей* волости, в *своей* губернии, наконец, но дальше - «не наше дело».

Среди важных вопросов, которые вынужден был решать Донской Атаман, была и проблема территориальных границ Всевеликого Войска Донского.

Еще в день вступления в управление Войском Краснов отправил собственноручные письма Гетману Скоропадскому и германскому Императору Вильгельму II. Последнее сообщало о ситуации на Дону и уведомляло, что Войско не находится в состоянии войны с Германией. Также была высказана просьба о приостановке дальнейшего продвижения германских войск на

донскую территорию, о признании, *впредь до освобождения России от большевиков,* Войска Донского самостоятельною республикою, о помощи оружием, взамен чего предлагалось установить правильные торговые взаимоотношения через Украину. В письме Гетману поднимался вопрос о границах между двумя государственными образованиями, причем указывалось на безосновательность претензий Украины на Таганрогский округ, весьма важный для войска, так как на его территории было сосредоточено более 80% полезных ископаемых и промышленных предприятий края.

Уже вечером 8 мая к Атаману прибыла немецкая делегация из Ростова с сообщением, что германские войска не преследуют никаких завоевательных целей, а Таганрогский округ и Ростов были заняты исключительно по сообщению украинцев о принадлежности им этих территорий (это была сущая правда, в кабинете Гетмана висела карта, где территория «Украины» простиралась до Кубани), а ряд станиц Донецкого округа занят по просьбам их казаков, что также соответствовало действительности. Делегаты уведомили о временности пребывания германских войск на донской территории и заверили, что они немедленно оставят ее после восстановления порядка. Тогда же было решено, что германские части в глубь Области продвигаться больше не будут, а появление немецких офицеров и солдат в Новочеркасске возможно только по особому разрешению Атамана в каждом конкретном случае. После налаживания отношений с немцами надо было добиться отказа Украины от территориальных претензий на земли Всевеликого Войска Донского и международного признания.

Петр Николаевич стремился играть на германских страхах восстановления Восточного фронта. В середине июня на Дону появились слухи, что Чехословацкий корпус занимает Астрахань, Саратов и Царицын и, соединившись с Добровольцами, вот-вот образует Восточный фронт. Несмотря на всю нелепость подобных слухов, германцы им поверили и не на шутку забеспокоились. Они потребовали от Атамана высказать четкую позицию: как поведет себя Дон в случае возникновения по Волге Восточного фронта.

Понятно, что в случае намерения присоединиться к чехословакам, а следовательно, вооруженного выступления против Германии, Дон в лучшем случае лишался германской помощи, в худшем - был бы просто раздавлен оккупантами. Ответом было второе письмо П. Н. Краснова германскому Императору. Атаман заявил на эти опасения, что Дон не допустит столкновений на своей территории и будет держать полный

нейтралитет. В обмен на успокоение немцев Краснову удалось добиться признания войсковых границ со стороны Украины, и донские власти вошли в Таганрогский округ, германские войска покинули донскую территорию (за исключением Ростова и Таганрога, где *Атаман* посчитал необходимым их присутствие вплоть до окончания формирования «Постоянной Армии»), а Войско получило товары, в которых ранее было отказано, в том числе тяжелые орудия. К августу территория Войска был очищена от большевиков и донские части вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии.

Но в этом «втором письме Императору Вильгельму», по мнению многих, Краснов переступил допустимые границы: он просил германского монарха о поддержке в занятии Воронежа, Царицына и других стратегически важных для обороны войска пунктов (красный Царицын фланкировал не только любое продвижение на север, то есть к Москве, со стороны Дона, но и постоянно угрожал верхне-донским округам). Петр Николаевич говорил в этом письме от имени «Доно-Кавказского союза», якобы объединявшего Донское, Кубанское и Терское Казачьи Войска, горцев Кавказа и даже Грузию. В действительности же подобного объединения не существовало даже на бумаге. Велись только весьма неопределенные переговоры, а часть «союзной» территории вообще находилась в руках большевиков.

* * *

Борьба шла при более чем холодном отношении к ней Донских промышленных, торговых и банковских кругов. Как и в других областях России, «Минины XX века» не особенно стремились поддержать борьбу с большевиками. Красноречивый пример: на ростовских капиталистов большевиками была наложена контрибуция в 4 200 ООО рублей. Средства были собраны, но получить их красные не успели. А когда Временное Донское Правительство обратилось с просьбой о *займе,* хотя бы в *половину* суммы, собранной для большевиков, - последовал отказ.

Первоочередной задачей, стоявшей перед Доном, была, безусловно, организация армии. Хотя весной был налицо народный подъем, но было и ясно, что на партизанщине далеко не уедешь. Постепенно ополчение переформировывалось в регулярные части, полки объединялись в бригады и дивизии. Если к 14 мая на фронте находилось 17 тысяч казаков при 21 орудии и 58 пулеметах, то к 14 июля - уже 49 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах. В августе было мобилизовано 25

возрастов, Донская Армия состояла из 27 ООО пехоты и 30 ООО конницы при 175 орудиях, 610 пулеметах, 20 аэропланах и 4 бронепоездах.

В августе же подходило к концу формирование так называемой «Молодой» или «Постоянной Армии», которое началось сразу после избрания П. Н. Краснова из молодых казаков 19~20 лет. Это было любимое детище Атамана. С одной стороны, молодые казаки в отличие от своих отцов и старших братьев не обладали боевым опытом, но, с другой стороны - они не устали от войны, не знали комитетов и комиссаров, не имели общения с большевицкой пропагандой. Атаман сразу взял курс на создание из них вооруженной силы целиком и полностью по образцу и подобию Российской Императорской Армии 1914 года. Пополнения были собраны в трех военных лагерях под Новочеркасском, и из них началось формирование двух пеших бригад, трех конных дивизий, легкой и тяжелой артиллерии, саперного батальона и химического взвода. В отличие от Донской мобилизованной Армии, представлявшей собой фактически станичные ополчения, которые лишь принимали военную организацию, но снабжались в основном «за свой счет», Донская постоянная Армия организовывалась на регулярной основе, отличаясь даже от казачьих полков Российской Империи. Части получали казенное обмундирование и снаряжение, казенных лошадей, были штатной, 1914 года, численности, включая обозы, муштровались по старым русским уставам.

Белогвардейский плакат «Так хозяйничают большевики в казачьих станицах».

Впервые Атаман показал свое детище при открытии Большого Войскового Круга. 16 августа части Молодой Армии прошли парадом на Соборной площади Новочеркасска, 26-го Армия была представлена Кругу в Персияновском лагере: 7 батальонов, 33

спешенных сотни, 6 батарей без запряжек (не все еще успели получить коней), 16 конных сотен, мортирная батарея и 5 аэропланов. Председатель Круга В. А. Харламов, отнюдь не большой поклонник Краснова, не сдержал своего восхищения и закончил свою речь словами: «В честь Донской Армии и ее вождей - дружное могучее ура! Объявляю Донской Армии постановление Большого Войскового Круга о производстве Донского Атамана генерал-майора Краснова в чин генерала-от-кавалерии». Таким образом, П. Н. Краснов «проскочил» чин генерал-лейтенанта. Дабы показать, что молодые казаки умеют не только маршировать, 3-й стрелковый полк (из крестьян Донской Области) и сотня 1-го Донского казачьего полка произвели тактическое учение. А менее чем через неделю произошло и первое боевое крещение частей еще не окончившей формирования Молодой Армии: вызванные на фронт полки Пластунской бригады и 2-й Донской конной дивизии отбросили красных.

Для пополнения потерь в офицерах действовали Донской Императора Александра III кадетский корпус на 622 воспитанника и Новочеркасское казачье военное училище с отделениями: пластунским, кавалерийским, артиллерийским и инженерным. Для усовершенствования знаний были открыты: Донская Офицерская Школа (с теми же отделениями, что и в училище), авиационная школа и военно-фельдшерские курсы.

Атаман формировал Молодую Армию с дальним прицелом: было ясно, что Донское ополчение далеко за границу Войска не пойдет. «Пограничная болезнь» казачества попортила немало крови Белым вождям. Молодая же Армия, хорошо организованная и специально воспитанная для похода за освобождение России, а не только Дона, спокойно бы перевалила Донские границы, и делалось все, чтобы перевалила она их успешно. Краснов утверждал, что «все казаки на Москву н_и з_а ч_т_о н_е п_о_й_д_у_т, а эти тридцать тысяч, а за ними столько же охотников н_а_в_е_р_н_о_е п_о_й_д_у_т[43]. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами». О серьезности «общероссийских» намерений Атамана говорит уже то, что приказом Всевеликому Войску Донскому 4 сентября 1918 года восстанавливались Гвардейские казачьи части: 1-й Донской казачий полк Молодой Армии переименовывался Лейб-Гвардии в Казачий полк, 2-й Донской - Лейб-Гвардии в Атаманский, 6-я Донская казачья батарея - Лейб-Гвардии в 6-ю Донскую батарею. Этим же приказом и другие полки Постоянной Армии получали наименования старых Донских полков Императорской Армии, им передавались

Георгиевские знамена и серебряные трубы, полковые истории, праздники, марши и знаки отличия. Это не было пустой формальностью: соответствующие Гвардейские полки формировались старыми офицерами этих полков. Укомплектованный донскими крестьянами 4-й Донской стрелковый полк, в котором собрались офицеры Лейб-Гвардии Финляндского полка, был переименован в Финляндский.

К середине июля 1918 года практически вся территория Войска была очищена от большевиков и казачьи отряды стали выдвигаться за пределы Области. Это было не так-то легко: если сломить местный («окружной») патриотизм, преобразовав его в Войсковой, оказалось по силам, то объяснить казачьему ополчению, зачем «освобождать всю Россию», было гораздо сложнее. Тем не менее Атаману удалось «протащить» через Большой Войсковой Круг решение, объявленное приказом по Войску: «Для наилучшего обеспечения наших границ, Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв город Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний». Однако особого энтузиазма в этом наступлении казаки не проявляли. Повторялась история предыдущих лет: например, в 1917 году казачьи полки отказывались идти «на усмирение», если с ними не будет пехоты; так и сейчас, отправляться освобождать Россию без соседства «русских» полков казаки отказывались.

Атаману пришлось озаботиться созданием какой-нибудь «русской армии» на северных границах Области. Началась авантюра с Южной Армией. Сначала не могли найти для нее командующего — несколько человек отказалось, пока, наконец, не уговорили престарелого генерала Н. И. Иванова, в 1914-1915 годах - Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Армию должны были составить три корпуса: Воронежский, Астраханский и Саратовский. Но... «Воронежцы» оказались малобоеспособны, Астраханский корпус, сформированный одним из ярких представителей плеяды авантюристов Гражданской войны - «Астраханским Атаманом» князем Д. Д. Тундутовым, был организован крайне слабо, но неплохо дрался в Манычских степях против «бродячих шаек» красных, и лишь Саратовский «корпус», сформированный из крестьян этой губернии, бежавших от большевиков, отлично бился с большевиками на Царицынском, Камышинском и Балашовском направлениях, хотя по численности и структуре так и не смог превысить бригады.

Идея Атамана о формировании неказачьей армии была вполне верной и обоснованной. Задача Дона была - дать возможность организоваться общерусской армии, способной к

решению общерусских задач, и он ее самоотверженно выполнил. Однако, отмечал современник, «без согласия с ген[ералом] Деникиным и даже вопреки ему формирование общерусской армии было не под силу ген[ералу] Краснову и было заранее обречено на неуспех. И это тем более, что в связи с начавшимся с осени 1918 года поражением Германии авторитет Добровольческой Армии, верной союзникам, непрерывно рос, а авторитет Донского Атамана, "связанного" с немцами, непрерывно падал».

* * *

Тем временем осложнялась и обстановка на фронте: к концу 1918 года Красная Армия готовилась к решительному удару по Донцам, а поражение Германии в Великой войне и последовавшее вслед за этим разложение армии с выводом немецких частей с Украины обнажало весь левый фланг Донской Области. В декабре 1918 года советские войска нависли над единственной стратегической железной дорогой, угрожая прервать снабжение всей Донской Армии. Как говорилось в «Кратком обзоре борьбы Дона с советской властью», составленном в Штабе Армии для членов Большого Войскового Круга, собравшегося в феврале 1919 года, «чтобы прикрыть область с запада, пришлось почти целиком израсходовать наш последний резерв — войска постоянной армии, войска, на которые возлагались большие надежды, так как они являются наиболее крепкими и предназначались для парирования ударов противника в критический момент и для нанесения ему с нашей стороны решительных последовательных ударов и главным образом на севере».

С.В. Денисов. Рисунок Л. Кудина.

Противнику удалось перехватить стратегическую инициативу: Донцы вынуждены были лишь отбиваться при большом численном перевесе неприятеля. Резервы исчерпаны, новый - западный - фронт выводит красные части на кратчайшее направление, войска на севере области истощены физически и морально, разворачивается усиленная агитация. Прекрасные пропагандисты и агитаторы, большевики добиваются результатов: к концу декабря белыми очищаются занятые ранее районы Воронежской губернии, а три казачьих полка бросают фронт и расходятся по станицам. Верхне-донцы оголили тыл продолжающих драться частей Хоперского округа, а 1 января 1919 года заняли станицу Вешенскую, где располагался Штаб Северного фронта, чем уничтожили возможность управления войсками. Перенос Штаба в Каргинскую не смог исправить положения, и к концу января Донские войска оставили северные округа Войска. Тогда же красным удалось отбросить казаков от Царицына. Все части Постоянной Армии были втянуты в тяжелые бои по западной границе Области.

26 декабря 1918 года на станции Торговой был решен вопрос об общем командовании, которое принял на себя генерал А. И. Деникин, ставший Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. Этот шаг подводил Всевеликое Войско к концу его автономного существования, а П. Н. Краснова -к отказу от атаманского пернача[44]. По горькому замечанию современника, «об единении, увы, русская контрреволюция обычно думала лишь тогда, когда все старания обойтись без него приводили к катастрофе...»

Главная надежда у начавшей разлагаться Донской Армии была на союзников по Антанте и Добровольцев. Требовалась поддержка, в первую очередь -моральная, хотя бы пара батальонов, которые показали бы, что Донцы не одиноки в борьбе, что вместе с горсткой Добровольцев и Кубанцев готовы придти на помощь и союзники, не забывшие кровь, пролитую Российской Императорской Армией в Восточной Пруссии и Галиции, в Польше и на Карпатах. Однако пользуясь тяжелым положением и не оказав фактически еще никакой помощи «союзники» стали ставить беспрецедентные условия, предложив Краснову подписать «обязательства», которых не требовали даже враги-немцы:

«...Как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франше д'Эсперрэ.

...С сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут

делаться с ведома капитана Фукэ.

...Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе "Донец" и где бы они ни находились, и происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула...»

Естественно, Атаман не мог согласиться на подобный ультиматум. Условия его были сообщены генералу А. И. Деникину, и Главнокомандующий ВСЮР, крайне негативно относившийся к П. Н. Краснову, на этот раз был на его стороне. Ответ из Екатеринодара пришел немедленно: «Главнокомандующий получил Ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными Вам предложениями, которые произведены без ведома Главнокомандующего, и вполне одобряет Ваше отношение к предложениям».

1 февраля открылось заседание очередной сессии Большого Войскового Круга. «Козлом отпущения» депутаты избрали командование Донской Армии - генерала С. В. Денисова и начальника Штаба генерала И. А. Полякова, которых требовали сместить с их должностей. Атаман твердо заявил, что со старшими воинскими начальниками непременно уйдет и он. Несмотря на возможность остаться на своем посту (избран он был на три года, и Круг отставки пока не требовал), П. Н. Краснов неразрывно связал свою судьбу с судьбой своих ближайших помощников.

Вечером 6 февраля уже бывший Атаман покинул Новочеркасск. В Ростове Петра Николаевича ожидал почетный караул Лейб-Гвардии от Казачьего полка. Это была частная инициатива, весь полк, собравшийся на дворе станции, прощался с Атаманом. Генерал И. Н. Оприц запечатлел в полковой истории слова Краснова:

«"Я глубоко тронут вашим вниманием ко мне, дорогие лейб-казаки... Я уже больше не Атаман вам, не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах; в течение двадцати лет моей службы в лейб-гвардии

Атаманском полку я был в рядах одной бригады и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта...

Служите же Всевеликому войску Донскому и России, как служили до сего времени, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам.

Благодарю вас за вашу верную и доблестную службу в мое атаманство на Дону..."

П.Н. Краснов.

...Отсалютовав сотне, стоявшей на перроне, генерал Краснов подошел к штандарту, преклонил колено и поцеловал полотнище».

Казалось бы, - все, можно умыть руки, но не такой человек был Петр Николаевич. Проведя весну и начало лета 1919 года в Батумской области (где он и супруга переболели черной оспой), в июле Краснов по ходатайству генерала Н. Н. Баратова командируется Главнокомандующим генералом А. И. Деникиным «в распоряжение командующего Северо-Западной армией генералаот-инфантерии Юденича». *22* сентября 1919 года П. Н. Краснов зачислен в ряды Северо-Западной Армии, ему поручается возглавить пропагандистскую работу. Ближайший его сотрудник в это время — поручик А. И. Куприн, известный писатель, редактирующий армейскую газету «Приневский Край», одним из ведущих авторов которой стал Петр Николаевич.

После поражения Северо-Западной Армии и ее

интернирования в Эстонии, П. Н. Краснов является членом ликвидационной комиссии, участвует в переговорах с эстонцами, стараясь по мере сил обеспечить существование русских воинов, до последней возможности дравшихся с большевиками. В конце марта 1920 года по настоянию эстонских властей Петр Николаевич покидает Ревель.

* * *

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов не прекратил своей борьбы с захватившим Родину большевизмом. Более двух десятилетий эмигрантского бытия Петр Николаевич провел в Германии и Франции, принимая живейшее участие в работе русских воинских организаций, активно сотрудничая в военных изданиях, создав для Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина (эмигрантский аналог Николаевской Военной Академии) пособие по военной психологии - науке, только начинавшейся в 1920-е годы. Вместе с тем П. Н. Краснов входит в руководство Братства Русской Правды - организации, продолжающей борьбу против большевизма с оружием в руках. «Братья» активно действовали в приграничных районах СССР, главным образом в Белоруссии и на Дальнем Востоке. Они вели активную партизанскую борьбу, организовывали террористические акты, направленные в первую очередь против сотрудников ОГПУ.

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов с немалым, на наш взгляд, облегчением отходит от необходимости скрывать свои убеждения. Он - яростный противник большевизма, но помимо этого он - убежденный монархист. По свидетельству современников, не раз от Петра Николаевича можно было слышать произносимое с особой гордостью: «Я - Царский генерал». Бывший Атаман активно участвует в монархическом движении - входит в Верховный Монархический Совет, сотрудничает в «органе монархической мысли» - журнале «Двуглавый Орел».

Своим искусным пером Петр Николаевич активно борется с большевизмом. Его художественные произведения переводятся на семнадцать (!) иностранных языков. Краснов поистине становится одним из самых популярных писателей Российского Зарубежья, имя которого известно не только русским изгнанникам, но и европейскому читателю. Романы и повести Петра Николаевича повествуют о столь дорогом ему русском прошлом, в первую очередь они посвящены Российской Императорской Армии, в

рядах которой служит подавляющее большинство его героев. На страницах красновских произведений чередуются захолустный Джаркент и Санкт-Петербург, трущобы заамурских стоянок и «местечки» Царства Польского. Наравне с художественной и исторической прозой, изрядное внимание Петр Николаевич уделяет и фантастике, и, как и все в жизни Петра Краснова, его фантастические произведения проникнуты любовью к России: его фантастика — это мечты о новой России, избавившейся от большевицкого гнета, вновь обратившейся к Православной вере и духовному единению, изгнавшей партийные склоки и прочую политическую грязь, которыми была так богата Европа межвоенного периода.

Непримиримый борец с большевиками и большевизмом, Краснов наивно мечтает, что осталось еще у советских красных командиров, там, «за чертополохом», что-то светлое, русское, что, возможно, сядут за одним столом, во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем, Деникин и Вацетис, Кутепов и Буденный, Врангель и Тухачевский, и будут вместе работать ради России, а не III Интернационала. К сожалению, жизнь доказала всю необоснованность подобных мечтаний…

Крупнейшим литературным произведением Петра Николаевича является роман «От Двуглавого Орла к красному знамени». Работать над ним бывший Донской Атаман начал еще в России, а закончил в Германии. Изложение охватывает последние десятилетия существования Российской Империи и кровавые годы Гражданской войны. По масштабности «От Двуглавого Орла…» не раз сравнивали с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» также воспринимался как своеобразный советский ответ на творчество П. Н. Краснова. Конечно, у Петра Николаевича есть довольно большие литературные огрехи, например, поверхностны характеры тех, кто в свое время расшатывал Империю — представителей интеллигенции и революционного движения, но там, где Краснов касается близкой и родной ему армейской тематики, его изложение просто бесподобно, а по четкости и достоверности вполне может восприниматься в качестве источника по истории Российской Армии последнего периода ее существования. В описании парадов и батальных сцен Петр Николаевич, пожалуй, даже превосходит Льва Николаевича.

Командующий Донской Армией генерал В.И. Сидорин (1) и начальник Штаба Армии генерал А.К. Келчевский (2) с чинами Штаба, 1919 год.

Сам же генерал довольно скромно относится к своему таланту. В одном из писем он говорит:

«Я казачий, кавалерийский офицер, и только. Я не только не генерал от литературы, но не почитаю себя в ранге офицеров. Так, бойкий ефрейтор, который, когда на походе устанет и занудится рота, выскочит вперед и веселой песней ободрит всю роту. Я тот ефрейтор, который ходит в ночные поиски, ладно строит окопы, всегда бодр и весел и не теряется ни под сильным огнем, ни в атаке. Он, несомненно, нужен роте, но гибель его проходит незаметно, ибо таких, как он, много, — так и я в литературе, один из очень многих...»

Благодаря своему литературному таланту, Краснов часто привлекается многими периодическими изданиями Зарубежья в качестве литературного обозревателя, особенно когда дело касается военной тематики (можно вспомнить многочисленные рецензии Петра Николаевича в издании Союза русских военных инвалидов - газете «Русский Инвалид», в том числе и на повесть своего бывшего сотрудника по Северо-Западной Армии А.И. Куприна «Юнкера»). С большим интересом читаются и воспоминания генерала о различных периодах его жизни: юнкерских годах («Павлоны»), обучении в Николаевской Академии Генерального Штаба («Старая Академия»), командовании 10-м Донским казачьим полком («Накануне войны») и др. Один из близко знавших П. Н. Краснова людей свидетельствует о том отклике, который находили у читателя произведения генерала:

«...Я знаю много русской молодежи, которая буквально зачитывается романами и воспоминаниями Краснова. В них она научается любить старую Россию и через нее и будущую Россию. Я лично видел, как английский перевод "От Двуглавого Орла к

красному знамени" увлекал американскую молодежь в Калифорнии; она познала правду о России, оклеветанной темными силами революции.

Новочеркасск, февраль 1919 года. Слева направо: А.П. Богаевский, А.И. Деникин, П.Н. Краснов, И.П. Романовский.

Описания Красновым быта и боевой жизни Русской Армии и, в особенности, казачьей - это перлы русской литературы, и за одни только эти страницы П. Н. Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях Русской Армии он будет почитаться одним из ее героев-военачальников».

Петр Николаевич Краснов немало трудится над подготовкой будущей Российской Армии, которая должна была бы создаться в новой, освобожденной от большевиков России. Во многом пример Атамана уникален: талантливый писатель и блестящий военный публицист, он разработал и свою систему воспитания офицера и солдата, отстаивал ее и проводил в жизнь, более того, ему удавалось видеть результаты своего труда. Редкое для России сочетание. Краснову как немногим удалось совместить в себе «кабинетность» и «строй», о чем ярко свидетельствуют сотни статей, вышедших из-под его пера, и высшие воинские отличия - орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевское Оружие.

Один из выдающихся русских военных мыслителей генерал Н. Н. Головин так отзывался о своем сотрудничестве с Петром Николаевичем:

«Я его должник, ибо когда я обратился к нему с просьбой прочесть на учрежденных мною Военно-Научных Курсах несколько лекций по военной психологии, генерал Краснов ответил мне горячей готовностью внести свою лепту в трудное дело воссоздания Русской Военной Науки.

Я обратился с такой просьбой к генералу Краснову, потому что я знал, что он, будучи Атаманом Войска Донского в 1918 году, не только ввел в программу преподавания Новочеркасского Военного Училища курс Военной Психологии, но и сам приезжал в Училище читать этот курс.

Бесспорно, что это нововведение, сделанное Атаманом Красновым, представляет собою факт громаднейшего значения в истории Русской Военной Школы. Мне хотелось поэтому связать чтение лекций по Военной Психологии на Военно-Научных Курсах с этим первым шагом и с именем того, кому принадлежит честь этого шага».

* * *

С нападением нацистской Германии на СССР перед русской эмиграцией встал вопрос: на чью сторону стать. Объявленное «крестовым походом против большевизма», гитлеровское нашествие воспринимается тогда многими, в том числе и престарелым генералом П. Н. Красновым, как реальная возможность сбросить коммунистический режим. *Первая реальная* возможность за двадцать лет.

В порабощение России Германией абсолютное большинство из тех русских («несоветских»), кто принял оружие из немецких рук, не верил. Слишком велики размеры, просто физически невозможно контролировать такую территорию, слишком бредовые идеи порой срывались с уст «вождя III Рейха». Появился *единственный* шанс уничтожить большевизм — и, по мнению многих, им нужно было воспользоваться.

Казачество было одним из наиболее пострадавших от Советской власти слоев общества и, пожалуй, самым непримиримым. Большевицкие эксперименты находили «живейший отклик» в виде восстаний. И с этим ничего не могли поделать ни расстрелы, ни аресты, ни сожженные дотла, снесенные артиллерийским огнем или вымершие от голода станицы. В силу этого, а также из-за особенностей казачьей психологии и быта должна была, казалось, оправдаться надежда П. Н. Краснова, писавшего:

«И верю я, что, когда начнется рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов, и Русский народ пойдет в "последний и решительный" бой с третьим интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, - верю я - увидят Русские

полки за редеющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, — чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцатью крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмицкого зерна городовых полков вновь заблистать в дивной короне Имперской России».

Первые казачьи подразделения были созданы в составе Вермахта еще летом 1941 года, с выходом же немецких войск в «казачьи районы» Дона и Кубани стали появляться многочисленные местные формирования: сотни и полки. В сентябре 1942 года в Новочеркасске собрался казачий сход, избравший Штаб Войска Донского, во главе которого стал полковник С. В. Павлов. Казалось, казачество воскресает...

Генерал П.Н. Краснов.

На протяжении первых лет войны П. Н. Краснов с сожалением констатировал, что на эмиграцию с ее богатым потенциалом не обращается ровно никакого внимания. По его твердому убеждению, *фактически* ситуация решалась на фронте, в казачьих областях. В письме Атаману «Общеказачьего объединения в Германской Империи» генералу Е. И. Балабину от 11 июля 1941 года П. Н. Краснов писал о своих взглядах на возможности окончания войны и возрождения России:

«1) В СССР поднимается восстание против большевиков. Сталин и Ко, все коммунисты, частью удерут, частью будут уничтожены, образуется там, в России, правительство, подобное Петэн - Лаваль - адмирал Дарлан, которое вступит в мирные переговоры с немцами, и война на востоке Европы замрет.

2) Немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будут оккупированная немцами часть России и большевистская Россия - война затянется, и

3) Среднее - немцы оккупируют часть России, примерно до Волги, а в остальной части создастся какое-то иное правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия».

Ни в одном из указанных вариантов Краснов не видит места для решающего участия эмиграции. Войну с СССР ведут немцы, и никакого желания близко подпускать эмиграцию к этому делу они не испытывают. Петр Николаевич видел в этом следствие германской осмотрительности, нежелание связываться с разобщенной и далеко не однородной эмигрантской средой, большая часть которой к тому же не испытывала особой симпатии к правящему режиму III Рейха, придерживаясь прежней «союзнической» ориентации или небезосновательно трактуя «крестовый поход против большевизма» как очередную попытку немцев решить проблему «жизненного пространства» за счет восточных земель. Но старый генерал все-таки верил в искреннее желание национальной (но не нацистской!) Германии помочь России в освобождении от большевизма и сожалел, что в силу своего возраста не имеет возможности принять в этой борьбе активного участия. 12 декабря 1942 года он писал Балабину:

«Вы понимаете, что при таких обстоятельствах мне в 73 года просто смешно было бы куда-то соваться, кого-то возглавлять и путаться в дела, которые хорошо ли, худо ли, но уже идут...

Все эмигрантские дрязги и интриги теперь отступают перед тем громадным, что делается на фронте. Только через фронт, через борьбу, через жертву может быть получен доступ и место там, где была наша Родина и где строится что-то новое и удивительное, но не плохое».

Эти строки писались, когда южное крыло германского Восточного фронта уже начало разваливаться под ударами Красной Армии и близок был момент оставления Терека, Кубани и Дона. А еще недавно казалось, что жизнь там возрождается... С большим воодушевлением были проведены Войсковые праздники, после более чем двадцатилетнего перерыва восстанавливались станицы и в первую очередь храмы в них, выбирались станичные и окружные атаманы, вновь казаки садились в седло, как, казалось, весной 1918-го... Как *хотелось* верить, что «казаки показали всему миру, что они ничего не имеют общего с коммунистами, что они, как и в 1918-м году, готовы встать за край родной...»

Но вместе с тем «грызло» П. Н. Краснова тяжелое чувство:

«Это очень красиво и благородно, быть националистом, мечтать о "единой и неделимой", быть, еще более того, монархистом, но для сегодняшнего дня такая политика - зараза

казачьего дела. Теперь такое время, что и казаки-самостийники не подходят. Идет жестокая борьба за право Дону, Кубани и Тереку жить. Ведь географически и геополитически **их нет**[45]! Большевики их уничтожили. И там, на местах, старые казаки понимают всю трагическую сложность обстановки. Там понимают, что прежде чем говорить о самостоятельности Дона — "Всевеликого войска Донского", прежде чем мечтать о России, "единой и неделимой", нужно вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав».

Петр Николаевич прекрасно осознавал и глубину душевной ломки, произошедшей за годы большевизма: «Молодежь тамошняя требует основательной переработки. Бога забыли, к старшим, к родителям, относятся скверно, очень самоуверенны и ненадежны, - это пока пролетарии, и подход к ним трудный. Кроме того, все они крайне запуганы и недоверчивы».

В декабре 1942 года при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий создается Казачье управление, на которое возлагалась забота о казаках и их семьях, и к работе в нем немцы привлекают П. Н. Краснова. Современный историк пишет:

«25 января 1943 г. он (П. Н. Краснов. - *А. М.)* подписал обращение, в котором призвал казачество на борьбу с большевистским режимом. В обращении отмечались особые казачьи черты, казачья самобытность, право казаков на самостоятельное государственное существование, но не было ни слова о России. Как позже признавался сам Краснов, с этого момента он стал только казаком, стал служить только казачьему делу, поставив "крест на своей предыдущей деятельности". Это вполне сочеталось с мнением старого атамана о необходимости "вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав"».

Управление предложило Краснову возглавить казачье правительство за границей, но генерал категорически заявил на это, что все войсковые атаманы, а тем более Верховный Атаман Казачьих Войск, должны выбираться, и непременно на казачьей территории. Функции временного правительства было решено передать Главному управлению Казачьих Войск, сформированному в феврале - марте 1944 года. Тогда же Казачьему Стану, включавшему в себя в основном казаков-беженцев, была предоставлена территория в 180 ООО гектар в Западной Белоруссии, но уже летом казаки были эвакуированы в Северную Италию.

Главное управление Казачьих Войск возглавил генерал

Краснов, в его состав вошли Войсковые и Походные Атаманы Донского, Кубанского и Терского Войск. Фактически обязанности Главного Управления были скопированы с Казачьего Управления, к которым добавился также вопрос пополнения казачьих формирований.

Казачьи части выгодно отличались внутренней крепостью от других русских формирований, в том числе Русской Освободительной Армии генерала А. А. Власова. Генерал Балабин отмечал: «Ко мне поступает много прошений "принять в казаки"... принять в казачьи части... На вопрос, почему русские не идут в РОА - отвечают, что РОА ненадежна, что в критическом положении РОА может перейти и к большевикам, и к партизанам (были случаи), ну а казаки никуда не перейдут и никогда не предадут - казакам некуда деваться».

Не обращая внимания на свой преклонный возраст (ему давно уже перевалило за семьдесят), Петр Николаевич Краснов развернул активную деятельность: выступал с докладами и лекциями, писал множество статей, вел переговоры с германскими и казачьими представителями, отдавал приказы, посещал части... В конце зимы 1945 года он вместе с другими сотрудниками Главного Управления прибыл в расположение Казачьего Стана. В начале мая казаки перевалили Альпы и сдались в Австрии 8-й британской армии. Неподалеку от городка Лиенц, где они расположились, разместилось около 5 тысяч кавказцев во главе с генералом Султаном Келеч-Гиреем (бывший начальник Горской дивизии во время Гражданской войны). Уже после официальной капитуляции Германии в Австрию вышел из Хорватии XV-й Казачий кавалерийский корпус генерала Г. фон Паннвица, а в городок Шпиталь прорвались несколько сот «Казачьего резерва» под командой «легенды Гражданской войны» - генерала Андрея Григорьевича Шкуро, которым пришлось с боем пробиваться через «советский» Юденбург в английскую зону оккупации.

Началось тяжелое ожидание. 28 мая, под предлогом встречи с английским фельдмаршалом Г. Александером, офицеры были отделены от рядовых (около 1500, в том числе 14 генералов, из Казачьего Стана; примерно 500, в том числе 150 немцев, из корпуса Паннвица; 125 кавказцев) и под усиленным конвоем отправлены в Шпиталь, где после помещения за колючую проволоку им было объявлено о предстоящей выдаче Советам.

Петр Николаевич решил сделать последнее, что мог для казаков: в течение ночи он написал на французском языке несколько петиций - английскому Королю, в Лигу Наций, Красный Крест, Архиепископу Кентерберийскому... Испещренные

тысячами подписей казачьих офицеров, некоторые из которых (например, А. Г. Шкуро) были кавалерами высших английских орденов, все письма остались без ответа. Офицеры не просили милости - если были преступления против человечества, пусть за них судит военный суд, но огулом обрекать на смерть тысячи человек...

76-летний старик, «Петр Николаевич предлагал, чтобы его первого судили, старого офицера русской Императорской Армии. Если его признают виновным, он покорится решению суда. Он брал на свою ответственность и под свое честное слово не только тех, кто из рядов эмиграции или по призыву попал в немецкие части, не только тех, кто был рожден в Германии или в зарубежьи, но всех тех, кто открыто и честно боролся против коммунизма и в прошлом были советскими гражданами»... Прекрасно понимая, что их ждет, несколько офицеров повесилось, трое перерезали себе вены осколками стекла.

Утром к лагерю подошла длинная колонна крытых грузовиков. Офицерам было объявлено о выдаче. Пассивное сопротивление севших на землю, сцепившись за руки, офицеров было быстро преодолено при помощи прикладов доблестных британских солдат. Многие офицеры показывали британским «коллегам» паспорта Франции, Югославии, Польши, «нансеновские паспорта», удостоверявшие их статус признанных Лигой Наций политических беженцев, не подлежащих насильственной выдаче. Британцы лишь глумились в ответ: «Вы - казачьи офицеры, будете показывать свои документы в СССР Сталину: езжайте к нему в гости». Безоружных офицеров, помимо конвоя с автоматами и гранатами, конвоировали бронетранспортеры и танки (!).

Через четыре часа пути колонна прибыла в Юденбург, где более двух тысяч офицеров были переданы СМЕРШу 3-го Украинского фронта. В отношении П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других видных участников Гражданской войны чекисты провернули «коммерческую сделку»: старых эмигрантов «выменяли» за группу германских морских офицеров во главе с адмиралом Редером. Через два дня после выдачи офицеров, также при помощи прикладов и штыков, началась выдача рядовых казаков и их семей. Опять были самоубийства, застреленные «при попытке к бегству», несколько казачек с детьми бросились с моста в быструю Драву...

Группа старших офицеров после допросов была доставлена в Москву, на Лубянку. Там, в тюремной бане, в начале июня внучатый племянник Петра Николаевича, Николай Краснов, в последний раз видел своего деда. Позднее Николай вспоминал:

«— Запомни сегодняшнее число, Колюнок, — говорил он мне. — Четвертое июня 1945 года. Предполагаю, что это - наше последнее свидание. "Гусь свинье не товарищ", как говорится. Не думаю, чтобы твою молодую судьбу связали с моей, поэтому я и попросил, чтобы тебя мне дали в банщики.

Ты, внук, выживешь. Молод еще и здоров. Сердце говорит мне, что вернешься и увидишь наших... А я уже двумя ногами стою в гробу. Не убьют — сам умру. Подходит мой срок и без помощи палачей...

...Если выживешь - исполни мое завещание. Опиши все, что будешь переживать, что увидишь, услышишь, с кем встретишься. Опиши как было. Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври! Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть. Горькая правда всегда дороже сладкой лжи. Достаточно было самовосхваления, самообмана, самоутешения, которыми все время болела наша эмиграция. Видишь, куда нас всех привел страх заглянуть истине в глаза и признаться в своих заблуждениях и ошибках? Мы всегда переоценивали свои силы и недооценивали врага. Если бы было наоборот — не так бы теперь кончали жизнь.

Шапками коммунистов не закидаешь... Для борьбы с ними нужны другие средства, а не только слова, посыпание пеплом наших глав и вешание арф на вербах у "рек Вавилонских"...

- ...Учись запоминать, Колюнок! Зарубай у себя на носу. Здесь, в подобных условиях, писать тебе не придется. Ни записочки, ни заметочки. Употребляй мозг, как записную книжку, как фотографический аппарат. Это важно. Это невероятно важно! От Лиенца и до конца пути своего по мукам - запоминай. Мир должен узнать правду о том, что совершилось и что совершится, от измены и предательства до... конца.

...Не воображай себя писателем, философом, мыслителем. Не выводи сам своих заключений из того, что тебе не ясно. Дай их вывести другим. Не гонись за четкостью фразы, за красотой слов. Не всем это дано. Будь просто Николаем Красновым, а не художником-писателем. Простота и искренность будут твоими лучшими советниками.

...В свое время я написал много книг. Всю свою душу вложил в них. Многие мои произведения занозой сидят в сердцах наших теперешних "радушных хозяев". Они переведены на 17 языков. И сегодня меня расспрашивали - откуда я брал типы и материалы, есть ли у меня еще что-либо не изданное, где находится. Им я не сказал, но тебе скажу: у бабушки, Лидии Федоровны! Там и манускрипт книги "Погибельный Кавказ". Повесть. Посвятил я ее нашему юношеству. Русскому юношеству. Прошу тебя, если

выйдешь - издай эту книгу в мою память. Обещаешь?..

— Обещаю, дедушка!

— ...Что бы ни случилось - не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ - виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Не достаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной...

...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и Сталины. Умрут они, и настанут многие перемены.

...Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что я не доживу... Помнишь наши встречи с солдатами в Юденбурге? Хорошие ребята. Ни в чем я их винить не могу, а они-то и есть — Россия, Николай!

...Л теперь давай прощаться, внук... Жаль мне, что мне нечем тебя благословить. Ни креста, ни иконки. Все забрали. Дай, я тебя перекрещу, во имя Господне. Да сохранит Он тебя...

Дед крепко сложил пальцы и, сильно прижимая их к моему лбу, груди, правому и левому плечу, осенил крестным знамением.

Я чувствовал, как комок рыданий подкатывает к горлу. Слезы остро защипали края век. Мне пришлось до боли сжать зубы, чтобы сдержать себя. Обняв старческое тело, я старался в этом объятии передать все свои мысли и все свои чувства.

— Прощай, Колюнок! Не поминай лихом! Береги имя Красновых. Не давай его в обиду. Имя это не большое, не богатое, но ко многому обмывающее... Прощай!»

После бани с кителя генерала исчезли погоны и орден Святого Георгия IV-й степени.

* * *

16 января 1947 года в Москве на скамье подсудимых сидели шестеро генералов: эмигранты П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов и Султан Келеч-Гирей, советский гражданин Т. И. Доманов и германский подданный Г. фон Паннвиц. Суда по существу не было. Разрешение на его закрытое проведение, осуждение к смертной казни и приведение приговора в исполнение было запрошено министром госбезопасности

Абакумовым у И. В. Сталина заранее. «Вождь» наложил резолюцию: «Согласен».

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ
Р. М. Абинякин

Мысль о том, что большинство Белых военачальников стало широко известными лишь с началом Гражданской войны, где в полной мере смогли проявиться их личностные качества, как нельзя более справедлива в отношении генерал-майора М. Г.

Дроздовского. Его биографию дореволюционного периода, путь доблестного, но в общем типичного офицера — озарил, затмил и обессмертил последний год жизни и первый год дела, которому эта жизнь была отдана.

* * *

Михаил Гордеевич Дроздовский родился 7 октября 1881 года в Киеве в военной семье. Его отец, генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский, был участником Крымской войны 1853—1856 годов, прошел пекло Севастопольской обороны. Мать умерла очень рано, и Михаил ее почти не помнил; его воспитанием самоотверженно занималась сестра Юлия, бывшая на 15 лет старше. Мальчик рос избалованным, хотя отсутствие материнской ласки сделало его замкнутым, скрытным и диковатым. Он часто избегал игр со сверстниками, предпочитая общество денщиков отца, жадно слушая их незатейливые воспоминания о сражениях, полковых и деревенских буднях. В детстве и юности Михаил проявлял заметные способности к рисованию, полюбил стихи, особенно о войнах, много их знал наизусть и с увлечением декламировал сестрам.

С раннего детства мальчик с увлечением слушал и отцовские рассказы из боевого прошлого и военной истории. Развиваясь, черты его характера — впечатлительность, любознательность, энергичность, самостоятельность - переплетались с преклонением перед Русской Армией, силой ее духа и оружия, и Российской Империей в целом. Естественно, когда подошла пора учения, отец и сын были единодушны в избрании для Михаила военной карьеры. Сыграл здесь свою роль и высокий престиж Армии в эпоху Императора Александра III.

В 1892 году Михаил Дроздовский поступил в Полоцкий кадетский корпус, из которого вскоре перевелся в Киевский Владимирский. По воспоминаниям однокашников, он демонстрировал «выдающиеся способности наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей». Рефреном кадетских лет звучал постоянный окрик офицера-воспитателя Гааса: «Дроздовский, под арест!» Одновременно все отмечали его мужество и щепетильную честность: он прямо, не колеблясь, сознавался в провинностях, не страшился наказания и никогда не прятался за спины других. Поэтому, несмотря на вспыльчивость, горячность и порой резкую откровенность, Михаил пользовался уважением и доверием товарищей по классу. Любовь ко всему военному постепенно, с

большим трудом, но обуздывала мальчика, в науках же он преуспевал.

Окончив кадетский корпус в 1899 году, по настоянию отца юноша избрал Павловское военное училище в Санкт-Петербурге, славившееся отличной подготовкой и строжайшей дисциплиной. Специфику пребывания в нем ярко показывает такая выходка Дроздовского: часто попадая в карцер, он однажды вывесил на его дверь свою визитную карточку, уверяя всех, что ему предоставили персональную комнату. Причиной конфликтов был характер Дроздовского, неспособного «покорно, а главное, без противоречий выслушивать окрики, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные». Одно время он даже хотел уйти из училища, но отец смог переубедить сына. Как бы то ни было, в 1901 году юнкер Дроздовский окончил училище одним из первых.

Многие «Павлоны» традиционно пополняли ряды Гвардейской пехоты. Благодаря успехам в учебе завтрашний подпоручик мог выбирать вакансию. Правда, из-за ограниченности материальных возможностей семьи (Дроздовские не владели никаким недвижимым имуществом - ни наследственным, ни «благоприобретенным») «дорогие» полки петербургской Гвардии оказались недоступны. Выбор остановился на расквартированном в Царстве Польском более скромном Лейб-Гвардии Волынском полку, куда новоиспеченный офицер и вышел 13 августа 1901 года. Решение о приеме новичка должно было приниматься единогласно собранием всех офицеров полка, и наличие малейшего «пятна» или даже просто неприязнь одного из них делали вступление в Гвардию невозможным. Репутация Дроздовского оказалась безупречной.

* * *

У Волынцев не было принято хвастовство кутежами, долгами и любовными похождениями. Но царившие в полку скромность и строгий порядок достигались, в отличие от училища, не бесконечными замечаниями, а доброжелательными советами старших офицеров младшим. Лишенные оскорбительного оттенка, те же дисциплинарные требования стали для Дроздовского легкими и естественными. Полк давал возможность широкого духовного развития офицеров, которые пользовались прекрасной библиотекой, интересовались научными вопросами, философией. Именно в полку молодой подпоручик всерьез увлекся шахматами.

Трехлетняя строевая служба отшлифовала офицерский облик

Михаила Гордеевича. Однако чисто полковые занятия для его деятельной натуры были слишком узки. В 1904 году Дроздовский подал рапорт о желании поступить в Николаевскую Академию Генерального Штаба, готовиться к экзаменам в которую начал еще раньше, и недаром, поскольку отбор слушателей производился тщательнейше, и поступали лишь самые талантливые и работоспособные офицеры. Испытания (экзамены) были двухступенчатыми: в Штабе военного округа - там производился и первичный отсев — и в Петербурге, непосредственно в Академии. Первые состояли из решения тактической задачи (с приложением объяснительной записки и приказа), сочинения по русскому языку и верховой езды. В Академии поступающего ждали экзамены по тактике, строевым уставам всех родов оружия, отдельно — по артиллерии, инженерным войскам, математике за полный курс реального училища, всеобщей и русской истории, географии (по немым картам), русскому языку (диктант и сочинение), немецкому и французскому языкам и опять же верховой езде. Серьезность испытаний была столь высока, что решившихся на участие в них другие офицеры считали «безумцами», с чем те, в свою очередь, в общем-то соглашались. Зато и уровень слушателей поддерживался очень высоким. Поблажек, в том числе и Гвардейцам, при поступлении почти не делалось.

«Приходилось нести службу, поддерживать товарищеские отношения, -вспоминал один из слушателей Академии о своей подготовке к экзаменам, занявшей больше года, так как двухмесячного отпуска, предоставлявшегося для этой цели только после прохождения окружных испытаний, хватить не могло. - Для подготовки оставалась лишь ночь. Поэтому я распределил свое время так: придя с утренних занятий (в полку. - *Р. А.)* и пообедав, я ложился спать и спал до 7 вечера, а потом до 5 часов утра готовился к экзаменам. Поспав с 5 до 8 утра, шел на утренние занятия. Пришлось превратиться в затворника...»

Успешно пройдя окружные испытания, Дроздовский 20 августа 1904 года отбыл на экзамены в Академию. При двенадцатибалльной системе оценок проходным средним баллом была «шестерка», но, с учетом внимательности и дотошности экзаменаторов, получить и ее было нелегко. Дроздовский с испытаниями справился и 4 октября был зачислен на младший курс Академии. Около трети поступивших составляли Гвардейцы, и немудрено: по воспоминаниям современника, «из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним баллом не менее 10, а из этой массы в Академию готовились *лучшие*[46]».

Но шла Русско-Японская война, - и уже 19 октября

Дроздовский подал рапорт о переводе на театр военных действий: с самого нападения Японии он рвался на фронт, и лишь нежелание, чтобы подготовка пошла прахом, на первых порах несколько сдерживало его порыв. Будущий офицер Генерального Штаба с широкими перспективами, не задумываясь, рискнул всем, хотя слушатели Академии не подлежали обязательному переводу в Действующую Армию.

Прикомандированный к 34-му Сибирскому (Восточно-Сибирскому) стрелковому полку, Дроздовский храбро участвовал во всех его боях начиная с 25 ноября 1904 года. Сначала он был младшим офицером, с 18 марта 1905 года - командовал 10-й ротой, а с 10 мая стал командиром 15-й роты.

В бою у Семапу 14 января 1905 года он был ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро, и легкая хромота осталась у него на всю жизнь. 26 апреля «за отличия в боях с 12 по 16 января 1905 г. у дер[евень] Тутайцзы, Хейгоутой и Безымянной (Семапу)» был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Уже после окончания войны, 30 октября, получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом. По возвращении в столицу, 2 апреля 1906 года Михаил Гордеевич был произведен в поручики Гвардии со старшинством с 13 августа 1905 года. А 34-й стрелковый полк, в котором он проделал кампанию 1904-1905 годов, за Ляоян, Шахэ и Мукден - известнейшие сражения той неудачной войны - получил Георгиевское знамя.

Поражение России в войне Дроздовский воспринял тяжело, а модернизация Армии виделась ему насущной задачей, которой он жаждал отдать все силы. Вернувшись в Академию, он приступил к упорной учебе. Занятия шли с 9 до 12 утра (лекции) и с 12.30 до 16 часов (лекционные и практические); трижды в неделю с 8 часов утра в манеже проводилась верховая езда на уровне кавалерийского училища. Посещение занятий жестко контролировалось: в случае отсутствия слушателя причины выяснялись в тот же день. На младшем курсе Дроздовский вместе со своими соучениками слушал лекции по тактике пехоты (генерал Н. А. Данилов) и конницы (генерал Елчанинов), истории военного искусства до Наполеоновской эпохи (он же), артиллерии, полевой фортификации, устройству вооруженных сил и армиям важнейших иностранных государств (полковник Гулевич), истории Наполеоновских войн (подполковник Н. Н. Головин, впоследствии один из виднейших военных ученых русской эмиграции), истории русского военного искусства до Суворова (полковник А. К. Баиов), геодезии (генерал К. В. Шарнгорст), истории XIX века, русской истории (профессор С. Ф.

Платонов) и общей тактике[47]. Изредка удавалось выкроить вечер на посещение театра.

По результатам экзаменов по окончании младшего курса около 20% слушателей отсеялось. Остальные участвовали в летних полевых занятиях. Месячный отпуск Дроздовский посвятил поездке домой.

«Пехотинец». Рисунок Н. Кравченко.

Старший курс потребовал полного напряжения умственных, душевных и физических сил, так как его итогами определялось будущее офицера. Здесь кроме способностей очень пригодилась сила воли Дроздовского. Закаляясь в испытаниях, она остужала

голову, развивала хладнокровие и выдержку, которыми молодой офицер ранее не отличался. Может быть, именно в те годы завершилось формирование его характера, цельного и непоколебимого. Теперь читались лекции по стратегии (знаменитый генерал Н. П. Михневич), общей тактике, истории новейших войн (с 1870 года), общей военной статистике (то есть обзор пограничных государств), русской военной статистике (описание вероятных театров военных действий), инженерной обороне государства, довольствию войск и службе тыла (генерал Н. Н. Янушкевич) и военно-морскому делу. После сдачи экзаменов и завершения полевых тактических занятий, в августе 1907 года Дроздовский, набрав требуемый средний балл - больше 10, - приказом по Академии был зачислен на дополнительный курс, при переходе на который отпуска не полагалось.

Режим и форма занятий на третьем году обучения существенно отличались от прежних. Основное время отводилось на самостоятельную работу над подготовкой докладов по истории военного искусства и по теории военного искусства. Совместные занятия продолжались лишь в манеже. При защите докладов особенно придирчиво следили за точным оформлением и сдачей в срок их текстов и внятностью, убедительностью и краткостью речи. Впоследствии подчиненные, вспоминая о Дроздовском, отмечали: «...Тотчас и определенно формулирующий свои мысли, он сразу производил сильное впечатление».

Вместе с Дроздовским или на год-два раньше или позже в Академии Генерального Штаба учились офицеры, сыгравшие впоследствии видную роль в Гражданской войне. Назовем некоторых из них. Начальник Штаба Дроздовской дивизии полковник Ф. Э. Бредов. Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики И. И. Вацетис. Главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. Помощник начальника Алексеевской дивизии генерал-майор М. М. Зинкевич. Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев. Начальник Штаба Донской Армии генерал-лейтенант А. К. Келчевский. Начальник Штабов Южного, Юго-Западного и Западного фронтов РККА Н. Н. Петин (впоследствии комкор). Командующий Донской Армией генерал-лейтенант В. И. Сидорин. Начальник Оперативного управления Полевого Штаба РВСР Б. М. Шапошников (впоследствии начальник Генерального Штаба, Маршал Советского Союза). Одновременно с Дроздовским в Академии учился будущий начальник Штаба Кавказской Армии, а затем и всей Русской Армии генерала Врангеля, будущий генерал-от-кавалерии П. Н. Шатилов.

Дополнительный курс Михаил Гордеевич окончил успешно и за отличные успехи был произведен в штабс-капитаны. 23 мая 1908 года, после представления в числе прочих выпускников Императору Николаю II, он был причислен к Генеральному Штабу и направлен на лагерные сборы в Штаб Варшавского военного округа, где прикомандирован к управлению 49-й пехотной резервной бригады. Затем, получив пособие на обзаведение лошадью со всем необходимым (300 рублей), после двухнедельного отпуска прибыл Лейб-Гвардии в Волынский полк. Там с 12 сентября 1908 года по 4 ноября 1910 года Дроздовский в соответствии с требованиями ценза командовал ротой.

* * *

26 ноября 1910 года началась долгожданная служба по Генеральному Штабу: Дроздовский получил назначение обер-офицером для поручений при Штабе Приамурского военного округа и отбыл к новому месту службы. Академия «расширила теоретический кругозор, напитала знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти им применение в жизни»; молодой генштабист помнил напутственные слова генерала Данилова: «...Настоящая учеба начнется после окончания Академии, и тот, кто остановится на тех знаниях, которые он вынес из Академии, безвозвратно отстанет». Служба в Харбине как раз и стала «практической школой». Как участник Русско-Японской войны, Дроздовский с повышенным интересом и вниманием относился к работе на Дальнем Востоке; в то же время мелочная канцелярская рутина не давала полного удовлетворения.

Приобретя опыт и хорошо зарекомендовав себя, уже через год, 26 ноября 1911 года, он был назначен старшим адъютантом Штаба Варшавского военного округа и произведен в капитаны со старшинством со 2 мая 1908 года. По воспоминаниям сослуживца, «офицеры Генерального Штаба в Варшавском военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального Штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам». Корпоративный дух способствовал деловой обстановке. Энергичный, собранный капитан Дроздовский, бывший и помощником начальника отчетного отделения, запоминался даже мельком видевшим его почему-то прежде всего холодным и

твердым взглядом своих голубых глаз. Признанием отличной его работы стал орден Святой Анны III-й степени, полученный 6 декабря 1911 года. Ввиду ухудшения отношений с австро-германским блоком деятельность Штаба округа становилась все активнее и требовала все большего напряжения сил.

Во время Балканской войны 1912 года Дроздовский буквально рвался принять в ней участие, но командование категорически запретило поездки туда всем офицерам без исключения. К этому времени относится и написание Михаилом Гордеевичем «большого труда по стратегии, о будущей русско-германской войне», неизбежность которой была для него очевидной; к сожалению, рукопись не увидела света и не сохранилась. С 13 июня по 3 октября 1913 года Дроздовский, отлично понимавший значение военной техники и необходимость ее развития, прошел курс летчика-наблюдателя в Севастопольской Офицерской Школе Авиации Отдела воздушного флота. В его послужном списке появилась запись: «Совершил 12 полетов вне аэродрома, каждый полет продолжительностью не менее 30 минут, а всего был в воздухе 12 часов 32 минуты».

* * *

Начало Первой мировой войны Дроздовский воспринял с огромным воодушевлением, почти восторженно: «Эта война, величайший исторический момент - моя великая, самая страстная мечта!» Как и для тысяч русских офицеров, патриотический подъем сочетался у него с надеждой выдвинуться, проявить себя. Назначенный 18 июля 1914 года (по мобилизации) помощником начальника общего отдела Штаба Северо-Западного фронта, он почти сразу стал досадовать на эту «писарскую» должность, где не услышишь свиста пули, «а без этого разве война — война!!!» Поэтому уже 3 сентября по собственному желанию капитан Дроздовский получает назначение обер-офицером для поручений при Штабе XXVII-го армейского корпуса. Это позволяло быть ближе к позициям, подчас непосредственно руководить боевыми действиями и принимать в них участие.

В окопах Первой мировой войны.

С 5 января 1915 года Дроздовский - штаб-офицер для поручений при Штабе уже XXVI-го армейского корпуса. Вскоре, 22 марта, он был произведен в подполковники со старшинством с 6 декабря 1914 года, а с 14 апреля начал исполнять должность начальника Штаба 64-й пехотной дивизии. Прекрасный организатор и тактик, Михаил Гордеевич, и возглавив штаб, постоянно находился под огнем на передовой. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказалась Русская Армия в 1915 году, Дроздовский сохранял боеспособность дивизии и 1 июля был «за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св[ятого] Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом». После временного, с 22 октября по 10 ноября, исполнения должности начальника Штаба своего XXVI-го армейского корпуса подполковник Дроздовский был утвержден в предыдущей должности начальника Штаба дивизии уже, как тогда было принято говорить, «на законном основании». Однако он по-прежнему тяготился «текущим бумагомараньем», на которое часто жаловался в письмах.

Однажды августовской ночью немцы заняли переправу, отрезав отступление всему корпусу. Дроздовский наскоро собрал

солдат у штаба дивизии, повел в штыковую атаку, вернул переправу и отразил ряд германских атак. Как гласит выписка из приказа, 2 ноября он был «награжден Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 г. у м[естечка] Ораны, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через реку Меречанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив важность захвата северной окраины м[естечка] Ораны, лично руководил атакой частями [253-го пехотного] Перекопского полка и умелым выбором позиций способствовал действиям нашей пехоты, отбившей в течение пяти дней настойчивые атаки превосходящих сил противника». 24 мая 1916 года награждение было утверждено Высочайшим приказом.

15 августа 1916 года Дроздовский был произведен в полковники со старшинством с 6 декабря 1915 года. А 31 августа при штурме горы Капуль в Карпатах он лично поднял и повел в атаку два полка, почти сразу получив ружейную пулю в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц; через пять дней, ввиду тяжести ранения, состоялась эвакуация в тыл. Усилия докторов имели лишь частичный успех: сохранить руку удалось, но только полупарализованной. Вопреки рекомендациям врачей, в январе 1917 года Дроздовский вернулся на фронт, заняв должность начальника Штаба 15-й пехотной дивизии.

* * *

Февральская революция потрясла убежденного монархиста, каким всю жизнь был потомственный дворянин Дроздовский, хотя он, по собственному признанию, на отречение Императора Николая II и «на переворот естественно смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию». В то же время он дальновидно предпочел вначале не высказывать откровенного мнения о происходящем, чем создал видимость «благонадежности» к новой власти. 6 апреля полковник Дроздовский стал командиром 60-го пехотного Замосцского полка своей же дивизии. Вместо него начальником Штаба дивизии был назначен полковник Е. И. Достовалов (будущий начальник Штаба 1-го армейского корпуса Добровольческой Армии), который, увлеченный политической деятельностью в Петрограде, к новому месту службы так и не прибыл и по прошествии двух месяцев был отчислен начальником дивизии генералом Г. Г. Тимротом, а временно исполняющим его должность стал штабс-капитан Е. Э. Месснер, в 1920 году -

начальник Штаба Корниловской ударной дивизии.

В письмах Дроздовского этого периода явно чувствуется горечь от развала Армии вследствие «демократизации» военных порядков, начатой известным Приказом № 1. Правда, на Румынском фронте, где служил после излечения Михаил Гордеевич, разложение шло медленнее: генералы Д. Г. Щербачев и А. М. Крымов, принимая разнузданные маршевые роты из тыла, лишали их оружия и «революционных» знамен, а личный состав распределяли по восемь человек в уже имеющиеся подразделения. «В полках с большевиками не церемонились, - отмечал современник, - находили какое-нибудь обвинение уголовного характера" и изымали из обращения». Очевидно, оснований для инкриминирования не относящихся к «политике» правонарушений имелось предостаточно. Летом фронт еще сражался. Однако распад был необратим, и Дроздовский мог его наблюдать не по дням, а по часам.

27 июня он пишет: «...мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших "свободных граждан", свободных от чувства долга и доблести...» Вначале мрачные предчувствия вроде бы не оправдались: 11 июня Замосцский полк вместе с другими частями 15-й пехотной дивизии буквально растерзал 218-ю германскую дивизию под Марештами, самостоятельно взяв у противника десять орудий из одиннадцати, ставших трофеями всей дивизии. Наступавший на Аджуд XVIII-й германский резервный корпус генерала Венингера 27 июля был смят и отброшен на исходные позиции. А уже 31 июля Дроздовский характеризовал действия своего полка лишь как «нечто вроде боя», 1-го же августа началось повальное бегство. Михаил Гордеевич своей властью приказал бить палками бегущих и стрелять по ним, и на следующий день команда разведчиков, расположившись с тыла, удержала полк, а полк - позиции.

«Подстреленный аэроплан». Рисунок И. Владимирова.

Теперь войска были окончательно захлестнуты тыловыми настроениями, так как солдаты пополнений начинали составлять большинство. После «корниловских дней» между офицерами и нижними чинами пролегла пропасть. Положение было красочно изображено в рапорте Дроздовского, написанном в сентябре:

«За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений. По этим случаям ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы. Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют "старым режимом". Развращенные безнаказанностью, отменой чинопочитания, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалованье; в солдатской же среде главное настроение - нежелание воевать, непонимание, вернее нежелание понимать необходимость продолжать войну».

Собственные переживания Дроздовского, служившего отнюдь не за жалованье, а из глубокого искреннего патриотизма, отразились в его личной переписке:

«Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка, - в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

За июльские бои Михаил Гордеевич уже после прихода к власти большевиков, 20 ноября 1917 года, был награжден долгожданным орденом Святого Георгия IV-й степени, но, как признавался он сам, «нисколько не стало легче на душе от этого», хотя «это единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен». Награждение, не успевшее отразиться в приказе Армии и Флоту, как бы повисло в воздухе. Дроздовский нашел компромиссное решение, начав на иностранный манер носить в петлице френча Георгиевскую ленточку. Состоялось и его представление к ордену Святого Георгия III-й степени, оказавшееся, однако, безрезультатным. Вместо этого 24 ноября Дроздовский был назначен командующим 14-й пехотной дивизией. Но повышение не радовало. После отмены Совнаркомом чинов, орденов и прочих отличий - иерархии, лежащей в основе любой военной организации, — Дроздовский решил, что долг честного русского офицера, о котором он недавно писал, призывает его к борьбе против разрушения Армии и государства. 11 декабря он сам сложил с себя ставшую почти номинальной должность и отбыл в город Яссы, где располагался Штаб Румынского фронта.

* * *

Еще в ноябре при Штабе фронта состоялось совещание офицеров Генерального Штаба «по вопросу восстановления и спасения гибнущей России», в котором принял участие и Дроздовский. Высказавшись за немедленную вооруженную борьбу с большевиками, он, поддержанный небольшой группой - полковниками М. К. Войналовичем и Давыдовым и капитаном Федоровым, -оказался в меньшинстве. Остальные надеялись на эволюцию большевиков или планировали тайный подрыв их власти изнутри. Генерал Д. Г. Щербачев, фактический Главнокомандующий армиями Румынского фронта (формально эту должность занимал Король Румынии, а Щербачев считался его помощником), сначала предполагал формирование целого корпуса добровольцев для переброски на Дон, где генералом М. В. Алексеевым была начата организация первых Белых отрядов, но вскоре разуверился в этом предприятии.

12 декабря полковник Дроздовский явился на известную ему конспиративную квартиру в Яссах. Назвав пароль «Россия», он оказался в темной комнате, где на столе горела единственная свеча, за столом же сидело некое существо в маскарадном костюме-«домино», женском платке и автомобильных крагах и

небрежно поигрывало револьвером. Вся обстановка казалась жутковатой. Визгливым, хриплым голосом существо обменялось с Дроздовским несколькими фразами и предложило ознакомиться со странным документом. «На бумаге черным по белому было написано, - с иронией рассказывал очевидец, - что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром членов во всех уголках земного шара до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченным запасом вооружений. Управляется организация Верховным Советом из людей, рядовым членам неизвестных. Цель организации - борьба с большевиками всеми средствами. Содержание членов организация берет на себя». Дроздовский был немного шокирован приемом, но согласился сразу. Затем пришлось подписать другую бумагу, гласившую, что за нарушение правил организации вступающий подвергается смертной казни, так же, как и безо всяких проступков, просто по усмотрению Верховного Совета.

Несуразная фигура вздохнула с облегчением, быстро избавилась от камуфляжа и оказалась капитаном Н. В. Сахаровым, сыном известного генерала. Он объяснил, что маскарад имеет целью конспирацию, а сам он является представителем инициативной антибольшевицкой группы, возникшей еще в середине ноября. В нее входили также В. Д. Янчевецкий - «интернациональный революционер» (?), Генерального Штаба полковник Б. А. Палицын -русский военный агент (атташе) в Румынии, подпоручик П. П. Ступин - переводчик при американской миссии и земгусар[48] Поздняков. К ним присоединился и ротмистр Д. Б. Бологовской. Пока организация работала неудачно: единственным успехом стало получение всеми правдами и неправдами 20 тысяч румынских лей от французских представителей.

С первого же дня Дроздовский твердой рукой подчинил организацию себе, изгнал всякую бутафорию и добился легализации под названием Первой Бригады Русских Добровольцев. Именно он решил снять получивший вскоре широкую известность дом № 24 на улице Музилер в Яссах, где открыл бюро записи. Есть сведения и о контактах его с «Московским Центром», связанным, в свою очередь, с генералом Алексеевым. В отличие от Щербачева, бюро широко оповестило армию о своей деятельности через газеты «Русское Слово» и «Республиканец». Быстро появились и результаты: офицеры, ставшие париями в собственных частях, охотно покидали их и направлялись в Яссы. Многие стремились поступить в добровольческие части на Дону, о содействии чему имелась и

просьба к Щербачеву от Алексеева, но большинство оставалось у Дроздовского.

Михаил Гордеевич смог развернуть сеть вербовщиков в прифронтовых городах. Поездка в тыл для расширения организации едва не закончилась трагически: в Одессе, контролируемой большевиками, он был арестован, но благодаря своему адъютанту подпоручику Н. Ф. Кулаковскому вновь обрел свободу. Риск, впрочем, оправдал себя: в Кишиневе и Одессе открылись бюро записи офицеров, в которых работали бывшие подчиненные Дроздовского по Замосцскому полку Кулаковский, штабс-капитан В. Н. Ляхницкий и прапорщик Т. Чупрынов; в Тирасполе действовал капитан Кавтарадзе. Во время отсутствия Дроздовского замещал ставший его ближайшим помощником полковник Войналович, полная противоположность по характеру - уравновешенный, неторопливый - и абсолютный единомышленник, самоотверженный патриот и решительный храбрец.

Вербовка велась и более активным, хотя и довольно оригинальным способом: сотрудники Дроздовского специально посещали вокзалы, кафе, где заводили разговоры с офицерами, массово приезжавшими с фронта, и рассказывали об организации. Многие отвечали, что «устали воевать». Вступавшие же частично отправлялись на время обратно в свои полки для агитации (командиры частей не отпускали офицеров в Бригаду, мотивируя это нехваткой командных кадров во фронтовых частях). Поступавшие в Бригаду размещались в общежитиях Евгениевской Общины и получали пособие. Не вполне определенное состояние организации лишало, однако, добровольцев прочего довольствия, затрудняя дальнейшее формирование. Во второй половине декабря по Штабам армий разослали приглашение желающим поступать якобы на американскую службу. Явившихся направляли из консульства на улицу Музилер, в добровольческое бюро. С этого же времени некоторая финансовая поддержка стала поступать от союзников, что позволило хоть немного обеспечить добровольцев всем необходимым. Дроздовский наладил канал и для притока офицеров из «собственно России», которых на станции Унгены встречал специальный агент.

К январю 1918 года Дроздовскому удалось собрать в местечке Скинтея более 200 человек.

Доверенное лицо Михаила Гордеевича, ротмистр Бологовской, создал «команду разведчиков особого назначения», которая добывала оружие и боеприпасы, захватывая их хитростью или силой в разложившихся частях. Но главной функцией по совместному решению стал индивидуальный террор. За время

существования, по утверждению Бологовского, было «истреблено больше 700 человек крупных и мелких большевиков», из которых самым видным был С. Г. Рошаль, известный участник революционных событий и разложения фронта: забрав из-под румынского ареста, офицеры пристрелили его на шоссе в декабре 1917 года.

* * *

Теперь, когда Дроздовским была проделана первая, самая трудная организационная работа, Штаб фронта наконец решил подключиться к ней и захватить руководство. Генерал Щербачев 24 января отдал приказ о формировании Отдельного Корпуса Русских Добровольцев в составе Штабай трех бригад. Командиром Корпуса назначался командующий IX-й армией генерал А. К. Келчевский, а начальником Штаба — генерал А. Н. Алексеев; истинный же организатор добровольчества на Румынском фронте, Дроздовский, оттеснялся с первой роли, став лишь командиром 1-й Скинтейской бригады. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Астангов и Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде.

Масштабы организации росли. На основе обязательства для вновь поступающих, составленного Дроздовским и Войналовичем, появился следующий текст подписки:

«Я....., поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Русской Армии, причем за все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною

начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства в расквартировании, как то: теснота, грязь, холод и прочее.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

Но бурная деятельность Штаба Корпуса, разросшегося (Штаб, а не Корпус) до невероятных размеров, мало способствовала увеличению притока добровольцев. Бюрократизировав работу Штаба, Келчевский не делал ничего для популяризации идей и целей формирования. Между тем Дроздовский напрямую, через собственных вербовщиков, продолжал собирать пополнения, доведя к февралю численность своей бригады до 500 человек.

На совещании в Штабе Корпуса выяснилось, что из пяти тысяч записавшихся - три тысячи оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, преимущественно были «мертвыми душами». Это внушило Келчевскому мысль о невозможности похода. Дроздовский вспылил и резко заявил, что он «с каким угодно числом решительных людей пойдет на Дон к генералу Корнилову и доведет их». Чины Штаба сочли Михаила Гордеевича «авантюристом и маньяком» и начали всячески ему препятствовать. Появился приказ о недействительности подписки; Корпус упразднялся; 2-я Кишиневская бригада уже расформировывалась. Часть добровольцев рассеялась.

* * *

Не подчинившись решению Управления по формированию добровольческих частей, Дроздовский не только не распустил свою бригаду, но и продолжал вербовку в нее частным порядком. Добровольцы, решившие присоединиться к нему и размещавшиеся ранее на станции Соколы в двух верстах от Ясс, с

этого времени перебрасывались в Скинтею. Им удалось занять лишь несколько летних, холодных и темных бараков; спали офицеры на нарах, днем выполняли все хозяйственные работы, включая заготовку дров и уход за лошадьми. Одновременно шли усиленные строевые занятия. Как отмечал один из добровольцев Дроздовского, нелегкая доля «не понизила духа, но, наоборот, только сильнее сплотила собравшихся. Трудную непривычную школу пришлось пройти офицерам...» Дроздовский ввел строгий распорядок, желая еще до похода проверить и закалить выносливость и дисциплину добровольцев, крайне необходимые в совершенно новых условиях существования отряда, бывшего почти исключительно офицерским. «Не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место», - писал он.

Теперь, когда прекратились даже незначительные субсидии извне, бригада была вынуждена сама заботиться обо всем необходимом. Вооружение, боеприпасы, продовольствие, фураж добывались набегами на соседние большевизированные части: Дроздовский действовал так же, как Корнилов при обеспечении Добровольческой Армии накануне Первого Кубанского похода. В итоге к 20 февраля в бригаде оказалось много легкой и тяжелой артиллерии, пулеметов, 15 бронемашин, радиостанция, легковые и грузовые автомобили и иное имущество в количестве, соответствующем соединению в десятки раз большей численности, чем было у Дроздовского. При уходе из Скинтеи излишки были приведены в негодность и брошены.

Полковник М.Г. Дроздовский.

К 22 февраля части Дроздовского вновь переместились в Соколы, так как стало известно о готовящемся заключении Румынией сепаратного мира с Центральными Державами, причем одним из условий со стороны немцев было разоружение русских добровольцев. Дроздовский, еще за несколько дней до этого решивший в таком случае прорываться на восток, лихорадочно готовился к выступлению. Румыны, на словах соглашаясь пропустить его, саботировали выдачу имущества и задерживали эшелоны; Щербачев, получивший от союзников 7 миллионов франков, согласился выделить полтора, а на деле выплачено оказалось лишь 600 тысяч. Для пополнения кассы Дроздовский решил продавать часть снаряжения и техники. Установив денежное содержание в 200 рублей в месяц офицерам и от 25 до 100 рублей солдатам, он не считал возможным нарушать свои обязательства.

Издерганный множеством осложнений и препятствий, простуженный и терзаемый жестокой бессонницей, Михаил Гордеевич умудрялся всюду поспевать. Он призывал, воодушевлял, приказывал, советовался, добивался, часто срываясь на крик, ругаясь своим глуховатым, осипшим голосом. В его дневнике появляется запись: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу.

Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга... Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней». Последние слова точно характеризуют все последующие действия Дроздовцев, став их боевым принципом.

Уделялось внимание и идейному сплочению добровольцев. Еще в конце 1917 года Дроздовский заявил помощникам: «Сейчас я за республику, но... в душе я все-таки монархист». Те поддержали его, а Бологовской предложил начать вербовку внутри отряда в тайную монархическую организацию. Завербованным чинам выдавались особые карточки трех степеней. Большинство получило карточки с одной полосой, двенадцать крупных чинов - с двумя, и лишь у Дроздовского и самого Бологовского имелась высшая степень с тремя полосами. «Процент имеющих карточки в отряде за все время... был очень высок и колебался около 90%», - вспоминал Бологовской. Сплотив единомышленников, Дроздовский получил двойную власть над ними и мог рассчитывать на неограниченную преданность.

С 23 февраля румынские войска начали окружать добровольцев. Дроздовский выставил сторожевые охранения, выдвинул на боевые позиции пулеметы и артиллерию, заняв на всякий случай круговую оборону и взяв на прицел дворец «молдавского парламента», а сам выехал в Штаб Румынского фронта, чтобы в ультимативной форме сделать последнюю попытку получить пропуск на свободный проход с оружием. При возможном нападении он приказал контратаковать и идти на прорыв; подчиненные единодушно поддержали его. Прошла тревожная ночь. Около 10 часов утра наконец появился автомобиль Дроздовского. Все свободные от нарядов офицеры толпой кинулись навстречу, и им мгновенно бросилось в глаза, что лицо обычно хмурого и озабоченного командира сияет радостной улыбкой, а в руке развевается листок бумаги. Долгожданный пропуск был получен, румыны отошли, и началась лихорадочная погрузка в выделенные эшелоны.

* * *

Утро 26 февраля стало началом знаменитого позднее похода «Яссы - Дон», который вначале казался просто движением в неизвестность. Позади оставались дома и семьи, а у многих офицеров - дымящиеся пепелища и свежие могилы. Вопреки

распространенному мнению, был семейным человеком и сам Дроздовский -еще до войны он женился на потомственной дворянке Ольге Владимировне Евдокимовой, Православного вероисповедания. Более он с ней уже не увиделся.

Эшелоны двинулись на Кишинев. На станции Перлица румынский начальник пытался, угрожая силой, отобрать паровоз головного состава, но сила натолкнулась на силу, и румыны тотчас, извинившись, отступили. В Кишиневе из полутора тысяч записавшихся во 2-ю бригаду к Дроздовцам присоединилась одна офицерская рота численностью до 100 штыков. К 4 марта Отряд, уже походным порядком, достиг Дубоссар и занял их. Здесь Дроздовский решил реорганизовать и упорядочить наличные силы. Отряд принял следующий вид:

- Штаб Отряда;
- Сводно-Стрелковый полк в составе трех стрелковых и одной пулеметной рот и хозяйственной части, под командованием генерал-майора В. Семенова -487 штыков;
- Конный дивизион (штаб-ротмистр Гаевский) - 102 сабли;
- батареи: конно-горная (капитан Колзаков), легкая (полковник Ползиков) и мортирный взвод (полковник Медведев, капитан Михайлов);
- команда связи (полковник Гран);
- конная и автомобильная радиотелеграфные станции;

Полковник М.А. Жебряк.

- автоколонна (капитан Лисицкий);
- бронеколонна;
- команда разведчиков особого назначения — 15 сабель;
- полевой лазарет;
- интендантство.

Численность Отряда достигла 1 050 человек (свыше 700

добровольцев и около 300 пленных-«илотов»[49] в обозе), в том числе более 2/3 офицеров. В строю было всего шесть штабс-офицерских чинов, основную массу составляла военная молодежь - «бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики». «В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов», - вспоминали они.

Строгими дисциплинарными мерами Дроздовский быстро пресек имевшие место «пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты, сепаратические течения», расценив их как недопустимую «непривычку, вернее, отвычку повиноваться». Через несколько дней пришло сообщение от австрийских оккупационных властей (войска Центральных Держав продвигались вперед, почти не встречая сопротивления) о ранении ими двух большевиков, грабивших жителей и первыми обстрелявших их; к негодованию командира, «большевиками» оказались кавалеристы Отряда, проводившие реквизицию. Дроздовский устроил Конному дивизиону грандиозный разнос, грозил судом и требовал прекратить безобразия. «Эта буйная публика может только погубить дело», - раздраженно записал он в дневнике, беспокоясь, что население, пока встречавшее Отряд нейтрально, может отвернуться от него и даже обратиться за помощью к оккупантам. Впрочем, окончательно порядок был установлен лишь после расстрела за грабеж подпоручика И. Зорича. С тех пор насилия больше не повторялись.

Дроздовского удручала шедшая впереди его войск слава какого-то карательного отряда. Она усиленно раздувалась большевиками, стремившимися не допустить присоединения Отряда к Добровольческой Армии и восстановить против Дроздовцев большинство населения. Как сообщали разведчики, крестьяне расказывали о них примерно так: «Идут - видимо-невидимо, и все князья и графья, кричат "гады" и бьют всем морды» («гады» - любимое словечко штабс-капитана А. В. Туркула, у которого совсем недавно матросы растерзали родного брата...). Для действенного раз-убеждения приходилось не только удерживать подчиненных от эксцессов, но и защищать местных жителей от произвола даже не столько красногвардейцев, сколько откровенно бандитских шаек. Возмездие за убийства и грабежи Дроздовский осуществлял решительно и беспощадно - активные большевики и особенно матросы расстреливались, а гражданские лица, чье участие в насилиях было доказано, подвергались порке шомполами при участии своих же соседей. Дома местных большевиков сжигались.

«Нет-нет да и сожмет тоской сердце, - признавался Михаил

Гордеевич в дневниковых записях, - инстинкт культуры борется с мщением врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца!»; «В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом - с волками жить...»; «Жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови».

При всем остром драматизме событий, вообще происходивших тогда в России, нельзя не отметить, что Дроздовский предстает одним из самых опасных противников большевизма, ибо отчетливее многих других вождей и военачальников Белого движения он осознал жестокую логику Гражданской войны как борьбы на истребление врага, - и не только осознал, но и принял ее как единственно возможную для победы.

Одновременно он стремился не только побеждать и завоевывать, но и восстанавливать хотя бы элементарный порядок, возвращая людям мирную жизнь, свободную от ужаса междоусобицы. Несмотря на присущую ему неприязнь к евреям, Дроздовский старался предотвращать погромы, чем завоевал благодарность в проходимых местечках. Когда однажды жители, привыкшие к захватам и заранее приготовившиеся откупаться, неожиданно получили плату за доставленный интенданту Отряда хлеб, удивлению не было границ. Даже антибольшевицкие меры применялись лишь при наличии враждебных действий против Отряда или насилий над населением, все чаще обращавшимся к Дроздовцам за защитой. Так, в Новом Буге активно боровшийся с бандитами комитет во главе с прапорщиком-большевиком не только был сохранен, но и получил поддержку оружием.

* * *

Постоянной головной болью для Дроздовского на протяжении всего похода стала проблема взаимоотношений с австро-германскими оккупантами, в соответствии с условиями Брестского мира продвигавшимися почти одновременно с Отрядом по Новороссии на восток. Несмотря на заявления немцев о полном нейтралитете и даже неоднократно имевшие место выказывания воинского уважения (отдание чести Добровольцам и пресечение враждебных выходок украинцев-«самостийников»), осторожный Дроздовский старался как можно меньше соприкасаться с ними. Он отлично понимал, что такая позиция недавних противников проистекает только от их «полной

уверенности, что мы не преследуем широких целей или что выполнение их невозможно». Основываясь на этом, Михаил Гордеевич несколько раз во время вынужденных встреч и переговоров, усыпляя бдительность германцев, упоминал о своем намерении идти в Великороссию и даже на Москву, а в приказах нередко указывались ложные маршруты движения и пункты назначения.

Дроздовскому нередко старались приписать германофильство, но это не соответствует действительности. Центральные Державы оставались для него врагами наравне с большевиками и украинскими сепаратистами. На него, по собственному признанию, «подействовало ужасно» полученное сообщение о крупном успехе немцев на Западном фронте. Впрочем, и сторонником Антанты Дроздовский оставался лишь потому, что надеялся на ее поддержку как на средство достижения собственной цели. Офицеры Отряда полностью поддерживали своего командира и столь нервно и тяжело реагировали на вынужденный мир со вчерашним противником, что постоянно висела угроза спонтанных столкновений. Поэтому непосредственных контактов приходилось избегать.

«Германский фактор» заставлял еще строже бороться с остатками разнузданности внутри Отряда. Дроздовский не мог забыть позора, когда грабивших добровольцев приняли за большевиков, а население просило защиты у австрийцев. Избавителями от кошмара безвластия и произвола, считал он, могли и должны были стать только русские солдаты и офицеры, чтобы на их фоне приход иноземцев производил на местных жителей тягостное впечатление. Завоевания симпатий и поддержки народа Дроздовский искал не в отвлеченной агитации, а в конкретных действиях, бывших красноречивее лозунгов и призывов. Тем самым он проявил стремление и способность не отделять военные мероприятия от политических последствий, понимая их неразрывность. И все же командир Отряда оставался прежде всего офицером, а не политиком.

* * *

Удивительной спайки своих подчиненных, бывшей одним из главных залогов успеха, Дроздовский достигал двумя путями. Во-первых, беспощадно изгонялись те немногие, кто выказывал трусость, слабость или недовольство -вроде подпоручика Попова, покинувшего в опасности подпоручика князя Шаховского. Во-вторых, пресекались ссоры между товарищами, для решения же

конфликтов, затрагивавших честь и достоинство, Дроздовский лично способствовал легализации дуэлей. И, конечно, он не терпел никаких претензий отдельных частей на особое положение в Отряде. Такая попытка была предпринята вначале полковником М. А. Жебраком-Русакевичем, командиром роты добровольцев, собранной им в Измаиле из чинов Балтийской дивизии и приведенной на соединение с Дроздовским. После неоднократных неудачных переговоров, в которых Жебрак старался добиться признания своей самостоятельности в командном отношении, под влиянием непреклонности командира Отряда и собственной малочисленности (71 штык), присоединение состоялось на условиях полного подчинения. Возможно, амбиции измаильцев основывались на том, что они имели знамя, какового у Отряда не было. Впоследствии все было забыто, а Жебрак принял 2-й Офицерский полк.

Отряд был не только создан, но и выпестован благодаря выдающимся лидерским качествам самого Дроздовского, сумевшего внушить подчиненным глубокое уважение к себе. Он сразу стал непререкаемым авторитетом, а вскоре - и кумиром для них, не ища популярности дешевыми эффектами, будучи одновременно близким и недосягаемым. Он мог заснуть на простой обозной подводе рядом с другими офицерами или на ночевке уступить кому-нибудь единственную в хате кровать. Но при этом ни у кого не могло возникнуть и мысли о фамильярности с командиром ни в служебном, ни в личном отношении. И вера в него на фоне крушения всех прежних устоев и традиций становилась поистине монументальной - происходила поэтизация образа Вождя. «Полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда - от Ясс до самой смерти - в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать... В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень...» - вспоминали о нем. Даже внешне Михаил Гордеевич весьма импонировал офицерам: «Высокого роста, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом» (пусть и сквозь «интеллигентское» пенсне), «он сразу производил сильное впечатление...»

Дроздовский был подлинным вождем, способным не только увлечь за собой, но и достигнуть поставленной цели. Вопреки собственным довольно мрачным предчувствиям, он смог провести

Отряд через 1200 верст неизвестности и опасностей. В этом в равной мере сказались и дерзкая решительность, и мужество, и несомненный тактический талант, и политико-дипломатические способности. Удачное преодоление серьезных водных преград - Южного Буга и Днепра — и отсутствие на протяжении всего похода сколько-нибудь серьезных боевых столкновений были следствием умелого, иногда противоречившего мнению всего Штаба, руководства Дроздовского. В итоге потери оказались совершенно ничтожными; в то же время Отряд пополнился более чем двумястами добровольцами (не считая многочисленных казаков, вошедших 16 апреля в Донскую сотню есаула Фролова). Из упоминавшихся пленных -около 300 человек - почти все в Мелитополе были вооружены и поставлены в строй новой 4-й роты, как хорошо зарекомендовавшие себя в походе; некоторые из них в дальнейшем заслужили и офицерские погоны.

Оснащение и пополнение военным имуществом производилось из обширных складов, попадавшихся по пути следования. В Мелитополе было пошито новое обмундирование. Варшавский арсенал, эвакуированный во время Великой войны в Бердянск, позволил пополниться снарядами и авиационным оборудованием. В Мариуполе кавалерия обновила конский состав. В Таганроге, где уже находились немцы, Добровольцы попросту захватили боеприпасы, автомобили и аэропланы, сформировав авиационный отряд.

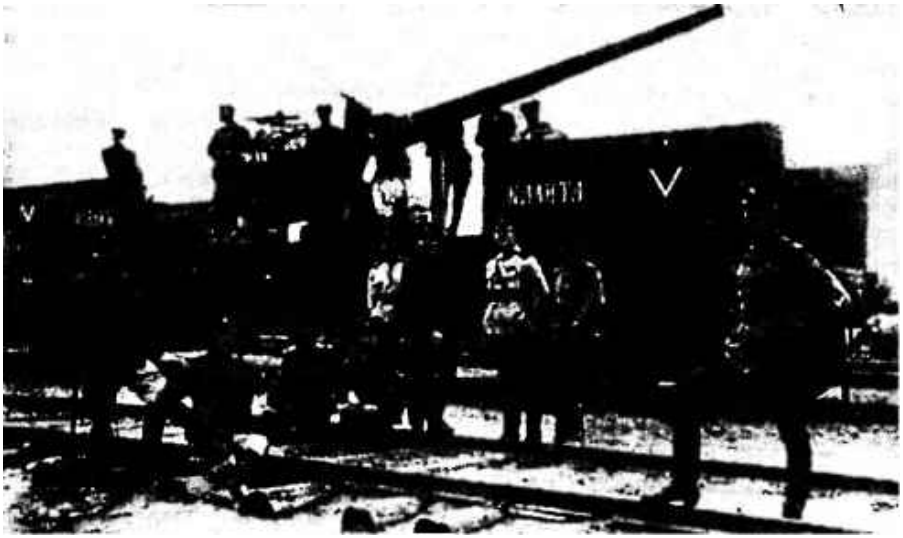
Само движение походным порядком закаливало выносливость и волю, отсеивая редкий нестойкий элемент (Отряд покинуло всего 12 офицеров) и принося те «лишения», которые Наполеон считал «школой хорошего солдата». Во время перехода до Бердянска добровольцы чисто по-суворовски покрыли 109 верст менее чем за сутки. У Отряда был даже собственный маленький «ледяной» переход, по странной и знаменательной случайности совпавший день в день (17 марта 1918 года) с тем эпизодом истории Добровольческой Армии, который дал второе название ее Первому Кубанскому походу. Это произошло, когда колонна Дроздовского вышла из Александровки. Холодный ветер «гнал тонкую снежную пыль, резал лицо; коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях... Дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше...» Даже самые стойкие офицеры отдыхали, садясь на подводы. Вспоминает один из них: «Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевшей от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в

седле. Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно (! - *Р. А.)* Дроздовский согласился... Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе...»

* * *

Конечной целью похода было соединение с Добровольческой Армией. Уже 21 марта Дроздовский направил ротмистра Бологовского и поручика Кудряшева для прояснения обстановки на Дону и Кубани и дальнейшей координации маршрута. Посланцы пробирались тайно и столь старательно скрывали свои истинные намерения, что в одном из сел чуть не были убиты крестьянами по обвинению в большевизме (!). А 1 апреля Кудряшев возвратился с полдороги и принес запоздалую, но от этого не менее тревожную весть об уходе Добровольцев из Ростова и Новочеркасска. 13 апреля Бологовской получил и передал известие о гибели Корнилова, сообщив в то же время и о продолжении борьбы. Чтобы не снизить боевой дух Отряда, Дроздовский оповестил о смерти Корнилова только начальников частей.

«Мое переживание: пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...» - отмечает он в дневнике, решив сохранить Отряд во что бы то ни стало. Конечно, здесь играло свою роль и его отношение к Добровольческому командованию. Несмотря на то, что в вербовке добровольцев на Румынском фронте играли свою роль представители Алексеевской организации и Московского Центра, Дроздовский относился с глубочайшим уважением и преклонением только к Лавру Георгиевичу Корнилову, которого называл «человек-легенда». Чувствуя родство двух сильных характеров - своего и корниловского, - он вовсе не распространял свое отношение на окружение Лавра Георгиевича, не раз упоминая М. В. Алексеева, А. И. Деникина, И. Г. Эрдели, что называется, скопом, как бы подчеркивая их равнозначность между собой и второстепенность рядом с Корниловым. Отсюда и слова о потере цели: Дроздовский был готов бороться, но не видел теперь настоящего вождя.



Бронепоезд Добровольческой армии «Иоанн Калита», 1919 год.

Между тем поход близился к завершению. Для чинов Отряда он вскоре превратится в воспоминание, безусловно поэтизируясь и мифологизируясь, и станет первой вехой доблестного и кровавого, жестокого и самоотверженного пути Дроздовцев...

«Стройно, блестя на солнце штыками, шла какая-то военная часть, с необыкновенными солдатами и офицерами. Можно было смело поверить, что маленький воинский отряд, безусловно, ведет куда-то и совсем необыкновенный командир. Все, все было необыкновенно в этом маленьком отряде, начиная с одежды и кончая строгой дисциплиной, царившей в нем. Великолепно пригнанное обмундирование - новые защитные гимнастерки, добротные сапоги. И что еще удивительнее — погоны на плечах.

Звучит, несется солдатская песня. Поет радостно весенняя зеленая степь.

Куда-то вперед помчались по дороге разведчики отряда - мотоциклисты, и видение растаяло в степи.

Сон? Волшебство зелено-дымной степи? Такого не было.

Вот и разгадка. Гремят выстрелы под большим городом... Рвутся снаряды над громадным вокзалом... Белые облачка разрывов над перекинутым через большую реку мостом... Еще немного - и смолкло все.

Освобождение. Воскресение. Весеннее в природе. Весеннее в душах и сердцах людей... Весна, радость, жизнь... Счастливые улыбки. Слезы радости вновь обретенного счастья...

А необыкновенные солдаты и офицеры необыкновенного отряда в этот момент - горды и так же, как освобожденные, счастливы. Им - цветы, благодарности, улыбки... В душах и сердцах в этот

момент бьется одно, оно поет, громко и трепетно звучит: ОСВОБОЖДЕНИЕ!..

Начало его... Вот один большой город... А потом - дальше!.. Вся Россия? Возможно?! И звучит в душе ответ: смелым и дерзким — возможно. Трудно?.. Да, будет трудно. Будет тяжело, кровь, жертвы, гибель многих, муки...

Чудо, рожденное в зелено-дымной степи, — маленький отряд полковника Дроздовского...»

Так сохранили в памяти уже на закате дней свой первый поход и образ командира последние ветераны-Дроздовцы в 1970-е годы. Но, помимо понятного стремления к идеализации, они верно передали главное чувство того далекого времени: первые добровольцы шли спасать Россию, не стремясь к «политической реакции», ощущая себя именно спасителями - честными и бескорыстными...

* * *

В самом конце своего движения Отряд натолкнулся на непривычно сильное сопротивление. В Ростове-на-Дону и вокруг него были сосредоточены силы большевиков, в 25 раз превосходившие количество Добровольцев (стало известно это только позднее). Дроздовский впервые собрал военный совет, на котором все командиры высказались за штурм города, бывшего последней преградой перед соединением с Добровольческой Армией. Все буквально рвались в бой, и лишь сам командир был настроен сдержанно, понимая, что Отряду предстоит испытание гораздо более серьезное, чем прежние походные стычки.

В 10 часов вечера 21 апреля добровольцы начали наступление. Под командованием полковника Войналовича 1-й эскадрон штаб-ротмистра Аникеева быстро занял вокзал; едва ли не единственной потерей стал сам начальник Штаба Отряда, застреленный в упор каким-то красноармейцем. Тогда же 2-й эскадрон штаб-ротмистра Двойченко захватил станцию Ростов-Товарная и выслал связь на вокзал. Правда, кавалерия была вскоре вытеснена за Темерник (предместье Ростова), но в полночь основные силы белых выбили противника на левый берег Дона. Чины Отряда прямо из боя попали на празднование Пасхи: «Нам нанесли в узелках куличей и пасок... - рассказывает один из них. - Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании свечей все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой». Офицеры были тронуты и воодушевлены столь

искренней встречей.

Но к рассвету усиленный подкреплениями из Новочеркасска противник при поддержке двух бронепоездов контратаковал город. Дроздовский, сам возглавив кавалерию (под ногами его лошади разорвался снаряд легкого орудия, но вреда полковнику не причинил), пытался ударить в обход. Это оказалось невозможным ввиду многочисленности и непривычной для добровольцев организованности красных, наступавших правильными цепями с умелым маневрированием. Командир Сводно-Стрелкового полка генерал Семенов проявил трусость, укрывшись в ямах возле кирпичного завода. Из-за этого не был вовремя выполнен приказ об отводе пехоты, и ротам пришлось буквально прорываться из окружения; часть убитых и даже раненых оказалась брошена. Только благодаря самоотверженности артиллеристов и кавалерии, во главе с самим Дроздовским прикрывавшей отход, стрелки спаслись от разгрома. Потери оказались весьма значительными, достигая, по разным оценкам, 90-100 человек. Генерал Семенов был с позором изгнан из Отряда, а его должность занял полковник Жебрак. Дроздовский был крайне подавлен, «плакал и говорил, что он по своей вине погубил отряд».

«Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевицкие силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый-Чалтырь, - вспоминал почти два десятилетия спустя генерал Н. Д. Неводовский. - Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский - этот сильный духом человек - опустил голову, и слезы потекли из его глаз...

...Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни...»

В Мокром Чалтыре Отряд нашли гонцы от восставших донских казаков, просившие помощи. Дроздовский мгновенно выступил на Новочеркасск и подошел к донской столице в самый критический момент, когда восставшие были почти разбиты. После первой же атаки красные в панике бежали, но уйти удалось немногим. 25 апреля 1918 года стало датой окончания похода

«Яссы - Дон».

* * *

Победа, одержанная на Дону, позволила Дроздовскому дать своим подчиненным возможность хорошо отдохнуть, одновременно совершенствуя их боевую выучку и дисциплину. В этом его требовательность совпала с характером полковника Жебрака, который тоже «вызвал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды, - вспоминал ротный командир. - В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново... И он умел так себя поставить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до совершенства. Это была действительно школа». Шли строевые занятия, тактические учения, стрелковая подготовка, изучение уставов. Строго проверялся внешний вид, не говоря уже о чистоте оружия. Некоторые подразделения Отряда участвовали в операциях по освобождению Области Войска Донского от остатков красных войск, вскоре вернувшись к своим основным силам.

Добровольцы с радостью ощущали себя освободителями. Это подтверждалось и высоким энтузиазмом местных жителей, за две недели так пополнивших Сводно-Стрелковый полк, что он смог развернуться в трехбатальонный состав, по 800 штыков в каждом. Общее число чинов Отряда перевалило за три тысячи. Отряд энергично совершенствовал свое материально-техническое оснащение, создавая «так называемую тыловую базу... Большинство этого имущества было, между прочим, выкрадено из различных складов, захваченных немцами в Ростове и ими охраняемых», - не без гордости подчеркивали Добровольцы.

И, конечно, пользуясь отдыхом после трудного похода и боев, многие «ловили счастливые мгновения». В Новочеркасске женились более полусотни офицеров. Добровольцы были размещены на постой в пустующих этажах Института благородных девиц, однако не произошло ни единого случая, запятнавшего бы Дроздовцев; в равной мере сыграли роль и их личная порядочность, и старания Дроздовского и Жебрака.

В начале мая на Кадетской площади состоялся парад в честь избранного Донским Атаманом генерала П. Н. Краснова.

Идеальное состояние Отряда произвело на него сильное впечатление, и он предложил добровольцам войти в состав формировавшейся Донской Армии на правах пешей гвардии: несомненно, Краснов ощущал острую потребность в отсутствовавших тогда на Дону подлинно регулярных войсках. Дроздовский поблагодарил, но, не считая возможным идти вместе с Донцами на сотрудничество с немцами, - да и не стремясь подчиниться Атаману, - отказался.

Тогда же возникли слухи и о нежелании Михаила Гордеевича присоединяться к Деникину. Учитывая быстрый рост Отряда (почти равного всей Добровольческой Армии накануне Ледяного похода) и уже отмеченное полное отсутствие пиетета к новому командованию Армии, это вполне могло соответствовать действительности. Дроздовский был и способен, и готов претендовать на самостоятельную военно-политическую роль. Однако абсолютное большинство офицеров Отряда, желавших соединения с Деникиным, попросило Жебрака переговорить с командиром, дабы тот опроверг слухи. В сочетании с неприятием красновского германофильства это заставило Дроздовского выехать в станицу Мечетинскую, где располагались вернувшиеся с Кубани первопоходники.

Архивные документы позволяют заметить некоторую амбициозность в обосновании необходимости соединения: «Но обстановка у Добровольческой армии требовала подкрепления ее силы и дать возможность некоторого отдыха измученным, обескровленным жестокими боями славным частям, легендарным героям, участникам 1[-го] Кубанского похода». Мессианское восприятие своего появления проглядывало слишком ярко. Вскоре в рапорте Деникину Дроздовский отмечал: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию...» Зная себе цену, он завуалированно подчеркивал свои заслуги и особенно то, что мог и не отказаться... С другой стороны, значение прихода Дроздовского действительно было бы трудно преувеличить, и это прекрасно понимало командование Добровольческой Армии. И совсем не случайно генерал М. В. Алексеев лично вышел навстречу Отряду и в высоких выражениях поблагодарил «рыцарей духа», «вливших в нас новые силы», а потом принял их церемониальный марш, оставаясь с непокрытой головой.

В то же время почти с первых минут переговоров в Мечетинской Дроздовский почувствовал сильное

недоброжелательство со стороны начальника Штаба Добровольческой Армии генерала И. П. Романовского. Позднее Дроздовцы говорили о зависти, соперничестве и желании «уничтожить нас как самостоятельный отряд, стереть наши индивидуальные черты и обезличить», якобы присущих Романовскому. Поэтому единственным условием вхождения Отряда в Добровольческую Армию стала гарантия несменяемости Дроздовского как начальника ее 3-й бригады и затем дивизии. Безусловно, и без сильной (и взаимной) личной неприязни начальника Штаба энергичный Дроздовский во главе лично преданных ему частей стоял в Армии особняком, явно внушая сомнения в своей готовности беспрекословно подчиняться. Надо отдать должное и чутью Романовского, первым увидевшего то, что лишь недавно начали признавать историки: «Дроздовский мог со временем обрести в Добровольческой армии политическую и, можно сказать, "идеологическую" значимость "вождя-преемника" генерала Корнилова». Романовский же, принадлежа к «окружению» Деникина, относился к новым претендентам на лидерство со вполне понятной ревностью.

«Добровольцы, участники Кубанского похода, смотрели на нас с откровенным удивлением, пожалуй, даже с недоверием: откуда де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты, как один, в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги. Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански...» - вспоминали Дроздовцы. Собственное превосходство они подчеркивали не только внешним видом, но и дисциплинированностью, подтянутостью и выучкой. В первом же бою у хутора Грязнушкин полковник Жебрак демонстративно заменил предназначенную для удара казачью бригаду 2-й офицерской ротой штабс-капитана Туркула: в доблести Дроздовцы тоже стремились быть первыми.

Если Деникин и его окружение, полностью признавая авторитет Алексеева, придерживались в политическом плане все же более либеральной, «непредрешенческой» ориентации, то Дроздовский оставался последовательным монархистом (хотя последнего Государя вряд ли идеализировал). Его подчиненные почти не скрывали: «Наш отряд представляет из себя политическую организацию монархического направления...»; он «входит в армию Алексеева, но политическая организация остается самостоятельной...» В первые же дни пребывания на Дону были сделаны попытки распространить свои условные карточки и влияние в Корниловском и Офицерском полках, но вербовщика мгновенно арестовали, не без участия Романовского

нелепо обвинили в большевицкой агитации и едва не расстреляли. Попытки сепаратных сношений с киевской монархической группой В. В. Шульгина последний решительно отверг, не желая раскола в рядах Добровольческой Армии. Когда же генерал С. Л. Марков на военном совете резко отозвался о действиях в Армии монархистов, Дроздовский моментально вспылил: «Вы недооцениваете нашей силы и значения...» Это неприятно поразило Деникина явным внесением в движение политических страстей и опасной самостоятельностью Дроздовского.

* * *

9 июня 1918 года начался Второй Кубанский поход. 3-я бригада Дроздовского, развернутая в дивизию того же номера, составила одну из двух ударных колонн Армии (за исключением части 2-го Конного полка - бывшего дивизиона Гаевского, - которая оставалась на Дону). Дивизия двигалась вдоль железной дороги Батайск - Торговая, по пути в жарких коротких стычках очищая район от небольших отрядов противника и мелких банд, не имевших ярко выраженной «политической» окраски. На рассвете 12 июня после ночного перехода Дроздовский развернул войска западнее станции Торговой и повел методичное наступление. Завязалась перестрелка, причем орудие полковника В. А. Протасовича открыло огонь картечью с расстояния в 150 шагов; почти все артиллеристы были ранены, но из боя не вышли. Начало атаки затягивалось.

А.И. Деникин с американским офицером.

Неожиданное появление конной группы во главе с самим Командующим Армией воодушевило офицеров. Отчаянной атакой вброд через реку Егорлык под сильным огнем был взят хутор Шавлиев, что позволило переправиться и всей дивизии. Развернувшись против Торговой, она встретила сильный отпор и стала перестраиваться. Дроздовский медлил, ожидая удара 2-й дивизии с другого фланга и желая бить наверняка. Подбадривая подчиненных, он «пошел во весь рост по цепи моей роты, - рассказывал один из соратников Михаила Гордеевича. - По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша... Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня... Он был бледен. По впалой щеке струился пот... Без пенсне его глаза стали строгими и огромными: "Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пусть все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду"».

В отличие от иных Добровольческих военачальников, Дроздовский никогда не забывал, что под его началом на должности рядовых служат офицеры, и только самый доблестный и мужественный имеет моральное право командовать ими - иначе признания не видать. У него офицеры и в солдатском строю продолжали ощущать себя не просто солдатами, а именно офицерами, - и, может быть, это было причиной того, что в духе их не замечалось «трагического надлома», о котором позднее

будет писать В. В. Шульгин.

В 2 часа дня Торговая была взята. Наскоро вооруженные пулеметная дрезина и поезд преследовали отступающих большевиков. Деникин назвал события 12 июня первым крупным успехом Армии, отрезавшей Центральную Россию от житниц Кубани и северокавказской нефти.

* * *

Через бои под Великокняжеской, Николаевской, Песчаноокопской 3-я дивизия вышла к Белой Глине, где была встречена крупными массами советских войск. 23 июня возглавивший ночную атаку 2-го и 3-го батальонов полковник Жебрак был захвачен в плен и умер под страшными пытками (большевики сожгли его заживо); погибли и все девять офицеров Штаба 2-го Офицерского (бывший Сводно-Стрелковый) полка, а общие потери превысили сто человек только убитыми. Но наутро упорным штурмом красные были выбиты и во множестве взяты в плен.

«Вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, - вспоминает один из Дроздовцев, - а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу (куда сводили пленных. - *Р. А.)* пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. "Вот этого - этим", - говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом».

Дроздовскому трудно было отрешиться от этого воспоминания. «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучают в_с_е_х[50]... Мертвенно бледный, дрожащим голосом он вспоминал о "вчерашнем" - весь во власти чувства гнева и печали», - таким запомнился он на следующий день генералу Деникину. Вместо Жебрака полк принял Лейб-Гвардии Кексгольмского полка полковник В. К. Витковский.

Но уже через день по инициативе начдива впервые в Добровольческой Армии сформировали чисто солдатский

батальон из пленных. Тем самым доказывалось, что проявляемая жестокость есть ответное возмездие, но не целенаправленная политика. Бывшие красноармейцы уже через пять дней, штурмуя узловую станцию Тихорецкая, опрокинули противника, перекололи сопротивлявшихся и самочинно расстреляли комиссаров. Дроздовский поблагодарил их за лихую атаку и переименовал в 1-й Солдатский полк, который позднее получил знамя и наименование 83-го пехотного Самурского полка Императорской Армии.

* * *

Для овладения Екатеринодаром войска сначала получили передышку в несколько дней и закрепились на занятых территориях. Затем 3-я дивизия совместно с 1-й дивизией генерала Б. И. Казановича двинулась к кубанской столице вдоль Тихорецкой линии железной дороги. К вечеру 14 июля Дроздовский умелым маневром окружил и захватил станцию Динскую в 20 верстах от Екатеринодара, взяв около 600 пленных и богатые трофеи, в том числе 3 орудия. Однако на следующий день крупные силы красных (группа И. Л. Сорокина, превышавшая 25 тысяч человек и имевшая мощную артиллерию) заняли станцию Кореневскую, выйдя в тыл центральной Добровольческой группировке. По взаимному соглашению, понимая опасность быть отрезанными от остальных частей Армии, Казанович и Дроздовский оставили заслон у Динской и выступили на Кореневскую для ликвидации прорыва. Казанович поспешил, и Добровольцы вступили в бой разрозненно; многократные атаки захлебнулись, обе дивизии были смяты и, понеся тяжелые потери, к вечеру отошли. В отчете о боевых действиях Дроздовцев читаем: «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности [уйти] от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть».

Дроздовский постоянно находился в передовых цепях под непрерывным огнем. Не раз он, намеренно или неосознанно подражая известному персонажу пушкинского «Выстрела», шел в атаку с полной фуражкой черешен, внешне беспечно угощаясь ими. Нечеловеческое нервное напряжение, владевшее им, проявилось лишь в ночь на 17 июля на совещании с Казановичем: Дроздовский обрисовал обстановку в очень мрачных тонах,

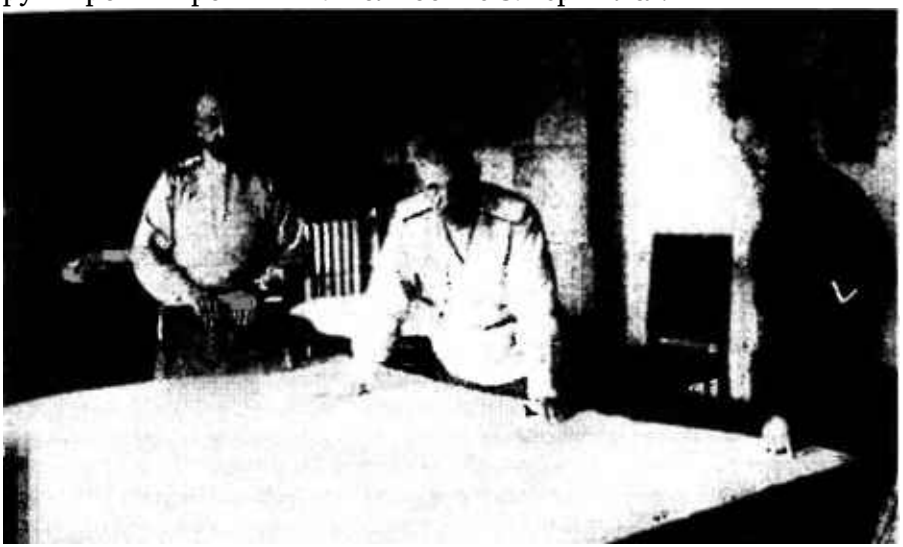
предлагая отступить на восток для спасения частей от уничтожения. Казанович возражал, видя в этом срыв всей операции, и после горячих споров, как старший, ввиду отсутствия связи с Главнокомандующим, заявил о вступлении в командование всей группой и приказал утром возобновить натиск на Кореневскую.

Атаки 17 июля натолкнулись на необыкновенно отчаянный контрудар красных. Однако истекавшие кровью Добровольцы дождались радостного известия: Сорокин был атакован и со стороны Тихорецкой, а упорство его вызвано попытками прорыва из начавшегося окружения. Вскоре разбитый противник уже уходил двумя волнами; одну уничтожил 2-й Офицерский конный полк, вторую Дроздовский не решился преследовать пехотой, потерявшей более трети своего состава. По мнению Деникина, он опасался вновь оказаться отрезанным. И эти опасения не были напрасными.

Уход 1-й дивизии, получившей задачу нейтрализации северной группы Сорокина, осложнил положение Дроздовцев. Уже 19 июля Кореневская подверглась множественным атакам красных, которые не раз врывались на ее южные окраины. Противник начал и глубокий обход 3-й дивизии. Несмотря на упорство Добровольцев, положение складывалось безнадежное. Вечером Дроздовский начал отступление, пройдя за ночь 30 верст до станицы Бейсугской. В результате удалось полностью оторваться от противника и избежать окружения. Утром полковник сообщил Главнокомандующему о небоеспособности дивизии из-за жестоких потерь и о ее потребности в отдыхе. Но Деникин назначил новое наступление Екатеринодарской группы, приказав и Дроздовскому, невзирая на переутомление его войск, вернуть Кореневскую и тем облегчить положение 1-й дивизии под Журавкой.

Оставив большую часть дивизии для прикрытия, Дроздовский выступил на Кореневскую, но, пройдя половину пути и получив сведения о сосредоточении в ней крупных сил противника, атаковать не стал и заночевал в хуторе Бейсужек. Казанович опять действовал без поддержки и без результата… Здесь приходится вспомнить сетования Деникина, что «многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу»: возможно, самолюбивый Дроздовский не забыл приказа Казановича, всего неделю назад объявившего себя старшим, и намеренно придержал войска. Тот прекрасно понял это, и между дивизионными Штабами создались натянутые отношения. Только утром 25 июля Дроздовский вышел в тыл Журавской группе красных и двинулся на Выселки, где дралась 1-я дивизия. Обойдя

красных, он вскоре, однако, и сам оказался обойденным и лично во главе Солдатского полка отражал атаки. Красные, опасаясь окружения, стали прорываться сквозь боевые порядки белых; часть большевиков оказалась рассеяна огнем и уничтожена штыками, преследуемая Казановичем, причем Марковский полк в горячке боя попал под пули Дроздовцев. К 4 часам дня разгром группировки противника полностью завершился.



Начальник штаба ВСЮР генерал-лейтенант И.П Романовский (в центре), генерал-квартирмейстер полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик (слева) и штаб-офицер для поручений П.В. Колтышев, 1919 год.

Сразу же появилась возможность развивать наступление на Екатеринодар; 27 июля 3-я дивизия взяла станицу Кирпильскую, имея основное направление на Усть-Лабу. По своему обыкновению основательно проведя развертывание, Дроздовский 29 июля атаковал и ее, и станицу Воронежскую. Отрезав противника от Екатеринодара, он неожиданно подвергся сильным фланговым ударам и перешел к обороне. В то же время наблюдался поспешный отход обозов красных за Кубань, ввиду чего к вечеру по личной инициативе командира 4-го Кубанского пластунского (внештатного) батальона 2-го Офицерского полка, Генерального Штаба полковника Запольского, наступление возобновилось совместно с Корниловцами. Воронежская и Усть-Лаба были взяты, а арьергард противника уничтожен.

Отдых 30 июля был прерван приказом Деникина о безотлагательном выступлении всеми наличными силами на Екатеринодар. К 1 августа кубанская столица была охвачена Добровольческой Армией с севера и востока. Дроздовцы в этот день заняли Пашковский разъезд, где стали на ночь. Наутро

упорный бой возобновился. Через сады и кукурузные поля безостановочно покатились цепи двух батальонов 3-й дивизии, заняли станицу Пашковскую и погнали противника дальше. Однако через некоторое время они были отбиты резервом красных. На этот раз Дроздовский действовал очень решительно. Подтянув подкрепления (почти всю остававшуюся пехоту дивизии), крепким лобовым натиском он остановил контрудар большевиков. Батальон Кубанского стрелкового полка, направленный Главнокомандующим в тыл этой группе красных, вызвал их паническое отступление к городу. Пашковская вновь перешла в руки 3-й дивизии.

Вечером в город ворвалась 1-я конная дивизия генерала И. Г. Эрдели, а 3 августа Добровольческая Армия овладела Екатеринодаром полностью. Второй Кубанский поход окончился победой.

* * *

В этом походе проявилось расхождение Дроздовцев и остальных Добровольцев в тактических приемах. Добровольческой традицией еще с Ледяного похода стали лобовые удары и маневр всеми силами, расчет на собственную доблесть и моральную неустойчивость врага. Дроздовский же воевал «по всем правилам»: «медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми "пакетами" для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее». Это позволило Деникину позднее не раз называть его «осторожным», завуалированно подчеркивая отсутствие у него навыков командования в Гражданской войне (многие, не исключая и офицеров Генерального Штаба, признавали, что ей присуща совершенно особая тактика, постичь которую позволяет лишь опыт). Естественно, опыт первопоходников на самом деле был богаче, и деникинские слова указывают скорее на некоторую отчужденность с Дроздовцами. Кстати, на овладение «новой» тактикой Дроздовскому понадобилось всего два месяца, и под Екатеринодаром он действовал уже вполне «по-Добровольчески».

Сами же Дроздовцы сосредотачивали внимание на другом: «Во все время этих боев генерал Романовский упорно проводил свой план по уничтожению нашей дивизии, держа ее непрерывно на главном направлении, и дивизия несла крупные потери. Отношения между Дроздовским и Романовским стали открыто враждебными. Дроздовский опасался покушения на себя со стороны каких-либо лиц, посланных Романовским».

Утверждалось, что начальник Штаба Армии блокировал и поступление пополнений, вынуждая начальника 3-й дивизии самого, частным порядком хлопотать о них. В приватных разговорах Дроздовский неоднократно заявлял, «что Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения»; делая практический вывод, Бологовской предложил убить его, на что Михаил Гордеевич якобы отвечал: «...если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство Главнокомандующего к нему, то я ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать». Как видим, тучи над Романовским начали сгущаться задолго до того весеннего дня 1920 года, когда он, уже будучи эмигрантом, стал жертвой покушения.

* * *

После взятия Екатеринодара 3-я дивизия получила приказ выйти за реку Кубань и овладеть Армавиром; по указанным выше причинам начдив счел операцию рискованной, чем вновь обострил отношения со Штабом Армии. Наконец, 26 августа, после неоднократных разведок, войска частично осуществили переправу и двинулись во фланг противнику. После упорных четырехдневных боев была взята станция Гулькевичи, затем Кавказская, после чего наступление разворачивалось вдоль железной дороги. Противник, получив значительные подкрепления, к 1 сентября сумел оттеснить Дроздовцев обратно к Гулькевичам. Взаимодействовавшая с ними 1-я конная дивизия (принятая накануне генералом П. Н. Врангелем) сковала Михайловскую группу красных.

По полученному ранее приказу Главнокомандующего, 2-я дивизия генерала А. А. Боровского 2 сентября ударила в тыл армавирской группировке противника и овладела Невинномысской. По удачному для Добровольцев совпадению удалось предупредить наступление большевиков, назначенное на это же число. Войска Сорокина в беспорядке отхлынули к Армавиру. Белые продолжали громить противника. Отбив 3 сентября все атаки, Дроздовский на следующий день перешел в наступление. На рассвете 6 сентября он вышел к Армавиру, и после многочасового боя части 3-й и 2-й дивизий сомкнулись уже в самом городе; армавирская группировка Сорокина перестала существовать. Преследование ее отступавших остатков продолжалось до ночи.

Но уже к 10 сентября к Армавиру подошла Таманская

Красная Армия, насчитывавшая до 35 тысяч штыков и сабель. С 12 сентября при сильной огневой поддержке начались ее атаки на 3-ю дивизию и охват города с севера. Дроздовский неоднократно бросал войска в контратаки и продержался до вечера. Когда же Таманцы стали разворачиваться и к югу от Армавира, он счел положение рискованным и в ночь на 13 сентября переправился на правый берег Кубани, в Песчаноокопскую, сохранив переправу за собой. На сей раз, по признанию самих офицеров, главный удар им нанес не противник, а винокуренный завод барона Штенгеля, о чем один из участников событий выразился очень кратко: «Пропили Армавир». Пьянство Добровольцев, конечно, носило отпечаток надрыва: страшное психическое напряжение требовало расслабления.

Проявилось это и в Песчаноокопской. Вспоминает офицер-кавалерист: «Каждое утро, когда эскадрон просыпался, на подводах посылалась на свиной остров (свиноферму. - *Р. А.)* компания охотников, которая и привозила двух-трех убитых свиней. Затем ввиду близости завода барона Штенгеля начиналось ежедневное повторение армавирской программы: завтраки переходили в обеды и ужины непрерывной чередой, а ночью по пустынным улицам Песчаноокопской среди темных, мрачно молчаливых домов скакали бешеные пары и тройки, в одиночку и целыми поездами, пугая мирных домовых старообрядческих хат смехом, пением и стрельбой в воздух, - это эскадроны ездили друг к другу в гости» (в эти дни кавалерия стояла в резерве).

Между тем на рассвете 13 сентября подошло подкрепление: полуторатысячный отряд полковника Н. С. Тимановского уже в полдень атаковал красных, занял их позицию, но Дроздовский приказал в бой не вступать и инициативу не поддержал. Он намеревался дать двухдневный отдых своей пехоте, но на следующий день получил повторный приказ Деникина вернуть Армавир. Ответом было: «Противник в превосходящих силах защищается, дивизия несет большие потери, подтягиваю резервы и перехожу в решительную атаку»; Командующему ответ понравился, и он даже заметил Романовскому: «Вот донесение воина». Совместно с Марковцами Дроздовский ударил на город с северо-запада, но успеха не добился. Через день под Армавир прибыл сам Деникин, которому Дроздовский доказал бесцельность штурма города до разгрома Михайловской группы большевиков. Главком согласился и тогда же, 16 сентября, приказал Дроздовскому ударить в ее фланг и тыл совместно с 1-й конной дивизией.

Таким образом, имеющиеся советские данные о штурме

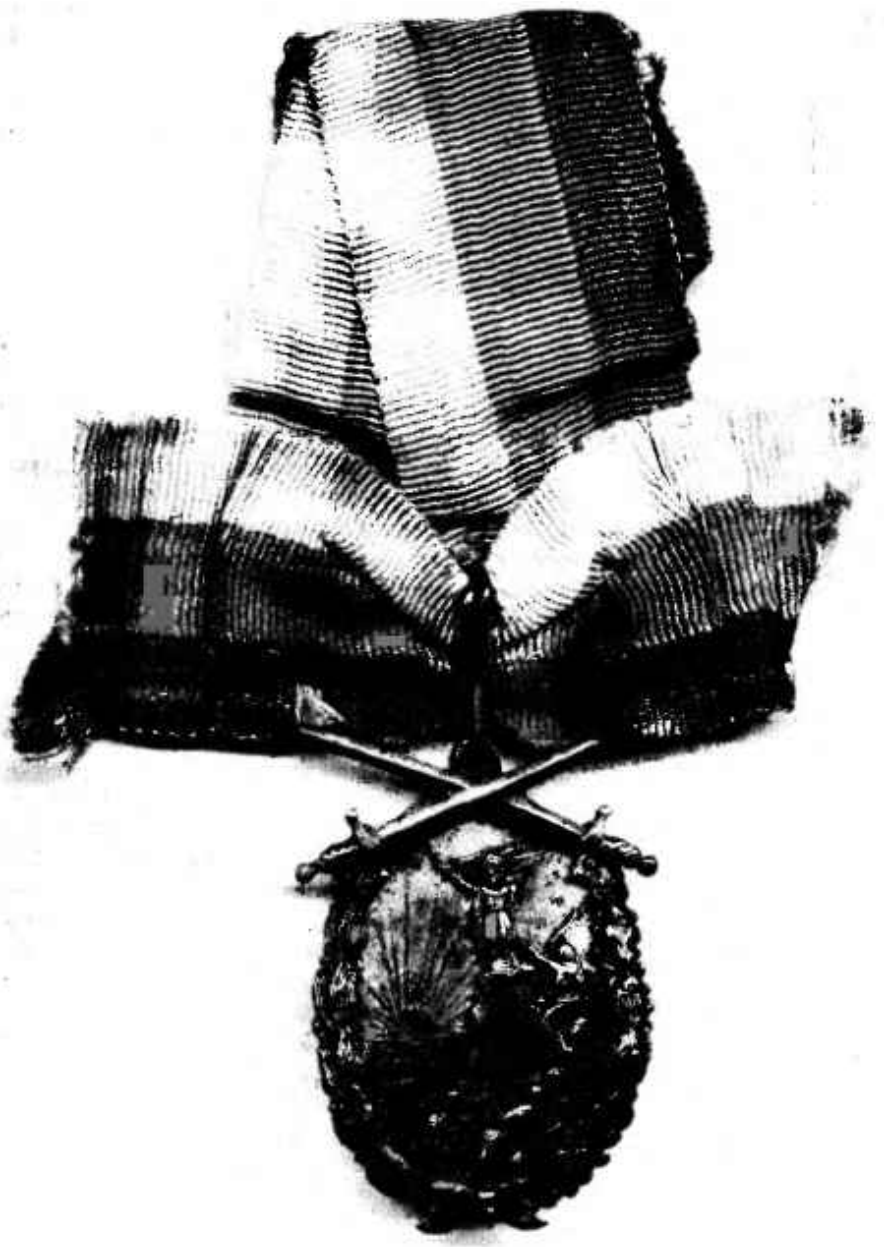
Армавира 17 (30) сентября и полном разгроме двух ворвавшихся в город офицерских полков (могут иметься в виду Марковский и 2-й Офицерский), мягко говоря, противоречат сведениям белогвардейских источников.

Выйдя на позиции Врангеля к вечеру 17 сентября, Дроздовский, игнорируя деникинский приказ, сменил его конницу своей пехотой и на другой день в одиночку атаковал Михайловскую. В итоге 3-я дивизия не только понесла тяжкие потери (помимо всего прочего, сказалось отсутствие снарядов), но и отступила гораздо дальше прежних позиций 1-й конной дивизии, к Петропавловской. Во время новой встречи Командующий сделал Дроздовскому резкий выговор. Его точное содержание неизвестно, но, вероятно, речь шла об обвинении в недопустимой самодеятельности при исполнении приказов. Начдив вспылил и 27 сентября направил Деникину рапорт, который по тону больше напоминал бы памфлет, если бы не содержал столько горечи: «Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала сыграть мне в деле возрождения Добровольческой Армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, мне, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне...»

По сути подчеркивая свое значение и намекая на личную преданность частей, Дроздовский высказал претензию на самостоятельность в решении боевых задач и потребовал избавить себя от критики. На это сильно повлияла та «травля», о которой возмущенно говорили Дроздовцы: «За малейшую неточность, за малейшую оплошность, за малейшее промедление, происшедшее благодаря превосходству сил противника, Дроздовский получал от Деникина, соответственно информированного Романовским, замечания и выговоры в приказах и устно публично». Но, хотя Романовский и пресек выступление Михаила Гордеевича (вернув ему рапорт с отказом доложить Деникину[51]), Командующий фактически уступил, оставив его без дисциплинарных последствий из-за опасения конфликта с 3-й дивизией или даже ее ухода из Армии. Справедливости ради отметим, что и в Красной Армии в те дни нередко вспыхивали внутренние трения, доходившие «до междоусобных стычек в 5 километрах от противника».

* * *

С началом сражения под Ставрополем 3-я дивизия была усилена пластунской бригадой и получила приказ задержать перешедшего в наступление от Невинномысской противника до подхода подкреплений. Дроздовский 10 октября оборонялся в целом успешно, а на другой день контратаковал - неудачно и с большими потерями. Захват красными горы Недреманной - господствующей над позициями высоты - привел к отходу на Татарку (11 верст от Ставрополя). Ведя при поддержке Корниловского ударного полка напряженный бой на южных подступах к городу, Дроздовскому не удалось сломить противника. В полдень 14 октября Добровольцы, сопровождаемые толпами беженцев, оставили Ставрополь.



Медаль за поход Яссы-Дон.

Понимая серьезность положения, Деникин 18 октября прибыл в Рождественскую, где говорил с офицерами 2-й и 3-й дивизий. По воспоминаниям, его слова о поражении Германии и возможной материальной помощи союзников дали «глубокую, ничем не сокрушимую уверенность в доблести добровольцев, которая ведет, несомненно, к нашей победе». Сам же Главнокомандующий (Деникин стал так именоваться после

смерти Верховного Руководителя Добровольческой Армии генерала Алексеева) с облегчением вновь убедился, что рядовое офицерство не затронуто амбициозностью начальников и готово к дальнейшей борьбе. Затем несколько дней войска отдыхали и получили незначительное пополнение. Способствовал подъему настроения и успех Кубанской дивизии генерала В. Л. Покровского, овладевшей Невинномысской.

Уже 22 октября части Дроздовского вместе со 2-й дивизией с большими потерями вновь дошли до окраины Ставрополя. На следующий день 2-й Офицерский полк занял часть северных предместий и закрепился в монастыре; видимо, во избежание «самодеятельности» начальника дивизии вместе с полком шел Полевой Штаб Главнокомандующего. Когда же 24 октября противник бросился в яростные контратаки, наступление забуксовало. Деникин приказал 1-й дивизии нанести встречный удар из Невинномысской. К 28 октября Врангель вышел к Ставрополю с запада, Казанович с юга и Покровский с юго-востока, что породило в городе панику. Красное командование спешно формировало заградотряды.

29 октября крупные силы противника вели упорные и многократные атаки на всех участках. Они не имели успеха нигде, кроме фронта Дроздовского, чья дивизия с громадными потерями была отброшена на две версты, но затем смогла задержаться. Впрочем, не приходится винить в этом отступлении начальника дивизии, чьи войска были потрепаны сильнее всего и вдобавок приняли на себя самый мощный удар красных, для которых имел смысл только прорыв из кольца на север.

Затишье 30 октября говорило о крайней изнуренности обеих сторон. О том, насколько были обескровлены Дроздовцы и вошедшие в соприкосновение с ними Корниловцы, свидетельствует участник боев: «...Броневик "Верный" обогнал группу корниловцев, человек в 150, шедших со своим знаменем. Впереди ехал капитан Скоблин. "Где же Корниловский полк?" - спросил капитана Скоблина капитан Нилов (Дроздовец-«походник», командир «Верного». -Р. А). "Вот все, что от полка осталось", - послышался печальный ответ».

Утром 31 октября 1918 года большевики обрушили мощный натиск по расходящимся направлениям - на север и юго-восток. Если части Покровского им удалось лишь потеснить, то «совершенно растаявшие» полки 2-й и 3-й дивизий были опрокинуты и, преследуемые по пятам, отходили на северо-запад. Дроздовский собрал все боеспособные остатки своих войск и отчаянно контратаковал у Иоанно-Мариинского монастыря, лично, верхом на коне, ведя поредевшие цепи. И почти сразу был

ранен в ступню ноги... Красным частично удалось прорваться, но бои продолжались до 2 ноября, когда Ставрополь окончательно заняла Добровольческая Армия.

* * *

Рана Дроздовского сначала показалась пустячной царапиной, но скоро отказ от удаления пули в полевых условиях придется называть роковым. Михаил Гордеевич был эвакуирован в Екатеринодар... Дальнейшие события освещены крайне смутно и интерпретированы противоположно. Дроздовцы, исходя из принципа «ищи того, кому это выгодно» и продолжая версию противостояния их командира и Романовского, давали такое объяснение: Дроздовскому «была искусственно и намеренно привита гангрена... Физическим виновником этого преступления является профессор Плоткин, еврей, вскоре после смерти Дроздовского отправленный соответствующим начальством за границу и не вернувшийся оттуда. Тайным же вдохновителем Плоткина является, конечно, Романовский. Документы об этом находятся... в распоряжении доктора Матвеевой, которая ходила неотлучно за Дроздовским со времени его ранения (заметим, что никакие документы на этот счет так и не были обнародованы ни во время войны, ни в эмиграции. - *Р. А.)*»... «В буйных головах зарождался план мести».

С другой стороны, нельзя и отрицать полное отсутствие в лазаретах антисептических средств, даже йода. Учитывая, что в Екатеринодаре менее чем за два месяца Дроздовский перенес восемь операций, можно уверенно констатировать его почти полную обреченность в таких условиях. Предложения перебраться в ростовскую клинику своего знакомого профессора Напалкова Михаил Гордеевич сначала легкомысленно отвергал, не считая себя тяжелораненым и не желая занимать там одно из немногочисленных мест. Заметим, что если бы Дроздовский разделял запоздалые подозрения своих подчиненных, направленные против Романовского, он должен был бы при первой возможности перебраться к врачу, заслуживающему личного доверия. А это произошло только 26 декабря.

Кубанский Атаман генерал А. П. Филимонов предоставил вагон из собственного поезда. Дроздовский страдал от жестоких болей, и с ростовского вокзала до клиники, сменяясь, его несли выздоравливающие офицеры 3-й дивизии, лечившиеся в местных госпиталях. Город помнил приход Отряда Русских Добровольцев в апреле, и теперь неорганизованно, но искренне встречал их

командира. Молчаливые толпы провожали носилки; в почетном карауле стояли Лейб-Казаки и Лейб-Атаманцы. В клинике Дроздовцы несли бессменный караул возле палаты.

Еще 8 ноября, в день своего Ангела, полковник Дроздовский был произведен в генерал-майоры, а 25 ноября устанавливалась медаль в память похода «Яссы - Дон». Не кажутся ли такие почести подозрительными и не значит ли это, что уже тогда в Штабе Главнокомандующего знали об обреченности Дроздовского? Впрочем, сам Деникин, вряд ли понимавший всю глубину конфликта Романовского и Дроздовского, лично посетил Михаила Гордеевича, сообщил о производстве и потом вспоминал, «как томился он своим вынужденным покоем, как весь он входил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней».

Едва осмотрев раненого, Напалков принял решение о срочной ампутации, так как это была единственная зыбкая возможность спасти ему жизнь. Одновременно он успокаивал Дроздовского, еще думавшего о сражениях, что протез не будет помехой даже при верховой езде. На операции, по настоянию Михаила Гордеевича, присутствовали его офицеры; после нее, казалось, наступило облегчение, и командир отправил подчиненных в полк, обещая скоро вернуться. «А 1 января 1919 г., в самую стужу, в сивый день с ледяным ветром, в полк пришла телеграмма, что генерал Дроздовский скончался. Он к нам не вернулся», -пишет убитый горем соратник. Точная причина смерти так и осталась невыясненной: называли и гангрену, и заражение крови, и тиф... и отравление.

По злой иронии судьбы, Дроздовскому пришлось умирать «дважды». Есть сведения, будто утром, за считанные часы до смерти, в ростовских газетах непонятным образом появился его некролог. Впрочем, находившийся в тяжелом состоянии генерал, скорее всего, не успел узнать об этом.

* * *

Для увековечения памяти Дроздовского его имя было присвоено 2-му Офицерскому стрелковому полку (развернутому впоследствии в трехполковую дивизию), 2-му Офицерскому конному полку, артиллерийской бригаде и бронепоезду. Деникин писал в прощальном приказе: «Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых он всегда ставил выше своей...»

Однако не обошлось и без еще одной «злой шутки»: иначе Дроздовцы не могли квалифицировать назначение начальником 3-й дивизии того самого генерала Асташова, который участвовал в добровольческом движении на Румынском фронте, отказался от похода и распылил свою бригаду, прибыв затем в Добровольческую Армию частным порядком. «Но он прокомандовал дивизией всего три дня: вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что ставка принуждена была срочно убрать его подальше от дивизии», -свидетельствует участник событий. Неприветливо был встречен и генерал В. З. Май-Маевский, не являвшийся «походником». В конце концов признание получил только «свой» генерал Витковский.

Возвращаясь к роли Романовского в происходившем, заметим, что в дивизии «всегда могли быть более или менее в курсе дел и намерений ставки», поскольку в монархическую организацию покойного Дроздовского входил председатель Особого Совещания при Деникине генерал А. М. Драгомиров, а в Штабе Армии работали Дроздовцы капитаны В. С. Дрон и П. В. Колтышев. Как бы то ни было, загадочно звучат слова ближайшего помощника Дроздовского, что вражда двух генералов окончилась «и так же трагически для Романовского», совсем неожиданно освещая и гибель последнего в 1920 году...

* * *

Безграничное отчаяние Дроздовцев постепенно сменилось благоговейным отношением к памяти командира и всему, с ним связанному, что не могло обойтись без сильнейшей идеализации. Вот лишь два характерных примера. В октябре 1919 года в занятом белыми Чернигове в богадельне жила неизлечимо больная сестра Дроздовского Юлия Гордеевна; благодаря трогательной заботе Дроздовцев ее эвакуировали на юг в сопровождении полковой сестры милосердия. А когда ранней весной 1920-го Добровольческая Армия откатывалась к Новороссийску, специальный отряд офицеров-«походников» ворвался в Екатеринодар, где был похоронен Михаил Гордеевич, и отбил дорогой им прах, спасая от неизбежного большевицкого надругательства.

Бронепоезд «Генерал Дроздовский», Ростов-на-Дону, 1919 год.

Вторично Дроздовский был тайно погребен в Севастополе, где некогда сражался его отец; о месте захоронения знали всего шесть человек, но их попытки найти могилу во время Второй мировой войны успехом не увенчались. На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем установлен памятный знак на символической могиле генерала. Дроздовскому, в отличие от многих Белых военачальников, выпала судьба навсегда остаться в русской, а не в чужой земле.

* * *

Кем же был генерал Дроздовский в жизни и кем останется он в истории? Конечно, не «кровавым палачом народа», каким долго изображали его противники. Но и не «Архистратигом Михаилом», и не «идеальным рыцарем без страха и упрека», который запечатлен в летописях и легендах Белого движения. Прежде всего он был земным человеком, безусловно выдающимся, наделенным сильным цельным характером и охваченным сильными страстями.

Несомненны организаторский талант и дипломатические задатки этого человека. Мало кто мог сравниться с ним как командир и воспитатель; под неброской внешностью скрывались неординарные задатки вождя. Упорство, огромная трудоспособность и искреннее материальное бескорыстие неотъемлемы от него так же, как и жесткая требовательность, непримиримая беспощадность к врагам и резкая вспыльчивость. Завышенная самооценка и основанная на ней амбициозность не раз сталкивались с подобными качествами других генералов, не лучшим образом сказываясь в целом на судьбах Белого Дела, которому Дроздовский посвятил себя без остатка.

Талантливый офицер Генерального Штаба и хороший

войсковой командир, во время Гражданской войны он нередко действовал неудачно, что, однако, было связано и с нежеланием покупать победу «большой кровью», и с планированием операций в вышестоящем штабе, - хотя и отказ от «правильного» маневрирования в угоду «добровольческой» тактике также не принес заметных результатов. Игнорирование деникинских приказов можно объяснить и творческим подходом к решению боевых задач. В общем, Дроздовский, даже не обладая гениальными военными дарованиями, ничем не уступал другим, более знаменитым Белым генералам. Личное же мужество позволяет провести параллель с его кумиром - Корниловым.

Последовательный монархизм Дроздовского, пусть и не имевший в то время реальных перспектив, показывает устойчивость убеждений, которые он просто не мог произвольно менять в зависимости от конъюнктуры. Думается, монархия виделась ему в роли средства - сильной единоличной власти - для возрождения Великой, Единой, Неделимой России, то есть для достижения национально-патриотической цели. Однако острая постановка политических вопросов в пику «непредрешенческой» позиции большинства Добровольческой Армии, привлекая единомышленников, в то же время угрожала расколом. Гораздо ценнее представляются старания Дроздовского заслужить симпатии политически пассивного большинства населения восстановлением элементарного административного порядка на подконтрольных территориях.

Путь Михаила Гордеевича Дроздовского в Белом движении - типичный пример судьбы выдающейся личности в эпоху «великих потрясений». И эпитафией ему могут служить восторженные слова соратника:

«В огне спадают все слова, мишура, декорации. В огне остается истинный человек, в мужественной силе его веры и правды. В огне остается последняя и вечная истина, какая только есть на свете, Божественная истина о человеческом духе, попирающем саму смерть.

Таким истинным человеком был Дроздовский...»

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. Г. ШКУРО
В. Ж. Цветков

Если попытаться представить себе портрет типичного Белого казака, олицетворяющего казачью вольницу, не признающую никаких законов и предписаний, кроме «правды степных просторов», то, пожалуй, лучшего примера, чем генерал Шкуро, не найти. Лихой казак-партизан, бесшабашный гуляка, человек, большую часть своей жизни проведший в боях и походах, «степной волк», как называли его современники, он стал во многом таким же «образом» Гражданской войны, как и его боевые

товарищи - «волки-шкуринцы».

Основным источником биографии Шкуро являются его воспоминания, опубликованные в Буэнос-Айресе в 1961 году. Их запись (со слов самого Шкуро) и литературную обработку сделал еще в 1920-1921 годах в Париже полковник В. М. Бек. Мемуары производят впечатление явно незавершенных (последний эпизод 24-й главы - награждение Шкуро английским орденом Бани в ноябре 1919 года) и, возможно, по этой причине их не стали публиковать в 1920-30-е годы. Позднее Бек переехал в Южную Америку, где скончался в 1944 году, а в 1960 году уцелевшая рукопись была передана вдовой полковника издательству «Сеятель» в Буэнос-Айресе, там и вышло единственное издание этой книги на русском языке. В России первое полное издание «Записок белого партизана» было осуществлено в 1991 году.

Но наличие авторских «Записок» не избавило историографию от множества ошибок и разночтений. Фамилия генерала вызывала у советских авторов некоторое злорадство, причем подчеркивалось, что «настоящая фамилия генерала - Шкура (с ударением на первом слоге. - *В. Ц.),* измененная им для благозвучности в Шкуро». В статье, опубликованной в 1918 году в белогвардейском журнале «Донская Волна», его называли «Полковник Шкура» (с ударением на втором слоге). А в аналогичной статье в 1919 году - уже уважительно: «Генерал А. Г. Шкуро». Возможно, что на эту перемену оказал влияние полученный Андреем Григорьевичем генеральский чин.

Биография Шкуро до 1914 года во многом типична для казачьих офицеров того времени. Родился в Екатеринодаре 19 января 1887 года. Его отец Григорий Федорович происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской, расположенной недалеко от Екатеринодара, служил в одном из наиболее привилегированных кубанских полков - 1-м Екатеринодарском. Традиционная казачья семья, с крепкими устоями, прочным домашним укладом. Григорий Шкура, закончивший службу в чине полковника, в молодости еще простым казаком участвовал в Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов, а затем в Ахал-Текинской экспедиции в Туркестане в 1881 году, в многочисленных экспедициях против горцев на Кавказе. Мать, Анастасия Андреевна, также коренная казачка, дочь священника.

Раннее детство будущего Белого генерала прошло в станице Пашковской, как рассказывал он сам, «в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками - казачатами», что приносило «немало огорчений матери, не успевавшей чинить вечно изорванную одежду». Когда Андрею исполнилось 8 лет, его

отдали в станичную школу, а затем в подготовительный класс Александровского реального училища.

В 10 лет его вместе с другими казачатами отправили в Москву, поступать в 3-й Московский Императора Александра III кадетский корпус. Кадетские годы летели быстро. Уже в детстве сложились черты характера будущего генерала - подвижность, горячность, стремление постоять за себя, упрямство. В то же время стремление постоянно быть впереди других, «искать приключения», открытость в общении, независимость делали его своеобразным «лидером» в кадетской среде.

В 1905 году «брожение умов», охватившее Российскую Империю, не миновало и стен кадетских корпусов. В корпусе возник конфликт, до смешного похожий на пресловутый мятеж на броненосце «Потемкин». Из-за «неудовлетворительного качества подаваемых котлет» начался «кадетский бунт», воспитанники старших классов на целую ночь захватили здание корпуса и потребовали увольнения нескольких преподавателей. И хотя прибывший для разбирательства Главный Начальник военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович принял требования кадет, Шкура и еще нескольких зачинщиков «бунта» были исключены из корпуса, правда, через месяц их восстановили снова.

Строгая отповедь отца отрезвила кадета, вернувшегося домой с повинной. Молодое «увлечение революцией» быстро прошло, и теперь его гораздо больше привлекало успешное продвижение по служебной лестнице. Успешно окончив кадетский корпус, Шкура поступил в Николаевское кавалерийское училище, в казачью сотню. Интересный факт - тактику в училище ему преподавал будущий Донской Атаман А. П. Богаевский.

Кадетское воспитание не прошло даром. Юнкер Шкура учился хорошо, увлекался верховой ездой, джигитовкой. Но характер не давал покоя. И даже будучи произведенным в портупей-юнкера, он очень скоро был разжалован за участие в юнкерской пирушке. В мае 1907 года Шкура окончил «Гвардейскую Школу» и на плацу в Петергофе из рук самого Императора получил приказ о производстве в офицеры.

После шумного торжества в петербургских ресторанах молодой хорунжий отправился хоть и не в Гвардию, но в не менее славный 1-й Уманский бригадира Головатого полк, ведущий свою историю еще с 1788 года, от переселенных на Кубань Екатериной II запорожских казаков. Вернувшись в родную станицу, Шкура получил полную экипировку от отца, а также двух прекрасных коней и денежную помощь - 200 рублей на месяц.

Полк, дислоцировавшийся в Закавказье, в крепости Каре, в

свое время участвовал и в Кавказской войне, и в Русско-Турецкой и Русско-Японской войнах. Офицерство жило дружно, полковые традиции боевого товарищества свято соблюдались. Командир требовал от офицеров постоянной боевой готовности, упражнений в джигитовке, полевой практики. Полк стоял на границе с Персией, и казакам часто приходилось делать вылазки против племен шахсеванов, грабивших караваны и часто нарушавших границу. Во время одной из таких экспедиций Шкура заслужил свой первый боевой орден Святого Станислава III-й степени. Знакомство с кавказским театром военных действий стало полезным для Шкуры, когда в 1917 году ему пришлось воевать здесь на этот раз уже против нанятых немцами местных партизан.

В Персии Шкура пробыл до поздней весны 1908 года, когда состоялся приказ о его переводе в 1-й Екатеринодарский полк, в котором в свое время служил его отец, - полк, также ведущий старшинство с 1788 года. В Екатеринодаре, столице Кубанского Войска, шла светская жизнь, требовавшая больших расходов, участия в постоянных балах, приемах и развлечениях. «Безобразный период», как называл его сам Шкура, к счастью, скоро закончился, и он обвенчался с Татьяной Сергеевной Потаповой, знакомой ему еще с детства дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии.

Замечательное свадебное путешествие по Европе, кстати, традиционное для российской интеллигенции начала XX века, омрачилось лишь небольшим инцидентом - пожаром на Всемирной выставке 1910 года в Брюсселе, в тщетных попытках тушения которого Шкура принимал самое деятельное участие. Из знакомства с Европой Шкура вынес и практическое знание. Находясь в Германии, он пытался изучить дело изготовления пустотелых кирпичей, чтобы наладить их производство по возвращении на Кубань, но из-за отсутствия коммерческого опыта дело быстро пришло в упадок.

Наступил 1913 год - год расцвета экономики России, год небывалых урожаев на сытой, зажиточной Кубани. И в этот год для Шкуры, по существу, закончилась военная служба. Его перевели во второочередной полк, разворачиваемый в боевой только в случае объявления мобилизации. В тихой, размеренной «буржуазной» жизни проходили дни и месяцы.

И снова проявился беспокойный характер молодого офицера. Желание перемен, стремление к новому, малоизвестному, к риску противоречили мирной, богатой, но... скучной жизни. Шкура решил отправиться в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом Его Величества организовывалась экспедиция по

поиску золотоносных месторождений. В Чите, куда выехал Шкура, готовилась военная часть экспедиции. Однако дождаться похода на поиски золота ему не пришлось. Летом 1914 года он получил известие о начавшейся мобилизации в связи с австро-сербским конфликтом. Россия стояла на пороге Первой мировой войны. Бросив все, Шкура вернулся на Кубань.

* * *

Итак, началась война и с ней - следующая страница биографии будущего Белого генерала. Увы, приехав в Екатеринодар, Шкура уже не застал своего полка, в спешном порядке отправленного на фронт. Пришлось довольствоваться поступлением в ряды 3-го Хоперского, третьеочередного полка, укомплектованного призванными запасными. Полк входил в состав III-го Кавказского армейского корпуса, вместе с которым Шкура и выступил на фронт.

Участвуя в первых конных боях с венгерской кавалерией в Галиции, Шкура получил орден Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость», а за бои под Радомом в начале ноября 1914 года - Георгиевское Оружие. Был ранен в ногу, контужен и, по представлению командира полка, откомандирован в тыл, в город Луцк. Здесь, принимая новые пополнения с Кубани, Шкура пробыл до весны 1915 года. Возвратившись на фронт, он застал начавшееся отступление и в июле, в одном из арьергардных боев, прикрывая отступление пехоты, был снова ранен, на этот раз серьезно - в живот. Спас его серебряный кинжал. Его эвакуировали в город Холм, а затем домой, в Екатеринодар. За этот бой Шкура был произведен в чин подъесаула.

Вынужденная екатеринодарская бездеятельность тяготила Шкуру. Он решил приступить к совершенно новому для себя делу - организации партизанских отрядов. Традиции партизанского движения, восходящие к славным временам Отечественной войны 1812 года и почти забытые к началу XX века, возродились в годы Первой мировой и особенно - Гражданской войн.

«В атаку». Рисунок Н. Самокиша.

Следует отметить, что организация партизанского движения не является оригинальным изобретением будущего Белого партизана. Российский Генеральный Штаб незадолго до 1914 года разрабатывал планы возможных диверсионных операций в тылу врага. Считалось наиболее перспективным использовать для этого небольшие подвижные группы, казачьи отряды, которые могли производить разведку, разрушать коммуникации, захватывать пленных и т. д. Однако, по мнению военного министра генерала В. А. Сухомлинова, «партизанство» дискредитировало регулярную армию, давало повод думать о возможном отступлении, тогда как утверждалось, что предстоящая война с Германией будет скоротечной и наступательной. Поэтому незадолго до войны по его указанию все базы для возможного формирования партизанских отрядов были уничтожены. Несмотря на это, партизанское движение возродилось, но уже не в тиши чиновничьих кабинетов, а в кровавой стихии Второй Отечественной войны.

Летом 1915 года после прорыва австро-немецких войск в Галиции и летнего отступления Русской Армии из Польши, Литвы и Западной Белоруссии фронт стабилизировался и началась «позиционная война», в которой нельзя было рассчитывать на

возможность активного боевого маневра. Упала и роль кавалерии. Конные полки спешивались, солдаты и офицеры-кавалеристы вместе с пехотой занимали окопы. В этих условиях снова заговорили об организации мобильных партизанских групп для операций в ближайшем тылу противника.

В своих «Записках белого партизана» Андрей Григорьевич писал: «В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея сформирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая и болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий, — все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе...» В представленном рапорте на имя своего командира полка полковника Труфанова он предлагал: «...Каждый полк дивизии отправляет из своего состава 30-40 храбрейших и опытных казаков, из которых организуется дивизионная партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, уничтожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь с нашим командованием...»

Проект молодого офицера отправили «по инстанциям» - сначала на рассмотрение командиру III-го Кавказского армейского корпуса генералу Ирманову, а затем - Великому Князю Борису Владимировичу, Походному Атаману Казачьих Войск. Рапорт поддержал начальник Штаба Походного Атамана, полковник А. П. Богаевский, будущий генерал и Атаман Всевеликого Войска Донского. Великий Князь направил молодого офицера к Верховному Главнокомандующему - Императору Николаю II. В Ставке Верховного на рапорте об организации партизанского отряда было «начертано»: «Быть по сему».

Партизанский отряд формировался в течение декабря 1915 - января 1916 года и получил название «Кубанский конный отряд особого назначения». В его состав вошло 600 казаков и добровольцев - кавалерийских офицеров и солдат, в большинстве своем из 3-го Хоперского полка. В качестве боевого символа отряд принял значок, который придумал сам Шкура: на черном поле вышитая серебром оскаленная волчья голова. Позднее, в 1919 году, на знамени добавилась надпись «Вперед, за Единую, Великую Россию», а к навершию древка и к двум концам флажка прикрепили волчьи хвосты. Волчьи хвосты партизаны пришивали также к концу башлыка и к тыльной стороне папахи из волчьего

меха. Стремление к сходству с волчьей стаей доходило до того, что в качестве условного сигнала казаки-разведчики выбрали волчий вой. «Наш Батько Шкуро - он сам как волк, всегда появится там, где его не ждут, нападет, наскочит, насмерть зарежет и его уже след простыл...» - так позднее в бесхитростном интервью одной из белых кубанских газет оценивал казак действия своего командира.

В конце января 1916 года партизанский отряд выступил на фронт. В первых же операциях на реке Шаре был достигнут успех, разгромлен штаб австрийского полка. В партизанские набеги выходили каждые двое суток, по ночам - вместе с подразделениями пеших разведчиков. Партизаны брали «языков», перерезали тыловые коммуникации. Большая часть времени уходила на разведывательно-диверсионную работу, а «организации партизанской деятельности в неприятельских тылах» так и не удалось добиться, по оценке Шкуры — «вследствие пассивности и запуганности населения». В марте 1916 года отряд предпринял более глубокий рейд - на 35 верст за линию фронта, - в ходе которого был разгромлен штаб германской дивизии, а ее командир взят в плен. Немецкое командование обещало за поимку лихого партизана награду в 60 тысяч рублей. Но с перенесением боевых операций в район Барановичи — Молодечно перспективы партизанской войны существенно уменьшились.

Ее опыт был использован в годы Гражданской войны с гораздо большей эффективностью, ведь в этой войне практически полностью отсутствовали какие-либо предписания или регламентации. Во время своих первых партизанских операций Шкура познакомился со многими будущими соратниками по Белой борьбе на Юге России, в частности, с полковником Генерального Штаба И. П. Романовским, тогдашним командиром 206-го пехотного полка (впоследствии - начальник Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России), генералом А. К. Келчевским, начальником Штаба IX-й армии (будущий начальник Штаба Донской Армии), полковником П. Н. Врангелем, в то время командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Кстати, Врангель в своих «Записках» представил Шкуру атаманом «казачьей вольницы», разгульной, недисциплинированной, неспособной к серьезным боевым операциям: «...Полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе "партизанского отряда". Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь

непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе 18-го корпуса... большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван...»

С лета 1916 года «Кубанский конный отряд особого назначения» был переброшен на Юго-Западный фронт, где вошел в состав III-го конного корпуса генерала графа Ф. А. Келлера. Здесь к нему присоединили еще несколько партизанских отрядов. Вскоре конная группа Шкуры совершила 70-верстный рейд по тылам австро-венгерской армии, ставший одним из немногих примеров глубокого конного рейда в годы Первой мировой войны.

В рядах III-го корпуса Шкура встретил Февраль 1917 года. Именно граф Келлер оказался фактически единственным из армейских начальников, который не только отказался признать сам факт отречения от Престола Императора Николая II, но и открыто заявил о готовности предоставить свои части на борьбу с «бунтовщиками». Не получив поддержки со стороны высшего генералитета, Келлер вышел в отставку.

Под влиянием февральских «демократических» законов 1917 года и особенно печально известного Приказа № 1 началось разложение и кавалерийских частей, хотя здесь кадры старых солдат и офицеров сохранились лучше, чем в пехоте. Чтобы спасти свой отряд от «революционной заразы», Шкура решил продолжить партизанские операции на Кавказском фронте. В начале мая 1917 года отряд прибыл на Кубань, и после двухнедельного отпуска большая часть партизан отправилась через Баку в Энзели. По всему пути следования отряду приходилось проходить «сквозь строй» враждебных «революционных солдат» и матросов Каспийской флотилии. Подчеркнутая отчужденность «шкуринцев» от «демократических свобод» не могла не вызвать озлобления.

По прибытии в персидский город Хамадан отряд представился генералу А. А. Павлову, командиру Русского экспедиционного корпуса, будущему преемнику генерала К. К. Мамантова на посту командующего 4-м Донским корпусом в 1920 году, и вскоре был отправлен на фронт вместе с партизанским отрядом войскового старшины Л. Ф. Бичерахова (в 1918 году сражавшегося с большевиками в Дагестане и на Тереке).

Русские войска предпринимали вылазки в тыл туркам, взаимодействовали с английским экспедиционным корпусом в

Месопотамии. Шкура продолжал свои партизанские операции. Здесь ему пришлось столкнуться с немецким партизаном полковником Нидермайером. На средства германского Генштаба в Турецкой Армении и Курдистане, оккупированных русскими, из местных племен им формировались партизанские отряды. Курды нападали на русские обозы, блокировали подвоз продовольствия и оружия к линии фронта, постоянно обстреливали фланги русских позиций в горах, «охотились» за казаками-партизанами. В августе 1917 года Шкура вел бои в районе Гаранского перевала, совершая рейды в лежавшую за ним Мерванскую долину. За действия на Кавказе он был произведен в полковники и назначен командиром 2-го Линейного полка Кубанского Казачьего Войска, оставаясь одновременно и командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Георгиевская Дума Кавказского фронта присудила ему орден Святого Георгия IV-й степени, но, поскольку, как считал сам Шкура, это решение не было санкционировано, носить его он не имел права. А партизаны, пользуясь новыми, учрежденными Временным Правительством правилами, присудили своему командиру солдатские Георгиевские Кресты IV-й и III-й степеней.

К осени 1917 года серьезные боевые операции прекратились и на Кавказе. Началась уже знакомая по 1915-1916 годам «позиционная война»: казаки «укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпрепровождение набегами на курдских ханов, грабивших наши транспорты», - рассказывал впоследствии генерал.

Ему недолго пришлось находиться на новой должности командира полка. Началось разложение и казачьих частей. Сведения об Октябрьском перевороте дошли до, казалось бы, совершенно отрезанного от России уголка Кавказского фронта. В конце 1917 года пришел приказ о демобилизации. Эшелоны тысячами увозили в тыл остатки некогда славных полков. Большая часть этих солдат составила позднее основу советских XI-й и XII-й армий.

Затаенная неприязнь к казакам - «царским опричникам» - прорывалась теперь стихийными митингами, расстрелами и солдатскими самосудами. И в морозную ночь 26 декабря 1917 года, когда Шкура по обычаю вместе с остальными офицерами поздравлял своих казаков с праздником Рождества Христова, на него было совершено внезапное покушение. Несколько пуль принял на себя полковник, и лишь благодаря серебряным газырям черкески он спасся от смертельного ранения в сердце. Тяжесть ранения была велика, но молодой здоровый организм

выдержал это испытание.

В начале 1918 года партизанский отряд был расформирован. Часть «волков» осталась в составе Собственной Его Величества Шаха казачьей дивизии (там были русские инструкторы), но большинство, покинув Персию, «походным порядком» двинулось на Кубань. Так закончилась Первая мировая война, а в России тем временем началась война Гражданская. Казаки уже знали о знаменитом Ледяном походе Добровольческой Армии, гибели ее Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова во время неудачного штурма Екатеринодара и о том, что надежд на сопротивление большевикам почти не осталось. Полковник Шкура был объявлен «злейшим врагом советской власти», которого при первой же возможности следовало поймать и предать «народному суду». Ему пришлось переодеться солдатом, выкрасить волосы и по фальшивому паспорту выехать в Порт-Петровск, бывший тогда столицей одной из многочисленных республик, образовавшихся после распада единого Российского Государства.

Около 80 партизан шли вместе со своим командиром, но в районе Минеральных Вод путь им преградили отступавшие с фронта распропагандированные большевиками части бывшей Кавказской Армии. От казаков потребовали сдать оружие и выдать своих офицеров. Не желая бессмысленного боя, Шкура приказал отряду разоружиться и разойтись. Самому ему все же удалось избежать ареста, и по подложным документам он несколько недель жил в Кисловодске. Здесь же была и его семья.

* * *

Несмотря на то, что Кубань и Терек формально признали Советскую власть, а казакам пришлось сменить традиционные кубанки на солдатские фуражки и осваивать непривычное обращение «товарищ», настроения в станицах становились все более антисоветскими. Казаки тяготились чуждой, непонятной для них «рабоче-крестьянской властью». Встречаясь со многими своими однополчанами, авторитетными казаками, Шкура убеждался в возможности организации антибольшевицкого сопротивления в Кубанской Области. Нужно было искать и объединять кадры будущих бойцов, готовить подпольные склады оружия и, главное, изыскивать денежные средства. А поскольку и сам Шкура, и многие его казаки проживали в Баталпашинском отделе, то именно здесь, в юго-восточной части Области, и было решено начать формирование повстанческих отрядов.

Неожиданно судьба полковника сделала странный зигзаг, который едва не привел его на службу к большевикам и при определенных обстоятельствах мог бы, пожалуй, даже примирить с Советской властью. Находясь в Кисловодске, он случайно на базаре повстречал своего бывшего фельдшера Гуменного, который и привел его прямо в Штаб Главнокомандующего Кубанской Советской Республики, бывшего офицера А. И. Автономова. Тот еще в апреле 1918 года руководил обороной Екатеринодара от подошедшей Добровольческой Армии, а затем сделался, как тогда говорили, «красным наместником Кавказа». Заняв столь высокий пост, он взялся за организацию совершенно новой армии, построенной на началах сотрудничества с бывшими офицерами и генералами. Автономовым широко пропагандировалась идея борьбы не против красных или белых, а против немецких и турецких оккупантов, отряды которых, в соответствии с подписанным большевиками Брест-Литовским мирным договором, заняли Дон, Украину и уже продвигались к границам Кубани. Показателен и тот факт, что Автономов не исключал возможности объединения с Добровольческой Армией на общей патриотической позиции. Им велись переговоры и с известными генералами Н. В. Рузским и Р. Д. Радко-Дмитриевым с целью использования их авторитета для привлечения в ряды армии всех колеблющихся.

Как бы ни относиться к вынужденному союзу с кубанскими большевиками, но благодаря ему привлеченный к их военному строительству Шкура получил мандат на формирование казачьих полков, а также возможность беспрепятственно разъезжать по станицам и агитировать казаков за вступление в ряды создаваемой красной кубанской армии. А в случае необходимости всегда легко можно было заставить казаков повернуть оружие против большевиков...

Однако сведения о своевольстве Автономова очень скоро дошли до высшего большевицкого руководства. Он был вызван для «объяснений» в Москву, а на III-м съезде Советов Кубанской и Черноморской Республик его лишили всех занимаемых должностей. Лишь благодаря личному заступничеству Г. К. Орджоникидзе Автономов смог вернуться на Кавказ, чтобы «искупить свою политическую недальновидность» и воевать против белых, но теперь уже в скромной должности командира бронепоезда. Он умер от тифа в январе 1919 года.

Стоило Автономову покинуть Кавказ, как по обвинению в подготовке «контрреволюционного заговора» чекистами был арестован и Шкура. Переведенного во Владикавказскую тюрьму полковника спасло чудо, когда его, перепутав по фамилии с

большевиком-матросом, выпустил из тюрьмы один из красных военачальников Беленкевич.

Итак, «степной волк» снова на свободе. Теперь уже не было смысла отказываться от первоначального намерения организации повстанческих отрядов, и подготовка к восстанию пошла полным ходом. Коренным образом изменилась ситуация и на всем Северном Кавказе. Терские казаки, первоначально также не отрицавшие возможности признания Советской власти, были возмущены несправедливостью при разрешении земельного вопроса. Чеченцам и ингушам безвозмездно, под лозунгом «восстановления исторической справедливости», передавались завоеванные кровью казачьи земли, а самих казаков насильно переселяли в Ставропольскую губернию. Таким образом, и Кубанцы, и Терцы были готовы начать борьбу с большевиками при первой же благоприятной возможности.

Бежав из тюрьмы в мае 1918 года, Шкура, опираясь на заранее подготовленные офицерские и казачьи ячейки, сумел быстро сформировать несколько партизанских отрядов, закупить оружие и подготовиться к выступлению. Глухая, окруженная страшными легендами «Волчья поляна» среди гор, в лесу под станицей Бекешевской стала местом сбора повстанцев. Здесь, стоя под своим черным «волчьим» значком, ночью 25 мая 1918 года Шкура зачитал «приказ № 1», которым принимал на себя командование отрядом, состоявшим всего из двух штаб- и пяти обер-офицеров и шести казаков и имевшим на вооружении 4 винтовки, 2 револьвера и 2 бинокля. Правда, через несколько дней арсенал пополнился 200 пиками, 80 шашками и 80 кинжалами. Так началась партизанская война на Кубани…

Вскоре численность отряда выросла до 40 бойцов. Офицеры и казаки призывали к выступлению окрестные станицы: Усть-Джмуринскую, Воровсколесскую, Баталпашинскую, Бекешевскую, Боргустанскую. В Кумско-Лоовском ауле повстанцев поддержали черкесы. Любыми способами, даже перекупкой у красных, доставалось оружие. С большим риском Шкура и его начальник Штаба полковник Я. А. Слащов выступали на станичных сходах, призывая казаков к решительному выступлению против Советов.

О полковнике-партизане стали ходить настоящие легенды. Местный юродивый Георгий ходил по станицам, предрекая скорое появление неуязвимого «воина Андрея», который освободит всю Кубань. Июньскими ночами «волкипартизаны» собирались на сходы, обсуждая новые набеги. При появлении «шкуринцев» в Суворовской 10 июня 1918 года в одночасье поднялась вся станица. Из добровольцев и четырех мобилизованных возрастов казаков быстро сформировали три конные и две пластунские

сотни. Возглавил Суворовский отряд есаул Русанов, прошедший позднее с генералом весь его боевой путь. Станичный арсенал передал в распоряжение отряда 800 винтовок и 15 ООО патронов. В Воровсколесскую станицу Шкура также вошел без боя, приняв парад выстроенных на станичной площади казаков. Когда не хватало патронов, повстанцы шли врукопашную, пуская в ход шашки и кинжалы. Центрами сопротивления стали станицы Боргустанская и Бекешевская. Сюда на встречу с казаками приходили делегаты от крестьян Ставропольской губернии.

Восстание, поднятое Шкурой в Баталпашинском отделе, совпало по времени с началом наступления на Кубань Добровольческой Армии - с началом Второго Кубанского похода. Теперь красному Главнокомандующему И. Л. Сорокину приходилось считаться с тем, что у него в тылу разгоралось пламя партизанской борьбы, и перебрасывать на борьбу с повстанцами части с фронта. Вскоре повстанцам пришлось сражаться не только с красными гарнизонами, но и с многочисленными и хорошо вооруженными артиллерией и пулеметами частями.

Тактика действий шкуринских партизан была простой. Благодаря хорошо налаженной разведке и знанию Баталпашинского отдела они без особого труда занимали станицы. Там восстанавливалось станичное правление, ряды отрада пополнялись за счет добровольцев и мобилизованных новобранцев, и столь же быстро "шкуринцы" уходили, опасаясь серьезных боев. После оставления станиц двигавшиеся следом советские карательные отряды жестоко расправлялись с казаками... По распоряжению Кисловодской ЧК жену полковника взяли в заложницы, а самому ему предложили сдаться. В ответ Шкура заявил: «Если большевики убьют мою жену, то клянусь, что вырежу в свою очередь все семьи комиссаров, которые мне попадутся в руки. Относительно же моей сдачи передайте им, что тысячи казаков доверили мне свои жизни и я не брошу их и оружия не положу...» Решительность партизана, очевидно, отрезвила кисловодских комиссаров.

Постепенно становилось ясным, что крупного боя с красными избежать не удастся. Как писал впоследствии генерал, «необходимо было увеличивать отрад и мобилизовать возможно большие силы в ожидании первого боя, результат которого должен был произвести громадное впечатление на психологию казачества...» И этот бой состоялся 12 июня 1918 года на подступах к станице Бекешевской. Для ее обороны Шкура мобилизовал все население: «...Бок о бок стояли древние старики, вооруженные кремневыми ружьями, с которыми их отцы и деды

завоевали Кубань у горцев и татар, а радом - ребята и бабы с рогатинами. С тяжелым сознанием ответственности смотрел я на этих людей, доверившихся мне и поставивших теперь все на карту. Глазами, полными веры, глядели они теперь на меня. Я дал себе слово погибнуть в случае неудачи, чтобы не видеть гибели этих славных поборников свободы казачества...» Бой был скоротечным и жестоким. Наступавшая красная пехота, несмотря на длительную артподготовку, не смогла противостоять бурному натиску перешедших в контратаку партизан. Победа была полной. Узнав о ней, к отряду присоединилось еще несколько сот казаков-добровольцев, а для того, чтобы вооружить внезапно выросший в численности отряд, было принято решение о нападении на Кисловодск, где размещались богатые склады вооружения.

Бронепоезд «Генерал Шкуро», 1919 год.

Что же касается лозунгов, под которыми казаки шли воевать, и политического содержания программы, то они были до крайности простыми и укладывались в два предложения: «Долой Советскую власть» и «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание». Не составляло большого труда доказать казакам всю порочность власти большевиков, которая не только грозила им постоянными земельными переделами, не только лишала их традиционных прав и привилегий, но и просто грабила и убивала всех несогласных.

В ночь на 13 июня Шкура тремя колоннами повел свой отряд на Кисловодск. В результате дерзкого набега был разгромлен красноармейский гарнизон города, а от расстрела местной ЧК спасли несколько сот заложников. Правда, жены полковника среди них не оказалось. Ей уже удалось бежать из тюрьмы при помощи штаб-ротмистра Борукаева, и до конца сентября она

скрывалась в аулах около Нальчика. Пополнив запасы оружия, захватив продовольствие и мануфактуру, Шкура вечером оставил город.

Основные операции продолжались в треугольнике Бекешевская, Боргустанская, Суворовская. Силы отряда росли, не проходило дня, чтобы к восставшим не присоединялись все новые и новые десятки добровольцев. Вскоре из черкесов был сформирован особый конный горский дивизион. Значение своих побед сам Шкура видел в том, что, несмотря на малочисленность и отсутствие вооружения, казаки «били красную армию, страшную только для беззащитных». К концу июня 1918 года отряд вырос уже в целую дивизию трехполкового состава с трехбатальонной пластунской бригадой. По имени старых казачьих полков, укомплектованных жителями этой местности, полки конной дивизии получили названия 1-го и 2-го Хоперских (кубанских) и 1-го Волгского (терского). Пешие батальоны получили наименования 6-го и 12-го Кубанских пластунских и 1-го Терского. Позднее на основе этих подразделений были сформированы знаменитые дивизии 3-го конного «шкуринского» корпуса, командовали которыми его соратники-партизаны. Вместе с ними генерал прошел по дорогам Гражданской войны от Кисловодска до Воронежа.

Слухи о «волках-шкураках» быстро разлетелись по Кубани. Против большевиков поднимались соседние отделы Кубанского Войска. Восстали казаки Лабинского отдела. Одним из центров повстанцев-лабинцев стала станица Прочноокопская, восставшая против большевиков 28 раз.

В июле со шкуринцами объединились отряды лабинцев - около 5 тысяч бойцов (1-й Лабинский, 1-й Хоперский полки и два пластунских батальона). С получением этих подкреплений Шкура произвел очередные переформирования, образовав 1-ю казачью дивизию из четырех полков - 1-го и 2-го Хоперских, 1-го Лабинского и 1-го Волгского Терского Казачьего Войска. Начальником дивизии был назначен подъесаул Солоцкий (Солодько), один из вождей лабинских повстанцев. Но вместе со строевыми казаками он привел и огромное количество беженцев и обоз почти в 2000 подвод.

Обстановка на фронте продолжала оставаться напряженной. На Баталпашинский отдел надвигались красные отряды под командованием бывшего прапорщика Я. Балахонова. Из Армавира выступила целая стрелковая дивизия красных. А тем временем Добровольческая Армия уже вступила в решающее сражение за овладение узловой станцией Тихорецкая, с захватом которой белые разбивали центр позиции армии Сорокина и могли держать

под ударом Екатеринодарское и Ставропольское направления. Шкура должен был решать - либо оставаться в Баталпашинском отделе и продолжать руководить восставшими казаками, организуя партизанские набеги, либо пробиться на соединение с Добровольческой Армией и затем объединенными силами добить красные отряды. Шкура выбрал второй путь. На сходе казаков в Воровсколесской он сказал, что казачьим отрядам нужно еще «сколотиться и поучиться, прежде чем начинать крупные бои, ибо мы пока еще не серьезное войско, а необученный сброд». Несмотря на столь обидные заявления своего командира, большая часть повстанцев пошла за ним на соединение с Добровольцами.

К вечеру 28 июня повстанцы вышли к Ставрополю. Было уже известно, что после овладения Тихорецкой Деникин не пойдет на штурм Ставрополя, а главные силы направит на взятие Екатеринодара. Тем не менее Шкура решил с налета захватить город, «преподнеся» его Деникину. Ставрополь был взят в лучших традициях партизанской войны: красному гарнизону послали телеграмму, в которой заявлялось, что, если город не будет сдан, его обстреляют из тяжелых орудий (которых у партизан не было). Гарнизон оставил город, и 7 июля белые вошли в Ставрополь.

* * *

Накануне состоялась первая встреча Андрея Григорьевича с представителем Добровольческой Армии - командиром Кубанской конной бригады полковником П. В. Глазенапом. Сразу же выяснились политические расхождения: Шкура выступал за освобождение от Советской власти под лозунгом Учредительного Собрания, в то время как Добровольческие командиры явно этому лозунгу не сочувствовали. Были очевидны и разногласия между верхами кубанского руководства - Атаманом А. П. Филимоновым, сторонником тесного сотрудничества с Деникиным, и Кубанской Радой, немалая часть депутатов которой стремилась занять «самостийную» позицию, отстаивая ее по всем направлениям - начиная от создания самостоятельной армии и заканчивая признанием полного государственного суверенитета Кубанской Области. Особенно отличались этим депутаты-«черноморцы» (представители Ейского, Таманского, Екатеринодарского и Кавказского отделов Кубанского Войска). «Линейцы», а именно они входили в состав отрядов, которые привел Шкура, напротив, склонялись к союзу с Добровольческой Армией как носительницей идеи восстановления «Единой Неделимой России».

Но позиция самого Андрея Григорьевича и как «линейца», и как человека, абсолютно чуждого политических конфликтов, была прямо высказана им при первом же свидании с Командующим Добровольческой Армией. Деникину Шкура заявил, что «признает власть Добрармии и предоставляет себя в ее распоряжение».

Состоялась также его встреча с Верховным Руководителем Добровольческой Армии генералом М. В. Алексеевым, особо интересовавшимся «настроением крестьян Ставропольской губернии и Минераловодского района...» Шкура заметил, что «население почти всюду относится отрицательно к большевизму и что поднять его не трудно, но при непременном условии демократичности лозунгов, а также законности и отсутствия покушения на имущественные интересы крестьян... необходимо избегать бессудных расстрелов и не производить безвозмездных реквизиций». Но обо всем, что касалось провозглашения демократических лозунгов (таких как «За Всероссийское Учредительное Собрание»), Алексеев предпочитал не высказываться.

Приблизительно с этого же времени происходит важная перемена в написании фамилии молодого Кубанского героя: вместо исконной «Шкура» появляется вариант, которому суждена будет громкая известность (и которым теперь будем пользоваться и мы) - *Шкуро*...

На просьбу Андрея Григорьевича о переброске части Добровольческой Армии в только что занятый Ставрополь Деникин ответил, что, к сожалению, выделить сколько-нибудь серьезные силы для этого он не сможет, ограничившись лишь передачей в распоряжение партизан бронепоезда с командой из офицеров-Кубанцев. По инициативе Шкуро в городе создавалась местная самооборона, был сформирован Ставропольский Офицерский полк. Начало функционировать самоуправление, появилась и административная власть в лице генерал-губернатора М. А. Уварова, убежденного сторонника военной диктатуры и противника самой идеи созыва Учредительного Собрания и «демократических преобразований». 26 августа Ставрополь посетил Деникин и на торжественном собрании в здании городской управы произнес речь, в которой определил политическую позицию Добровольческой Армии: «Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения; она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации; тогда она не была бы Русской Государственной Армией. Отсюда - неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии

и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми, но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее...»

В этой ситуации демонстративные заявления Шкуро о борьбе «за освобождение от большевистского засилья, за землю, волю и Учредительное Собрание» встретили серьезное противодействие со стороны ставропольского генерал-губернатора. Не желая развития штабных интриг, Шкуро сдал командование дивизией генералу С. Г. Улагаю, а сам приступил к формированию отдельной Кубанской партизанской бригады. Тем самым Шкуро подчеркивал, что в своей последующей военной карьере он будет опираться исключительно на свое партизанское прошлое.

Показательна в этом отношении эволюция самого термина «партизаны», «партизанское движение» в годы Гражданской войны. Если на Дону партизанские отряды формировались преимущественно из среды добровольцев -казачьей молодежи под руководством столь же молодых офицеров (достаточно вспомнить есаула В. М. Чернецова), то на Кубани кадры шкуринских партизанских отрядов состояли из опытных, испытанных казаков, имевших боевой опыт еще с 1914 года, а то и со времен Русско-Японской войны. Этот социальный состав гораздо больше соответствовал пониманию «партизанского движения» как широкого народного сопротивления Советской власти. Хотя, конечно, в состав отрядов входило немало и «лихого», «анархического» элемента, всегда многочисленного в годы Смуты: такой уж была Гражданская война — война без правил, при которой не приходилось считаться с устоявшимися шаблонами и уставами.

Интересны оценки, которые давали партизанам сами деятели Белого движения. Донской Атаман генерал П. Н. Краснов так описал свое впечатление от встречи со Шкуро, в начале декабря приехавшим в Ростов-на-Дону в качестве делегата от Кубанского Войска: «...Кумиром кубанцев был генерал Шкуро. Молодой еще человек, он в Русско-германскую войну командовал партизанским отрядом при 3-м кавалерийском корпусе. Как и все партизаны в эту войну, он ничем особенно не отличался. Во время войны с большевиками он выдвинулся быстрым освобождением и такою же быстрою сдачею Кисловодска. Шкуро нравился кубанцам. Он отвечал и духу Добровольческой Армии -духу партизанскому...»

Далеко не лестные отзывы получали действия Шкуро у сторонников уставной дисциплины. По рассказу генерала Врангеля, «в волчьих папахах, с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собой не воинскую

часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими "волками" несся по улицам города (Екатеринодара. - *В. Ц.)* с песнями, гиком и выстрелами». В Ставку Деникина Врангель неоднократно отправлял доклады о «разлагающем» поведении партизан, их «распущенности» и «недисциплинированности».

И уж совсем негативно оценивались действия Шкуро в советской литературе - достаточно вспомнить хотя бы роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Под пером «красного графа» (как называли его в эмиграции) Шкуро стал «отчаянной жизни проходимцем и воякой, сформировавшим из всякого сброда волчью сотню».

«Партизанство» всегда противопоставлялось «регулярству». «Партизанский характер» воинских частей, при всех их недостатках, соответствовал народному характеру Гражданской войны, при котором и для рядовых бойцов, и для их командиров главным становилось не *как* воевать (по уставу или нет), а *за что* и *против кого* сражаться. И в этом отношении «партизанские» отряды зачастую играли гораздо большую роль, чем организованные по регулярным принципам полки и дивизии, которые при первом же поражении на фронте могли перейти на сторону противника или просто разбежаться.

Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро.

Необходимо также помнить, что казачество далеко не всегда признавало определяемые уставом отношения командиров и подчиненных. Невысокого роста, но очень подвижный, острый на замечания и не скупившийся на похвалы Андрей Григорьевич Шкуро был для Кубанцев не «генералом» (в этот чин его

произведут за подвиги по освобождению Кубани), а «батькой», авторитетным командиром, разделявшим со своими партизанами все превратности их боевой судьбы. И после горячего боя «батько» Шкуро ничего не стоило выпить с казаками за победу и вместе с ними танцевать лезгинку.

Наверное, лучше всего о Шкуро написал в журнале «Донская Волна» Н. Николаев: «...Будут петь казаки песни когда-нибудь про лихие подвиги, про казачью хитрость, про веселую храбрость генерала Шкуро. Никто не подошел так для борьбы за "казачью волю", как он. Кубанский казак из ст[ани-цы] Пашковской, он и сделавшись генералом сохранил всю казачью сноровку, те неуловимые жесты и интонации, ту манеру говорить, улыбаться, сидеть на лошади, по которым каждый кубанец признает его своим и которую подделать нельзя. Настоящий, не книжный демократизм всей натуры - живой интерес к простому казаку, его хозяйству, его горю и радостям, делает его желанным гостем в каждой хате. Он весь - живое опровержение глупой сказки о "царских погонах". В генеральских погонах входит он в казачью хату — и его принимают не как генерала, а как друга, как своего, "нашего" Шкуро... И любопытнее всего то, что погонами Шкуро именно станичники-то и гордятся. И бекеши, и боргустанцы, и пашковцы, и баталпашинцы одно скажут: "Деникин-то, как прослышал про нашего Шкуру, так и произвел его в генералы..."»

Не стоит забывать и того обстоятельства, что своими, пусть и неорганизованными, действиями Шкуро оттягивал на себя немалую часть красных сил и фактически полностью контролировал всю юго-восточную часть Кубанской и западную часть Терской Областей, постоянно держал под ударом советские коммуникации. Его действия в Баталпашинском отделе и Минераловодском районе не позволяли большевикам получать пополнения из горных районов Кавказа, поддерживали восставших Терских казаков.

Пользуясь временным затишьем на ставропольском фронте, Шкуро решил вернуться в родной Баталпашинский отдел. Действуя решительно и внезапно, он в начале сентября почти без боя захватил центральные станицы отдела -Баталпашинскую и Беломечетинскую. В отделе стали формироваться еще два Хоперских полка, а скоро в распоряжении Шкуро была уже мощная конная группа из 11 полков (7 казачьих и 4 горских). К середине осени 1918 года партизаны контролировали весь Баталпашинский отдел, занимая почти двухсотверстный фронт.

В начале сентября в составе Кавказской казачьей дивизии полностью возродилась и знаменитая «Волчья сотня». В ней рядом сражались как бывшие партизаны, участники Первой

мировой войны, так и молодые казаки. Численность отряда составляла 250 казаков, а командиром стал ближайший соратник Шкуро есаул Георгий Иванович Колков (он погиб в августе 1920 года).

Узнав о том, что на него снова наступают красные отряды, Шкуро решил на этот раз не оставлять отдела, а попытаться соединиться с Терскими казаками, получить от них столь необходимое вооружение и ударить затем в тыл красным, сжимавшим Баталпашинский фронт от Армавира и со стороны Минеральных Вод. Вся осень 1918 года прошла на Северном Кавказе в непрерывных кровопролитных боях. Белый и красный фронты перемешивались, города и станицы по нескольку раз переходили из рук в руки. В том же Баталпашинском отделе в некоторых станицах власть менялась пять-шесть раз. Все казаки, способные носить оружие, уходили к Шкуро или Деникину. Постепенно белый фронт выдавливал красных за пределы Кубанской Области в голые степи Ставрополья и на Терек. Продолжались и казачьи восстания.

Шкуро решил опередить большевиков и, не дожидаясь, пока их части соберутся и подойдет помощь от Добровольческой Армии, самостоятельно захватить города Минераловодской группы. Первый удар был нанесен на Кисловодск. 15 сентября утром гарнизон города капитулировал. Было захвачено 3000 пленных, 2 орудия, 2500 винтовок и до 200 000 патронов, освобождено большое количество офицеров-заложников. Установилась связь с восставшими Терцами, которыми командовал полковник В. Агоев, будущий начальник Терской дивизии в корпусе Шкуро. Однако Ставка Деникина негативно отнеслась к подобного рода «самодеятельности» Шкуро, поставив ему в вину уклонение от поддержки основных сил Армии, ведущей в это время тяжелые бои под Ставрополем. Но в своих воспоминаниях Шкуро подавал это как продолжение «штабных интриг» против него или обычные фронтовые недоразумения.

Вообще при чтении мемуаров вождей Белого движения, особенно «Записок» Врангеля, создается впечатление, что оценки действий тех или иных генералов носят довольно пристрастный характер. Однако на страницах «Записок» Шкуро мы не найдем ответов на критику в его адрес Врангеля или Деникина. «Генерал-партизан» подчеркнуто лоялен по отношению к своим непосредственным начальникам и лишь в адрес генерала В. Л. Покровского делает вполне правомерные замечания, подчеркивая его жестокость по отношению к пленным и честолюбивые стремления стать Кубанским Атаманом. Пожалуй, можно с большой долей вероятности предположить, что устоявшиеся в

эмигрантской литературе оценки таких генералов, как К. К. Мамантов, А. Г. Шкуро, В. З. Май-Маевский, далеко не всегда объективны, а при более внимательном анализе становится ясным, что такая критика являлась только частью, первым этапом кампании, развернутой против самого Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России и его ближайшего окружения.

...А в Кисловодске начинала налаживаться мирная жизнь. Созданная по инициативе Шкуро так называемая Финансовая комиссия выпустила в оборот особые «чеки» Кисловодского отделения Государственного Банка. Эти «деньги» (достоинством в 3, 5, 10, 25, 50, 75, 100, 200 рублей), имевшие хождение лишь на территории Минераловодского района, стали ярким примером финансового хаоса, царившего тогда в России. Тем не менее их выпуск позволил решить проблемы как с выплатой жалования, так и с производством закупок у населения товаров, необходимых для снабжения белых.

В конце сентября советская XI-я армия попыталась перейти в свое последнее контрнаступление. Красные отряды надвигались на Кисловодск со стороны Ессентуков. Не рассчитывая удержать город ввиду явного преимущества со стороны красных, Шкуро на рассвете 27 сентября начал эвакуацию Кисловодска. Город покидало почти все население. Шкуро отошел в уже знакомый район станиц Воровсколесской, Невинномысской, Боргустанской, Суворовской и Отрадной. Снова стала ощущаться острая нехватка патронов и военного снаряжения. В начале октября большевики смогли отбить у белых Ставрополь, угрожали Невинномысской и Армавиру. Для усиления отрядов Шкуро ему на помощь выступила 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского, которая привезла Шкуро долгожданные 100 ООО патронов и 500 снарядов. Немалую роль сыграл и внезапный удар конной группы генерала Врангеля в центр красного фронта: он занял Иоанно-Мариинский монастырь в трех верстах от Ставрополя и вышел во фланг и тыл XI-й армии. Красные полки обратились в беспорядочное отступление на Святой Крест и Благодарное, в астраханские степи. Страшные потери несли они и от развившейся эпидемии тифа. Немало красных сдалось в плен. И накануне нового, 1919 года в боевых сводках Штаба Добровольческой Армии появились слова: «XI-я армия уничтожена». Боевые действия на Северном Кавказе, одни из самых тяжелых, кровавых для Добровольческой Армии, закончились ее полной победой.

* * *

Но с окончанием военных действий на Кубани начались не менее ожесточенные политические «баталии». Шкуро вместе с Покровским был приглашен на заседания Кубанской Рады в Екатеринодар. Генерал Покровский, вместе с которым Шкуро защищал подступы к Кисловодску, всячески подчеркивая свою лояльность к Деникину, стремился добиться своего избрания на должность Войскового Атамана, не отрицая при этом даже возможности разгона Кубанской Рады и ликвидации ее «самостийного» крыла. Шкуро, несмотря на свои заявления о категорическом несогласии с Покровским, в то же время не собирался идти на какие бы то ни было компромиссы с «самостийниками».

30 ноября 1918 года Деникин произвел Шкуро в генерал-майоры (оговорившись при этом, что тот заслуживает не производства, а разжалования за свою недисциплинированность), а Кубанская Рада наградила его орденом Спасения Кубани 1-й степени.

Во второй половине декабря 1918 года Шкуро вернулся на фронт. Хотя с XI-й армией было покончено, остатки красных, поддержанные многочисленными и воинственными отрядами «большевизированных» горцев, особенно чеченцев и ингушей, объединились в рядах XII-й армии, контролируя многие города и станицы Терской Области. В конце декабря они начали наступление от Ессентуков на Кисловодск и вторглись в многострадальный Баталпашинский отдел. Шкуро пришлось поднимать свои части на защиту родных очагов. Красные снова смогли захватить Баталпашинскую и Бекешевскую. Собрав мощный кавалерийский кулак, на Рождество 1918 года Шкуро окончательно освободил Баталпашинскую, и красные, видя свое поражение, без боя оставили остальные станицы отдела.

После освобождения отдела полки Шкуро выступили в соседнюю Терскую Область, на Ессентуки. Новогоднюю ночь 1919 года шкуринские партизаны встретили в жестоком бою за город. Под Ессентуками «волки» в конном строю лихо атаковали два большевицких бронепоезда и, захватив один из них, вместе со своим «батькой» ворвались в город. Не задерживаясь в Ессентуках, Шкуро двинулся на Пятигорск. 6 января на плечах отступающих красных 1-й Волгский полк ворвался в город. Белые части быстро пополнялись. К концу января началось возрождение старых славных полков Терского Казачьего Войска. Была сформирована пластунская бригада, три полка выставили станицы Сунженского отдела, жестоко пострадавшие во время правления большевиков и горцев. Отдельную бригаду составили выступившие на стороне белых кабардинцы.

После освобождения Минераловодской группы конница Шкуро в январе -феврале 1919 года вела упорные бои в Ингушетии и Чечне. При вступлении на территорию Терской Области приходилось учитывать и национальные особенности этого края. В соответствии с директивами Главного Командования в горских районах должны были проходить выборы Правителей из наиболее авторитетных лидеров местных народностей (правда, в условиях Гражданской войны не всегда удавалось их проводить). Местное самоуправление предполагалось сформировать на паритетных началах между казаками и горцами.

В конце января части Шкуро заняли центр Терской Области - Владикавказ, а пластуны генерала Геймана овладели Назранью. Остатки разбитой XII-й армии отступали по Военно-Грузинской дороге в Грузию, отходили в горы Ингушетии и Чечни. Еще месяц потребовался на освобождение Чечни, и к началу марта 1919 года горские народы признали власть генерала Деникина.

Итак, освобождение Северного Кавказа полностью завершилось. За это время произошли и другие серьезные изменения. Добровольческая Армия стала серьезным политическим фактором, с которым приходилось считаться. В результате соглашения с Доном были образованы Вооруженные Силы Юга России, установилось единое военное командование в лице генерала Деникина. А в порты Черного моря начало поступать оружие и обмундирование от союзников по Великой войне - Англии и Франции.

Но необходимо было спасать Донской фронт. Части Донской Армии, уставшие от тяжелых боев осени - зимы 1918-1919 годов, сдавались красным, заявляли о своем «нейтралитете», отступали к Ростову и Новочеркасску. Требовалось срочно удержать продвигавшихся вперед большевиков. С этой целью в Донецкий бассейн стали перебрасываться с Кавказа части и соединения Добровольческой Армии. В их число вошла и дивизия генерала Шкуро.

Проезжая на новый фронт через Ростов-на-Дону, генерал Шкуро выступил с речью, в которой «изъявлял свою радость, что казаки идут на выручку старшего брата, Седого Дона, а затем двинутся на Москву».

Дивизия сосредоточилась в районе станции Александровско-Грушевской. Связь между частями была крайне слабая, артиллерийская поддержка практически отсутствовала. Бои в Донбассе отличались особым упорством. В советских полках и дивизиях постоянно зачитывались приказы и директивы о том, что пролетариат должен вырвать у «белобандитов» донецкий

уголь и кубанский хлеб, «во что бы то ни стало» покончить с «золотопогонниками» в Ростове и Новочеркасске. Весь апрель и май 1919 года шли упорные бои, во время которых впервые в истории Вооруженных Сил Юга России проявилось боевое содружество Донских казаков, Кубанцев Шкуро и Покровского, Добровольцев генерала Май-Маевского. 13 тысяч солдат и офицеров Добровольческой Армии сдерживали фронтальный натиск 30-тысячной ударной группировки красных, наступавшей с северо-запада. С запада на ростовское направление выходила не менее многочисленная повстанческая армия Н. И. Махно. На версту фронта у белых приходилось в среднем всего шесть стрелков при двух пулеметах. При подобном неравенстве сил помогал только активный маневр. И стойкость Добровольцев и казаков оправдала себя -красные так и не смогли прорваться к Ростову и Новочеркасску.

Волчья сотня генерала А.Г. Шкуро, Ростов-на-Дону, 1919 год.

Не раз спасали положение белого фронта дерзкие действия Кубанцев, их обходные удары. Обширные степные просторы Юга России как нельзя лучше подходили для стремительных кавалерийских рейдов. Используя маневренные соединения из пулеметных тачанок, Шкуро рассеивал ряды красной пехоты. Во встречном бою была разбита красная кавалерийская дивизия. В результате действий казаков удалось не только ослабить давление на фронт группы Май-Маевского, но и разрушить тыловые коммуникации противника. Наконец, 5-6 мая в боях на Донецком фронте начался долгожданный перелом. На поддержку Май-Маевскому прибыли английские танки, к Добровольцам

подошли подкрепления, а дивизия Шкуро, продолжая наступление, после ожесточенного боя заняла центр Донбасса - Юзовку.

Бои в Донецком бассейне принесли Шкуро повышение по службе: он был произведен в генерал-лейтенанты, а 4 мая - утвержден в должности командующего 3-м конным корпусом, составленным из 1-й Кавказской и 1-й Терской дивизий. На усиление корпуса передавались также 2-я Кубанская и 1-я Терская пластунские бригады. В середине мая Донские казаки прорвали фронт красных и стали продвигаться на Луганск. Содействуя им, корпус Шкуро вступил в бой с отрядами Махно.

Выдержав натиск красных в Донбассе, Добровольческая Армия, подобно развернувшейся пружине, начала контр-наступление на Украину. Корпус Шкуро двинулся в Северную Таврию и в трехдневном бою 23-25 мая разгромил Махно, заняв его «столицу» - село Гуляй-Поле. Натиск шкуринского корпуса был стремительным и неудержимым. После взятия Гуляй-Поля он захватил важный железнодорожный узел Синельниково, уничтожив здесь боевую базу снабжения красного фронта. 16 июня 1919 года был занят Екатеринослав, и хотя это тоже было своеобразным «своевольством» со стороны Шкуро (взятие города специально не планировалось), Ставка согласилась на удержание Екатеринослава. Население восторженно встречало Кубанцев и Терцев. В храмах пели «Многая лета Партизану Земли Русской воину Андрею» (генералу А. Г. Шкуро).

Успех сопутствовал белым и на других участках фронта. За четыре дня до взятия Екатеринослава генерал А. П. Кутепов занял Харьков. А 17 июня пал казавшийся неприступным «Красный Верден» - Царицын. В него победно вступили полки Кавказской Армии генерала Врангеля. Теперь фронт Вооруженных Сил Юга России прочно опирался на линию Екатеринослав - Харьков - Царицын. В разведывательное отделение Штаба Добровольческой Армии постоянно поступали донесения о почти поголовном недовольстве Советской властью в Центральной России. В Ставке Главнокомандующего казалось, что уже были налицо все условия для дальнейшего победоносного наступления - «Похода на Москву». И 20 июня 1919 года во время парада в Царицыне генерал Деникин объявил так называемую «Московскую Директиву».

Проходя по Украине, шкуринские казаки стали свидетелями всех язв тыловой жизни - незаконных реквизиций, еврейских погромов, спекуляции, отсутствия власти. Эти «черные страницы» Белого движения, как назвали их позднее, в эмиграции, вызывали у Шкуро большое возмущение. В своих мемуарах он писал, что

очень многие из подобного рода грабежей и насилий инсценировались специально подготовленными провокаторами из числа оставшихся в тылу белых большевицких и петлюровских агентов. Они надевали казачью и офицерскую форму, погоны, и проводили незаконные обыски и реквизиции с тем, чтобы у населения создавалось негативное отношение к белым. Данный способ чекистской провокации использовался весьма активно и позднее, причем красные подпольщики в своих воспоминаниях относили его к одному из самых надежных в борьбе с белогвардейцами.

Уставший от боев и постоянного нервного напряжения Шкуро вскоре получил отпуск и отправился в ставшие уже родными станицы Баталпашинского отдела. Там его встречали с большим подъемом. Выступая на сходах, генерал призывал верить в силу и мощь Белых Армий, говорил о неизбежности скорого окончания войны и победы над большевиками. Почти все станицы отдела произвели его в почетные казаки, местные поэты преподносили ему свои стихи. В каждой станице Шкуро проводил смотры, награждал Георгиевскими Крестами и медалями. Нуждающимся выдавались небольшие субсидии из средств, собранных для самого Шкуро во время занятия им городов Юга России. Пожертвования выдавались и на восстановление разрушенных станичных храмов, школ, больниц. Имя лихого генерала получало все большую и большую популярность, наряду с именами генералов Мамантова, Кутепова, не говоря уже о Деникине и Врангеле, становясь своеобразным символом «похода на Москву» летом - осенью 1919 года. В Ростове-на-Дону вышло несколько брошюр, посвященных подвигам «генерала-партизана». Летом 1919 года по его инициативе при Штабе корпуса была создана киностудия. До наших дней сохранилось несколько фрагментов кинохроники, один из которых посвящен посещению Шкуро с супругой госпиталя, где находились раненные в боях его подчиненные.

Татьяна Сергеевна Шкуро вообще принимала непосредственное участие в жизни корпуса. На страницах белых газет нередко встречались объявления о сборе пожертвований для казаков 1-й Кавказской дивизии за ее подписью, занималась она и благотворительной деятельностью. Ею лично был вышит стяг для бронепоезда «Офицер», торжественно врученный команде бронепоезда 21 июля 1919 года.

В середине июля корпус Шкуро был переброшен на главное, московское направление. Снова, как и в Донбассе, на него возлагалась задача «оказывать содействие» 1-му армейскому корпусу Кутепова, наступавшему, в соответствии с «Московской

Директивой» на Харьков - Белгород - Курск - Орел - Тулу - Москву. В состав 3-го конного корпуса по-прежнему входили 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии, однако вместо пластунов пехота в его рядах была теперь представлена отдельными стрелковыми батальонами, укомплектованными бывшими пленными красноармейцами.

Необходимость переброски под Харьков корпуса Шкуро была связана также с начавшимся наступлением красной ударной группы В. А. Селивачева. 19 августа Шкуро получил директиву Деникина: «3-му конному корпусу полным напряжением сил в кратчайший срок разбить группу красных». 1-я Терская дивизия в районе города Короча нанесла поражение двум советским дивизиям и принудила их к поспешному отступлению на Новый Оскол, взяв в плен около 7000 человек. После разгрома красных совместными усилиями корпусов Кутепова и Шкуро, 3-й конный корпус вышел на Воронежское направление.

Для Шкуро, неоднократно использовавшего подобную тактику действий, была несомненной эффективность глубокого кавалерийского рейда, — и в начале сентября 1919 года он обратился в Ставку с рапортом, в котором отмечал целесообразность проведения нового рейда в советский тыл (знаменитая операция корпуса Мамантова к этому времени уже подходила к концу). Надежды на успех Шкуро связывал с крестьянскими восстаниями, поднять которые, по его мнению, не составляло особого труда. Это позволило бы «сформировать новые полки и даже дивизии», заручиться поддержкой «населения, стонущего под советским игом». Однако Ставка Главнокомандующего категорически запретила генералу предпринимать какие бы то ни было самостоятельные действия. А в личной беседе Шкуро даже был предупрежден, что если он в очередной раз проявит своевольство и нарушит директивы, то его обязательно предадут военно-полевому суду, даже если рейд будет успешным.

Пришлось действовать, не выходя за рамки директив, и продолжать выполнять задачу по обеспечению правого фланга Добровольческой Армии. 29 августа корпус Шкуро с налета взял Воронеж - последний пункт в его продвижении на Москву. К его задаче добавилось теперь содействие 4-му Донскому корпусу, выходившему в это время через линию фронта после рейда. Поскольку удержание города не входило в его планы, основные силы корпуса были переброшены к Коротояку, под которым 8 сентября и произошла встреча мамонтовцев и шкуринцев. Во время остановки в Коротояке Шкуро, как и Мамонтов, был ранен разрывом снаряда и некоторое время должен был ездить в

экипаже.

После помощи мамонтовскому корпусу Шкуро в боях 10-11 сентября разгромил сильную пехотную группу красных. Под комбинированными ударами 3-го и 4-го Донских корпусов и 3-го конного корпуса Шкуро VIII-я армия красных была отброшена за Дон. Теперь уже ничто не останавливало наступательного порыва на Воронеж. Город был сильно укреплен несколькими ярусами окопов с густой колючей проволокой впереди них. Подступы к Воронежу обстреливались перекрестным огнем четырех красных бронепоездов и тяжелой артиллерией. Тем не менее настроение обороняющегося красного гарнизона было далеко не боевым, и Шкуро 17 сентября решился предпринять общий штурм города. После небольшой артиллерийской подготовки Волчий дивизион и Горско-Моздокский полк Терского Казачьего Войска помчались в конную атаку. Не выдержав стремительного натиска, красная пехота бежала из окопов. Казачьи сотни прорвались к вокзалу и захватили его, после чего отошли и красные бронепоезда. Вскоре удалось полностью овладеть городом, и почти вся железнодорожная линия Воронеж - Лиски перешла под контроль казаков.

Генерал-лейтенант В.Л. Покровский.

В Воронеже была захвачена большая добыча — около 13 ООО пленных, 35 орудий и огромные склады вооружения и обмундирования. Деникин 24 сентября приветствовал занятие города телеграммой: «...Прошу передать доблестным частям ген[ерала] Мамантова и ген[ерала] Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю боевую работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железнодорожного Лискинского узла...»

Быстро восстановилось городское самоуправление. Рабочие и уцелевшие от большевицких «чисток» офицеры добровольцами записывались в ряды стрелковой бригады, которую вскоре удалось развернуть в дивизию. К началу октября казачьи разъезды контролировали уже большую часть Воронежской губернии. Перед корпусом открывался свободный путь к Москве.

* * *

Но шкуринцев постепенно стала поражать та же болезнь, которая коснулась и многих казачьих частей на фронте. После продолжавшихся почти три месяца боев многие бойцы решили, что теперь уже нет серьезных оснований бояться красных, и под самыми разными предлогами стали отпрашиваться в отпуска на Кубань и Терек. К тому же до казаков доходили невнятные слухи о конфликте Кубанской Рады с командованием Вооруженных Сил Юга России, что не способствовало популярности среди казаков идеи борьбы за Единую Россию.

В результате отпусков и самовольных отлучек, а также тяжелых потерь на фронте численность корпуса уменьшилась к началу октября 1919 года до 2500 - 3000 шашек. А в это время по всей линии фронта разворачивалось генеральное сражение. В соответствии с планами нового командующего советским Южным фронтом А. И. Егорова, наступавшая на Тулу и Москву группировка 1-го армейского корпуса генерала Кутепова должна была быть срезана у флангов общими ударами Латышской и Эстонской дивизий со стороны Брянска и свежего конного корпуса С. М. Буденного со стороны Воронежа. Перспективы «похода на Москву» ставились под вопрос. Шкуро рассказывал впоследствии: «...Становилось ясным, что ввиду ослабления численности нашей конницы и ожидавшегося появления кавалерии Буденного нужно было или бросаться рейдом на Москву, чтобы уже затем привести в порядок подбодренную успехом армию и доколотить затем обескураженные остатки красной армии, или же, собрав в кулак всю наличную конницу, в том числе и донскую, бросить ее на Буденного и уничтожить его, прежде чем он успеет втянуть свои неопытные части в работу и сделается опасным для нас...»

15-тысячная конная группа Буденного, состоящая из трех дивизий, вскоре появилась на фронте перед ослабленными корпусами Мамантова и Шкуро. В это же время в тылу Вооруженных Сил Юга России развернулось широкое повстанческое движение. С новой силой вспыхнула

«махновщина». От Шкуро потребовали незамедлительного выделения из рядов своего корпуса 1-й Терской дивизии и ее срочной отправки на борьбу с Махно, который в это время уже стал угрожать Ставке. В сложившихся условиях Шкуро заявил о готовности оставить Воронеж, поскольку противостоять отдохнувшим, полнокровным буденновским дивизиям было невозможно.

Директивы Штаба Добровольческой Армии и Ставки Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России противоречили друг другу. Кутепов просил Шкуро ни в коем случае не оставлять Воронеж, поскольку в этом случае откроется его правый фланг и полки не смогут удержать превосходящее давление красных и отступят к Курску. Командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, напротив, требовал перевода корпуса на прикрытие железнодорожной станции Лиски. В этой обстановке, не желая быть заложником в «телеграммной войне» между штабами, Шкуро даже подал рапорты о своей отставке командующему Добровольческой Армией Май-Маевскому и самому Деникину, однако они были отклонены, и Шкуро получил приказ защищать Воронеж всеми наличными силами.

В это время на Кубани произошли события, существенным образом повлиявшие на дальнейший ход Белой борьбы на Юге России. Ставка, и раньше с большой долей подозрительности относившаяся к «самостийничеству» ряда депутатов Кубанской Рады, решилась на серьезные шаги. Терпение Деникина переполнил факт заключения в Париже между делегацией депутатов Рады (Л. Л. Бычом, А. И. Калабуховым и др.), с одной стороны, и так называемым «Меджлисом» горских народов Кавказа — с другой, сепаратного договора. Поскольку Деникин не признавал самостоятельной Горской Республики и ее органов власти, то переговоры с врагами Белого движения, тем более - от имени якобы «независимого» Кубанского государства, считались равносильными государственной измене. Под этим предлогом, получив санкции Деникина, командующий Кавказской Армией генерал Врангель ввел в Екатеринодар верные ему войска под командованием давнего и непримиримого врага «самостийников» генерала Покровского, арестовал двенадцать депутатов Рады и казнил А. И. Калабухова. В результате этого «кубанского действа» Атаман Филимонов заявил о своей отставке, а краевая конституция была изменена в сторону усиления исполнительной власти (теперь Атаман, которым был избран генерал Н. М. Успенский, получал право роспуска Краевой Рады).

Казалось бы, «умиротворение» Кубани достигнуто. Но немалая часть казачества увидела в этом насилие над своими

традиционными привилегиями, пренебрежение самостоятельностью края. Симпатии к Белому движению резко упали, и у Кубанцев появился существенный повод к оправданию своего нежелания воевать в Центральной России. Теперь вместо надежного тыла Кубань стала центром «казачьего сепаратизма».

Шкуро, получивший от Кубанского Атамана телеграмму о необходимости срочного выезда в Екатеринодар, мог бы помешать готовившемуся перевороту. Но генерал Врангель добился его задержки на фронте. В письме председателю Особого Совещания при Главнокомандующем генералу А. С. Лукомскому Врангель писал 14 октября: «Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер (переворота на Кубани. - *В. П.)*. Приезд на Кубань генерала Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию, и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте».

Шкуро помешали приехать в Екатеринодар под предлогом «военной необходимости». А скоро и действительно начались бои с буденновской конницей. С каждым днем все труднее становилось сдерживать красных, наступавших несколькими конными группировками на разных участках фронта, на ближних подступах к Воронежу. Терскую дивизию все-таки забрали в тыл против Махно. Понимая, что удержать Воронеж не удастся, Шкуро приказал начать эвакуацию всех государственных учреждений. 4 октября 1919 года громадные обозы беженцев потянулись на Нижне-Девицк, Новый Оскол и станцию Касторную. В это время Донское командование отдало приказ о переходе в общее контрнаступление против корпуса Буденного: теперь угроза его 15 тысяч шашек стала очевидной и для высшего руководства Белых Армий.

Утром 4 октября шкуринские казаки атаковали расположенный на биваке один из полков буденновской конницы, разгромили его, но с подходом основных сил красных быстро отступили. Шкуро так писал об этом: «Начался ряд боев вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность - атаковал меня одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Уступая ему охотно эти пункты, я обрушивался затем превосходными силами своего резерва на небольшие отряды и уничтожал их... Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских

казаков, стремившихся обратно в свои станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы, и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона, конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, натолкнувшись на сопротивление...»

Несколько недель продолжалось противоборство двух конных группировок, однако после начавшегося общего отступления Добровольческой Армии от Москвы оба казачьих корпуса - Шкуро и Мамантова - также вынуждены были отступить. Ввиду необходимости сокращения фронта Шкуро в ночь на 11 октября очистил Воронеж и отошел за Дон. В течение суток буденновцы не решались войти в город и заняли его только под вечер.

Тем не менее пребывание корпуса Шкуро в Воронеже подтвердило сведения о возможности поддержки белых со стороны крестьянства «черноземных губерний». Секретные сводки Отдела пропаганды доносили о «сочувственном отношении крестьян Воронежской губернии к белой власти... особенно со стороны середняков и зажиточных». В течение сентября - октября 1919 года приток добровольцев и мобилизованных был довольно большим, что позволило пополнить ряды стрелковой бригады 3-го корпуса и начать развертывание в Воронеже 25-го пехотного Смоленского и 16-го уланского Новоархангельского полков. Из железнодорожных рабочих был сформирован отдельный добровольческий отряд в 600 человек - еще одно подтверждение того, что рабочие, вопреки заявлениям большевиков, далеко не всегда являлись опорой Советской власти. По словам Шкуро, эта часть, переименованная по просьбе самих рабочих в «Волчий ударный батальон», сражалась на фронте с большим воодушевлением: «Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в боях...»

После занятия Воронежа Буденный упорно продолжал преследование Шкуро и Мамантова. Начиная с 17 октября красная конница постоянно пыталась навязать казачьим корпусам решающий бой, имея за собой почти десятикратное численное превосходство. Шкуро и Мамантов медленно (80 верст между Воронежем и станцией Касторной прошли в три недели), переходя в постоянные контратаки, отступали к Касторной. Отход казачьих частей прикрывали огнем бронепоезда «Слава Офицера» и «Генерал Дроздовский». У Кастор ной решено было дать новое сражение. Фронт Добровольческой Армии к этому моменту отошел к Курску. К казакам подошли пешие части группы генерала Постовского, подвезли даже три танка, правда, они постоянно ломались.

Шкуро и Мамантову пришлось сдерживать натиск красных сил с трех сторон. Численность Кавказской дивизии сократилась до 500 шашек, что было меньше любого буденновского полка. О напряженности боев свидетельствует одно из донесений Штаба корпуса: «Нижне-Девицк занят нами. Пехота красных атакует Касторную, Алексинскую и Егорьевскую, где доходило до штыкового боя. В результате все атаки противника были отбиты. Наши части удержали прежние позиции. В бою участвовал личный конвой командующего группой...» Но и под Касторной задержать красных не удалось. Отступление продолжалось.

Настроение казачьих частей ухудшалось. Началось дезертирство. Масла в огонь подливали сведения с Кубани: «Под влиянием слухов о политической грозе, разыгравшейся на Кубани, деморализация Кавказской дивизии все усиливалась. Ежедневно поступали донесения командиров полков о том, что казаки дезертируют. Пополнения с Кубани не доходили, разбегаясь по пути, или же, пользуясь отсутствием администрации в тылу, формировались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам...»

Так закончилось для генерала Шкуро его участие в «походе на Москву». 9 ноября он, сдав командование остатками корпуса генералу В. Г. Науменко, выехал в тыл. Давали себя знать и усилившиеся боли в ноге, раненной под Коротояком. Не удалось добиться главного - ввести Кубанцев и Терцев в Первопрестольную. Но даже отступая, конные корпуса Шкуро и Мамантова смогли сорвать запланированное окружение Добровольческой Армии. Сам командующий Южным советским фронтом Егоров отмечал этот факт, главную причину неудачи усматривая в медлительности буденновской конницы: «Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамантова на запад от Дона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, все же не достиг главного: оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, но не были разбиты, чем, главным образом, и объясняется медленное продвижение вперед конного корпуса в последующие дни...»

* * *

Прибыв в Таганрог, где размещалась Ставка Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, Шкуро сделал доклад начальнику Штаба генералу И. П. Романовскому и генерал-квартирмейстеру генералу Ю. Н. Плющик-Плющевскому.

По мнению Андрея Григорьевича, основное внимание теперь следовало обратить на разгром конницы Буденного. На этот раз, по-видимому, под впечатлением осенних боев, Ставка согласилась с ним. Было решено приступить к формированию особой конной группы численностью около 10 ООО шашек. В нее должны были войти 4-й Донской корпус генерала Мамантова, 2-й Кубанский корпус генерала Науменко и 3-й Конный корпус самого Шкуро, вновь усилившийся возвратившейся от Таганрога 1-й Терской дивизией. Тем не менее Шкуро весьма скептически оценивал дальнейшие перспективы, с полным основанием полагая, что реальная численность полков далека от расчетной (в корпусе Науменко, по его данным, вместо заявленных 4000 шашек было не более 1200). Конница устала, казаки «потеряли сердце», и рассчитывать на эффективность планируемого контрудара данной группой было более чем оптимистично. Это позднее и подтвердили события на фронте. Конная группа не смогла остановить натиск буденновских дивизий, а 29 ноября 1919 года белые оставили Харьков.

Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро.

Во время своего доклада в Ставке Шкуро говорил и о необходимости поднимать «сполох» — тревогу на Кубани, что позволило бы быстро пополнить ряды поредевших казачьих полков. Нужно было «не теряя времени приступить к спешному формированию новых конных частей на северной окраине Кубани». Шкуро готов был взять на себя выполнение этой важной задачи, однако «при условии немедленного примирения Главкома с народным представительством Кубани» (имелась в виду Рада).

Пребывание в Таганроге принесло Шкуро и приятные моменты. От начальника английской военной миссии генерала Хольмана он получил орден Бани, пожалованный Королем

Англии «за заслуги в борьбе с большевизмом как с мировым злом». Следует отметить, что в то время награждение английскими орденами не было редкостью на Белом Юге. Неделей раньше орденом Михаила и Георгия был награжден командующий Добровольческой Армией генерал Май-Маевский, такой же орден получил за взятие Царицына генерал Врангель. Но эти награждения, имевшие безусловно пропагандистский характер, не могли уже поднять дух отступавших Белых Армий. К тому же и Май-Маевский, и Шкуро в скором времени оказались отставленными со своих постов.

После пребывания в Таганроге Шкуро на несколько недель выехал в Кисловодск к жене и снова посетил станицы Баталпашинского отдела. В начале декабря он вернулся на фронт. О предстоящем прибытии Шкуро в свой корпус узнал и сменивший Май-Маевского на посту командующего Добровольческой Армией генерал Врангель. В это время новый командарм уже добился отставки, хотя и временной, генерала Мамантова, и появление генерала Шкуро, столь же одиозного для Врангеля, было весьма нежелательным. В результате его прямого давления на Ставку Андрея Григорьевича не допустили выехать на фронт к своим казакам. Вот как пишет об этом в своих мемуарах сам Врангель: «Прибывший из Харькова полковник Артифексов... докладывал о возмутительном поведении "шкуринцев" - чинов частей генерала Шкуро, значительное число которых, офицеров и казаков, оказались в Харькове. Вместо того, чтобы в эти трудные дни сражаться со своими частями, они пьянствовали и безобразничали в Харькове, бросая на кутежи бешеные деньги. Сам генерал Шкуро находился на Кубани в отпуску и ожидался в армии со дня на день. Зная хорошо генерала Шкуро, я считал присутствие его в армии вредным и телеграфировал Главнокомандующему: "Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска". На телеграмму эту ответа не последовало, хотя я тщетно в последующие дни запрашивал Ставку. Наконец, после долгих настояний, генерал Плющик-Плющевский в разговоре по аппарату с начальником моего штаба сообщил, что "мы дали совет генералу Шкуро к вам не возвращаться". Генерал Деникин не мог решиться покарать недостойного начальника...»

Освободив Шкуро от командования конным корпусом, Ставка разрешила ему объехать кубанские станицы и поднять «сполох». Как отмечал Деникин, «популярность его среди кубанцев

сохранялась, а отрицательные стороны его деятельности в глазах казачества не были одиозны». Однако вскоре в Ставку поступили сведения, что Шкуро не просто призывает к мобилизациям, но приступил к непосредственным формированиям каких-то казачьих частей. Особой телеграммой Ставка запретила Шкуро этим заниматься, и генерал в конце декабря 1919 года выехал в Екатеринодар.

По пути в столицу Кубани он встретился с Врангелем и его постоянным сотрудником и другом генералом П. Н. Шатиловым. Оба они уже оставили свои должности в Добровольческой Армии и были зачислены «в распоряжение Главнокомандующего». Здесь Шкуро стал невольным свидетелем той интриги, которая велась против верховного руководства Белых Армий со стороны политических сил, активно выдвигавших на смену Деникину генерала Врангеля. Позднее в своих «Очерках Русской Смуты» Деникин полностью воспроизвел письмо о переговорах с Врангелем и Шатиловым, которое Шкуро отправил Главнокомандующему, не желая становиться участником и заложником политических интриг. Вот некоторые отрывки из этого текста:

«...После взаимных приветствий ген[ерал] Шатилов заговорил о моих отношениях с ген[ералом] Врангелем. Сказал, что все недоразумения, которые произошли между нами, вызваны исключительно тем, что ген[ерал] Врангель был неправильно информирован о моей работе и деятельности, что теперь, ввиду тяжелого положения на фронте и общей опасности, нам всем надо объединиться для спасения общего дела... По дороге я долго беседовал с ген[ералом] Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в ген[ера-ле] Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие ген[ерала] Романовского на посту нач[альника] штаба даже преступным: что необходимо заставить во что бы то ни стало ген[ерала] Деникина сдать командование другому лицу, и что с этим вполне согласны, и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским атаманами, с представителями их правительств, а также с командующим Донской армией ген[ералом] Сидориным и его нач[альником] штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности, и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за Терским атаманом, а тогда, в случае нашего согласия, мы должны предъявить ген[ералу]

Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем.

Я ответил, что я пока не могу дать своего согласия, что это слишком рискованный шаг, который может вызвать крушение всего фронта».

Так или иначе, отказ Шкуро, а затем категорический отказ Терского Атамана генерала Г. А. Вдовенко поддержать планы Врангеля отразились на последующей карьере 32-летнего «генерала-партизана». Накануне нового, 1920 года Шкуро получил высшую должность за время всей своей службы — был назначен командующим Кубанской Армией (основой для ее формирования должны были стать полки бывшей Кавказской Армии, сильно поредевшие после осенних боев 1919 года). На назначение Шкуро также повлиял и тот факт, что для получения пополнений с Кубани был необходим призыв авторитетного военачальника, за которым пошли бы казаки.

Приказ о назначении был подписан Деникиным незадолго до сдачи Ростова и Новочеркасска - 29 декабря 1919 года. 18 января 1920 года в развитие приказа Главкома был издан приказ № 45 по Кубанскому Казачьему Войску: «На основании статей 37 и 41 основных законов Кубанского Края и по соглашению с Главнокомандующим генерал-лейтенант А. Г. Шкуро назначен Командующим Кубанской Армией».

Должность начальника Штаба Кубанской Армии получил опытный генштабист, в мировую войну — бывший генерал-квартирмейстер Штаба VIII-й армии, а в конце 1917 года - Главнокомандующий Юго-Западным фронтом, генерал Н. Н. Стогов. Будучи некоторое время начальником Всероссийского Главного Штаба у большевиков, генерал Стогов одновременно с этим активно участвовал в подпольной деятельности московского «Национального Центра», возглавляя тщательно законспирированную «Добровольческую Армию Московского района», и после разгрома «Центра» чекистами сумел скрыться и пробраться на Юг России. Генерал-квартирмейстером Штаба Кубанской Армии был назначен полковник К. Г. Булгаков.

Шкуро снова отправился поднимать станицы, взывая к патриотическому подъему кубанского казачества, публикуя гневные воззвания: «Смертельный кровавый враг наш угрожает раздавить Дон и перебросится на Кубань. Главнокомандующий даст сокрушительный отпор врагу, но для этого нужна помощь всех... Подымайся, Кубань! Бейте в колокола, и пусть мощный гул их по станицам и хуторам пробудит геройский казачий дух для решительной, несомненно победной последней схватки... Старики, покажите пример молодым - идите вперед! Трусы и

дезертиры пойдут за Вами... Решается судьба русских армий. Решается судьба Казачества...» Вместе со Шкуро поднимать станицы отправились и делегаты Кубанской Рады. В приказе Войскового Атамана генерала Букретова (сменившего скончавшегося от тифа Успенского) говорилось: «Счастлив объявить Кубанскому Краю, что Кубанская армия образована и сейчас спешно пополняется конными, пластунами и иногородними. С 26 января в состав Кубанской армии включены все части упраздненной Кавказской армии и во главе Кубанской армии поставлен мною генерал-лейтенант Шкуро... Пополнения и вновь формируемые Кубанские части постепенно выступают на фронт. Приказываю всем остальным полкам, пополняющимся в Крае, выступить без задержек, для чего начальствующим лицам позаботиться о спешной подаче подвижных составов...»

Прорыв Красной Армии к Ростову 8 января 1920 год.

Однако ожидания Шкуро относительно быстрых пополнений Кубанской Армии оправдались лишь частично. Кубанский край был истощен многочисленными мобилизациями, и рассчитывать приходилось только на молодых призывников-новобранцев. Испытанные кадры погибли в боях, а многочисленные дезертиры ни при каких обстоятельствах не собирались снова брать в руки оружие. Тем не менее к концу января удалось довести до штатной численности полки 2-го Кубанского корпуса, который предполагалось сделать ударным резервом, аналогичным 4-му Донскому корпусу. Кубанские полки получили новых лошадей, обмундирование, пополнили запасы оружия. В конце января Шкуро произвел смотр корпусу и нашел, что он «представился в блестящем боевом порядке и можно смело сказать, что он является гордостью Кубани». Корпус под началом генерала В. Г. Науменко выступил на Манычский фронт. Под личный контроль

взял Шкуро организацию 3-го Кубанского корпуса, получавшего пополнения из Баталпашинского отдела.

Директивой Ставки от 26 января 1920 года генералу Шкуро предписывалось: «прочно обеспечивая Ставропольское направление, разбить 10-ю советскую армию». В развитие этой директивы Шкуро издал приказ о нанесении концентрированного удара по прорвавшейся красной коннице Буденного. Предполагалось, что 2-й Кубанский корпус очистит от красных левый берег Маныча и перейдет вместе с полками 4-го Донского корпуса в контрнаступление с глубоким охватом левого фланга красного фронта. Кубанские пластуны, сведенные в 1-й Кубанский корпус, должны были отразить атаки буденновской конницы в районе станции Великокняжеской.

\ Однако советская конница, прорвавшись на стыке Донской и Кубанской Армий, стала быстро продвигаться в тыл белого фронта на станцию Тихорецкую. Высланный против нее 4-й Донской корпус понес в морозных манычских степях тяжелейшие потери обмороженными, в том числе - смертельно. Захватив Тихорецкую, Буденный направил удар на 1-й Кубанский корпус, расположенный в районе Песчанокопская - Белая Глина и совершенно неожиданно оказавшийся перед мощной группировкой из трех красных стрелковых дивизий и конными корпусами Буденного и Думенко (свыше 18 ООО штыков и сабель против кубанских пластунов численностью немногим более 6000). Прикрывавшая Белую Глину Донская бригада генерала А. В. Голубинцева была отброшена, а Сводно-Гренадерская дивизия сдалась в плен. Пластуны остались одни перед ударной группой красных.

Последовал страшный разгром 1-го Кубанского корпуса. Пластунские полки, укомплектованные неопытными призывниками последних мобилизаций, рассыпались, многие сдались в плен. Прорвавшись к Белой Глине, буденновские части вышли в глубокий тыл Вооруженных Сил Юга России, отрезая от основных сил Баталпашинский отдел, Ставропольскую губернию и всю Терскую Область.

7 февраля 1920 года в Штабе Донской Армии на станции Сосыка состоялось совещание, на котором присутствовали Главнокомандующий генерал А. И. Деникин, Донской Атаман генерал А. П. Богаевский, Кубанский Атаман генерал Н. А. Букретов, командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин и генерал А. Г. Шкуро. На совещании обсуждался вопрос о возможности продолжения борьбы в Кубанской Области, обороны на линии реки Кубань - последнем рубеже, где еще можно было бы остановить продвижение красных. На этом же совещании была

решена и судьба Шкуро. Становилось ясно, что, хотя Андрей Григорьевич и является наиболее приемлемой фигурой для Деникина и у него отсутствуют любые стремления к самостийности, он не может справиться с ответственной ролью командующего Кубанской Армией. Налицо были и оперативные просчеты Штаба Шкуро, который упустил из виду оперативную координацию действий Кубанских корпусов. Находясь на посту командующего, Шкуро большую часть времени отдавал разъездам по станицам и мобилизациям казаков.

А для «самостийников» имя Шкуро было еще более неприемлемым. Их идеологи в эмиграции писали: «Кубанские казаки хорошо понимали, что ген[ерал] Шкуро являлся апостолом деникинско-русской "правды", которую отвергало Кубанское казачество. Пребывание ген[ерала] Шкуро на посту командующего армией ясно указывало казакам на то, что их снова хотят повести все той же дорогой на Москву. Только упрямые противники организации настоящей Кубанской армии могли одобрять пребывание ген[ерала] Шкуро на посту командующего Кубанской армией. И только после того, как большевистские армии перешли через рубеж р[еки] Маныча, после того, как неумелые руководители открыли тыл 1-го Кубанского корпуса ген[ерала] Крыжановского для нападения Буденновских дивизий и этим подготовили страшный разгром корпуса, только после того, как оставшийся в одиночестве в северо-западном углу Ставропольской губернии, охватываемый противником с обоих флангов, расстроенный 2-й Кубанский корпус ген[ерала] Науменко поспешно отскочил к станице Кавказской; после того, как 4-й Кубанский корпус был тесно прижат к самому Ставрополю, а конная группа ген[ерала] Павлова 12 февраля понесла поражение под Средне-Егорлыцком, после того, как большевистские дивизии на широком фронте вошли в пределы Кубани, ген[ерал] Деникин отстранил ген[ерала] Шкуро от должности командующего Кубанской армией».

Приказ Главнокомандующего от 14 февраля 1920 года гласил: «Назначается состоящий в резерве при Штабе Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант Улагай - командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал-лейтенант Шкуро - откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности...»

После отставки Шкуро выехал в Екатеринодар. Он еще надеялся использовать свой авторитет для того, чтобы поднять Баталпашинский и Кавказский отделы Кубанского Войска, но

изменить ход войны был уже не в силах. Казаки отказывались воевать, белому фронту не удалось удержаться и на линии Кубани. Забрав из Кисловодска семью, Шкуро выехал в Новороссийск.

После того, как основная часть Кубанской Армии осталась непогруженной и не смогла эвакуироваться в Крым, Шкуро принял на себя командование группой войск сочинского направления. В нее свели остатки Донских и Кубанских частей. Здесь до середины апреля 1920 года он вместе с другими Кубанскими генералами безуспешно пытался организовать сопротивление казаков. Большая часть армии сдалась красным, и лишь немногие Кубанские части эвакуировались в Крым. Но с приходом на пост Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Врангеля Андрею Григорьевичу места в их рядах не нашлось, и он покинул Белый Крым.

* * *

Начался эмигрантский период его биографии. Содружество «волков»-партизан продолжалось и в Зарубежье. Вместе со своим командиром они составили ансамбль цирковых наездников. В 1928 году Шкуро заключил контракт о создании труппы казаков - джигитов, танцоров и песенников. Казаки, одетые в специально сшитые для них белые и алые черкески, выступали на одном из ипподромов под Парижем. В политической жизни Шкуро не принимал активного участия, хотя и состоял членом «Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека».

Вторая мировая война открыла в судьбе Шкуро последнюю страницу. Как и многие белые эмигранты, он с надеждой воспринял нападение Германии на СССР, видя в этом возможность «победы над большевизмом». И для самого Шкуро, и для его казаков война против Советского Союза была продолжением войны Гражданской.

Шкуро принял участие в формировании казачьих частей для борьбы на Восточном фронте. После вступления частей Вермахта на Кубань шкуринцы снова оказались около родных станиц, призывая земляков-кубанцев к «борьбе с иудо-масонским сталинским режимом». Снова над казачьими станицами стал развеваться черный флажок «Волчьей сотни». Эмигрантские журналы обошла фотография: «Генералы А. Г. Шкуро и Гельмут фон Паннвиц среди офицеров XV Казачьего кавалерийского корпуса».

5 сентября 1944 года генерал Шкуро был назначен

начальником резерва Казачьих Войск. Кубанцы были переброшены в Северную Италию, в район Толмеццо, где располагался походный Казачий Стан. Последовали операции против итальянских партизан, переход в Австрию. Вместе с казаками шел и Шкуро. Когда Германия подписала Акт о капитуляции, генерал находился в городе Шпиталь, недалеко от Лиенца. Белому генералу пришлось до конца разделить страдания своих казаков.

28 мая англичане пригласили его на совещание в штаб английского фельдмаршала Александера, в город Юденбург, где его арестовали и 6 июня 1945 года выдали советским властям. Рассказывали, что старый генерал хотел покончить жизнь самоубийством (бросался на штык) - такого позора и предательства он перенести не мог, ведь он был награжден орденом Бани от самого Короля Великобритании. Вместе с генералом П. Н. Красновым Шкуро был доставлен в Москву. Внучатый племянник Краснова вспоминал позднее минуты «общения» заключенных с окружавшими их советскими конвоирами и своеобразную «популярность», которой пользовался у тех генерал Шкуро:

«Около него до зари торчала большая группа, главным образом, молодежи из сержантов, глаз не спускавшая с его подвижного лица. Шкуро ни на минуту не терял своего юмора. Отчаяние и гнев остались там, за мостом в Юденбурге, там, где остались предатели и изменники своему слову. В этих простых армейских солдатах, в большинстве деревенских парнях, он видел просто русских людей. Они, обращаясь к нему, называли его и "батько", и даже "атаман", переименовав его из Шкуро в Шкуру, и некоторые хвастались, что слышали о нем просто "небылицы" от своих дедов, дядьков и отцов.

Оживившись, Шкуро с большим подъемом рассказывал о "лупцовке" красных. Солдаты гоготали и хлопали себя по ляжкам от удовольствия. Более пожилые возражали и доказывали, что и они, красные, давали перца шкуринской волчьей сотне.

-Верно! - соглашался Шкуро. - Давали! Давали так, что у нас зады трещали!

Опять восторженный взрыв хохота. — Ишь ты, какой! — крякали все от удовольствия...

— Ишь, руки-то у тебя какие маленькие! — заметил один из сержантов.

- Маленькие, да удаленькие! Рубить умели! - весело ответил генерал, делая рукой типичные для рубки движения. Солдаты взвизгивали от удовольствия...»

Но между «простыми армейскими солдатами» - русскими

людьми и пленными Белыми генералами по-прежнему стоял коммунистический режим. После показательного процесса «изменник Родины», «пособник оккупантов» генерал Шкуро был казнен по приговору Верховного Суда СССР 17 января 1947 года. Скупые строчки приговора, опубликованные в газете «Известия» от 17 января, поставили точку в его биографии: «В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых: Краснова П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и фон-Панвиц к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение».

Так завершился жизненный путь Кубанского «волка»-партизана, одного из самых популярных Белых героев Гражданской войны в России. Завершилась судьба, полная бурных эпизодов, бесконечной борьбы и скитаний. Жизнь, через которую прошли практически все драматические, но в то же время и героические события ушедшего в историю XX века. Судьба, которая, возможно, могла быть иной, более спокойной, размеренной, но... это была бы уже судьба другого человека.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ К. К. МАМАНТОВ
В. Ж. Цветков

Герой Тихого Дона, «вихорь-генерал», «донская стрела» - Константин Константинович Мамантов. Его образ навсегда остался на страницах Гражданской войны в ярых, беспощадных атаках казачьей конницы, смелых, даже авантюрных набегах и прорывах. Трудно представить его в зарубежном «рассеянии», человеком, обремененным тяготами эмигрантского бытия или дрязгами внутри казачьего стана. Очень многие биографии Белого генералитета неизвестны современным исследователям. Читая скупые строчки послужного списка, не можешь представить себе жизнь того или иного участника Белой борьбы. Появляются

многочисленные мифы. И чем более заметна фигура Белого генерала, тем большим количеством мифов она обрастает.

Жизнь Константина Константиновича - яркий тому пример. В его биографии встречается очень много неточностей и разночтений. Почти все документы, личные вещи, письма и фотографии хранились у его вдовы Екатерины Васильевны Мамантовой (урожденной Сысоевой). Но некоторые из них погибли во время Второй мировой войны, а остальные были украдены у вдовы в 1945 году в Вене.

Начнем с фамилии. Почти в каждой советской книге по истории Гражданской войны ее писали «Мамонтов» («Мамонтовский рейд»). Между тем никаких ассоциаций с доисторическим животным здесь не было. Не было и родственных связей с Саввой Мамонтовым - известным меценатом. Дело в том, что так называл генерала Л. Д. Троцкий, намеренно искажая фамилии «белобандитов» в своих приказах. Позднее это написание сохранилось, а о восстановлении исторической истины по отношению к «контрреволюционеру» в то время думать не приходилось. Книга советского военного историка М. Рымшана «Рейд Мамонтова» (кстати, одна из немногих, объективно отражающих историю рейда) надолго закрепила «Мамонтова» в историографии. Правда, в советской энциклопедии «Гражданская война и иностранная военная интервенция» приведен замечательный по своей простоте вариант - «Мамонтов (настоящая фамилия - Мамантов)».

На самом же деле, в послужных списках, приказах и большинстве белых мемуаров фамилия генерала писалась как «Мамантов». В святцах указывается имя «Мамант» с ударением на втором слоге, по-гречески оно означает «сосущий грудь». От этого имени и произошла дворянская фамилия Мамантовых.

Следующий, довольно распространенный миф: Мамантов - «природный» казак. На самом деле, его рождение, воспитание и начало военной карьеры не имели никакого отношения к казачеству. Будущий генерал родился 16 октября 1869 года в Санкт-Петербурге в семье офицера Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка Константина Николаевича Мамантова. Древний род Мамантовых, известный по земельной росписи еще с XV века, владел несколькими имениями в Псковской, Новгородской и Минской губерниях (в части документов даже отмечалось «из дворян Минской губернии»). Семейные доходы были небольшими, однако позволяли содержать дом в Петербурге и обеспечить сыну хорошее военное образование, а в том, что он продолжит семейные традиции и будет военным, родители не сомневались.

Полученное образование и связи в петербургском свете предполагали если не блестящую, то хорошую, достойную карьеру офицера-кавалериста. Так, брат Константина Николаевича - Валерий Николаевич приходился зятем российскому министру финансов, а позднее премьер-министру Владимиру Николаевичу Коковцову (его женой была родная сестра премьера). Двоюродный брат К. Мамантова Николай Николаевич Коковцов находился рядом с генералом почти до самых последних дней его жизни. Мамантовы вели светскую жизнь, часто давали небольшие музыкальные вечера, благотворительные концерты.

В 1888 году Константин закончил Николаевский кадетский корпус, а два года спустя Николаевское кавалерийское училище. Мамантов считался дисциплинированным юнкером, но отличался порой резкостью, смелостью поступков. Он занимал должность взводного портупей-юнкера - небольшого, но все-таки командира.

Вчерашний юнкер стал корнетом Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. «Мрачные» Конно-Гренадеры, как иронично называли их в гвардейской среде, не менее других полков отличались внутренней спайкой и корпоративностью, хотя и не кичились славой Кавалергардов или Конногвардейцев.

Среди товарищей по полку будущий генерал выделялся не только высоким ростом и незаурядной внешностью. Молодого корнета отличала и изысканность манер, и некая особая элегантность в военной выправке и форме. Но сохранились присущие ему еще с училищных лет гордость, независимость суждений, большое самолюбие и вспыльчивость. Мамантов получил прочную репутацию человека, готового отстаивать свою честь и свои убеждения, несмотря ни на что. «Отчаянный бретер», - называли его однополчане.

Независимый, гордый офицер пользовался вниманием дам петербургского света. Роковой для его карьеры стала майская дуэль 1893 года. Суд чести Конно-Гренадерского полка постановил исключить Мамантова из своих рядов, правда, не без прямого давления со стороны командующего Гвардейским корпусом. Мамантов считал решение несправедливым, остро переживал исключение из списков полка и фактически из петербургского общества. Ведь теперь ему предстояло весьма неприятное превращение из блестящего корнета-Гвардейца в заурядного поручика 11-го драгунского Харьковского полка.

Может быть, это и объясняет тот факт, что в отличие от нагрудного знака Николаевского кавалерийского училища знак Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка Мамантов никогда не носил. В память о гвардии остались лишь пышные усы - полковая

гордость Конно-Гренадер, отличавшие Мамантова, пожалуй, ото всех остальных генералов Белого Юга.

Армейский драгунский полк, в который волею судьбы попал вчерашний гвардеец, хотя и имел славную историю еще со времен Царя Алексея Михайловича (старшинство с 1651 года, со слободских казачьих полков), тем не менее не отличался серьезными карьерными перспективами. Однако Мамантов втянулся в службу и в 1896 году получил чин штаб-ротмистра. Но, видимо, и здесь вольный характер молодого офицера дал себя знать. 30 июня 1898 года он вышел в отставку с зачислением в запас по армейской кавалерии.

Можно было бы считать военную карьеру Мамантова законченной. Но, наверное благодаря неплохим родственным связям и знакомствам, в 1899 году «по особому ходатайству» его зачислили в «комплект Донских казачьих полков», и службу он продолжил в 3-м Донском казачьем Ермака Тимофеевича полку, дислоцированном в крупном губернском городе — Вильне. Тогда же он стал приписным казаком станицы Усть-Хоперской 1-го Донского округа.

Молодому подъесаулу (казачий чин, соответствующий чину штаб-ротмистра регулярной кавалерии, в этом чине Мамантова зачислили в запас) перевод в казачьи полки казался просто «меньшим злом» по сравнению с полной отставкой. И вряд ли мог он предположить, что Дон станет теперь частью его биографии, его судьбы, всей последующей жизни. Не в пример регулярной кавалерии, где независимость Мамантова многих отталкивала, для казаков подобное поведение было обычным. Но... Мамантов никогда не вел себя с казаками, так сказать, «запанибрата». Он никогда не подделывался, не изменял себе, не старался специально «понравиться», умел «держать дистанцию», во многом сохранив свои «гвардейские», «барские» привычки. Мамантов ценил равенство отношений, не переходя при этом пределов уставной дисциплины. Для казаков он оставался «своим». Ведь, наверное, главное, что роднило его с казаками, - это обостренное чувство свободы, воли, ради которой российское казачество поднималось на борьбу с поработителями.

Служба шла своим чередом, и новый XX век Мамантов встретил с повышением. 1 октября 1901 года он был произведен в чин есаула (ротмистра по рангам регулярной кавалерии). Но мирная жизнь в Вильне уже не устраивала Мамантова. Начинается война с Японией, и для Мамантова перевернулась новая страница биографии. Как и многие его товарищи по полку, он подал прошение о переводе в Маньчжурию, на фронт. Прошение удовлетворили, и Мамантов едет на Дальний Восток,

где в составе 1-го Читинского полка Забайкальского Казачьего Войска проходит всю войну. Полк действовал в составе конной группы генерала Мищенко, известного своими смелыми рейдами по тылам японской армии. Очевидной становилась эффективность самостоятельных действий маневренных конных групп, впоследствии подтвержденная прославленным рейдом самого Мамантова. Примечательно, что другой знаменитый кавалерийский генерал - Петр Николаевич Врангель, воевавший в составе конной группы Ренненкампфа, также участвовал в таких рейдах.

Молодой офицер получил первые боевые награды: ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость» - знаменитая «аннинская шашка», Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом и II-й степени с мечами, Святой Анны III-й степени с мечами. 26 февраля 1908 года Мамантов был произведен в чин войскового старшины (подполковника - по регулярной кавалерии) и принял сотню в родном 3-м Донском казачьем полку.

После окончания войны многим офицерам - ее участникам открывалась возможность для продолжения карьеры, поступления в Императорскую Академию Генерального Штаба, ведь «военный стаж» давал определенные льготы. Однако Мамантов остался в родных для него казачьих полках, переведясь в 1-й Донской генералиссимуса князя Суворова полк. Это означало почти возвращение в Гвардию, ведь полк располагался в Первопрестольной столице -Москве. А должность помощника командира по строевой части, которую получил 40-летний войсковой старшина, многими считалась венцом карьеры. Возвращение в московский свет совпало с первым, правда весьма поздним, браком с баронессой фон Штемпель, оба брата которой командовали полками в 6-й кавалерийской дивизии. Вскоре родилась дочь Екатерина. Разнообразие в будни военной службы вносилось скачками и парфорсными охотами, занятиями шведской гимнастикой. Во время полковых праздников он никогда не пил водки, а лишь немного хорошего французского вина. Служба в Московском военном округе не была обременительной и позволяла Мамантову часто приезжать к своей матери в Санкт-Петербург, возвращаясь к жизни петербургского общества.

В окопах Первой мировой войны.

Очередной этап военной карьеры Мамантова был связан с началом войны с Германией. Ее он встретил командиром 19-го Донского казачьего полка (в составе 4-й Донской казачьей дивизии). Кавалерийские операции в годы Великой войны не отличались масштабностью, и казачьи части занимались по преимуществу разведкой и неглубокими рейдами по тылам противника. Не было заметных фронтовых успехов и у полка Мамантова. В 1916 году он получил чин полковника и был назначен командиром 6-го Донского генерала Краснощекова полка.

Несмотря на поддержку со стороны родственников, дальнейшее продвижение в чинах было скромным. Войну Мамантов закончил в чине полковника. При всем своем честолюбии он никогда не стремился угождать, считая, что сам по себе факт удачной операции, выигранного сражения гарантирует карьерный рост. Если же его очевидные успехи не приносят ожидаемых повышений, то виноваты в этом или интриги, или пристрастность высших начальников.

События Февраля и Октября 1917 года Мамантов встретил на фронте. Отношение к ним было определенным - он видел развал Армии, развал русской государственности, развал фронта и тыла. Тем не менее 1917 год принес полковнику Мамантову очередное повышение - он стал командиром бригады в 6-й Донской казачьей дивизии.

Изменилась и семейная жизнь. В 1915 году он провел в

Новочеркасске свое последнее лето вместе с семьей. Вскоре его жена умерла, оставив восьмилетнюю дочь. Новой женой Константина Константиновича стала Екатерина Васильевна Сысоева, дочь известного московского биржевика Василия Никаноровича Сысоева. В 1916 году она развелась со своим мужем, однополчанином Мамантова по 1-му Донскому полку, сотником М. В. Кононовым. От первого брака у нее осталась дочь Валентина. И хотя совместной жизни Мамантовых не суждено было быть долгой, Екатерина Васильевна до последних дней осталась верна памяти о покойном муже.

После Октябрьского переворота Мамантов окончательно решил связать свою судьбу с Тихим Доном. Прошлая светская жизнь Москвы и Санкт-Петербурга ушла безвозвратно. Родовые имения были разграблены, имущество национализировано. Не признавший власти большевиков Дон многим казался тогда единственным стержнем, вокруг которого могло сложиться антибольшевицкое сопротивление.

* * *

После развала фронта донские казачьи полки походным порядком возвращались домой, в свои родные станицы и хутора. Вернулась на Дон, ведомая своим командиром, и казачья бригада Мамантова. Укомплектованная уроженцами 2-го Донского округа, она дошла до станицы Нижне-Чирской. Сюда же, в Новочеркасск, а затем и в станицу Нижне-Чирскую переехала из Москвы вместе с двумя дочерьми (родной и приемной) и Екатерина Васильевна.

В последние месяцы переломного для России 1917 года на Дону царила политическая неразбериха. Большинство казаков настаивало на сохранении политической независимости края, собственных органов государственного управления и армии. Однако казачьи части, возвращавшиеся с фронта, хотя и приходили домой с оружием и знаменами, не собирались продолжать войну хотя бы и под лозунгами «спасения Отечества от большевицкого ига». Как писал в своих воспоминаниях Председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов, «фронтовое казачество, распропагандированное углубителями революции, приходя домой, не могло сразу найти общего языка со "стариками". Оно воевало, а эти жили дома и богатели. Молодые казаки не могли представить себе, чтобы солдат-крестьянин, солдат-рабочий, с которыми они провели три года на фронте, вернувшись домой, стали их врагами... "Зачем нам бороться против большевиков? Они нас, рядовых казаков, не

тронут; они будут распоряжаться промеж рабочих и крестьян, а мы у себя", - вот обычное для того периода рассуждение казаков...»

Поэтому призывы немедленного «похода на Москву» не встречали отклика среди казачества. Гораздо более популярной стала идея образования так называемого «Юго-Восточного Союза», объединившего в своих границах на правах автономии Донское, Кубанское, Терское, Астраханское Казачьи Войска, а также горцев Кавказа.

В то же время многие и на Дону, и на Кубани, и на Тереке считали перспективным сотрудничество с большевиками. Особенно сильны пробольшевицкие симпатии были в Ростове и Таганроге (в Таганрогском округе преобладало шахтерское население и почти не проживало «коренных казаков»). Донской Атаман А. М. Каледин был вынужден в одиночку, на свой страх и риск, начать борьбу против надвигавшихся на Дон с севера красногвардейских эшелонов. Против ростовских большевиков и наступавших с севера красногвардейцев выступили первые отряды будущей Добровольческой Армии, донские добровольцы-«партизаны» и окрыленная идеей спасения России донская молодежь. Первая кровь «второй Русской Смуты» пролилась на Юге России.

Во 2-м Донском округе по инициативе Мамантова началось формирование партизанского отряда, имевшего в своем составе большое количество казаков-фронтовиков, однополчан Мамантова по 6-й дивизии. В то же время Нижне-Чирский окружной круг, опасаясь большевицких репрессий, категорически настаивал на выдворении мамантовского отряда за пределы округа. Изгнанные мамантовцы (около 100 бойцов) выступили к Новочеркасску в конце января 1918 года. Вместе с командиром ехала его семья. Жена, проделавшая с ним весь страдный путь Степного похода, как и ее муж, была награждена впоследствии знаком «За Степной поход».

Отряд подошел к казачьей столице слишком поздно. Большинство казачества не собиралось оборонять родной Дон от Красной Гвардии. Войсковой Круг, следуя тактике компромиссов, попытался заключить соглашение с представителями «иногородних», так называемое «паритетное соглашение» (в соответствии с ним портфели в Донском Правительстве распределялись пропорционально между представителями казаков и иногородних).

Согласно приказу нового Атамана генерала А. М. Назарова, который сменил застрелившегося Каледина, Мамантов со своим отрядом, не задерживаясь в Новочеркасске, должен был

выдвинуться в район станций Персиановка -Казачьи Лагеря. 11 февраля он стал командующим войсками Северного фронта, сменив на этом посту генерала Абрамова. Однако выступить навстречу красной группе Ю. В. Саблина Мамантову не пришлось. Днем 12 февраля объединенные партизанские отряды под командованием Походного Атамана генерала П. Х. Попова покинули Новочеркасск и выступили в станицу Старочеркасскую — древнюю столицу казачества.

Начался легендарный Степной поход, сравнимый с Ледяным (Первым Кубанским) походом Добровольческой Армии. Полторы тысячи донских казаков, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов стали основой, на которой спустя несколько месяцев выросла мощь новой Донской Армии. Как говорилось в выступлениях на Большом Войсковом Круге в феврале 1919 года, «партизаны стали "допингом" для казачьего повстанческого движения, и существование партизанских отрядов стало лучшим моральным стимулом для колеблющихся».

Началу Степного похода предшествовали разногласия между командованием Добровольческой Армии и казаками. Спорили о том, надо ли идти зимовать в Сальские степи, в Задонье, не пытаясь оказывать сопротивление большевикам, и ждать вероятного общеказачьего восстания весной (позиция генерала Попова), или идти на Кубань на соединение с кубанскими казаками в расчете на их поддержку. Во втором случае очевидной становилась перспектива подчинения Добровольческому командованию. В результате казачьи лидеры выбрали вариант самостоятельного похода в донские зимовники.

Сам же Мамантов, напротив, фактически в одиночестве заявлял о необходимости поворота на Кубань и совместных действий с Добровольцами. Он никогда не принадлежал к «донским сепаратистам». Зная об этом, председатель Союза Донских дворян А. П. Леонов предложил ему взять командование партизанами на себя и сместить генерала Попова. Не давая втянуть себя в интриги, Мамантов категорически отказался принять данное предложение, доложив обо всем Походному Атаману. В этом эпизоде проявилась еще одна черта характера Мамантова — прямота души и честность, неприязнь к интригам.

Бывший Гвардеец и в походе не изменял привычкам. Всегда гладко выбритый, одетый в чистый и исправный мундир, он выделялся среди остальных станичников.

На хуторе Арпачине партизанские отряды были сведены в «Отряд Вольных Донских Казаков». Из шестнадцати отрядов образовали шесть, две дружины, инженерную сотню и две артиллерийские батареи. Отряд Мамантова состоял из двух

пеших сотен при четырех пулеметах (205 человек). Помощником Мамантова стал полковник Шабанов, командовавший отрядом в тех случаях, когда Мамантов принимал на себя руководство группой отрядов. Все отряды различались по особым значкам. Мамантовский отряд имел белый с золотой оторочкой флажок, с одной стороны которого был вышит золотой шестиконечный крест, а с другой — золотые буквы «О. М.» («Отряд Мамантова»). Многие считали, что теперь отряд несет на себе особое Господне Благословение. Этот же значок сопровождал мамантовцев и во всех будущих походах.

Вскоре начались и первые боевые испытания. Совершенно неправомерно мнение о том, что партизаны-«степняки» во время похода не имели серьезных столкновений с красными отрядами и только ждали, как медведи в берлоге, прихода весны, чтобы вернуться к своим станицам. Бои шли постоянно, и хотя по своему напряжению они уступали боям Ледяного похода, их значение было не меньшим. Значительные трудности выпали и отряду Мамантова. Теперь полковнику приходилось командовать не только собственным отрядом, но и объединенными силами партизан. В суровых степных боях укреплялось боевое содружество казаков, рос авторитет их командиров. Для Донской Армии знак «За Степной поход», учрежденный год спустя, имел не меньшее значение, чем знак «За Ледяной поход» в Армии Добровольческой. А награжденные становились своего рода боевой «элитой» Донского казачества.

Начало похода прошло в столкновениях с местными красными отрядами. Уже 20 февраля по просьбе калмыков Платовской станицы (родины С. М. Буденного) для борьбы с крестьянами-красногвардейцами генерал Попов выделил особый сводный отряд, командиром которого стал полковник Мамантов. Поздним вечером 21 февраля 1918 года отряд Мамантова разбил красногвардейцев Думенко и Буденного. Таким стал для Мамантова первый бой Гражданской войны, последней и самой яркой войны в его жизни, и его первое столкновение с будущим советским маршалом. Успех Мамантова позволил приступить к формированию отдельных сотен из калмыков. 26 февраля отряд Мамантова из Платовской перешел в освобожденную без боя станицу Великокняжескую. После выступления Мамантова на станичном сходе его отряд пополнился 200 учениками местного реального училища. Примечательно, что уже с начала похода Мамантову, как наиболее опытному командиру, доверяли командование крупными кавалерийскими и пехотными соединениями.

С началом весны бои в Задонье развернулись с новой силой.

Против Мамантова были собраны отряды местных красных казаков общей численностью 3 ООО штыков и сабель. 12 марта начались бои, за два дня которых сводный отряд Мамантова (в него вошли почти все наличные силы партизан-степняков) несколько раз предпринимал упорные контратаки, пытаясь разъединить противостоявшие им силы красных. В результате белые не только отстояли занимаемые хутора и зимовники, но и отбросили противника. А уже 16-17 марта партизаны овладели зимовником Трубникове на стыке с Астраханской и Ставропольской губерниями. 26-28 марта мамантовцы прикрывали отход генерала Попова от станицы Бурульской.

В это время были получены первые известия о начинающемся восстании казаков 2-го Донского округа, занятии станицы Нижне-Чирской и об избрании окружным атаманом полковника Растегаева. В обращении повстанцев к Атаману Попову говорилось: «Сознание необходимости освобождения от советской власти вполне созрело в станицах, но нет оружия, нет ядра, около которого казаки организовались бы. Нужна неотложная помощь как в моральном, так и в материальном отношении».

Донское казачество в марте 1918 года, испытав на себе все «блага» Советской власти, подняло восстание. Первенство принадлежало Нижнему Дону. Началось стихийное формирование дружин самообороны. Теперь на помощь восставшим из Задонья двинулись партизаны-степняки. В течение апреля шли упорные бои за Ростов и Новочеркасск. Наконец, 25 апреля Новочеркасск был освобожден, а через несколько дней казачьи и офицерские отряды вступили в Ростов.

Степные партизаны стали тем самым «ядром», вокруг которого организовались новые соединения. Степной поход закончился, и 4 апреля полковник Мамантов вместе со своим отрядом, конным отрядом полковника Карагальского, офицерским отрядом войскового старшины Гнилорыбова и всего лишь одним орудием выступил в свой 2-й Донской округ на подмогу восставшей станице Нижне-Чирской.

* * *

Появление Мамантова во 2-м Донском округе способствовало росту антибольшевицких настроений. Вот как писали об этом: «Мамантов был природным вождем. Таковым его считали те, кого он водил в бой, кем управлял. Поэтому, когда настали дни пробуждения и Суворовская станица (первой в округе. - *В. Ц.)* подняла знамя восстания, казаки вспомнили "своего" Мамантова

и послали к Походному Атаману просьбу назначить им Мамантова командующим. Мамантов понял казаков, а казаки признали в нем "своего". Мамантов, прибыв в Нижне-Чирскую станицу, кликнул клич "Казаки, на коня!" и повел борьбу на знакомом уже ему фронте».

В это время на Дону началось формирование новых органов власти, становление новой казачьей государственности. 29 апреля в Новочеркасске начал работу спешно созванный Круг Спасения Дона, который избрал Атаманом генерала П. Н. Краснова, вручил ему всю полноту военной и гражданской власти и утвердил предложенные Атаманом законы. Было решено призвать на службу шесть младших возрастов казаков (призыва 1912-1918 годов), в армии восстанавливались погоны и кокарды, на железных дорогах и заводах вводилось военное положение. Примечательна позиция Круга по отношению к иногородним: «всех лиц невойскового сословия, фактически участвующих в защите Дона от большевицких банд, теперь же принять в войсковое сословие»; им предоставлялось право на получение земельного пая.

Круг Спасения заявил о государственной самостоятельности Дона, а из законов, принятых после Февраля 1917 года, подлежали выполнению только те, которые «способствовали укреплению и процветанию Донского края». «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон» - эти слова нового гимна выражали силу патриотического подъема казачества. Станичные отряды сводились в пешие и конные полки, а затем в дивизии и группы. Партизанские соединения составили основу Донской Армии, армии по-настоящему «народной».

В это время Мамантов продолжал освобождать территорию 2-го Донского округа. Численность восставших быстро росла, и уже к началу мая в его отряде насчитывалось около 10 ООО бойцов. В одних рядах сражались и старики, и молодежь, и опытные фронтовики. Офицеров в полки назначали свои же станичники, бойцы хорошо знали друг друга. Параллельно с этим Мамантову приходилось решать и административные вопросы, созывать станичные сходы, выступать на заседаниях окружного круга. На Нижне-Чирскую по железной дороге от Луганска надвигались отошедшие с Украины под давлением немецких оккупационных сил части 3-й и 5-й Украинских советских армий. На своем пути эти отряды, состоявшие в большинстве из донецкой шахтерской бедноты и рабочих Екатеринослава, сжигали станицы, поголовно истребляли казачьи семьи, пытали и казнили захваченных в плен. Красные прорывались к Царицыну, надеясь закрепиться на Волге.

После боев 15-19 мая части генерала Фицхелаурова выбили

из станицы Морозовской сильный отряд Е. А. Щаденко (будущего политкомиссара 1-й Конной армии), который неожиданно оказался в тылу группы Мамантова. Казаки были зажаты между красными частями, наступавшими от Царицына, и щаденковцами. Начались жестокие бои, особенно сильные в период 20-26 мая. Мамантов, не скрываясь от пуль, лично ходил в атаку в пехотных цепях, был трижды ранен. Ценой напряжения всех сил белые, понесшие огромные потери от артиллерийского огня, отразили атаки противника, отбросив его в степи. Фронт переместился к станции Чир.

Благодаря этим ударам оказалась освобожденной большая часть 2-го Донского округа, казаки стали контролировать главную магистраль, по которой к Царицыну подходили отступающие с Украины красные войска. Освобождение «Тихого Дона» завершалось. В середине мая и начале июня восстал Хоперский округ, а казачьи части генералов Старикова и Секретева очистили от большевиков Усть-Медведицкий округ, объединив тем самым фронт с частями Мамантова.

Популярность Мамантова росла. В почетные казаки произвела его бывшая приписная станица Усть-Хоперская и новая - Нижне-Чирская. В журнале «Донская Волна» печатались его фотопортреты, а один из номеров был полностью посвящен боям мамантовской группы на Царицынском фронте. За успехи в освобождении Тихого Дона он получил чин генерал-майора. Везде подчеркивают не только его качества военачальника, но и личное обаяние, уверенность в себе, доверие к своим казакам. «Краса похода - Мамантов», - называют его в одном из стихотворений, посвященных Степному походу.

Белогвардейский плакат «Мои русские друзья».

«Войска и в особенности войска нашего времени... таковы, что им нужно видеть впереди себя своего вождя, - писал современник. - Мамантов знает эту психологию своих войск и бывает всегда впереди, когда психологическое состояние войск того требует. Нельзя управлять теми, кого не любишь, тем более, кого презираешь, нельзя тогда сделаться их вождем. Мамантов любит казаков, любовь платится любовью и, как естественным результатом последней, доверием. Мамантову доверяют.

Любя казаков, Мамантов остается все же для них командующим, строго храня интересы целого, интересы всего войска, когда эти интересы встречают противодействие со стороны казаков. Он требователен и строг в этих случаях и строгость свою характером своих действий делает понятной казакам и справедливой в их глазах...»

К началу июля Мамантов пополнил свои полки за счет мобилизованных 2-го округа, перешел в контрнаступление и отбросил красных к Царицыну. 1 июля началось переформирование окружных отрядов в особые «войсковые группы». 4-й войсковой группе Мамантова поручалось нанести удар на одном из наиболее ответственных направлений - Царицынском. Захват этого крупного волжского города гарантировал Войско Донское от возможных ударов на Новочеркасск и Ростов и, в свою очередь, позволял контролировать Волжский речной путь.

В советской историографии оборона Царицына (аналогичная обороне Сталинграда в годы Второй мировой войны) занимала ведущее место. Ведь именно здесь «ярко проявился полководческий гений товарища Сталина», занимавшего должность Председателя Военного Совета Северо-Кавказского округа, здесь произошло «рождение славной красной конницы товарищей Буденного и Ворошилова». «Повезло» поэтому и тем, кто противостоял большевикам, на них как бы падал отраженный свет от официальных образов советских вождей. Фамилия Мамантова обросла настоящими легендами, поскольку «величайшим вождям» должны были противостоять не менее «величайшие» враги. Донские историки писали о сражении гораздо меньше.

К началу августа мамантовская группа являлась наиболее многочисленной и хорошо вооруженной из всех войсковых групп Донского фронта. Ее численность составляла 397 офицеров, 12 056 казаков, 28 орудий, 88 пулеметов. Ей были приданы бронепоезд, бронеавтомобиль и аэропланы. Во время Царицынской операции Мамантову пришлось выступить уже в

роли командира крупных соединений, разработчиком крупных войсковых операций. И можно утверждать, что ему удалось выдержать этот непростой экзамен.

Первый удар на Царицын мамантовцы нанесли, преследуя отступающие красные отряды, без предварительной подготовки. Фронтовые сводки так описывали начало Царицынской операции: «С 21 июля ген[ерал] Мамантов со своей главной группой войск, чтобы не ставить себя в трудное положение обороняющегося перед превосходными силами красных, перешел в решительное наступление на Царицынском направлении и в результате десятидневного беспрерывного кровопролитного боя на плечах красных прорвался через целый ряд их укрепленных позиций, пройдя вглубь их расположения на 45 верст. 31 июля войска ген[ерала] Мамантова, преследуя красные части, подошли к восточной границе области. Одновременно юго-восточная группа войск ген[ерала] Фицхелаурова, 26 июля разбив красных у ст[анции] Лог, преследовала их на пути к Царицыну, 30 июля подойдя уже к ст[анции] Качалино...»

Город обороняла группировка, насчитывавшая около 40 ООО человек. Царицын был хорошо укреплен. Его штурм осложняли многочисленные овраги, ставшие естественными рубежами обороны. Согнанными на работы жителями города было сооружено три линии окопов с проволочными заграждениями. По круговой железной дороге (кольцевая ветка Гумрак - Воропоново - Сарепта) курсировало несколько бронеплощадок, оборону поддерживал огонь кораблей Волжской флотилии. Правда, защитники не отличались дисциплиной. Основу красных войск составляли многочисленные партизанские, «полубандитские», как называл их Предреввоенсовета Троцкий, отряды. Бывших офицеров, военспецов демонстративно презирали (будущий «отец народов» приказал отправить «подозрительных» военспецов на баржу, выведя ее на середину Волги). И только огромное численное превосходство красных, их готовность защищать город от «кровожадных казачьих орд» позволяли удерживать фронт.

Донским командованием операция планировалась как обширный удар по флангам - на Великокняжескую, для соединения с Добровольческой Армией, и на Красный Яр - Камышин группой генерала Фицхелаурова, призванной обезопасить наступление на Царицын с северо-запада. Группа Мамантова двумя колоннами стремительно продвигалась из района Калача (занят казаками 18 июля) и Нижне-Чирской на Сарепту. В ночь на 21 июля части Мамантова переправились на левый берег Дона, захватили станцию Кривомузгинскую и двинулись к станции Воропоново, расположенной в 15

километрах от Царицына. Стремительной атакой единый красный фронт был рассечен. С ходу казаки прорвали несколько рубежей обороны. 5 августа захватили Сарепту, начали обстреливать Царицын артиллерийским огнем. Несколько дней (со 2 по 7 августа) продолжались ожесточенные бои, доходившие до рукопашных схваток. Вскоре сила казачьего натиска ослабла, и уже 8 августа красные перешли в контратаки. Стало очевидно, что взять с налета Царицын не удастся, и Мамантов отвел полки на исходные позиции за Дон.

Начало второго наступления специально санкционировалось Войсковым Кругом. Части провели перегруппировку, получили помощь оружием и обмундированием. Оправившись от первых неудач, казаки снова двинулись вперед. Мамантовская группа получила сильное и стойкое пополнение из частей Молодой Донской Армии. Как писал в своих воспоминаниях начальник Штаба Донской Армии генерал И. А. Поляков, «для поднятия настроения и дисциплины в расшатавшихся частях Царицынского фронта было решено двинуть на помощь Мамантову небольшую часть этой армии. 1 и 2 Пластунские полки, 2-я Донская казачья дивизия, две тяжелых батареи и саперный батальон были направлены к Царицыну, и доблести этой молодежи, с беззаветным мужеством отдавшей жизнь свою за Родину, главным образом и был обязан ген[ерал] Мамантов быстрым исправлением положения и своими громадными успехами».

Штабом Мамантова был разработан план атаки на город с юго-запада через Железную дорогу Великокняжеская - Царицын, с выходом на Сарепту, и одновременный фланговый удар от Кривомузгинской на Воропоново и Царицын. Вспомогательный удар с северо-запада наносила группа генерала Фицхелаурова. На этот раз казакам Мамантова противостояла выросшая до 50 ООО бойцов X -я армия К. Е. Ворошилова.

Новое наступление началось 9 сентября. Казаки перешли Дон, прорвав Фронт у станции Ляпичево. Мамантов отвлекающим ударом захватил станцию Жутово и перерезал железную дорогу Великокняжеская - Царицын. Одновременно на центральном направлении была занята станция Кривомузгинская. Казачьи полки на этот раз не только захватили Сарепту, но и переправились через Волгу, взяв город Капустин Яр на праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября).

Казалось, ничто не могло остановить этого натиска. Бойцы Молодой Армии смело шли навстречу врагу, захватывали орудия, пулеметы и бронепоезда. 2 октября казаки ворвались в пригороды Царицына, но с огромным трудом X-й армии удалось отбросить белых и на этот раз. Красными был организован мощный

артиллерийский кулак из почти всех 180 орудий, и наступавших казаков встретила лавина огня. Внезапно в тыл казакам под Сарептой ударила «Стальная дивизия» Д. П. Жлобы, самовольно ушедшего с Кубани из-за конфликта с Главнокомандующим красными войсками Северного Кавказа И. Л. Сорокиным. 5 октября большевикам удалось отбросить казаков назад к Кривомузгинской, а несколькими днями позже к Гнилоаксайской. Как писал Атаман Краснов, «два раза казачьи части генерала Мамантова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллерии, чтобы парировать огонь Царицынских батарей, мало было сил, чтобы преодолеть и взять опутанную проволокой и весьма пересеченную оврагами Царицынскую позицию».

Генерал-лейтенант К.К. Мамантов.

Мамантов снова в первых рядах своих полков. Он лично останавливает дезертиров, с револьвером в руках выгоняет из тыловых составов офицеров-отпускников. Для «поднятия духа» издавались приказы, в которых говорилось о скорой расправе с непокорным городом, где домовитые казаки пополнят свое хозяйство. Мамантов заявлял о близкой помощи союзников, угрожал тем, кто не подчинится и будет оказывать сопротивление. Он всеми силами стремился к победе, которая

помогла бы не только его карьере, но и закрепила бы, как тогда казалось, Белую власть на Тихом Дону.

На исходе второго наступления казачий фронт закрепился на линии станций Кривомузгинская — Гнилоаксайская. В это время существенно изменилось внешнее положение Дона. Ставка на немцев оказалась битой. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, Брестский мир был аннулирован, и немецкие войска спешно покинули Юг России. Теперь границы Донской Области со стороны Украины оказались открытыми для красных войск. Резко изменилось положение и на других участках Донского фронта. Наступление на Царицын становилось последней надеждой казачьего командования на победу. Теперь вместо помощи немцев ожидалась поддержка от англичан и французов, появившихся в Новороссийске. В Ростов и Новочеркасск приглашались союзные делегации во главе с начальником английской военной миссии на Кавказе генералом Пулем и французским капитаном Фуке.

29 декабря союзная делегация прибыла на Царицынский фронт. Пуль заверял всех в том, что в скором времени казакам будет оказана военная помощь. Приезд союзников на фронт имел для мамантовцев важное психологическое значение. Они ждали скорую поддержку накануне решительного наступления на Царицын, понимали, что нужно собрать все силы. Как писал Поляков, «взятие в то время Царицына, помимо больших материальных выгод... без сомнения отрезвляюще подействовало бы не только на малодушных казаков Северного фронта, но и подняло бы дух всего Донского казачества. Сверх того, успешное окончание операции здесь освобождало большое количество войск, каковые могли быть использованы для восстановления Северного фронта и помощи на других направлениях. Эти соображения побуждали Донское командование, несмотря на тяжелую обстановку и важные события на севере, проявить большую выдержку и ни в коем случае выделением отсюда частей не ослабить войск Царицынского фронта...»

Третье наступление должно было проводиться концентрированными ударами по сходящимся в Царицыне железным дорогам - Владикавказской и Юго-Восточной. Численность группы Мамантова впервые за счет мобилизаций удалось довести до 15 700 штыков и 16 200 сабель (против нее было 27 ООО штыков и 7300 сабель). Были учтены неудачи первых двух попыток взятия города. Атаман Краснов писал: «Для усиления Царицынского фронта спешно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизия и 2-я стрелковая бригада Молодой Постоянной армии, выписаны были пушки из

Севастополя, для которых в Ростове, в мастерских Владикавказской железной дороги, делали особые бронированные платформы».

На Дону шли поголовные мобилизации, благодаря которым удалось довести все полки и батальоны мамантовской группы до штатного состава (полк - 3 500 человек, батальон - 1000 штыков, конные сотни - по 140 шашек). Группа Мамантова получила аэропланы, в наступлении использовались захваченные у красных бронепоезда. Были созданы отдельные офицерские батальоны (новшество, заимствованное у Добровольческой Армии) по 60-80 человек. Высок был и дух наступавших казаков. Генерал Поляков отмечал, что «к чести казаков восточного фронта, большевицкая пропаганда успеха здесь не имела. Зараза, привитая большевиками казакам на северо-западе Области, их не коснулась. Непрерывные успехи донцов на этом фронте, неудержимый наступательный их порыв, огромное количество пленных и трофеев и, наконец, полная растерянность противника, - давали основание Донскому командованию рассчитывать на скорое овладение Царицыном...» Сам Мамантов к этому времени получил от Атамана заслуженный чин генерал-лейтенанта.

19 декабря началось третье, последнее наступление на «Красный Верден». В течение двух недель кольцо окружения города замкнулось. 26 декабря у села Дубовый Овраг донская конница разбила противника, а в боях у Чапурников, Червленой, Сарепты, станций Воропоново и Гумрак красные были окончательно смяты и с громадными потерями отошли в Царицын. В Новогоднюю ночь 1919 года казаки генерала А. В. Голубинцева захватили Дубовку. В третий раз была захвачена Сарепта. Город обстреливала артиллерия, его регулярно бомбили аэропланы. Казаки по льду переправились на левый берег Волги. Начались бои уже в самом городе.

Но донские части выдыхались. Мамантов решил провести перегруппировку сил перед последним штурмом. Ждали помощи от Добровольческой Армии, завершившей к этому времени освобождение Северного Кавказа. Мамантов отдал приказ о скорой поддержке со стороны Добровольческого командования, призывая казаков продержаться для окончательной победы. Однако обещанные генералом А. И. Деникиным Кубанские пластунские бригады так и не успели подойти вовремя.

В это время луганского слесаря Ворошилова на посту командарма сменил бывший полковник А. И. Егоров. Но и он признавал, что красные войска находятся на грани катастрофы. В бой вводились последние резервы. Все решали часы, и глубокий рейд по тылам мамантовской группы Сводной кавалерийской

дивизии С. М. Буденного спас красный фронт. Начались жестокие морозы. Мамантовцы, воюя в тяжелых условиях (по три дня в окопах, по три дня в резерве на хуторах), стали уставать.

Одновременно с этим началось стихийное отступление казаков на других участках фронта. Был прорван «Северный фронт» на Верхнем Дону. Станица Вешенская заключила договор о нейтралитете с наступавшими красными войсками, а вслед за ней о том же заявил и весь Верхне-Донской округ. Защищавшие его казаки стали расходиться по станицам. От 70-тысячной армии в одночасье осталось не более 15 тысяч. Вскоре почти вся территория Войска оказалась захваченной красными, и только ценой героических усилий Молодой Армии линия фронта в середине февраля 1919 года остановилась около Таганрога, Ростова и Новочеркасска.

Итак, Царицынское сражение окончилось. Донская Армия понесла тяжелые потери. Взять город так и не удалось, красные ликовали, Царицын стал очередной ступенькой к восхождению будущего «отца народов» на его пьедестал. А для Мамантова Царицын оказался неудачной страницей военной биографии, о которой позднее предпочитали не вспоминать. Многие считали, что Мамантов упустил победу, однако стоит помнить, что именно благодаря своевременному отступлению от Царицына генерал смог сохранить костяк своей группы. Мамантов был убежден, что испытанных бойцов необходимо беречь и, если придется выбирать между победой любой ценой и сохранением армии, лучше выбрать второе. Поэтому, пользуясь начавшейся оттепелью, Мамантов начал спешно отводить свои части к Манычу на Великокняжескую, на соединение с Добровольческой Армией.

Белогвардейский плакат «Что несет народу большевизм».

* * *

На Царицынском направлении началось контрнаступление красных войск. Лавина VIII-й, IX-й и X-й армий неудержимо катилась, захватывая на своем пути города и станицы. Мамантовскую группу прикрывали части генерала Толкушкина, пытавшегося остановить красных у станции Ляпичев, однако большая часть Донцов погибла в упорном бою.

1 февраля 1919 года Большой Войсковой Круг принял отставку Атамана П. Н. Краснова. Новым Атаманом Всевеликого Войска Донского стал генерал А. П. Богаевский - человек умеренный и, что было весьма важно в тех условиях, готовый тесно сотрудничать как с Войсковым Кругом, так и с командованием Добровольческой Армии. Последний Донской Атаман в России начала XX века сумел преодолеть краевой сепаратизм, убедить казачество в необходимости «похода на Москву» вместе с Добровольческой Армией. Накануне падения Донского фронта части Донармии вошли в оперативное подчинение генералу Деникину. 26 декабря 1918 года Деникиным было заявлено о создании Вооруженных Сил Юга России. В единый фронт объединялись теперь силы Добровольцев и казачества. В марте 1919 года части Мамантова соединились с частями Кавказской Добровольческой Армии генерала П. Н. Врангеля. Начиналась новая страница в биографии Константина

Константиновича, связанная с его службой в рядах ВСЮР, страница славная, но и трагическая.

В течение марта Донцы укреплялись на линии Маныча. Но уже в начале апреля красные форсировали реку и начали наступление на станцию Торговую. Остатки мамантовской группы отошли к Батайску. Вот как описал свое свидание с Мамантовым Врангель: «...На следующий день (14 апреля 1919 года) по прибытии моем в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Мамантовым. Последний - высокий, статный, бравого вида генерал — в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, казаки совсем "вышли из рук", и у него не оставалось даже нескольких человек для посылки в разъезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов... В Ростове явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамантова, приказав, не стесняясь мерами, привести их в порядок. Следом за головным эшелоном стали прибывать эшелоны кубанцев. Через два дня положение стало уже менее грозным. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросив на широком фронте разведку, дали возможность осветить обстановку. Расстреляв несколько дезертиров, генерал Покровский кое-как остановил и стал приводить в порядок деморализованные донские полки...»

Теперь вся тяжесть удара на Царицын ложилась на Врангеля. И уже в мае началось новое наступление на город, завершившееся его взятием 18 июня. Примечательно, что Врангель с самого начала считал Мамантова совершенно неспособным к руководству не то что крупными войсковыми соединениями, но даже и небольшими полками и отрядами. Позднее эта неприязнь перерастет в недоверие к казакам вообще и проявится в ноябре 1919 года, когда Врангелю придется принять на себя командование Добровольческой Армией.

Что касается мамантовских казаков, то большая их часть перешла в резерв. 12 мая 1919 года был отдан приказ о сведении всех Донских армейских групп в три отдельных корпуса, бывших корпусов - в дивизии, дивизий - в конные или пластунские бригады трехполкового состава. Одновременно запрещались любые самочинные формирования, что в общем было в то время характерно для ВСЮР в целом. Части мамантовской группы вошли в состав 1-го корпуса, самого лучшего и боеспособного (позднее он же стал основой для формирования 4-го Донского корпуса).

Вскоре началось и восстановление Донского фронта. В мае произошло восстание казаков в станице Вешенской Верхне-

Донского округа. Как бы в оправдание своего «малодушия» в феврале, Верхне-Донцы стали зачинщиками восстания, которое фактически разрушило расчеты красного командования на возможность удержания фронта по Дону. Конница генерала Секретева 12 мая форсировала Северский Донец южнее станицы Калитвенской и 25 мая соединилась с Верхне-Донцами у станицы Казанской. А 18 мая конные части Мамантова и пластуны полковника Сутулова форсировали Дон и при поддержке подошедшей от Ростова флотилии овладели станицей Константиновской. С этого момента мамантовская конница 1-го корпуса начала свой рейд, первый в 1919 году. Пройдя в четыре дня с тяжелыми боями более двухсот верст, корпус 25 мая освободил станицу Нижне-Чирскую. Снова столица 2-го Донского округа встречала войска своего генерала. Корпус быстро пополнялся добровольцами.

После этого конница продолжила рейд на Усть-Медведицкую — Арчаду — Раздорскую, где соединилась с восставшими казаками и, выделив часть сил на Красный Яр, двинулась к Царицыну с севера, на Дубовку. Против Мамантова были выдвинуты части 6-й и 4-й кавалерийских дивизий корпуса Буденного. И хотя мамантовцы были вынуждены отступить, красные оттянули силы с Царицынского фронта. После падения Царицына казаки нанесли сильный удар по отходящим частям X-й армии: в окружение попали полки советских 32-й и 39-й стрелковых дивизий, а другие красные части отступили к Камышину.

Таким образом, за время чуть больше месяца вся Донская Область снова, как и весной 1918 года, оказалась освобожденной от большевиков. Было захвачено значительное количество трофеев (из общего числа 15 тысяч пленных, 150 орудий, более 350 пулеметов, 8 бронепоездов, взятых Донской Армией весной 1919 года, на долю конницы Мамантова приходилось около 5 тысяч пленных, 40 орудий, 107 пулеметов и 5 бронепоездов). Через два дня после взятия Царицына, 20 июня, генералом Деникиным была утверждена директива о «походе на Москву». Донская Армия должна была продвигаться на запад, на линию Тамбов — Елец.

Успех Царицынской операции позволил Донскому командованию перенести основные силы на овладение железнодорожным узлом Поворино - Лиски. Основная тяжесть боев легла на 2-й и 3-й корпуса. После рейда на Дубовку мамантовская конница была переброшена с Царицынского фронта в район Урюпинская — Добринская. Официальными распоряжениями корпус якобы выводился на отдых, что не

должно было вызвать подозрений красной разведки. Коннице предписывалось в течение десяти дней укомплектоваться и подготовиться к новым боям. Дивизии должны были сосредоточиться в районе Урюпинская - Новохоперск и нанести фланговые удары в помощь 2-му Донскому корпусу, наступавшему в это время на узловую станцию Лиски.

Но реорганизация затянулась почти на месяц. Дело в том, что Донское командование решило отказаться от идеи частных ударов по ближним тылам противника, убедившись в необходимости нанесения мощного удара в глубокий тыл красных. Трудно сказать, что побуждало именно к такому решению, но, по-видимому, и командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, и его Штаб сочли возможным провести подобный рейд независимо от расчетов Штаба Главнокомандующего ВСЮР. Здесь имел место типичный для Гражданской войны пример несогласованности при проведении конкретных боевых операций.

28 июня вышел особый приказ о формировании нового, 4-го конного корпуса. В него должны были войти отборные подразделения из различных казачьих частей. Полки и дивизии нового корпуса хорошо отдохнули после тяжелых боев. Части полностью укомплектовали, вооружили, казаки получили новое обмундирование, был специально подобран конский состав - Войсковое Управление коннозаводства предоставило корпусу лучших лошадей. Но не менее важной являлась моральная сторона дела. Корпус сложился как одно целое, казаков и их командиров отличала большая спайка.

Начальником Штаба корпуса стал известный своей работой на Царицынском фронте и в организации прорыва к Верхне-Донцам молодой, талантливый генштабист полковник Калиновский (после рейда произведенный в генерал-майоры), занимавший до этого должность начальника Оперативного отделения Штаба Донской Армии. Дивизиями и бригадами командовали соратники Мамантова по Степному походу и Царицыну генералы Толкушкин, А. С. Секретев, А. П. Попов, Н. П. Калинин. Благодаря начальнику контрразведывательного отдела полковнику И. М. Родионову удавалось вносить дезинформацию среди красных, образцово проводить оперативную и стратегическую разведку. Части корпуса были «полного состава», при корпусе имелось 3 бронеавтомобиля. Общая численность войск достигала 9000 шашек при 20 орудиях. Для ведения разведки корпусу придали самолет «Сопвич» (пилот -штабс-капитан Витте, летчик-наблюдатель - прапорщик Баринов).

4-й Донской корпус должен был бы стать стержнем

антибольшевицкого сопротивления в Центральной России. Генералу Мамантову и его Штабу предоставлялась вся полнота гражданской власти, давались «полные права для разрешения всех могущих возникнуть вопросов боевого, хозяйственного и административного характера».

3 июля генералу Мамантову была поставлена задача: «Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровым и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению Донской армии в ее полосе, имея конечной целью овладение Москвою». Тем самым Донское командование четко перевело значение рейда в разряд не тактической, а стратегической операции, последствия которой могли бы стать решающими для всего фронта ВСЮР. При составлении плана рейда предполагалось придать Мамантову еще и 2-й Донской корпус генерала П. И. Коновалова и конную дивизию полковника А. В. Голубинцева, однако до конца выполнить задуманного не удалось, так как дивизию Голубинцева направили на прикрытие стыка Донской и Кавказской Армий.

В это же время красные готовили контрнаступление на правом фланге Добровольческой Армии. Командующий Южным фронтом А. И. Егоров намеревался нанести удар из района Волчанска силами ударной группы бывшего генерала В. И. Селивачева по линии Купянск - Волчанск с непосредственной угрозой выхода к Харькову. Потрепанные под Царицыном IX-я и X-я армии, получив подкрепления, готовились начать наступление по всей линии Донского фронта между Волгой и Хопром. В случае успеха красных под угрозу срыва ставился весь запланированный «поход на Москву». Именно поэтому рейд Мамантова должен был отвлечь на себя большую часть сил советского Южного фронта.

Штаб корпуса тщательно скрывал свои намерения, и рейд явился полной неожиданностью для советского командования. 20 июля, в последние дни перед началом рейда, в расположение корпуса прибыл генерал Сидорин и прочитал указ Верховного Правителя России адмирала Колчака о назначении генерала Деникина Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Юга России, а генерал Мамантов поздравил казаков с началом похода на Москву.

* * *

Сосредоточение частей завершилось, и на рассвете 22 июля знаменитый рейд начался. Вся тяжесть удара пришлась на стык

советских VIII-й и IX-й армий. Свежие Донские дивизии обрушились на противостоящие им красные полки и в течение 22-27 июля пробили себе дорогу к ним в тыл. Днем и ночью шли проливные дожди, конница с трудом продвигалась по размытому чернозему. Броневики, бывшие при корпусе, буксовали в размытых колеях, и их в конце концов пришлось отправить обратно. Но фронт был разорван. 28 июля красные с большими потерями отошли за реку Елань. В образовавшийся прорыв шириною около 20 верст двинулись части Мамантова, и к вечеру 29 июля передовые разъезды появились на железной дороге Борисоглебск — Грязи.

В это же время Мамантов принял окончательное решение идти в самостоятельный рейд по красным тылам. Позднее это станет причиной обвинений в том, что генерал нарушил предписанные ему директивы. Дело в том, что планы удара дважды уточнялись генералом Сидориным. В первой директиве (от 12 июля) корпус должен был: прорвать фронт большевиков в промежутке между Новохоперском и Таловой; оказать содействие 3-му Донскому корпусу в ликвидации Таловой группы противника; наконец, направиться в глубокий тыл и овладеть городом Козловым, где помещался красный Штаб Южного фронта, - то есть говорилось о глубоком выдвижении на линию Тамбов - Козлов - Елец (что, собственно говоря, и было сделано в ходе рейда). Но за два дня до начала операции от Сидорина поступил еще один приказ, который сужал задачу корпуса до размеров частного удара по ближайшим тылам VIII-й армии в поддержку 3-го Донского корпуса, стремившегося захватить Лискинский железнодорожный узел (тем самым Мамантова возвращали к самой первой директиве о фланговом рейде на Таловую - Бобров).

Этого приказа Мамантов не исполнил, сославшись на то, что дожди размыли дороги и он вынужден повернуть не на запад к Лискам, а на линию Грязи -Борисоглебск. Это звучало весьма неубедительно, но было вполне в духе Мамантова как офицера законопослушного, но в то же время убежденного в возможности свободы выбора в проведении боевых операций. Можно предположить, что Мамантов действовал и с молчаливого согласия Штаба Донской Армии (возможно, что генерал Сидорин отдал вторую директиву под давлением Штаба Главнокомандующего и намеренно затягивал доведение ее до сведения Мамантова), ведь частный успех на лискинском направлении не мог бы сравниться с предполагаемыми последствиями рейда по глубоким тылам.

Итак, «жребий был брошен» и «Рубикон (в виде реки Елани)

перейден». Начался самый знаменитый рейд в истории Гражданской войны в России, рейд, который по праву можно было бы сравнить со знаменитыми рейдами конницы генералов Стюарта и Шермана времен гражданской войны в США. Внезапное появление огромного конного корпуса в красном тылу вызвало панику. Связь между штабами оказалась нарушенной, директивы командного состава не выполнялись. Без боя был сдан Борисоглебск. Здесь корпус задержался, ожидая подхода интендантских частей, но, как часто бывает в таких случаях, обозы так и не подошли, что отчасти объясняет своеобразное «самоснабжение» казаков. Высылавшиеся навстречу небольшие красные отряды рассеивались, сдавались в плен. Троцкий мог противопоставить корпусу только разбрасываемые с аэропланов истерические воззвания: «Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тамбовской губернии. Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы... При приближении казаков крестьяне должны угонять своевременно телеги, увозить хлеб и всякую снедь... Рабочие и крестьяне, выходите на облаву. Кавалерия Мамантова еще не раздавлена... Не допускать их на юг, в тыл нашим войскам... Отрезать им путь на запад и на восток... Истреблять их на месте, уничтожить, как бешеных собак. Замыкайте круг, рабочие и крестьяне. Выводите народ на облаву, товарищи коммунисты... Ату белых! Смерть живорезам!» Правда, иногда гнев менялся на «милость», и казакам предлагалось сдаться: «Вы в стальном кольце. Вас ждет бесславная гибель. Но в последнюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вам руку примирения...» Все эти призывы имели в тех условиях «ценность» не большую, чем бумага, на которой они были напечатаны.

Связь корпуса со Штабом Донской Армии практически прервалась и эпизодически поддерживалась лишь с помощью аэропланов. Приходилось ориентироваться на слухи и опросы пленных. Выяснилось, в частности, что дорога на Тамбов открыта и казаков там ждут, и уже утром 5 августа мамантовцы с налета взяли город. Местный гарнизон сдался, а окрестным крестьянам выдали винтовки с захваченных складов. Тамбов встречал казаков цветами, трехцветными национальными флагами, чудом сохранившимися при большевиках (за их хранение расстреливали). Рабочие вагоноремонтных мастерских встретили Мамантова хлебом-солью. Вечером в городском театре был дан концерт. Горожане ждали выступления командира корпуса, надеялись, что вернулись долгожданные прежние времена, когда

уже не будет страха перед ЧК, пайкового голода, бесконечных «экспроприации награбленного» и прочих прелестей «коммунистического рая». Выступая перед концертом, Мамантов старался объяснить, что взятие города само по себе еще не означает полного освобождения от Советской власти, что для этого необходима поддержка, инициатива самих горожан, призывал к созданию добровольческих дружин. То же самое он говорил в городском рабочем клубе, перед рабочими железнодорожного депо, вагоноремонтных и артиллерийских мастерских. Тамбовские рабочие стали записываться в дружину для охраны «общественного порядка» в городе. Но вскоре казаки покинули город, и все те, кто несколько дней назад радостно встречал освободителей, были отправлены в кровавые подвалы тамбовской ЧК.

Здесь же из остатков красного гарнизона, перешедшего на сторону Мамантова, была сформирована так называемая Тульская дивизия, ушедшая затем в рейд с казаками. Она стала одной из немногих воинских частей ВСЮР, полностью сформированных из бывших пленных красноармейцев.

После занятия Тамбова передовые разъезды казаков пошли на Козлов, где размещался Штаб Южного фронта. На город направилась 9-я казачья дивизия генерала Секретева. Красный штаб бежал, бросив все имущество, был захвачен поезд самого Троцкого. 7 августа на станции Пушкари была уничтожена артиллерийская база из 200 тысяч трехдюймовых снарядов. 13 августа казачьи полки подошли к Богоявленску, а вечером 14-го отряд из трех сотен казаков подошел к городу Ранненбургу Рязанской губернии. Это была крайняя точка продвижения корпуса на север, хотя встречались сведения о появлении мамантовцев чуть ли не под самой Рязанью. Пробыв в Ранненбурге всего два часа, казаки взорвали мост через реку Воронеж и двинулись на город Лебедянь. 15 августа город был взят без боя, запасный батальон и Ревком разбежались, когда казаки находились еще в 18 верстах от города. Корпус шел с максимально возможной скоростью - до 80 верст в сутки, нередко казаки даже не спешивались на ночь.

12-я дивизия, составлявшая правую колонну корпуса, в ночь на 19 августа расположилась в селах в районе станции Боборыкино, на железной дороге Ефремов - Елец. Две другие дивизии от Лебедяни повернули на Елец. 19 августа Мамантов занял город, гарнизон которого встретил казаков с музыкой. Занятие города произошло так быстро, что большинство советских учреждений не успели эвакуироваться и были захвачены. Все объекты, имевшие военное значение,

уничтожались.

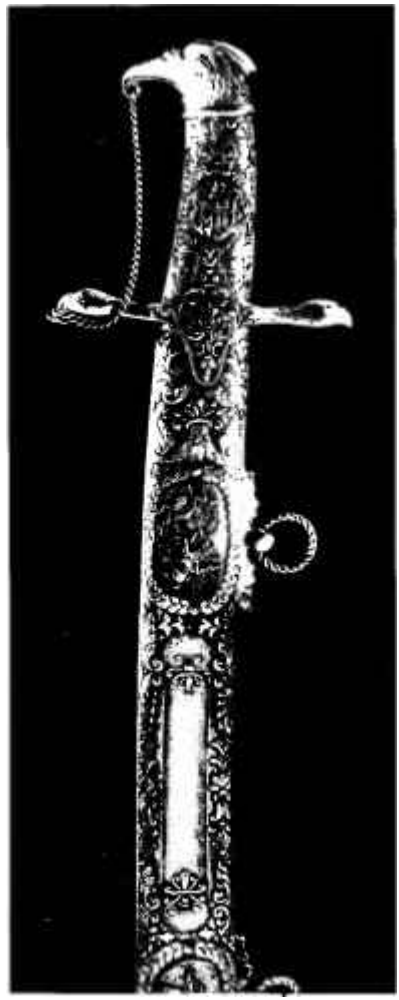
Мамантов всячески стремился подчеркнуть освободительную миссию рейда. Жителям раздавалось продовольствие, обмундирование, мануфактура с захваченных складов. В одном только Ельце жителям выдали по полтора пуда сахара на семью, а каждый работавший по взрыву снарядного склада получил в виде платы по 30 аршин мануфактуры. Примечательно, что огромные склады спирта Мамантов приказал уничтожить. Параллельно с этим объявлялась запись добровольцев в ряды местной самообороны и Тульской дивизии, выросшей до 3000 штыков. Формировался и Елецкий пеший полк.

Во время похода на Москву. Население встречает белых, 1919 год.

Простояв до утра 22 августа в районе Ельца, корпус повернул тремя колоннами на юг, в общем направлении на Воронеж. В это же время были получены прямые указания из Штаба Главнокомандующего ВСЮР о немедленном возвращении назад. Дважды Мамантов принимал приказы Ставки, причем первый раз он готов был расстрелять летчика, доставившего ему распоряжение о повороте на Донской фронт. Первого приказа он не исполнил. Лишь после вторичного распоряжения, где указывалось, что в случае неповиновения все офицеры корпуса вместе с его командиром будут преданы военно-полевому суду, Мамантов собрал военный совет (интересно, что аналогичный совет собрал генерал Кутепов, решая вопрос о продолжении «похода на Москву»), который принял решение о повороте на юг, подчинившись приказу Деникина.

Средняя колонна выступила из Ельца на Задонск и к утру 23 августа заняла город. Левая колонна взяла направление на юго-восток, и 23 августа передовые сотни появились у села Боранский Завод (20 верст южнее Липецка) и у села Кривки (30 верст южнее Липецка) и взорвали железнодорожные линии Воронеж - Грязи и Грязи - Липецк.

После этого темп рейда сократился. За корпусом двигался обоз длиной около 30 верст. На десятки верст растянулись полки и бригады. 24 августа в полдень части правой колонны заняли станцию Касторная, а один полк при поддержке захваченного у красных броневика двинулся на Воронеж. Левая колонна в тот же день заняла Грязи. За овладение Касторной произошел уже серьезный бой, длившийся почти сутки. Против казачьего отряда из шести сотен, двух рот пехоты и восьми орудий действовал отряд Козицкого из трех полков коммунаров. Красные, очистив Касторную, отошли на запад. В это время части красной казачьей конницы Ф. К. Миронова, по сведениям ВЧК, собирались перейти на сторону Мамантова, а Буденный, нарушая директивы командующего Южным фронтом Егорова, самовольно бросил фронт и пошел со своим корпусом по пятам белых, надеясь захватить в плен самого «Маманта».



Сабля, которой был награжден К.К. Мамантов за рейды по красным тылам, 1919 год 24 и 25 августа части Мамантова продолжали движение на Воронеж. 26 августа в 16 часов был занят город Усмань на железной дороге Грязи - Борисоглебск. Сосредоточенные силы корпуса собрались овладеть Воронежем. 28—30 августа шли жестокие бои за город. На предложение сдаться гарнизон Воронежа ответил отказом. 30 августа казаки все-таки ворвались в город, но смогли удержаться в нем только сутки.

Под Воронежем красные попытались окружить корпус. Была поставлена задача не допустить прорыва казачьей конницы через фронт. Чтобы прорваться сквозь кольцо, Мамантов произвел демонстративные атаки в обе стороны от общей линии движения корпуса. Одновременно с этим конные части 3-го конного корпуса генерала А. Г. Шкуро надавили на советский фронт в районе Старого Оскола. Образовался прорыв шириной в 25 верст, через

который 5 сентября казаки перешли Дон, а 6 сентября мамантовцы соединились с корпусом Шкуро. Так закончился 40-дневный рейд казачьей конницы, двухтысячеверстный рейд, обессмертивший 4-й Донской корпус и его командира.

Во время рейда Мамантов постоянно был среди казаков. Вместе с генералами Толкушкиным и Секретевым выезжал на разведку, лично допрашивал пленных, постоянно выступал перед горожанами и крестьянами, призывая их к сопротивлению большевикам. Во время прорыва фронта под Лисками близко разорвавшимся снарядом ранило его лошадь, при падении у генерала треснула кость ноги, но он, несмотря на высокую температуру, находился среди своих казаков, ехал в фаэтоне, подаренном жителями Тамбова, был вторично контужен под Коротояком. Советские же беллетристы и историки оценили «генеральский фаэтон» как привычку к «барству дикому».

Мамантов, сознательно подчеркивая свою близость к «народу», демонстративно раздавал захваченные «керенки» и советские «пятаковки»[52]. Издавал приказы о походе на Москву. Из Козлова была отправлена телеграмма в Штаб Армии, тут же опубликованная в «Донских Ведомостях» - «Дела наши блестящи. Пленных забираем тысячами. Рассеяны все резервы красной армии. Ведем бои без потерь. Все здоровы, бодры и неудержимо рвутся в Москву, скорей сокрушить комиссарское царство. Да здравствует Тихий Дон!» Но многие современники отмечали и его потакание грабежам, реквизициям, без которых, по его мнению, у казаков не было бы стимула к боям.

В «Донских Ведомостях» П. Казмичев писал: «...Есть люди, делающие бурю. Они не выносят покоя. В них заложены огромные силы, ищущие выхода в неустанном напряжении, в непрерывной борьбе и вечном кипении. Если не дать выхода этим силам, они пожирают человека. Одни спиваются, другие кончают жизнь самоубийством, третьи делают бурю. Таким человеком, делающим бурю, является Мамантов. Расспросите о нем тех, кто окружал его в жизни раньше. О нем скажут: "Беспокойный Мамантов! Неуживчивый Мамантов. Дольше месяца не служил на одном месте. Менял службу. Менял полки. Много хлопот

доставлял начальству. Много тревог своим близким. Зря ставил на карту свою жизнь и чужую. Играл смертью своей и чужой... И вдруг - бессмертный... Апофеоз казачества!"»

Основные задачи рейда были выполнены. В нескольких местах были разрушены железные дороги, телеграфные и телефонные коммуникации в тылу Южного фронта, перерезаны стратегически важные линии Ранненбург -Елец, Грязи - Елец — Ефремов, разгромлены, распущены по домам десятки частей Красной Армии. В оперативном отчете Штаба Донской Армии отмечалось, что «политическая сторона задачи также исполнена разумно и в полной мере: население вооружено и подготовлено к восстанию».

Была ли у Мамантова возможность занять Москву? Казачьи историки писали о том, что командование ВСЮР, опасаясь захвата Москвы Мамантовым и не желая уступить ему эту честь, приказало прекратить рейд. Правда, сама обстановка на фронте складывалась таким образом, что углубляться далее силами только одного конного корпуса, без надежды на поддержку и общее продвижение Белых армий, было крайне рискованным делом, по сути, авантюрой.

Но были и другие расчеты. Так, например, согласно информации ВЧК, антибольшевицкие подпольные организации в Москве пытались установить контакт с разведкой корпуса, рассчитывая в случае его приближения поднять восстание в столице. По словам командира 8-й Донской бригады генерала Н. М. Кучерова, «если бы корпус подошел к Москве, то безусловно мы ее взяли бы и заняли... Может быть, мы там бы и погибли... А может быть, при переходе пехоты (в большом количестве) на нашу сторону, мы бы имели громадный успех...» Аналогичного мнения придерживался начальник Оперативного отделения Штаба Донской Армии полковник В. А. Добрынин: «...Нужно признать ошибочным поворот корпуса на юг... Пожалуй, больше пользы принес бы рейд на Москву, вызвав бегство центральной власти и помощь населению в вооружении. Судя по легкости выполнения рейда, можно считать вполне вероятным, что коннице удалось бы взять Москву, вопрос же ее удержания находился бы всецело в руках населения и готовности его к борьбе с большевиками. Опасности для конного отряда эта операция никакой не представляла, так как поймать его у советской власти было нечем, и, кроме того, в случае угрозы наша конница легко могла в любом месте выйти на фронт и присоединиться к армии...»

Таким образом, положительное решение вопроса о взятии и удержании Москвы ставилось в прямую зависимость от

поддержки населения. Судя по разведсводкам белой контрразведки, равно как и по секретным сводкам ВЧК, немалая часть крестьянства и рабочих готова была оказать поддержку наступавшим на Москву Белым армиям. Мамантовский рейд стал своеобразным индикатором политических настроений Центральной России. Корпус мог стать стержнем антибольшевицкого сопротивления в коренных российских губерниях. В ходе рейда повсеместно восстанавливались органы земского и городского самоуправления. В Ельце, Тамбове, Лебедяни, Воронеже формировались отряды местной самообороны, объявления о призыве в которые публиковались на страницах газеты «Черноземная Мысль», издаваемой при Штабе корпуса. Раздача оружия крестьянам не прошла даром, его использовали год спустя, во время одного из самых мощных и опасных для большевицкой власти Тамбовского восстания 1920—1921 годов.

«Гигантской петлей сдавил корпус Мамантова шею советского фронта», «донская стрела — корпус генерала Мамантова поражает черное сердце большевизма», — писали газеты Юга России. Рейд показал, что казачество верит в необходимость «похода на Москву» и что идеи «областного сепаратизма» могут быть легко преодолены в ходе успешных боевых операций в составе ВСЮР.

* * *

Тихий Дон торжественно встречал героя рейда. Войсковой Круг постановил наградить Мамантова почетным оружием - серебряной шашкой. На эфесе был выгравирован вензель «К. М.» (Константин Мамантов) и герб Всевеликого Войска Донского - «Елень (олень), пораженный стрелою». На клинке красовались надписи: «Герою Родины Генералу Мамантову от Донского Атамана и Правительства за беспримерные в мировой истории рейды с казачьей конницей в войне с большевиками» (лицевая сторона) и «18 мая 1919 г. -12 июня 1919 г. Константиновская - Морозовская - Чир - Нижне-Чирская -Усть-Медведицкая - Арчада - Раздорская - Березовская - Дубовка. 28 июля 1919 г. - 5 сентября 1919 г. Еланское Колено - Тамбов - Козлов - Лебедянь -Елец - Касторная - Грязи - Воронеж - Средний Икорец - Репьевка - Коротояк» (оборотная сторона). В своем выступлении перед депутатами Круга, особо остановившись на перспективах крестьянского антибольшевицкого сопротивления в Центре России, Мамантов сказал: «...Казачьи части проявили доблесть...

Но должен отметить и некоторую тревогу, проявляющуюся в том, что казаки поговаривают, будто к ним отношение не такое внимательное, как к Добровольческой армии, и что можно добровольцам, того казакам нельзя... Когда настанет время движения на Москву, когда "снежная красавица" (название Добровольческой Армии в устах Атамана Краснова. — *В. Ц.)* войдет в Москву, пусть она не забудет Дон, который, может быть... и не сможет вместе с Добровольческой армией войти в Москву. Когда же Дон Иванович явится туда истерзанный и в рубище, пусть ему будет приготовлено почетное место среди тех, кого он лелеял на своей груди».

Однако верхи ВСЮР, покровители «снежной красавицы», оценивали рейд по-иному. Еще не успели казаки перейти обратно фронт, как на корпус и его командира посыпались обвинения. 7 сентября 1919 года генерал Сидорин получил от Главнокомандующего телеграмму, в которой Деникин, обвиняя Донскую Армию в бездействии и невыполнении директив, писал: «...Ген[ерал] Мамантов вместо выполнения поставленной задачи *гуляет по пустым местам*[53]*,* уклоняясь от столкновения с той группой противника, которая должна явиться первым объектом его действий, остальные части стоят пассивные, и вся задача возложена на ген[ерала] Шкуро...» В ответной телеграмме Сидорин заявлял: «...Все время активно обороняясь с непрестанными боями, я все же, во имя интересов нашего фронта, нашел возможным выделить свой лучший конный корпус для рейда в глубокий тыл красных. Громадное значение его оценено даже противником. Уничтожение его баз в Тамбове, Козлове, Ельце, разрушение важнейших железнодорожных узлов облегчило в сильной мере продвижение правого фланга Добровольческой армии. Роспуском 100 ООО пленных и мобилизованных он не только ослабил вдвойне фронт красных, но создал благоприятную политическую обстановку для дальнейшего продвижения наших армий к центру России...»

Позднее, в эмиграции, А. И. Деникин оценивал действия Мамантова более объективно: «Мамантов... пройдя с боем через фронт, пошел на север, совершая набег в глубокий тыл противника - набег, доставивший ему громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет... Будем справедливы: Мамантов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевицкую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами... Но Мамантов мог сделать несравненно больше: использовать исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и, сохранив от развала свой корпус, искать не

добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции...»

Категорически отрицательно оценил рейд Врангель. Он считал действия генерала Мамантова «не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгодности своего положения для разгрома войск противника, но явно избегал боя, все время уклоняясь от столкновений. Полки генерала Мамантова вернулись обремененные огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамантов передал по радио привет "родному Дону" и сообщил, что везет "тихому Дону" и "родным и знакомым" "богатые подарки". Дальше шел перечень "подарков", включительно до церковной утвари и риз. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главнокомандующего. Однако генерал Мамантов не только не был отрешен от должности и предан суду, но ставка явно его выдвигала...»

Чего больше в этой оценке — затаенного недоверия к казакам, честолюбия или личной неприязни между двумя бывшими Гвардейцами-кавалеристами -Врангелем и Мамантовым, - сказать трудно. Во время рейда имели место и грабежи, и необоснованные реквизиции, в общем типичные для любой войны, а гражданской в особенности. Однако представлять весь рейд как «повсеместные насилия», «издевательство над мирным населением» неоправданно и неверно.

Но, как считается, лучшая похвала — из уст врага. В советской историографии рейд Мамантова считали образцово подготовленным и выполненным. О нем писали и советские литераторы, достаточно назвать «Хождение по мукам» А. Н. Толстого или специально написанную на этот сюжет повесть А. Шейкина «Опрокинутый рейд». С.М. Буденный так писал о своем сопернике: «...Я считал Мамантова наиболее способным кавалерийским командиром из всех командиров конных корпусов армий Краснова и Деникина. Его решения в большинстве своем были грамотные и дерзкие. При действии против нашей пехоты он, умело используя подвижность своей конницы, добивался значительных успехов».

Удар корпуса способствовал срыву контрнаступления группы Селивачева. После ее разгрома Добровольческая Армия продолжила уверенное наступление на Москву.

После соединения со Шкуро Мамантов сначала продолжал движение на юг, но уже 12 сентября 4-й Донской корпус выступил

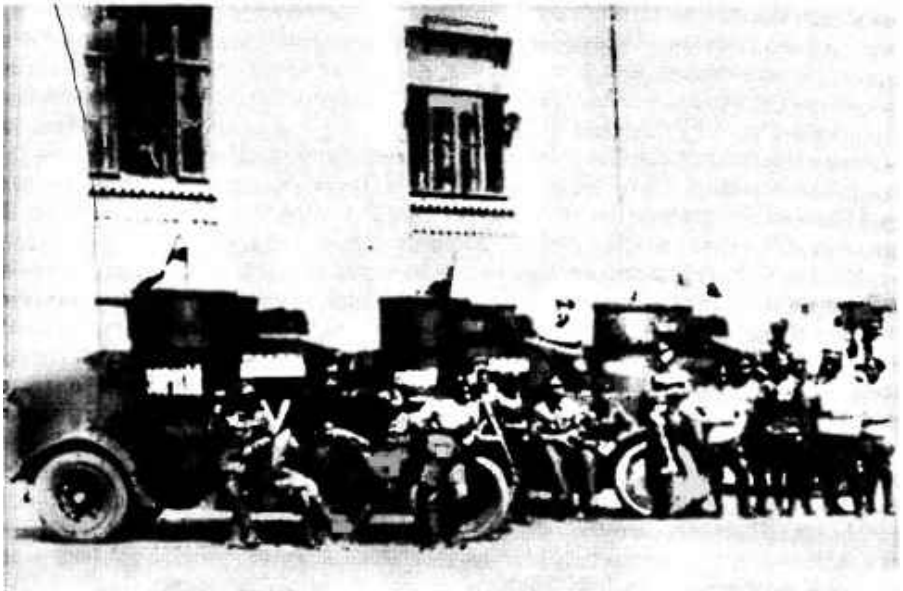
в новый рейд. Снова, переправившись через Дон, корпус, которым в это время командовал генерал Секретев, 14 сентября нанес сильный удар в тыл защищавшей Лискинский железнодорожный узел группе красных. Отбив контратаки двух стрелковых дивизий, мамантовцы помогли 3-му Донскому корпусу занять Лиски и тем самым выполнили вторую задачу, поставленную перед ними накануне рейда.

Сам Мамантов в это время выступал на Войсковом Круге в Ростове. На обратном пути в штабном поезде Донской Армии на станции Чир он встретился с Врангелем. Свидание было коротким и неприятным, что очень скоро проявится в отношениях между двумя генералами на фронте.

В начале октября 1919 года начались переломные для ВСЮР бои под Орлом. Численность 4-го Донского корпуса уменьшилась до 2 тысяч шашек. Мамантовцы прикрывали правый фланг Добровольцев, защищая Воронеж и станцию Касторная. Против них и корпуса Шкуро действовал все тот же 1-й конный корпус Буденного, а также пехота советской VIII-й армии, общей численностью около 20 тысяч штыков и сабель. Атака на белые позиции началась 30 сентября. С помощью подошедшей пехоты и танков Мамантов и Шкуро нанесли ответный контрудар, однако его сила оказалась недостаточной для решающего перевеса. 10 октября началась новая атака красных на Воронеж, и на следующий день город был оставлен. Собрав все наличные силы, корпус Мамантова 20—26 октября несколько раз переходил в контратаки. Однако давление превосходящих сил красных, а также их фронтальное наступление от Ливен и Ельца заставили корпус отойти к Старому Осколу. Холодные затяжные дожди сменились сильными метелями, и под их прикрытием красные казаки 2 ноября заняли Касторное. Впервые мамантовцы понесли серьезное поражение от Буденного.

Однако Ставка Главкома не признавала отступления своих войск и требовала нанести удары по наступавшей от Воронежа красной группировке. Для этого предполагалось создать отдельную конную группу, основой которой стал корпус Мамантова. Группа, сосредоточенная в Валуйском районе, включала в себя 3500 шашек Донской конницы и 1000 - Кубанцев и Терцев. В своих рапортах Мамантов постоянно доносил об усталости казаков от непрерывных боев, об измотанности лошадей, о недостатках в снабжении, об упадке духа, особенно среди Кубанских казаков. Ни интендантство, ни броневики так и не присоединились к корпусу вплоть до самого отхода за Дон в январе 1920 года. На Белый фронт обрушилась страшная эпидемия тифа, жестокие метели и морозы не позволяли

уставшим бойцам совершать планируемые Ставкой контрудары.



Белый автобронеотряд в Царицыне, 1919 год.

Вместо отправленного в отставку генерала В. З. Май-Маевского на пост командующего Добровольческой Армией был назначен Врангель. В качестве обязательного условия принятия командования он поставил категорическое требование об отрешении Мамантова от должности: «...Доколе во главе конницы будет стоять генерал Мамантов, конница будет уклоняться от боя и заниматься только грабежом». Ставка согласилась с Врангелем, и 27 ноября вся конная группа Мамантова была передана в подчинение Врангелю, который тут же стал назначать на командные посты своих соратников по Кавказской Армии. Конную группу вместо Мамантова должен был принять генерал С. Г. Улагай.

Приняв командование Добровольческой Армией, Врангель, по его словам, никак не мог установить связи с Мамантовым. В условиях откатывающегося фронта и полного развала коммуникаций наладить сколько-нибудь надежную связь между частями было невозможно. И когда, наконец, 1 декабря связь была установлена, Мамантов получил заведомо невыполнимое задание -полностью уничтожить превосходящие его пехотные части красных. Тем не менее 4-5 декабря корпус втянулся в тяжелые бои под Купянском. Но Врангель уже все решил. Не дожидаясь итогов контрудара и директив Ставки, он собственным приказом отстранил Мамантова от командования за «преступное бездействие».

Мамантов был оскорблен поведением нового командарма.

Честолюбивому генералу это напомнило его военную молодость, когда по любому случаю его пытались «поставить на место» без обоснованных обвинений. 6 декабря в телеграмме Сидорину он отмечал: «...С переходом конной группы в подчинение Добр[овольческой] Армии я заменен ген[ералом] Улагаем. Учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Дон[ской] Армии и обидным для себя замену меня, как Командующего группой, без видимых причин лицом, не принадлежавшим к составу Дон[ской] Армии и младшим меня по службе...»

Получив приказ об отрешении от командования, Мамантов подал рапорт о болезни и, не дожидаясь Улагая, выехал в Штаб Донской Армии. 4-й корпус принял Кубанец - генерал В. Г. Науменко, совершенно незнакомый Донцам. В это время Буденный перешел в контрнаступление, отбросив конную группу за Бахмут. Боеспособность казаков серьезно ослабла. В донесении Врангелю генерал Улагай жаловался, что «разбогатевшая награбленным имуществом, особенно богатой добычей после кавалерийского рейда, потрясенная беспрерывными неудачами, конница совершенно не желает сражаться, и часто несколько эскадронов гонят целую дивизию...»

Между Штабами Донской Армии и ВСЮР вновь вспыхнула «телеграммная война», губительная для общего дела. Как и после рейда, Сидорин взял Мамантова под защиту. 9 декабря он писал в Ставку Деникину: «...Это отрешение, ничем не вызванное, незаслуженное, заранее предрешенное, помимо тяжкой обиды, нанесенной генералу Мамантову, является оскорблением и всей Дон[ской] Армии со стороны ген[ерала] Врангеля... Я сам вижу в этом акте величайшую несправедливость и чувствую за ген[ерала] Мамантова горькую обиду. Прошу об отмене приказа ген[ерала] Врангеля и о более бережливом и внимательном отношении старших начальников к частям Донской Армии, входящим в состав других армий». Даже Донской Атаман генерал Богаевский, несмотря на свою обычную лояльность к руководству ВСЮР, заявлял: «Вполне присоединяюсь к телеграмме ген[ерала] Сидорина относительно отрешения ген[ерала] Мамантова. Бесцельное оскорбление славного Донского генерала, много раз рисковавшего жизнью за общее дело, только усилит падение духа на фронте, далеко не твердое ввиду боевых неудач. Настоятельно прошу также об отмене приказа ген[ерала] Врангеля...»

Сам же Мамантов полагал необходимым лично ответить Врангелю. Им была написана телеграмма, в которой очень резко говорилось о конфликте между Добровольческим командованием и казачеством: «Доколе ген[ерал] Романовский (начальник Штаба

Главнокомандующего ВСЮР. - *В. Ц.)* и ген[ерал] Врангель будут распоряжаться Донцами, как пешками, я не считаю возможным занимать ответственной должности под их командованием. Полагаю, что насильное принуждение меня остаться в должности командира корпуса при создавшихся взаимоотношениях не принесет пользы, а посему, дабы не вредить делу, прошу меня и моего начальника штаба, как разделяющего мой взгляд, освободить от должностей и назначить на любую должность, начиная с рядового казака».

Ответы Деникина и Сидорина были однозначны: «Генерал Мамантов должен командовать корпусом, руководствуясь благом Родины и отметая личное самолюбие» (Деникин); «Во имя спасения Родины и Дона считаю необходимым Вам остаться в рядах созданного Вами 4-го корпуса впредь до распоряжения» (Сидорин). Приехав в Ставку, Сидорин смог добиться восстановления Мамонтова в прежней должности. И уже 10 декабря его корпус передавался обратно в состав Донской Армии, а генералы Улагай и Науменко отправились в Екатеринодар.

* * *

Возвращение любимого генерала было встречено казаками с огромным воодушевлением. Начиналась решающая для Белого Юга операция - оборона Ростова и Новочеркасска. Для спасения Донской столицы стягивались все резервы, даже гражданских чиновников заставляли проходить военное обучение, подходили броневики, танки, бронепоезда. Корпус Мамантова сосредоточили в центре обороны в районе Кутейниково - Несветайская. Вместе со Сводным конным корпусом, куда входила Добровольческая кавалерия, они должны были составить конный кулак для нанесения лобовых и фланговых ударов по наступавшим большевикам. 18 декабря 4-й Донской корпус отбил все атаки красной конницы под Провальскими заводами, а 20 декабря отбросил противника к северу, заняв хутора Варваровский и Медвеженский, захватив 6 орудий и 12 пулеметов. Были разбиты две стрелковые дивизии красных. Но в этот момент к Новочеркасску прорвались части 21-й стрелковой дивизии и кавалерийской дивизии М. Ф. Блинова. В ночь перед Рождеством красные захватили столицу Тихого Дона. Узнав об этом, Донцы повернули назад. Корпус нанес фланговый удар по группе Блинова, Мамантов и Толкушкин лично повели в атаку свои полки. Однако вернуть город не удалось. До Мамантова дошли сведения, очевидно, провокационного характера, о якобы

начавшейся эвакуации Ростова. В этой ситуации, понимая, что корпус окажется окруженным, Мамантов решает отступить. 27 декабря у станицы Аксайской по полузамерзшему Дону казаки перешли на левый берег.

Поверив слухам об отступлении белой пехоты, Мамантов бросил правый фланг Добровольческой Армии на произвол судьбы. Можно во многом оправдывать генерала, но в данном случае он поступил по существу предательски. Ведь еще в начале переправы он получил от генерала А. П. Кутепова просьбу прикрыть Добровольцев и вместе с ними отступить через переправы у Ростова. Мамантов отказался это делать, ссылаясь на усталость казаков и опасность переправы через Дон по неокрепшему льду. Так конфликт между Добровольческой Армией и казачеством привел к падению Ростова и Новочеркасска, а с ними и к потере всего Всевеликого Войска Донского.

Стремительный поток кавалерии Буденного уже невозможно было остановить. Ростов сдали на милость победителям. Начались погромы «недобитой контры», массовые грабежи, убийства тех, кто не смог уйти с «золотопогонниками». Не щадили даже раненых в госпиталях. День и ночь шли пьяные оргии под аккомпанемент еврейской песенки, ставшей позднее гимном Первой Конной - «Мы красная кавалерия...» Буденному даже пришлось отдать своим доблестным конармейцам специальный приказ о прекращении разбоя.

Однако отход за Дон не означал еще поражения Белых армий. Пехотные части свели в Добровольческий корпус под командование Кутепова, а генерал Врангель уехал в тыл. Теперь Ставка ВСЮР уже не могла не считаться с казаками, ведь позади была Кубань, последняя надежда Белого командования, а Донцы и Кубанцы составляли теперь подавляющее большинство в рядах ВСЮР. Деникин издает указ о создании «Южно-Русской власти», в составе которой будут представительные учреждения, казачьи по составу, правительство будут составлять также казаки, а роль Главнокомандующего ВСЮР - до сих пор военного диктатора — снижается до роли простого руководителя Вооруженных Сил.

Произошли перемены и в оперативном командовании. Теперь всеми действиями на фронте стал руководить генерал Сидорин. За Доном и Манычем полки переформировались, сократили штабы и обозы, подготовились к новым боям. Деникин и Сидорин неоднократно выезжали на фронт, принимали парады, говорили о необходимости удержания Кубани, от которой пойдет новое возрождение России, как это уже было во времена Ледяного и Второго Кубанского походов.

Заметно усилился и мамантовский корпус. Пополнились его ряды, и он снова насчитывал 12 тысяч бойцов. Полки отдохнули, и казаки готовились к реваншу за оставление Ростова и Новочеркасска. В свои части возвращались даже дезертиры, ведь их родные станицы были заняты красными. На совещании в Штабе корпуса Мамантов изложил план очередного конного рейда. Предполагалось создать новую конную группу, основу которой составил бы его корпус, и ударить по центру растянутого красного фронта. В случае успеха этот удар мог бы привести не только к возвращению Ростова и Новочеркасска, но и к полному разгрому красной конницы. План отправили на рассмотрение в Штаб Армии, однако он так и не был осуществлен.

Скоро начались новые бои. Окрыленные успехами конники Буденного и Думенко двинулись на Кубань, чтобы добить «гидру контрреволюции». Но здесь их ждали жестокие поражения: 6 января 1920 года между Батайском и станицей Старочеркасской была разбита армия Буденного, а 15 января на Манычe у хутора Веселого 4-й Донской корпус с приданной ему из 2-го Донского корпуса 4-й конной дивизией в жестоком встречном бою разбил конницу Думенко, захватив свыше 20 орудий, много пулеметов и пленных.

Командование корпусом в это время принял генерал А. А. Павлов, бывший Лейб-Гусар, командовавший во время Великой войны VI-м кавалерийским корпусом. Мамантов был знаком с ним еще по боям на Западном фронте в 1915—1916 годах. Сам Константин Константинович был неожиданно вызван на станцию Сосыка в Штаб Донской Армии, где получил от Сидорина приказ выехать в Екатеринодар на заседания Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Мамантов и его казаки, очевидно, не могли представить, что они видят ДРУГ друга в последний раз...

В поезде на Екатеринодар для Мамантова и двух ехавших с ним генералов почему-то не оказалось места в классных вагонах, и они недолго думая поехали в «теплушке», до отказа набитой солдатами и казаками. В этой страшной тесноте он, очевидно, и заразился тифом.

Его собственная семья, все время с весны 1919 года проживавшая в станице Нижне-Чирской, к этому времени уже выехала в Новороссийск, собираясь затем отправиться в Батум, где у жены Мамантова было имение «Цихидзир». Семью сопровождал двоюродный брат генерала Н. Н. Коковцов.

Выступая на Круге, Мамантов призывал к единству фронта и тыла, ко всеобщей мобилизации на Кубани. Речь сопровождалась бурными овациями, генерала внесли в зал городского театра на руках. 8 января он собрался ехать обратно на фронт к своему

корпусу, рассчитывая получить командование конной группой.

У него уже началось недомогание, болела голова, и ему предлагали остаться. Мамантов отказался и в холодном, продуваемом сквозняками вагоне с выбитыми стеклами выехал из Екатеринодара. Но всего лишь через несколько часов пути генералу пришлось вернуться. В довершение к прогрессирующему тифу Мамантов заболел воспалением легких и почек. В Новороссийск жене пришла срочная телеграмма от самого Атамана Богаевского, вызывавшая ее в Екатеринодарскую больницу.

Войдя в палату к своему мужу, Мамантова с ужасом увидела почти неузнаваемый «форменный скелет». Однако благодаря заботам жены и врачей генерал стал быстро поправляться, и 29 января состоялся консилиум, решивший, что больного можно отправить в Батум на лечение, но возвращение на фронт ему категорически запрещено. Для подкрепления сил ему рекомендовали еще на два-три дня задержаться в больнице. Ночное дежурство врачей у него прекратилось, и дежурила только его супруга.

Вот в это-то время и произошла трагедия, подробности которой до сих пор относятся к «белым пятнам» истории. Трагедия вероятного отравления Мамантова.

«...В комнате у больного горел примус; на нем кипел чайник, - описывала Екатерина Васильевна Мамантова события той страшной ночи 31 января 1920 года. - *К[онстантин] К[онстантинович] сидел в подушках и разговаривал со мною. Часов около десяти вечера я накормила его ужином. Напоила горячим чаем и уложила в постель. Он заснул.*

Я тоже легла спать... Вдруг... скрипнула дверь... Я моментально вскочила с кровати. К[онстантин] К[онстантинович] — уже не спал. Около его кровати я увидела фельдшера... В своих руках фельдшер держал шприц. Конст[антин] Конст[антинович] сразу же тревожно закричал мне: "Гони, гони... его, подлеца, вон"... Я спросила фельдшера, "зачем он пришел и что ему надо?" Фельдшер ответил, что по приказанию доктора, он должен сделать ночью больному впрыскивание "успокоительного лекарства".

После крика К[онстантина] К[онстантиновича] "гони... гони"... я бросилась к фельдшеру и хотела его не допустить к Конст[антину] Конст[антинови]чу. Но фельдшер сопротивлялся, очень грубо, сильным ударом, оттолкнул меня от себя... так, что я чуть не упала на пол. Я бросилась к двери, ведущей в коридор, чтобы кого-нибудь позвать себе на помощь. Этим моментом воспользовался фельдшер и сделал Конст[антину] Конст[антино-

вичу] укол шприцем... возможно и вероятно с отравленной жидкостью... как я думала после и думаю теперь.

После этого укола фельдшер быстро подошел ко мне и, так как я закрывала выход из комнаты, оттолкнул меня от двери и поспешно вышел из комнаты. На мой крик - "на помощь" — ко мне никто не пришел: было два часа ночи.

Когда я вернулась от двери и подошла к Конст[антину] Конст[антиновичу], на мои вопросы он мне уже больше ничего не отвечал... и сказать мне ничего не мог. В ту же ночь этот фельдшер сбежал из больницы... Утром, когда пришел доктор для очередного осмотра больного, я ему рассказала все, что произошло ночью. Он очень удивился и сказал мне, что никакого распоряжения фельдшеру о впрыскивании Конст[антину] Конст[антиновичу] "успокаивающего лекарства" он не давал.

До самой своей смерти К[онстантин] К[онстантинович] после этой ночи ничего не пил, не ел и не говорил... Все это время он находился в бессознательном состоянии и никого не узнавал... И при его смерти около него была только я одна...

Уже в Крыму Н. Н. Коковцов мне рассказал, что по вызову врачей профессор Сиротинин за два часа до смерти Конст[антина] Конст[антиновича] осматривал его и сказал Николаю Николаевичу, что ген[ерал] К. К. Мамантов был отравлен...»

Окружение частей генерала Крыжановского 1-й Конной армией у станицы Белая Глина в феврале 1920 год.

Придерживался версии об отравлении и Протопресвитер Добровольческой Армии отец Георгий Шавельский, причащавший Мамантова. Наконец, еще один убедительный довод. Секретные донесения контрразведывательного отделения Штаба Донской Армии содержали информацию о том, что в 4-м корпусе еще 26

января была раскрыта подпольная большевицкая организация, действовавшая под руководством корпусного врача Маслова, в свою очередь получавшего указания из Санитарного отдела Штаба Донской Армии. В этой связи более чем вероятным предполагается участие в отравлении генерала фельдшера Екатеринодарского госпиталя.

1 февраля 1920 года в 12.30 утра генерал-лейтенант Мамантов, не приходя в сознание, скончался, а 4 февраля в 10 часов утра в Екатеринодарском кафедральном соборе состоялось отпевание погибшего. Только что прошел праздник Сретения Господня, приближалась Масленица, а под сводами огромного собора совершалась скорбная панихида. Храм был полон молящимися, пришли делегаты Верховного Круга, рядовые казаки и офицеры, представители английской и французской военных миссий. Екатерина Васильевна, находившаяся под впечатлением той трагической ночи, во время отпевания потеряла сознание. Тело генерала было погребено в усыпальнице собора, все расходы по погребению взяла на себя казна Донского Войска. Члены Круга минутой молчания почтили память Мамантова, а Атаман Богаевский 2 февраля выпустил специальный приказ:

«Вследствие тяжелых условий повседневной жизни на фронте, героически переносимых нашей доблестной армией, болезни уносят из наших рядов многих героев, посвятивших себя служению Родине. Много жертв выхвачено смертью из командного состава армии, жившего одной жизнью с рядовыми бойцами.

Не пощадила она и нашего героя, одного из лучших вождей армии и гордость нашей конницы… Мир праху твоему, Храбрейший из Храбрых! Дон никогда не забудет твоих дел и трудов на пользу и славу родного края и по достоинству почтит он память своего народного героя, как только войдет в русло своей нормальной, спокойной и трудовой жизни…»

Газета «Кубанская Воля» печатала некрологи, из которых особенно выделялся один: «Командующий корпусом ген[ерал] Павлов, офицеры и казаки 4-го Донского Конного Корпуса с глубоким горем извещают о смерти их любимого вождя и командира генерал-лейтенанта Константина Константиновича Мамантова, последовавшей 1-го февраля в гор[оде] Екатеринодаре».

Но самих представителей от мамантовского корпуса почти не было на отпевании. Казаки и офицеры не смогли проводить в последний путь генерала. В это время, по какой-то непостижимой, мистической иронии судьбы, в день смерти своего командира погиб и его корпус. 1 февраля генерал Павлов получил приказ

нанести фланговый удар по конной группе Буденного, наступавшего в район Тихорецкая - Торговая в обход правого фланга белых, для прорыва в глубокий тыл на Екатеринодар. 4-й Донской корпус должен был перехватить Буденного, не дать ему выйти к Торговой. Донское командование направило мамантовцев наперерез красным. Одновременно с этим началось контрнаступление Добровольческого и 3-го Донского корпусов на Ростов и Новочеркасск.

Опасаясь, по-видимому, отдаляться далеко от основной линии фронта, Павлов повел корпус не правым берегом Маныча, преследуя Буденного, как ему предлагали многие командиры, а левым — по голой, продуваемой всеми ветрами степи. В это время свирепствовали 30-градусные морозы с жестокими метелями. Начался смертельный марш к Торговой. Артиллерийские упряжки, выбиваясь из сил, тащили орудия и зарядные ящики по глубокому снегу, но скоро выбились из сил. Конница застревала в снегу. Обозы, полевые кухни отстали. Людям пришлось ночевать в стогах гнилой соломы, чтобы хоть как-то отогреться. Редкие хаты зимовников набивались до отказа. Так прошли двое суток. К утру третьего дня корпус вышел к Торговой. Без пулеметов и артиллерии части получили приказ в сильную метель атаковать станцию. Но лошадей нельзя было заставить бежать даже рысью, они еле двигались шагом. Люди не могли держать винтовки, роняли их в снег. Атакующих встретил сильный артиллерийский и пулеметный огонь. И хотя несколько сотен ворвались на улицы Торговой, о ее удержании и тем более о разгроме Буденного не могло быть и речи. Остатки корпуса оказались отброшенными в холодную степь и лишь с рассветом отошли на Егорлыцк - Мечетинскую.

Когда же корпус дошел наконец до теплого жилья, его мучения продолжились. Оказалось, что большая часть казаков обморозилась, и, отогревшись, они начали умирать в страшных мучениях. Трупы, как дрова, грузили в товарные вагоны. Из 12 тысяч бойцов в корпусе осталось всего 5 тысяч, остальные были убиты, ранены, замерзли в снегах. Дух корпуса был сломлен, а известие о гибели Мамантова еще больше расстроило казаков. Погибло две трети донской конницы. Генерал Павлов был отрешен от командования, и командиром корпуса стал генерал Секретев.

Казаки не верили, что их командир умер от тифа. Пришлось даже создавать специальную комиссию Отдела пропаганды, которая безуспешно пыталась разъяснить им причины смерти Мамантова. Более того, многие казаки были уверены, что гибель генерала и гибель корпуса связаны между собой, представляют

хорошо запланированные либо советской разведкой, либо иными «темными силами» действия, цель которых - подорвать Белый фронт изнутри.

Красные ликовали. Более желанного подарка накануне наступления на Кубань трудно было представить. Погиб лучший конный корпус и его талантливый командир. Рассказывали, что Буденный, узнав от пленных казаков о смерти своего заклятого врага, приказал их на радостях отпустить. Командир 20-й советской дивизии Майстрах так пишет об этом: «...Некогда гремевшая славными и лихими атаками "непобедимая" мамантовская конница, лучшая белая кавалерия, после этого боя сильно утеряла свое грозное значение на Деникинском и нашем Кавказском фронтах».

* * *

Перед красными открылась прямая дорога на Кубань. Вскоре окончательно развалилась Кубанская Армия, казаки расходились по станицам, красные наступали на Екатеринодар. Город спешно эвакуировался. И в суете общего отступления забыли о «степном герое» генерале Мамантове, гроб которого так и стоял в соборе, обложенный венками и цветами. К его вдове приехало несколько казаков с фронта, уговаривая забрать гроб в Новороссийск. Мамантова выехала в уже полупустой Екатеринодар, но обещанной помощи не получила. Она успела лишь обрезать ленты у венков и отслужить панихиду. Гроб так и остался в усыпальнице Екатеринодарского собора на поругание вступавшим в город большевикам.

Остатки корпуса продолжали свой отход к Новороссийску. Город был переполнен беженцами и отступавшими воинскими частями. Все хотели только одного - быстрее уплыть в Крым. На пристанях не было никакого порядка, не хватало транспортов. Большинство казачьих частей так и не смогли погрузиться. Многие части 2-го и 3-го корпусов сдались в плен большевикам. Кубанские полки отступали вдоль побережья к Сочи. Вместе с ними уходили и казаки мамантовского корпуса. Не пожелавшие сдаться, они даже после того, как Кубанский Атаман Н. А. Букретов сдал Кубанскую Армию в плен большевикам, дождались помощи. Из Севастополя за ними пришли транспорты, на которых казачьи части были вывезены с побережья. Эвакуировавшиеся мамантовцы составили основу 2-й Донской дивизии Донского корпуса генерала Ф. Ф. Абрамова. Это были, по общему признанию, самые испытанные, надежные полки, которыми

командовали соратники Мамантова. После падения Белого Крыма - снова эвакуация, лагеря Чаталджи и Лемноса, Болгария, Сербия, рассеяние по всему свету...

Семья Мамантова выехала через Туапсе в Батум, затем в Крым — в Евпаторию, где в 1920 году располагался Штаб Войскового Атамана. С 1923 года они жили в Болгарии, на небольшом хуторе, а позже — в Югославии. Атаман Богаевский несколько раз высылал семье небольшую субсидию. После начала Второй мировой войны Мамантовы вместе со знаменитым «казачьим станом» эвакуировались в Северную Италию, а затем в Австрию. Здесь они пережили весь ужас выдачи казаков английскими войсками в СССР, и лишь благодаря заступничеству перед англичанами профессора Вербицкого семью генерала не передали Советам. Мамантовы выехали в США, где вдова получала небольшую муниципальную пенсию. Среди казаков-эмигрантов одно время была популярна идея создания фонда имени генерала Мамантова, но это так и не осуществилось. История Мамантова и его корпуса вызвала многочисленные статьи в эмигрантских военно-исторических журналах - «Родимом Крае», «Вестнике Первопоходника», «Военной Были».

Тех, кто волей судьбы остался в Советской России, ждали доносы, выселения, расстрелы. Достаточно было слов «он служил у Мамантова», чтобы вынести обвиняемому смертный приговор. Репрессировали всех, независимо от должности и чина. Некоторым бывшим мамантовцам пришлось скрываться на окраинах Ростовской области, в Задонье, известном многим еще по Степному походу. По возможности меняли паспорта, фамилии, переписывали биографии, переезжали на Урал, в Сибирь, пытаясь уйти от «всевидящего ока» Лубянки. Но их все равно находили, допрашивали в местных отделениях ОГПУ-НКВД. Особенно с большим пристрастием пытались узнать, где спрятано золото, якобы в изобилии добытое во время рейда. Казаков отправляли в лагеря, на лесоповал. Назад вернулись единицы...

Те, кто прошел через ГУЛАГ, не могли даже упоминать о Гражданской войне и только иногда, шепотом, нередко в предсмертные часы говорили о своем белогвардейском прошлом. Все, что им оставалось, - это память. Память пройденных дорог, звездных августовских ночей 1919 года, память степных просторов, по которым шли славные мамантовские полки, память порохового дыма царицынских боев и смертельных ледяных ветров манычских степей 1920-го, память о рейдах, о горячих атаках, о своих товарищах и о своем командире - непобедимом Мамантове.

ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ А. П. КУТЕПОВ
Р. М. Абинякин

Пожалуй, мало кто из Белых генералов - кроме, разумеется, высших руководителей движения - был известен столь широко, как герой нашего очерка. Его имя давало неофициальное название занятым территориям и становилось символом установленной на них власти. Его образ, пусть и в отрицательном освещении, смог под своим именем проникнуть в советский кинематограф. И никто из вождей Белого Дела не получил таких категоричных и абсолютно противоположных отзывов даже от собственных соратников. Представлявшийся всем или слишком примитивным, или чересчур сложным, он так и остался «сфинксом, неразгаданным до гроба», а загадка его исчезновения надолго заслонила интерес к личности этого человека.

* * *

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в городке Череповце Новгородской губернии. В семье потомственного дворянина, служившего лесничим, он был самым старшим; позже появились на свет две сестры и два брата. С раннего детства Саша увлекся всем, связанным с русской армией, а его любимым героем не случайно стал «белый генерал» М. Д. Скобелев, чей день рождения почти совпадал с его. Мальчик отличался энергией, живостью и решительностью, а дисциплинированность и аккуратность проявились в нем так рано, что казались едва ли не врожденными. Для развития смелости и воли он заставлял себя вставать среди ночи и ходить в самые темные и страшные места - в дальние углы сада, в глухие переулки, на кладбище. Большое огорчение принесло решение родителей отдать его не в кадетский корпус, а в Архангельскую гимназию. Учился Саша отлично, но сама учеба была мальчику скучна, так как он продолжал бредить военной службой. Его ответственный подход к порученному делу был замечен, и уже в третьем классе гимназист Кутепов стал старшим по общежитию, где немедленно установил среди сверстников образцовый порядок. Он сумел внушить уважение к себе и к дисциплине не столько кулаками (что тоже мог сделать, будучи физически крепким подростком), сколько благодаря природным лидерским способностям. Недаром родители одного ученика, лентяя и баловня, пригласили Кутепова пожить у них, чтобы воспитать того по своему образу и подобию.

В тринадцатилетнем возрасте Александр добровольно принял участие в летних гарнизонных маневрах и проделал семидесятидвухверстный переход наравне с солдатами, которые трогательно заботились о маленьком гимназистике. Вероятно, с этого события он начал проникаться глубокой симпатией к русскому солдату, пронесенной через всю жизнь. А в четырнадцать лет - первая утрата: смерть матери, проститься с которой сын так и не успел, хотя спешил изо всех сил.

После отличной сдачи экзаменов и перехода в последний класс юноша имел право отбывать воинскую повинность на правах вольноопределяющегося 1-го разряда, что давало возможность поступить в юнкерское училище и обучаться там на казенный счет. Для многодетной семьи, не имевшей никакого недвижимого имущества, это было весьма существенным обстоятельством. Кроме того, 1-й разряд означал прием вне конкурса при сдаче единственного экзамена по русскому языку не менее чем на 7 баллов (система оценок была 12-балльной). Отец понимал, что сын уже выбрал свой путь, и не возражал. С 9 июля 1901 года Александр Кутепов зачислен рядовым на правах

вольноопределяющегося 1-го разряда в Архангелогородский резервный батальон, где прослужил почти год. 7 июля 1902 год он направлен в общий класс Санкт-Петербургского юнкерского училища, а два месяца спустя, 7 сентября, произведен в младшие унтер-офицеры с исполнением обязанностей фельдфебеля роты. По воспоминаниям офицеров-воспитателей и однокашников, юнкер Кутепов уже обладал силой духа, отчетливостью характера и ясным мышлением. Все особенно отмечали его кристальную честность и бесстрашие. Однажды, не успев подготовиться к «репетиции» (род промежуточного экзамена) без уважительной причины, он прямо сознался в этом и попросил отсрочить свой ответ; преподаватель принял во внимание искренность юнкера и согласился. Вообще же Александр учился блестяще и с огромным увлечением. Иногда удавалось доставить себе удовольствие посещением театра.

Начальником Главного Управления военно-учебных заведений в то время был Великий Князь Константин Константинович, пользовавшийся большой популярностью у кадет и юнкеров, при посещении своих корпусов и училищ часто устраивавших ему торжественные встречи и буквально носивших его на руках. Именно на него Кутепов произвел столь благоприятное впечатление на смотру 11 июля 1903 года, что тут же, на плацу, был произведен «за отличное командование своей ротой» сразу в фельдфебели, минуя звание старшего портупей-юнкера, - как говаривал позднее он сам, «по-екатерининski». Конечно, это укрепляло преклонение перед монархией в целом и Императорской Фамилией как ее зримым воплощением. Помимо успехов в теоретических и строевых занятиях, Кутепов прославился и как лучший фехтовальщик училища, что подтверждает полученный им 6 июля 1904 года приз за бой на эспадронах. При выпуске фельдфебель первым выбирал вакансии и мог выйти в самые завидные полки. Но уже шла Русско-Японская война, и Кутепов стремился в Действующую Армию. Произведенный в подпоручики, 9 августа 1904 года он отбыл на Дальний Восток в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк.

* * *

Назначенный помощником начальника команды конных охотников (разведчиков), молодой подпоручик с первых дней службы проявил настойчивость, выдержку, смекалку и храбрость.

По два-три, а то и пять раз за день он водил своих людей в разведку, причем благодаря умелому командиру они почти не несли потерь. Как-то Кутепов едва не был зарублен хунхузом, но выручило искусное владение шашкой; однако первое убийство, да еще холодным оружием в ближнем бою, внушило отвращение и долго не могло забыться. В другой раз была рассеяна японская застава (более 70 человек), а ее оружие, включая пулеметы, стало трофеями охотников. Самым замечательным в этом деле стало то, что подпоручик не только не был награжден (орден Святого Георгия IV-й степени получил начальник команды, в вылазке не участвовавший), но и фактически умолчал о своей роли; только после войны один из офицеров случайно узнал от солдат истину. Редкое свободное время Кутепов также посвящал службе. «Скромного, всегда по форме одетого подпоручика Кутепова трудно было уговорить выпить одну-две рюмки водки, а о том, чтобы он играл в карты, - никто и не слыхал», — с некоторым недоумением вспоминал однополчанин.

Во время Мукденского сражения Кутепов отличился в деле у Кудяза 25 февраля 1905 года, за что 5 мая получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом; 24 июля он был отмечен второй наградой — орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Когда же в полку побывал германский Принц, он заметил подтянутого офицера и, выслушав его доклад об одной из разведок, пожелал наградить его от имени Августейшего Шефа полка. В результате 16 января 1906 года пришло разрешение «принять и носить пожалованный Императором Вильгельмом II прусский орден Короны 4-й ст[епени] с мечами на черной ленте с белыми полосами по краю».

Между тем война закончилась, и еще 2 октября 1905 года Кутепов, не получивший на ней и царапины, был откомандирован в Новгород, в 85-й пехотный запасный батальон, для обучения молодых солдат. Легко представить его горечь от поражения в войне и особенно - от столкновения с охватывавшей страну революционной стихией. Следуя с эшелоном через всю Россию, он поражался и негодовал, но уж никак не терялся: в Иркутске, где произошла было задержка, подпоручик арестовал местный комитет и добился отправки эшелона дальше. Прибыв в Новгород, Кутепов приступил к исполнению своих служебных обязанностей. А награды продолжали догонять его. 22 мая 1906 года из рук самого Императора Николая II он получил орден Святого Равноапостольного Князя Владимира IV-й степени с мечами и бантом, а вскоре был произведен в поручики.

Революция же продолжалась, и именно она стала косвенной причиной дальнейшего поворота в судьбе Александра Павловича.

В июне 1906 года произошли волнения в старейшем, безукоризненном полку Императорской Гвардии - Лейб-Гвардии Преображенском. Суть событий была такова. Нижние чины 1-го батальона (командиром которого считался сам Император) образовали толпу во дворе казарм, что-то обсуждали и, вопреки приказанию, не расходились. Дежурный офицер вместо мер принуждения доложил по команде; когда известие дошло до Командующего войсками Гвардии, Великого Князя Николая Николаевича (Младшего), тот, нарушая уставы, велел замять дело. Опрос солдат о жалобах, произведенный крайне искаженно, привел к подаче ими письменного коллективного заявления (само по себе деяние недопустимое), в котором явно звучали политические мотивы - например, требование «свободы печати». Правда, при разбирательстве выяснилось полное непонимание солдатами смысла собственной петиции (под «печатью» они понимали полковую круглую печать и т. д.), что говорило о внушении требований извне, то есть об агитации. Николай Николаевич, видя тщетность попыток скрыть происшествие, заявил уже о «бунте». Агитаторов нашли и наказали, но немилость пала и на весь батальон, который раскассировали полностью, включая и офицеров. Были спороты и Шефские вензеля с погон. Большинство солдат, не участвовавших в волнениях, плакали и умоляли о прощении, что никак не вяжется с образами «бунтовщиков».

Многие сочли огульное наказание слишком жестоким, но в действительности было просто невозможно выявить всех смутьянов, что давало опасность сохранения их в Гвардии; требовалось примерное наказание, - кстати, оказавшееся весьма мягким. А во вновь сформированный 1-й батальон подбирались самые отличившиеся и благонадежные офицеры из числа участников последней кампании. 13 декабря 1906 года прикомандированным Лейб Гвардии к Преображенскому полку оказался и поручик Кутепов, причем «за свои боевые отличия... в том же чине и с тем же старшинством». При учете преимущества офицеров Гвардии перед армейскими это фактически означало производство. 12 июля 1907 года Кутепов был окончательно принят в полк и приступил к временному исполнению должности начальника пулеметной команды.

Через некоторое время он стал помощником начальника полковой учебной команды, что означало наибольшее по сравнению с другими офицерами приближение к роли воспитателя солдат. Кутеповские методы были просты и действенны. Вначале тщательно, доходчиво и терпеливо он объяснял и внушал требования, затем указывал на нарушения, а

потом, если они продолжались, беспощадно налагал дисциплинарные взыскания. Но при этом никогда не позволял себе рукоприкладства и добивался, чтобы даже старые унтер-офицеры вели себя так же. Кутепов считал звание солдата почетным и просто не мог унижать его. Другой его особенностью являлось полное и нарочитое игнорирование традиционной разницы в отношении к солдатам и вольноопределяющимся. Кутепов был убежден, что настоящие воины должны соответствовать равным требованиям без каких бы то ни было поблажек отдельным их категориям. Проштрафившихся не бранил, не кричал на них, а иногда даже не подвергал взысканиям, ибо гораздо действеннее бывала укоризненно брошенная вполголоса его любимая присказка: «Эх, Федора Ивановна!» В праздничные и воскресные дни Кутепов часто водил молодых солдат в музеи, театры, галереи и рассказывал об истории и искусстве. Этим опровергается поздний запальчивый отзыв о нем генерала Я. А. Слащова как о человеке, «не бравшем с момента производства книги в руки». Нижние чины видели и строгость, и справедливость Кутепова и прозвали его «правильный человек».

В то же время и после перехода в Гвардию Кутепов продолжал оставаться тем, кем был до этого, - заурядным в хорошем смысле слова служакой, не вынашивающим честолюбивых планов. Именно такие офицеры старательно тянули лямку, являясь прекрасными исполнителями приказов начальства и идеальными командирами своих рот и батальонов. Александр Павлович ясно осознавал, что он — армейский провинциал, совсем не светский и не знатный — воспринимался многими кадровыми Лейб-Гвардейцами, при всей доброжелательности, как чужак, и что военно-придворная карьера для него закрыта. Не стремился он и в Академию Генерального Штаба, чувствуя призвание к строевой службе. Возможно, впоследствии Кутепов планировал перевестись в армейский полк, используя преимущество в чинах.

В полку он прославился как самый «отчетливый» офицер, служебный же рост его происходил довольно плавно: начальник пулеметной команды, затем начальник команды разведчиков, где пригодился маньчжурский опыт, и, наконец, как мы знаем, начальник учебной команды. Жить Кутепову как-то удавалось на одно свое жалованье (что в Старой Гвардии было чрезвычайно трудно и о чем предупреждали сразу при зачислении в полк). Особенно тяжело стало после смерти в 1912 году отца, в то время — председателя землеустроительной комиссии. На плечи старшего сына легла забота о братьях и сестрах. Офицеру

пришлось помогать им в подготовке к экзаменам, хлопотать о пенсии на них и о зачислении на высшие женские курсы, в университет и в Санкт-Петербургское военное училище (получившее к тому времени название Владимирского) на казенный счет. Себя же ограничивал во всем; о женитьбе нечего было и думать.

* * *

Начало Первой мировой - Второй Отечественной - войны стало очередным поворотом в судьбе штабс-капитана Кутепова, резко нарушив довольно патриархальные ее перспективы. Учебная команда, естественно, не подлежала отправке на фронт и оставалась с запасным батальоном в столице. Но ее начальник рвался в бой и 1 августа 1914 года выступил с полком на позиции во главе 4-й роты. Уже 20 августа у села Владиславово (юго-западнее Люблина) Преображенцы вступили в первый бой. Наступавшие австрийцы испытали на себе страшную штыковую атаку русской Гвардии и были смяты. Тогда полк еще был полностью укомплектован кадровыми солдатами, и какими! - самым маленьким в роте был нижний чин ростом «всего» 197 см, прозванный сослуживцами «мальчиком», основная же масса далеко превосходила двухметровую планку. Эти великаны отлично стреляли и мастерски владели приемами штыкового боя. Солдат-Гвардеец ударом приклада обычно сносил полчерепа, а заколотого врага поднимал на штыке и отбрасывал за спину, как сноп. И противник панически боялся Гвардейских контратак...

Расчет русского 76-мм артиллерийского орудия во время Первой мировой войны.

В том бою Кутепов шел в цепи и получил пулю в левую ногу. Между тем австрийцы огнем остановили русских и снова

бросились вперед. Штабс-капитана спасли от плена раненые солдаты, на руках вынесшие его к своим. В полк он вернулся в ноябре, что при перебитой кости было довольно коротким сроком. В марте 1915 года - вторая рана, теперь в правую ногу, но тут осколок гранаты кости не задел. Возвращение на позиции совпало с «Великим Отступлением» русской армии. А 19 июня Кутепов был произведен в капитаны. В тех боях Гвардейская пехота сломила натиск элиты германских войск - прусской Гвардии.

27 июля 1915 года в тяжелом бою у деревни Петрилово Ломжинской губернии немцы после мощного артобстрела смяли левый фланг Преображенцев, почти уничтожив 3-ю роту. Кутепов, не дожидаясь приказа, бросил свою роту из резерва в стремительную контратаку. И почти сразу пуля свалила «черного капитана», как называли его солдаты. Несмотря на дикую боль от раны в нижнюю часть живота, он запретил выносить себя в тыл и, лежа на носилках, руководил ротой до тех пор, пока противник не был выбит из захваченных им русских окопов. В жестокой рукопашной схватке полегло более 70% ротного состава. Позднее, в эмиграции, недоброжелатели вспомнят этот эпизод как доказательство тактической неграмотности Кутепова и его стремления добывать победу «большой кровью». В действительности же он спас тогда позицию, задержал продвижение всей Баварской дивизии противника и ликвидировал прорыв. Не случайно именно за этот бой Кутепов получил орден Святого Георгия IV-й степени, а 20 августа был назначен командиром Государевой роты - первой в полку. Его имя облетело и другие части Гвардии.

Во время летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 года Гвардейцы дрались с самоубийственным героизмом. В ходе кровопролитных боев на Стоходе 1-я Гвардейская дивизия тайно сменила измотанную 6-ю Сибирскую стрелковую. Неожиданным мощным ударом 6 сентября русские захватили часть укреплений противника в районе Свинюх, но растянули свой фронт. На следующий день немцы трижды контратаковали и частично вышли в тыл Лейб-Гвардии Семеновскому и Егерскому полкам, заняв Свинюхинский лес. Кутепов, уже командир 2-го батальона Преображенцев, ударил во фланг противнику. Стройно, как на маневрах, сквозь заградительный огонь вражеских батарей батальон дошел до леса, ворвался в него, выбил неприятеля и тем довершил прорыв фронта. Трофеями Преображенцев и Измайловцев стали 2 орудия, 3 миномета и 7 пулеметов; более 900 немцев попали в плен. Шедший в цепи Кутепов получил за бой 7-8 сентября Георгиевское Оружие и был произведен в

полковники.

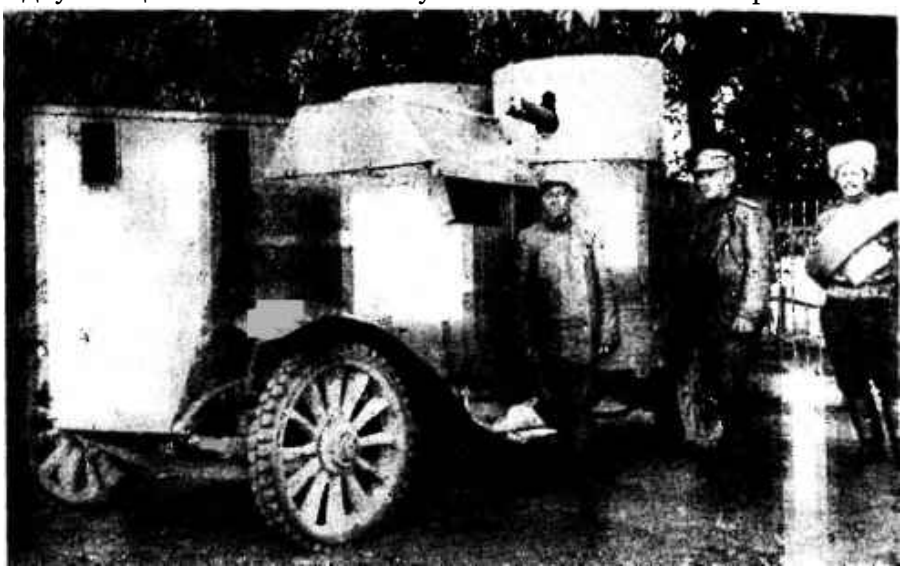
Очень ярко образ Кутепова дополняется таким эпизодом. Однажды в ходе быстрого наступления тыловые службы полка сильно отстали, и снабжение продовольствием прервалось. Голодные солдаты наелись недозрелой капусты в поместье, где останавливались на дневку, и у многих началась дизентерия. Вдобавок к командиру батальона явился местный управляющий с жалобой на потраву и требованием к «пану офицеру» наказать виновных. Кутепов всегда стоял на страже порядка, но в данной исключительной ситуации солдатской вины он не видел, считая главным накормить подчиненных; удар же по боеспособности подлил масла в огонь. Будучи верхом, он несколько раз вытянул управляющего плетью по спине и погнал прочь, крикнув, что для русского солдата ничего жалеть негоже. Здесь Александр Павлович предстает как заботливый командир, — и нижние чины платили ему любовью и уважением.

* * *

По некоторым данным, в начале 1917 года Кутепов являлся помощником командира полка. А в конце февраля, когда в Петрограде начались беспорядки, переросшие в революцию, он как раз оказался в столице в трехнедельном отпуске. Прежде всего его поразило не оживление на улицах, а резко критические отзывы о правительственной политике офицеров Запасного батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка. Кутепов твердо оборвал их, заявив, что дело военных - поддержка власти, а не ее критика. Но подобная точка зрения почти не находила отклика, — быть может, потому, что в Гвардейских кругах, болезненно реагировавших на многое из того, что происходило вокруг Трона (слабость министров, влияние - действительное или мнимое -Г. Е. Распутина и т. д.), подчас встречали одобрение разговоры о дворцовом перевороте — принуждении Императора Николая II к отречению в пользу Цесаревича Алексея.

Тем не менее на решительного фронтовика обратил внимание его однополчанин полковник В. И. Павленко, временно исполнявший должность начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда. Этот офицер, несмотря на приступы стенокардии, вначале активно боролся с беспорядками. Он-то и упомянул о Кутепове, когда встал вопрос о командире особого отряда верных войск для наведения порядка. Кандидатуру поддержал и Градоначальник А. П. Балк, полагавший, что необходим популярный среди солдат, «храбрый,

близко стоящий к ним офицер». В действительности же Кутепов абсолютно не был известен запасным и не мог поэтому пользоваться среди них каким-либо авторитетом. Однако 27 февраля, на следующий же день после приезда в столицу, он был вызван к Командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову, который приказал возглавить так называемый «карательный отряд» из учебных команд Преображенского, Кексгольмского и Запасного Пулеметного полков при 12 пулеметах. Приказ подавить бунт «Кутепов выслушал молча. Затем сказал: "Слушаю", - и отправился к отряду. Внешность его и манера держать себя производила подкупающее впечатление — чувствовались сила и энергия».



Бронеавтомобиль «Остин», состоявший в рядах русской армии, 1916 год.

Между тем вслед за волнениями в Запасном батальоне Лейб-Гвардии Павловского полка и бунтом Волынцев выступления произошли в Литовском, Преображенском и 2-м саперном батальонах, а также в Жандармском дивизионе. Положение власти быстро ухудшалось. Поэтому Кутепов решил действовать твердо. Двигаясь по Литейному проспекту, его отряд обратил в бегство густые «революционные» толпы. Удалось занять Зимний дворец - но вскоре его пришлось покинуть по требованию Великого Князя Михаила Александровича. То же произошло и в Адмиралтействе. 28 февраля Кутепов пробился в Петропавловскую крепость, где по приказу военного министра его отряд, насчитывавший к тому моменту 1100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, был распущен. На предложение ради безопасности переодеться в штатское полковник ответил категорическим

отказом. Удачно разминувшись с пришедшими арестовать его матросами и убедившись в бессилии новой власти (ярким примером чего стал Приказ № 1), Кутепов, прервав отпуск, вернулся на фронт.

Весной 1917 года специальная комиссия Временного Правительства отправила в отставку и «в резерв чинов» до 150 генералов, казавшихся наиболее опасными или бездарными. Значительное число увольнений коснулось Гвардейского командования - требовалось убрать от войск явных монархистов, чтобы и щегольнуть «революционностью», и устранить откровенных противников. Такая судьба постигла и командира Преображенцев генерала Дрентельна, и 2 апреля «командующим на законном основании» Лейб-Гвардии (теперь именовавшимся просто «Гвардии») Преображенским полком стал полковник Кутепов. Возможно, в назначении сыграло роль скромное происхождение и то, что он не был коренным Гвардейским офицером.

Падение дисциплины в Петровской бригаде шло медленнее, чем в «демократизированной» армии, но постепенно проявлялось и здесь. На одном из заседаний полкового комитета солдаты из прибывшей на пополнение маршевой роты сообщили о действиях Кутепова в столице в феврале и потребовали предать его революционному суду, но старые солдаты не выдали «правильного человека» и фактически оправдали его. Во время дивизионного митинга Кутепов еще мог одним своим появлением восстановить порядок, но уже звучали и призывы поднять его на штыки (со стороны нижних чинов 2-й Гвардейской дивизии). И снова Преображенцы спасли командира, грозно сомкнувшись вокруг него, что быстро охладило пыл остальных.

В июньском наступлении действия Гвардии характеризуются двояко. С одной стороны, встречается упоминание, что лишь один Лейб-Гвардии Семеновский полк из всего Гвардейского корпуса и лишь в один день наступления (23 июня) «выполнил возложенную на него задачу» (можно предположить, что Гвардейские офицеры со злорадством наблюдали за крахом военной политики А. Ф. Керенского и не горели желанием ей содействовать). С другой стороны, это продолжалось только до германского контрудара, после которого командиры выбивались из сил, пытаясь организовать отпор. 6 июля Петровская бригада была брошена на ликвидацию прорыва. Вторично русская Гвардия сломила натиск прусской, задержав захват Тарнополя. На следующий день яростной контратакой под Мшанами Преображенцы смяли противника, но потом сами вынуждены были отойти под давлением превосходящих сил. Главным в этой ситуации Кутепов

счел сохранение спокойствия и организованности и, находясь в цепях 1-го батальона, прикрывавшего отход, для воодушевления солдат обходил позиции по брустверу окопа. Взрывом полковника сбило с ног, но даже не контузило. За бой под Мшанами Кутепова представили к ордену Святого Георгия III-й степени, но получить его уже не удалось - помешал приход к власти большевиков.

По архивным данным, Кутепов стал кавалером и солдатского Георгиевского Креста - так называемого «Георгия с веточкой» (на его ленте крепилась серебряная лавровая ветвь), «демократической» награды 1917 года, удостоение которой производилось по решению - «приговору» - самих солдат. Некоторые относились к такой награде презрительно, называя «метлой», ибо считали ее признаком заигрываний с нижними чинами; но в настоящем случае инициатива Преображенцев была искренней и соответствовала действительным заслугам награжденного. Подтверждением служит и «Краткая боевая аттестация командующего Лейб-Гвардии Преображенским полком полковника Кутепова» от 17 августа 1917 года: «Обладает опытом двух кампаний; зарекомендовал себя в последних боях Петровской бригады выдающимся командиром полка. Трижды ранен... Характера твердого. Выдающийся. Вполне достоин к назначению на должность командира бригады вне очереди». Таково было мнение командира Петровской бригады генерала П. Тилло и командира I-го Гвардейского корпуса генерала В. З. Май-Маевского - будущих сослуживцев по Добровольческой Армии.

Поражение Корниловского выступления повлекло окончательный развал всякого порядка. Наиболее патриотически и непримиримо настроенные офицеры отныне стали враждебны как «пораженцам», так и бездарному Временному Правительству. Делая ставку на диктатуру и прямую борьбу, часть из них перешла к активным тайным действиям. После ареста Л. Г. Корнилова на некоторое время вся деятельность по объединению военной оппозиции оказалась сосредоточенной в руках генерала М. В. Алексеева. Через главу организации «Русское Собрание» В. М. Пуришкевича началось собирание офицеров в столице. Так в октябре оформилась тайная Офицерская Объединенная Организация, возглавленная Преображенцем полковником П. А. Веденяпиным; в Москву был направлен полковник князь И. К. Хованский 1-й. Руководство находилось в руках офицеров Гвардии. По воспоминаниям дочери Алексеева, на квартире генерала среди других «все время бывал» и приехавший в Петроград Кутепов. Это позволяет считать Александра Павловича одним из руководителей организации. К тому же и Веденяпин, и Хованский были его однополчанами.

После прихода к власти большевиков Кутепов снова на позициях, назвать которые фронтом не поворачивается язык. Своим долгом он счел спасти знамя: после прощания 21 ноября офицеров с полковой святыней оно было спрятано, а затем вывезено на Юг России. Прикрепленный к Преображенскому знамени орден Святого Георгия, принадлежавший Императору Александру II, Кутепов с тех пор носил на груди под одеждой и никогда не расставался с ним.

А Армия агонизировала. Вводилась выборность начальников: Кутепов получил «почетную» должность кашевара, и это еще, быть может, показывало расположение солдат, давших уважаемому командиру «теплое местечко»... Пользуясь тем, что новое «повышение» не было утверждено, Кутепов 2 декабря 1917 года с болью в сердце подписал приказ о расформировании старейшего полка Императорской Гвардии. Теперь ничто не удерживало от выезда на Дон.

* * *

24 декабря маленькая группа офицеров-Преображенцев во главе со своим командиром прибыла в Новочеркасск и вступила в ряды формировавшейся Армии. Сразу же состоялось назначение Кутепова начальником Таганрогского гарнизона и, соответственно, руководителем обороны на этом направлении. Как свидетельствуют архивные документы, 30 декабря Кутепов стал «командиром 3-го полка Добровольческой армии»; за названием, впрочем, крылась лишь надежда создать полк, так и не реализовавшаяся в силу малочисленности Добровольцев и больших потерь.

В первой декаде января 1918 года крупные силы большевиков повели наступление на Ростов. Кутепов выступил навстречу и у Матвеева Кургана дважды разбивал противника, компенсируя численную слабость своего отряда стойкостью и выучкой. Но через две недели упорных боев, после потери Таганрога поредевший кутеповский отряд был отведен к Ростову. Существуют сведения, что Кутепов был отстранен от командования самим Корниловым, считавшим его виновником таганрогской неудачи и (вполне справедливо) ставленником Алексеева, чьи отношения с Главнокомандующим отличались крайней напряженностью. В итоге Александр Павлович несколько дней был на должности рядового, а затем принял 3-й Офицерский батальон, 12 февраля сведенный в роту в составе Сводно-Офицерского полка. 3-я рота неофициально именовалась

«Гвардейской», так как состояла в основном из офицеров Императорской Гвардии; ее численность колебалась от 80 до 250 штыков, в зависимости от потерь. Во главе Гвардейской роты полковник Кутепов и выступил в Первый Кубанский поход.

С первого же боя под Лежанкой он задает тон офицерам, вместе с прочими командирами создавая традиции знаменитых атак ровными цепями, средним шагом, с сохранением внешнего спокойствия и - до времени - без единого выстрела. «Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания», - таким запомнился он очевидцам. В бою у хутора Филипповского под сильным огнем Добровольцы залегли прямо на пашне. «Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах, — Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили». Несомненной была и некоторая бравада Кутепова выправкой и строевой подготовкой в самых тяжелых условиях похода. После перехода вброд реки, во время марша на морозе в обледенелой одежде он совсем не случайно вел роту подчеркнуто бодро, с подсчетом шага: командир мобилизовывал волю людей и вызывал уважение у видавших виды офицеров. Совершенно непостижимым было и то, как Кутепову в походных условиях удавалось ежедневно оказываться в чистом обмундировании и свежевыбритым. Собственным внешним видом он дисциплинировал подчиненных лучше, чем любыми замечаниями и внушениями.

В то же время Кутепов не был бездушным солдафоном и по мере сил максимально заботился о роте. Не раз занимал для отдыха лучшие дома, отстаивал их в жарких спорах с прочими командирами и старался во что бы то ни стало накормить людей. Однажды, узнав, что его офицеры захватили в лавке какие-то ящики, он отправился выяснять обстановку, «нервно подергиваясь», а вернувшись, объяснял: «Нашли сухари и рис. Что же, прикажете бросить и не варить каши?» В силу жестокой необходимости зарождались новые «традиции», стимулированные отвратительным снабжением или просто его отсутствием, - жизнь за счет местного населения, реквизиции и «самоснабжение».

Знак 1-го Офицерского пехотного генерала Маркова полка.

Наряду с небывалой жертвенностью и бескорыстием в ряды Добровольцев, по их собственным признаниям, уже в первый период борьбы стали проникать семена жестокости и кровожадности. Многие офицеры, испытав унижения и преследования, потеряв в огне революции родных и близких и с трудом прорвавшись в Добровольческую Армию, горели желанием «отвести душу». Кутепов не поощрял — и не удерживал. Но когда в Армию хотел поступить прапорщик Т. Кирпичников - бывший унтер-офицер, считавшийся (быть может, неоправданно) зачинщиком бунта запасного батальона Лейб-Гвардии Волынского полка в феврале 1917 года, - Кутепов сказал лишь: «А, вы тот унтер-офицер, который убил своего начальника...» - и приказал его расстрелять. Некоторые армейские офицеры, особенно из интеллигенции, приписывали особую жестокость именно Гвардейцам: «...Крестьянские трупы загородят нам все дороги, и с гвардии полковником Кутеповым мы именно поэтому не дойдем не только уж до Московского Кремля, а, может быть, и до ближайшей деревни». Но справедливость этой оценки сама по себе спорна, да и в условиях борьбы на истребление противника кутеповская позиция была едва ли не самой эффективной...

После соединения с Кубанским отрядом генерала В. Л. Покровского 17 марта Добровольческая Армия была переформирована. Командовавший Офицерским полком генерал С. Л. Марков принял 1-ю бригаду, его помощник полковник Н. С. Тимановский вступил в командование полком, а помощником командира полка стал Кутепов. Когда же при штурме Екатеринодара погиб командир Корниловского ударного полка полковник М. О. Неженцов, Александр Павлович был назначен его преемником, вероятно, по инициативе А. И. Деникина. С

Ледяного похода началось сближение Кутепова и Деникина, основанное на определенном сходстве характеров и взаимной симпатии, «чтобы в горниле Гражданской войны перерасти в большую приязнь, а в эмиграции - в исключительно доверительные отношения». На момент вступления Кутепова в должность Корниловский полк насчитывал менее 300 штыков, а к концу боев под Екатеринодаром сократился до 67 невредимых бойцов; в 1-й роте осталось всего четыре человека.

Почти сразу после прорыва Добровольческой Армии из почти безнадежного окружения очевидной стала отчужденность Корниловцев по отношению к их новому командиру. Неприязнь ударников, многие из которых были настроены республикански, а иные даже симпатизировали эсерам, явно выплескивалась на Гвардейцев-монархистов. Кутепов остро почувствовал себя чужаком (хотя в свое время и у Преображенцев считался «пришлым») и собирался уйти из Корниловского полка. Однако его помощник, недавний командир 2-го батальона капитан Н. В. Скоблин, сумел не только уговорить Александра Павловича остаться, но и помог ему получить искреннее признание подчиненных. С тех дней Кутепов стал «кровно связан» с Корниловцами, а со Скоблиным, который был моложе его на десять лет, постепенно крепко сдружился.

Тем не менее во Второй Кубанский поход Александр Павлович выступил уже командиром бригады во 2-й дивизии генерала А. П. Богаевского. Постоянно находясь во время боев в цепях Корниловского полка, он еще более укрепил свой авторитет среди «несгибаемых» и был признан ими окончательно. После гибели 12 июня под станцией Шаблиевской генерала Маркова Кутепов временно исполнял должность начальника 1-й дивизии, но 15 июля дивизию принял генерал Б. И. Казанович - этот, как характеризовал его Деникин, «отличный таран для лобовых ударов», чья тактика фронтальных боев станет вскоре одной из причин больших потерь, понесенных дивизией под Екатеринодаром, Армавиром и Ставрополем.

В конце тяжелого боя под Тихорецкой Кутепов едва не пал жертвой провокации: красные выбросили белый флаг, а когда полковник с несколькими сопровождавшими подскакал к их окопам, открыли огонь и перебили часть офицеров. Неудивительно ожесточение Кутепова, который впоследствии, по ряду сообщений, не раз обходил шеренги пленных и лично выбирал, кого следует расстрелять (отбор жертв по принципу «а морда самая комиссарская» был достаточно типичен для начального периода борьбы...).

16 июля авангард 1-й дивизии во главе с Кутеповым разбил

передовые красные части И. Л. Сорокина у станицы Тимашевской. Через день полковник с Кубанским стрелковым и частью Марковского полка выступил к станции Сосыка, чтобы перехватить тридцатитысячную группу противника и не позволить ей прорваться на защиту Екатеринодара. Однако Сорокину удался скрытный маневр, благодаря которому он вышел в тыл наступающим на Кубанскую столицу Добровольцам. Для спасения положения в район Выселки — Кореневская командование бросило все наличные силы, в том числе и группу Кутепова от Кущевки и Сосыки. В тяжелых боях 28 июля - 2 августа потери были велики, в частности, по оценке современника, «лег весь цвет Марковского офицерского полка». Но 3 августа 1918 года Екатеринодар был взят.

Буквально через несколько дней, как только Добровольцы заняли Новороссийск, Кутепов получил назначение Черноморским генерал-губернатором и 13 августа приступил к исполнению обязанностей. Оно может быть воспринято как свидетельство сложности политической ситуации в Добровольческих кругах: именно в августе группа Гвардейцев во главе с Кутеповым, по свидетельству В. В. Шульгина, открыто поддержала монархические выступления последнего, заявив: «Теперь мы знаем, за что мы боремся!» - и вызвав неудовольствие Деникина. Впоследствии Главнокомандующий, не указывая даты, но явно имея в виду этот случай, вспоминал, как «Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, недовольных "лозунгами" армии, завел речь о своем уходе», но после уговоров остался. Напрашивается предположение о каком-то конфликте, возможно, не без участия либерально настроенного начальника Штаба Армии, генерала И. П. Романовского, враждовавшего с ярым монархистом полковником М. Г. Дроздовским. В свете этого отправка Кутепова на тыловую должность могла означать не желание А. И. Деникина и М. В. Алексеева вручить власть твердому прагматику или поберечь верного сторонника в условиях нарастающей ожесточенности боев, а стремление притушить противостояние или даже «почетную ссылку»...

Административно-хозяйственный опыт Кутепова прежде ограничивался уровнем командира полка, но на его стороне были трезвый житейский расчет, решительность и кристальная честность. Почти не взаимодействуя вначале с деморализованными местными чиновниками, губернатор всеми силами старался избежать пороков традиционной бюрократии. Смело ломая обычаи, своим приказом он образовал первое в России подлинно бессословное земство; это стало признанием реальности и необратимости послефевральских перемен в стране.

Твердой рукой Кутепов подавлял враждебные режиму движения, прежде всего, разумеется, большевицкие. Говорили, что в Новороссийске виселице пустовать не доводилось; но на нее чаще попадали дезертиры, бандиты и мародеры, и потому большинство горожан, побаиваясь грозного полковника, все же жило спокойно. Жители проникались даже благодарностью за постоянные отмены Кутеповым денежных взысканий, которые пытались накладывать на население наиболее ретивые чинуши. В довершение всего Губернатор пресек попытки вывоза немцами из города закупленного сырья и не пропускал их в Штаб Добровольческой Армии, выполняя распоряжение командования — «Никакого сотрудничества с немцами».

Смотр 2-му Корниловскому ударному полку. Слева направо: командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, командующий полком капитан Я.Л. Пашкевич, адъютант Май-Маевского капитан П.В. Макаров. Ростов-на-Дону, июнь 1919 года.

Осуществляя в своей «Кутепии», как стали называть Черноморское генерал-губернаторство, типичную военную диктатуру - единственно возможную линию в тех условиях, - Александр Павлович не обращал никакого внимания на резкую критику либеральной интеллигенции. Скрытую антипатию проявляли и торгово-финансовые круги, лишенные возможности обогащаться путем хищений и спекуляций, столкнувшись с аскетизмом и неподкупностью Кутепова, который за предложение взятки повесил бы любого. Доказательством щепетильной порядочности генерал-губернатора служит отсутствие порочащих его слухов — в отличие от появлявшихся впоследствии

многочисленных красочных описаний, достоверных или выдуманных, шумных кутежей генералов В. З. Май-Маевского или А. Г. Шкуро.

В Новороссийске же Кутепов неожиданно для самого себя был очарован молоденькой дочерью коллежского советника Лидией Давыдовной Кют (несмотря на немецкую фамилию, Православного вероисповедания) и женился на ней. А 12 ноября 1918 года он получил приказ о производстве в генерал-майоры - за боевые отличия.

* * *

Между тем Добровольческая Армия, после объединения с Донской под общим командованием генерала Деникина и наименованием Вооруженных Сил Юга России, в результате этого объединения была втянута в изнурительные кровопролитные бои в Донецком бассейне. Красная Армия становилась организованной силой, Добровольцы же не имели резервов и были весьма скудно снабжены и обмундированы, что особенно сказывалось в условиях сильных морозов. 13 января 1919 года состоялось назначение А. П. Кутепова командующим 1-м армейским корпусом вместо генерала Б. И. Казановича. В январе - марте отряды Добровольческой Армии сдерживали натиск противника в районе Дебальцево - Таганрог; с 15 апреля Кутепов воевал на Царицынском направлении, а 6 мая прибыл под Ростов.

Он не скрывал радости от назначения (ибо генерал-губернаторская деятельность была для него все-таки чуждой), хотя фронт ему достался почти безнадежный. В те дни на всех, с кем он встречался, «небольшого роста, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека». Он сразу же взял корпус в свои железные руки и смог воодушевить потрепанные полки категорической требовательностью и деловитым спокойствием. Враг понял опасную силу личности Кутепова, и следствием стала «адская машинка», подброшенная в генеральский вагон. А в умах и сердцах Добровольцев весенние успехи (напор красных ослабел, и они были отброшены от Ростова) связывались исключительно с новым командиром: «Кутепов объезжал части и говорил о предстоящем походе. От него веяло уверенностью в победе. "Не надейтесь на танки, - говорил он, - дело не в технике, а в силе духа"».

Уже 22 мая Добровольцы взяли Славянск, смяв советские VIII-

ю и XIII-ю армии. Одновременно с ударами в западном направлении конницы генерала Шкуро Кутепов стремительно сбивал оборонявшегося противника и наступал на Харьков, сам ежедневно выезжая на разные участки боевой линии. 10 июня 1-й армейский корпус взял Белгород, а приданная ему Терская дивизия 11-го охватила Харьков с северо-запада и севера. На подступах к городу особенно ожесточенные бои гремели уже пятый день. 11 июня собранный в кулак Дроздовский полк смял противника. «Красные толпами кинулись в город. На плечах бегущих мы ворвались в Харьков. Уже мелькают бледные вывески, низкие дома, пыльная мостовая окраины, а люди в порыве атаки все еще не замечают, что мы уже в Харькове. Большой город вырастал перед нами в мареве. Почерневшие от загара, иссохшие, в пыли, катились мы по улицам...» - вспоминает полковник-Дроздовец. После упорных уличных боев Харьков был взят окончательно. За пять недель корпус Кутепова прошел 300 верст сквозь огонь непрерывных сражений. Наградой Александру Павловичу стало производство 26 июня в генерал-лейтенанты за боевые отличия.

А 20 июня генерал Деникин объявил так называемую «Московскую Директиву», отводившую Добровольческой Армии главную роль и самый широкий фронт в предстоящем наступлении на Первопрестольную - от Киева на западе до Ливен и Ельца на востоке, протяженностью до 600 верст. До второй половины июля велись незначительные бои - войска собирались с силами. 1-й армейский корпус, чье движение планировалось на острие удара - на Курск - Орел - Тулу - Москву, активно пополнялся невиданным ранее (хоть и все равно недостаточным) числом добровольцев; еще большим было количество мобилизованных. Формировались новые части - 2-й Корниловский ударный и 2-й Офицерский генерала Маркова полки. Находясь в Харькове, командующий корпусом настойчиво добивался у торгово-промышленных кругов средств для снабжения войск, одновременно карая подчиненных за мародерство.

Марковцы продолжали считать Кутепова однополчанином и преподнесли ему полковую форму. Генерал ответил телеграммой: «Сегодня получил форму доблестного Марковского полка, которую буду с гордостью носить. От всей души благодарю Вас. Прошу передать славным марковцам мою благодарность... *Кутепов».*

Сигналом к началу наступления стало сообщение корпусной разведки. По ее данным, сильная группа противника под командованием бывшего генерала В. И. Селивачева готовилась

нанести 3 августа сильный удар на Харьков -с северо-запада через Готню и с северо-востока через Купянск. Александр Павлович сразу оценил важность попавшей в его руки информации, уловив, что она дает возможность перехватить инициативу. Со своеобразным юмором он заметил докладывавшему: «Смотрите, повешу вас, если вы напутали», - и без промедления начал действовать.

На три дня упредив противника, 1-й армейский корпус нанес удар на северо-запад, отрезав друг от друга XIII-ю и XIV-ю армии красных, и, нанеся крупное поражение, отбросил их уже разрозненные части. Затем Кутепов, желавший пока лишь прикрыть Харьков, сконцентрировал силы у Белгорода. Но большевики ударом от Воронежа потеснили левый фланг Донской Армии и захватили Волчанск, Купянск и Валуйки, выйдя к 14 августа в тыл Добровольцам и приблизившись к Харькову на расстояние в 40 верст. Быстро перегруппировав силы, командование Добровольческой Армии ответило ударом кутеповского корпуса (от Белгорода) и конницы Шкуро. В красном же тылу, в окрестностях Воронежа, в конце августа появился 4-й Донской корпус генерала К. К. Мамантова. Смяв противника, 1-й армейский корпус устремился на Курск. Его продвижение казалось неудержимым.

В начале сентября корпус наголову разбил в общей сложности двенадцать советских полков и уже 7-го занял Курск, оставленный Красной Армией без боя. Заметим, что Кутепов строго запретил самовольный захват города, но это все же произошло по инициативе начальника 1-й дивизии генерала Тимановского. Александр Павлович, понимая, что быстрое отступление противника без упорной обороны может быть маневром, опасался фланговых ударов и потому сделал Тимановскому выговор за ослушание; но Деникин, фактически поощряя тем самым беспорядок партизанщины, напротив, произвел «ослушника» в генерал-лейтенанты... В Курске Кутепов принял большой парад 1-й дивизии. Тогда же началось разворачивание «именных» полков (Корниловского, Марковского, Дроздовского) в трехполковые дивизии, правда, в основном за счет возвращавшихся из госпиталей раненых.

Атмосфера в городе казалась старым Добровольцам чуждой - не было радушия и доверия: «Курск не походил на Ростов и Новочеркасск, в городе ощущался микроб "советчины" и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространенные среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом

зале бывшего "Дворянского собрания", с погруженными в темноту гостиными, часто бывали балы. Офицеры, бывшие в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих полков. У них не было ни наших традиций, ни нашего боевого духа», - с горечью отмечал поручик Марковец. Впрочем, приведенные факты указывают не столько на занесенность «моральной заразы», сколько на повышение восприимчивости к ней, то есть на нравственные деформации чинов Армии - под влиянием как пополнений, так и самой обстановки непрерывных тяжелых боев. Накапливалось сильнейшее нервно-психическое напряжение, снять которое подчас стремились любым путем, а занятие большого города давало лишь средства для этого... И новая опасность не менее, чем оперативная обстановка, вынуждала командование форсировать наступление.

Перегруппировка велась быстро. Определились три самостоятельных направления: на Дмитриев-Льговский - Дмитровск-Орловский - Брянск, на Орел -Тулу и на Елец. Первое отводилось Дроздовской дивизии генерала В. К. Витковского, в которой только что был сформирован третий полк, усиленной бронечастями (6000 штыков, 700 сабель, 20 орудий, 112 пулеметов, 6 бронепоездов и 3 танка). На вспомогательном елецко-ливенском участке действовала самая малочисленная Сводная дивизия генерала Третьякова (4 700 штыков, 700 сабель, 26 орудий, 122 пулемета, 4 бронепоезда и 3 танка). Наконец, на решающее орловское направление выдвигалась Корниловская дивизия[54], с подчиненными ее начальнику полковнику Скоблину частями насчитывавшая свыше 8000 штыков; из этого числа около 3200 штыков и 500 сабель с 17 орудиями наступали вдоль полотна железной дороги Курск - Орел, а 1200 штыков и 50 сабель при 24 пулеметах, 9 орудиях, с 2 бронеавтомобилями и 3 танками - по шоссе Курск - Кромы - Орел. В самом Курске оставались Штаб корпуса и, в качестве резерва, два новосформированных полка.

К концу сентября рвущиеся на Орел Корниловцы рискованно оторвались от наступавшей слева на Дмитровск Дроздовской дивизии на 60 верст, так что связь между ними поддерживалась случайными разъездами. Фронт Корниловской дивизии растянулся на 160 верст (то есть в среднем 50 человек на версту); красное командование попробовало отсечь ее фланговым ударом, но потерпело неудачу. Залогом взятия Орла было овладение городком Кромы - узлом шоссейных дорог на Орел и Дмитровск, и после маневренных боев 24-26 сентября 2-й Корниловский полк вошел в Кромы 27-го. Тем самым обеспечивалась более устойчивая связь с Дроздовцами. Штаб Добровольческой Армии,

получая данные о переброске крупных резервов противника, продолжал настаивать на скорейшем захвате Орла, и Кутепов, из корпуса которого забрали шесть полков для борьбы с махновцами, на совещании рассудительно говорил: «Я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, то я не смогу маневрировать... А мне все-таки приказали взять Орел».

На следующий день Корниловцы были уже в 20 верстах от города. Благодаря переходу к ним начальника Штаба советской 55-й дивизии, бывшего Генерального Штаба полковника Лаурица, эта дивизия легко была разгромлена. За 29-30 сентября 1-й Коммунистический полк отбил несколько атак, но был в конце концов смят 3-м Корниловским. 30 сентября к 4 часам пополудни в Орел вошел и 1-й полк дивизии. Конные разъезды достигли Мценска, где был захвачен и расстрелян комендант городка, бывший генерал Сапожников.

Генерал-лейтенант А.А. Боровский.

Войска стремились вперед. Но сами строевые командиры чувствовали шаткость этого порыва из-за моральной ослабленности личного состава, ибо идейных первопоходников оставалось все меньше. Вспоминает помощник начальника Корниловской дивизии: «В армии осталось так мало тех рыцарей, которые брали Курск и Орел для России, для Москвы, остальные атаковали Курск и Орел каждый для себя, и если и погибали иногда, то совсем не во славу армии. Низменные инстинкты руководили ими при взятии городов, психоз наживы и разврата гнал их в бой, и здесь они боялись опоздать. При взятии мною города Орла я шел с полком позади тучи мародеров, которые гнали перед собой большевиков и, конечно, при захвате города

предавались своей необузданной страсти, предоставив в дальнейшем воинским частям преследовать большевиков. В эту вооруженную, страшную и опасную тучу мародеров входили все бежавшие из полков всех фронтов, все считающие себя на другое время инвалидами и больными, всех тыловых учреждений лишние чины... Добровольческой армии, открыто говоря, - не было, так как не было устоев...»[55]

Неудивительно, что местное население, к тому же долго находившееся под влиянием большевицкой пропаганды, порой проявляло враждебность. В то же время позорные выходки чинов корпуса решительно пресекались (заметим, что в условиях непрерывных боев для этого и времени-то, по существу, не было), причем под военно-полевой суд и расстрел попадали в случае провинности и первопоходники. Вопреки расхожему мнению, возвращение земель помещикам в центральных губерниях в силу хотя бы краткосрочности овладения ими зачастую не успевало произойти и не становилось главной причиной неудач. Более того, строевые командиры нередко попросту приказывали крестьянам «не обращать внимания на требования всяких там помещиков». В Орловской губернии «крестьяне встретили Добровольческую армию очень хорошо»; накануне ее прихода вспыхивали антисоветские мятежи (в Елецком уезде в них участвовало 20 000 человек); по свидетельству Г. К. Орджоникидзе, при отступлении красных «имели место случаи нападения на наши обозы». За все это время на фронте Корниловской дивизии к белым перебежало, по некоторым данным, около 8000 красноармейцев, большинство которых добровольно пополнили ее ряды. В Ливнах Марковцев встретили цветами, а они подкармливали голодных горожан из своих полевых кухонь.

* * *

Между тем буквально сразу после взятия Орла опасения Кутепова начали оправдываться. Северо-западнее города концентрировались многочисленные свежие части противника, а специально образованная Ударная группа красных 1—2 октября овладела Кромами, создав угрозу левому флангу и тылам Корниловцев. Один батальон Самурского полка Дроздовской дивизии был полностью уничтожен. Отныне центр тяжести боев переместился под Кромы. Кутепов колебался, выбирая решение новой задачи.

Молодой, честолюбивый и прагматичный начальник

Корниловской дивизии полковник Скоблин предложил свой план, упорно настаивая на его принятии. Он предлагал, пользуясь безопасностью правого фланга корпуса, растянуть фронт разворачиваемой Алексеевской дивизии от Ливен до Орла, а созданный на основе его Корниловцев кулак бросить на Кромы и разбить группу красных. Конечно, идея Скоблина вызывалась желанием не только обеспечить кромский фланг, но и отвести собственную дивизию из-под Орла, где она топталась почти без результата, но с угрозой попасть в окружение. Однако Кутепов этого предложения не принял и ограничился полумерами: Корниловская дивизия, отправив к Кромам лишь 2-й полк, фактически оставалась бездействовать под Орлом, а наступление советской Ударной группы нейтрализовывалось активными маневрами Дроздовской дивизии в районе Дмитровска. Вспоминает Дроздовец, тогдашний командир батальона: «По тылам большевиков я должен был идти более сорока верст до села Чортовы Ямы - на него наступали самурцы, - а оттуда, описав петлю, вернуться в Дмитровск. Пять дней и ночей, тесно сомкнувшись, без всякой связи со своими, мы шли, охваченные большевиками со всех сторон. Мы несли раненых с собой и пополняли патроны и снаряды только тем, что брали с боя. Тогда мы вовсе не думали, что нашему маршу по тылам суждено было задержать весь советский натиск...»

Отказавшись от плана Скоблина, Кутепов предотвратил окружение Корниловцев в Орле, но, разобщив части корпуса и ведя мелкоманевренные изнурительные бои, продемонстрировал отсутствие тактической смелости и широкой инициативы, то есть рутинность оперативных методов. Затягивая бои, 1-й армейский корпус терял время, и впоследствии Скоблин прямо оценивал решение Кутепова как ошибочное. В итоге против войск корпуса выдвинулось 25 только стрелковых полков красных, не считая кавалерии и прочих частей. Характерно, что и при перевесе сил большевики использовали в качестве ударных Латышскую и Эстонскую дивизии, китайские части, загадочный «Еврейский коммунистический полк» (упоминаемый в журнале боевых действий Корниловцев), а также «Червоное Казачество», - войска, этнически и территориально чуждые местному населению. При этом в равной мере сказывались как ограниченность людских ресурсов Центральной России после ряда мобилизаций, так и неуверенность большевиков в «надежности» ее жителей.

К 6 октября командованию советского Южного фронта удалось нейтрализовать действия Дроздовской дивизии и нанести удар непосредственно на Орел с запада. Верно оценив угрозу окружения, полковник Скоблин своей властью в ночь на 7 октября

приказал оставить город. Сдерживая наступавших эстонских стрелков заслонами своего 2-го полка, Корниловская дивизия ловко оторвалась от преследования и отошла к югу. Противник же, войдя в Орел, потерял там целые сутки. Командующий советской XIV-й армией И. П. Уборевич считал цель операции не достигнутой, ибо разгрома Корниловцев не получилось.

В создавшихся условиях Кутепов отдал приказ, весьма слабый с точки зрения тактики: одновременно готовить новый бросок на Орел и овладеть Кромами, то есть нанести два удара в расходящихся направлениях. Вместе с тем дробление сил корпуса позволило ему создать две подвижные группировки, малочисленные, но удобные для маневрирования. В то же время отсутствие единой задачи отнимало последние возможности переломить ход событий. Заметим, что и советская группа войск тоже получила приказ наступать по расходящимся направлениям — на Дмитровск и на Фатеж, но она численно превосходила 1-й армейский корпус.

Генерал-майор Н.В. Скоблин.

Южнее Орла, у станции Становой Колодезь, 8-9 октября закипели кровопролитнейшие бои: собранная воедино Корниловская дивизия бросалась в повторные лобовые атаки и несла страшные потери. Интенсивность огня противника была такова, что у множества винтовок и нескольких пулеметов, перегреваясь, плавились стволы... 10 октября Дроздовцы и Самурцы после двухдневных боев заняли Кромы, а Корниловцы ворвались на станцию Стишь в непосредственной близости от Орла. В течение двух следующих дней Добровольцы были обескровлены: в некоторых ротах Корниловской дивизии осталось по тридцать штыков. 13 октября Дроздовская дивизия оставила Дмитровск. Кромы оборонял 3-й Марковский полк, но ночью, когда многие офицеры злоупотребили спиртным, противник

ворвался в городок; к утру два батальона Марковцев были разгромлены, а остатки полка выбиты из Кром. Это означало прорыв фронта и угрозу Корниловцам под Орлом. В сочетании с прорывом конницы С.М. Буденного на стыке Добровольческой и Донской Армий, взятием 8 октября Воронежа и движением на Касторную, положение складывалось катастрофическое. Кутепов наконец-то перебросил войска к Кромам, но опять частично. 1-й и 3-й Корниловские полки с боями отходили на юг; «за трое суток Корниловская дивизия потеряла треть своего состава», — отмечал Скоблин. Вспоминая предыдущие потери, общее их число можно оценить минимум в две трети от первоначальной численности. Противнику тоже дорого обходился успех - так, Латышская дивизия сократилась на 40-50%, а бригада «Червоных Казаков» — на треть.

С 14 октября Дроздовцы начали попытки вернуть Дмитровск. До 19 октября Кутепов надеялся сохранить свой правый фланг, перемещая часть войск в район Ливен. А с 20 по 23 октября, прорвав фронт на стыке Корниловской и Дроздовской дивизий, по их тылам устремилась в глубокий рейд полуторатысячная «червоно-казачья» группа В. М. Примакова, надев погоны и выдавая себя за конницу Шкуро. Пройдя 120 верст, разгромив тылы и склады в Фатеже и Понырях и взорвав железную дорогу, «Червонцы» попутно, пользуясь своим маскарадом, выявляли среди населения сочувствующих белым и расправлялись с ними. Добровольцы «ненавидели Червонную дивизию смертельно».

Потеряв связь со Штабом корпуса, Скоблин повел дивизию к шоссе Фатеж -Кромы, чтобы, продвигаясь по нему, избежать окружения и затем выйти на Курск. В ночь на 24 октября «Червонцы» разгромили 3-й Корниловский полк, из которого спаслась лишь часть офицерской роты, вскоре присоединившаяся к основной группе. А 25 октября контратаки Корниловцев были сломлены; красная конница уничтожила пять батальонов дивизии (фактически - 2-й полк и остатки 3-го), однако Скоблин сумел вывести к Курску 1-й полк и другие разрозненные части. Новый рейд Примакова 1-6 ноября нанес серьезный урон Дроздовцам, чей 3-й полк был разгромлен; многие офицеры во избежание плена покончили с собой. Огрызаясь яростными контрударами, Дроздовская дивизия отходила на юг. 2 ноября на правом фланге Добровольческой Армии Буденный взял Касторную, нанеся поражение отброшенной от Ливен Сводной дивизии. Кутепов докладывал командующему Армией: «Под натиском превосходящих сил противника наши части отходят на всех направлениях. В некоторых полках Корниловской и Дроздовской дивизий осталось по двести штыков... Потери с нашей стороны

достигают восемьдесят процентов...» И Кутепов, и Май-Маевский выехали на фронт.

Орловско-Кромское сражение обескровило 1-й армейский корпус - ударную силу Добровольческой Армии и всех Вооруженных Сил Юга России. Инициатива перешла к противнику. Интересно, что советский военный историк, бывший Генерального Штаба подполковник Н. Е. Какурин, считал успех «похода на Москву» в принципе достижимым, а причину неудачи видел в излишней разбросанности действий: при более «грамотном» наступлении (разбивая противника по частям, отбросив XIV-ю армию в брянские леса) шансы Добровольцев существенно возросли бы. Теперь же главным итогом поражения стал общий надлом физических и моральных сил, которые в ходе летне-осеннего наступления были напряжены чрезвычайно и безрезультатно.

Ко второй половине ноября 1-й корпус насчитывал всего 2600 штыков. Корниловские полки фактически превратились в батальоны, Дроздовские - в роты, 2-й и 3-й Марковские и Алексеевская дивизия представляли собою лишь кадры для новых формирований и были отведены в тыл. Кутепов, теснимый с фронта и охватываемый конницей Буденного справа, прикрывал Харьков; упорные бои велись в непосредственной близости от города. Главное Командование — увы, слишком поздно - решило сместить командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского как очевидно неспособного навести порядок и подающего отрицательный пример в морально-бытовом отношении (возможно также, что просто требовался «козел отпущения»). Новым командующим стал генерал П. Н. Врангель. В первом же приказе он заявил: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы, - погромы, грабежи, насилие, произвол и пьянство будут беспощадно караться мною».

Дело в том, что при крайней малочисленности боевых частей в тылу находилось множество воинских чинов, прежде всего офицеров, которые всеми силами стремились избежать фронта. Устраиваясь на чисто номинальные должности, они делали своим главным занятием реквизиции и спекуляции: например, в результате одной «операции» на фронт вместо патронов попала мороженая рыба. Фронтовики негодовали и требовали принудительной широкой мобилизации «тыловой сволочи». В то же время штабы мало заботились или не заботились вообще о довольствии войск, вынуждая их пользоваться исключительно местными средствами, то есть брать все необходимое у населения. Фронтовики тоже входили во вкус, и начинались грабежи с последующей перепродажей захваченного. Армия

развращалась; понимая опасность, Врангель и принимал меры.

Кутепов, прежде озабоченный только боеспособностью корпуса, теперь с готовностью исполнял новое распоряжение (апологеты вообще приписывали ему инициативу этого). «Там, где я командую, грабежей быть не может!» - заявил он. В Харькове, где оставалось много ценных грузов, привлекавших массы мародеров, командир корпуса «приказал своему конвою и охранной роте обходить город и каждого грабителя вешать на месте преступления. Разбои стихли...» Мешочники и грабители панически боялись грозного генерала, и достаточно было крикнуть: «Кутепов идет!» - как любая толпа мародеров бросалась врассыпную. Конечно, неподкупно честный генерал был единодушен с новым командующим, да и считал «моральных паразитов» виновниками неудач. Алексеевцы, проезжая станцию Мушкетную, видели, как «на телефонных столбах, превращенных в виселицы, висело несколько повешенных... На груди у каждого были прикреплены плакаты с надписью "мародер"... Как говорили, эта экзекуция над грабителями была произведена по распоряжению генерала Кутепова». Также он, не питая в душе расположения к евреям, приказывал изымать у войск погромные листки, совершенно здраво рассуждая: «Сегодня громят евреев, а завтра те же лица будут громить кого угодно другого».

29 ноября Добровольцы оставили Харьков. А 4 декабря правый фланг Армии был охвачен противником из-за бездействия Донской конницы Мамантова. Кутепову пришлось снять с фронта 1-й Марковский полк и бросить его на прикрытие прорыва, а недоформированные 2-й и 3-й полки отправить к Изюму; затем они соединились. Корниловцы и Дроздовцы отходили на юг. Деникин приказал удерживать Каменноугольный район, но, несмотря на эту директиву, отступление продолжилось. 6 декабря в лесах северо-восточнее Змиева погиб 3-й Корниловский полк, прикрывавший отход дивизии. Измотанные Добровольцы дрались самоотверженно, но с 10 декабря красные все больше и больше проникали за рубеж Северского Донца. 15 декабря главной задачей Кутепову было определено прикрытие уже ростовского и новочеркасского направлений. Против его корпуса действовало 5 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 3 кавбригады, 3 кавалерийских и 3 пехотных отдельных полка, - а вся Добровольческая Армия оказалась столь малочисленной, что 20 декабря была сведена в подчиненный командующему Донской Армией корпус, основу которого составили войска Кутепова. Врангель стал начальником резерва Главнокомандующего. Все тыловые учреждения предполагалось использовать для пополнения Добровольческого корпуса.

Под натиском превосходящих сил противника Кутепов отступил на рубеж Дона, ведя непрерывные арьергардные бои. 26 декабря красные ворвались в Новочеркасск. 28 декабря ими был занят и Ростов, - отставшие от корпуса Корниловцы ударом с севера вновь овладели городом, но уже на следующий день оставили его. Однако попытки Буденного и Думенко выйти на южный берег Дона разбились о стойкость Корниловской дивизии под Батайском. С началом 1920 года корпус получил небольшую передышку. Она была жизненно необходима, ибо у Кутепова насчитывалось всего 1763 офицера, 4638 штыков, 1723 сабли при 259 пулеметах и 63 орудиях. Войска тем не менее не только оборонялись, но и пополнялись, готовились к контрудару и даже проводили несложные учения. Пользуясь тем, что случайные и преступные элементы сами покинули Армию при отступлении, Кутепов счел своевременным резко и твердо укрепить дисциплину. «"Во всем законность, всегда дисциплина", -с радостью были приняты эти требования командира корпуса... С этого момента и следовало бы считать рождение Русской армии из Добровольческого корпуса, когда впервые со времени [начала] Гражданской войны войска начали учиться военному делу», - вспоминали офицеры.

В ходе контрнаступления 7 февраля Добровольческий корпус овладел Ростовом и его пригородом Нахичеванью. Трофеями стали 22 орудия, 123 пулемета, 6 бронепоездов; более 4000 красноармейцев попало в плен. Кутепов выполнил приказ Главного Командования, хотя многие понимали бесцельность операции, так как противник был уже в 25 верстах от Ставрополя, угрожая отрезать Добровольцев от Кубани. 16 февраля Ростов был оставлен ими вторично и окончательно. «Последнее мое воспоминание о Ростове: сыпняк, серая вша, заколоченные пустые магазины, разбитое кафе "Ампир"», - читаем мы в записках Дроздовца. Кутепов упорно отбивал натиск советской VIII-й армии, но поспешное отступление Донцов обнажило его правый фланг. Вынужденный неожиданный отход принес Добровольцам большие потери: так, у станции Ольгинской вторично была почти полностью уничтожена Марковская дивизия. Это привело к такому всплеску враждебности к казакам, что Главнокомандующий почел за благо изъять кутеповский корпус из оперативного подчинения командующему Донской Армией, опасаясь открытого столкновения, и подчинил его лично себе. 27 февраля началась эвакуация за Кубань, а уже 3 марта Добровольческий корпус сосредотачивался возле Екатеринодара. Близилась агония...

* * *

Ввиду деморализации казачества Деникин, по его собственному признанию, «главной своей опорой считал добровольцев... С ними кровно и неразрывно связывал я судьбу всего движения и свое дальнейшее участие в нем. Я верил, что тяжелые испытания, ниспосланные нам судьбою, потрясут мысль и совесть людей, послужат к духовному обновлению армии, очищению Белой идеи от налипшей на нее грязи». Основания для такого мнения, бесспорно, были: у Кутепова «хотя отдельные эпизоды неустойчивости, дезертирства мобилизованных и сдачи их большевикам имели место в рядах корпуса в последние недели, но основное ядро его являло большую сплоченность и силу. Части находились в руках своих командиров и дрались доблестно. Затерянные среди враждебной им стихии, добровольцы в поддержании дисциплины, быть может, более суровой, чем прежде, видели единственную возможность благополучного выхода из создавшегося положения».

Ситуацию в корпусе Главнокомандующий оценивал верно. Но он не учитывал изменившегося за последние месяцы отношения Добровольцев к Ставке. Строевые офицеры либо были уже неспособны к «духовному обновлению» без решительного дисциплинарного воздействия, либо начинали думать, что грязь на Белое Дело налипла не сама по себе, а прежде всего по попустительству именно Деникина. Неприязнь вызывала и защита Главнокомандующим ненавистного многим начальника Штаба генерала Романовского, которого группа Корниловцев собиралась попросту убить. Кутепов же, ощущая силу своего корпуса и настоятельную потребность в нем Главного Командования, желал, чтобы исключительность положения и значения Добровольцев была теперь признана официально. По сути, это означало претензию на «преторианство», что и прозвучало в его телеграмме-ультиматуме от 23 февраля:

«События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев, Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с ним, от окончательного распыления и истребления,

необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу, с тем чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же, и во всяком случае не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых четырьмя наличными миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса [и] офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов[56]*, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не ставшие в строй, хотя бы категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.*

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорта одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская - Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты

Добровольческого корпуса должно будет определиться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу целой частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину.

10. Все изложенное выше отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе, и если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимое успокоение и придаст им еще большую стойкость.

Кутепов»

Этот демарш вызвал окончательное решение Деникина оставить свой пост, и возможно, что Кутепов и предполагал такое следствие. На саму же телеграмму Деникин ответил по пунктам, последний из которых гласил: «Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными». Кутепов, прибывший в Ставку через несколько дней, в беседе с Деникиным сожалел о своем шаге, объясняя его нервной атмосферой в корпусе. «Только искреннее желание - помочь Вам расчистить тыл — руководило мною», — сказал он.

11 марта Добровольческий корпус начал движение на Новороссийск. «На вокзале горели склады, взрывались бронепоезда и снаряды, - вспоминал очевидец, - грабежи складов в городе, большое скопление войск на пристани и массы лошадей, бродящих по городу и возле пристани, - все это говорило о кошмаре и ужасе, которые творились здесь». Кутепов ввел патрулирование офицерскими частями, вылавливая уклоняющихся от мобилизации и расстреливая грабителей. Особенно рьяно действовали Марковцы, крайне непримиримые после гибели дивизии: их пикеты «стали останавливать прохожих на улицах, отбирать паспорта, бумажники, документы, говоря: придите завтра в такой-то взвод, вас зачислят рядовым. Публика взвыла...» Начальником обороны Новороссийска стал Кутепов. 13

марта он доложил, что нервное настроение войск не позволяет оставаться в городе и что ночью надо начать эвакуацию.

В связи с ограниченностью числа судов Деникин приказал при погрузке отдавать предпочтение Добровольческому корпусу (что ранее приписывалось только самоуправству Кутепова). Но иного решения Главнокомандующий, находясь в непосредственной зависимости от Добровольцев, принять и не мог. Выставив оцепление из офицерских рот Корниловцев и Дроздовцев, Добровольческий корпус грузился на суда. Казаки, многие из которых были оттерты от пристаней, дико ругались, но так и не решились добиваться погрузки силой (несколько тысяч их было все-таки переправлено в Крым, составив там Донской корпус). Добровольцы вплотную друг к другу стояли на палубах, а сверху лебедки опускали все новые партии людей. Некоторые транспорты, опасаясь перегрузки, рубили концы и уходили. То тут, то там глухо звучали револьверные выстрелы - отчаявшиеся кончали самоубийством.

Когда последние суда покидали рейд, Кутепов узнал, что часть чинов Дроздовской дивизии остается, так как не хватило места. Решение пришло мгновенно: командир корпуса принял остающихся на миноносец «Пылкий», на котором находился его Штаб. Трижды под огнем уже вошедшего в город противника Кутепов возвращался к молу, подбирал людей, доставлял их на суда на внешнем рейде и вновь возвращался. Наконец, и нагруженный свыше всяких допустимых пределов «Пылкий» взял курс на Крым. Приближался рассвет 14 марта. Последним из Добровольцев Новороссийск покинул, как того и требовал долг, Кутепов.

Чуть ли не в первый же день в Крыму Кутепов, судя по его докладу Деникину, получил приглашение генерала Слащова прибыть к нему в штаб. Командир Крымского корпуса заявил Александру Павловичу о всеобщем недовольстве Главнокомандующим и готовящемся 23 марта совещании представителей Армии, Флота, духовенства и населения, которое «попросит» Деникина сдать командование. Слащов якобы пригласил Кутепова принять участие в этом совещании, ссылаясь на отрицательное отношение к Главнокомандующему и в Добровольческом корпусе; Кутепов же отказался, заявил о лояльности своих войск Деникину и тотчас отбыл в Феодосию, где и поставил последнего в известность о случившемся. Такова версия командира Добровольческого корпуса.

Однако она вызывает сомнения. Помимо того, что Слащов в воспоминаниях не рассказывает об этом эпизоде, он прямо указывает на стремление Кутепова стать на место Деникина,

приписывая Александру Павловичу склонность к интригам, а неудачу этого замысла объясняет отсутствием чьей бы то ни было поддержки. Надо учитывать недоброжелательность двух командиров корпусов по отношению друг к другу, но как раз поэтому мы не вправе отдавать исключительное предпочтение версии одного из них. Допустим, что Кутепов и правда желал заставить Главнокомандующего уйти и рассчитывал занять его пост; тогда сообщение о тональности разговора со Слащовым оказывается ложным, но очень ловким, поистине беспроигрышным ходом. Во-первых, информация о «всеобщем недовольстве» толкала впечатлительного Деникина на уход. Во-вторых, очернялся Слащов, которого также считали претендентом на власть. В-третьих, сам Кутепов, немедленно докладывающий о «происках» Слащова, оборачивался прямо-таки столпом верности. В случае такого хода Александра Павловича никак нельзя считать прямолинейным и неумным «фельдфебелем», как думали многие (признавая в то же время его чрезвычайную скрытность). Подтверждением нашего предположения может стать и нелогичность Слащова, несмотря на неприязнь к Кутепову будто бы избравшего его поверенным своих замыслов и даже союзником. С другой стороны, сами по себе консультации могли иметь место, а сообщить о них Деникину Кутепова было способно заставить недоверие к «сопернику» - Слащову.

Деникин сообщению Кутепова поверил и именно с ним стал обсуждать план дальнейших действий, что можно расценить как преимущественное доверие и особое положение командира Добровольческого корпуса. Кутепов доложил, что настроение двух его дивизий - вполне удовлетворительное (Дроздовской и Корниловской соответственно), двух же - неблагополучное. Он предложил не допустить никакого совещания, а мнение старших командиров выяснить, вызывая их в Ставку. И здесь можно увидеть его расчет: поставить Деникина перед лицом всеобщего недоверия, но самому быть рядом и надеяться — в роли верного советника - на передачу власти. Но Главнокомандующий разом спутал все карты, без ведома Кутепова предоставив созываемому военному совету право указать преемника.

Отсюда становится объяснимым и странное, на первый взгляд непоследовательное поведение Александра Павловича в день открытия заседаний. Было устроено предварительное совещание старших начальников Дроздовской дивизии, где, по свидетельству его участника, «было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Подошедший позже Кутепов заявил о твердом решении Деникина оставить свой пост,

но это не поколебало единодушия Дроздовцев: «У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия... Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него». То же повторилось и на совещании всех старших начальников корпуса. «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина... Невольно вспомнились слухи о его неладах с генералом Деникиным и о "подкапывании". Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению» командира корпуса.

Думается, ларчик открывается просто, если исходить из нашей версии. Значительную часть военного совета составили начальствующие лица Добровольческого корпуса, а окрестности дворца, где они собрались, патрулировали офицерские роты и пулеметные команды Дроздовской дивизии. В таком положении выбор мог пасть на Кутепова. Но неожиданным препятствием стало упорство, с которым начальники частей держались за Деникина. Дроздовцы вообще прямо заявили, «что никого не признают, кроме Деникина, а всякого другого расстреляют». В этом случае подавленность командира корпуса вызывалась крушением надежд. Сам же он обосновывал свое поведение так: видя неизбежность ухода Деникина, «полагал необходимым подготовить к решению этого тяжелого вопроса, поэтому считал нужным предупредить старших начальников... Я отлично сознавал, что заменить генерала Деникина никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно».

На заседании Военного совета Добровольцы вначале помалкивали, и лишь когда первый сумбур улегся, Кутепов осознал: на карту поставлен его авторитет среди подчиненных, и необходимо проявить единодушие с ними. Он встал и внушительно заявил о доверии Главнокомандующему, невозможности для себя принять участие в выборах и категорическом отказе от этого. Его поддержали все представители корпуса, и была даже подготовлена соответствующая телеграмма Деникину. Тем самым, пусть и ценой уступки, Кутепов не только сохранил, но и усилил влияние на Добровольцев. А после получения на следующий день приказа Главнокомандующего о назначении Врангеля - оставалось лишь подчиниться, тем более что старшие генералы, собранные на закрытое заседание, были уже разобщены с подчиненными. Но и тогда фактически это означало лишь *согласие* признать нового

вождя.

* * *

Врангель с первых дней своего пребывания на посту Главнокомандующего учитывал значение отношения к себе Добровольческого корпуса и лично Кутепова и действовал соответственно. Он всячески демонстрировал расположение к Александру Павловичу и, по некоторым сведениям, обещал возродить Добровольческую Армию под его командованием. Сближению генералов помогло и одинаковое отношение к командованию Донского корпуса, которое Врангель при поддержке Добровольцев объявил «оппозиционным» и фактически разгромил. Завоевывая признание ядра Добровольческого корпуса, 26 марта Главнокомандующий произвел двадцатисемилетнего начальника Корниловской дивизии Скоблина в генерал-майоры (чего не хотел делать Деникин), а парад в Севастополе принес примирение Врангеля с Дроздовцами, которые «качали его и исступленно кричали "ура!"».

Орден Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

Кутепов железной рукой «приводил в чувство» свой корпус, чины которого часто вели себя разнузданно. Так, офицеру - вчерашнему юнкеру ничего не стоило за неимением спичек в

кармане полезть на столб, чтобы прикурить от уличного фонаря. В столь невинном случае дело ограничивалось дисциплинарным взысканием. За дебош в пьяном виде несколько Алексеевцев было разжаловано в солдаты. Штатские очевидцы, -возможно, преувеличивая, - отмечали, что командир корпуса беспощадно вешал «офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть ли не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность генерала Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце таких размеров, что вызвала решительный протест представителей Симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным г[осподином] Кутеповым улицам»[57]. Считая, что «фонарные мероприятия» мало укрепляют дисциплину, те же свидетели не могли все-таки не признавать: «Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены». Для спасения «в бою незаменимых, в тылу невыносимых» от скорой расправы командиры частей иной раз числили привлекаемых к суду в списках убитых. Полностью поддерживая стремление Кутепова искоренить бандитизм и восстановить дисциплину, Врангель все же счел его меры чрезмерными и запретил внесение в военно-полевые суды дел по одному усмотрению местного начальника.

В мае Добровольческий корпус был пополнен и преобразован, вновь получив название 1-го армейского (Корниловская, Марковская, Дроздовская, 1-я кавалерийская и 2-я конная дивизии), а вскоре началось и его наступление. Перед самым броском на таврические просторы Кутепов 23 мая лично произвел разведку позиций противника на аэроплане в качестве наблюдателя. Учитывая ненадежность техники, для вылета в тыл врага требовалось настоящее кутеповское мужество.

На рассвете 25 мая 1-й армейский корпус начал наступление. Его командир лично руководил боем и воодушевлял войска. «Бой на севере все больше разгорался... Автомобиль мчался уже по дороге над насыпью. В автомобиле сидел генерал Кутепов. Одна рука Кутепова лежала на черной квадратной бороде, другую он держал у козырька корниловской фуражки...» За два дня корпус лобовыми ударами опрокинул противника, взяв 3500 пленных, 25 орудий и 6 бронеавтомобилей; правда, это стоило огромных потерь - у Дроздовцев, например, выбыли из строя все ротные и батальонные командиры. После первоначального успеха корпус к 15 июня отводился в резерв Главнокомандующего, но это

осталось невыполненным ввиду угрозы прорвавшего фронт красного Сводного корпуса Д. П. Жлобы. Брошенные против Жлобы Корниловская и Дроздовская дивизии размеренными залпами, мощным пулеметным и артиллерийским огнем сбили противника, после чего севшие на подводы Дроздовцы погнали противника, рассеивая и уничтожая его.

Сменив своими войсками части 2-го корпуса Слащова, Александр Павлович к 23 июня овладел районом Большого Токмака. 5 июля под его командованием были объединены 1-й армейский, Конный и Донской корпуса. Став фактически во главе армии, Кутепов ударил на Орехов и Александровск. Приказом Главнокомандующего от 11 июля он был удостоен ордена Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

В начале августа, приняв, после неудачи под Каховкой, рапорт генерала Слащова об отставке, Врангель назначил на его место начальника Дроздовской дивизии генерала Витковского, а Кутепову подчинил и 1-й, и 2-й корпуса, так как считал, что он - «начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск». А вскоре вышел и приказ о назначении генерала командующим 1-й армией, в состав которой были включены 1-й армейский и Донской корпуса.

Весь август шли тяжелые бои с переменным успехом. Именно в те дни Корниловцев поразил приказ, угрожавший военно-полевым судом в случае невыполнения задачи. 4 сентября 1-я армия вошла в логово махновщины - Гуляй-Поле; дальнейшее движение планировалось на утерянные было Орехов и Александровск. В ночь на 25 сентября Корниловцы и Марковцы форсировали Днепр. Позднее Врангель назвал действия войск в Северной Таврии в сентябре 1920 года «борьбой генерала Кутепова»...

Но 29 сентября противник нанес удар по 1-й армии с востока и от Каховки. Кутепов настаивал на возвращении ему Корниловской дивизии, которая была временно переброшена на прикрытие переправы 2-й армии за Днепр. Врангель отказал, считая первоочередным расширение наступления. Кутепов же хорошо помнил, чем обернулось это под Курском и Орлом, и оказался прав. Уже 11 октября 2-я армия отступила обратно на левый берег Днепра. По сути, это стало повторением в меньших масштабах «разбросанной» тактики 1919 года. В районе Каховки кипели ожесточенные безрезультатные бои.

13 октября противник начал переправу через Днепр. Через

день он перешел в решительное наступление по всему фронту. Армия Кутепова заняла позиции от днепровских плавней до Азовского моря. Превосходство сил - более чем в три раза - было в пользу красных. Поняв опасность для главных сил быть отсеченными от Крыма, Врангель приказал 1-й армии отбить наступление врага, однако малочисленность, плохая обмундированность при двадцатиградусном морозе и измотанность в трехдневных упорных боях не позволили реализовать замысел. 16 октября, пользуясь густым туманом, 1-я Конная армия Буденного прорвала фронт и вышла в тыл Кутепову. Тот, потеряв драгоценные сутки, начал пробиваться в Крым. Буденновцы, в свою очередь, оказались отрезанными от баз и прижатыми с севера к плохо замерзшему Сивашу; в первых же стычках не ожидавшая натиска конница беспорядочно устремлялась на север, открывая Кутепову путь к отступлению.

«Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу "товарища" Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы», - с досадой отмечал Врангель и, щадя самолюбие соратника, списывал неудачу на то, что «наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян... Сами начальники не проявляли уже должной уверенности». Но это - слабая отговорка. Начальник Дроздовской дивизии генерал А. В. Туркул был настроен по-боевому, называл ошибкой отход от Днепра и косвенно обвинял в этом Кутепова: «Порыв большевистских атак мог быть разгромлен нашим порывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязав себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а маневр... Возможно, что тогда Крым не окончился бы Перекопом... Прорыв 1-й Конной смутил штаб, поразил наше командование, там поколебались». Похоже, что Кутепов вновь проявил себя слабым тактиком. Более того, 20 октября он прибыл в Ставку, чтобы (помня кошмар Новороссийска) осведомиться, «приняты ли меры на случай несчастья... Он выглядел наружно спокойно, но в его словах проскальзывала тревога». Вся оборона Крыма была поручена ему.

Вечером 26 октября, после прорыва противником Перекопских позиций, под угрозой обходного маневра через Сиваш, Кутепов приказал отступить, о чем телеграфировал Врангелю. «Как содержание, так и самый тон донесения не оставлял сомнения, что мы накануне несчастья». Не желая прямо толкать Главнокомандующего к приказу об эвакуации, Кутепов заявил о готовности вернуть прежние позиции, но сомневался в целесообразности этого. Испытанные начальники дивизий выбыли из строя, поставленные в строй военнопленные

перебегали к противнику. Это был конец.

Войска направлялись к портам для погрузки; на сей раз эвакуация прошла в несравнимо большем порядке, чем новороссийская. 1 ноября штаб Кутепова погрузился на пароход «Херсон», а 3 ноября последний транспорт покинул Крым и взял курс на Константинополь. Впереди была чужбина...

* * *

Утром 9 (22) ноября 1920 года корабли стали на внешнем рейде турецкой столицы, а вскоре войска начали высадку на Галлиполийском полуострове. Лил унылый дождь. Вместе с французскими офицерами Кутепов верхом отправился осмотреть место для палаточного лагеря. Увидев каменистую долину, открытую всем ветрам, он поразился и спросил только: «И это все?» А на берегу ждали измученные люди. И Кутепов принял быстрое решение: для поднятия духа был устроен парад, во время которого генерал краткой речью вселил надежду на скорое возвращение в Россию и победу, потребовав во имя этого сохранения железной дисциплины и предупредив о суровых методах ее поддержания. Тяжелые условия диктовали жестокую логику: пусть слабые и деморализованные или уйдут, или воодушевятся, а сильные сплотятся в немногочисленные, но монолитные ряды. Держа равнение и глухо печатая шаг, Добровольцы сквозь ливень и ветер проходили мимо Кутепова...

Сразу же по прибытии в Турцию Кутепов был назначен помощником Главнокомандующего и начальником Галлиполийского лагеря, в котором были размещены сведенные в корпус все части Русской Армии за исключением казачьих. 3 декабря Александр Павлович был произведен в генералы-от-инфантерии - за боевые отличия. В декабре он тяжело заболел, находился почти при смерти, но выздоровел.

Лагерь 1-го корпуса Русской армии в Галлиполи, 1921 год.

На первых порах издерганные и в значительной мере отчаявшиеся офицеры и солдаты могли дрогнуть. Кутепов понимал это и вместе с комендантом Галлиполи генералом Б. А. Штейфоном умело направлял энергию людей в нужное русло: на обустройство палаточного городка, строевую и теоретическую подготовку, организацию разнообразных курсов. Командир корпуса неумолимо требовал аккуратного внешнего вида, четких приветствий и т. д., заново воспитывая в подчиненных великое умение подчиняться. По его же инициативе были разрешены дуэли. Галлиполийская дисциплина славилась далеко за пределами лагеря: у стороннего наблюдателя поначалу складывалось впечатление, что на гауптвахте-«губе» содержится больше половины личного состава, а недоброжелатели рассказывали, как Кутепов ходит по лагерю с палкой и бьет по головам небрежно отдающих честь. Офицеры с долей иронии рассказывали, что настроение командира корпуса связано с надетой на нем формой: Дроздовская означала хорошее расположение духа, Корниловская -переменное, а Марковская безошибочно указывала, что кто-то из попавшихся генералу непременно окажется на «губе»...

Попытки внесения в Галлиполи политических страстей сурово карались: критиковавший командование полковник Щеглов был расстрелян, а советская разведка позже вообще сделала вывод, что «Кутепов не постесняется кого угодно расстрелять». Серьезное предупреждение получил и один из «старейших Дроздовцев» Туркул, неожиданно выказавший республиканские симпатии. И дело тут не в личных (монархических) пристрастиях Кутепова: он четко стоял на позициях «Армия вне политики», формулируя свое кредо так: «Армия должна занять Москву, а затем взять под козырек». Более того, еще в ходе войны Кутепов говорил, что он, «может, и

монархист, но поклялся защищать республику, которая освободит Россию, даже от монархистов». Ни о какой политической твердолобости тут, конечно, нельзя и говорить.

Молебен в Галлиполи. В центре генерал А.П. Кутепов, далее командир Алексеевского полка генерал М.М. Зинкевич, начальник 1-й пехотной дивизии генерал В.К. Витковский; четвертый справа - начальник Штаба дивизии полковник Ф.Э. Бредов.

«Авторитет Кутепова стал быстро расти», - пишет один из Галлиполийцев. - «Он сделался идеалом военачальника, а в будущем — диктатора России»; именно он в глазах подчиненных становился «естественным главой всего зарубежного белого воинства». Врангель был изолирован союзниками в Константинополе, и его, несмотря на неизменное уважение, начинали забывать. Несмотря на жесткую требовательность (или благодаря ей), Кутепов превращался в настоящего вождя. В Галлиполи тогда же возникла идея, чуть позже сформулированная в виде проекта, о создании в Армии рыцарского Ордена, основными лозунгами которого провозглашались «Бескорыстное служение Родине», «Неустанная борьба с палачами народа русского и врагами христианства», «Беспрерывная работа над собой, борьба со своими дурными привычками и наклонностями везде, всегда и при всяких обстоятельствах». Вступление в Орден «должно производиться не просто записью, а после того, когда каждый проникнется задачами и целью Ордена, уверует в необходимость и спасительность этой идеи, после того, как проверит себя... Никаких прав и преимуществ Орден не дает, но одни обязанности, и обязанности далеко не легкие». Ордену планировалось дать имя Святого Александра Невского, ибо в его

личности «воплотился идеал и князя, и гражданина, и воина, и христианина», - здесь можно увидеть идеализированную параллель с именем и образом Александра Кутепова. И главное здесь не в выполнимости проекта, а в самом его появлении, которое красноречиво характеризовало настроение Галлиполийцев, не случайно вновь воскресивших название «Кутепия».

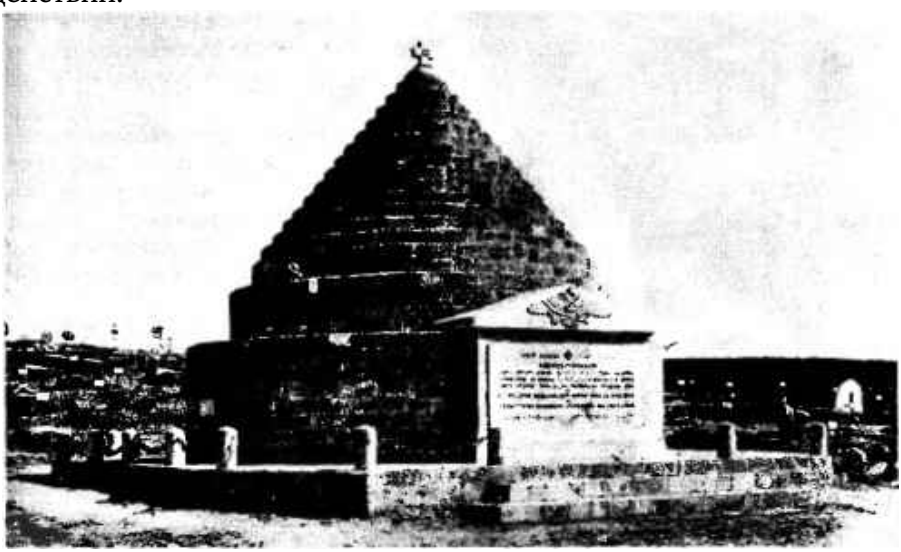
Незадолго до окончания пребывания войск в «Голом Поле» (так переиначили название «Галлиполи») был учрежден особый знак - черный крест с надписью «Галлиполи 1920-1921» - для всех выстоявших и не покинувших Армию. В своей речи накануне отъезда Кутепов сказал: «Вы целый год несли крест; теперь этот крест носите вы на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей». Войска 1-го армейского корпуса отправлялись в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (позднее - Королевство Югославия); 18 декабря 1921 года последний транспорт покинул неприветливый берег, на котором закалились воля и единство непримиримых воинов. Дух будущего Русского Обще-Воинского Союза уже витал в воздухе.

* * *

До мая 1922 года Кутепов жил в Тырново и Софии. Затем, когда коммунистическая пресса обвинила русские войска в подготовке переворота, он был задержан болгарскими властями и в 24 часа выслан из страны. Через Грецию генерал переехал в Сербию. В августе у Кутепова произошел конфликт с его заместителем, генералом Витковским, который занял открытую монархическую позицию и вступил в переписку с Великим Князем Николаем Николаевичем, чем нарушил принцип надпартийности Армии. «Кутепов решил отказаться от наименования командиром первого корпуса, так как не может согласиться с тем, что там делает Витковский», - пишет современник. Поселившись в Сербии в качестве помощника Главнокомандующего, Александр Павлович некоторое время бездействовал. По словам одного из приближенных, в это время он «невероятно поплотнел, прямо весь как мускул, живет просто, в небольшом домике, кормит нескольких своих офицеров, с ним жена...»

К тем дням относятся первые попытки внести разлад между Кутеповым и Врангелем. Представитель Русской Армии в Берлине отмечал, что «большевики относятся с полным презрением к Врангелю, доказывая, что он бесталанен, неумен и т. п., и гораздо положительнее (серьезнее. - *Р. А.)* смотрят на Кутепова, говоря

про него, что он человек с головой, умеет вести за собой людей...» В июле 1923 года друзья предупреждали Врангеля, что разрыв с Кутеповым будет чреват падением престижа Главнокомандующего. Но пока их отношения оставались вполне сердечными и задушевными, а переговоры с Великим Князем Николаем Николаевичем генерал вел четко по инструкциям Врангеля. Одновременно Александр Павлович начал налаживание собственной разведки в СССР. Но стоило Великому Князю в 1924 году приблизить его к себе, как Кутепов постепенно начал обособляться от Главного Командования; сыграло свою роль и поручение ему Николаем Николаевичем разведки и пропаганды на советской территории. Эта деятельность, однако, в значительной степени оказалась под контролем ОГПУ, а последовавшие в 1926-1927 годах разоблачения стали для генерала громом среди ясного неба. Заметим, что Врангель сразу предполагал провокацию в известиях о якобы существовавшем в СССР сильном монархическом подполье («операция "Трест"»). Вновь наметилась тенденция к сближению с Главнокомандующим, и Кутепов получил даже его моральную поддержку, при этом и не думая признавать ошибочности своих действий.



«Галлиполийский памятник», 1921 г.

Основное внимание он уделял террористической работе в Советском Союзе. Несмотря на давление со стороны западных разведок, генерал запретил своим агентам сообщать им «то, что могло бы пойти во вред России». Параллельно Кутепов тесно контактировал с Деникиным, а с 1926 года - и с известным политиком, историком и публицистом С. П. Мельгуновым, который стремился объединить широкий антибольшевицкий фронт вокруг своего журнала «Борьба за Россию». В 1928 году, после неожиданной смерти Врангеля, Кутепов становится во главе РОВС, а через год создает одноименную с мельгуновским журналом тайную организацию, пытаясь избежать повторения «Треста». Александр Павлович писал: «Для ниспровержения советской власти мы создаем широкое объединение эмигрантов, нацеленное исключительно на борьбу с большевизмом. Никаких межпартийных споров внутри него мы терпеть не намерены, так как они лишь распыляют наши силы». В этих словах хорошо заметен отказ от крена в сторону монархии — возможно, в связи со смертью Великого Князя Николая Николаевича.

Крайне неожиданно звучит и свидетельство современника, вспоминавшего, как Деникин в 1937 году упомянул о якобы имевшей место встрече Кутепова с М. Н. Тухачевским. Она могла состояться между январем и мартом 1928 года в Париже, куда «красный Бонапарт» «тайно» приезжал из Берлина, участвуя в очередной провокационной операции ОГПУ. Вообще вся эмигрантская деятельность Кутепова до сих пор остается лишь фрагментарно известной и нуждается в тщательном исследовании.

...Александр Павлович жил теперь в Париже на улице Руссель, 26, с женой и родившимся в 1925 году сыном Павлом.

Денщик, оставшийся с генералом, помогал по хозяйству. Шоферы такси — бывшие офицеры — по очереди охраняли дом и возили Кутепова; это дежурство не было ни круглосуточным, ни обязательным, да и сам Начальник РОВС по скромности не хотел утруждать своих соратников. Неписаным правилом кутеповской семьи стало, что всех посетителей во избежание огласки встречал и провожал сам хозяин, принимавший на дому донесения своей тайной агентуры. Поэтому, когда 25 января 1930 года Кутепову была доставлена записка от крупного финансиста с просьбой о встрече, никто об этом не знал. Однако у Александра Павловича имелись основания ожидать в ближайшем будущем нападения чекистов на РОВС и него самого, о чем он и сообщил двум соратникам: 19 января известный генералу еще по Гражданской войне полковник Н. де-Роберти признался ему, что является агентом ОГПУ. Намереваясь переговорить с автором записки по пути на церковную службу, Кутепов 26 января в 10 часов 30 минут вышел из дома. С тех пор никто из знакомых больше его не видел... Как выяснилось позже, генерала похитили сотрудники советских спецслужб.

Похищение фактически было равносильно гибели Александра Павловича. Существуют две версии его смерти. По первой, он был убит сразу же, а его тело растворили в ванне с кислотой. По второй, Кутепова морем вывезли в СССР, но при подходе к Новороссийску генерал умер от сердечного приступа на борту парохода: при захвате использовали хлороформ, на который у него была непереносимость после ранения в 1915 году. Именно последняя версия оказалась более популярной у историков.

Что же побудило ОГПУ совершить это преступление? Чаще всего называют стремление дезорганизовать и ослабить террористический центр Белой эмиграции путем уничтожения его «мозга и души» - деятельного и непримиримого Начальника РОВС, которому, кажется, удалось избежать проникновения провокаторов в организацию «Борьба за Россию» и тем повысить ее эффективность. Но такое объяснение не согласуется с попыткой вывоза Кутепова в СССР, ибо тогда достаточно было бы ликвидировать его прямо в Париже. Между тем можно предположить заинтересованность советского руководства в свидетеле на готовящихся «судебных процессах» против видных командиров Красной Армии.

«Мне не важно знать, такой или этакий был Кутепов, сколько у него врагов, сколько друзей, - писал 6 февраля 1930 года Б. К. Зайцев. - Сейчас он - знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может, не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был». Довольно долго после

исчезновения генерала еще служились молебны о его здравии и избавлении. Постепенно надежды угасли, и кладбище Сент-Женевьев-де-Буа пополнилось новой символической могилой. Отпевание же воина Александра было совершено Русской Православной Церковью Заграницей лишь в 1996 году. Сын Кутепова Павел учился в Русском кадетском корпусе в Югославии, после Второй мировой войны попал в советские лагеря, но в 1954 году был реабилитирован и сотрудничал в Московской Патриархии; два его сына живут в России. А Лидия Давыдовна Кутепова умерла в эмиграции в 1959 году.

Символическая могила генерала А.П. Кутепова на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, Париж.

* * *

И при жизни, и после смерти даже сослуживцы давали Кутепову противоречивые оценки. Соперники и недоброжелатели выставляли на первый план негативные черты, подлинные или мнимые: «Очень честолюбив; хороший фельдфебель; военная бездарность; хам; лично храбр». «Отличный строевой офицер и скверный организатор, способен на должности не выше командира батальона. Честолюбивый, грубый, небольшого ума, очень твердой воли, большой интриган, как боевой начальник всегда терпел поражения». «Всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле ничего не стоит». «Железная личность», несущая другим «полное порабощение личности, диктаторское требование абсолютного подчинения, подчас пренебрежение самыми лучшими чувствами человеческой души», что в качестве реакции «создает затаенное чувство злобы, затаенную ненависть».

Приятели и подчиненные, естественно, вспоминали своего генерала восторженно: «Храбрый, неподкупно честный, строгий и справедливый». «Вне служебных интересов он был человеком весьма отзывчивым, проявляя много задушевности и сердечности». Но и они, как мы уже отмечали выше, нередко оценивали его военные таланты критически.

Офицер исключительной храбрости. Строгий службист, требовательный к себе и другим. Вспыльчивый, но отходчивый. Непримиримый и беспощадно жестокий с врагами и заботливый о близких и подчиненных. Горячий патриот России (своего ее идеала), но уж никак не политик. Несгибаемый аскет, твердо идущий к цели. Прагматик до мозга костей. Бесспорный вождь, но ничем не выдающийся полководец. Искренний до прямолинейности и нелицеприятный до грубости, при этом - поразительно честолюбивый и скрытный, то есть расчетливый и неглупый. Скорее прямой заговорщик, чем закулисный интриган. Человек крайностей, одновременно цельный и противоречивый. Наконец, сильная личность, обладатель могучего волевого характера и менее значительных интеллектуальных способностей, сумевший раскрыть себя только в экстремальных условиях Гражданской войны, - таким видится нам ставший в 1917-1920 годах «героем своего времени» Александр Павлович Кутепов.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БАРОН П. Н. ВРАНГЕЛЬ
В. Ж. Цветков

Пройдут годы, и беспристрастный резец истории вырежет во весь громадный рост незабвенную фигуру нашего последнего Главнокомандующего. Историк-биограф опишет нам его жизнь, бурную, многогранную, но всю целиком отданную рыцарскому служению России... быть может, вспомнит и некоторые его ошибки, свойственные всякому человеку, но никто не сможет

отнять у него заслуги - спасения Русской армии и ее чести...»

Такими словами начинался юбилейный сборник, выпущенный в 1938 году в Брюсселе в память 10-летия кончины последнего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Барону Петру Николаевичу Врангелю суждено было стать участником Русско-Японской и Первой мировой войн, увидеть крушение Российской Империи и развал Армии в 1917 году, а в рядах Белого движения в 1918-1919 годах пройти путь от начальника дивизии до командующего Армией, чтобы в 1920 году возглавить вооруженное сопротивление большевизму на «последней пяди русской земли», как называли Крымский полуостров белые газеты. А после поражения он разделил со своей Армией тяжесть первых лет эмиграции. И неудивительно, что столь насыщенная, исполненная драматизма биография стала предметом пристального внимания и самых разнообразных оценок как со стороны современников генерала, так и последующих поколений историков, публицистов, писателей.

* * *

Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в городе Ново-Александровске Ковенской губернии в старинной остзейской дворянской семье, ведущей свою родословную с XIII века. Врангели (баронское достоинство с 1653 года) владели в Лифляндии и Эстляндии землями, пожалованными магистрами Ливонского Ордена и шведскими монархами. Военная служба была для большинства представителей этой фамилии главным занятием, целью жизни. Но отец Петра Врангеля не избрал военной карьеры. Детство и юность Петра прошли в Ростове-на-Дону, где его отец был директором страхового общества «Эквитэбль». Семья не отличалась богатством и связями, способными обеспечить детям хорошую карьеру, и будущему генералу приходилось рассчитывать только на собственные силы и способности.

В отличие от большинства офицеров того времени, Петр Врангель не обучался ни в кадетском корпусе, ни в военном училище. Получив начальное домашнее образование, он продолжил его в Ростовском реальном училище, а затем в Горном Институте в Петербурге. После окончания Института он отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся 1-го разряда в рядах Лейб-Гвардии Конного полка, а в 1902 году, сдав испытание на чин корнета, был зачислен в запас Гвардейской кавалерии. Сослуживец Врангеля вспоминал, что барон «за

несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Я посоветовал молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

Однако неопределенная должность чиновника для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе вряд ли могла удовлетворить честолюбивую и деятельную натуру П. Н. Врангеля. Повлияло и начало войны с Японией, после которого он добровольно вступил в Действующую Армию. Участие в смелых кавалерийских налетах и боевых вылазках укрепило волю, уверенность в себе, храбрость и решительность молодого офицера. По оценке его ближайшего соратника П. Н. Шатилова, «на маньчжурской войне Врангель инстинктивно почувствовал, что борьба - его стихия, а боевая работа - его призвание». Тогда же проявилась и присущая ему душевная неуспокоенность, постоянное стремление не останавливаться на достигнутом. Русско-Японская война принесла подъесаулу Забайкальского Казачьего Войска П. Н. Врангелю и первые боевые награды - ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость» и Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом.

В Маньчжурии Петр Николаевич решает, что только военная служба должна стать делом его жизни. В марте 1907 года он возвращается в ряды Лейб-Гвардии Конного полка в чине поручика (гвардейские чины не были равны армейским), в 1909 году «успешно», по существовавшей формулировке, оканчивает Николаевскую Академию Генерального Штаба, в 1910-м - Офицерскую Кавалерийскую Школу, возвращается в родной полк и в 1912 году становится командиром эскадрона Его Величества («шефским», первым в полку). После этого будущее молодого офицера рисовалось достаточно ясным -постепенное продвижение от чина к чину по служебной лестнице, размеренная полковая жизнь, светские балы, военные парады. Прекрасный танцор и дирижер на балах, непременный участник офицерских собраний, остроумный и легкий в общении, интересный собеседник - таким запомнили Врангеля его друзья. Правда, при этом, по словам П. Н. Шатилова, он «обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения», из-за чего «уже тогда имел недоброжелателей». Удачным был и его брак с фрейлиной, дочерью камергера Высочайшего Двора, Ольгой Михайловной Иваненко, и хотя на первых порах супружеской жизни Петру Николаевичу трудно было расстаться с привычкой к гвардейским развлечениям, офицерским компаниям и пирушкам, тактичное влияние его супруги смогло направить семейную жизнь в более

спокойное русло. В семье скоро родились две дочери - Елена и Наталия и сын Петр (второй сын - Алексей - родился уже в эмиграции). Взаимная любовь и верность сопутствовали супругам в течение всей их жизни.

Начало Первой мировой войны изменяет судьбу барона Врангеля, как и судьбу всей России. Уже 6 августа 1914 года у деревни Каушен в Восточной Пруссии происходит сражение, ставшее для него одним из самых ярких эпизодов биографии. Последний резерв дивизии — эскадрон ротмистра Врангеля - внезапной и стремительной атакой захватил германскую артиллерийскую батарею. Сам командир первым ворвался на неприятельские позиции, остальные офицеры эскадрона погибли, 20 солдат было убито и ранено, но бой был выигран.

За Каушен Петр Николаевич получил орден Святого Георгия IV-й степени, в декабре 1914 года он был произведен в полковники (чина подполковника в Гвардии не было) и стал флигель-адъютантом Его Величества, а с октября 1915 года получил под команду 1-й Нерчинский полк Забайкальского Казачьего Войска. В декабре 1916-го Врангель назначается командиром бригады Уссурийской казачьей дивизии, а в январе 1917 года, в возрасте 39 лет, «за боевые отличия» производится в чин генерал-майора. И именно с этого предгрозового для России времени - рубежа 1916-1917 годов - П. Н. Врангель становится уже не просто наблюдателем, а полноправным участником происходивших в стране перемен.

Начальнику Уссурийской дивизии генералу А. М. Крымову накануне Февраля отводилась главная роль в планировавшемся дворцовом перевороте. Знал об этом и Врангель, хотя в своих воспоминаниях он утверждает, что вся подготовка ограничивалась разговорами о «безумной и преступной политике», «произволе, злоупотреблениях и бездарности власти». Слышал он и о «заговоре», вызревавшем в самой Императорской Фамилии и связывавшемся с именами Великой Княгини Марии Павловны (Старшей), Великого Князя Кирилла Владимировича и Великой Княгини Виктории Феодоровны, об их намерениях, «в сотрудничестве с видными членами Думы», «изменить существующий порядок вещей».

Выглядит непонятным, почему недавний Конногвардеец и флигель-адъютант, казалось бы, убежденный монархист, участвует в разговорах о готовящемся перевороте, вместо того, чтобы, как подобает верноподданному, предотвратить его. Однако из воспоминаний барона Врангеля становится заметным противопоставление им самим монархического принципа и даже, точнее, принципа «твердой власти» - конкретному носителю этой

власти в России, чем барон и готов оправдать участие в заговоре против *Монарха,* но во имя сохранения *Монархии.* Примечательно, что Петр Николаевич не считал отречение от Престола Императора Николая II самым страшным, что могло произойти с Россией: «Армия, как и вся страна, отлично сознавала, - пишет он, - что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол... Присягнув новому Государю, русские люди так же, как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине». Гораздо более опасным представлялось ему последующее отречение Великого Князя Михаила Александровича: «Пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства». И позднее, в годы Гражданской войны и эмиграции, барон уже не видел возможности для реставрации монархии, гораздо более приемлемой считая военную диктатуру как единственно возможную форму правления в условиях развала государства. Именно этот принцип он и попытается осуществить в качестве Правителя Юга России в 1920 году.

* * *

Временное Правительство в глазах П. Н. Врангеля, как, впрочем, и многих представителей русского генералитета и офицерства, не имело никакого авторитета, особенно после того, как в Армии был введен контроль комитетов над командным составом. Недисциплинированные, распущенные, лузгающие семечки солдаты столичного гарнизона, бесконечные митинги, толпы праздношатающихся на грязных улицах раздражали бывшего Конногвардейца. В то время как генералы Л. Г. Корнилов, А. А. Брусилов и даже будущий (эмигрантский) «Глава Императорского Дома» Великий Князь Кирилл Владимирович прикалывали на шинели красные банты, выступали на митингах с призывами к «защите демократии», генерал Врангель демонстративно продолжал носить на погонах вензеля Наследника Цесаревича Алексея Николаевича - бывшего Шефа одного из полков его дивизии.

Уйдя с поста начальника дивизии в апреле 1917 года, «не соответствовавший духу времени» генерал несколько месяцев не имел назначений по службе. Только в июле он вступил в командование Сводным конным корпусом, который двигался в арьергарде беспорядочно отходивших после неудачного наступления частей VII-й и VIII-й армий. С большим трудом корпусу Врангеля удалось прикрыть отступавшую пехоту на линии реки Збруч и в течение десяти дней удерживать фронт. За

эту операцию «постановлением наградных Дум сводного конного корпуса» генерал был награжден солдатским Георгиевским Крестом IV-й степени (награждения офицеров солдатским «Егорием» были введены Временным Правительством в порядке «демократизации армии», дабы демонстрировать «доверие» солдат своим командирам). Однако для П. Н. Врангеля, имевшего к тому времени уже все ордена до ордена Святого Владимира III-й степени с мечами, подобная награда, очевидно, мало что значила, и позднее в своих мемуарах он даже не упомянет о ней.

Барон П.Н. Врангель с супругой Ольгой Михайловной.

После провала летнего наступления Русской Армии ошибки военного руководства и, в еще большей степени, бездарная, преступная политика Временного Правительства стали, по мнению П. Н. Врангеля, настолько очевидны, что вызванный ими «развал фронта и тыла» можно было остановить только твердыми, решительными мерами. Поэтому генерал полностью поддерживал действия нового Верховного Главнокомандующего, генерала Л. Г. Корнилова, по восстановлению порядка в Армии, даже не будучи с ним лично знакомым. «Со вступлением генерала Корнилова в должность Верховного Главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука... - писал он впоследствии. - Я знал о той борьбе, которую вел генерал Корнилов, настаивавший на предоставлении начальникам дисциплинарной власти, ограничении прав войсковых комитетов, установлении смертной казни в тылу для изменников и дезертиров. Я, со своей стороны, писал несколько раз, указывая на необходимость незамедлительно провести все эти меры, пока еще не поздно и армия не развалилась совсем». Поддерживая связь с Верховным, Петр Николаевич, очевидно, был в курсе готовящегося корниловского выступления. В случае успеха командира Сводного

конного корпуса ожидало назначение на пост командующего войсками Петроградского военного округа.

Однако в «корниловские дни» распоряжения Верховного были проигнорированы в Штабе VII-й армии, в состав которой входил Сводный корпус, а попытки самого Врангеля отправить на помощь Корнилову кавалерийскую дивизию вызвали конфликт с армейским комитетом. Петр Николаевич подал рапорт об отставке, корпус же его приказом вступившего в должность Верховного Главнокомандующего А. Ф. Керенского был расформирован. Рассчитывать на продолжение военной карьеры Врангелю уже не приходилось - «демократический» военный министр, генерал А. И. Верховский, считал невозможным его назначение на какие-либо командные должности «по условиям политического момента и ввиду политической фигуры».

По мнению П. Н. Врангеля, после августа 1917 года «порядка» в стране практически не осталось. Все же Петр Николаевич не терял до конца надежды на реализацию «корниловской программы», принимая участие в работе Ставки Верховного Главнокомандующего, в частности, в обсуждении предполагавшейся «реформы армии». В условиях продолжающейся деморализации Врангель считал необходимым оставить на фронте только наиболее надежные ударные батальоны с последующим развертыванием их в полки и бригады. Выделенные из полков «негодные элементы» предполагалось свести в особые «рабочие роты с особо строгой дисциплиной», из которых затем отправлялись бы пополнения в Действующую Армию. Характерно, что больших надежд на воплощение в жизнь этой программы у самого генерала не было: «Выдвигая этот проект, я имел в виду другое - возможность войти в связь... с ударными батальонами, составленными из добровольцев, главным образом, офицеров»; тем самым могла быть подготовлена основа для нового военного выступления. Проект П. Н. Врангеля был утвержден в середине октября 1917 года, а уже через несколько дней власть Временного Правительства и номинального «Главковерха» Керенского оказалась сметенной большевицким переворотом в Петрограде.

* * *

Для генерала Врангеля события октября 1917 года стали закономерным итогом «восьми месяцев углубления революции». Но в становлении Белого движения он не принял участия. В те дни, когда в Новочеркасске генералом М. В. Алексеевым

формировались первые отряды будущей Добровольческой Армии, когда на Дон пробирались генерал Л. Г. Корнилов и его сподвижники - А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. П. Романовский и другие, - Врангель выехал из могилевской Ставки в Крым. Здесь, в Ялте, на даче, он проживал вместе с семьей как частное лицо. Поскольку ни пенсии, ни жалованья Петр Николаевич тогда не получал, жить приходилось на доходы от имения родителей его жены в Мелитопольском уезде и банковские проценты.

Здесь, в Крыму, он пережил смену трех режимов - «Крымско-татарское национальное правительство», «Таврическую советскую республику» и германскую оккупацию. Со стороны татарского Меджлиса (парламента) ему было предложено возглавить войска Крыма, но принять под свое начало «демократизируемую армию» с теми же комитетами и комиссарами для генерала оказалось неприемлемым. А после того, как и в Крыму установилась Советская власть, он был арестован и заключен в тюрьму. В те дни по всему полуострову происходили казни и самосуды над офицерами, дворянами, чиновниками, по свидетельству очевидцев, «во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж», утверждалось, что за январь - февраль 1918 года было убито несколько тысяч человек, и неминуемая смерть, казалось, должна была ожидать и арестованного Врангеля.

Однако, как писал биограф Петра Николаевича генерал В. Н. фон Дрейер, за него «вступились бедняки квартала, где жил с семьей Врангель, всегда им помогавший». Сам же он главную роль в своем спасении отводил супруге Ольге Михайловне, разделившей его заключение. Ее самоотверженность поразила председателя ревтрибунала «товарища Вакулу», который и распорядился освободить чету Врангелей.

Такое быстрое и беспрепятственное освобождение дало повод некоторым современникам генерала высказывать подозрения, что Врангель был намеренно отпущен большевиками, рассчитывавшими на его сотрудничество, и что произошло это по указаниям германского Генерального Штаба (финансировавшего большевицкое руководство). Документальных подтверждений этой версиии, однако, нет, и в любом случае это освобождение в условиях царившей в Крыму вакханалии можно считать чудом. Определенную роль здесь сыграло, очевидно, то, что зимой 1918 года на Юге красный террор еще не носил организованного, целенаправленного характера, а суд и расправа вершились в зависимости от настроений «революционных матросов и рабочих». Поэтому наряду со зверствами имели место и случаи «помилования» или «освобождения под честное слово» не воевать

против Советской власти.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель.

Получив свободу, П. Н. Врангель скрывался вместе с женой и детьми в горных татарских селениях вплоть до прихода в Крым германских оккупационных войск в апреле 1918 года.

Появление немцев - вчерашних врагов - русский генерал воспринял с двойственным чувством. «Я испытывал, - признавался он, - радость освобождения от унизительной власти хама и больное чувство обиды национальной гордости». Все же,

благодаря немцам, стал восстанавливаться тот самый долгожданный «порядок», которого, по мнению отставного военачальника, тщетно было ожидать от Временного Правительства и тем более от крымского Меджлиса, не говоря уже о Советской власти. С установлением на Украине под немецким покровительством власти Гетмана П. П. Скоропадского для Врангеля, казалось бы, снова воскресла надежда на возвращение к своему военному призванию. Деятельная, энергичная натура Петра Николаевича томилась вынужденным бездействием, а Гетманский режим казался ему «первой точкой приложения созидательных сил страны». В конце апреля генерал выехал в Киев.

Почему же П. Н. Врангель не отправился на Дон, где в это время находилась Добровольческая Армия, а после длительного проживания в Крыму решил предложить свои услуги власти, державшейся только на германо-австрийских штыках? Думается, что главной причиной было простое отсутствие достоверной информации о борьбе Корнилова и Деникина. Другой причиной попытки сближения со Скоропадским могло стать личное знакомство последнего с Врангелем. Они вместе служили в 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, вместе воевали в рядах Забайкальских казаков во время Русско-Японской войны. Под началом Скоропадского, в 1911-1914 годах бывшего командиром Лейб-Гвардии Конного полка, служил ротмистр Врангель. И теперь, с достаточным на то основанием, Петр Николаевич рассчитывал на содействие бывшего полкового товарища.

Но здесь его ожидало разочарование. Действительно, при первой же встрече Гетман предложил генералу Врангелю должность начальника Штаба своей армии, однако сама «армия» эта представляла собой в основном многочисленные управления еще не сформированных полков и дивизий. Кроме того, военное руководство «Украинской Державы» ориентировалось в основном на ту часть офицерства, которая признала «самостийность» бывших русских губерний. Назначение на высокий пост в Украинской Армии барона Врангеля, человека не украинского происхождения и отнюдь не «самостийных» убеждений, было вряд ли возможным. Поэтому далее частных бесед дело не пошло. Предпочтение «своим» (теперь уже казачьим) офицерам отдавалось и в Донской Армии, формировавшейся Атаманом Всевеликого Войска Донского генералом П. Н. Красновым, также грешившим «самостийностью». Теперь для П. Н. Врангеля оставался единственный путь для продолжения служения России - стать в ряды Добровольческой Армии.

* * *

В этом решении его укрепили беседы с генералом А. М. Драгомировым, проживавшим в то время в Киеве и намеревавшимся выехать в Екатеринодар, куда его приглашал Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал Алексеев. Будущий председатель Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, Драгомиров сыграл заметную роль в жизни Врангеля. По его совету Петр Николаевич решил связать свою жизнь с Белым движением, и именно генерал Драгомиров был впоследствии председателем военного совета, передавшего Врангелю власть Главнокомандующего. Можно утверждать, что Драгомиров вообще был заинтересован в выдвижении П. Н. Врангеля на руководящие посты в военной и государственной иерархии Белого Юга.

25 августа 1918 года Врангель с семьей прибыл в недавно занятую белыми столицу Кубани - Екатеринодар. Здесь располагались штабные структуры Добровольческой Армии и ее тыловые управления. Первым, на что обратил внимание Врангель, было «большое число офицеров, особенно старших начальников, числившихся в резерве... ожидая отправки на фронт». Рассчитывать на соответствующее чину генерал-майора назначение не приходилось.

К осени 1918-го Добровольческая Армия уже сложилась как организованная, сплоченная трудными победами и пролитой кровью сила. В бесконечных жестоких боях возникла своеобразная офицерская иерархия, в которой не принимались в расчет прежние военные заслуги, чины, награды и звания. Главным критерием становилось участие в борьбе с большевиками с первых ее дней.

П. Н. Врангель не был знаком ни с одним из старших начальников Армии. Но, очевидно, не без участия А. М. Драгомирова, ему удалось быстро получить аудиенцию у ее Командующего. «До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина, - вспоминал Врангель. - Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампфа, и я встречал его несколько раз... Генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника». Практически сразу же Петру Николаевичу было предложено принять временное командование 1-й конной дивизией. Необычность по Добровольческим меркам такого

назначения следует объяснить утвердившейся репутацией Врангеля как талантливого полководца-кавалериста: «В ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно "первопоходников" (участников Первого Кубанского похода. *-В. Ц.),* наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии, - писал впоследствии он сам. - Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников».

Белая конница в это время только создавалась. Укомплектованные в большинстве своем Кубанскими и Терскими казаками и кавказскими горцами, недавно сформированные полки еще не сложились в сплоченные, организованные боевые единицы, подобные Добровольческой пехоте - прославленным Корниловцам или Марковцам. Чаще всего конные части только выполняли разведку и совершали неглубокие рейды по тылам противника, а во время боев прикрывали фланги атакующей пехоты. Боеспособные кавалерийские соединения, умеющие активно, самостоятельно действовать как на фронте, так и в тылу противника, наносить ему мощные, стремительные удары, — вот что было необходимо в условиях войны на обширных степных просторах Юга России. И зарождающаяся конница нуждалась в опытном, умелом, а главное - авторитетном руководстве. Требовались командиры, способные принимать быстрые решения, оперативно реагировать на меняющуюся боевую обстановку, гибко, нешаблонно мыслить. Руководители Добровольческой Армии полагали, что всеми этими качествами обладал генерал П. Н. Врангель. И в этом они не ошиблись.

Однако первые месяцы службы в Белой Армии стали для Петра Николаевича непростым временем. Приняв командование дивизией 31 августа 1918 года, уже 18 сентября под Армавиром он повел ее в бой, но ожидавшейся лихой атаки не получилось. Казачьи полки не пошли за новым командиром, начав отступать под сильным огнем противника. Не помог и личный пример Врангеля, попытавшегося с несколькими десятками казаков остановить бегущих и заставить их перейти в атаку. Столь же неудачными для дивизии оказались и бои 3-4 октября, снова закончившиеся отступлением казаков, гибелью артиллерийской батареи, причем сам генерал едва избежал плена. Боеспособность дивизии удалось вернуть лишь с большим трудом. Однако личное участие в сражениях, наведение порядка в частях все же подняли авторитет П. Н. Врангеля, укрепили связь командира со своими подчиненными.

Следует отметить, что казачьи части в годы Гражданской войны весьма разборчиво относились к своим начальникам.

Очевидно, генерал Врангель, считавший необходимым восстановить уставную дисциплину в казачьих полках, поначалу вызвал своими действиями отчуждение у части подчиненных. Надо сказать, что и сам он относился к казакам с определенным предубеждением. И хотя позднее отчужденность сменилась признанием со стороны большинства чинов дивизии, а затем и 1-го конного корпуса, командиром которого П. Н. Врангель стал с середины ноября 1918 года, - отношения с казаками так и не приобрели характера «братской» доверительности.

Но важнее было другое. За время командования Врангеля белая конница вновь научилась обрушивать на противника сильные фланговые удары, совершать перегруппировки, стремительно атаковать под огнем вражеские позиции, действовать самостоятельно, даже без поддержки пехоты и артиллерии. Приобретенный Врангелем авторитет подтвердился и во время октябрьских боев под Армавиром, и в 28-дневном сражении за Ставрополь, и во время зимних рейдов в холодных ставропольских и ногайских степях. Впереди же были еще более сложные и масштабные кавалерийские операции.

* * *

К концу 1918 года весь Северный Кавказ был освобожден Добровольческой Армией. Советская XI-я армия была разбита, и остатки ее, погибая от голода и жестокой эпидемии тифа, отходили к Астрахани. Белые в этих боях также понесли тяжелые потери, но за ними была победа, была надежда на будущие военные успехи. После заключения договора со Всевеликим Войском Донским генерал Деникин объединил все военное руководство в регионе, став Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Успехи сопутствовали и Врангелю. 22 ноября 1918 года за бои под Ставрополем он был произведен в генерал-лейтенанты, за три дня до нового, 1919 года получил назначение на пост командующего Добровольческой Армией, а 10 января - вновь образованной Кавказской Добровольческой Армией, куда вошла его кубанская казачья конница и пластунские батальоны. Уже давно бывшего блестящего Конногвардейца отличает кавказская черкеска с орденом Святого Георгия на газырях, низкая смушковая папаха и бурка, и именно таким останется он на многочисленных фотографиях периода Гражданской войны и первых лет эмиграции и войдет в массовое сознание по обе стороны фронта. Имя молодого командарма приобретает

известность среди казачества, ряд станиц Кубанского, Терского, а потом и Астраханского Войска зачисляют его в «почетные казаки». 13 февраля 1919 года Кубанская Рада награждает Петра Николаевича орденом Спасения Кубани I-й степени.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель.

Но в январе 1919 года генерал внезапно заболевает сыпным тифом в очень тяжелой форме. На пятнадцатый день болезни врачи сочли положение безнадежным. А. И. Деникин писал впоследствии, что страдающий Врангель считал болезнь Божьим наказанием «за свое честолюбие». Однако, по утверждениям биографов барона, сразу после прибытия чудотворной иконы Божией Матери в состоянии больного неожиданно наступило улучшение. Выздоровлением Врангель обязан, безусловно, и заботливому уходу жены, разделившей его военную судьбу (она заведовала госпиталем в Екатеринодаре). Отступивший недуг, тем не менее, серьезно подорвал здоровье генерала, уже перенесшего к тому времени два ранения и контузию.

Оправившийся Врангель вновь возвращается к своим обязанностям, и к весне 1919 года относятся его первые разногласия со Ставкой Главнокомандующего. В рапорте на имя Деникина от 4 апреля командарм Кавказской доказывает необходимость направить главный удар Вооруженных Сил Юга России на Царицын, после взятия которого можно было надеяться на соединение с армиями Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, рвавшимися к Волге. Такая операция позволила бы, по мнению П. Н. Врангеля, создать общий фронт, после чего объединенные Белые Армии могли бы с удвоенной силой ударить на «красную Москву». Разумеется, основной удар на Царицын по этому плану должна была наносить Кавказская Армия, а сам рапорт, как посчитал Деникин, свидетельствовал о

«честолюбивых планах» барона, якобы стремившегося «выделиться» во время предстоящей операции. Врангель, в свою очередь, обвинял Главнокомандующего в намерении «не делить лавры победы с А. В. Колчаком»...

Надо сказать, что впоследствии многие эмигрантские историки поддерживали именно Врангеля. Характеризуя барона как «военного гения» и противопоставляя его Деникину, они не учитывали конкретных фронтовых условий весны 1919 года. Ведь когда Вооруженные Силы Юга России реально смогли начать наступление на Царицын, Красная Армия уже подходила к Уфе, а войска Верховного Правителя отступали. Но даже и в случае соединения Деникина и Колчака фронт Уфа - Златоуст - Царицын — Ростов опирался бы на безводные и безлюдные приволжские степи, где не было ни разветвленной коммуникационной сети, ни крупных городов, ни продовольственной базы, ни необходимых для снабжения армии запасов. Рано или поздно такой фронт был бы разорван ударами большевиков, а войска Сибири и Юга вновь оказались бы разъединенными. Таким образом, считать идею объединения армий Колчака и Деникина на Волге «гениальной» вряд ли справедливо.

Как бы то ни было, план П. Н. Врангеля был отвергнут, а его разногласиям со Ставкой Главнокомандующего, перешедшим затем в открытый конфликт, суждено было стать одной из самых неприглядных страниц в истории Белого движения на Юге России. К этому же периоду относится первая встреча Петра Николаевича с А. В. Кривошеиным, будущим премьер-министром его правительства, а пока - одним из лидеров правоцентристского «Совета Государственного Объединения России». Бывший сотрудник П. А. Столыпина по проведению его знаменитой земельной реформы, Кривошеин рассчитывал на участие в работе Особого Совещания при Деникине. Однако лидерство в южнорусских правительственных кругах весной 1919 года принадлежало более либеральным политикам (членам кадетского «Национального Центра»), и рассчитывать на власть деятелям Совета Объединения - П. Б. Струве, Н. В. Савичу, С. Д. Тверскому и др. - не приходилось. Тем выгоднее было для них заполучить в союзники популярных военачальников, и именно такой фигурой стал П. Н. Врангель. Во время бесед с ним Кривошеин (человек сугубо штатский) убеждал генерала в правильности идеи соединения с Колчаком. «Умный и проницательный А. В. Кривошеин, - вспоминал Петр Николаевич, -часто посещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего,

личного характера». К сожалению, и сам барон видел главную причину разногласий исключительно в личной антипатии Главнокомандующего.

Отчужденность по отношению к П. Н. Врангелю проявлялась, в свою очередь, и Деникиным, и весной 1919 года на должность командующего Добровольческой Армией был назначен не Врангель, а генерал В. З. Май-Маевский. Он также не являлся «первопоходником», но был абсолютно чужд политики, интриги и считался полностью лояльным к Ставке и самому Главнокомандующему.

* * *

Хотя план удара на Волгу был отвергнут Ставкой, овладение Царицыном продолжало оставаться насущной задачей - без этого было невозможно наступать в Малороссию или на Москву. Еще в 1918 году казачья армия Донского Атамана П. Н. Краснова трижды безуспешно штурмовала «Красный Верден». Город был хорошо укреплен, по круговой ветке постоянно курсировали бронепоезда, окраины были защищены колючей проволокой, рвами и окопами.

Ставка планировала прорвать позиции красных с налету, сосредоточенным ударом конных полков, сведенных в группу под командованием П. Н. Врангеля. И на рассвете 5 мая 1919 года Царицынская операция, сделавшая имя Петра Николаевича одним из самых авторитетных и известных на Юге России, началась форсированием Маныча и неожиданной атакой растянувшихся вдоль реки красных войск. С развернутыми знаменами, сопровождаемые звуками военных сигналов, сомкнутым строем шли в бой Кубанские и Терские казаки. Фронт большевиков был прорван, и конная группа устремилась к Царицыну.

Врангель рассчитывал, не останавливаясь и не давая возможности отступавшим советским частям закрепиться, на их плечах ворваться в город. Конница была без передышки брошена на штурм укрепленных пригородов, казаки шашками рубили проволочные заграждения, пытаясь прорвать оборону, но, потеряв в двухдневных боях больше половины личного состава, вынуждены были остановиться. Пришлось просить подкрепления. И лишь 18 июня, при активной артиллерийской поддержке, совместной атакой конницы, прибывшей пехоты и танков (нового в Гражданской войне оружия) оборонительные рубежи были прорваны, и «Красный Верден» пал.

«Герой Царицына», как начали теперь называть П. Н.

Врангеля белые газеты, стал известен и популярен на всем Белом Юге. Услужливые чиновники Отдела пропаганды повсюду развешивали его фотографии, аляповатые картинки в лубочном стиле, на которых генерал изображался в позе «Медного Всадника», с рукой, указывающей на виднеющуюся вдалеке Москву, что многими воспринималось как явный намек на появление нового вождя - «Петра IV». В середине июля командарму был преподнесен специально сочиненный одним из офицеров марш «Генерал Врангель». И надо сказать, что подобная пропаганда - неумная или, наоборот, нарочитая - воспринималась самим Петром Николаевичем некритически. На молодого генерала обратили внимание и представители союзников: за взятие Царицына он был награжден английским орденом Святых Михаила и Георгия.

Через два дня после взятия Царицына прибывшим в город генералом Деникиным была подписана знаменитая «Московская Директива», провозгласившая начало похода с непосредственной целью «освобождения первопрестольной столицы от большевиков». И здесь позиция Врангеля вновь разошлась с позицией Ставки Главнокомандующего. По мнению Петра Николаевича, директива «являлась смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр, -все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву». Еще более категоричным был один из апологетов Врангеля, генерал фон Дрейер, назвавший директиву «безграмотной в военном отношении», примером «необыкновенной самоуверенности» Деникина. Но и остановиться на занятых рубежах Донбасса, Донской Области и Нижней Волги для белых было уже невозможно. В борьбе за возрождение «Великой, Единой, Неделимой России» им требовалось овладеть Москвой - главным центром Советской власти. В ходе наступления на Москву Вооруженными Силами Юга России были освобождены обширные территории, ставшие главной продовольственной и сырьевой базой Белого движения на всю летне-осеннюю кампанию 1919 года, здесь же ряды деникинской армии увеличились до 100 тысяч человек.

Примечательно, что и сам П. Н. Врангель не был непримиримым противником наступления на Москву, предлагая Ставке нанести главный удар силами конной группы под его, Врангеля, командованием. После того как это предложение было отвергнуто, генерал повел предписанное директивой наступление на Камышин (с перспективой дальнейшего продвижения на

Саратов - Пензу), но, по оценке современника, делал это «без былого энтузиазма и желания (что вообще звучит странно: военачальник не может ставить выполнение приказа в зависимость от собственного настроения. - *В. Ц.).* Врангель не был натурой ординарной, а потому к нему и нельзя подходить с обычными, шаблонными мерками. Он мог или ярко гореть выполняемым им делом и тогда давать изумительные взлеты своей энергии и своей творческой фантазии, или только добросовестно исполнять директиву, что конечно не воодушевляло П[етра] Н[иколаевича] и не давало его деятельности должного военного вдохновения».

П.Н. Врангель в Царицыне, 1919 год.

В то время как Добровольческая Армия, заняв Новороссию, подходила к Киеву, Курску, Воронежу, - Кавказская Армия смогла продвинуться лишь до Камышина, откуда до Саратова оставалось еще 60 верст. В Ставку Врангель постоянно сообщал о невозможности дальнейшего наступления ввиду огромных людских потерь, нехватки вооружения, боеприпасов и отсутствия пополнений с Кубани и Терека. В обширном рапорте, направленном Главнокомандующему 29 июля, командарм Кавказской заявлял: «Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям (то есть Добровольческой Армии, с «коренными» полками которой Деникин начинал Белую борьбу. - *В. Ц.).* Для других ничего не осталось... в то время, как там, у Харькова, Елисаветграда и Полтавы войска одеты, обуты и сыты (это не соответствовало действительности. - *В. Ц.),* в безводных калмыцких степях их братья сражаются для счастья одной Родины - ободранные, босые, простоволосые и голодные». В ответном письме от 10 августа

Деникин возражал, что части Добровольческой Армии, с кровопролитными боями наступая на Москву, несут не меньшие потери и не менее других нуждаются в пополнении и снабжении. По его более позднему признанию, «не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных... в каждом слове письма или телеграммы были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы, и без того плохо разбирающейся в обстановке, нервной, ревнивой к боевым соседям». Но во время успешного продвижения Вооруженных Сил Юга России к Москве подобные разногласия и даже конфликты не были столь значимыми для единства Белого движения, какими они станут, когда по всей линии фронта начнется отступление. А время это было уже близко.

* * *

Почти тысячеверстный фронт Вооруженных Сил Юга России, протянувшийся осенью 1919 года от Житомира до Асхабада, выгнутый в направлении на Орел, Тулу и Москву, фронт, державшийся исключительно доблестью уже ослабленных в боях полков, в октябре оказался надломленным. В белом тылу развернул партизанские действия Н. И. Махно; в городах процветали спекуляция и воровство; на фронт и тыл обрушилась страшная эпидемия тифа. Войска начали отступать, и к концу ноября ими были уже оставлены Орел, Курск, Белгород, Воронеж. Еще держался Киев, но фронт уже подходил к Полтаве и Харькову.

Впрочем, Ставка Деникина отнюдь не считала положение критическим. Во всех официальных приказах заявлялось только о временном отступлении, необходимом для «выравнивания фронта и сосредоточения резервов», вслед за чем предстоит новое наступление. Был разработан план контрудара, руководство которым поручалось П. Н. Врангелю. И 26 ноября, оставив пост командарма Кавказской, Петр Николаевич сменил генерала Май-Маевского во главе Добровольческой Армии.

Этому назначению предшествовали события на Кубани, непосредственным участником которых также оказался генерал Врангель. Еще с начала 1919 года местный «парламент» - Законодательная Рада - стремился к утверждению Кубанского Казачьего Войска как независимого, самостоятельного государства. «Самостийная» политика Кубани выражалась в установлении таможенных границ, запрете на вывоз

продовольствия за пределы Области, пропаганде «кубанской демократии». Часто с трибуны Рады звучали призывы к созданию отдельной Кубанской Армии, подчиненной только доморощенным генералам и офицерам. Кавказская же Армия, хотя и состояла в значительной части из кубанских казачьих полков, была подчинена руководству Вооруженных Сил Юга России, ответственные посты в ней занимали офицеры неказачьего происхождения. Под влиянием «радянской» агитации и под предлогом «переформирования» с фронта начали уходить сотни казаков, а истощенные войной станицы отказывались направлять в Кавказскую Армию новобранцев. Все это не могло не беспокоить Врангеля, отмечавшего в своих рапортах опасность разложения кубанских частей «преступной пропагандой». Наконец, выступая от имени «независимой Кубани», делегация членов Рады в Париже заключила предательский договор с правительством несуществующей «Горской Республики», и это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. «Усмирение» непокорной Рады было поручено П. Н. Врангелю. 6 ноября он отдал приказ по Армии об аресте и предании военно-полевому суду двенадцати наиболее скомпрометировавших себя депутатов, а уже на следующий день член «парижской делегации» А. И. Калабухов был публично повешен в Екатеринодаре. «Кубанское действо», проведенное при непосредственном участии Врангеля, безусловно, не добавило ему симпатий со стороны казаков, а на все деникинское правительство навлекло обвинения оппозиции в «подавлении интересов казачества».

Командующий Кавказской добровольческой армией генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель, 1919 год.

Тогда же, в ноябре 1919 года, Петр Николаевич продолжал встречаться с членами Совета Государственного Объединения России. А. В. Кривошеин, с которым он общался в те дни, «никак не сочувствовал политике Главнокомандующего, ставил генералу Деникину в вину отсутствие определенной, реальной программы и неудачный выбор сотрудников». «Люди государственного опыта и знания, - подчеркивал Кривошеин, явно имея в виду себя и своих единомышленников, - к работе не привлекались, Ставка боялась обвинения в контр-революционности, подчеркивая [свой] либеральный демократизм». Врангель вполне сходился со своим собеседником в оценке Деникина, которого считал утрачивающим чувство реальности: «ревнивый к своей власти... генерал Деникин боялся сильных, самостоятельных людей». Таким образом, к моменту назначения Врангеля на должность командующего Добровольческой Армией раскол между ним и Деникиным все более и более углублялся.

Ставка объясняла это назначение необходимостью перемены тактики на фронте. Создаваемая конная группа под командованием Врангеля должна была остановить наступление Красной Армии, разгромить конный корпус С. М. Буденного. С другой стороны, в подобном назначении были заинтересованы и симпатизирующие Петру Николаевичу деятели некоторых политических и общественных кругов, поскольку пост командарма Добровольческой мог стать последней ступенькой к посту Главнокомандующего. По воспоминаниям возглавлявшего Отдел пропаганды профессора К. Н. Соколова, в назначении Врангеля была заинтересована и часть офицеров самой Ставки: «Штабная молодежь видела в этом назначении большую свою победу над "высшими сферами". Они добивались его целый месяц». Этим кругам импонировал «аристократизм» нового командарма, «штабисты» рассчитывали потеснить «армейцев-первопоходников», связанных с Май-Маевским.

Однако смена командования сама по себе не могла сразу улучшить положение на фронте. Чтобы сориентироваться на незнакомом театре военных действий, Врангелю нужно было время; кроме того, в условиях слабости воинских частей, отсутствия нормального снабжения и связи, а также укрепленных оборонительных рубежей в тылу, проведение задуманной операции оказалось невозможным. Лихой контрудар конной группы, подобный весеннему, «царицынскому», сорвался. Не удалось и удержать силами Добровольческой Армии Донбасс. Не получилось произвести перегруппировку, а одна из самых прославленных дивизий - Марковская - оказалась окруженной и понесла значительные потери. В конце декабря 1919 года части

Добровольческой Армии были расчленены, «белые столицы» - Новочеркасск и Ростов-на-Дону - спешно эвакуировались, а уменьшившиеся более чем в десять раз полки Добровольцев отошли за Дон. Остатки Армии были сведены в корпус под командованием генерал А. П. Кутепова, а Врангель «ввиду расформирования Армии зачислен в распоряжение Главнокомандующего».

* * *

Зимой 1919/1920 года конфликт П. Н. Врангеля со Ставкой и самим Деникиным перешел в открытое противостояние. После впечатляющих успехов лета - осени резкая перемена боевого счастья и последующее оставление за какие-то два месяца столь обширной территории воспринимались очень болезненно. На вопрос «кто виноват?», казалось бы, ясно отвечала переписка Врангеля с Главнокомандующим, уже получившая известность на фронте и в тылу. Что же вызывало наибольшее недовольство Петра Николаевича?

Уже 27 ноября в своем приказе - первом по вступлении в командование Добровольческой Армией - генерал, отмечая ее доблесть, заявлял также: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы: погромы, грабежи, насилия, произвол и пьянство безжалостно будут караться мною». В этих пороках фактически обвинялись те самые полки, руководить которыми предстояло новому командарму. Еще более резко высказывался он в рапорте Деникину, датированном 9 декабря: «...Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались... Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами - в грабеж и спекуляцию... Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов... Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало испытывать на себе ужасы грабежа, насилий и произвола. В итоге - развал фронта и восстания в тылу... Армии, как боевой силы, нет».

Петр Николаевич начинает и поиск путей к смене командования Вооруженных Сил Юга России. Еще в начале декабря 1919 года по инициативе Врангеля предполагалось провести совещание командующих Армиями, в котором Деникин заподозрил подготовку к «свержению власти главнокомандующего», но тогда оно не состоялось. После того,

как Петр Николаевич оставил пост командарма, он был направлен на Кавказ для проведения мобилизации казаков и попытался установить там союз с оппозиционными силами, опираясь на казачьих генералов А. Г. Шкуро и В. Г. Науменко. Однако и эти расчеты не оправдались.

Врангелю хотели дать назначение в Штаб Главноначальствующего Новороссийской области генерала Н. Н. Шиллинга, и в январе 1920 года Петр Николаевич выехал для этого в Крым. Его приезд совпал с мятежом капитана Н. И. Орлова, требовавшего смены руководства Армией и наведения порядка в тылу. В Ставке подозревали, что «Орловщина» была инспирирована самим Врангелем, рассчитывавшим оказать давление на Ставку и вернуть потерянное положение, а возможно, и занять пост Главнокомандующего. О поддержке Врангеля заявили офицеры Черноморского Флота, предложившие генералу Шиллингу уступить свой пост (даже без согласия Деникина) Петру Николаевичу. Один из ближайших сотрудников Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, телеграфировал в Ставку, что Шиллинг дискредитировал себя военными неудачами: «Выход один - это немедленное назначение Врангеля на место Шиллинга». Получил Деникин и обращение «общественных деятелей Крыма» с требованием поставить «во главе власти в Крыму... лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения... Таковым лицом, по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов, является генерал Врангель, ныне находящийся в Крыму». Правда, документ был подписан «деятелями», не имевшими к крымской «общественности» никакого отношения (А. И. Гучков, князь Гагарин, член Совета Государственного Объединения России Н. В. Савич, сенатор Г. В. Глинка просто проживали на полуострове); руководившие же обороной Крыма генералы Шиллинг и Слащов никакого «убеждения» в необходимости назначения Врангеля не выражали.

Несколько раньше в том же январе, накануне падения Белой Одессы, известный политик и публицист В. В. Шульгин, генерал А. М. Драгомиров и видный деятель конституционно-демократической партии В. А. Степанов провели частное совещание, на котором признали возможным произвести смену командования, поддержав кандидатуру П. Н. Врангеля. Таким образом, давление на Ставку шло сразу по многим направлениям, и у генерала Деникина должно было создаться впечатление, что фронт и тыл выступают за Врангеля, которого и следовало бы вернуть к активной деятельности на высших военных постах.

Примечательно, что во всем этом «походе на власть», как назвал его Деникин, главную роль играл уже не сам барон, а те политические группы и круги (в первую очередь - Совет Государственного Объединения), которые его поддерживали, имея чисто практический расчет - сменив Главнокомандующего, придти за ним к власти самим. При этом предполагалось произвести смену не только руководства, но и всего политического курса южнорусского Белого движения. Надежды питали все: «правым» импонировали «гвардейское прошлое» и «монархизм» барона, «левые» уповали на то, что, придя к власти, он будет проводить «демократические» преобразования.

Как же относился ко всей этой борьбе за власть сам Петр Николаевич? Будучи человеком честолюбивым, уверенным в своей правоте, он был искренне убежден в том, что армия и тыл полностью поддерживают его и желают смены руководства, только исходя из соображений более эффективной борьбы с большевиками. Генерал Б. А. Штейфон проницательно писал об этом: «По складу ума, характера и по своим мировоззрениям А. И. Деникин и П. Н. Врангель были людьми совершенно различными. И судьбе было угодно, чтобы столь разные натуры усвоили, каждый вполне самостоятельно, одно и то же убеждение. Генерал Деникин и генерал Врангель заподозрили друг друга в том, что их расхождения... объясняются не идейными соображениями, а исключительно личными мотивами. Это трагическое, но вполне добросовестное заблуждение повлекло за собою много печальных и тяжелых последствий...» А заключительным актом этого конфликта стало состоявшееся 8 февраля 1920 года увольнение генерала П. Н. Врангеля в отставку.

В последних числах февраля семья Врангелей покидает Крым, отправившись в Константинополь с намерением далее проехать в Сербию. Вместе с ними Белый Юг покинули А. В. Кривошеин, П. Б. Струве, давний соратник Врангеля генерал П. Н. Шатилов. Вооруженная борьба в Крыму и на Северном Кавказе казалась безнадежно проигранной, а положение А. И. Деникина - обреченным. Но неожиданно из Севастополя пришли известия о готовящемся военном совете, на котором предполагалось решить вопрос о назначении нового Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Уставший от тяжелой двухлетней борьбы, надломленный неудачным завершением «похода на Москву» и потерявший веру в возможность дальнейшего успешного руководства борьбой, генерал Деникин заявил своим приближенным о сложении с себя полномочий Главнокомандующего. Военный совет, созываемый под председательством генерала А. М. Драгомирова, должен был

назвать новую кандидатуру на этот пост.

у Исход совета, состоявшегося 21-22 марта 1920 года, был по сути предрешен. По свидетельству одного из его участников, генерала П. С. Махрова, председательствовавший Драгомиров, игнорируя неоднократно высказанное мнение офицеров о необходимости Деникину остаться в должности Главкома, повторял, что решение Антона Ивановича об отставке окончательно. Неожиданно выступивший капитан 1-го ранга Рябинин назвал фамилию Врангеля, сразу же поддержанную присутствовавшими моряками. После этого «Драгомиров поторопился закрыть заседание без баллотировки имени Врангеля и поручил... доложить ген[ералу] Деникину о результате решения Военного Совета». П. Н. Врангель на английском дредноуте «Император Индии» прибыл в Севастополь, и 22 марта генералом Деникиным был издан прощальный приказ, передававший ему полномочия Главнокомандующего.

Итак, «деникинский период» истории Белого движения завершился. Новому вождю предстояло разрешить огромное количество проблем, доставшихся ему по наследству, а главное - вернуть Армии веру в победу. И эти последние страницы Гражданской войны на Юге России стали в жизни Петра Николаевича поистине «звездным часом» и временем наивысшего напряжения сил и энергии в борьбе за удержание «последней пяди Русской Земли» - Белого Крыма.

* * *

Экономическое положение полуострова весной 1920 года было крайне тяжелым. На нем проживало более семи миллионов человек, из которых около 150 тысяч состояли на армейском довольствии, реальных же бойцов насчитывалось всего 20-25 тысяч. Продовольственные запасы были скудны. При годовой потребности в 9 миллионов пудов зерновых и 12 миллионов пудов зернофуражных культур на продовольственных складах находилось всего 130 тысяч пудов муки и 90 тысяч пудов зернофуража. В то же время в крестьянских хозяйствах излишки продовольствия, оставшиеся от урожайного 1919 года, составляли около 6 миллионов пудов продовольственных хлебов и около 8 миллионов пудов зернофуража, но крымские крестьяне отказывались отдавать хлеб, не получая взамен промышленных товаров и мануфактуры. Цены на продовольствие росли (на хлеб - вдвое по сравнению с прошедшей осенью). В переполненных крымских городах в жутких условиях проживало до

полумиллиона беженцев, больных и раненых.

Тяжело было и на фронте. После того, как зимой крымские перешейки были удержаны корпусом генерала Я. А. Слащова, наступило относительное затишье. Однако за исключением фронтовых частей боеспособных войск в Крыму не было, а эвакуированные из Новороссийска можно было считать в значительной степени деморализованными. Корабли Черноморского Флота не имели запасов топлива даже для того, чтобы выйти в море, не говоря уже о возможности эвакуации Армии и беженцев за границу. П. Н. Врангель считал, что в случае прорыва большевиков в Крым спасти не удалось бы никого.

Положение усугублялось еще и тем, что представители союзной Великобритании накануне отплытия Врангеля из Константинополя в Крым вручили ему ультиматум, заявлявший об отказе от дальнейшей поддержки белых и необходимости переговоров с Советской Республикой. Однако Петру Николаевичу удалось, формально признав выдвинутые ему условия, заручиться поддержкой еще на два месяца, после чего предстояло или сдаться на милость врага, или попытаться продолжить вооруженную борьбу, рассчитывая уже только на собственные силы.

Большевицкий плакат «Врангель идет».

Но очень многие в Крыму были угнетены сознанием бесплодности борьбы. Если закончился поражением «поход на Москву», можно ли надеяться на возможность успешной обороны

крохотного полуострова? От Главнокомандующего требовалось ясное, определенное слово о том, что ждет Белый Крым дальше, и оно было произнесено уже 25 марта во время торжественного парада и молебна на Нахимовской площади в Севастополе. Епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) обратился к войскам с ободрением: «Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала. Быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...» Об этом же говорил и Врангель: «...Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня Воскресения России».

Итак, новый Главнокомандующий подтвердил, что только продолжение вооруженной борьбы с Советской властью остается для него единственно возможным путем. Но теперь требовалось восстановление и укрепление разрушенного фронта и тыла, и здесь Петру Николаевичу приходилось ориентироваться в незнакомой ему политической жизни. При этом он проявил себя гибким политиком, человеком, обладающим редким даром находить людей, способных руководить различными областями хозяйства и общественной жизни. Современники неоднократно отмечали его прагматизм в подборе сотрудников. Так, по свидетельству председателя Таврической губернской земской управы князя В. А. Оболенского, Врангель «подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей... с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые».

Аппарат управления пришлось создавать заново. Реорганизации подверглись и высшие органы власти - распущенное еще А. И. Деникиным Южно-Русское Правительство было заменено «Советом при Главнокомандующем», должность Председателя в котором занял хорошо известный Главкому А. В. Кривошеин. Несмотря на неоднократные заявления о «беспартийном» характере врангелевского кабинета, он не представлял собой коалиции нескольких политических групп и партий (какой было Особое Совещание при Деникине): основные посты теперь достались представителям Совета Государственного Объединения России, лично знавшим Врангеля ранее и поддерживавшим его во время конфликта со Ставкой в 1919 году. В то же время принцип единоличной диктатуры, утвердившийся на Белом Юге еще во время первых походов, неукоснительно соблюдался и во врангелевском Крыму. Ни один сколько-нибудь существенный закон или приказ не мог быть введен в действие

без санкции самого Главнокомандующего, Совет при котором превращался, таким образом, действительно лишь в совещательный орган. «Мы в осажденной крепости, - говорил сам Врангель, - и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе... все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда».

Новому Главнокомандующему предстояло учесть все ошибки своего предшественника. В заявлении для крымской печати от 10 апреля П. Н. Врангель выделил главные причины неудач Белого движения в 1919 году: «...Стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие целью борьбу с большевизмом... проводилась... частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать "добровольцев", - врагов России... провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований». Здесь же генерал определил основную задачу деятельности своего Правительства: «...Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа». Тем самым почти что провозглашался отказ от главной цели южнорусского Белого движения - немедленного занятия Москвы - и пропагандировалась попытка создать из Крыма своего рода плацдарм, территорию, на которой возможно было бы реализовать новую политическую программу. И хотя достигнуть успеха в конце концов не удалось, опыт государственного строительства в 1920 году стал весьма показательным с точки зрения эволюции Белого движения на Юге России.

В области национальной политики и взаимоотношений с казачеством врангелевское Правительство постулировало отказ от принципа «единой, неделимой России» в его деникинском понимании. В 1920 году были уже забыты призывы к борьбе с «самостийностью», а сам П. Н. Врангель всячески подчеркивал свою лояльность к казачьим федеративным образованиям. 22 июля в Севастополе Правителем Юга России и представителями Дона, Кубани, Терека и Астрахани было торжественно заключено

соглашение, в соответствии с которым казачьим войскам гарантировалась «полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении». В то же время Главнокомандующий сохранял за собой право руководства «всеми вооруженными силами» казачьих областей, контролировал железнодорожное сообщение, средства связи, финансовую систему и таможенную политику в этих регионах. В ведении Правителя оставалась и внешняя политика, но, несмотря на все эти оговорки, формально принцип федеративной автономии был все же впервые провозглашен во врангелевской Белой Таврии.

В сентябре - октябре предпринимались попытки заключить союз, на основе признания горской федерации, и с представителями горцев Северного Кавказа, используя для этого контакты с внуком Шамиля. В отношении признания самостоятельности Украины новое Правительство Юга России также стремилось избежать ошибок своих предшественников из Особого Совещания. Во время прибытия в Крым делегации «украинцев-федералистов» Врангель заявил, что он «готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командованием и казачьими областями». 26 октября Правителем даже был издан приказ, объявляющий украинский язык «общегосударственным» наравне с русским, что совершенно исключалось в 1919 году. Подобные шаги, впрочем, были продиктованы в первую очередь расчетом на создание общего фронта с остатками петлюровских войск, опиравшихся на Подолию и пытавшихся, в свою очередь, войти в контакт с белыми для совместных действий. Таким образом, в национальной политике Врангеля лозунг «с кем хочешь - но за Россию», то есть «против большевиков», был главным.

Не менее показательными в этом отношении были и попытки «союза» Белого Главнокомандующего с Н. И. Махно. Один из самых удачливых украинских повстанцев становился теперь желательным союзником. В Ставке было составлено обращение к «батьке», провозглашавшее: «Главное командование русской армии извещает вас, что оно ведет борьбу только с коммунистами и комиссарами и идет заодно с русским народом. Девиз русской армии: народу -земля, народу - права; сам народ будет решать судьбу свою». Подчеркивая «демократизм» своей политики, Белое руководство предлагало формированиям Махно совместно действовать против большевиков. Однако из подобного «союза» ничего не получилось, а передавшие обращение офицеры были махновцами убиты. В то же время атаманы более мелких повстанческих отрядов (Хмара, Чалый, Савченко) поддержали

Врангеля, публикуя, в свою очередь, воззвания, призывавшие к союзу с белыми, и содействовали им во время боевых действий летом - осенью 1920 года, а «атаман» Володин с санкции Главкома даже формировал в Крыму «особый партизанский отряд», впоследствии, правда, попытавшись обратить его против белых (за это он был казнен).

* * *

Но главным во всей внутренней жизни Белого Крыма в 1920 году стала аграрная политика. Земельная реформа Правительства Юга России была рассчитана на создание новой социальной базы Белого движения, более широкого привлечения на свою сторону не только офицерства и интеллигенции, но и зажиточного и среднего крестьянства, способного снабжать армию и тыл, производящего товарную продукцию для внутренней и внешней торговли, поддерживающего распоряжения Белой администрации. Эта «опора на крестьян» обеспечила бы, по мнению П. Н. Врангеля, «победу над большевизмом», «построение новой России на началах законности и уважения права собственности».

Генерал П.Н. Шатилов.

Белым правительствам Юга России приходилось считаться с изменившимися условиями сельской жизни, когда большинство частновладельческих хозяйств было разгромлено, а их земля распределена между крестьянами, и южнорусская деревня пристально следила, как та или иная власть отнесется к совершившемуся «черному переделу». Деникинское Особое Совещание, провозгласив сохранение права собственности на землю, так и не определило, кто же будет распоряжаться «захваченной» землей - бывшие помещики или крестьяне-«захватчики». Считалось необходимым проведение

принудительного отчуждения части помещичьих земель за плату, однако предполагалось провести его только после занятия Москвы и окончания Гражданской войны. Подобная позиция «непредрешения» считалась одной из главных причин неприязни большинства крестьянства к Белой власти, а злоупотребления местных представителей гражданской или военной администрации порой способствовали росту повстанчества. Перед правительством Врангеля ставилась задача доказать крестьянам, что оно стремится содействовать удовлетворению интересов села.

П. Н. Врангель придавал большое значение своевременному принятию законодательных актов по земельной реформе. Видя, что оно затягивается (в Ялте в течение апреля - мая заседали две комиссии под председательством Управляющего земледелием и землеустройством сенатора Г. В. Глинки, но единый законопроект так и не был выработан), Главнокомандующий принял решение опубликовать соответствующие распоряжения своим приказом. Накануне готовящегося наступления, 25 мая 1920 года, были обнародованы «Приказ о земле», «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное Положение о земельных учреждениях». В соответствии с ними все земельные угодья оставались «в распоряжении обрабатывающих их хозяев» независимо от того, на каком праве эта обработка основывалась (тем самым фактически признавался законным «захват» частновладельческих земель после 1917 года). «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты (деньгами или натурой) государству «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района. Бывшие владельцы полностью исключались из процедуры расчета с крестьянами-«захватчиками», более того, специальным распоряжением Врангеля помещикам было воспрещено возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где эти имения находились, -передачу же выкупа государство брало на себя. Отчуждение, однако, не было всеобщим. Из списка отчуждаемых земель (на первом месте в нем были земли, длительное время сдаваемые в аренду) исключались хуторские, отрубные земли (то есть владения тех же крестьян-собственников), а также земли, имеющие «культурное, общественно-полезное значение»: тем самым государство защищало от ликвидации многие ценные хозяйства, как, например, известное имение баронов Фальц-Фейнов «Аскания Нова», переданное Таврическому университету;

не подлежали разделу и бывшие имения Членов Императорской Фамилии.

За прежними помещиками Крыма и Северной Таврии могли оставаться земли только в размерах, не превышавших установленные уездными и волостными крестьянскими советами. Создание этих органов, избираемых самими крестьянами, было заметным шагом вперед по сравнению даже со знаменитой реформой П. А. Столыпина (осуществление которой в свое время поручалось землеустроительным комиссиям), поскольку теперь сами крестьяне-собственники могли решать вопросы сельской жизни. Задачи аграрно-крестьянской реформы признавались приоритетными во всей внутренней политике Правительства Юга России. На пропаганду ее среди крестьянства были выделены большие средства.

25 мая началось наступление, и сразу же по мере освобождения уездов Северной Таврии вступали в силу и перечисленные приказы Главнокомандующего. «Армия должна нести землю на штыках», — говорил Врангель. Уже в июле - августе прошли первые выборы волостных земельных советов в Северной Таврии. В августе был произведен первый раздел между крестьянами помещичьего имения («Атманай», владение Шатилова-Фелибера в Мелитопольском уезде). К концу пребывания белых войск в Таврии выборы советов прошли уже в 90 волостях из 140, были проведены разделы почти двадцати имений, определены размеры земельных участков, закрепляемых в собственность за крестьянами и оставляемых помещикам. В Симферополе стала издаваться газета «Крестьянский Путь», активно пропагандирующая земельную реформу. Там же начал работу «Крестьянский Союз России», по формулировке своего устава призванный развивать «на основах крестьянской земельной и хозяйственной собственности благосостояние крестьянства как источника материально-культурного благополучия крестьян и экономического возрождения России», «объединять крестьянство России в политически организованную силу, спаянную общими интересами, влияющую на проведение в жизнь крестьянских интересов в общественной, социальной и государственной жизни». Однако земельная реформа с первых же месяцев своей реализации столкнулась и со значительными трудностями.

Крестьянство Таврии, пострадавшее от войн и разрухи, не было в тот момент заинтересовано в получении дополнительных участков земли, даже и закрепляемых в собственность. В условиях нестабильности фронта не могло быть и уверенности в прочности Белой власти, надежности проводимых ею земельных

преобразований. Слишком большим (20% от урожая 1920 года) казался и вводимый выкуп за землю, несмотря на его рассрочку на 25 лет. В Таврии продолжалось сокращение посевных площадей - до 30% по сравнению с 1916 годом. Большой урожай зерна, снятый в 1919 году, позволял крестьянам обеспечивать потребности собственных хозяйств, снабжать же армию и тыл в условиях большой дороговизны и неналаженного товарообмена было невыгодно. Поэтому сдача 20% приносила весьма скромные плоды - так, в сентябре на ссыпные пункты Крыма поступило лишь несколько сот пудов зерновых и зернофуражных культур вместо ожидавшихся нескольких тысяч. Очевидно, что в случае более длительного пребывания белых в Таврии реализация реформы могла бы дать более ощутимые результаты, но летом - осенью 1920 года говорить о ее «успехе» или «безусловной поддержке со стороны крестьянства» еще не приходилось.

Но если в области аграрной политики Правительство Юга России могло констатировать определенные, хотя и небольшие положительные результаты, то в области финансов, в промышленности дела обстояли значительно хуже. Обесценение крымского рубля достигло к концу октября 1920 года катастрофических размеров - на Константинопольской бирже 1 фунт стерлингов расценивался в 215 тысяч рублей. Если за весь 1919 год на Белом Юге было напечатано денежных знаков на сумму около 3 миллиардов рублей, то с февраля по октябрь 1920-го денежная экспедиция в Феодосии изготовила их на сумму около 177 миллиардов.

Местная крымская промышленность практически полностью обслуживала нужды фронта. Мануфактуру, топливо, даже продовольствие приходилось ввозить из-за границы. Цены в крымских городах продолжали расти - фунт пшеничного хлеба с апреля по октябрь вздорожал с 35 до 500 рублей, а фунт сахара - с тысячи до девяти тысяч. Цены на промышленные товары росли еще быстрее, и пара обуви стоила в августе 42 тысячи, а рубаха - 6 тысяч рублей. В то время как заработная плата рабочих возрастала параллельно и даже с некоторым опережением по сравнению с ценами (минимальная ставка рабочего-металлиста возросла в 6 раз, средняя ставка строительного рабочего - в 12 раз, ставка печатника - в 24 раза), - заработная плата служащих практически не увеличивалась, составляя, например, в августе 1920 года всего около 30 тысяч, тогда как рабочие типографии получали около 65 тысяч рублей. В подобных условиях жизнь в Крыму, особенно в городах, была очень тяжелой, армия и гражданское население ожидали от власти поддержки, не столько, может быть, материальной, сколько духовной, -

уверенности в том, что переносимые лишения не напрасны. И огромную роль в этом играла деятельность самого Правителя Юга России генерала П. Н. Врангеля.

* * *

В «крымский» период своей биографии Петру Николаевичу приходилось с огромным напряжением сил и воли поддерживать нормальную работу фронта и тыла. В. В. Шульгин вспоминал: «В этом человеке чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду... Эта непрерывно вибрирующая воля, вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла, - они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным...» По наблюдениям политика и журналиста Н. Н. Чебышева, генерал Врангель «постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения с оттенком экстаза». Буквально каждый день он проводил или на фронте, или в поездках по крымским городам, или в постоянных беседах, встречах, аудиенциях, даваемых и частным лицам, и представителям духовенства, политических организаций, купцам, промышленникам, крестьянам... Добросовестно стараясь вникнуть во все обстоятельства разбираемых проблем, генерал не считал себя вправе оставить без рассмотрения какие-либо дела или прошения. В то же время ему, не обладавшему достаточной осведомленностью во многих гражданских областях, приходилось передавать ряд дел на рассмотрение своих помощников. Сам он так признавался в этом: «Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по всяким экономическим и торговым вопросам, - что я им могу сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!»

П.Н. Врангель (1) и донской атаман А.П. Богаевский (2) на параде в Севастополе, 1920 год.

Но большая трата сил и энергии не была напрасной. Очень многие и на фронте, и в тылу считали, что только благодаря постоянной борьбе можно удержать «последнюю пядь Русской Земли», и значение фигуры Врангеля в этом невозможно переоценить. О последнем смотре им Корниловской ударной дивизии 1 сентября 1920 года один из ударников вспоминал: «Прибытие Главнокомандующего, его пламенная речь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться) - "Орлы-ы-ы Корниловцы-ы-ы!" - сопровождались для меня непрерывной нервной дрожью и доходившим почти до взрыва внутренним рыданием... Мощный хриповатый голос Главнокомандующего казался надорванным и как бы выражал собой надорвавшуюся Добровольческую армию...»

Да, постоянное, ежедневное, ежечасное напряжение борьбы требовало от ее вождя огромных усилий. Особенно болезненно воспринимались им в такой обстановке любые, даже самые мелкие недостатки работы гражданской администрации или ошибки военного командования. Несмотря на то, что в руководстве Белой Таврии было немало людей профессионального опыта и знаний, все же недостаток высококвалифицированных и, главное, честных специалистов, особенно на среднем и низовом уровнях управления, ощущался очень остро. По воспоминаниям одного из офицеров Штаба Главнокомандующего, Врангель возмущался этим, восклицая: «Где же мне взять честных, толковых людей?!»

Как мало людей хотело приобщиться к «крымской авантюре», наглядно показало проведенное в начале октября «финансово-экономическое совещание», куда были приглашены из эмиграции такие авторитетные деятели, как бывший министр финансов П. Л. Барк, председатель правления Азовско-Донского банка Каминка, известный финансист и промышленник В. П. Рябушинский... Несмотря на констатацию в итоговых документах совещания, что «производительные силы края и платежные средства населения... с избытком покрывают текущие расходы управления» и «в крае, опустошенном войной и большевицкими приемами управления, быстро крепнут основы свободной хозяйственной жизни и обновленного гражданского строя», - пути преодоления кризиса оно видело лишь в «обеспечении заграничных кредитов», а приглашенные экономисты и политики отказались принять должности во врангелевском правительстве. Во многих вопросах генерал Врангель оказывался одиноким...

Неудивительно, что в этой ситуации Главнокомандующий считал необходимым усиление влияния религии на нравственное состояние армии и тыла, и деятельность Православной Российской Церкви приобрела в Крыму большое значение. Один из офицеров вспоминал, что при весеннем наступлении белых в Северную Таврию, «кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое Воинство». Управление военным и морским духовенством учредило должности десяти штатных «проповедников армии», в числе которых были не только духовные лица, но и миряне. Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября) был объявлен Главнокомандующим «Днем Покаяния», а два предшествовавших дня - «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших». В эти дни запрещались «всякого рода публичные зрелища и увеселения», должны были совершаться торжественные богослужения, во время которых оглашалось особое послание народу; написанное в возвышенных словах, оно призывало всех к покаянию в грехах. В Севастополь прибыла чудотворная икона Божией Матери «Знамение», вывезенная при отступлении из Курской-Коренной пустыни. В дни покаяния икона была встречена на пристани коленопреклоненным генералом Врангелем, а затем в его поезде перевозилась по городам Таврии до Мелитополя и далее - до линии фронта.

* * *

И разумеется, продолжение вооруженной борьбы в Таврии было бы невозможным без хорошо организованной, дисциплинированной Армии. Наследство и здесь оказалось незавидным: части Вооруженных Сил Юга России, отступившие в Крым, были истощены беспрерывными боями лета - осени 1919 года; неудача «похода на Москву» подорвала дух Армии, везде чувствовалась усталость, разочарование в успехе борьбы с Советской властью. Принципы «добровольчества», в той или иной мере сохранявшиеся с 1918 года, себя не оправдывали. Требовалось укрепление дисциплины, сплоченности войск. Большой вред приносили многочисленные штабные структуры, интендантства, тыловые службы полков и дивизий, так на деле никогда и не сформированных. Генерал Врангель был решительным противником подобных явлений. Не связанный со своеобразной «добровольческой» дисциплиной, при которой капитан-«первопоходник» мог стать по должности выше полковника Императорской Армии, новый Главнокомандующий был активным сторонником возвращения к традиционным принципам организации и со всей решительностью взялся за переформирование существовавших воинских структур. В течение марта - апреля было ликвидировано около пятидесяти «бумажных» полков, дивизий и отрядов, весь боевой состав которых подчас не превышал нескольких десятков штыков или шашек. По инициативе П. Н. Врангеля получает широкое распространение термин «Русская Армия», в большей степени, чем прежний, подчеркивающий преемственность и традиции. Происходят изменения и в наградной системе - учреждается орден Святителя Николая Чудотворца, статут которого был близок к статуту Императорского ордена Святого Георгия. К весеннему наступлению, начавшемуся 25 мая, армия была вполне подготовлена, ее части пополнили свои ряды, получили новое обмундирование и вооружение. Эту армию высоко оценивали даже ее противники. М. В. Фрунзе писал: «В результате лихорадочной деятельности Врангеля удается превратить разложившиеся деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным командным составом войсковые части».

Бои, развернувшиеся на просторах таврических степей, отличались большим упорством и ожесточенностью. Уже в июне в результате отлично спланированной и подготовленной Штабом Главнокомандующего операции был разгромлен один из лучших конных корпусов Красной Армии, возглавлявшийся Д. П. Жлобой. В то же время красным удалось в июле переправиться через Днепр у Каховки и захватить плацдарм, который в течение последующих

месяцев, до октября, будет постоянно угрожать белым возможностью нанесения с него удара на Перекоп, отрезающего фронт от крымских перешейков. Июль и август прошли в беспрерывных боях, в результате которых численный состав Русской Армии уменьшился более чем наполовину, а пополнения (прибывшие из Польши части, отступившие туда после неудачи в кампании 1919 года, а теперь возвращенные в Россию через Румынию) по своим боевым качествам оказывались ниже испытанных в сражениях старых добровольческих кадров; то же можно было сказать и о мобилизованных тавричанах. Истощенный многочисленными мобилизациями Крым уже не мог давать подкреплений. В строй белых полков ставились военнопленные красноармейцы, нередко снова сдававшиеся в плен в первых же сражениях. Но, несмотря на все это, борьба продолжалась.

В сентябре, в ходе наступления на Каменноугольный бассейн, Русская Армия достигла своих наибольших успехов. Казаки Донского корпуса уже видели терриконы шахт Донбасса, советские учреждения спешно эвакуировались из Екатеринослава. Но здесь Врангеля ожидала та же неудача, которая годом раньше свела на нет все победы Деникина. Фронт снова растянулся, а немногочисленные, хотя и сильные духом полки Русской Армии оказались не в состоянии его удержать.

Впрочем, даже в этих условиях Главнокомандующим было принято решение продолжать дальнейшее наступление для расширения занятого плацдарма. Был форсирован Днепр в районе Александровска, и Кубанская конница стала развивать наступление на Правобережье. Однако 30 сентября был убит командовавший конной группой генерал Н. Г. Бабиев. Окончилась полной неудачей лобовая атака Каховских укреплений красных, несмотря на участие в ней танков. Поражение, по оценке П. Н. Врангеля, привело к тому, что в Армии «исчез порыв, пропала вера в собственные силы... смятение овладело полками».

П.Н. Врангель в авиационном отряде, 1920 год.

Положение Белого Крыма усугублялось еще и тем, что в сентябре закончились боевые действия на советско-польском театре, и у руководства Советской Республики появилась возможность перебросить силы с Западного фронта на Южный. Был выдвинут лозунг «Все на Врангеля!». Полки перевозились отовсюду - из Сибири, с Севера, даже из Средней Азии, откуда прибыл возглавить решающее наступление М. В. Фрунзе. Около 200 тысяч штыков и сабель сосредоточило советское командование против 40 тысяч в составе Русской Армии...

Но все-таки Ставка Врангеля по-прежнему рассчитывала дать решающее сражение в Северной Таврии и отказывалась от идеи отступления в Крым. В этом можно увидеть чрезмерную уверенность Главнокомандующего в возможностях Армии продолжать борьбу, однако скорее стратегия здесь была более прагматической - необходимо было во что бы то ни стало закончить вывоз на полуостров зерна с продовольственных складов Северной Таврии, где скопились миллионы его пудов. На отправке их в Крым для снабжения армии и тыла в течение предстоящей зимы настаивал и А. В. Кривошеин.

Однако наступление большевиков было столь стремительным и сильным, что ослабленные части белых не смогли удержать фронта. Соединения 1-й конной армии С. М. Буденного прорывались к Перекопу, грозя отрезать пути отхода. Неожиданные жестокие морозы ухудшали состояние плохо обмундированных Добровольцев. Лишь доблесть и мужество белых частично спасли положение и позволили большей части

Русской Армии все-таки уйти в Крым. Но поражение в Северной Таврии было очевидным. И хотя в официальных сводках Ставки Главнокомандующего говорилось об «организованном», «спланированном» отступлении, при котором красные понесли «большие потери», - по оценке самого Врангеля, результаты сражения оказались гибельными для Армии: «Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета... Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными... Были отдельные случаи массовых сдач в плен... Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней».

* * *

После отхода Русской Армии на полуостров ее командование планировало организовать оборону, опираясь на «неприступные», как неоднократно объявлялось в крымской прессе, укрепления у Перекопа и Чангара. Население заверялось в возможности «зимовки» в Крыму. Предполагалось, что к весне 1921 года Советская власть будет значительно ослаблена недовольством крестьян и рабочих, и новый «выход из Крыма» будет гораздо более успешным, чем в 1920-м. На заседаниях Правительства Юга России рассматривались вопросы о топливном снабжении городов, проведении съездов новообразованных волостных земств и городских управ. Однако сам П. Н. Врангель, очевидно, считал продолжение вооруженной борьбы в Крыму бесперспективным - следовало только оттянуть возможное падение Перекопских укреплений, многие из которых в действительности существовали только на бумаге. В крымских портах к ноябрю было накоплено достаточное количество топлива, и, по оценке Главнокомандующего, тоннаж судов также был достаточным для эвакуации всех желающих выехать (необходимо отметить, что об этих приготовлениях знали только сам Врангель и командование Черноморского Флота). О том же, что даже в случае успешной обороны зимовать в Крыму было невозможно, свидетельствует хотя бы тот факт, что запасы зерна на полуострове не превышали 3 миллионов пудов; по самым скромным расчетам, этого количества хватило бы только до марта 1921 года, после чего Крыму угрожал бы голод.

Штурм Перекопских позиций начался в Октябрьскую годовщину. Накануне генерал Врангель присутствовал на благотворительном вечере Корниловского Союза. «Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я

состоял, могло дать пищу тревожным объяснениям, - вспоминал он впоследствии. - Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице». А тем временем на фронте разразилась катастрофа.

Предпринятые по инициативе Главнокомандующего перегруппировки не были закончены к моменту штурма, и белым приходилось идти в контратаки без необходимой подготовки и отдыха. Беспрерывные бои измотали войска. К вечеру 28 октября генерал А. П. Кутепов телеграфировал в Ставку о прорыве Перекопских укреплений - «по его словам, дух войск был значительно подорван. Лучшие старшие начальники выбыли из строя и рассчитывать на удачу было трудно». И в эти грозные для Белого Крыма дни генерал Врангель проявил лучшие качества своего характера, проведя эвакуацию выдержанно, без паники, организованно погрузив на корабли большую часть Армии и множество гражданских беженцев. Он постоянно поддерживал связь с отступающими войсками, принимал многочисленные делегации, договаривался о помощи со стороны иностранных государств... 29 октября Правителем Юга России и Главнокомандующим Русской Армией был издан приказ об оставлении Крыма.

Учения пулеметчиков в Галлиполи, 1921 год.

Отмечая героизм войск и призывая к выдержке гражданское население, он вместе с тем предупреждал тех, кто собирался разделить с Белой Армией ее дальнейшую судьбу: «Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны

неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». Одновременно с этим приказом специальное сообщение предупреждало, что «Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем». - «Все заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, - остаться в Крыму»...

Впоследствии в адрес Врангеля звучали обвинения, что этим советом многие чины Армии и гражданской администрации были побуждены остаться на расправу большевикам (в захваченном Крыму сразу же развернулся дикий террор против всех категорий населения). В то же время, по воспоминаниям очевидцев, большинство желавших выехать могло сделать это беспрепятственно. Во всех портах, за исключением Феодосии, погрузка проходила с максимально возможной для столь критической обстановки организованностью и спокойствием. Войскам удалось оторваться от преследователей на несколько переходов и погрузиться без особых трудностей. Во всяком случае, в сравнении с эвакуацией Новороссийска в марте 1920 года крымская эвакуация выглядела намного спокойнее.

Одним из последних покинул Севастополь сам Петр Николаевич. Произнеся речь перед юнкерским караулом, Главнокомандующий днем 1 ноября 1920 года погрузился на крейсер «Генерал Корнилов». 3 ноября крейсер подошел к Феодосии, где генерал проконтролировал погрузку казачьих частей. После этого эскадра из 126 судов (большинство боевых кораблей и транспортов Черноморского Флота) вышла в открытое море. Последний период Белой борьбы на Юге России завершился.

Крест в память пребывания чинов Русской Армии в военных лагерях за границей.

* * *

Белый Крым покинуло более 145 тысяч человек, из которых около 70 тысяч составляли военные. Перед генералом Врангелем встала задача обустройства огромного числа военных и гражданских беженцев, обреченных на полуголодное существование на чужбине. Считалось необходимым сохранить Армию для продолжения вооруженной борьбы с большевизмом в ближайшем будущем, поэтому еще 3 ноября Главнокомандующий отправил с борта «Генерала Корнилова» радиограмму, которой предлагал представителям Антанты в Константинополе использовать русские части для несения оккупационной службы в районе турецкой столицы и проливов и борьбы с «революционными» войсками Кемаль-Паши. Однако это предложение осталось безрезультатным, а прибывшей русской эскадре предстояло испытать всю тяжесть многодневного пребывания на рейде Константинополя. Имевшиеся скудные продовольственные запасы были быстро исчерпаны. Находясь в стесненных, антисанитарных условиях, русские беженцы не имели возможности даже сойти на берег - это было запрещено «союзной» военной администрацией. На кораблях начались болезни, за кусок хлеба приходилось отдавать свое последнее имущество, многие, не выдержав тягот перехода и поражений, кончали жизнь самоубийством.

В этих условиях вся энергия П. Н. Врангеля была направлена

на хлопоты в иностранных посольствах - прежде всего Франции как единственной страны, признавшей Правительство Юга России, - с ходатайствами о предоставлении места для военного лагеря и размещении гражданских беженцев в Балканских государствах. Переговоры увенчались успехом, и в начале 1921 года большая часть гражданских лиц была размещена в Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Был организован специальный эмигрантский комитет, генерал Врангель дал поручение исследовать возможности организации земледельческих колоний близ Константинополя. Вывезенные из Крыма больные и раненые были размещены в приспособленных под лазарет залах русского посольства. Затем, по инициативе Главнокомандующего, в Париже был образован «Деловой Комитет», который принял на себя финансовую помощь русским беженцам. Его возглавил бывший министр финансов Правительства Юга России М. В. Бернацкий, а в состав вошли представители Главного Командования, Всероссийского финансового союза, Комитета банков, Красного Креста и Земско-Городского Союза. О поддержке генерала Врангеля заявил Парламентский Комитет, организовавшийся в Константинополе из бывших членов Государственного Совета и Государственной Думы. Подобные же заявления сделали русские национальные комитеты в Болгарии и Сербии.

Но если положение гражданских беженцев было более или менее определенным, то присутствие русской вооруженной силы оказалось совершенно нежелательным для вчерашних союзников, правительства которых уже не собирались продолжать поддержку сопротивления большевизму. Для Русской Армии не было места в Европе. Надо сказать, что и многие эвакуировавшиеся из Крыма военные скептически оценивали перспективы продолжения вооруженной борьбы, подавали рапорты об отставке, переходили на положение гражданских беженцев. Врангель понимал, что необходимо снова, как весной 1920-го, заявить, что борьба не окончена, вернуть Армии веру в победу и правоту Белого Дела.

Еще 15 февраля 1921 года во время смотра в Галлиполийском лагере Главнокомандующий сказал войскам: «Как солнце прорвалось сквозь темные тучи, так осветит оно и нашу Россию... Не пройдет и трех месяцев... и я поведу вас вперед, в Россию». А 22 марта, в годовщину принятия командования Вооруженными Силами Юга России, он обратился к своим соратникам с воззванием: «С непоколебимой верой, как год тому назад, я обещаю вам с честью выйти из новых испытаний. Все силы ума и воли я отдаю на службу армии... Как год тому назад, я призываю вас крепко сплотиться вокруг меня, памятуя, что в единении сила

наша».

Сплотить Белую эмиграцию, особенно военную ее часть, Врангель стремился, несмотря на крайне тяжелые условия. Казна была практически пуста, оставшихся средств едва хватало на расчеты с французской администрацией, снабжавшей Армию и гражданских беженцев продовольствием; в уплату за их содержание Франции были переданы и корабли Черноморского Флота. Лагерь близ Галлиполи, где разместились сведенные в полки бывшие части Добровольческой Армии, строился буквально на голой земле. «Союзное» командование бдительно следило за тем, чтобы общение Главнокомандующего со своими войсками было как можно более редким. Но даже и в немногие посещения Врангелем Галлиполи, на смотрах и парадах Армия чувствовала былую силу и авторитет своего Вождя. «Мы верили генералу Врангелю, - писал один из офицеров. - Верили безотчетно... Это была вера в человека... в его высокие качества и преклонение перед носителем Белой идеи, за которую тысячи наших братьев положили свои жизни».

Большую часть времени генерал проводил на своей яхте «Лукулл», ставшей своеобразной плавучей Ставкой последнего Главнокомандующего. Но 15 октября 1921 года яхта, стоявшая на рейде Константинополя, была протаранена итальянским пароходом «Адрия» и затонула через несколько минут. Удар пришелся как раз в ту часть судна, где находилась каюта Врангеля. Его самого и его семью спасла случайность — в это время они находились на берегу. Разбирательство так и не было доведено до конца, однако преднамеренный характер аварии был вполне возможен: непримиримость Врангеля не только была хорошо известна большевикам, но и мешала осуществлению планов распыления Армии, которые вынашивало французское командование. Бывшие союзники уже считали, что в новых условиях гораздо выгоднее сотрудничать с РСФСР, чем поддерживать враждебные ей силы...

В этих условиях Главнокомандующий начал переговоры с балканскими государствами о предоставлении убежища частям Русской Армии. К концу апреля 1921 года Болгария согласилась принять 9000, Сербия - 7000 военных, и уже в конце года основная часть Армии была вывезена в эти страны. Последний солдат покинул Галлиполи 5 мая 1923 года.

Генерал П.Н. Врангель.

* * *

После эвакуации из Галлиполи П. Н. Врангель вместе с семьей переехал в Сербию. Здесь он оказался в центре политических страстей, раздиравших русскую эмиграцию. Если бывшие деятели левых партий требовали роспуска Армии, то представители монархических кругов намеревались освобождать Россию только при условии открытого провозглашения Армией лозунга возрождения монархии. Эмигрантский Белград был одним из центров русского монархизма, и от Петра Николаевича во многом зависело, будет ли открыто провозглашен этот лозунг, или Армия останется верной своей традиции быть вне политики. Позиция Врангеля определялась его словами: «Главнокомандующий твердо решил сделать все, чтобы Армия не была вовлечена в политическую борьбу»; отношение же его к идее реставрации напрямую зависело от реальных ее возможностей. Речь шла о восстановлении не просто «принципа», но монархии как реальной силы, пользующейся доверием и авторитетом среди большинства населения России. Провозглашение же монархического лозунга в эмиграции считалось генералом преждевременным. По его словам, «Царь должен явиться тогда, когда с большевиками будет покончено... когда уляжется та кровавая борьба, которая предстоит при их свержении. Царь не только должен въехать в Москву "на белом коне": на нем самом не должно быть крови гражданской войны - и он должен явиться символом примирения и высшей милости». Появление «царя» в эмиграции, без силы и власти, было для генерала Врангеля абсурдным.

Для сохранения военной структуры и одновременно -

недопущения осложнений с иностранными государствами П. Н. Врангелем было принято решение о создании на основе подразделений Русской Армии «Русского Обще-Воинского Союза» - организации, призванной осуществлять взаимодействие между ячейками Армии в различных странах. И хотя основную работу по формированию структур РОВС пришлось вести уже не Врангелю, а его преемникам, в первую очередь генералу Кутепову, - у истоков крупнейшей военной организации Русского Зарубежья, существующей и по сей день, стоял именно Петр Николаевич. В письме генералу Шатилову от 26 сентября 1923 года Главнокомандующий писал: «Армия, нашедшая себе приют на Балканах, ныне стала на ноги, за участь ее мы можем быть спокойны. Вокруг нее надо собрать тех воинов, которые рассеяны по всему миру», -и 1 сентября 1924 года был издан приказ об образовании РОВС. Первым председателем Союза стал П. Н. Врангель, им же назначались начальники Отделов. Таким образом устанавливалась организация, спаянная крепкой дисциплиной, жесткой военной иерархией, готовая в любой момент стать основой для создания новой Армии и продолжения борьбы с Советской властью. Помимо военной структуры, отделения которой были действительно разбросаны по всему миру, РОВС имел кассы взаимопомощи, оказывал поддержку военным эмигрантам в поисках работы, предоставлял им материальную помощь.

На погребении генерала Врангеля, 6 октября 1920 г. Слева направо: генерал-майор В.К. Венков, генерал-лейтенант М.А. Фостиков, генерал-майор Д.В. Репников, генерал-майор Остроухов.

С самого момента возникновения новой военной организации

вокруг нее началась политическая борьба. Высший Монархический Совет в Берлине настаивал на принятии Союзом монархического лозунга, продолжалось соперничество сторонников Великих Князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Большое давление в связи с этим оказывалось и на Врангеля, тем более что 31 августа 1924 года Кирилл Владимирович издал «Манифест о восшествии на Престол» (еще в 1922 году, объявив себя «Блюстителем Престола», он призывал Главнокомандующего Русской Армией к сотрудничеству). Великий Князь Николай Николаевич резко выступил против этого акта. Русской военной эмиграции грозил раскол. Полагая, что передача управления Николаю Николаевичу, бывшему Верховному Главнокомандующему Российской Императорской Армией во время мировой войны, даст изгнанникам более авторитетного вождя, П. Н. Врангель 16 ноября 1924 года признал его Верховное руководство зарубежным воинством.

Думается, что не только политические соображения руководили Петром Николаевичем в этом акте. Сказывалась, очевидно, и та огромная усталость, которая была результатом практически непрерывной военной и политической борьбы, начавшейся еще в 1914 году и все более и более обострявшейся. Во главе РОВС должен был стать более энергичный, более активный лидер, — и в повседневной деятельности Союза все большим влиянием пользовался генерал Кутепов, сторонник немедленной и активной борьбы. Врангель же теперь большую часть времени занимался подготовкой к печати своих воспоминаний, работу над которыми он начал еще во время пребывания в Константинополе и Сербии в 1920-1923 годах. Формально сохраняя за собой пост Главнокомандующего, фактически он уже отошел от повседневных дел.

* * *

Последние годы жизни Врангеля прошли в Брюсселе. По воспоминаниям генерала Шатилова, «его уже не привлекало общество, он всячески его избегал. Он находил удовольствие только в беседах с близкими ему лицами... От привычки к достатку, к материальным удобствам жизни не осталось и следа. Прежняя резкость в суждениях о людях сменилась терпимостью и снисходительностью... Когда вспоминаешь это время его жизни, то невольно кажется, что хотя он был, казалось бы, еще совсем здоровым, но уже предчувствовалась близость кончины». Петр Николаевич снова вернулся к той специальности, с которой

начинал свой жизненный путь, - профессии горного инженера. Много внимания и сил уделял он подготовке к изданию своих «Записок». Однако увидеть свет они смогли только после его кончины. Незадолго до смерти, передавая рукопись для издания, генерал поставил условием, «чтобы части армии, военные союзы и отдельные чины их при покупке книг пользовались бы возможно большей скидкой».

Последние дни Петра Николаевича прошли в окружении родных и близких ему людей. Смертельная болезнь протекала тяжело, с мучительными обострениями и приступами. Ослабленный ранениями, лишениями, перенесенным тифом организм был окончательно подорван гриппом, перешедшим в тяжелую форму туберкулеза и осложнившимся нервным расстройством. Лечивший генерала профессор Алексинский вспоминал, что Врангель жаловался на страшное нервное возбуждение: «Меня мучает мой мозг... я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей... Мозг против желания моего лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Картины войны все время передо мною, и я пишу все время приказы»... 12 апреля 1928 года генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель скончался. «Боже, спаси Армию...» - было его последними словами.

Через полгода тело покойного Главнокомандующего было перенесено в Белград и здесь 6 октября погребено в русском Православном храме, под сенью склоненных знамен старых русских полков. Траурная церемония стала своеобразной демонстрацией верности Армии своему Вождю, теперь уже - его памяти.

Отдавая последние почести своему Главнокомандующему, вчерашние боевые соратники вряд ли представляли, что многие из них собираются вместе в последний раз. Действительно, никогда уже после похорон генерала Врангеля русская военная эмиграция не собиралась в таком полном составе. А вскоре РОВС постигли еще два тяжелых удара: в январе 1929 года скончался Великий Князь Николай Николаевич, а еще через год в Париже советской разведкой был похищен и убит генерал Кутепов. Высший подъем деятельности Союза уже оставался позади...

* * *

Генерал Петр Николаевич Врангель, его личность и вся его военная биография стали для Белой Армии своеобразным

символом непримиримости. Несмотря на то, что Гражданская война уже закончилась, для тех, кто разделил судьбу русского воинства даже вдалеке от России, Врангель был Вождем, под руководством которого можно было надеяться на конечный успех Белой борьбы, на победоносное возвращение на Родину. Именно в силу этого личность последнего Главнокомандующего Русской Армией среди военной эмиграции оставалась как бы вне критики. Забывались и прощались ошибки, допущенные им во время войны (в частности, весьма неоднозначная позиция в конфликте с А. И. Деникиным), неудачи и просчеты в борьбе за Крым в 1920 году. П. Н. Врангель становился непререкаемым авторитетом, и такая его оценка преобладала и преобладает в большинстве произведений авторов Белой эмиграции, посвященных событиям Гражданской войны на Юге России.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Я. А. СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ

А. С. Кручинин

Менее чем за четыре месяца до падения Белого Крыма, 6 августа 1920 года, Главнокомандующий Русской Армией генерал П. Н. Врангель издал приказ, отмечавший выдающиеся заслуги одного из своих соратников. Чеканные строки гласили: «В настоящей братоубийственной войне, среди позора и ужаса

измены, среди трусости и корыстолюбия, особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига - имя генерала Слащова.

...Дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы, - дорогому сердцу Русских воинов генералу Слащову именоваться впредь — Слащов-Крымский».

34-летний генерал Яков Александрович Слащов стал последним в истории России полководцем, официально удостоенным такого почетного титулования. Его имя тем самым ставилось в один ряд с именами таких прославленных вождей Русского Воинства, как Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический, Суворов-Рымникский, Паскевич-Эриванский, Дибич-Забалканский... и в этом, очевидно, была глубокая внутренняя правда, потому что и сам этот яркий, неординарный человек мог показаться несовременным, как бы пришедшим из-под стен Измаила или с флешей Бородина, где «молодые генералы своих судеб» водили в пороховом дыму гремящие оркестрами пехотные колонны.

Мы не случайно вспомнили стихотворение Марины Цветаевой «Генералы 1812 года». Литературным отражением Слащова традиционно считается Хлудов из булгаковского «Бега», однако внимательное изучение биографии генерала заставляет сделать вывод, что герой Булгакова, безумный, мрачный и окутанный атмосферой бреда и «снов», не только не тождествен личности Якова Александровича, но и во многом ему противоположен, - и наоборот, как будто о Слащове написаны эти восторженные строки:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след, -
Очаровательные франты
Минувших лет!

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.

Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие,
И весело переходили
В небытие!

Штабс-капитан Лейб-Гвардии Финляндского полка Я. А. Слащов, 1913 год.

* * *

Яков Александрович Слащов родился 12 декабря 1885 года в Петербурге, в Православной семье отставного офицера. Впрочем, на младшем Слащове военная линия семьи могла и пресечься,

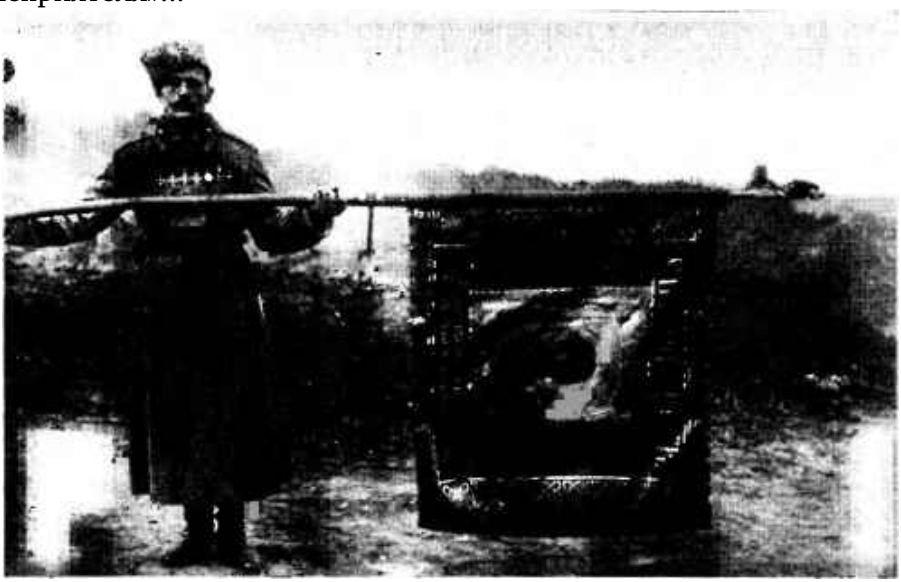
поскольку рано овдовевшая мать отдала Яшу не в кадетский корпус (куда, как сына полковника, его бы зачислили наверняка), а в реальное училище. Однако по его окончании молодой человек все же избирает военную стезю и 31 августа 1903 года зачисляется в Павловское военное училище. Не получившему кадетской закалки юнкеру Слащову на первых порах пришлось непросто: одно время стоял даже вопрос о самом его пребывании в училище, и лишь внимание офицеров и опекавших молодежь юнкеров-старшекурсников помогли ему не только удержаться, но и окончить училище старшим портупей-юнкером. Он вышел Лейб-Гвардии в Финляндский полк, где почти сразу попал в боевую обстановку: в 1905 году Финляндцы принимали участие в наведении порядка в столице, а в июле 1906-го — в подавлении матросского мятежа в Кронштадте.

Но зловещая атмосфера мятежа — провозвестника грядущего, еще более страшного братоубийства, - кажется, не оставила глубокого следа в душе подпоручика Слащова. Не забудем, что ему лишь недавно исполнилось двадцать лет, и если он чем-то и выделялся в это время на общем фоне своих однополчан, так тем, что, по рассказу одного из них, «редко участвовал в кутежах, водки не пил, а любил сладкое, принося с собой в офицерское собрание плитки шоколада. Товарищи добродушно над ним подтрунивали, называя красной девицей». Отслужив в строю положенные по закону три года, осенью 1908-го Слащов поступает в Академию Генерального Штаба[58], оканчивает по 1-му разряду два ее курса, а 6 мая 1911 года - и дополнительный «успешно»... «но без права производства в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному Штабу». Причиной был недостаточно высокий средний балл, хотя сослуживцы Слащова впоследствии утверждали, что он сам, получив высшее военное образование, не пожелал уходить из родного полка. Как бы то ни было, несмотря на «непричисление», он прикомандировывается к Штабу Санкт-Петербургского военного округа, а затем в течение двух учебных лет преподает тактику в Пажеском корпусе, что говорит о сохраняющемся интересе к военной науке.

Надо полагать, что Слащову нравилась эта работа: он даже решился расстаться с мундиром Финляндского полка, 31 марта 1914 года переведясь на штатную должность младшего офицера Пажеского корпуса (до этого он числился прикомандированным). Постепенно идут чины, с апреля 1913-го он уже штабс-капитан, на груди появляется первый орден - Святого Станислава III-й степени, в последний предвоенный год Яков Александрович женится на дочери генерала В. А. Козлова Софии Владимировне...

Но течение мирной жизни прерывается началом Великой войны, и штабс-капитан Слащов рвется на фронт.

Многие молодые офицеры очень боялись тогда не успеть на эту войну, подлинных масштабов и продолжительности которой не предвидело ни одно правительство, ни один Генеральный Штаб в Европе. Настойчивые ходатайства Слащова увенчиваются успехом, Высочайшим приказом 31 декабря 1914 года он вновь зачислен в Финляндский полк и уезжает на фронт, оставив молодую жену на последнем месяце беременности (дочь, названная Верой — может быть, в честь матери Якова Александровича, - появится на свет через неделю после его прибытия в полк). Первая рота Финляндцев, в честь Августейшего Шефа полка - Наследника Цесаревича Алексея Николаевича - именуемая «ротой Его Высочества», была принята штабс-капитаном Слащовым прямо на походе, 8 января 1915 года. На шесть лет для него началась, говоря стандартной формулировкой послужного списка, «бытность в походах и делах против неприятеля»...



Подпрапорщик Лейб-Гвардии Финляндского полка Савчук со знаменем полка, 1916 год.

* * *

«Безгранично храбрый, но не храбростью самозабвения или слепою храбростью рядового, а сознательною храбростью начальника, Я[ков] А[лександрович] соединял с этим драгоценным качеством все таланты крупного военачальника:

любовь к воинскому делу, прекрасное военное образование, твердый, решительный характер, поразительное уменье схватывать обстановку и т. д. В своей скромной роли ротного, батальонного командира Я[ков] А[лександрович] положительно предугадывал ход военных событий; было ясно, что он владеет тайной военного искусства, что позволяет ему обычные способы суждения о событиях дополнять каким-то внутренним чутьем их», - такой, без преувеличения, восторженный панегирик вышел из-под пера командира Финляндского полка, генерала П. А. Клодта фон Юргенсбурга, и даже при беглом знакомстве с биографией Слащова эта характеристика представляется вполне заслуженной. Не надломили его духа и пять ранений, три контузии и отравление удушливым газом. «Скобелев говорил, - продолжает генерал Клодт, - что нет человека, который не боялся бы опасности, и что храбрость состоит в умении владеть собою и сохранять способность "смотреть" и "видеть", "слушать" и "слышать". Я[ков] А[лександрович] обладал этой способностью в такой превосходной степени, что по временам казалось, вопреки мнению Скобелева, что он не понимает опасности. Думаю, что он ее отлично понимал, но при этом обладал несравненным даром самообладания».

Мужество Якова Александровича было отмечено восемью боевыми орденами, в том числе орденом Святого Георгия IV-й степени и Георгиевским Оружием, причем эти две самые почетные в Российской Императорской Армии награды были даны ему за бои, отделенные друг от друга всего одним днем, и за те же деяния («бои у д. д. Кулик и Верещин 19-22 июля и 22-23 июля 1915 года») он был удостоен ордена Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом. Такое сочетание выглядит если и не исключительным, то по крайней мере неординарным, и вполне соответствует выдающейся личности Якова Александровича, ставшего поистине живой легендой Лейб-Гвардии Финляндского полка.

«Ровно в час, назначенный для атаки, минута в минуту, он встает во весь свой рост, снимает фуражку, истово крестится и с обнаженной шашкой идет вперед, ведя роты на смерть или победу...» — таким запоминает его однополчанин. В бою Слащова прикрывают собою солдаты. Он упорно отклоняет неоднократные попытки перевести его из полка на штабную службу (как окончившего в свое время Академию). Выделяется Слащов и в минуты передышек, осмысливая боевой опыт и разрабатывая проекты, некоторые идеи которых генерал Клодт в конце 1930-х годов называл «пророческими». Назначенный, уже в чине полковника, 10 февраля 1917 года начальником Ударного отряда

2-й Гвардейской пехотной дивизии, формировавшегося в рамках подготовки к весеннему наступлению 1917 года, которое должно было сокрушить австро-германский фронт, - он готовит к этому своих подчиненных, положив в основу дух решительных и активных действий... Но - а в биографии Слащова, увы, слишком часто встречается это «но» — его замыслам не суждено было воплотиться.

За Февральским переворотом последовал стремительный развал Армии; Яков Александрович должен был возвратиться в ряды полка, а в июне был назначен командующим Лейб-Гвардии Московским полком, и это назначение, почетное и радостное во всякое другое время, сейчас стало тяжелым крестом. Фронтовые офицеры бессильны были вернуть войскам боеспособность, коль скоро этого не хотело Временное Правительство, безвольно потакавшее «революционизированию Армии», а в конце августа пошедшее на прямую провокацию против Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова.

На позиции 2-й Гвардейской пехотной дивизии известия о «корниловском мятеже» дошли 30 августа, когда офицеры-Финляндцы и приехавший к ним в гости Я. А. Слащов отмечали именины командующего полком полковника А. Н. фон Моллера. Они были застигнуты новым сообщением врасплох, и один из офицеров запомнил Слащова «тихонько повторяющим»: «Быть или не быть»...

На самом деле к этому моменту все было уже кончено. Известия на фронт запоздали: выступление генерала Корнилова закончилось неудачей. Быть может, История уже тогда сказала «не быть», но офицеры этого не знали, да, наверное, многие и не пожелали бы знать... И среди последних был Яков Александрович Слащов.

Для него война на «большом фронте» не только стала прекрасной школой его сурового ремесла, не только дала возможность доказать свою доблесть и готовность умереть за Веру, Царя и Отечество, - но и выявила в нем, помимо «профессиональных» талантов, особые качества военного вождя. «Слащов пользовался громадным престижем, пленял воображение своих подчиненных и создавал ту "атмосферу героизма", которая заражает других и рождает новых героев», — писал о нем генерал Клодт. И именно этих качеств потребовала от Якова Александровича новая, уже начинавшаяся война.

За несколько дней до Рождества 1917 года полковник Слащов прибыл в Новочеркасск.

* * *

На последующую карьеру Якова Александровича в рядах Добровольческой Армии, вероятно, повлияло то, что он не получил назначения в формируемые строевые части. Руководители борьбы еще питали надежды на создание по России широкой сети организаций; особое внимание привлекал Северный Кавказ, пока не охваченный большевизмом, и туда был послан ряд эмиссаров, в том числе и полковник Слащов.

Но назначение это приходится признать явно ошибочным: в открытом бою, который уже вели офицерские батальоны, герой-Финляндец был бы гораздо более к месту. В курортных же городках и казачьих станицах его работа не имела успеха. Казачество оказалось инертным, уставшим от войны и подавленным наплывом агрессивных, нахрапистых и подстрекаемых революционными агитаторами «фронтовиков». Все попытки Слащова организовать восстания оканчивались неудачами.

Нам известна одна из таких попыток - события в Ессентуках 25 марта 1918 года. Офицерская организация разоружила местных красногвардейцев, но через день подошел «Пятигорский революционный отряд» с артиллерией, которой у восставших не было. Под грохот шести орудий Ессентуки капитулировали, признав Советскую власть, а небольшая группа не пожелавших покориться ушла с полковником Слащовым в горы.

Следовавшие за неудачами периоды были, конечно, самыми тяжелыми: «Приходилось скрываться и не входить ни в один дом», - рассказывает Яков Александрович. Лишь время от времени показывается он в крупных населенных пунктах, и в одно из таких появлений перед полковником неожиданно открываются новые перспективы.

Это произошло в последних числах апреля в Кисловодске, где Слащов лежал в лазарете - многочисленные старые раны могли не только потребовать настоящего лечения, но и стать хорошим предлогом для пребывания в курортном центре, переполненном офицерами. Из лазарета Слащов и был отконвоирован к Главнокомандующему Красной Армией Северного Кавказа А. И. Автономову, у которого уже находился и знакомый Слащову полковник А. Г. Шкура[59].

Бывший хорунжий Автономов был решительным сторонником сопротивления германским войскам, появившимся на Дону и угрожавшим наступлением на Кубань. «Он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать родину», — вспоминал Слащов, а его ближайший соратник М. В. Мезерницкий дополняет это свидетельство чрезвычайно важной деталью:

«[Автономов], теперь чувствуя непрочность своего положения и возрастающую мощь доброармии, хотел войти с ней в связь, приглашая для совместной работы Слащова, заведомо зная о его принадлежности к армии, с другой стороны, боясь нашествия немцев на Кавказ, хотел сформировать армию для его защиты и, не чувствуя, по собственному выражению, за собой способностей командарма, приглашал видных генералов и офицеров к себе на службу... *Необходимым условием своей работы Слащов поставил соглашение с добро-армией. Автономов согласился*[60]».

Сразу же после достижения договоренности красный «главковерх» взял обоих офицеров с собою на митинг, состоявшийся в тех же Ессентуках, где Слащов наверняка был хорошо памятен населению. «Теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины», - провозглашал Автономов, однако его речь была встречена слушателями враждебно. Шкуро вспоминал:

«- Какое может быть у нас, казаков, к большевикам доверие, — сказал один из них, - когда они нас обезоруживают. В нашей станице понаехавшие красноармейцы поотымали даже кухонные ножи.

- Вы просите, чтобы мы выставили полки, - возражал другой, - а потом заведете наших детей невесть куда на погибель.

Вообще из выступлений казаков у меня создалось впечатление, что они совершенно не склонны доверяться большевистским зазываниям и даже приход немцев считают меньшим злом, чем владычество большевиков».

«Мне пришлось выступить и заявить, что все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен идти в армию и защищать свою родину», — рассказывал Слащов, и можно не сомневаться, что его упреки казакам, независимо от соседства с советским Главнокомандующим, были вполне искренними: ведь чуть больше месяца назад та же самая толпа малодушно спасовала перед двумя сотнями красногвардейцев, предоставив «нашим детям» (среди восставших было немало юнкеров и офицерской молодежи) отправляться в горы и скитаться там без крова и помощи; потом не менее доблестно разоружалась, послушно сдавая «даже кухонные ножи», и дожидалась прихода на свою голову Чрезвычайных Комиссий; а вот теперь, когда им возвращали отобранное оружие и предлагали легально собираться под началом Шкуро и Слащова, контрреволюционность которых была очевидным «шилом в мешке», - казаки вдруг начинали, почувствовав у красных слабину, проявлять «принципиальность». В дальнейшем агитацию и более подробное разъяснение подлинных планов взял на себя

Шкуро, Слащов же по поручению Автономова составил «план обороны» Северного Кавказа.

«Слащов предлагал, — пишет советский историк, основываясь на воспоминаниях Якова Александровича, - сосредоточить войска к северу от Тихорецкой, в районе Кагальницкая, Кущевская, Уманская, с тылом на Царицын. Направления же Екатеринодарское и Минераловодское должны были, по плану Слащова, прикрываться партизанскими отрядами, которые организовал Шкуро».

Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, *кому* в действительности мог быть выгоден такой план. Один из опорных пунктов советской обороны, железнодорожный узел Тихорецкая, в соответствии с ним оставлялся, а вся Кубань передавалась под контроль казачьих отрядов, быстро достигших тысячи шашек и чуть ли не открыто кричавших, «что, мол, полковник Шкуро "нас гарнизовал, чтоб большевикам шеи свернуть; что у большевиков возьмем, то наше, и по тысяче карбованцев жалования обещал"». Войска же, сформированные ранее большевиками, собирались в угрожающей близости от восставших Донских казаков и оправившихся после весенних неудач Добровольцев, имея более чем сомнительные перспективы связи с Царицыном. И похоже, что эта стратегия была принята Автономовым: случайно ли красный Главнокомандующий настойчиво требовал вывода находившихся в тылу войск - на «Батайский фронт», то есть практически в район, указанный Слащовым?

Более того, Автономов уже пошел на открытый конфликт с руководством «Кубано-Черноморской Советской Республики». Однако довести дело до конца у него не хватило духу, и он спасовал, не осмелившись опереться на организованных Шкуро и Слащовым офицеров и казаков. Главнокомандующий был обвинен в подготовке мятежа и уехал в Москву искать «справедливости», а план формирования «армии спасения родины» сорвался; теперь нужно было скрываться.

На «Волчьей поляне» недалеко от станицы Бекешевской собралась «Южная Кубанская Армия» полковника Шкуро, насчитывавшая семерых офицеров (один из них - Слащов), двух вахмистров и четырех урядников... Но все же и эти «силы» можно было считать зародышем будущего соединения, и, во всяком случае, сбор на Волчьей поляне знаменовал переход к долгожданной открытой борьбе.

* * *

Июнь 1918 года становится апогеем восстания казаков Баталпашинского отдела Кубанской Области и Пятигорского - Терской. Смелыми партизанскими действиями повстанцы наводят панику на большевиков, «батько Шкура» кажется вездесущим, а его войско растет день ото дня. Впрочем, как писал впоследствии участник событий, «отрядами Шкуро фактически в первый период борьбы руководил его начальник штаба, Слащов... И все лихие бои и набеги на большевиков в верховьях Кубани, на Лабе и Зеленчуке, поход на Невинномысскую и Ставрополь, всем известные под названием "повстанческих операций ген[ерала] Шкуро", руководились полк[овником] Слащовым».

Это похоже на правду (из воспоминаний самого Шкуро тоже складывается впечатление, что его собственная роль была скорее организаторской и агитационной), с той лишь поправкой, что «полковника Слащова» в тот период на исторической сцене не было - был «полковник Яшин». Жена Якова Александровича, очевидно, вместе с трехлетней дочерью, оставалась в Кисловодске, а поскольку от правивших там комиссаров можно было ожидать чего угодно, Слащов предпочел сменить фамилию.

Не без гордости отмечал он впоследствии, что из всех эмиссаров генерала Алексеева был «почти единственным, вернувшимся потом в добрармию со сравнительно крупным отрядом». Именно Слащов, «несмотря на противодействие Шкуро» (вспоминает Мезерницкий), настоял в последней декаде июня на соединении с главными силами белых. Появившись на подступах к Ставрополю, Шкуро отправил тамошним комиссарам телеграфное приказание очистить город, а сам отправился представляться Деникину, оставив «полковника Яшина» занимать Ставрополь. Перепуганные грозной телеграммой, большевики бежали, и во второй половине дня 7 июля 1918 года Яков Александрович на захваченном незадолго до этого у красных грузовом автомобиле въехал в столицу губернии.

Опомнившись, недавние хозяева Ставрополя сообразили, что занявшие его силы белых были вовсе не так уж велики, и начатое большевиками наступление сразу же поставило судьбу города под угрозу; спас подход подкреплений из Добровольческой Армии (с ними приехал и Шкуро), ибо в условиях стоянки в городе и оборонительных боев на его окраинах партизаны оказывались не слишком-то надежными. Ранее, когда Слащов просто не впускал походную колонну в населенный пункт, пока не договаривался с местными властями о размещении и снабжении, казаки держались в рамках приличий; теперь же проявлялись худшие стороны партизанской натуры. Помимо обычных кутежей, они могли и разойтись с позиций, так что однажды Слащову

пришлось, втроем с ординарцем и шофером, двумя пулеметами удерживать участок фронта, который бросила казачья сотня... Да и сам Шкуро, вкусив успеха, тоже становился другим, и раздраженный Слащов, скорее всего несправедливо, злился на своего командира: «Уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты, и он был отстранен от командования отрядом, превращенным во 2-ю Кубанскую дивизию Улагая». Действительно, во второй декаде июля состоялось назначение начальником дивизии, в которую переформировывался отряд Шкуро, полковника С. Г. Улагая, а Яков Александрович вскоре вступил в командование вновь сформированной Кубанской пластунской бригадой.

Генерал-майор Г.Б. Андгуладзе.

Начался долгий период тяжелейших, изматывавших боев. Ставрополь пал под ударами большевиков, и Деникин стягивал к нему практически всю Добровольческую Армию. Стратегическое значение самого этого центра было ничтожно, но требовалось нанести решительное поражение живой силе противника, без чего положение белых на Кубани не могло почитаться прочным. К концу октября кольцо вокруг города замкнулось, причем бригада Слащова заняла позиции на западных подступах, рядом с 1-й конной дивизией генерала П. Н. Врангеля. «Он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью», -вспоминал позднее о

Якове Александровиче Врангель. С молодостью не вязалась только обильная ранняя седина в светло-русых волосах Слащова, о которой рассказывают другие очевидцы...

Полностью окруженные, справедливо оценивающие свое положение как критическое, большевики дрались изо всех сил. Утром 31 октября на северном участке они отбросили остатки растаявших в боях белых полков и прорвались на северо-восток, покидая Ставрополь, куда в середине дня 2 ноября вошла конница Врангеля. В то же время в Минераловодском районе все еще оставалась крупная группировка советских войск из состава XI-й и XII-й армий. Для борьбы с нею были собраны две конные дивизии, две пластунские бригады и несколько мелких отрядов, сведенные в 3-й армейский корпус генерала В. П. Ляхова. В одном из боев, в конце ноября, полковник Слащов был ранен и уехал в тыл на излечение. Это был его первый отдых с октября 1917 года.

Екатеринодар, пирующий, спекулирующий и переполненный тыловым офицерством, в сравнении с оборванными, полуголодными и изнемогающими в непрерывных боях фронтовыми частями производил отталкивающее впечатление. «У Слащова в вагоне (он еще лечился после ранения и жил в вагоне из-за отсутствия квартир в городе) шли речи, что скоро, кажется, придется устроить еще одну революцию и вырезать всех тех, кого так легкомысленно не дорезали большевики, - вспоминал Мезерницкий, в декабре 1918-го тоже выбравшийся в отпуск. - За два года люди ничему не научились, но и ничего не позабыли».

С мыслью «покончим прежде на фронте, а потом разберемся в тылу», возвращались Слащов и его молодой подчиненный в бригаду. Вскоре во время атаки Яков Александрович был вновь ранен - теперь пулей в ступню правой ноги, и эта рана еще долго причиняла ему немало страданий. Неспокойно было и на сердце: назначенный Главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского Края (эта новая структура заменила прежний 3-й корпус) генерал Ляхов был человеком крутого нрава, предпочитавшим жесткие репрессивные меры даже в тех случаях, когда, по мнению фронтовых начальников, их можно было бы избежать. Не ужившись с Ляховым, Яков Александрович попросил о переводе, и после краткого отпуска, проведенного в Кисловодске с семьей, приказом Главнокомандующего от 18 февраля был назначен командиром бригады 5-й дивизии, формировавшейся в Северной Таврии. Отныне вся его боевая биография будет связана с Новороссией и Крымом, где он и заработает свой почетный титул «Крымского».

* * *

5-й дивизии фактически еще не существовало: «В частях пехоты... еще до начала неудачных боев в некоторых ротах было по 11-18 штыков», - писал ее начальник Штаба, и при такой картине вряд ли покажется удивительным, что неудачи не заставили себя долго ждать. Хотя по другую сторону фронта и были в основном повстанческие отряды, порой пренебрежительно относимые к разряду «банд», - на деле они, мобильные, неплохо вооруженные и численно превосходившие белых, оказывались весьма неприятным противником. По сравнению с Северным Кавказом положение в Таврии выглядело гораздо более тяжелым.

Но вряд ли Слащов представлял себе обстановку к моменту своего приезда в Крым. Интересно отметить, что появление нового лица - никому не знакомого высокого, русоволосого молодого офицера в черкеске[61] - вызвало совершенно фантастические слухи, и Осведомительное бюро Штаба Крымско-Азовской Добровольческой Армии не поколебалось оповестить о... прибытии на полуостров Великого Князя Михаила Александровича (брата последнего Государя), к тому времени уже более полугода как убитого большевиками. Этот слух так до конца и не развеется, и даже летом 1920-го все еще будет порождать расспросы, «правда ли, что генерал Слащов - это Великий Князь Михаил Александрович, только до поры, до времени он не хочет себя объявлять?»

В смутные времена нередко ищут чуда, и, наверное, в самом деле только чудо могло спасти тогда Таврию и Крым. Фронта как такового не существовало, противники нередко наносили удары вслепую, и в этих условиях военные знания и опыт офицеров теряли свою силу перед многочисленностью врага, дерущегося более бестолково, но не менее ожесточенно; в довершение всего командование Крымско-Азовской Армии фактически выпустило из рук управление войсками, и во второй половине февраля события приобретают необратимый характер. Армия разваливается, и к 10 марта полковник Слащов отводит правый фланг таврической группировки за жидкие проволочные заграждения на Сальковском полуострове, отразив попытку красных ворваться в Крым на плечах отступающих. 15 марта он отходит на рубеж Чангарского железнодорожного моста через Сиваш, а 23-го мы уже видим его на подступах к Перекопу, куда на усиление атакованного превосходящими силами большевиков участка были под командой Якова Александровича брошены сборные части, немногочисленные, неустойчивые и представлявшие сомнительную боевую ценность. Тем не менее 24 марта на Перекопском перешейке Слащов нанес сильный удар противнику и приостановил его наступление, но ненадолго: уже

26-го командование Армии решило отступать к Керчи, и войска со всех направлений начали спешный отход на Ак-Манай, хотя надежда уцепиться за последний клочок земли под Керчью и была невелика.

Однако уцепиться все-таки удалось, и к концу первой декады апреля белые остановили противника на импровизированной Ак-Манайской позиции. В то же время среди командного состава царила неуверенность, - иные готовы были, как писал впоследствии Яков Александрович, «приговорить к сдаче» Ак-Манай, а с ним и весь Крым. Но приговор оказался явно преждевременным: на рассвете 14 апреля была даже сделана попытка контрнаступления, не достигшая, впрочем, больших результатов. В атаке получил тяжелое ранение начальник 5-й дивизии генерал Н. Н. Шиллинг, и во временное командование дивизией вступил полковник Слащов.

К началу мая на Ак-Манае у белых оставалось около 3300 штыков и шашек против более чем 9000 у большевиков. Разница в живой силе, правда, до некоторой степени компенсировалась превосходством Добровольцев в пулеметах и орудиях, а также тем, что почти полуторамесячную передышку они использовали для реорганизации и укрепления своих войск. 5-ю дивизию пришлось просто расформировать, и в составе 3-го армейского корпуса (нового формирования), в который была сведена Крымско-Азовская Армия, остались Отдельная кавалерийская бригада и 4-я дивизия. Начальником дивизии был назначен генерал С. К. Добророльский, но поскольку Шиллинг, предназначавшийся на должность командира корпуса, еще не оправился от ранения, -Добророльскому пришлось исполнять его обязанности; дивизию принял Слащов, формально считавшийся в ней командиром бригады. 14 мая приказом Главнокомандующего он был произведен в генерал-майоры. Ему было тогда тридцать три года.

Молодой генерал неплохо подготовил вверенные ему войска к наступлению, которое началось на рассвете 5 июня. Его пехота взломала оборону противника, а правее, вдоль берега Сиваша, пошла в атаку кавалерия, после прорыва начавшая растекаться по ближним тылам красных. Эффект таких диверсий хорошо понимал и Слащов, сочетавший фронтальную атаку со смелой десантной операцией у местечка Коктебель, которая вызвала паническую эвакуацию большевиков. По собственным признаниям последних, они даже не успели оставить в городах Крыма своей подпольной сети, хотя этот род деятельности, в котором революционеры всегда достигали гораздо больших успехов, чем в открытом бою, был для них крайне важным.

За 23 дня белые освободили всю Таврическую губернию и вышли на рубеж Днепра. «Победоносное шествие от Ак-Маная через Перекоп на Бериславль», как назвал его в одном из приказов Яков Александрович, завершилось 27 июня атакой города Алешки и местечка Голая Пристань. 4 июля Деникин телеграммой благодарил Слащова и командира одного из полков генерала Г. Б. Андгуладзе «за их лихие действия под Алешками и Голой пристанью», а слащовская артиллерия тем временем уже вовсю била через реку по вокзалу и пристани Херсона. 2 июля Слащов даже предпринял налет на «тот берег» — небольшой отряд переправился через Днепр на пароходе и, высадившись, с боем прошел, производя большую панику среди красных, до железнодорожного вокзала. Насладившись произведенным эффектом, десант благополучно возвратился.

Однако остаток столь бурно начавшегося июля прошел в относительном бездействии. В соответствии с принятой 20 июня «Московской Директивой» Деникина корпус Добророльского остановился на рубеже Днепра, имея задачей лишь обеспечение левого фланга центральной группировки, рвущейся на Москву. Почти вся кавалерия была взята из состава корпуса, и он вообще перестал существовать как войсковое соединение - в нем оставались лишь 4-я дивизия (три полка и конвойный дивизион, которым командовал Мезерницкий) и два конных полка.

Оказалось, однако, что Днепр оборонительным рубежом быть не может. В условиях Гражданской войны, при малой плотности войск, в выигрышном положении нередко оказывался тот, кто форсировал реку, сам выбирая место нанесения удара, в то время как оборонявшийся, вынужденный охранять участки значительной протяженности, не имея для этого достаточных сил, неизменно терпел урон. Единственным выходом становилось... дальнейшее наступление, - причем, если осторожный Добророльский будущие операции на Правобережье предпочитал переложить на соседей, то Штаб Главнокомандующего посчитал, что развитие наступления можно доверить 4-й дивизии, и оказался прав.

12 июля Добророльскому было приказано «обратиться к исполнению своих прямых служебных обязанностей» начальника дивизии, 20-го выздоровевший Шиллинг вступил в командование корпусом, а 29-го в штаб 4-й дивизии полетела телеграмма, предписывавшая перенести боевые действия за Днепр. Сторонник пассивного выжидания Добророльский был назначен «в распоряжение Главнокомандующего», а начальником 4-й дивизии уже и формально стал генерал Слащов (да вряд ли он и сдавал командование Добророльскому во второй половине июля). Не

прошло и недели, как Яков Александрович вновь доказал, что с войсками и на острие наступления он был как раз на своем месте.

Уже 1 августа пал Херсон, а к 5-му два полка во главе с самим Слащовым подошли к Николаеву, где сосредоточилась крупная группировка большевиков. Слащов, с 3 августа не имея связи со Штабом корпуса и действуя исключительно на свой страх и риск, сумел организовать взаимодействие всех имевшихся в его распоряжении родов оружия - пехоты, своего конного конвоя, бронепоезда и прошедших в Днепровско-Бугский лиман кораблей Черноморского Флота, - и Николаев пал; Яков Александрович, лично возглавивший атаку, «во главе конвоя галопом ворвался в город» (рассказывает Мезерницкий). Красные, бросая обозы, эшелоны и бронепоезда - единственная железнодорожная ветка, по которой они могли отойти, была разрушена крестьянами-повстанцами, - бежали на запад. Во время этого движения большевицкие войска понесли значительные потери дезертирами, с «причиной» чего вскоре довелось познакомиться и Слащову.

* * *

Со второй недели августа в поле зрения командования 3-го корпуса попадает «Революционно-Повстанческая Армия Украины (Махновцев)» - бывшая советская дивизия, разбитая в мае на Таганрогском направлении, преданная своими союзниками-большевиками и отступившая за Днепр. В ее стремительном отступлении, в сущности не имевшем конкретной цели, отсеивался случайный и нестойкий элемент и вокруг Н. И. Махно сплачивалось ядро отборных бойцов, уже не знающих иного ремесла, кроме войны, преданных своему вождю больше, чем любой партийной программе, и привлекавших к себе из состава Красной Армии тех, кто хотел не убегать на север, к Киеву, а драться против наступавших белогвардейцев. Слащов быстро оценил их боевые качества: «у противника при вообще превосходящих меня силах еще имеется крупная, энергичная и очень деятельная конница»; «элемент в боевом отношении отличный, - конница, так просто вызывает восхищение»; «огромное количество артиллерии и пулеметов, артиллерийским огнем они часто просто забивают, деморализуя, наши части», - и с этим-то врагом теперь приходилось иметь дело. Для борьбы с махновцами Слащову были подчинены конная бригада генерала Н. В. Склярова и отряд генерала П. С. Оссовского, и в упорных боях 23-26 августа под деревней Ново-Украинка Повстанческой Армии был нанесен ряд жестоких ударов.ˆМахновцам пришлось

продолжать движение на запад, в общем направлении на Умань, где уже появился новый противник белых.

Это были Объединенные Украинские Армии (Галицийская и Армия Украинской Народной Республики), возглавляемые «Головным Отаманом» (Главнокомандующим) С. В. Петлюрой. Сторонники отделения от России, готовые лучше пойти на сотрудничество с большевиками, чем с русской Белой Армией, петлюровцы уже спровоцировали вооруженный конфликт в Киеве, куда 17 августа их войска вступили одновременно с белым авангардом (командир Запорожского корпуса «генерал-хорунжий» В. П. Сальский - в недавнем прошлом полковник русской армии - демонстративно проехал по русскому национальному флагу, брошенному современными «запорожцами» под копыта его коня). В конце августа генерал Слащов предупреждал командование: «Петлюра разбрасывает явно враждебные нам прокламации», а 1 сентября, получив ультиматум одного из украинских командиров, который требовал отступить перед его войсками, — направил начальнику Штаба войск Новороссийской Области[62], генералу В. В. Чернавину, телеграмму, как нельзя лучше характеризующую и ее автора, и обстановку:

«Дорогой Виктор Васильевич, горячо любя Николая Николаевича (Шиллинга. *-А. К.)* и тебя, не могу удовлетвориться номер[ом] 23281[63]. Разбери его сам, и ты скажешь то же самое. Я вошел в соприкосновение с Петлюрой на фронте Умань - Любашевка, он требует очищения территории вплоть до Ольвиополя - я разбил Махно и гоню его на северо-запад между известными тебе железными дорогами. Если я уйду за ним, я открою фронт Петлюре. Все это я донес в № 750, подробно разбери это с Командвойском и учти обстановку. Я сделаю все, что в моих силах, и если удастся предлага[ема]я мною группировка ([см. №] 750), разнесу Петлюру вдребезги, но мне все же нужна поддержка Штаба войск - ведь не могу же я идти против вашего приказа. Обстановка диктует: бросить Махно на пятую дивизию (имеется в виду отряд Оссовского, формально считавшегося начальником вновь сформированной 5-й дивизии. *- А. К.)* и раздавить Петлюру. Жду сегодня же ответа и не шифрованного, потому что шифры путают. Провожу в группировке войск идею, доложенную в № 750. Жду срочного ответа. 1 сентября. № 048. *Слащов».*

Генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг.

В этой телеграмме - и энергия молодого военачальника, и его азарт, и недоверие к вышестоящему штабу... и еще одна весьма интересная черта, которую обычно забывают, когда говорят о Якове Александровиче.

Зная цену самому себе и своим решениям, готовый отстаивать их весьма экспрессивно, порою на грани скандала, и, должно быть, именно поэтому заработав репутацию человека своевольного и взбалмошного, - генерал Слащов в то же время прекрасно понимал необходимость дисциплины и безусловного послушания. Стремясь убедить начальство в своей правоте, взывая, умоляя, заклиная, он всегда взывает именно об изменении распоряжений «сверху», подсказывая старшим по должности, *какой* приказ он считает наилучшим в данных условиях, но при этом отдает себе отчет, что выполнять будет *тот* приказ, который окажется окончательным. В будущем мы еще увидим, как он умеет повиноваться вопреки собственному мнению, пока же молодому генералу удалось переубедить Штаб войск Новороссии и получить свободу действий. Теперь ему предстояло доказывать свои полководческие таланты на деле.

Собственно говоря, полководцем с Белой стороны в Новороссии и оказывался один Слащов. Несмотря на молодость и не самую высокую должность, авторитет генерала был достаточно высок, чтобы под его началом объединились почти все находившиеся здесь войсковые части. Но и вся ответственность за операции тоже ложилась на плечи Слащова.

А ответственность была немалой. Общая численность подчиненных Якову Александровичу войск не превышала 8—9 тысяч штыков и сабель, в то время как Повстанческая Армия, по различным оценкам, насчитывала от 8 до 15 тысяч - точное число, очевидно, было неизвестно даже ее командованию, - количественный же и качественный состав петлюровцев еще не был выяснен. Неравенство сил не стало помехой для Слащова: 5 сентября он начал операцию против Петлюры и в течение недели нанес поражение противостоящей группировке (численностью от 6 до 8 тысяч). Но за это время несколько оправился Махно, заключивший с Армией УНР перемирие, получивший от нового соратника боеприпасы и передавший на его попечение большой обоз с ранеными.

Слащовская пехота окапывается под Елисаветградом, 1919 год.

После нанесения петлюровцам первых сильных ударов Яков Александрович незамедлительно приступил к подготовке окончательного разгрома Махно. Настояв перед командованием на сохранении единства управления войсками («...Вся операция должна быть объединена в одних руках, - подчинюсь кому угодно, лишь бы командовало бы лицо, знакомое с обстановкой и состоявшее здесь, - иначе весь успех и красота пропадет... Прошу меня понять и поверить, что я хлопочу не из-за личных целей, для чего прошу назначить для общего командования стороннее лицо, но для пользы дела настаиваю на общем командовании...»), он обрушил на противника новые мощные удары. 14 сентября, бросив на произвол судьбы своих раненых и тысячу штыков заслона, Махно с отборными частями, Штабом и Реввоенсоветом отчаянным усилием прорвался в восточном направлении и обратился в бегство.

До сих пор в исторической литературе бытует повторяемая

вслед за анархистскими апологетами «батьки» легенда о «рейде, сокрушившем тылы Деникина». Однако тогда, в первую неделю после прорыва, речь шла не о каком-либо целенаправленном движении, а именно о бегстве, в ходе которого махновцы бросали не только орудия, повозки и походные кухни, но даже винтовки, и в своем паническом стремлении за Днепр неспособны были вступать в самые незначительные столкновения со слабыми белогвардейскими заслонами.

Увы, командование войск Новороссийской Области не смогло использовать момента и добить раненого, но все еще опасного врага. В погоню направили сборный отряд незначительной численности, а роль заслона на Днепре была поручена только что сформированным ненадежным частям. В результате, проявив незаурядную волю и тактическое чутье, Махно сумел мобилизовать наиболее боеспособные элементы своей Армии и перешел Днепр. Слащову же было приказано продолжать операции против Петлюры.

Строго говоря, угроза с этой стороны и в самом деле еще не была ликвидирована. Силы были неравны: украинские войска превосходили белых в 4-5 раз, несмотря даже на свирепствовавшую среди петлюровцев эпидемию тифа. Тиф, впрочем, не признает политических различий - маневрировавшие, наступавшие и отступавшие, обходившие друг друга противники, останавливаясь в одних и тех же деревнях и ночуя в одних и тех же хатах, находились в совершенно одинаковых условиях, и поэтому обычные для украинских мемуаристов и историков жалобы на косившую петлюровцев эпидемию выглядят скорее попытками переложить на внешние обстоятельства вину войск, не сумевших выиграть кампании.

Слащов планировал ударом в направлении города Гайсин прорвать петлюровский фронт на стыке Армии УНР и Галичан. Но не все планы легко реализуются, и «Гайсинская операция» началась встречным боем - одним из самых трудных видов военных действий, требующим от полководцев крепости нервов, хладнокровия, быстроты решения и железной воли при претворении его в жизнь. На левом фланге белых бригада генерала Андгуладзе, несмотря на отвагу и решимость ее командира, была отброшена, и украинские войска угрожали выходом во фланг наступающей от Умани группировке. «Положение Уманской группы стало почти безнадежным; только медленность действий петлюровцев, шедших неуверенно и с опаской, все еще не веря в свой успех, спасала ее пока, - вынужден был признать впоследствии Слащов. - Об общем отступлении группы нечего было и думать, - вырвать обойденные

войска из боя, не потеряв большую их часть, было невозможно». А поскольку на «Уманской группе» держался весь фронт Новороссии, ее неудача могла перерасти в общую катастрофу. Пожалуй, это был первый случай, когда от полководческого дарования и счастья генерала Слащова зависело так много...

«Следовательно[64]*,* — делает вывод генерал, — вся обстановка сложилась так, что надо было наступать в главном направлении и победить во что бы то ни стало». На первый взгляд такое решение отдает авантюрой, но оно оказалось полностью оправданным, поскольку против слащовских войск были к тому моменту сосредоточены едва ли не все боеспособные украинские дивизии. Таким образом, «наступать в главном направлении» означало - наносить удар по основному скоплению живой силы петлюровцев и в случае успеха практически *уничтожить* Армию УНР как войсковое соединение.

Так и произошло. Прорыв и развитие успеха в одно мгновение коренным образом изменили обстановку: как будто был вынут стержень, скрепляющий войска противника; «в тылу петлюровцев стояла полная паника; отдельные части сдавались разъездам, обозы рассыпались в разные стороны...» - рассказывал Слащов. Катастрофа подействовала и на командование Галичан: оно обратилось с просьбой о перемирии, и 24 октября было заключено предварительное соглашение о переходе Галицийской Армии на сторону Деникина. «Благодарю Вас, Генерала Слащова и всех Начальников, - телеграфировал Шиллингу Главнокомандующий 28 октября, - за блестяще проведенную операцию, давшую нам победу над превосходным в числе противником и приведшую к столь благоприятному разрешению вопроса борьбы с галичанами».

«На фоне общей дружной работы и подвигов целых частей и всей Армии выделяется несравненная храбрость, талантливое руководство войсками и умение вдохнуть в них победный дух Командующего группой генерал-майора Слащова, которого прошу принять мою сердечную благодарность», - писал 12 ноября в приказе по войскам Области генерал Шиллинг, а тем временем генерал Слащов и его полки уже перебрасывались на новый участок.

Бронепоезд «Офицер».

Это был вновь образовавшийся «внутренний фронт». Оправившийся от уманского поражения и окрепший на Левобережье Махно поднял в белом тылу переполох, который побудил генерала Деникина направить на борьбу с Повстанческой Армией не только войска, находившиеся в тыловом районе или снятые со второстепенных участков, но и сражавшиеся на главном, противобольшевицком фронте. Уже в конце первой декады октября они нанесли махновцам несколько сильных ударов и в середине месяца вновь погнали противника к Днепру. Прорвавшись за реку, Махно захватил Екатеринослав, что Слащов впоследствии считал роковым для «батьки» решением. А генерал мог рассуждать о «махновской кампании» конца 1919 года отнюдь не понаслышке, ибо именно ему Главное Командование поручило ведение операций против «старого знакомого».

Выполнение задачи, однако, осложнялось тем, что недавно выведенная из боев 4-я пехотная дивизия как раз в это время разворачивалась в корпус, который вновь получил наименование 3-го армейского (третьего формирования). Самого Якова Александровича, впрочем, в командиры корпуса как будто никто не прочил, и лишь необходимость ликвидации махновщины повлекла фактическое предоставление молодому генералу прав комкора и даже больших.

Тщательно подготовив операцию, во второй половине ноября Слащов приступил к активным действиям против замкнувшегося в екатеринославском районе Махно, и судьба Екатеринослава и Повстанческой Армии решилась в течение десяти дней. Утром 25 ноября белые ворвались в город; отчаянная попытка анархистского вожака вернуть свою «столицу» была отбита, причем пример выдающегося геройства показал сам Слащов, с 70 казаками и гусарами своего конвоя в течение нескольких часов лично сдерживавший натиск ударной группировки противника (атакующим «все время приходилось подтягивать орудия, чтобы выкурить отдельные группы из каменных домов»). Последующими ударами генерал неуклонно отжимал бегущих махновцев в

излучину Днепра, дезертирство в Повстанческой Армии ширилось, кампания была проиграна ею начисто, и Слащову отнюдь не было нужды, как рассказывали много позже досужие сочинители, говорить: «Моя мечта - стать вторым Махно». Для этого он слишком успешно бил «первого Махно», войска которого спасла тогда от полного уничтожения только общая стратегическая обстановка на «большом фронте». Отступление потерпевшей поражение под Орлом ударной группировки Вооруженных Сил Юга России повлекло за собою приказ Слащову переправляться за Днепр и прикрыть Северную Таврию.

* * *

Казалось, Крым в январе 1920 года был снова, как и весной 1919-го, обречен на сдачу, - слишком мало сил было у Якова Александровича, а параллельно берегу Азовского моря, наперерез отступавшим, уже двинулась 8-я кавалерийская дивизия «Червоного Казачества» под командованием В. М. Примакова - одного из известнейших советских военачальников. Первый бой предстояло дать в Северной Таврии, хотя Слащов и предпочел бы обойтись без этого, сразу уйдя за перешейки.

Впрочем, для «Червонцев» хватило даже не боя, а фактически только демонстрации. Под прикрытием огня бронепоездов Слащов развернул в лаву триста конников, которые атаковали головные части Примакова и... остановили их, как выяснилось, на всю зиму. Решиться же судьба Крыма должна была на Перекопе, и здесь же предстояло держать экзамен тактике, избранной на зимнюю кампанию генералом Слащовым.

Он отнюдь не склонен был идеализировать своих солдат. С теми войсками, какие были в его распоряжении, Яков Александрович «совершенно не признавал» даже «сиденья в окопах», объясняя на военном совете в Севастополе: «На это способны только очень хорошо выученные войска, мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать только наступлением». Таким образом, по самой постановке задачи Слащову предстояло оборонять Крым... наступая.

Он не стал подтягивать войска к Турецкому Валу и городу Перекопу, расположив их значительно южнее, где полки можно было разместить на постой в крестьянских хатах; противнику же, пытающемуся проникнуть на полуостров, предстояло идти в течение целого дня по открытому, продуваемому всеми ветрами Перекопскому перешейку, не имея возможности остановиться и обогреться, - а на входе в Крым, перед юшуньскими позициями,

которые и стали его подлинными «воротами», большевиков встречали относительно свежие белые части.

В первом же бою такой оперативный замысел полностью оправдал себя. Бой, впрочем, оказался нелегким, и пришлось бросить в штыковую юнкерский батальон Константиновского военного училища, приберегавшийся Слащовым в качестве его личного резерва, а теперь понесший значительные потери. Убитого командира роты нашли «с застывшей правой рукой, занесенной ко лбу для крестного знамения», и, казалось, этим крестом не в меньшей степени, чем штыками юнкеров, было совершено чудо: большевики обратились вспять. Еще несколько раз они будут переходить в наступление и... неизменно терпеть неудачи. Судьба Крыма висела на волоске, то и дело фронт трещал, но войска каждый раз с честью справлялись с тяжелой задачей, и всем было ясно, какую неоценимую роль играл в этом возглавлявший оборону генерал.

Превосходно понимая эффект своего появления в конной атаке или пехотных цепях, Яков Александрович стремился воздействовать на воображение солдат, представая перед ними в ореоле какого-то сказочного героя. Этому способствовала и необычная, выдуманная самим генералом форма: опушенная черным мехом короткая белая куртка, меховая же шапка, летящая за плечами белая бурка; в боях генерала сопровождала влюбленная в него сестра милосердия Нина Нечволодова, в мужской одежде и под именем «юнкера Никиты Нечволодова» служившая в Штабе корпуса ординарцем[65]... Кроме ордена Святого Георгия, на своей куртке Слащов всегда носил академический нагрудный знак и знаки родного Финляндского полка и Московского, которым в свое время командовал, - причем Финляндский крест с девизом «За Веру, Царя и Отечество» в нарушение существовавших правил был привинчен на одном уровне с «Георгием». Блистательным видением, подобно Суворову или Скобелеву, проносился перед полками этот поистине «Белый» генерал, и полки шли за ним в огонь и совершали под его командою чудеса. А он после очередных боев благодарил войска - тоже «не по уставу»:

Командир Крымского корпуса генерал-лейтенант Я.А. Слащов с будущей женой Н.Н. Нечволодовой. Слева от Слащова - начальник Штаба корпуса генерал-лейтенант Г.А. Дубяго, весна 1920 года.

«Спасибо, братья, за то, что вы спасаете Россию...[66]

От меня земной поклон. Больше благодарить не умею...»

Но в тыл летели от Слащова телеграммы совсем другого тона и содержания. «...Передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов», - раздраженно бросает он после победного боя своему адъютанту. «Тыловая сволочь», «тыловая слякоть», «паразиты морального сыпняка» — все это подлинные слова из приказов и телеграмм генерала, свое пребывание на полуострове начавшего с громогласного объявления:

«На фронте льется кровь борцов за Русь Святую, а в тылу происходит вакханалия. Лица же офицерского звания пьяными скандалами позорят имя добровольцев, в особенности отличаются чины дезертировавших с фронта частей. Все это подрывает веру в спасение Родины и наш престиж. Вдобавок спекуляция охватила все слои общества. Между тем, забывшие свою честь видимо забыли и то, что наступил серьезный момент и накатился девятый вал. Борьба идет на жизнь и на смерть России.

Согласно приказа, я обязан удержать Крым и для этого облечен соответствующей властью и располагаю достаточными силами, но для поддержки фронта мне необходимо оздоровление тыла. Я прошу граждан помочь мне. Общественные организации и классовые комитеты, любящие Родину, придите совместной работой поддержать меня. Об этом я прошу всех, не потерявших

совесть и не забывших своего долга, а остальным заявляю, что буду продолжать борьбу не один67[67], так как бессознательность и своекорыстность жителей меня не остановит. Не остановлюсь и перед крайними мерами...

...Повторно разъясняю, что мне ген[ералом] Шиллингом приказано удержать Крым и что я это выполню во что бы то ни стало и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающих же этому сопротивлением и индифферентностью из-за корыстных целей, наносящих вред борцам за Русь Святую, говорю заранее: упомянутая бессознательность и преступный эгоизм к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть».

Подобные грозные приказы накрепко связали с именем генерала ярлык «вешателя». На самом деле по конфирмованным Яковом Александровичем приговорам за крымский период его деятельности было казнено немногим более тридцати человек, а свидетельств о тайных или бессудных расправах, которые приписывала генералу молва, не смогло впоследствии разыскать даже отнюдь не благоволившее к Слащову следствие. Казненные же, за небольшим исключением, проходят двумя группами: по «делу офицеров отряда капитана Орлова» (взбунтовавшегося под туманным лозунгом «оздоровления тыла», после суровых телеграмм Слащова подчинившегося ему, но затем вновь изменившего; офицеры разгромленного отряда были расстреляны) и «делу четырнадцати». Последнее стало одним из самых громких событий в жизни Крыма весной 1920 года. Причина этого крылась в несомненном нарушении судебной процедуры, что было, однако, вызвано обстоятельствами, не предусмотренными никаким судебным уставом.

Четырнадцать красных подпольщиков были схвачены с поличным при подготовке вооруженного восстания, которое неизбежно повлекло бы кровопролитие и значительные человеческие жертвы. Вина была очевидна, - но остававшиеся на свободе сообщники подсудимых в подметных письмах всем, от кого зависел будущий приговор, пригрозили им смертью в случае, если он окажется суровым. Испугавшиеся судьи оказались, конечно, снисходительными к изобличенным заговорщикам, но одновременно обратились за помощью к Слащову.

Генерал откликнулся на «слезное моление», явился с юнкерами в севастопольскую тюрьму, где содержались арестованные, вывез их в свой штаб и в ночь на 12 марта предал повторному военно-полевому суду из фронтовиков, угроз не боявшихся и приговоривших подпольщиков к смертной казни; немедленно все четырнадцать были расстреляны. Разумеется,

перед лицом большевицкого шантажа Яков Александрович чувствовал себя совершенно правым, а сам заговор не без оснований рассматривал как единое целое с очередной попыткой наступления красных на Перекопе: «Я беспокоился о судьбе Крыма... и потому одновременно разбил противника и утвердил приговор о расстреле предателей». Таким образом, все суровые приговоры, утвержденные «кровожадным Слащовым», вполне отвечали военной обстановке, когда кара вообще ужесточается, а судебная процедура — упрощается.

Что же касается «темных дел» крымской контрразведки, то она подчинялась Слащову весьма относительно. Собственно говоря, это было вообще не войсковое учреждение, а отделение уголовного розыска, лишь в условиях военного времени привлеченное к сотрудничеству с армией (чем Яков Александрович тяготился, стремясь организовать свою корпусную контрразведку) и к политическому сыску, первым же объектом которого стал... сам командир корпуса.

«Что мне ваш Слащов, я сам назначен за ним следить и сумею его скрутить», - кричал, подвыпив, начальник отделения, губернский секретарь Л. А. Шаров, и эта слежка была еще самым невинным в его деятельности. Так, он предлагал офицерам слащовского Штаба купить у него кольцо, которое, как вскоре выяснилось, принадлежало одному из расстрелянных, и Яков Александрович саркастически писал впоследствии, что нашлось бы немало «друзей», порадовавшихся, «если бы это кольцо оказалось у меня или у кого-нибудь из моих приближенных, но этой радости не суждено было осуществиться».

Недоброжелателей у генерала и в самом деле хватало. Оказавшись старшим военачальником на полуострове, он невольно сосредоточил в своих руках слишком большую власть, хотя и старался не вмешиваться в тыловые дела и оставлял за собой роль некоего верховного арбитра, чье участие требуется лишь при исключительных обстоятельствах, когда гражданская власть оказывается неспособной решить возникающие проблемы. Заслужил Слащов и репутацию человека, при котором «было совершенно немыслимо какое-либо "окружение", влияющее на ход дела». Но все это вызывало неприязнь тех, кто в условиях фронтовых неудач и общего кризиса деникинской власти хотел бы прибрать к рукам полуостров. Влиятельная политическая группировка настойчиво выдвигала на первые роли барона Врангеля, и распространение клеветнических, порочащих слухов о Слащове можно отчасти отнести на счет завистников и интриганов из своего же, Белого лагеря. А отношение к борьбе за власть самого Якова Александровича не замедлило проявиться

после эвакуации остатков Вооруженных Сил Юга России с Северного Кавказа в Крым, на военном совете, созванном для избрания преемника Деникину.

* * *

«У нас нет выборного начала, - негодовал Яков Александрович. - Мы не большевики, это не Совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать непригоже...» В то же время и совершенно уклониться от решения судьбы Белого движения Слащов не мог. Бросив заседание, он уехал на фронт, но перед этим в кулуарной беседе дал понять, что не станет возражать против назначения Деникиным генерала П. Н. Врангеля. Надо заметить, что, пожелай Слащов претендовать на первую роль сам, у него также нашлись бы сторонники. Однако генерал не стремился к власти, и Главнокомандующим стал барон Врангель.

Врангелю не нравилось в Слащове многое, начиная с чрезмерной эмоциональности и пышного костюма, - но больше всего, конечно, раздражала настойчивость, с которой Яков Александрович стремился убедить его в правильности и неотложности тех или иных предлагаемых мер. Главнокомандующий скептически относился к большинству слащовских ходатайств и рекомендаций, считая их причудами взбалмошного и неуравновешенного человека, однако в военных талантах отказать генералу было невозможно, и для проведения крупной войсковой операции в начале марта под начало Якова Александровича, произведенного в чин генерал-лейтенанта, Врангель свел практически все имевшиеся в наличии боеспособные силы. Именно тогда, во время шестидневного боя на перешейках, произошел самый красивый, легендарный и даже неправдоподобный эпизод биографии Слащова.

Части Русской армии в Крыму.

Это было 2 апреля на Чангарском мосту. Переправившиеся через узенький пролив белые были отброшены обратно на крымский берег, и создалась угроза форсирования пролива советскими войсками. Под прикрытием артиллерийского огня их цепи уже спускались к соединяющей берега гати. И генерал Слащов лично повел в атаку свой последний резерв.

Батальон юнкеров в 120 человек был усилен танкистами, чьи тяжелые машины все равно не могли двинуться вперед. Выстроив этот сборный отряд в колонну и приказал оркестру играть марш, Слащов вывел своих людей на гать - и...

В советской литературе подобные действия принято называть бессмысленным термином «психическая атака». На самом деле моральный эффект, эмоциональное воздействие, имеющее целью сломить волю противника, присуще абсолютно *любому* виду военных действий - атаке, маневру, удачно выстроенной обороне, хорошо организованному артиллерийскому огню; слащовский же марш по Чангарской гати в основе своей имел не «психические» (психологические), а самые что ни на есть рациональные соображения.

Оркестр в бою и присутствие в первых рядах атакующих старшего начальника хотя и были средством исключительным, но отнюдь не относились к области чего-то необычного или еретического. Будущих офицеров фактически *готовили* к этому в русских военных училищах, причем оркестр, знамена и проч., равно как и сам сомкнутый строй на поле брани, считались средствами сплочения и воодушевления *своих* войск, а вовсе не «запугивания» врага. Не следует упускать из виду и тактических особенностей атаки на Чангаре: для ее успеха необходимо было

подвести атакующих к противнику «компактной», плотно сбитой массой, которая могла бы всем своим импульсом разметать красные ряды; при преодолении гати перебежками или еще каким-либо «полевым» способом были бы потеряны управление и эта «компактность», хотя колонна, конечно, выглядела гораздо более уязвимой для огня.

Впрочем, огонь оказался абсолютно неэффективным. Мгновенно изменившаяся обстановка на поле боя, нервируя красных, заставляла их спешить, опомнившаяся белая пехота тоже устремилась в атаку, поддерживая колонну Слащова, а вслед за генералом по мосту двинулись бронепоезда. В конце гати юнкера ударили в штыки, опрокинули и погнали противника.

Результат боя на Чангаре превзошел все ожидания - красные были отброшены, а белые получили плацдарм для дальнейшего продвижения на материк. В том, что оно предстоит, никто не сомневался: Главнокомандующий по настоянию Слащова специально объявил о невозможности мира с большевиками. Штаб Врангеля, впрочем, мог еще в конце марта вынашивать планы переноса боевых действий в Северную Таврию. Тогда попытка не удалась, и, быть может, именно поэтому начал завязываться узел неприязни и взаимного недоверия, которые в недалеком будущем окончательно испортят отношения Врангеля и Слащова.

Момент прорыва на материк. наступил в ночь на 25 мая. Накануне общего удара на перешейках корпус Слащова (после очередной реорганизации он стал называться 2-м армейским) высадился на побережье Азовского моря, несмотря на жестокую болтанку, почти шторм, и удары налетавшей советской авиации. Не давая опомниться ни своим войскам, ни тем более противнику, генерал лично повел конницу. Началось победное наступление Слащова на Мелитополь.

В Мелитополь он ворвался уже 29 мая, как всегда, первым, в сопровождении всего лишь пятерых конвойцев. Вокруг еще бушевал бой, людьми владело ожесточение, но когда белые конники наскочили на большую группу бросивших оружие и испуганно сгрудившихся красноармейцев, - оказавшийся неподалеку генерал бросился наперерез: «Это наши братья, не сметь их рубить!» - и был встречен дружным и благодарным «ура» пленных. Вообще очень человечный по отношению к сдающимся, Слащов в те дни с полным правом писал в распространяемой по Таврии листовке:

«Стрелки 3[-ей] Советской Дивизии.

Ваши комиссары наврали Вам, что мой корпус расстреливает пленных.

Ни один пленный красноармеец не расстрелян - после перехода к нам буду считать Вас своими братьями - Русскими людьми.

Ни один мужик корпусом не ограблен - иду с русским народом и за народ.

Слащов»

Успех, впрочем, имели не только эти воззвания, но и активные действия слащовских дивизий; рассказывали, что среди воевавших против них красноармейцев были случаи отказа идти в бой, «потому что Слащов — непобедим»... И свою репутацию генерал как нельзя лучше подтвердил в боях, за которые был награжден только что учрежденным орденом Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

Однако стратегических последствий майско-июньские операции, включая даже сокрушительный разгром советской конной группы Д. П. Жлобы, не возымели. Во всем «врангелевском периоде» войны вообще не видно единой стратегической идеи: стремительным ударом заняв всю Северную Таврию, Главнокомандующий как будто поставил задачей удержание освобожденной территории - как показывал опыт, крайне рискованный, если не заведомо обреченный на неудачу способ действий.

Слащов, в отличие от Врангеля, имел четко сформулированный стратегический план, бывший, впрочем, не менее рискованным. Он указывал Врангелю на Правобережье Днепра, где разгорались крестьянские восстания и откуда можно было взять во фланг группировку советского Юго-Западного фронта, действующую против поляков. Риск же заключался в том, что немногочисленная армия была не в состоянии, перенося центр тяжести своих операций за Днепр, одновременно надежно прикрыть Северную Таврию. Очевидно, Слащов готов был даже поступиться Крымом, но Врангель с этим планом согласиться не мог.

Речь здесь шла, сознавали это или нет оба генерала, о принципиальном характере Белого движения. Стратегия Слащова *восходила* к традиции раннего, еще корниловского добровольчества - эпохе ледяных походов, кочующих армий и пренебрежения базой и линией фронта, Главнокомандующий же предпочитал прочно закрепить за собою всю Таврию, создав там «опытное поле» русской государственности. Недалекое будущее показало, однако, что фактическая передача инициативы в руки противника к добру не приводит, и уже в конце июля за нее пришлось расплачиваться Каховкой...

Захват Каховского плацдарма на левом берегу Днепра стал значительным успехом красных. Изнемогавшие в боях полки

Слащова несколько раз били и сбрасывали в реку переправлявшихся большевиков, но численное превосходство тех было слишком большим, с высокого правого берега советская артиллерия господствовала над левобережьем, и разгромить занявшую плацдарм красную группировку можно было попытаться только во взаимодействии с конным корпусом генерала И. Г. Барбовича. Однако Врангель не торопился подчинять его Слащову, а когда это все-таки было сделано, предписал Барбовичу «усиленно беречь конницу» и в конце концов отдал категорический приказ вывести из боя уже втянувшиеся в него конные полки и отойти в резерв. Ссылаясь на «офицеров, служивших под начальством Слащова и бывших возле него во время этой операции», современник рассказывал, «как рыдал Слащов, когда эта конница, получив повторное приказание из штаба Врангеля, наконец решительно отказалась повиноваться Слащову и ушла в тыл...»

Всяким человеческим силам положен предел. Это прекрасно понимал Яков Александрович, и наибольшим, чего он мог добиться, было нанесение противнику возможно сильнейшего урона. Но если это и было достигнуто (белые в те дни забирают пленных в количестве, заметно превосходившем их собственную численность), изменить стратегическую обстановку уже не удается: инициатива и здесь перешла к большевикам.

Наверное, понимал это и Врангель; по крайней мере, Слащову была прислана из Ставки телеграмма, чрезвычайно резко оценивавшая его действия. Не одержав победы на «внешнем» фронте, Главнокомандующий достиг ее на фронте «внутреннем», спровоцировав неугодного ему генерала на рапорт об отставке, которая и была принята 4 августа 1920 года.

* * *

Слащов чувствовал себя уязвленным, однако на всеобщее обозрение назревающий конфликт вынесен не был. Главнокомандующий хотел удержать Якова Александровича от перехода в активную оппозицию: популярность генерала в войсках и среди населения Крыма могла сделать его опасным противником, а вражда между двумя личностями такого масштаба грозила дестабилизацией политической обстановки. Понимал это и Слащов, во имя общего дела занявший позицию демонстративной лояльности к Главнокомандующему. Впрочем, внутренняя напряженность отнюдь не исчезла.

Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский.

Не прошло и недели после многократно опубликованного хвалебного приказа Врангеля - «России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой», — как на «отошедшего на покой» было заведено уголовное дело по статье, говорившей об «умышленном убийстве, изнасиловании, разбое, грабеже и умышленном зажигательстве или потоплении чужого имущества», с «особым надзором начальства» в качестве меры пресечения. Обвинения вызвали вполне понятное и громогласное негодование Якова Александровича, после чего «подследственному» было официально поручено возглавить комиссию по вопросам улучшения быта военнослужащих (!), а обвинения «смягчили» до сознательного «попустительства» начальника подчиненным ему преступникам. Все это, в общем, выглядело дурным анекдотом, тем более что следствие заглохло за отсутствием каких-либо данных о действительных или мнимых преступлениях Слащова. С другой стороны, полностью игнорированы были и рекомендации, сделанные его комиссией (ужесточить сбор налогов, предложить имущим кругам «сознательно отдать половину своего состояния... на финансовое и экономическое возрождение России» и «воздвигнуть виселицу для спекулянтов... торгашей и себялюбцев»). «Улучшение его здоровья оказалось лишь кажущимся[68], - писал в связи с этим докладом Врангель о Слащове. - Отдых, по-видимому, не рассеял тумана в его голове».

Эта реплика - единственное, что счел нужным Главнокомандующий сказать о полководце, которому был немало обязан, - лишь один образчик вакханалии сплетен, разыгравшейся вокруг имени опального генерала. Беспрестанно повторялось: Слащов - алкоголик, ни дня не способный прожить без спиртного, кокаинист, находящийся под постоянным воздействием наркотика, наконец, просто сумасшедший, все же успехи его — прихоть слепого случая. Думается, лучший ответ на подобные домыслы дал сам генерал в разговоре с П. А. Клодтом, состоявшемся уже в Константинополе.

«Я откровенно высказал Я[кову] А[лександровичу] все, что слышал о нем неблагоприятного, — вспоминал Клодт. - *Он выслушал меня и ответил:*

"Меня рисуют отчаянным пьяницей, кокаинистом, приписывают мне целый ряд чуть ли не преступлений. Вы меня хорошо знаете. Можете ли Вы этому поверить? Видели ли Вы меня когда-нибудь пьяным? Что я любил выпить, я этого не отрицаю, но пьяным меня ни Вы и никто в полку не видел. Что касается кокаина, то я прибегал к нему, когда для спасения дела мне приходилось не спать по несколько ночей сряду. Но кто же может за это осудить меня? Привычным кокаинистом я никогда не был. Мне приходилось действовать в исключительно трудной обстановке, я мог ошибаться, но все мои поступки отвечали моей совести. Другой образ действий я считал бы недостойным моего родного полка, о котором всегда помнил. Если бы я вел такую жизнь, какую мне приписывают, неужели это не отразилось бы на моем здоровье, на моем внешнем виде? Разве я уж так изменился?" Я смотрел на него - передо мною стоял прежний Я[ков] А[лександрович] с своей обычной улыбкой, очень мало изменившийся, несмотря на свое вообще некрепкое здоровье и на все бесчисленные ужасы, которые ему пришлось пережить. Я расстался с ним успокоенный».

Последнее тоже немаловажно, ибо внешний облик генерала становился объектом пересудов не в меньшей степени, чем все остальное. Но обращаясь к мемуарным свидетельствам, мы видим, что на каждое отталкивающее описание опустившегося или не вполне нормального человека находится противоположное, рисующее Слащова жизнерадостным и здоровым (вплоть до рассказа Владыки Вениамина: «Бодрящее и милое впечатление произвел он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового веселого лица...»), - здоровым за исключением многочисленных ранений, иные из которых — особенно рана в ступню — мучительно тревожили его, также, возможно, заставляя прибегать к болеутоляющим

средствам. Слащов, не раздумывая, ставил на карту свое здоровье с той же легкостью, как в бою - свою жизнь, и именно потому, что должен был быть в бою независимо от состояния здоровья. Современник и запомнил его в атаке «в валенке на одной ноге и в сапоге на другой» — нестерпимая боль не позволяла даже надеть сапог...

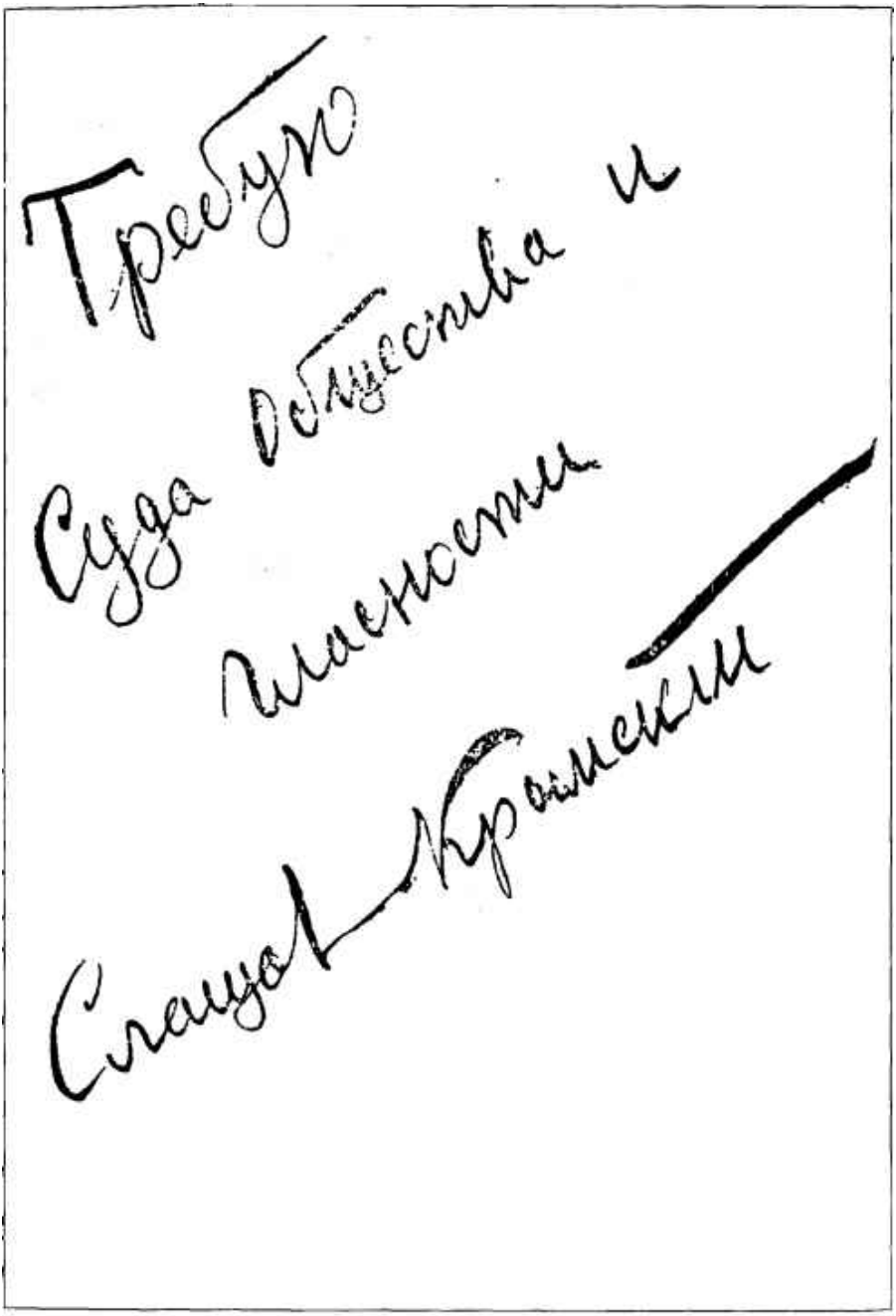
Ореол славы «спасителя Крыма» продолжал окружать Слащова. 20 августа ялтинская городская дума преподнесла ему звание почетного гражданина Ялты, и в начале сентября Яков Александрович переезжает туда из Севастополя, однако ненадолго. Тревожные слухи о тяжелых боях в Северной Таврии, конечно, не могли миновать его; по приглашению Врангеля генерал приезжает в Ставку, но возвращается разочарованным, не увидев там духа решимости, дерзания, уверенности в собственных силах. В Севастополе же Яков Александрович неожиданно для себя, да должно быть, даже и не догадываясь тогда об этом, сам оказался... угрозой Главнокомандующему: тому показалось опасным внимание публики, окружившее яркую фигуру «генерала Крымского». 20 октября Слащов получил предписание «незамедлительно отправиться в распоряжение генерала Кутепова»; «одновременно, - писал Главнокомандующий, - сообщаю последнему о Вашем выезде и предлагаю использовать Вас для объединения командования частями на одном из участков фронта». Якову Александровичу осталось неизвестным, что «последнему» в действительности, по позднейшему признанию самого Врангеля, было приказано, «чтобы он задержал генерала Слащова при себе, не допуская возвращения его в Севастополь». В штабе Кутепова Яков Александрович и узнал о падении Перекопских и Юшуньских позиций. Но окончательно все испортили, по его мнению, даже не поражения в боях, а приказ Главнокомандующего и объявление Правительства об эвакуации, изданные и распространенные 29 октября 1920 года.

Часовой у знамени Лейб-Гвардии Финляндского полка. Галлиполи, 1921 год.

Слащов негодовал, оценивая их как призыв «Спасайся, кто может!» и считая, что именно они сделали остатки Армии небоеспособными. И все же генерал не успокаивался, предлагая Врангелю «из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину, - сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном вам мною еще в июле месяце и повторенном в моих докладах несколько раз».

Здесь перед нами вновь не просто столкновение двух личностей, а несхожесть принципов борьбы. Для Врангеля, который заблаговременно распорядился готовить эвакуацию, уже было позволительным покидать Россию на неопределенное время и с неопределенными перспективами и фактически отдавать беженцев и, что еще важнее, Армию на милость союзных держав; наступал новый этап борьбы, по-прежнему остающейся антибольшевицкой, национальной, освободительной, но уже отходящей от прежних Белых традиций. Напротив, Слащов — весь в прошлом, во вчерашнем дне героической Белой Легенды, эпохе безумного самопожертвования и несомненной, не подвергаемой обсуждению готовности «победить или умереть» здесь, в России, никуда не уходя с родной земли. В пользу Врангеля говорит спасение от большевицкой расправы, по разным оценкам, 135-150 тысяч человек, но и авантюра Слащова в условиях крайнего изможднения сил красных, похоже, имела все-таки некоторые шансы на оперативный успех и могла затянуть войну еще на одну зиму. Победила же, конечно, точка зрения Врангеля, попросту не

вошедшего в рассмотрение планов своего порывистого подчиненного. Вместе с Кутеповым Слащов в ночь на 1 ноября возвращается в Севастополь и делает попытку прорваться к Главнокомандующему, но тот, опять же через Кутепова, отказывает ему. И Яков Александрович, взвинченный происходящим на его глазах крушением всего Белого Дела, кажется, начинает приходить к рискованным решениям...



Автограф Я. А. Слащова.

ГЕН. Я. А. СЛАЩЕВЪ-КРЫМСКІЙ

ТРЕБУЮ СУДА ОБЩЕСТВА И ГЛАСНОСТИ

(ОБОРОНА И СДАЧА КРЫМА)

МЕМУАРЫ И ДОКУМЕНТЫ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921

Титульный лист брошюры ЯЛ. Слащова «Требую суда общества и гласности».

* * *

Обстановка была для него слишком тягостной. Эвакуация Врангеля из Крыма, конечно, по организованности далеко превосходила то, что творилось, скажем, в Новороссийске, - но никакой исход многотысячных людских масс, из которых дисциплинированные воинские контингенты составляли не более трети, по самой природе своей не может пройти совершенно гладко и всегда будет сопровождаться трагедиями, недостатком мест, сутолокой, неразберихой, сломанными человеческими судьбами. На впечатлительного и эмоционального Слащова, не обладавшего беженским опытом и оказавшегося среди такого человеческого водоворота впервые, все это должно было произвести особенно сильное впечатление, достигшее кульминации, когда он столкнулся с остатками Лейб-Гвардии Финляндского полка.

С Финляндцами было Георгиевское знамя, врученное Государем в 1906 году. Священное полотнище удалось пронести через всю Смуту, спасая от большевицкого надругательства, - теперь же, несмотря на личное распоряжение Врангеля, места полку и знамени на кораблях не нашлось; но, когда офицеры уже готовились зарывать в землю полковую святыню, судьба послала им Слащова.

Спасение знамени - честь, о которой мог только мечтать любой солдат и офицер, - стало последним деянием генерала Слащова-Крымского на еще свободной русской земле. Пользуясь своей популярностью среди морских офицеров, он устроил Финляндцев на ледокол «Илья Муромец» и сам взошел на его борт, поскольку назначенного для генерала корабля уже не было в порту. Ко всему этому добавлялись еще страшные подозрения о свившей гнездо в штабах измене, и хотя документальных оснований для таких обвинений нет, субъективные переживания возмущенного и мечущегося Слащова уже толкали его, кажется, на попытку переворота.

Его видят и на рейде Севастополя, и в первые часы изгнания, в константинопольской бухте, - на палубе корабля с рупором в руках. Он что-то кричит; «пытался оправдаться», — заметит много лет спустя один из очевидцев, — но тогда Слащову еще не в чем оправдываться, и он не оправдывается. Он обвиняет. Только теперь, когда все рухнуло, и ни днем ранее, он идет в открытую атаку на Главнокомандующего, которого считает недостойным его поста. И союзника себе Слащов ищет в генерале Кутепове.

«Приехав в Босфор, — рассказывал Яков Александрович, — я... указал Кутепову на необходимость смены штаба.

Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт...»

На самом деле поданный 19 ноября 1920 года рапорт говорил отнюдь не только о «смене штаба». Упрекая Главнокомандующего в потере Крыма, Яков Александрович требовал у Врангеля передать свой пост Кутепову. Верный себе, Слащов подчеркивал впоследствии, что, по его мысли, смена Главнокомандующих должна была произойти легальным путем, «чтобы сохранился принцип п_р_е_е_м_с_т_в_е_н_н_о_с_т_и в_л_а_с_т_и[69], чтобы не было того, что принято называть coup d'etat[70]», - признавая тем самым, что налицо все-таки была попытка переворота.

Но Врангелю удалось погасить бунт быстро и без лишнего шума. Очевидно, он убедил Кутепова в нецелесообразности подобных действий и предоставил ему полную власть над самыми стойкими кадрами Армии, размещенными в Галлиполи, себе же оставил защиту нужд и интересов русских беженцев перед союзным командованием в Константинополе. В этом распределении ролей для генерала Слащова не было места, и он исключается из состава Армии.

Новым ударом для него стала резолюция «собрания русских общественных деятелей», призывающая во имя продолжения борьбы с большевизмом сплотиться вокруг Врангеля. Слащов в письме к председателю собрания повторил упреки, брошенные им ранее Главнокомандующему, но они не были услышаны. Врангель же, созвав суд чести старших офицеров Русской Армии», 21 декабря уволил генерала Слащова-Крымского от службы «без права ношения мундира».

Возмущенный Слащов доказывал, что приказ был незаконным. Теперь генерал дрался в одиночку, и следующим его ударом стал выпуск в январе 1921 года книги «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма)», в которой он настаивал на моральном осуждении Главного Командования. Книга привлекла к себе внимание публики, и в глазах «общества», к которому апеллировал Слащов, два генерала окончательно стали антиподами. И тем не менее громом среди ясного неба оказался следующий шаг «генерала Крымского», в первой половине ноября 1921 года неожиданно уехавшего из Константинополя... в Советскую Республику.

Во многом он был олицетворением самой Белой борьбы — один из первых Добровольцев, «победитель махновцев и петлюровцев» (формулировка агитационного плаката с его портретом), защитник Крыма, монархист, солдат до мозга костей, демонстративно враждебный «гнилому тылу»... — и теперь его отъезд давал великолепный повод для скрытого злорадства тем, кому был антипатичен как сам Слащов, так и дело, за которое он сражался три года. Теми же, кто не питал к генералу злобы,

овладело недоумение.

Зачем он это сделал?!

* * *

Не избежать этого вопроса и нам - слишком уж противоречит «возвращение»[71] Слащова всей его предыдущей биографии. Дальнейшее в значительной степени относится к области неподтвержденных (а может быть, и неподтверждаемых) догадок, поэтому следует сразу сделать два принципиальных замечания.

Разумеется, генерал Слащов был далеко не единственным белогвардейцем, эмигрировавшим, а затем вернувшимся в Россию. Именно поэтому в данном случае мы не собираемся выводить каких-либо общих правил для «возвращенцев» и не считаем, что «возвращение», пусть даже десятков тысяч, само по себе способно объяснить «возвращение» одного человека. Мы -не о десятках тысяч; мы - об одном генерале Слащове.

Другое исходное положение наших рассуждений относится как раз не к общему, а к индивидуальному. «Чужая душа - потемки», и исследователь может, разумеется, признать за своим героем «право» в любой момент совершить любой поступок, логически не связанный ни с предыдущим, ни с последующим или даже противоречащий всему, что мы знаем о человеке. Тем не менее в случаях, когда имеются конкретные факты биографии, окружающие такой спорный поступок, игнорировать их недопустимо, особенно если они к тому же выстраиваются в какую-либо систему; а именно логическую систему мы и попробуем увидеть в тех событиях и свидетельствах современников, которые до сих пор были недостаточно известны.

Не приходится обсуждать злобных обвинений, что Слащов был «куплен», поскольку сребролюбие никогда не было свойственно Якову Александровичу, более того - еще в начале Гражданской войны все вывезенные из Петрограда личные ценности были им потрачены на нужды белогвардейской организации, — и непонятно, почему вдруг в эмиграции его в одночасье оказалось столь легко «купить». Версия, будто эволюция взглядов генерала началась еще весной 1920 года под влиянием воззвания к русским офицерам А. А. Брусилова и группы других старых военачальников, ни на чем не основана, а приводимая ее автором ссылка на документальный источник фальсифицирована (Слащов там даже не упоминается). Более правдоподобными выглядят предположения о «тоске по родине» или желании «не отделяться от России и переносить все,

выпавшее ей на долю, веруя, что "претерпевший до конца, той спасен будет"[72]», но оба они отличаются умозрительностью и недоказуемостью, апеллируя, в сущности, к тем самым потемкам в чужой душе. Не выдерживает критики и заявление о «раскаянии», ибо в опубликованных уже в СССР мемуарах Якова Александровича, несмотря ни на что, как раз раскаяния-то и не видно: они написаны с чувством спокойной гордости за все содеянное, а фразы о собственном «недостатке сознательности» звучат при этом едва ли не злой иронией.

Среди личных мотивов упоминались также малодушие, слабость, «соблазн», обида, уязвленное самолюбие, причем даже автор, решительно не приемлющий слащовского поступка, писал об этом:

«...Слащова больше жалели, но не презирали.

Жалели за малодушие, обычно ему не свойственное, жалели за то, что общую прекрасную белую идею, которой он когда-то так доблестно служил, ему не удалось поставить выше личного, случайного, жалели за ложный, самоубийственный шаг, повлекший за собой все последующие и доведшие его до окончательного морального падения.

Жалели, - но, кажется мне, не ненавидели.

Особенно те, кому хоть некоторое время довелось быть с ним в боевой работе».

Это свидетельство очень ценно. Выдвигая версию о «личном, случайном» как главном мотиве Слащова, оно, в сущности, само же и подводит к ее опровержению, показывая, что личность генерала не до конца утратила вес в белогвардейских кругах даже после шага, однозначно квалифицированного многими как «измена». А ведь противостояние с Врангелем могло стать основной причиной отъезда в РСФСР, только если бы оно повлекло за собою остракизм, полное изгнание Слащова из той среды, которая была для него единственно близкой. Но эмиграция отнюдь не была однородной, и оставаться белогвардейцем вполне можно было и не будучи «вранжелистом» (выражение В. В. Шульгина). Так, с явным пиететом относились к Слащову радикальные монархические круги, испытывавшие явный недостаток громких имен, - и у Якова Александровича были все данные, чтобы занять в какой-либо из подобных организаций высокое положение, позволяющее, кстати, и избежать материальной нищеты. Более того, он и сам «состоял в распоряжении» Великого Князя Димитрия Павловича чуть ли не накануне отъезда в РСФСР. Наконец, были бы определенные шансы на успех и у самостоятельной «слащовской партии», пожелай генерал собрать вокруг себя единомышленников и

начать свою собственную политическую игру, - коль скоро на Церковном Соборе в Сремских Карловцах находились фантазеры, в кулуарах выдвигавшие кандидатуру Якова Александровича на... Российский Престол «якобы как незаконного сына Александра III» (!!); самое удивительное, что было это, когда генерал уже находился в Советской Республике (Собор проходил с 21 ноября по 3 декабря 1921 года).

Вся эта эмигрантская каша, в которой серьезные и выстраданные чувства порой соседствовали с откровенным фарсом, тогда еще только заваривалась, так что возражение, будто Слащов мог сразу разглядеть бесперспективность подобных попыток и предпочесть службу в «настоящем», хотя бы и большевицком государстве, — не выглядит убедительным. Да, наконец, осенью 1921 года еще не окончилась вооруженная борьба, на Дальнем Востоке сражалась Белоповстанческая Армия, и обсуждались даже проекты переброски туда русских войск из Турции. И как бы скептически ни относился Яков Александрович к любой эмигрантской деятельности, — это не объясняет, почему он мог предпочесть ей режим, с которым начинал войну одним из *первых* и заканчивал одним из *последних* (и *последним* из военачальников его уровня, кто еще рвался в бой после падения Перекопа и Юшуни!). «Зачем он туда поехал? Что его привлекало там? размышлял генерал Клодт. - Опасность, которой он подвергался, была очевидной; что же он рассчитывал получить взамен? Скромная роль "военспеца" едва ли могла его прельщать, он был слишком крупный человек, чтобы соблазниться такой "серой" будущностью...»

Единственное, казалось бы, чем *мог* «соблазниться» генерал Слащов, предпочтя «Совдепию» - «эмигрантщине», *могла* стать вывернутая большевиками идея «Единой Неделимой России», борьбы за «русские рубежи» (и Советскую власть) против мифической «интервенции» иностранных держав, в недружелюбии которых кто-кто, а уж белогвардейцы-то смогли убедиться на собственном опыте. Только это могло найти отклик у русского офицера, и только на этот «соблазн» и *мог* поддаться Яков Александрович.

Мог... но поддался ли?

Конечно, как и все Белые вожди, он был «единонеделимцем» и, как большинство белых, испытывал к союзникам по Антанте чувства, варьировавшиеся от сдержанной неприязни до яростной ненависти (к «предателям-французам»). Но кроме того и прежде того он был антикоммунистом, понимавшим, что хуже большевиков для России ничего быть не может. Ведь это он в 1920 году допускал идею «федерации с Украиной»; это он

стратегические планы кампании 1920 года развивал в направлении боевого сотрудничества с Польшей; это он весной того же 1920-го удовлетворенно объявлял в приказе поступившие с Дальнего Востока сведения, что «Япония начала энергичные наступления[73] своей армией»; наконец, это он, уже в Константинополе, вполне дружелюбно разговаривал с представителями английской разведки. Верность «Единой Неделимой» независимо от цвета флага над ней стала официальным объяснением поступка Слащова… но насколько это объяснение соответствовало истине?

А ведь существуют и другие факты, позволяющие утверждать, что незадолго до отъезда в РСФСР взгляды генерала Слащова оставались прежними. Так, Александр Вертинский слышал, как Яков Александрович «кричал, что Россию продали немцам». Артист, признававшийся: «Трудно было понять что-нибудь в этом потоке бешенства», - отнес реплику на счет «издевательств над германским происхождением Врангеля» (не немца, а шведа в довольно отдаленном поколении), но в устах Добровольческого офицера она имела смысл вполне однозначный: «немецкими наемниками» с начала и до конца войны именовались большевики…

И все-таки генерал в конце концов принял предложение советских эмиссаров в Константинополе об амнистии и отъезде в РСФСР.

Почему.

Для ответа на этот вопрос следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, пока ускользавшие от внимания тех, кто писал о «возвращении» генерала Слащова. Дело в том, что, помимо красной агентуры, на Якова Александровича стремились оказывать влияние и многочисленные сторонники идеи консолидации сил и сплочения вокруг Врангеля.

«…Кроме Врангеля и Слащова Армия никого не знает.

Других имен, могущих объединить и спаять изверившихся во всех и всем солдат, - нет…

Надо протянуть друг другу руки, и тогда Армии, страдающей на чужбине, хотя [бы] морально станет легче нести тяжелую страду изгнания», - писал автор анонимной брошюры «Ответ генералу Слащову-Крымскому», и его чувства разделяли, наверное, многие. Абсолютно лояльным к Главнокомандующему был Донской Атаман генерал А. П. Богаевский, общавшийся с Яковом Александровичем; офицеры Лейб-Гвардии Атаманского полка устраивали даже специальный обед, на котором старались убедить приглашенного Слащова в пагубности разжигаемой им вражды; к той же задаче был привлечен сербский посланник;

просил Врангеля использовать Слащова в совместной работе В. В. Шульгин. И особо отметим свидетельство генерала Н. В. Шинкаренко, в разное время бывшего подчиненным и Врангеля, и Слащова: незадолго до «возвращения» Слащов «устыдился, что ли, и выразил раскаяние» в выпуске своей книги. Сделать это он мог, например, во время личной встречи с Главнокомандующим.

Да, такая встреча была. Эти люди, казалось бы, окончательно разведенные по разные стороны пропасти, дважды встречались и беседовали перед неожиданным поступком Слащова, причем в обстановке если и не конспиративной, то по крайней мере исключающей широкую огласку. В РСФСР Слащов сначала пытался скрыть факт этих бесед, а в дальнейшем (возможно, уличенный) пробовал «легализовать» их, подавая дело так, будто не имел к организации встреч никакого отношения и последствий они не получили. А вот в этом позволено будет усомниться...

Причины сомнений изложим чуть ниже, пока же подытожим наши наблюдения над недолгим эмигрантским периодом биографии Слащова-Крымского: не имевший видимых серьезных причин для «возвращения», он принял предложение советской разведки как раз после улаживания конфликта с Врангелем (причем о том, что конфликт был исчерпан, знали немногие) и даже после двукратных встреч с Главнокомандующим. И вскоре супруги Слащовы, а с ними - четверо офицеров, в том числе полковник Мезерницкий, тайно сев на итальянский пароход, столь же тайно отплыли в Севастополь.

* * *

Конспирация требовалась хотя бы потому, что за деятельностью генерала Слащова в Константинополе пристально следила французская контрразведка: неприязнь Якова Александровича к французам, всемерно толкавшим Русскую Армию к распылению, ни для кого не была секретом. Настроения генерала разделялись значительным числом русских солдат и офицеров, причем именно тех, кто сохранял наибольшую непримиримость к большевизму - Галлиполийцев. Напряженность дошла до того, что создалась угроза ареста французами Главнокомандующего; в ответ размещенные в Галлиполи войска Кутепова изготовились к... походу на Константинополь.

Этот вполне реальный план (англо-французские оккупационные войска не смогли бы оказать серьезного сопротивления) подкреплялся еще и тем, что на турецкой политической сцене присутствовала сила, подходившая на роль

союзника русских в этом столкновении. Герой Великой войны М. Кемаль-паша стремился вывести страну из тяжелого положения, в котором она оказалась после капитуляции, и становился естественным противником победоносной Антанты. Сейчас он пользовался помощью большевиков, но, как «реальный политик»-прагматик, был готов к сотрудничеству со всеми, кто оказывался нужным в данный момент, и идея разбить альянс кемалистов с Советской Республикой отнюдь не выглядела нереальной. Пути к Кемалю искало и командование Русской Армии, и Слащов; с турецкой же стороны переговоры с Яковом Александровичем вел... а вот имя этого человека будет для нас вдвойне интересно.

Потому что человеком этим был тоже белогвардейский генерал, Султан-Келеч-Гирей, черкесский князь, оказавшийся у Кемаля как единоверец-магометанин. Этого уже хватило бы, чтобы привлечь к столь колоритной фигуре наше внимание, но существует и еще одно, гораздо более важное обстоятельство.

Немедленно после «возвращения» Слащову и его спутникам-офицерам, конечно, пришлось ответить на вопросы, поставленные перед ними Чрезвычайной Комиссией. Сразу заметим, что сведений о количественном и качественном составе Русской Армии Яков Александрович, как это видно из протокола, фактически не дал, да скорее всего точных данных не имел и сам; намного больше внимания он уделил характеристике лиц начальствующего состава.

Слащовым, Мезерницким и капитаном Б. Н. Войнаховским были перечислены генералы, якобы «разделяющие» их настроения и при определенных условиях даже «готовые к возвращению». И если о К. К. Агоеве, Г. Б. Андгуладзе и Г. А. Дубяго и их подлинных замыслах сложно что-либо сказать, кроме того, что они «возвращенцами» не стали и окончили свои дни в изгнании, оставаясь на вполне белогвардейских позициях и занимая заметные посты в воинских организациях, а А. П. Богаевский и С. Г. Улагай были даже близки к кругам, пытавшимся организовать на советской территории повстанческую борьбу, то остальные три фамилии, названные Слащовым и Войнаховским, просто повергают в недоумение.

Эти трое - уже известный нам Султан-Келеч-Гирей, Походный Атаман Кубанского Войска В. Г. Науменко и... бывший Донской Атаман П. Н. Краснов -как нельзя лучше проявили свое отношение к коммунизму в годы Второй мировой войны, сотрудничая с немцами. Нет ровным счетом никаких данных, которые позволили бы утверждать, что взгляды генералов претерпели за межвоенный период радикальные перемены, а неизменность позиции Краснова определенно

засвидетельствована его литературным творчеством. Размышляя же, зачем Слащову нужно было снабжать своих чекистских «собеседников» такой дезинформацией, стоит отметить, что практическим ее следствием могло стать, например, выведение на «сочувствующих» - советской агентуры за границей... А кому это было выгодно - понятно и без комментариев.

Обложка первого издания воспоминаний Я.А. Слащова «Крым в 1920 г.» (М., 1924)

После приезда в Советскую Республику Слащов выступил с обращением «к офицерам и солдатам армии Врангеля и беженцам», призывавшим их возвращаться и предостерегавшим от превращения в «наемников против своей родины, своего родного народа». Интересно сравнить это воззвание с заявлением Якова Александровича, опубликованным за границей уже после его

отъезда из Константинополя: «В настоящий момент я нахожусь на пути в Крым. Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать всех повстанцев, - бессмысленны. Внутри России революция окончена... Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять мой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

Какое странное письмо! «По-слащовски» сумбурное, оно свидетельствует в сущности лишь об одном: генерал прекрасно понимал, что отъездом в РСФСР он ставит под удар единственное, что у него оставалось, - солдатскую честь, и это мучило его и заставляло пытаться объяснить что-то, чего объяснять он не мог или не должен был. В процитированных строках нет уверенности человека, считающего, что его выбор правилен: они полны беспокойства и недоговоренности... И вряд ли Советская власть так уж звала белогвардейского полководца «защищать честь России». Тогда кто же его звал?

Столь же двойственное впечатление производит ответ на вопрос «какой партии сочувствуете» в советской анкете Слащова: формулировка «Сочувствую политике, проводимой в настоящий момент представителями партии большевиков» не позволяет отрешиться от мысли, что писавшему мучительно даже такое «исповедание веры»... Так следует ли удивляться, что все это только усугубляло недоверие к Слащову со стороны советского руководства? Что генерал, по его словам, «открыто вышедший в отставку и имеющий право поступить на ту службу, куда влечет его сердце», не мог никого убедить этими словами, ибо меньше года назад восклицал: «Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду, - она умереть не может и не должна!» - относя это к кутеповскому корпусу, стоявшему под ружьем в Галлиполи? Что его стремление занять строевую должность и получить таким образом в руки вооруженную силу просто обязано было насторожить большевиков вплоть до самых высших инстанций (вопрос обсуждался на заседании Политбюро)? И могло ли быть ответом что-либо иное, кроме «рекомендации» генералу Слащову обратиться к «писанию мемуаров за период борьбы с Советской Россией» и при этом «воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались»?..

Последнее, впрочем, вполне соответствовало настроениям самого генерала: уже к концу 1923 года он завершил воспоминания, отрывки из которых увидели свет в следующем году под заглавием «Крым в 1920 г.». Слащов так спешил, что не

только не удосуживался поверять свою память оставшимися в России документами, но и, кажется, даже не перечитывал написанного и уж во всяком случае не читал корректуры (книга получилась стилистически довольно неряшливой). Еще во время работы над воспоминаниями, с июля 1922 года он был назначен преподавателем тактики Стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА (курсы «Выстрел»).

* * *

Генерал тяготился службой на курсах. По свидетельству сослуживца, он «усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом... Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьезно готовился к отъезду». Одна из первых же аттестаций отмечает, что Яков Александрович «стремится уйти из школы («Выстрел». — *А. К.)* в строй, почему и чувствует себя свободно и независимо, мало интересуясь пребыванием в стенах школы», — в последней же (1928 год) говорится определенно: «...Рвется в строй и к работе стал относиться несколько небрежно... На Курсах работой интересоваться перестал». Однако то, что преподаватель тактики Слащов не испытывает никакого служебного энтузиазма в течение всех шести лет своей «педагогической» деятельности, отнюдь не мешает ему близко общаться со слушателями «Выстрела», задерживаясь после лекций, приходя по вечерам в общежитие, устраивая на своей квартире собрания преподавателей и слушателей...

Позднее бывший полковник-«военспец» С. Д. Харламов, не пользовавшийся симпатиями Слащова и в свою очередь относившийся к нему недоброжелательно, характеризовал эти собрания с некоторым презрением: «Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащова. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраиваются с политической целью: уж больно много водки там выпивалось». Но это свидетельство не выглядит убедительным хотя бы потому, что командование «Выстрела», тяготясь Белым генералом не меньше, чем он — своей службой, — несмотря на хвалебные аттестации, неоднократно настаивало на «изъятии» Якова Александровича с Курсов («принимая во внимание его политическое прошлое и одиозность фигуры»), но *ни разу* не попыталось сыграть на его «пьянстве».

В самом деле, прекрасный способ избавиться от нежелательного преподавателя — приписать «бытовое

разложение» или дурное влияние на слушателей - остался неиспользованным. Лишь в одной аттестации отмечалось, что Слащов «любит выпить», «хотя наружно заметить ничего было нельзя», да Харламов говорил, будто генерал ни много, ни мало - «спаивал» своих гостей. Только говорил-то он это... на допросе в ГПУ.

Как и многие другие бывшие офицеры, Харламов был арестован в 1931 году и дал показания, в том числе и о покойном уже Слащове. И вот что поразительно: если те, кто «пил чай с Брусиловым» или «ходил в гости к Снесареву», с легкостью квалифицировались как «заговорщики» и получали приговоры - от тюремного заключения до расстрела, - то участникам «попоек у Слащова» эти собрания, похоже, не инкриминировались: дурацкая отговорка -«все были пьяны и политикой заниматься не могли», - очевидно, найдя отклик в суровых чекистских душах, оказалась самой действенной, и простой факт общения с подозрительным генералом не стал в 1930-1931 годах ни для кого роковым.

А ведь подозрений у советских карательных органов хватало. Помимо «внепрограммного» общения с сослуживцами и слушателями, Яков Александрович имел немало других контактов, которые должны были настораживать. Неизвестно, знали ли чекисты, что один из давних соратников генерала разыскал его в Москве, а вскоре сумел бежать из РСФСР и продолжал переписку с ним уже из эмиграции, - нов Контрразведывательном отделе ОГПУ были уверены: «К такой личности, как Слащов, не могут не тянуться нити от эмигрантских центров либо от подпольно действующих белогвардейских организаций». И нити были - ведь не обычной же почтой отправлял Слащов письмо в Париж, содержащее слова: «Ты счастлив, что удрал отсюда. Будь проклят этот ад!..»

В свою очередь, и в Зарубежье Слащова не теряли из виду. Есть упоминание, что в 1922 году была даже предпринята попытка вытащить его из Советской Республики, но она не удалась. С другой стороны, определенные круги Белой эмиграции, похоже, считали генерала полезным на том месте, где он оказался. И пока готовит своих боевиков генерал Кутепов и собирает средства на борьбу генерал Врангель, - внутри СССР собираются офицерские кружки, тянутся «нити» в Зарубежье, о чем-то беседует с молодыми «краскомами» генерал Слащов и наведывается к нему старый однополчанин полковник В. В. Жерве, собирающий и, быть может, объединяющий офицеров-Финляндцев... Но на что могли все они рассчитывать?

Неизжитыми оставались надежды на появление нового «генерала Бонапарта», который взорвал бы советский режим

изнутри. Но и активность самого этого режима, бряцающего оружием на внешнеполитической арене, могла привести к переменам: развяжи большевики любой военный конфликт, все равно, под революционными или «геополитическими» (quasi-национальными) лозунгами, - и можно было бы надеяться на переброску сохранявшей еще свои структуры Русской Армии к границам СССР и открытие русско-советского фронта. А многим из разочаровавшихся в Советской власти внутри самой «Совдепии» такая ситуация и предоставила бы возможность для активных действий.

Но ничего этого, как мы знаем, не произошло. Слишком сильным оказался гнет мертвящей партийной системы, парализовавший волю политических деятелей советского режима (пройдет десять лет, и они перед лицом диких и бессмысленных обвинений будут уговаривать сами себя и друг друга «разоружиться перед партией») и наложивший отпечаток на тех «краскомов» и «военспецов», кто хотел играть до конца по предложенным правилам и делать карьеру там, где ее обеспечивало, и то не наверняка, лишь предельное самообезличивание и подмена профессиональных качеств рабской преданностью. Бонапарта не нашлось, а старые «спецы» и «возвращенцы» были слишком разобщены, многие из них — слишком подавлены и все - по существу бессильны. Любые попытки в этой ситуации становились самоубийственными.

* * *

«Каторжной» назвал жизнь Слащова в СССР генерал Клодт, и этот эпитет вполне соответствовал действительности. Тяжесть ситуации Яков Александрович должен был почувствовать в первые же месяцы, когда он находился в относительной изоляции; со временем расширился круг общения, среди слушателей курсов «Выстрел» Яков Александрович стал находить внимательных учеников, а может быть, и единомышленников, но не ослабевал гнет наблюдения и недоверия, в любой момент грозивший арестом. И если на попытку руководства курсов избавиться от «одиозной фигуры» Управление военно-учебных заведений и ответило отказом, то «окончательный вывод аттестации» - тот самый, с предложением «изъять», - начальник Управления И. Э. Якир «приказал объявить тов[арищу] Слащову»...

Скорее всего, Слащов чувствует, что над ним глумятся. «Пользуется авторитетом не только в стенах Курсов, но и вне

Курсов», — вынуждена признать аттестация, но это с лихвой компенсируется отношением командования. Весной 1928 года Якову Александровичу, кажется, определенно обещают должность начальника Штаба Тоцкого лагерного сбора, и назначение даже оформлено официально, но в конце мая вдруг оказывается, что должность занята; его собираются «направить в части на штабную должность», но реально это выливается лишь в отчисление с 1 ноября 1928 года «в распоряжение Главного Управления РККА». А вечером 11 января 1929-го наступила развязка...

«Убит Слащов.

Советское телеграфное агентство сообщает, что убит он каким-то Коленбергом, мстителем за своего брата, расстрелянного десять лет тому назад в Крыму по приказу Слащова.

Но кто верит большевикам и кто поверит их телеграфному агентству?»

Так писал самый авторитетный белоэмигрантский военный журнал «Часовой», и так думало большинство узнавших о гибели Слащова. «Генерала Крымского» убили чекисты, - считали по обе стороны советской границы. Прочие версии (белые в отместку за «измену», оскорбленные «краскомы», которых он назвал «идиотами») возникали и исчезали, прозвучав по одному-два раза; неубедительным выглядело и официальное заявление о «совершенно бесцельном, никому не нужном и политически неоправдываемом акте личной мести», тем более что внимательный наблюдатель мог заметить: появилось оно уже через день после убийства, а об аресте убийцы (мнимого или подлинного) сообщили только... еще два дня спустя.

Так открылось «дело» об убийстве генерала Слащова, и подобным же образом было оно закрыто: решение по докладу заместителя Председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды приняли 25 июня 1929 года на заседании Политбюро, и лишь на следующий день уполномоченный ОГПУ вынес заключение о «невменяемости» убийцы и прекращении следственного дела. Концы в воду, таким образом, прятало «само» Политбюро ЦК РКП(б)...

Но прятали явно неудачно. Можно ли поверить, что в ноябре - декабре 1928 года Слащов, вокруг которого сжималось кольцо, «изъятый» с Курсов и наверняка ощущавший непрочность своего положения, стал бы *давать на дому уроки тактики* (?!) незнакомому человеку, к тому же вообще не военнослужащему (Коленберг был демобилизован и числился в военизированной охране)? Именно так утверждали «документы» следствия, а для широкой публики был затем пущен другой рассказ, согласно которому убийца не только не был знаком с убитым, но и плохо

знал его в лицо, почему, заявившись к Слащову на квартиру (как будто домашние адреса белогвардейских генералов так уж были известны кому угодно!), счел необходимым удостовериться, переспросив, кто перед ним.

Больше внимания заслуживает версия, согласно которой Слащов был застрелен с улицы, через окно; примечательно, что она известна нам по трем источникам, не просто независимым друг от друга, но значительно разнесенным географически (СССР, Франция, США). Наиболее важным представляется «советское» свидетельство, гласящее, что через несколько лет после гибели генерала «старожилы» еще показывали то самое окно, через которое был убит Яков Александрович.

А это уже значительно меняет картину преступления. На смену недоразвитому (медицинское заключение) 25-летнему юнцу, дважды выгонявшемуся из армии и, может быть, действительно психически нездоровому, приходит хладнокровный и меткий стрелок, прекрасно знающий Слащова, наверное, не только в лицо, но и «со спины», и хорошо знакомый с внутренним расположением помещений в его квартире: без этого стрельба с улицы выглядит неправдоподобной.

Но почему же чекисты не решились «взять» белогвардейского генерала так же, как и до, и после этого они «брали» сотни и тысячи военных? «Они его боялись, зная его характер, - это несомненно», - писал об отношении большевиков к Слащову журнал «Часовой». Возможно, от генерала ожидали сопротивления (не потому ли, что он *знал,* за что его могут «брать»?); кроме того, арест мог подтолкнуть к действиям кого-то, неизвестного нам, - и более целесообразным представлялось уничтожить одним ударом того, к кому сходились «нити от эмигрантских центров и белогвардейских организаций». Конечно, все это лишь предположения, но подобрать иные мотивировки столь беспрецедентного «государственного теракта» против незаметного «бывшего преподавателя тактики» кажется еще более сложным.

Коленберга не осудили; судя по признанию его ненормальным, он мог быть направлен на «лечение», после чего сгинул. По одному и «в общем порядке» расправились с соратниками «генерала Крымского», приехавшими вместе с ним, и со многими из тех, кто был учеником или просто общался с Яковом Александровичем в Москве. При загадочных обстоятельствах еще в 1928 году скончался в Брюсселе генерал Врангель; в январе 1930-го был похищен чекистами из Парижа генерал Кутепов. Затерялись следы Нины Николаевны Слащовой — Слащовой-Крымской...

Концы в воду.

* * *

«Своего последнего слова Я[ков] А[лександрович] нам так и не сказал, - он унес его с собою в могилу», — писал П. А. Клодт. Но теперь, подводя черту под биографией генерала Слащова и снова и снова задумываясь о загадке ее последнего периода, вернемся к рассуждениям старого командира Финляндцев, в свое время сознательно оборванным нами на полу-фразе: «...Скромная роль "военспеца" едва ли могла его прельщать, он был слишком крупный человек, чтобы соблазниться такой "серой" будущностью. *И верится, что у него были другие, более широкие планы, и что эти планы были проникнуты тем же духом героизма, который был ему так свойствен*[74]. Он ошибся и заплатил за это своею жизнью. "Несть человека иже не согрешил", а та кошмарная обстановка, в которой ему приходилось работать, многое может извинить. В славный венок родного полка Я. А. Слащов вплел не мало новых лавров и имел все данные стать "большим человеком", а может быть и стал бы им еще, если бы услужливая пуля (несомненно чекистского происхождения) не пресекла его короткой бурной жизни».

Так писал человек, знавший Якова Александровича лучше многих; офицеры же, сражавшиеся под началом Слащова в Гражданскую войну, мыслили еще определеннее. «Офицеры эти, - отмечал современник в 1929 году, вскоре после гибели «генерала Крымского», - верят в чистоту намерений и честность Слащова и сейчас; многие из них не верят сведениям о расстреле Слащова большевиками; некоторые и сейчас уверены в том, что Слащов еще сыграет видную роль в освобождении России от красной нечисти!» Подобная уверенность должна была подогреваться опубликованной в парижской газете через неделю после убийства статьей, автор которой интриговал читателя: «Ведь может быть, Слащов и не убит, и это сообщение только очередная провокация!» — и таинственно присовокуплял: «Во всяком случае, о Слащове многого не скажешь...»

Неудачно составленная фраза (наверное, имелось в виду «нельзя многого сказать») подводит нас к ответу на вопрос, почему же, если догадки генерала Клодта были справедливы, в эмиграции не появилось публикаций, «реабилитировавших» покойного Слащова, на котором в глазах многих все-таки оставалось клеймо? Дело в том, что в 1930-е годы еще шла борьба, а открытое признание Якова Александровича «своим»

немедленно повлекло бы репрессии против всех, хотя бы соприкасавшихся с генералом в период его жизни в Москве: НКВД, как известно, не утруждал себя поиском основательных обвинений и в более надуманных случаях. А затем события Второй мировой войны и новые перемещения масс русских беженцев совсем отодвинули этот вопрос в тень, - и сегодняшние «побелевшие» авторы с высот своей скороспелой «белизны» небрежно судят «генерала-декадента», «генерала-возвращенца», «авантюриста» и едва ли не «изменника».

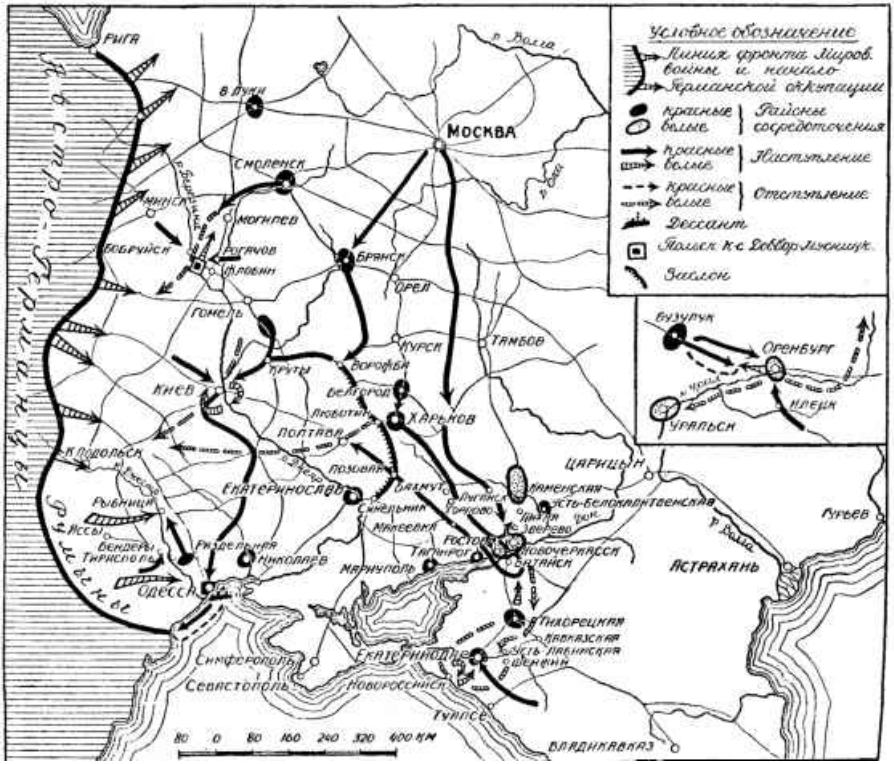
Мы тоже слишком долго бродили среди отрывочных свидетельств, зыбких предположений, неподтвержденных догадок. «Унесенное в могилу» последнее слово генерала Слащова-Крымского мучит своей недосказанностью и скорее всего так никогда и не станет с достоверностью известным. Напоследок же приведем написанные в 1930 году слова полковника Лейб-Гвардии Финляндского полка Б. В. Сергеева, чей родной брат и однополчанин остался в России и находился в поле зрения полковника В. В. Жерве, навещавшего, как мы помним, старых Финляндцев (в том числе и Слащова):

«Тревожное положение в России заставило ея нынешних поработителей поспешно разделаться с наиболее активными врагами советов, наиболее вероятными кандидатами в руководители антибольшевистского движения.

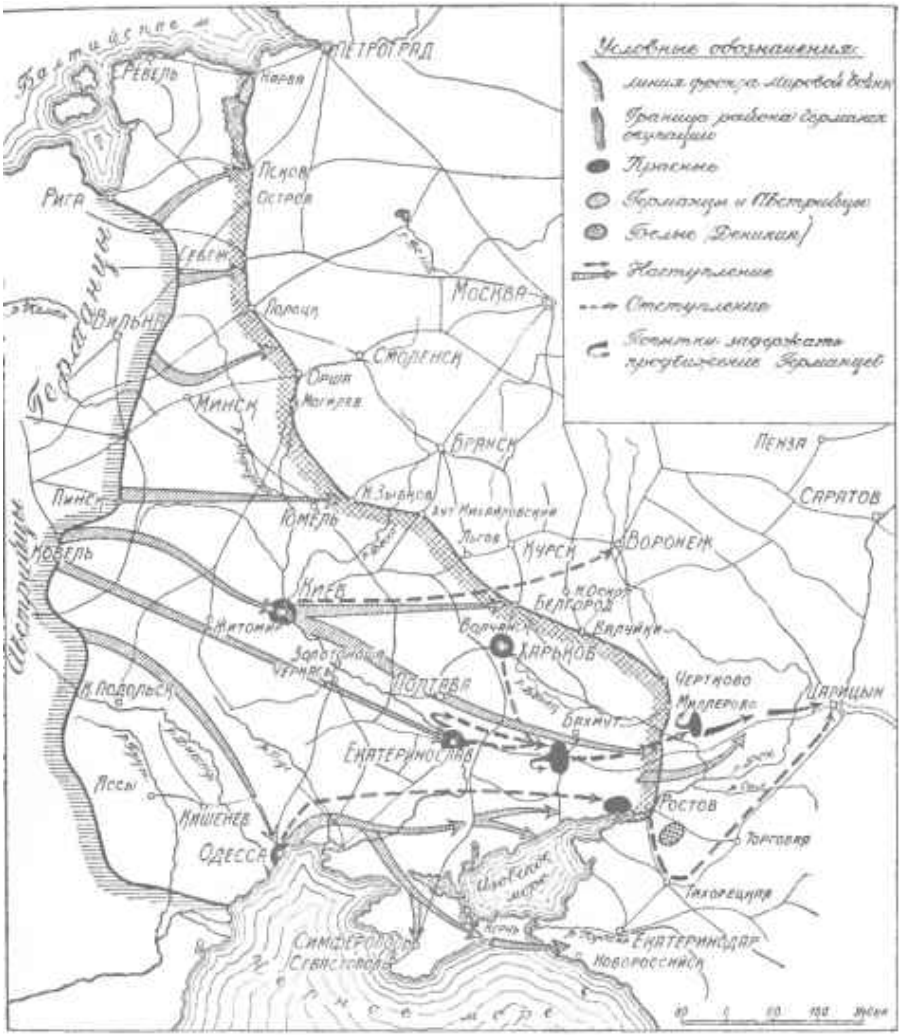
В Москве пал от руки убийцы ген[ерал] Слащов, - в Париже похищен ген[ерал] Кутепов...»

И этот вывод человека, который мог быть весьма хорошо информирован, наверное, достоин того, чтобы стать эпитафией генералу Слащову-Крымскому.

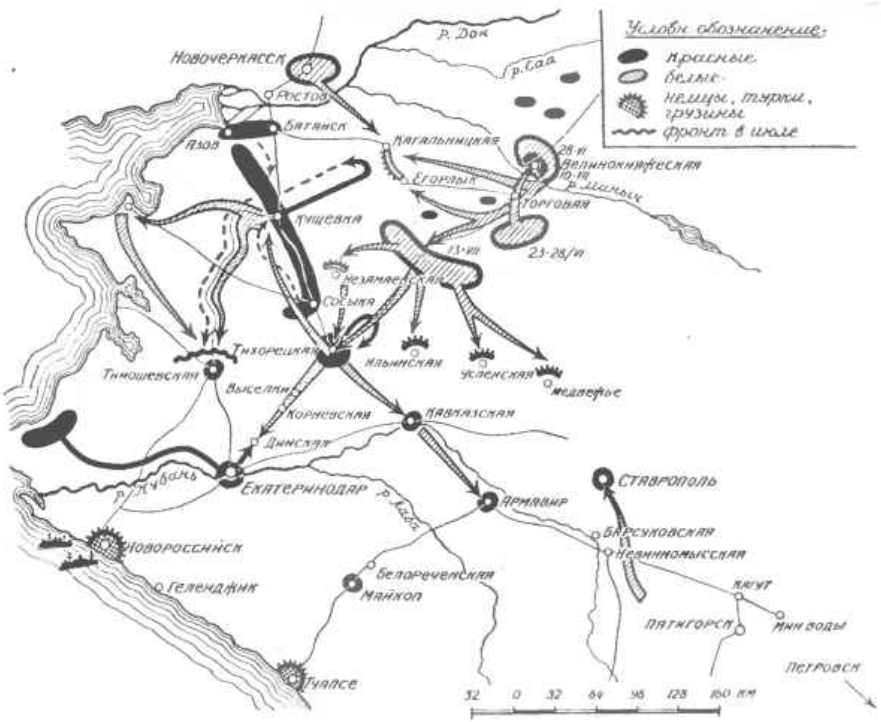
Если бы История была справедлива...



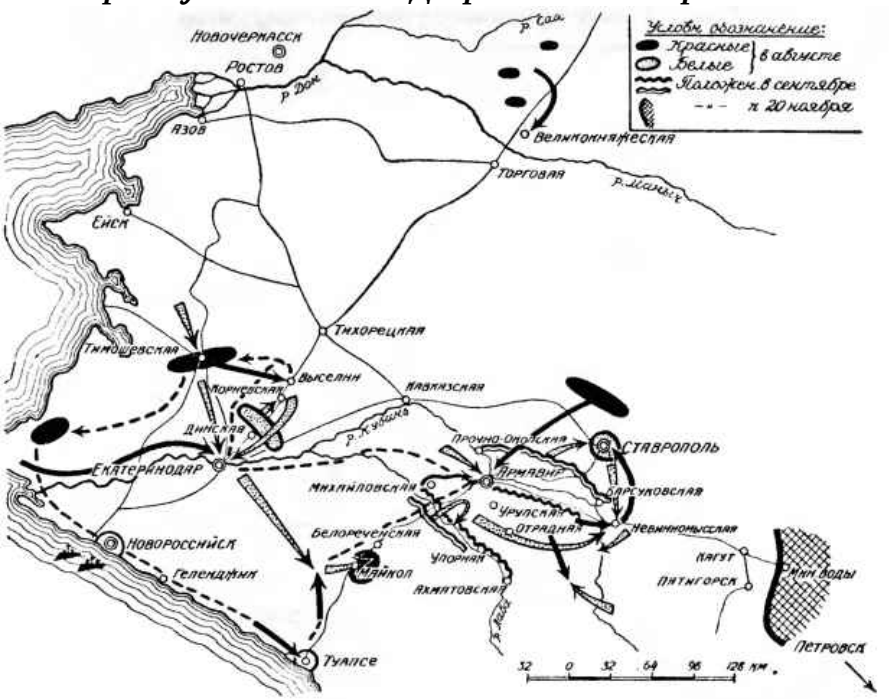
«Эшелонная война». 1917-1918 годы.



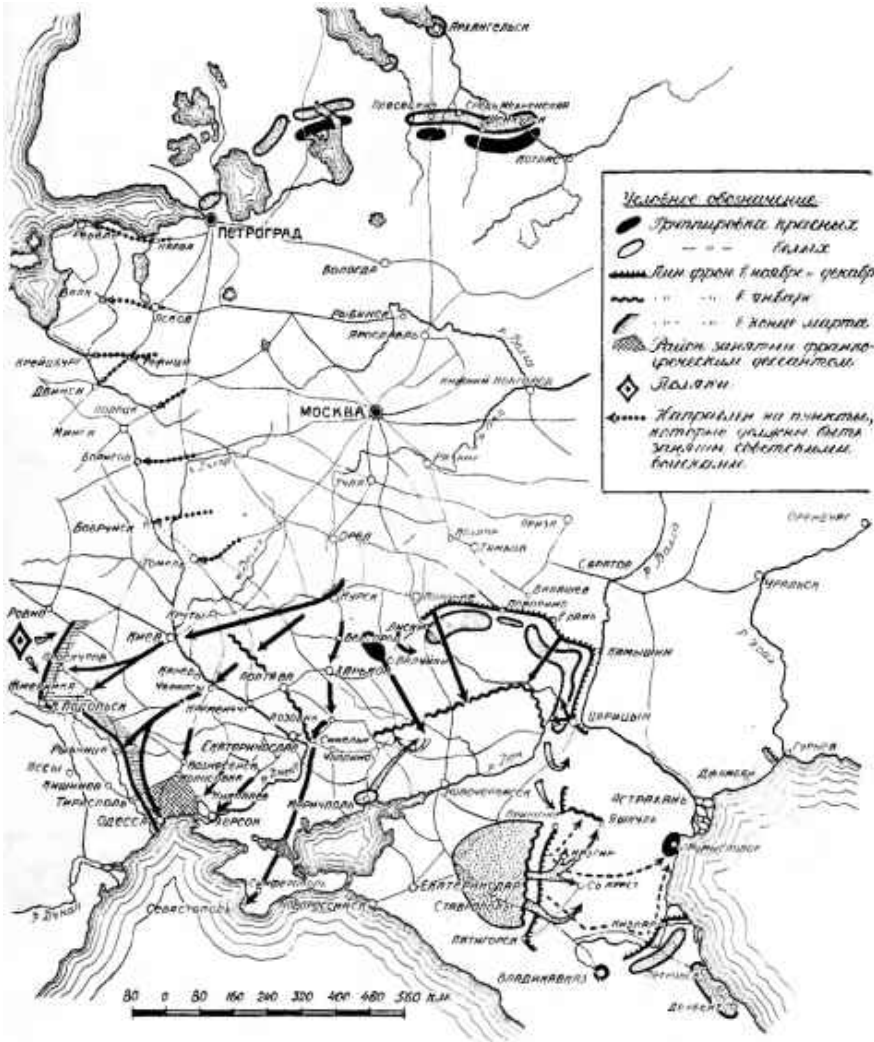
Наступление австро-германских войск. 1918 год.



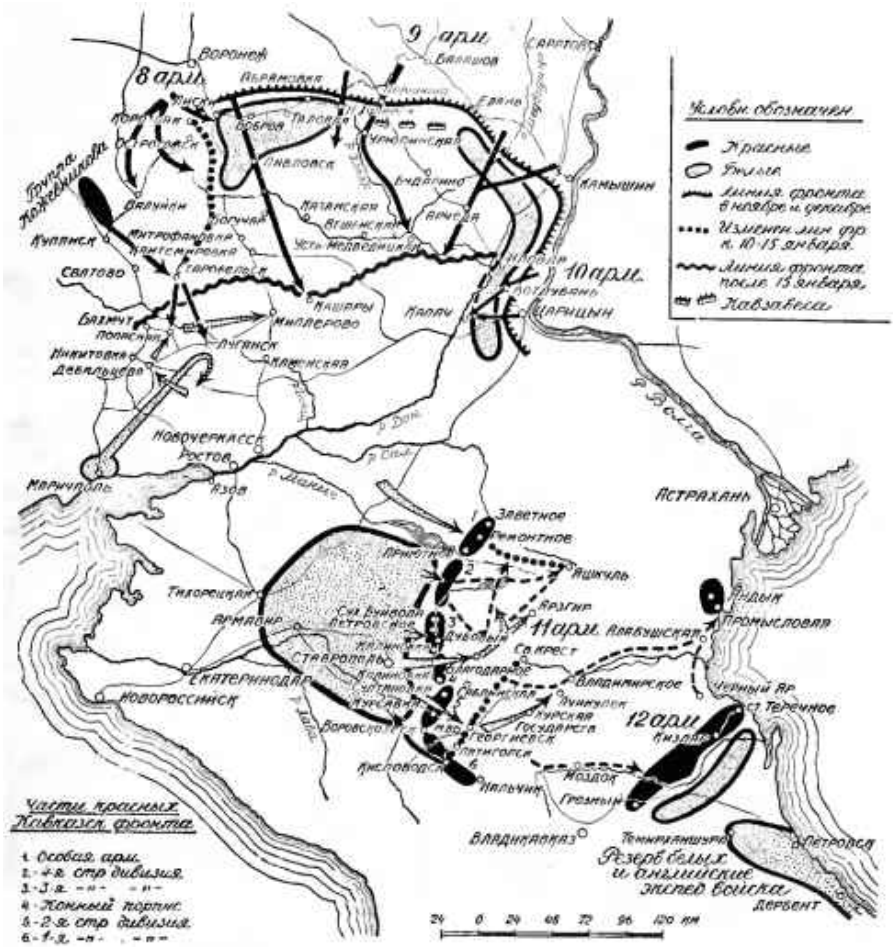
Второй Кубанский поход Добровольческой Армии. 1918 год.



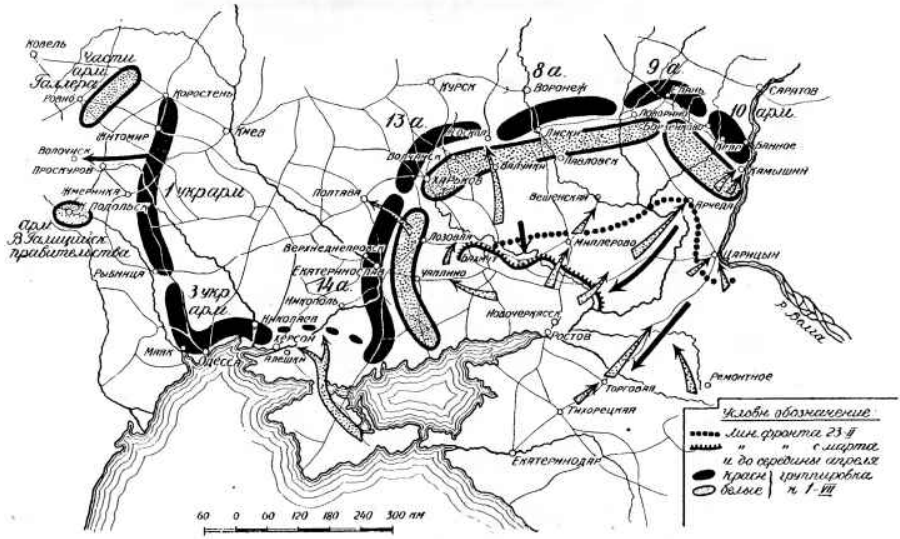
Бои на Северном Кавказе. 1918 год.



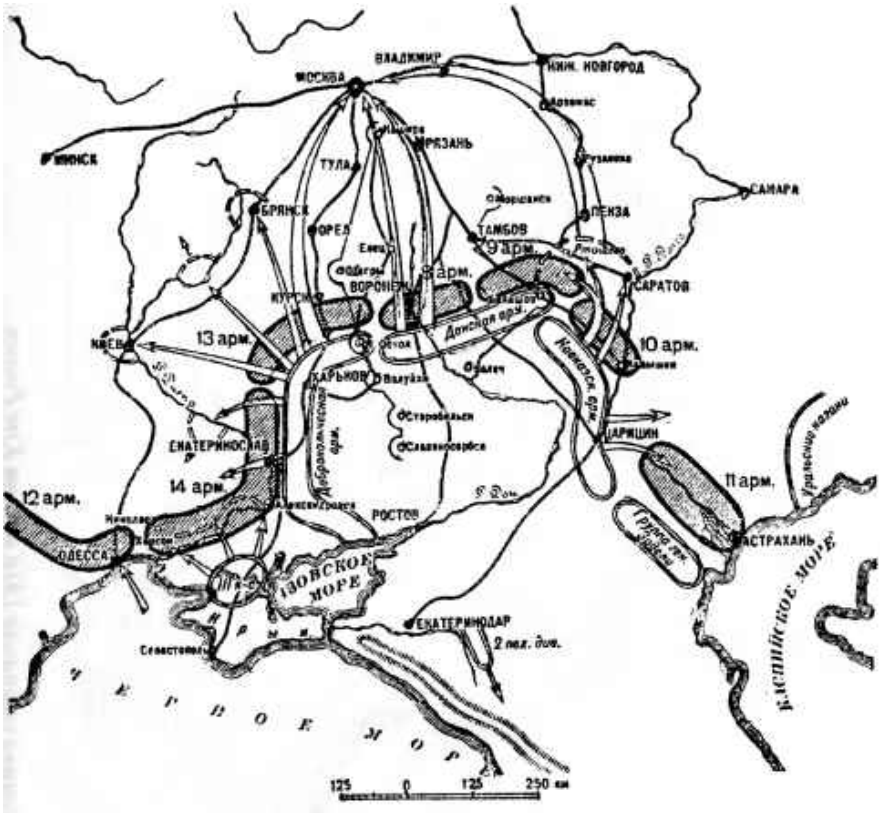
Зимняя кампания 1918-1919 гг. на Юге России.


8 арм.
9 арм.
10 арм.
11 арм.
12 арм.
Условн. обозначения
Красные
Белые
Линия фронта в ноябре и декабре
Изменен. лин. фр. к 10-15 января
Линия фронта после 15 января
Кавалерия
Части красных Кавказск. фронта
1. Особая арм.
2. 4-я стр. дивизия
3. 3-я -"- -"-
4. Конный корпус
5. 2-я стр. дивизия
6. 1-я -"- -"-
Резерв белых и английские экспед. войска
Воронеж
Царицын
Ростов
Новочеркасск
Екатеринодар
Новороссийск
Владикавказ
Астрахань
Петровск
Дербент
Ставрополь
Армавир
Минеральные Воды
Кисляр
Грозный
Нальчик
Пятигорск
Кисловодск
Невинномысская
Черный Яр
ст. Тереченое
Промысловая
Ашхабад
Ярыгин
Заветное
Тимашевская
Тихорецкая
Кавказская
Лабинская
Майкоп
Туапсе
Сочи
Сухум
Поти
Батум
Ардебиль
Тавриз
Энзели
Решт
Баку
Казалинск
Ташкент
Самарканд
Бухара
Ашхабад
Мерв
Красноводск
Форт Александровск
Гурьев
Уральск
Оренбург
Самара
Саратов
Камышин
Балашов
Лиски
Поворино
Миллерово
Лутугино
Алчевск
Краснодон
Каменск
Лихая
Зверево
Юзово
Дебальцево
Никитовка
Константиновка
Дружковка
Славянск
Бахмут
Попасная
Лисичанск
Северодонецк
Луганск
Ворошиловград
Веселогорск
Ляшары
Донец
Дон
Волга
Маныч
Сев. Донец
Чир
Медведица
Хопер
Бузулук
Иловля
Камышин
Сарепта
Елань
Урюпинск
Калач
Богучар
Купянск
Святогорск
Лозовая
Харьков
Изюм
Барвенково
Павлоград
Синельниково
Никополь
Александровск
Мариуполь
Азов
Таганрог
Керчь
Феодосия
Ялта
Севастополь
Евпатория
Симферополь
Джанкой
Перекоп
Каховка
Херсон
Николаев
Одесса
Тирасполь
Бендеры
Кишинев
Бельцы
Могилев-Подольский
Винница
Проскуров
Шепетовка
Житомир
Бердичев
Казатин
Фастов
Киев
Чернигов
Гомель
Брянск
Орел
Курск
Белгород
Обоянь
Сумы
Ахтырка
Полтава
Кременчуг
Знаменка
Умань
Гайсин
Жмеринка
Могилев
Смоленск
Вязьма
Ржев
Калуга
Тула
Рязань
Москва
Ярославль
Кострома
Нижний Новгород
Казань
Симбирск
Самара
Пенза
Саратов
Тамбов
Воронеж
Елец
Орел
Курск
Белгород
Харьков
Полтава
Кременчуг
Днепропетровск
Запорожье
Мелитополь
Бердянск
Таганрог
Ростов
Новочеркасск
Армавир
Невинномысская
Минеральные Воды
Кисляр
Грозный
Нальчик
Пятигорск
Кисловодск
Майкоп
Туапсе
Сочи
Сухум
Поти
Батум
Ардебиль
Тавриз
Энзели
Решт
Баку
Казалинск
Ташкент
Самарканд
Бухара
Ашхабад
Мерв
Красноводск
Форт Александровск
Гурьев
Уральск
Оренбург

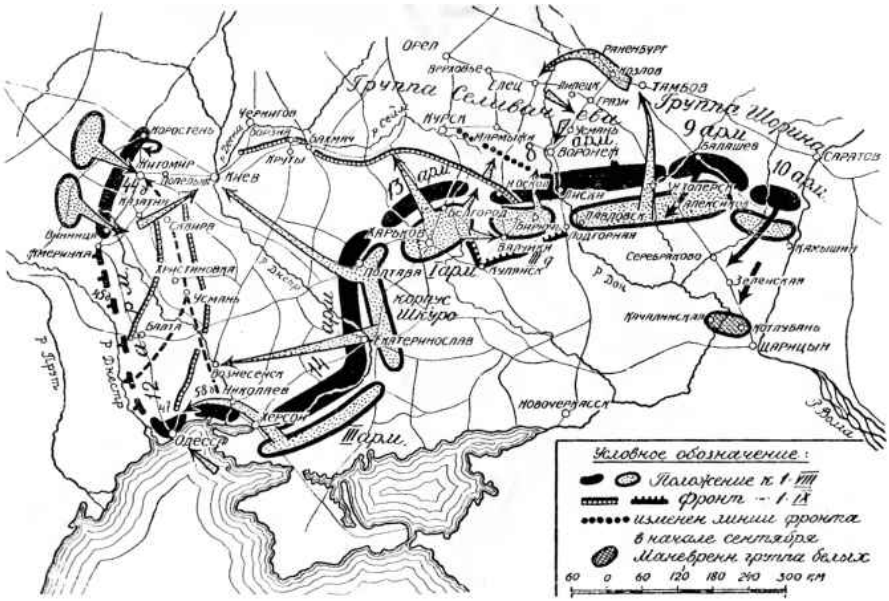
красных овладеть Донбассом (23 января - 5 мая 1919 года)



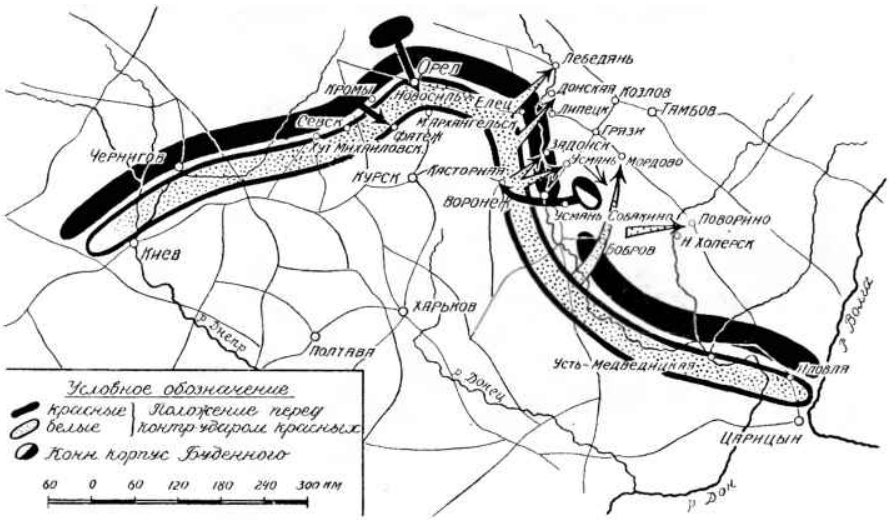
Боевые действия на Юге России весной-летом 1919 года.



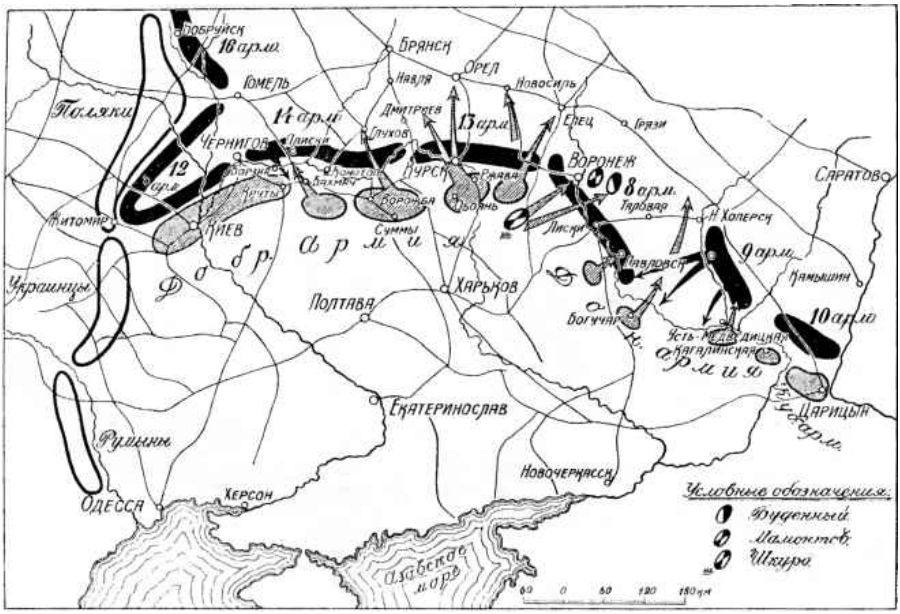
«Московская директива» генерала А.И. Деникина. 1919 год.



Осенняя кампания 1919 года на Юге России.

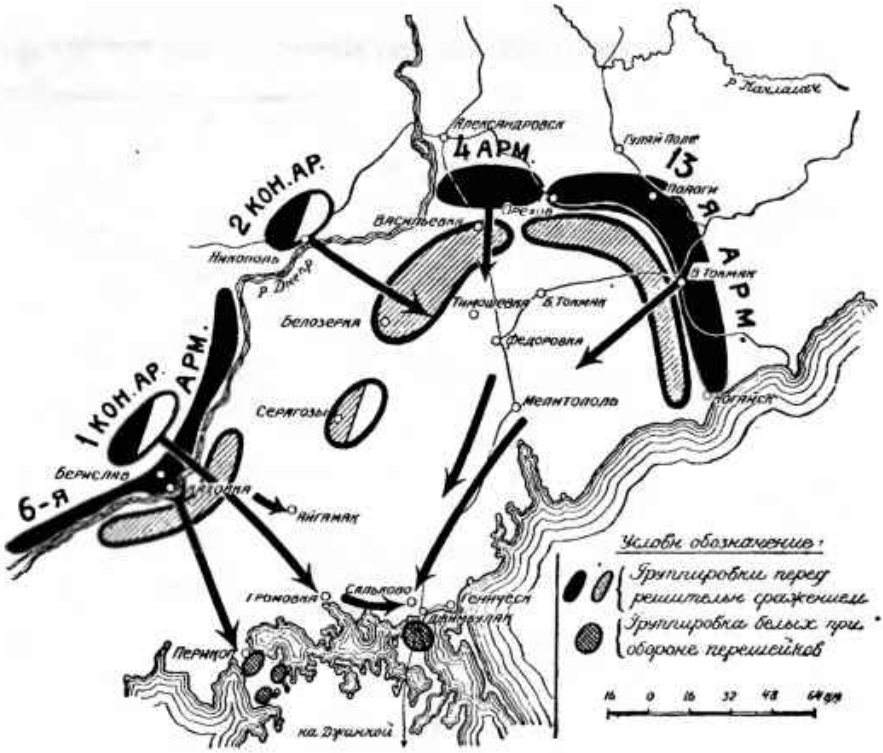


Наступление армий А.И. Деникина в сентябре и ноябре 1919 года.

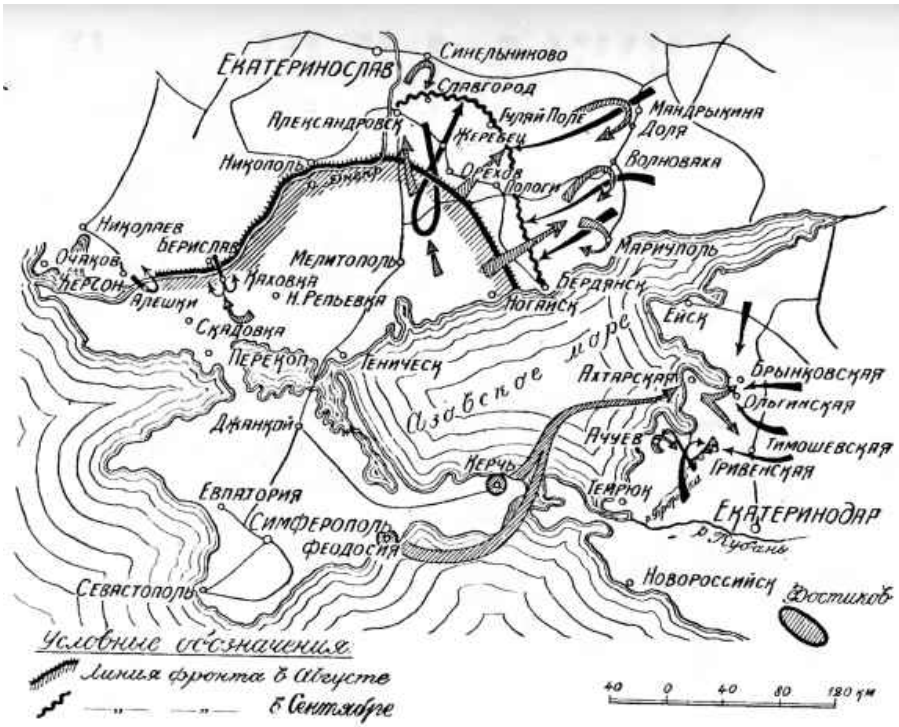


Генеральное сражение кампании 1919 года на Юге России.

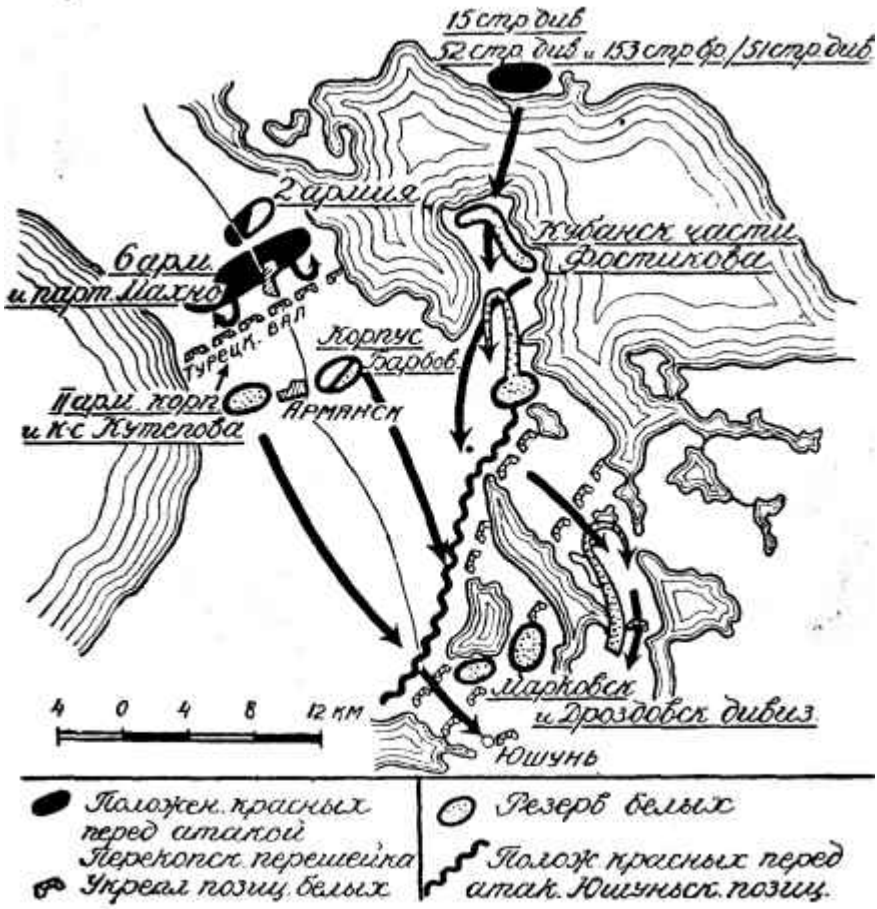
Линия фронта красных в октябре 1920 года и группировка сил П.Н. Врангеля.



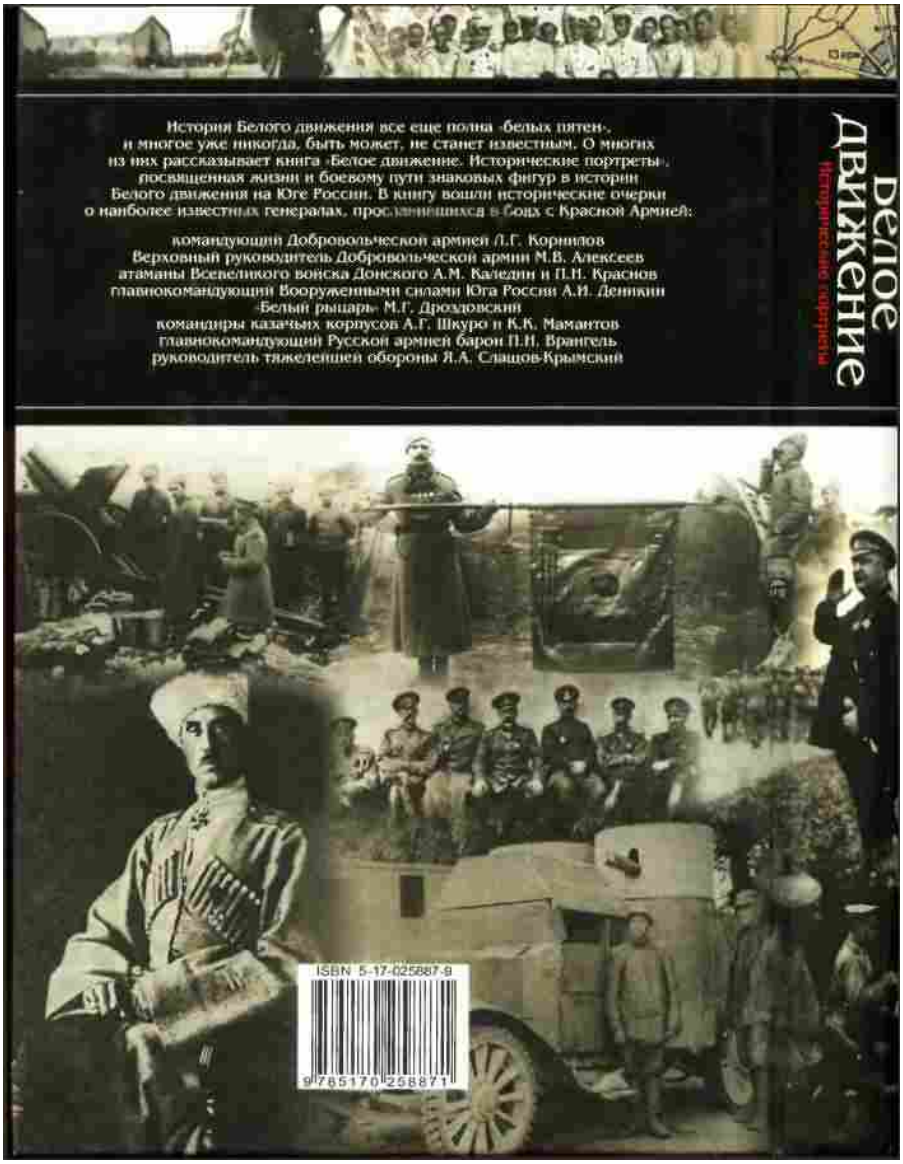
Группировка красных перед решающим наступлением в Северной Таврии, октябрь 1920 года.



Линия фронта в августе, сентябре и первых числах октября 1920 года.



Атака Перекопского перешейка.


Белое движение
Исторические портреты
История Белого движения все еще полна «белых пятен», и многое уже никогда, быть может, не станет известным. О многих из них рассказывает книга «Белое движение. Исторические портреты», посвященная жизни и боевому пути знаковых фигур в истории Белого движения на Юге России. В книгу вошли исторические очерки о наиболее известных генералах, прославившихся в боях с Красной Армией:
командующий Добровольческой армией Л.Г. Корнилов
Верховный руководитель Добровольческой армии М.В. Алексеев
атаманы Всевеликого войска Донского А.М. Каледин и П.Н. Краснов
главнокомандующий Вооруженными силами Юга России А.И. Деникин
«Белый рыцарь» М.Г. Дроздовский
командиры казачьих корпусов А.Г. Шкуро и К.К. Мамантов
главнокомандующий Русской армией барон П.Н. Врангель
руководитель тяжелейшей обороны Я.А. Слащов-Крымский
ISBN 5-17-025887-9
9 785170 258871

notes

1

Самостоятельной проблемой становится календарный стиль. В тех случаях, где он специально не оговаривается, мы употребляем «старый» (юлианский) - когда речь идет о событиях дореволюционных и происходивших на Белом Юге (где был принят именно этот календарь) по «врангелевскую эвакуацию» 3 (16) ноября 1920 года включительно; для остальных регионов России и зарубежья, начиная с 1 (14) февраля 1918 года, используется «новый» (григорианский). - А. К.

2

Формально Главнокомандующим армиями Румынского фронта считался Король Румынии. — Е. К.

3

Кисмет (тюрк.) - судьба, рок, фатум. - Е. К.

4

Так в первоисточнике. По изложению Хаджиева получается, что генерал Казанович как бы два раза подходит к телу Корнилова. - Е. К.

5

Это явная ошибка: французский орден Почетного Легиона носится на ленте красного цвета; зелено-красная ленточка - у французского Военного Креста. - Е. К.

6

В таком виде текст песни был опубликован ее автором, капитаном А. П. Кривошеевым, в сборнике своих стихотворений, вышедшем в Ростове-на-Дону в 1919 году. Позднее появился вариант: «Русь могучую жалеем, Нам она кумир...» — Е. К.

Все подчеркивания - М. В. Алексеева. - А. К.

Разрядка М. В. Алексеева. - А К.

Курсив первоисточника. - А. К.

10

Так в первоисточнике. - А. К.

Разрядка М. В. Алексеева. - А. К.

12

Ознакомившись позже с этим документом, М. В. Алексеев написал на нем: «Много перепутано из моих слов», - но что конкретно, не отметил. В любом случае, общее настроение беседы отчет должен передавать. - А. К.

13

Подчеркнуто в первоисточнике. - А. К.

Курсив наш. - А. К.

15

Подчеркнем, что само по себе понятие диктатуры далеко не предполагает непременного установления террористического или тоталитарного режима, с чем его обычно связывает недобросовестная либеральная или социалистическая риторика. - А. К.

16

В последнее время начинает получать распространение формулировка «граф Келлер отказался от сомнительной чести служить в Добровольческой Армии». На самом же деле, не найдя своего места в активной борьбе с большевизмом, что явилось его глубокой личной трагедией, - старый воин, будучи искренним и горячим патриотом, прекрасно понимал великую роль, которую играли в защите чести России Добровольческая Армия и ее доблестные вожди. Не случайно, приступая позже к организации Северной Армии, он обратился к Деникину за санкцией на это формирование, а вступив в декабре 1918 года в командование «всеми вооруженными силами на территории Украины», в своем приказе назвал Добровольческую Армию первой среди «сил, стремящихся к воссозданию России». Честь находиться с нею в одном ряду отнюдь не была для графа Келлера «сомнительной».- А. К.

17

Курсив наш. - А. К.

Подчеркнуто М. В. Алексеевым. — А. К.

Всюду в цитате - разрядка А. И. Деникина. - А. К.

20

В литературе существует несколько вариантов родословной Калединых. Мы основываемся здесь на подлинных документах, хотя и наши сведения, скорее всего, являются неполными. - А. К.

21

Братья Борис, Гурий и Лев Панаевы - офицеры 12-го гусарского Ахтырского полка, в рядах которого доблестно сражались и один за другим погибли. -А. К.

Возможно, сам автор рассказа, полковник А. Гущин. - А. К.

23

Несмотря на свое бунтарство, Голубов вскоре был произведен в следующий чин - войскового старшины - и с гордостью надел новые погоны. - А. К.

Так в первоисточнике. - А. К.

25

Анахронизм: это название официально появится лишь после Рождества 1917 года. - А. К.

Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного профсоюза. - А. К.

27

Мемуарист несколько путается в датах и событиях, но несомненна привязка этого эпизода к получению первых известий из Ростова. – А. К.

28

Слово «товарищ», обиходное на митингах и в левой печати в течение 1917 и последующих лет, в офицерских устах приобретало характер окрашенной ненавистью клички — ср. у Зинаиды Гиппиус: «Тем зверьем, что зовутся "товарищи", Изничтожена наша земля...» - А. К.

Курсив А. И. Деникина. - А. К.

В документе - «от этого». - А. К.

31

Так в первоисточнике. - А. К.

32

В захваченном Новочеркасске Голубов будет искренне пытаться сделать все, чтобы не допустить террора и кровопролития, рассорится на этой почве с большевиками и бросится по станицам поднимать казаков на восстание. Но веры ему уже не было, и на одном из митингов «ватажник», неудачливый «красный Атаман» был застрелен. - А. К.

33

Могло быть «Многоуважаемый Михаил Васильевич», «Милостивый государь...», «Ваше Высокопревосходительство» (официально), но никогда - по фамилии и чину! - А. К.

34

После смерти генерала М. В. Алексеева Деникин стал именоваться Главнокомандующим Добровольческой Армией, а после заключения договора о подчинении ему Донской Армии - Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. - Ю. Т.

35

Впоследствии хутор выделится в отдельную станицу и свои «Открытые письма к казакам» в 1920-е годы бывший Атаман будет подписывать: «Петр Краснов, казак станицы Каргинской». - А. М.

Состояла из старших кадет - учащихся 6-го и 7-го классов - юношей 16-17 лет. - А. М.

37

Кавказскими татарами в Российской Империи называли азербайджанцев. - А. М.

38

Так в первоисточнике. Видимо, следует читать «показатель». - А. М.

39

Генерал Яков Петрович Бакланов - легендарный герой Кавказских войн 1817-1864 годов. На его личном значке была вышита Адамова голова со скрещенными костями и надпись: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь». Баклановский значок был закреплен за 17-м Донским казачьим полком, получившим вечное шефство генерала. - А. М.

Разрядка П. Н. Краснова. - А. М.

41

Согласно этим статьям устанавливался флаг Всевеликого Войска Донского из трех горизонтальных полос: синей, желтой и алой, обозначавших донских казаков, калмыков и русских, проживавших в области. Восстанавливалась старая печать и герб Войска - голый казак, сидящий в папахе, при ружье и сабле на винной бочке, что дало повод острым языкам «переименовывать» Войско из «Всевеликого» во «Всевеселое». Народным гимном признавалась песня «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон». - А. М.

42

В своей работе «Всевеликое Войско Донское» П. Н. Краснов всюду говорит о себе в третьем лице («Атаман»). - А. М.

Разрядка П. Н. Краснова. - А. М.

44

Символ Атаманской власти, род булавы; аналог скипетра в монархиях. -А. М.

Выделено П. Н. Красновым. - А. М.

Курсив первоисточника. - Р. А.

Названы наиболее известные и выдающиеся преподаватели. Общее число их было, конечно, значительно больше. - Р. А.

48

Так насмешливо называли служащих Земского Союза, носивших форму, напоминающую офицерскую, и вообще старавшихся, несмотря на свою глубоко тыловую службу, подражать офицерам. - Р. А.

49

Илоты - в Спарте (Древняя Греция) бесправное сословие, по своему положению близкое к рабам. В устах Дроздовцев этот термин звучал иронически. - Р. А.

Разрядка первоисточника. - Р. А.

51

Деникин вспоминал, что был ознакомлен с текстом рапорта, и самовольный поступок Романовского имел целью сгладить конфликт начальника дивизии с Командующим Армией, перенося возмущение Дроздовского на начальника Штаба. - Р. А.

52

Денежные знаки, выпущенные соответственно Временным Правительством А. Ф. Керенского и Советской властью (последние - с подписью управляющего Государственным Банком Ю. Пятакова). - В. Ц.

Курсив наш. - В. Ц.

Формально дивизия еще не считалась сформированной, хотя разворачивание в трехполковой состав уже произошло. - Р. А.

55

В этой характеристике много странного. Казалось бы, воинские чины, сбегающие из своих частей, чтобы оказаться на острие главного удара, или «в другое время» (в резерве? в отпуске? - в любом случае, по смыслу не в бою) «считающие себя больными», должны были представлять собой неплохой боевой элемент. Обращаясь к подобным мемуарам, следует помнить, что писались они, естественно, уже после поражения, когда хочется найти виновных и желательно «со стороны». - Сост.

То есть инвалидов, принадлежащих к той или иной «категории», которая определяла степень непригодности к службе. - Р. А.

57

По другим источникам, речь шла о казни захваченных большевицких подпольщиков. - Р. А.

За время его обучения там Академия поменяет название, став «Императорской Николаевской Военной Академией». - А. К.

59

Настоящая фамилия прославленного впоследствии Белого генерала (ударение на последнем слоге). Более известный вариант «Шкуро» был принят летом 1918 года им самим для благозвучия; в дальнейшем будем употреблять его и мы. - А. К.

Курсив наш. - А. К.

Слащов носил черкеску, будучи зачислен в Кубанское и Терское Казачьи Войска в воздаяние заслуг по поднятию восстаний и освобождению обеих Областей от большевиков. Подобные «зачисления в списки» нередко являлись лишь актом вежливости, но Яков Александрович действительно оставил по себе хорошую память у казаков: энтузиазм его бывших подчиненных принимал даже совершенно незаконные формы, и современник - трудно сказать, с осуждением или удовлетворением, - упоминал «казаков, самовольно пробирающихся в 5-ю Дивизию за Полковником Слащовым».- А. К.

62

Этим расплывчатым термином, объединявшим все ту же 4-ю пехотную дивизию и несколько отдельных полков, назывался теперь бывший 3-й корпус (ни бригада Склярова, ни отряд Оссовского в состав войск Новороссии не входили). – А. К.

63

Исходящий номер телеграммы Штаба войск, содержащей распоряжение продолжать преследование махновцев. Слово «телеграмма» в оперативной переписке могло опускаться - ср. ниже «№ 750». - А. К.

Курсив наш. - А. К.

Это не было пустым маскарадом: «юнкер Нечволодов», выполняя боевые приказы, рисковала жизнью и была ранена. Генерал вообще не щадил не только себя, но и своих близких; видимо, из-за этого распался его брак с Софией Владимировной («со своей женой развелся "в 27 часов" за то, что она не захотела остаться в Крыму», - записал о Слащове в дневнике генерал А. П. Богаевский). С Н. Н. Нечволодовой Яков Александрович обвенчался в июле 1920 года.- А. К.

66

«Обращался он к ним не по-старому: "Здорово, молодцы!", а "Здорово, братья", - вспоминал Митрополит Вениамин (Федченков), в 1920 году Епископ Севастопольский. — Это была новость и очень отрадная и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к "серому солдату". И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и в воду».-А. К.

67

Так в документе. По смыслу возможно чтение «...и один». - А. К.

Так в первоисточнике. - А. К.

Разрядка Я. А. Слащова. - А. К.

Государственный переворот (франц.).

71

Мы ставим слово «возвращение» в кавычки, ибо генерал Слащов не мог вернуться в страну, в которой он никогда не жил до этого. Он уезжал не из РСФСР, а из России, а это были два разных государства. - А. К.

72

Неточная цитата из Евангелия: «Претерпевый же до конца, той спасен будет» (Мк. 13:13). - А. К.

Так в первоисточнике. - А. К.

Курсив наш. - А. К.